

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HL 1PK& I

III $\frac{5}{4}$ A7
Samokrasov, D.
Istor. russk. prava. T. 1.

HARVARD LAW LIBRARY

Received SEP 29 1931

Д. САМОКВАСОВЪ.

ИСТОРИЯ
РУССКАГО ПРАВА.

39361

ТОМЪ I.

НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКАГО БЫТА
ДРЕВНЕРУССКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Выпускъ 1.

Литература. Источники. Методы ученой разработки источниковъ.

ВАРШАВА.

Въ Типографіи М. Земкевича и В. Нолковскаго.
Краковское-Предмѣстье N. 15.

1878.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ, Тайный Совѣтникъ Н. Благовѣщенскій.

SEP 29 1931

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наука Исторія Русскаго Права имѣетъ своею задачею изученіе содержанія, причинъ и условій происхожденія и развитія политико-юридическихъ отношеній русскаго народа, съ цѣлью опредѣлить общіе законы или начала его политическаго существованія.

Средствами для достиженія сказанной цѣли являются памятники политико-юридическихъ отношеній русскаго народа и его современный бытъ. Къ памятникамъ принадлежатъ: памятники вещественные: древнія могилы, остатки древнихъ селитьбъ, монеты, гербы, знамена и пр.; отечественныя лѣтописи, сообщающія указанія на древніе обычаи русскаго народа и политическія событія древней Россіи; сказанія иностранныхъ писателей о бытѣ и нравахъ русскаго народа; договоры русскаго народа съ древними князьями и сосѣдними государствами и договоры князей между собою; политическія и юридическія постановленія древнихъ народныхъ вѣчевыхъ собраній; политическія и юридическія постановленія русскихъ князей, царей и императоровъ, — представителей политической власти въ Россіи; постановленія церкви; акты частныхъ лицъ: договоры духовныя, раздѣльныя и пр.; различные виды сборниковъ обычнаго права русскаго народа, какъ въ прошедшемъ такъ и въ настоящемъ. Различные виды поименованныхъ памятниковъ дошли до нашего времени отъ различныхъ временъ, какъ въ отдѣльности такъ

и въ частныхъ и официальныхъ сборникахъ и изданные въ новѣйшее время правительствомъ и частными лицами они предоставляютъ собою въ распоряженіе ученаго историка-юриста настоящаго времени богатѣйшій матеріалъ по вопросу о происхожденіи, развитіи и содержаніи политико-юридическихъ отношеній русскаго народа.

Изученіе историческихъ памятниковъ представляетъ намъ въ началѣ народы, составившіе впоследствии русскій народъ, и землю, составившую позже русскую территорію, раздѣленными на независимыя другъ отъ друга части, политическіе союзы, основанные на демократическихъ началахъ, при отсутствіи общей политической власти и общей системы юридическихъ правилъ. Крѣпость этихъ союзовъ основывается на мѣстныхъ племенныхъ обычаяхъ. Затѣмъ, мы замѣчаемъ постепенное соединеніе славянскихъ земель и племенъ въ общій политическій союзъ подъ властію князей Рюрикава дома; замѣчаемъ продолжительную борьбу двухъ началъ въ политической организаціи русскаго народа: стараго—демократическаго и новаго—монархическаго. Подчиненіе славянорусскихъ племенъ власти князей Рюрикава дома повлекло за собою подчиненіе ихъ распоряженіямъ этой власти, а введеніе христіанства влечетъ за собою введеніе писаннаго законодательства. Такимъ образомъ, рядомъ съ народными обычаями, зарождается система постановленій верховной власти; возникаетъ писанная русская правда въ смыслѣ закона. Паденіемъ Новгородъ, Пскова и Вятки закончивается періодъ борьбы древнихъ началъ съ новыми въ политической жизни древнерусскаго общества. Великіе князья московскіе скрѣпили русскій политическій союзъ, стянули древнія княжества и народоправства къ одному центру; прежняя разрозненность уступила мѣсто единству. Политическая власть удѣльныхъ князей и сѣверныхъ народоправствъ сосредоточилась въ лицѣ московскаго государя;

древнія вѣча въ разныхъ городахъ смѣнились земскими соборами въ Москвѣ. Къ XVI столѣтію, можно сказать, сложилось Русское Государство изъ многихъ государствъ древнѣйшаго періода; періодъ образованія Русскаго Государства окончивается и начинается періодъ его историческаго развитія. Въ послѣднемъ мы замѣчаемъ два направленія различнаго времени: эпоху преобладанія старыхъ началъ въ политико-юридическихъ отношеніяхъ русскаго народа и эпоху господства новыхъ началъ,—эпоху преобразованій въ направленіи началъ, заимствованныхъ изъ политико-юридическаго устройства обществъ западной Европы. Къ первому направленію относятся начала Судебниковъ 1497 и 1550 годовъ и Уложенія 1649 года; ко второму направленію относятся начала законодательныхъ преобразованій со времени Петра Великаго по настоящее время.

На основаніи сказаннаго, изложеніе Исторіи Русскаго Права можетъ быть раздѣлено на два періода: періодъ образованія Русскаго Государства и періодъ его историческаго развитія. Содержаніе перваго періода должно составить изученіе элементовъ и условій образованія Русскаго государства и русскаго права; содержаніе втораго—изученіе элементовъ, условій и причинъ ихъ дальнѣйшаго существованія и развитія.

Каждый изъ сказанныхъ періодовъ можетъ быть подраздѣленъ на два отдѣленія: въ первомъ отдѣленіи перваго періода должны быть изучаемы политико-юридическія отношенія славянорусскихъ народовъ до времени призванія Рюрика; во второмъ отдѣленіи должны быть изучаемы причины образованія власти князей Рюрикова дома, характеръ этой власти, политическія и частныя отношенія русскаго народа въ эпоху рюриковичей. Содержаніе перваго отдѣленія втораго періода должно составить изложеніе русскаго права эпохи Судебниковъ В. К. Ивана Васильевича III, В. К. и Ц. Ивана Васильевича IV и Уложенія Ц. и В. К. Але-

кся Михайловича; содержаніе втораго отдѣленія втораго періода должно составить изложеніе права русскаго народа эпохи реформъ прошедшаго столѣтія и настоящаго времени.

Первый томъ нашихъ изслѣдованій будетъ посвященъ первому отдѣленію перваго періода Исторіи Русскаго Права.

Предлагаемый первый выпускъ перваго тома предположенной нами Исторіи Русскаго Права имѣетъ преимущественно критическую задачу по отношенію къ литературѣ и источникамъ по древнѣйшему періоду нашей исторіи. Его содержаніе и направленіе обусловлены и вызваны слѣдующими обстоятельствами.

Ученая разработка древнѣйшаго періода русской исторіи и исторіи русскаго права начинается въ эпоху Петра Великаго. Съ того времени проходитъ болѣе семидесяти лѣтъ и знаменитый Шлецеръ объявляетъ ученому міру начала нашего столѣтія, что „все до сихъ поръ въ Россіи напечатанное по древнѣйшему періоду русской исторіи ощутительно дурно, недостаточно и невѣрно.“

Съ того времени проходитъ тридцать лѣтъ и извѣстный профессоръ Московскаго Университета Каченовскій заявляетъ, что выводы научныхъ изысканій, произведенныхъ до того времени по вопросу о происхожденіи русскаго государства „лишены всякой вѣроятности, баснословны.“

Проходитъ еще тридцать лѣтъ и извѣстный нашъ ученый критикъ-публицистъ К. Д. Кавелинъ слѣдующими словами характеризуетъ состояніе научной разработки русской исторіи: „ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину..... писано, если хотите, довольно, даже гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобъ не прывести ни къ какимъ результатамъ; но всѣ изслѣдованія поражаютъ какою-то безцвѣтностію, безхарактерностію, случайностію выбора; вопросы существенные, важные оставлены въ сторонѣ, мѣлочи поглотили все вниманіе... Въ чемъ же

состояло наше развитіе до XVIII вѣка? Какой смыслъ его? Какое его движущее начало? Вотъ тайна, до сихъ поръ еще никѣмъ не разгаданная! Множество „взглядовъ“ на русскую исторію брошено, множество „теорій“ русской исторіи построено, а разрѣшеніе этихъ вопросовъ все таки не подвинулось ни на шагъ впередъ.“

Наконецъ, въ настоящемъ десятилѣтіи профессоръ Ф. И. Леонтовичъ характеризуетъ выводы научныхъ изысканій по вопросу о политическомъ бытѣ древнихъ славяно-русовъ слѣдующими словами: „нельзя указать ни на одну теорію, которая окончательно установилась бы и господствовала въ наукѣ; напротивъ, по всѣмъ основнымъ ея вопросамъ встрѣчаемъ массу крайне разнообразныхъ воззрѣній и ученій съ самыми противоположными и разнохарактерными направленіями, воззрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой лабиринтъ личныхъ мнѣній и взглядовъ, изъ котораго, по видимому, нѣтъ никакого выхода.“

Слѣдовательно, прежде нежели строить новыя теоріи политическаго быта нашихъ предковъ или повторять прежніе, въ настоящее время вполнѣ своевременно и настоятельно необходимо *поставить и рѣшить предварительно вопросъ о возможности положительнаго знанія политико-юридическихъ отношеній нашихъ предковъ, при средствахъ, состоящихъ въ распоряженіи науки настоящаго времени.* Можетъ быть, эти средства такъ малы, что на ихъ основаніи мы не можемъ надѣяться рѣшить положительно вопросы древнѣйшаго періода исторіи русскаго права; въ такомъ случаѣ, не стоитъ тратить трудовъ, средствъ и способностей въ такомъ направленіи, гдѣ конечнымъ результатомъ изысканій предвидится только теорія, а не положительное знаніе; теорія оправдывается въ наукѣ не какъ конечная цѣль научныхъ изысканій, а только какъ посредствующая ступень къ положительному знанію. Если же средства науки достаточны для положительныхъ выводовъ по во-

просу о началахъ политико-юридическаго быта древнерусскихъ Славянъ, то нужно сознать это ясно и точно путемъ рѣшенія вопроса: почему научная разработка источниковъ познанія началъ быта нашихъ предковъ въ теченіи почти 150 лѣтъ не дала положительныхъ результатовъ и какъ должно пользоваться этими средствами, чтобы поставить ученую разработку древнѣйшаго періода исторіи русскаго права на положительныя основы.

Рѣшенію сказанныхъ вопросовъ посвященъ настоящій выпускъ нашихъ изслѣдованій. Мы пришли къ слѣдующимъ результатамъ.

Развитіе научныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политико-юридическаго быта древнерусскихъ Славянъ начинается трудами Татищева, поставившаго въ наукѣ вопросъ о степени цивилизаціи нашихъ предковъ въ эпоху призванія Рюрика, по которому къ концу XVIII столѣтія складываются два противоположныхъ направленія: одно признаетъ древнерусскихъ Славянъ народами, вышедшими изъ первобытнаго политическаго состоянія, стоявшими на сравнительно высокой степени цивилизаціи; другое направленіе признаетъ ихъ дикарями, стоявшими на самой низкой ступени цивилизаціи, обязанными своею поздиѣйшею образованностью посредствомъ народовъ Германскаго происхожденія. Эти направленія въ различныхъ видоизмѣненіяхъ продолжаютъ бороться до настоящаго времени. По содержанію, исторію литературной борьбы по вопросу о степени образованности древнерусскихъ Славянъ можно раздѣлить на два періода: въ первомъ періодѣ ученые споры сводятся къ вопросу о фактѣ существованія въ дорюриковскую эпоху учреждений, соединявшихъ нашихъ предковъ въ политическія общества: князей, городовъ и вѣчъ; во второмъ періодѣ фактъ существованія сказанныхъ учреждений въ сказанную эпоху признается безспорнымъ, положительно доказаннымъ, и ученые споры сводятся къ вопросу о характерѣ власти князя и значеніи

вѣча и города. Этотъ послѣдній вопросъ до настоящаго времени остается въ наукѣ нерѣшеннымъ. Высказано нѣсколько противоположныхъ другъ другу теорій, послѣдовательно смѣнившихъ одна другую, въ которыхъ мы видимъ несомнѣнный прогрессъ науки, какъ въ отношеніи содержанія теорій, такъ и въ отношеніи ихъ аргументаціи, но тѣмъ не менѣе ни одна изъ нихъ не владѣетъ знаніемъ безспорнымъ, положительнымъ, основаннымъ на несомнѣнныхъ доказательствахъ.

Но наука не можетъ удовольствоваться состояніемъ вѣроятности, гипотезы и теоріи; ея цѣль—знаніе положительное, безспорное.

Гдѣ же причина существующихъ въ ученой литературѣ недоразумѣній и различныхъ рѣшеній по такимъ вопросамъ, гдѣ возможно только одно вѣрное рѣшеніе, и возможно ли положительное знаніе началъ политико-юридическаго быта древнерусскихъ Славянъ для науки настоящаго времени? Рѣшеніями этихъ вопросовъ обусловливаются размѣры средствъ, методы ихъ ученой разработки и дальнѣйшее направленіе научныхъ изысканій по вопросамъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права.

Анализируя источники познанія фактовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права и способы ихъ ученой разработки, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) факты, сообщаемые историческими памятниками, лежавшими до новѣйшаго времени въ основаніи существующихъ въ наукѣ теорій политическаго быта нашихъ предковъ, слишкомъ недостаточны для вывода вѣрныхъ, положительныхъ, безспорныхъ заключеній. Эти теоріи построены почти исключительно на сказаніяхъ нашего начальнаго лѣтописнаго свода и сказаніяхъ иноземныхъ писателей, которыя такъ скудны и такъ неопредѣленны, такъ непонятны въ настоящее время, что допускаютъ возможность какихъ угодно теоретическихъ построеній. Начала быта нашихъ предковъ, положенныя въ основаніи тѣхъ или другихъ теорій, не были

*

выведены изъ фактовъ исторической дѣйствительности, а представляютъ собою домыслы тѣхъ или другихъ ученыхъ, на основаніи которыхъ они пытались объяснить неопредѣленные сказанія историческихъ памятниковъ. Этотъ способъ разработки историческаго матеріала соотвѣтствуетъ способу рѣшенія научныхъ вопросовъ, царившему прежде въ областяхъ метафизики, алхиміи и астрологіи, предполагавшихъ въ мирѣ извѣстныя, абсолютныя, единичныя начала и съ точки зрѣнія этихъ началъ объяснявшихъ непонятные факты дѣйствительности.

2) Въ новѣйшее время, въ видѣ вещественныхъ памятниковъ, архаическихъ слѣдовъ или остатковъ въ позднѣйшемъ русскомъ правѣ и выводахъ сравнительнаго изученія историческихъ памятниковъ и современнаго быта народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, наука пріобрѣла новыя средства къ познанію древности, дающія возможность разъяснить и дополнить сказанія древнѣйшихъ лѣтописныхъ памятниковъ.

На основаніи сказанныхъ выводовъ, мы признаемъ въ настоящее время возможнымъ и необходимымъ приступить къ новому пересмотру всѣхъ вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права при помощи новыхъ средствъ въ наукѣ и новыхъ методовъ ученой разработки каждаго разряда источниковъ познанія по вопросу о началахъ политико-юридическаго быта нашихъ предковъ.

Вниманіе науки настоящаго времени должно быть сосредоточено прежде всего на положительномъ рѣшеніи вопроса о степени политическаго развитія нашихъ предковъ въ эпоху призванія Рюрика, рѣшеніемъ котораго обусловливается возможность пользоваться въ рѣшеніи частныхъ вопросовъ правомъ народовъ, стоявшихъ прежде или стоящихъ нынѣ на степени цивилизаціи русскихъ Славянъ въ сказанную эпоху. До опредѣленія степени политическаго развитія русскихъ

Славянъ въ эпоху призванія Рюрика выводы сравнительной исторической аналогіи, на которые современная наука полагаетъ наибольшія надежды, останутся удобнымъ средствомъ прикрытія произвольныхъ теоретическихъ построеній, а не источникомъ положительнаго знанія фактовъ исторической дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи тѣхъ вопросовъ, на которые мы не находимъ ясныхъ указаній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права.

Степень политическаго развитія даннаго народа въ данную историческую эпоху выражается въ формѣ его политическаго существованія; но знаніе этой формы обусловливается знаніемъ началъ существованія и дѣятельности тѣхъ политическихъ учрежденій, въ которыхъ эта форма проявляется. Такими учрежденіями являются органы общественной власти и центры общественной жизни. Знаніе факта существованія у даннаго народа единичныхъ или корпоративныхъ органовъ политической власти и политическихъ центровъ еще недостаточно для опредѣленія политической формы этого народа, а слѣдовательно, и степени его цивилизаціи: при современномъ состояніи историческихъ знаній, мы не можемъ сомнѣваться, что органы власти и центры общественной жизни существуютъ у народовъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Для опредѣленія степени политическаго развитія даннаго народа необходимо знать тѣ начала, которыми обусловливаются происхожденіе, устройство, дѣятельность, взаимныя отношенія и характеръ органовъ политической власти и политическихъ центровъ изучаемаго народа.

Слѣдовательно, очередными вопросами древнѣйшаго періода исторіи русскаго права представляются намъ вопросы о значеніи органовъ общественной власти и значеніи центровъ общественной жизни древнерусскихъ Славянъ.

Попытку положительнаго рѣшенія сказанныхъ во-

просовъ, при посредствѣ средствъ, состоящихъ въ распоряженіи науки настоящато времени, мы предлагаемъ въ первомъ томѣ издаваемыхъ нами изслѣдованій.

Мы не сомнѣваемся, что ученая критика поможетъ намъ исправить погрѣшности нашихъ работъ, которыя неизбѣжны въ систематическомъ изложеніи древнѣйшаго періода исторіи русскаго права при современномъ состояніи этой науки. Для насъ одинаково интересны, какъ подтвержденія нашихъ выводовъ, такъ и возраженія противъ нихъ, основанныя на положительныхъ доказательствахъ и имѣющія въ виду ту цѣль, какую мы преслѣдовали въ нашихъ изслѣдованіяхъ, т. е. объективное познаніе исторической дѣйствительности.

Наша задача,—вывести ученую разработку исторіи права изъ области теоріи въ область положительнаго знанія,—можетъ быть окажется не по силамъ нашимъ, можетъ быть еще несвоевременна... будемъ довольны увѣренностью, что наши работы будутъ способствовать рѣшенію этой задачи послѣдующими учеными, какъ нашимъ выводамъ во многомъ способствовали труды нашихъ предшественниковъ.

Д. Самоквасовъ.

Варшава. 1 Апрѣля, 1878 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

Очеркъ литературныхъ возрѣвій по вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика	1
I. Школа Татищева	3
Возрѣвія школы Татищева	3
II. Школа Шлецера-Карамзинская	6
Возрѣвія Шлецера	6
Возрѣвія Карамзина	9
Возрѣвія Эверса	12
Возрѣвія Рейца	13
Возрѣвія Погодина	14
III. Скептическая школа или отрицательное направленіе	17
Возрѣвія Лелевеля	17
Возрѣвія Полеваго	18
Возрѣвія школы Каченовскаго	18
IV. Славянская школа или положительное направленіе	20
Возрѣвія Буткова	20
Возрѣвія Шафарика	23
V. Теорія родового быта	26
Возрѣвія С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина	28
Возрѣвія И. Е. Забѣлина	34
Возрѣвія Грановскаго и А. И. Никитскаго	38
VI. Теорія общиннаго быта	43
Возрѣвія И. Д. Бѣльева	43
Возрѣвія К. С. Аксакова	44
Возрѣвія В. Н. Лешкова	46
VII. Теорія задружно-общиннаго быта	52
Возрѣвія Г. Иречка	52
Возрѣвія К. Бестужева-Рюмина	53
Возрѣвія И. Ф. Леонтовича	57
VIII. Теорія одновременнаго существованія различныхъ социальныхъ формъ	62
Возрѣвія Тюрнена	62
Возрѣвія С. М. Шпилевскаго	63
Возрѣвія М. Д. Затыркевича	64

ГЛАВА ВТОРАЯ.

	<i>Стр.</i>
Критическій анализъ основаній литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика	77
I. Основанія воззрѣній ученыхъ школы Татищева	77
II. Основанія воззрѣній ученыхъ школы Шлецеро-Карамзинской	82
III. Основанія воззрѣній ученыхъ отрицательнаго направленія или скептической школы	92
IV. Основанія воззрѣній ученыхъ положительнаго направленія или славянской школы	95
V. Основанія теории родоваго быта	99
IV. Основанія теории общиннаго быта	119
VII. Основанія теории семейно или раздружно-общиннаго быта	128
VIII. Основанія теории одновременнаго существованія и борьбы различныхъ социальныхъ началъ и формъ въ политической жизни древнерусскихъ Славянъ	144

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Источники познанія началъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика и методы ихъ ученой разработки	156
I. Древнѣйшіе лѣтописные источники	158
Количество и качество лѣтописныхъ свѣдѣній	158
Методъ ученой разработки лѣтописныхъ сказаній	166
II. Памятники вещественные	182
Количество и качество этой группы источниковъ	182
Условія ученой разработки этой группы источниковъ	205
III. Слѣды политико-юридическихъ отношеній древнерусскихъ Славянъ въ позднѣйшемъ правѣ русскаго народа	214
Количество и качество свѣдѣній	214
Условія ученой разработки	220
IV. Выводы сравнительнаго изученія историческихъ памятниковъ различныхъ народовъ и политико-юридическихъ отношеній существующихъ у современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи	239
Количество и качество свѣдѣній	239
Условія ученой разработки	244

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очеркъ литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика.

Предметъ нашего изслѣдованія составляютъ начала политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика. Въ нашей литературѣ не существуетъ сочиненія, посвященнаго полному изложенію литературныхъ воззрѣній по этому предмету. А между тѣмъ, только при посредствѣ сопоставленія всѣхъ воззрѣній, всѣхъ гипотезъ, теорій и положительныхъ выводовъ, существующихъ въ литературѣ, возможно опредѣлить логическія отношенія между различными воззрѣніями, понять развитіе теорій древнерусской гражданственности, а главное, опредѣлить дальнѣйшее направленіе ученыхъ изслѣдованій, рѣшить вопросы: что сказано въ наукѣ по интересующему насъ предмету, что можетъ быть принято какъ положительное знаніе, то есть основательно, безспорно доказанное, и что для нея остается еще вопросомъ, а слѣдовательно, нуждается въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Вотъ почему, приступая къ изученію началъ политической организаціи русскихъ Славянъ древнѣйшей эпохи, мы остановимся прежде всего на изложеніи литературныхъ воззрѣній по этому предмету и анализируемъ ихъ фактическія основанія.

Со времени изданія (въ 1869 г.) очерка литературныхъ воззрѣній по вопросу о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ удѣльнѣй періодъ русской исторіи, мы не переставали пополнять наши свѣдѣнія по исторіи политико-юридической литературы и печатаемъ предлагаемый очеркъ съ убѣжденіемъ, что не осталось

въ литературѣ по интересующему насъ предмету ни одного оригинальнаго воззрѣнія, незамѣченнаго нами. Но въ теченіи полутора вѣка по вопросу о началахъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ накопилось такое громадное количество замѣчаній, разсужденій и изслѣдованій, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльными сочиненіями, изъ которыхъ многія составляютъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость, что мы допускаемъ возможность погрѣшности сказаннаго нашего убѣжденія; можетъ быть, мы не достигли желанной полноты или невѣрно опредѣлили мѣсто тому или другому воззрѣнію въ ряду другихъ воззрѣній; въ такомъ случаѣ, просимъ исправить наши ошибки и пополнить пропуски.

Накопленіе фактовъ древнѣйшаго періода русской исторіи и исторіи русскаго права началось у насъ со времени появленія лѣтописныхъ сводовъ и продолжается до настоящаго времени. Въ XVIII столѣтіи, рядомъ съ развитіемъ науки въ дѣлѣ собранія фактовъ, является стремленіе подвести собранные факты подъ общія начала, опредѣлить общіе законы развитія русской исторіи, создать теорію развитія русской гражданственности. Въ началѣ попытки въ этомъ отношеніи очень слабы, теоріи произвольны; но мало по малу, слабыя теоріи поражаютъ болѣе основательныя, а теорія новѣйшаго времени стоитъ уже, какъ намъ кажется, на степени близкой къ положительному знанію.

Въ предлагаемомъ очеркѣ гипотезъ, теорій и положительныхъ выводовъ, высказанныхъ въ нашей ученой литературѣ по поводу политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, мы воспользуемся способомъ классификаціи и характеристики однородныхъ явленій, принятымъ въ положительныхъ наукахъ; мы соединимъ однородныя воззрѣнія въ группы: школы, направленія, теоріи, характеризуемъ ихъ изложеніемъ ученій наиболѣе типичныхъ представителей каждой группы и отмѣтимъ важнѣйшія различія въ воззрѣніяхъ ученыхъ одной группы.

Въ порядкѣ изложенія мы будемъ слѣдовать за историческою послѣдовательностью литературныхъ воззрѣній; содержаніе же ученій будемъ излагать словами ихъ авторовъ, ограничиваясь съ своей

стороны только замѣчаніями, направленными къ опредѣленію логической связи между различными ученіями, отношенія однихъ воззрѣній къ другимъ, предыдущимъ и послѣдующимъ.

Въ отношеніи началъ политическаго быта русскихъ Славянъ древнѣйшей эпохи, существующія въ ученой литературѣ воззрѣнія могутъ быть сведены къ восьми направленіямъ, которыя, для взаимнаго ихъ отличія, мы назовемъ: 1, школою татищева; 2, школою шлецеро-карамзинскою; 3, отрицательнымъ направленіемъ или скептической школою; 4, положительнымъ направленіемъ или славянскою школою; 5, теоріей родоваго быта; 6, теоріей общиннаго быта; 7, теоріей задружно-общиннаго быта и 8, теоріей одновременнаго существованія различныхъ социальныхъ формъ.

I. Школа Татищева.

Воззрѣнія Татищева. Задача исторіи права опредѣлена Татищевымъ слѣдующими словами: „наука юриспруденція учитъ благоправію и должности каждаго къ Богу, къ себѣ самому и другимъ; слѣдственно, къ пріобрѣтенію спокойности души и тѣла; не можетъ никакой юристъ мудрымъ названъ быть, если не знаетъ *прежнихъ толкованій и преній о законахъ естественныхъ и гражданскихъ*; какъ можетъ судія право дѣла судить, если *древнихъ и новыхъ законовъ и причинъ прѣмѣненій* неизвѣстенъ, для того ему нужно исторію о законахъ знать.” Но содержаніе „Исторіи Россійской” Татищева составляетъ не исторія русскаго права, а русская исторія, которую авторъ раздѣляетъ на четыре части и задачу первой части опредѣляетъ слѣдующими словами: „объявить описателей (источники) и описать древніе, касающіеся до отечества нашего три главные, и отъ нихъ происшедшіе народы: яко Скифы, Сарматы и Славяне, каждаго обитающаго, войны, переселенія и званія прѣмѣненія, колико оныхъ намъ древніе предали и сія до начала обстоятельной русской исторіи по 860 годъ по Христу.” Ближайшими причинами, побудившими Татищева къ собиранію матеріаловъ по русской исторіи, были: 1, необходимость знанія русской исторіи для обстоятельнаго знанія рус-

ской географіи, составленіе которой было ему поручено и 2, желаніе отразитъ ложныя мнѣнія въ иностранной литературѣ относительно древнѣйшаго періода русской исторіи ¹⁾).

Содержаніе историческихъ воззрѣній Татищева выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Древнѣйшія извѣстія о народахъ, населявшихъ наше отечество, находимъ у классическихъ писателей, начиная съ Геродота, которые представляютъ намъ востокъ Европы заселеннымъ множествомъ народовъ за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. Перечисляя болѣе ста именъ народовъ, жившихъ въ восточной Европѣ въ началѣ нашей эры, классическіе писатели называютъ эти народы общими именами, сначала Скифовъ, а потомъ Сарматъ. Но сличеніе всей совокупности извѣстій древнихъ писателей о восточныхъ обитателяхъ Европы доказываетъ, что эти обитатели, по происхожденію и языку, съ одной стороны, не составляли одного народа, а съ другой стороны, не составляли и многихъ народовъ. По происхожденію и языку классическіе писатели различали между обитателями восточной Европы только три народа: собственно Скифовъ, собственно Сарматъ и народъ, извѣстный древнимъ только подъ различными мѣстными, видовыми, частными именами. Сопоставляя, затѣмъ, извѣстія древнѣйшихъ классическихъ писателей съ извѣстіями писателей среднихъ вѣковъ, авторъ приходитъ къ заключенію, по которому подъ Скифами въ тѣсномъ смыслѣ древніе писатели разумѣли народы, извѣстные у писателей среднихъ вѣковъ подъ именами Сарацинъ, Турокъ и Татаръ; народы, извѣстные древнимъ писателямъ подъ именемъ Сарматъ въ тѣсномъ смыслѣ, извѣстны исторіи среднихъ вѣковъ подъ именами Финновъ и Германцевъ; наконецъ, народы, извѣстные древнимъ писателямъ подъ различными частными, мѣстными названіями, отличаемые ими отъ Скифовъ и Сарматъ по языку и происхожденію, въ исторіи среднихъ вѣковъ извѣстны подъ общимъ именемъ Славянъ ²⁾).

О Славянахъ, продолжаетъ авторъ, не упоминается у древнихъ писателей раиѣ Прокопія и Иорнанда, писателей VI вѣка; но этотъ народъ, безъ сомнѣнія, также старъ, какъ и другіе европейскіе народы. Дѣло исторіи показать, какими именами назывались въ древности народы, извѣстные исторіи съ VI вѣка подъ именемъ Славянъ, откуда и когда

они явились въ Европу, какія государства образовали, какія дѣянія совершили и что съ ними случилось въ настоящее время ³⁾. „Прежде нежели народъ славянскій какія важныя дѣла показалъ и чрезъ то имя славы получилъ, нужно было какому либо иному имени быть и притомъ суще отъ ихъ языка, ибо въ древности наиболѣе имена отъ своихъ государей или праотцевъ воспринимали; а посторонніе часто отъ обстоятельствъ того народа или отъ урочищъ ихъ обитанія особыя имена, да иногда и не особенно пріятныя имъ давали; и если который народъ самъ исторіи не писалъ, то ихъ собственное имя забвению, а постороннихъ писателей неправое за суще ко извѣстію предалося, что видится и съ нашими Славянами приключилось, яко они, сами не писавъ исторій, не только о дѣлахъ, но и о имени сущемъ намъ извѣстія не оставили, а у постороннихъ, какъ выше показано, подъ именемъ Скифовъ и Сарматовъ долгое время заключался. Однакоже, когда они почаше стали Грековъ и Римлянъ наѣздами навѣщать, то почали ихъ собственныя болѣе общія имена наружу выходить” ⁴⁾. Такими именами Татищевъ считаетъ имена: Венетовъ или Енетовъ, Мещень, Алазонъ и Галатовъ ⁵⁾.

Въ эпоху появленія въ исторіи древнихъ Венетовъ съ именемъ славянъ, Татищевъ находитъ ихъ раздѣленными на множество народовъ, составляющими множество государствъ и занимающими обширныя пространства въ разныхъ частяхъ Европы; съ этого времени, по его мнѣнію, для удобнѣйшаго обозрѣнія исторіи Славянъ, они могутъ быть раздѣлены на восточныя, южныя, западныя и сѣверныя ⁶⁾.

До прихода Славянъ въ сѣверныхъ странахъ нынѣшней Россіи, по мнѣнію Татищева, обитали народы сарматскаго языка. Сарматами было основано здѣсь обширное государство, простиравшееся отъ Финляндіи до горъ Поясныхъ и отъ Бѣлаго моря до Двины, заключавшее въ себѣ всю Корелію, часть Лапландіи, Великую Русь и Поморіе, съ нынѣшнею Пермію. Области этого государства сѣверныя писатели называли Бярми или Перми, Гардарики, Остергарды, Хуныгарды, Улмгардія и Голмгардія. Писателямъ южнымъ этотъ край былъ извѣстенъ подъ именемъ Руси ⁷⁾. Около начала VI вѣка или нѣсколько ранѣе славянскими выходцами изъ Вандали основана колонія въ Гардарикѣи. Мало по малу владѣнія этой ко-

лоніи распространились на всю область сѣверныхъ Сармать-Руссовъ. „Венды, пришедъ, руссами овладѣли и свой престолъ въ Гардарикѣи утверди, новое себѣ владѣніе основали, и оныя князи славенскіе, окончивъ мужское наслѣдство Гостомысловъ, варяжскихъ князей Рюрика съ братією избрали, котораго княженіемъ вторая часть русской исторіи начинается” 8).

Относительно внутреннихъ началъ политической организаціи русскихъ Славянъ древнѣйшей эпохи не находимъ у Татищева специальныхъ разсужденій. По случайнымъ заключеніямъ, высказаннымъ Татищевымъ, древніе Славяне стояли на той же ступени политической организаціи, какъ и ихъ сосѣди германскаго происхожденія: имѣли самодержавныхъ государей и знатные города; разсѣянные на огромномъ пространствѣ и выходившіе изъ Азіи въ Европу различными путями и въ разное время, славянскіе народы жили при различныхъ политическихъ условіяхъ; здѣсь они расселялись въ теченіи многихъ столѣтій и образовали множество государствъ задолго до времени призванія Рюрика 9).

Такимъ образомъ, по ученію Татищева, первый періодъ русской исторіи начинается древнѣйшими историческими извѣстіями о восточныхъ обитателяхъ Европы и оканчивается эпохою призванія Рюрика. Славяне до Рюрика стояли на степени цивилизаціи не ниже германцевъ и основали множество государствъ задолго до времени призванія Рюрика. Призваніемъ Рюрика начинается не русская исторія, а новая династія въ русской исторіи, ея второй періодъ. Это возрѣніе раздѣлалось и другими русскими историками до времени появленія ученія Шлецера 10).

II. Школа Шлецера-Карамзинская.

Возрѣнія Шлецера. Августъ Людвигъ Шлецеръ, вызванный въ 1761 году русскимъ правительствомъ въ Петербургъ для объясненія древнихъ памятниковъ русской исторіи, написалъ изслѣдованіе о Несторѣ, какъ древнѣйшемъ русскомъ лѣтописцѣ, и объявилъ въ этомъ изслѣдованіи славянскую исторію до Рюрика не болѣе, какъ сказкою, а труды русскихъ историковъ XVIII

столѣтія призналъ немѣющими никакого научнаго значенія. Изложеніе свѣдѣній, сообщенныхъ Несторомъ, о народахъ, составившихъ русское государство, Шлецеръ заключилъ слѣдующими выводами, имѣвшими громадное вліяніе на направленіе ученой разработки въ нашемъ столѣтіи древнѣйшаго періода русской исторіи: прежде всего должны русскіе историки отстать отъ Скифовъ и Сарматъ. Байеръ очень ясно доказалъ, что сіи названія хотя сначала и принадлежали извѣстнымъ народамъ, но послѣ, по незнанію древнихъ, распространились на безчисленное множество земель. Несторъ есть первый, древнѣйшій и единственный отечественный источникъ русской исторіи до 1054 года; Несторъ есть первый, древнѣйшій, единственный, по крайней мѣрѣ, главный источникъ для всей славянской, летской и скандинавской исторіи сего періода. Писанное Дитмаромъ и франкскими лѣтописцами, даже современникомъ Несторовымъ Адамомъ, есть не иное что, какъ отрывки и не значить ничего. Византійцы узнали Русь только со времени Игоря. Польскія хроники всѣ недавни, а древнѣйшія изъ нихъ не имѣютъ смысла; истина, какую только можно отыскать въ нихъ, выкрадена изъ Нестора, а бессмыслица принадлежитъ имъ собственно. Такимъ же образомъ надобно отказаться и отъ исландскихъ сказокъ, представляющихъ собою бредни воображенія, глупыя выдумки ¹¹). Изъ массы извѣстій древнихъ писателей о Славянахъ, собранныхъ историками XVIII вѣка, Шлецеръ призналъ годными для ученаго историка только два отрывка: одинъ изъ сочиненія „De gotorum origine” готскаго историка VI вѣка Юрнанда и другой изъ сочиненія „De Bello gothico” византійскаго сенатора VI вѣка Прокопія ¹²).

Затѣмъ, на основаніи сказанныхъ отрывковъ изъ сочиненій Юрнанда и Прокопія и извѣстныхъ сказаній нашей начальной лѣтописи о языческихъ обычаяхъ русскихъ Славянъ и призванія Варяговъ Новгородцами, Шлецеръ предложилъ слѣдующую теорію основанія русскаго государства и политическаго состоянія русскихъ Славянъ до времени призванія Рюрика. *Русская Исторія*, говоритъ авторъ, *начинается отъ пришествія Рюрика* и основанія русскаго царства, когда три совершенно различные народы, т. е., Новгородцы (Славяне), Чудь (Финны) и Руссы (Норманны), соединились вмѣстѣ и составили одинъ народъ. Нельзя сказать, когда это слу-

чилось, ибо все наполнено грубѣйшими противорѣчіями; но вообще только можно сказать, что это сдѣлалось въ половинѣ IX столѣтія или около 860 года (почему, да не прогибѣются патриоты, что исторія ихъ не простирается до столпотворенія, что она не такъ древня, какъ эллинская и римская, даже моложе нѣмецкой и шведской). Передъ сею эпохою все покрыто мракомъ, какъ въ Россіи такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстахъ. Конечно, люди тутъ были, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ и откуда сюда зашли; но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, неотличавшіеся ничѣмъ, не имѣвшіе никакого сношенія съ южными народами, почему и не могли быть замѣчены и описаны ни однимъ просвѣщеннымъ южнымъ европейцемъ. Князья новгородскіе и государи кіевскіе до Рюрика принадлежатъ къ бреднямъ исландскихъ старухъ, а не къ настоящей русской исторіи; на всемъ сѣверѣ русскомъ до половины IX вѣка не было ни одного настоящаго города ¹³⁾. Дикіе, грубые, разсѣянные Славяне начали дѣлаться общественными людьми только благодаря посредству Германцевъ, которымъ назначено было судьбою разсѣять въ сѣверозападномъ и сѣверо-восточномъ мірахъ первыя сѣмена цивилизаціи ¹⁴⁾.

Все, что не ладилось, не только у иностранныхъ писателей, но и у Нестора, съ воззрѣніемъ на русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, какъ на дикихъ людей, обязанныхъ позднѣйшей своей цивилизаціей посредству Германцевъ, объявлено Шлецеромъ сомнительнымъ, вставками позднѣйшихъ переписчиковъ Нестора и глупыми выдумками ¹⁵⁾.

Отношеніе Шлецера къ историческимъ воззрѣніямъ русскихъ ученыхъ XVIII вѣка опредѣляется слѣдующими замѣчаніями: „Скандинавы или Норманны, говоритъ отъ, основали русскую державу; въ этомъ никто не сомнѣвается, ни одинъ ученый историкъ въ этомъ не сомнѣвается. Но какъ между всѣми Русскими, писавшими до сихъ поръ русскую исторію, нѣтъ ни одного ученаго историка, то не удивительно, что всѣ они, Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, также новѣйшій сочинитель краткой исторіи все еще выдаютъ Варяговъ за Славянъ, Прусовъ или Финновъ, что однакоже 60 лѣтъ тому назадъ Байеръ такъ опровергъ, что никто, могущій понять ученое историческое доказательство, не будетъ болѣе въ томъ сомнѣваться.

Татищевъ, Ломоносовъ, Еминъ и Щербатовъ не могли издать ничего полезнаго, потому уже, что сами не имѣли еще очищеннаго источника, изъ котораго они должны были черпать... все до сихъ поръ въ Россіи напечатанное ощутительно дурно, недостаточно и невѣрно" 16).

Теорія происхожденія русскаго государства и дикости русскихъ Славянъ до времени знакомства ихъ съ Германцами, предложенная Шлецеромъ, была принята и распространена нѣмецкою литературою. Русскіе историки XVIII вѣка остались при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ и снесли ихъ въ могилу; но въ молодомъ поколѣніи русскихъ ученыхъ XIX вѣка, воспитанномъ подъ вліяніемъ нѣмецкихъ педагоговъ, ученіе Шлецера получило преобладаніе.

Воззрѣніи Карамзина. Трудно сказать, какое представленіе имѣлъ Карамзинъ въ отношеніи началъ политическаго быта русскихъ Славянъ до времени призванія Рюрика. Геніальный и вполнѣ самостоятельный историкъ въ изложеніи среднихъ періодовъ русской исторіи, Карамзинъ въ отношеніи древнѣйшей эпохи представляетъ простое, такъ сказать, механическое сопоставленіе ученій Татищева и Шлецера, безъ внутренняго примиренія противорѣчій, возникающихъ изъ этого сопоставленія. Въ направленіи ученія Шлецера встрѣчаемъ въ ученіи Карамзина слѣдующія положенія: слова Новгородцевъ и союзныхъ съ ними народовъ, переданныя намъ лѣтописцемъ: „хотимъ князя, да владѣть и править нами по закону" — были основаніемъ перваго устава государственнаго въ Россіи. Варяги были первыми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами нашими. Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣстные намъ по договорамъ великихъ князей съ греками и во всемъ согласные съ древними законами скандинавскими. Варяги, законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны. Предки наши заимствовали отъ варяговъ искусство мореплаванія 17). Древляне имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питаются всякою нечистотою; въ распряхъ и ссорахъ убивали другъ друга, не знали браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей и супруговъ, но уводили или похищали дѣвицъ. Сѣверяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянамъ. Сіи три народа,

подобно Древлянамъ, обитали въ глубинѣ лѣсовъ которые были ихъ защитою отъ непріятелей и представляли имъ удобность для звѣриной ловли (Юрнандъ: *hi paludes silvasque pro civitatibus habent*). Тоже самое исторія VI вѣка говоритъ о Славянахъ дунайскихъ. Они строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ ¹⁸). Предки наши въ началѣ гражданскаго бытія своего не знали выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣли ни властелиновъ ни рабовъ въ землѣ своей, и думали, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человѣка. Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякій строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою независимую республикою. Въ теченіе времени сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрѣпили между ними связь гражданскую. Они почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, сблизились жилищами и завели селенія ¹⁹). Эти и подобныя имъ положенія представляютъ собою только дальнѣйшее развитіе основнаго положенія въ ученіи Шлецера, по которому дикіе предки наши первыми началами своей гражданственности обязаны посредству Германцевъ.

Но рядомъ съ указанными положеніями встрѣчаемъ у Карамзина рядъ мыслей въ духѣ ученія Татищева. Славяне, говоритъ онъ, въ разные вѣка и въ разныхъ земляхъ управлялись гражданскою властью. О Славянахъ російскихъ Несторъ пишетъ, что они, какъ и другіе, не знали единовластія, наблюдая законъ отцовъ своихъ, древніе обычаи и преданья, о коихъ еще въ VI вѣкѣ упоминаетъ греческій историкъ, и которые имѣли для нихъ силу законовъ писанныхъ, ибо гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условія требуютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикіе народы избираютъ посредниковъ между людьми и закономъ. Хотя лѣтописецъ нашъ не говоритъ о томъ, но рос-

сійскіе Славяне конечно имѣли властителей, съ правами, ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. Въ договорѣ Олега съ Греками въ 911 году упоминается уже о великихъ боярахъ русскихъ: сіе достоинство, знакъ воинской славы, конечно не Варягами было введено въ Россіи, ибо оно есть древнее славянское. Самое имя князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новымъ, но безъ сомнѣнія и прежде означало у нихъ знаменитый санъ гражданскій или воинскій. Народы, изъ коихъ составилось государство руссійское, и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія, ибо самыя грубые Древляне жили отчасти въ городахъ; самыя Вятичи и Радимичи, варвары по описанію Несторову, издревле занимались хлѣбопашествомъ; вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней ²⁰).

Подобно Шлецеру, Карамзинъ игнорировалъ историческіе труды русскихъ ученыхъ XVIII вѣка. Ссылаясь часто на мнѣнія ученыхъ школы Шлецера для подрѣзленія собственныхъ историческихъ воззрѣній ²¹), онъ нигдѣ не отзывается съ похвалою о трудахъ ученыхъ школы Татищева и въ примѣчаніяхъ къ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ приводитъ воззрѣнія ихъ, подобно Шлецеру, почти исключительно для опроверженій, для доказательства ихъ неучености или нелѣпости ²²). Въ противоположность тому, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ Карамзинъ рѣшается противорѣчить Шлецеру, онъ называетъ его мужемъ ученымъ, знаменитымъ и славнымъ, а мнѣнія его остроумными, хотя и не неосновательными ²³). Тѣмъ знаменитый историографъ нашъ способствовалъ торжеству въ нашей ученой литературѣ ученія Шлецера.

„Твореніе Карамзина было принято всеобщимъ восторгомъ. Тысячи экземпляровъ его читались людьми всѣхъ состояній. Карамзинъ, при самомъ началѣ труда своего возведенный въ достоинство историографа имперіи, осыпанъ былъ почестями и богатствомъ. Благоговѣніе къ нему почитателей доходило до излишества: было время, когда, опасаясь неприяностей, не смѣли печатать никакой критики на исторію Карамзина“ ²⁴).

Историки и ученые юристы, слѣдовавшіе за Карамзинымъ, въ теченіи тридцатилѣтія, посвящали свои труды почти исключи-

тельно призванному элементу въ образованіи русскаго государства, оставляя внѣ изслѣдованій значеніе туземныхъ элементовъ. Такое направленіе обуславливалось, принятыми за аксіому, основными положеніями ученій Шлецера и Карамзина, по которымъ русская исторія начинается 862 годомъ, годомъ призванія Норманновъ, положившихъ первыя основы гражданственности въ средѣ русскихъ Славянъ; разрозненные, полудикіе Славяне только съ этого времени дѣлаются общественными людьми, соединились въ политическіе союзы, образовали государство; специальное изученіе политической исторіи русскаго народа и исторіи его права должно быть начинаемо только со времени Рюрика, потому что до этого времени русскіе Славяне жили подобно всѣмъ инымъ младенческимъ, полудикимъ народамъ.

Воззрѣнія Эверса. Мысль Карамзина о политической независимости древнеславянскихъ семействъ, по которой у древнихъ Славянъ „каждое семейство было маленькою, независимою республикою” развита дерптскимъ профессоромъ Эверсомъ, въ его сочиненіи „Древнѣйшее Русское Право,” пользовавшемся въ нашей литературѣ почти такимъ же авторитетомъ, какъ „Несторъ” Шлецера и „Исторія Государства Россійскаго” Карамзина. По ученію Эверса, въ исторіи человѣческаго общежитія различаются двѣ ступени: быть семейный или родовой или патриархальный, какъ первоначальная, низшая ступень, и быть государственный, какъ ступень вторая, высшая. Русскіе Славяне до Рюрика стояли на степени родовой организаціи общества. Какъ первичная, младенческая форма быта, свойственная всѣмъ первобытнымъ народамъ въ одинаковыхъ чертахъ, первоначальный родовой бытъ не нуждается въ специальномъ изслѣдованіи у каждаго народа; основанія этого быта могутъ быть опредѣлены анализомъ отношеній домовладыки къ домочадцамъ въ какой угодно семьѣ. Основаніемъ общества являются здѣсь узы родства между родственниками—сочленами союза, а власть въ такомъ обществѣ принадлежитъ старѣйшему родственнику, родоначальнику, патриарху, который господствуетъ надъ младшими родичами, за отсутствіемъ законовъ, по своему произволу²⁵⁾. Въ исторіи права даннаго народа является интереснымъ для науки тотъ моментъ, когда форма родоваго быта начинаетъ измѣняться въ форму быта

государственного. Такимъ моментомъ для Россіи является событіе призванія Рюрика, съ котораго и должно быть начинаемо изученіе исторіи Россіи и исторіи русскаго права ²⁶). На этомъ основаніи первую главу исторіи русскаго права Эверсъ начинаетъ княженіемъ Рюрика и посвящаетъ свою книгу анализу политическихъ событій и междукняжескихъ отношеній въ первую эпоху рюриковичей. Источники древнѣйшаго періода исторіи Славянъ, кромѣ Нестора, для него какъ бы не существуютъ.

Теорія родового быта древнихъ Славянъ, предложенная Эверсомъ и мастерски разработанная г. Соловьевымъ, имѣетъ въ новѣйшей литературѣ многихъ послѣдователей ²⁷).

Воззрѣнія Рейца. Другой дерптскій профессоръ, Рейцъ, во введеніи къ своему „Опыту исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ Законовъ,“ повторилъ основныя мысли ученія Эверса о родовомъ бытѣ древнерусскихъ Славянъ: „послѣ перваго поселенія Славянъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, говоритъ онъ, каждое племя распространялось отдѣльно, подѣ властію своихъ начальниковъ (живяху каждо съ родомъ своимъ, на своихъ мѣстахъ, и володѣя родомъ), и шгдѣ невидно другой связи, кромѣ семейственной, между потомками общаго родоначальника. И такъ, отношенія сего времени суть чисто отношенія права семейственнаго“ ²⁸). Рядомъ съ тѣмъ, находимъ у Рейца двѣ мысли, идущія въ совершенный разрѣзъ съ ученіемъ Эверса, а именно: 1, „мѣстныя обстоятельства дали различное направленіе ходу образованности славянскихъ племенъ; изъ извѣстій нашей лѣтописи, кажется, явствуетъ, что степень образованности различныхъ племенъ не могла остаться одинаковою по мѣстному образу жизни, ближайшему или дальнѣйшему сосѣдству ихъ между собою и сообщеніямъ съ другими народами;“ 2, „съ размноженіемъ родовъ, особенно въ общихъ поселеніяхъ, изъ патріархальной власти начальника племени образовалась совокупная власть начальниковъ различныхъ родовъ, и это есть естественный переходъ къ общественному устройству... Какъ рѣшались споры о правахъ? На это можно дать отвѣтъ, выведенный изъ идеи неограниченной семейственной власти отца или начальника рода. Впрочемъ, вѣроятно, что и народъ, т. е. начальники родовъ съ ихъ

сѣмьями и домашними, раздѣлялись на общины, коихъ собраніе рѣшало споры и опредѣляло отношенія" ²⁹⁾. Впрочемъ, эти мысли не аргументированы авторомъ достаточно и не развиты имъ въ послѣдствіяхъ; въ новѣйшей литературѣ онѣ лежатъ въ основаніи теоріи борьбы различныхъ социальныхъ формъ въ политическомъ бытѣ русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика и теоріи общиннаго быта русскихъ Славянъ въ ту же эпоху ³⁰⁾.

Первый періодъ исторіи русскаго государства, по ученію Рейца, какъ и по ученію Эверса, начинается событіемъ призванія Рюрика; источниками познанія началъ политико-юридической организаціи древнерусскихъ Славянъ также признаются только извѣстія Нестора.

Воззрѣнія Погодина. Въ полустолѣтней ученой дѣятельности Погодина различаются, впрочемъ, болѣе по формѣ, нежели по содержанію, два періода: періодъ до появленія сочиненія Шафарика „Славянскія Древности" и періодъ послѣдующій. Въ первомъ періодѣ, въ ученіи о происхожденіи русскаго государства, Погодинъ является слѣпымъ послѣдователемъ ученія Шлецера; во второмъ періодѣ замѣтно колебаніе автора относительно вопроса о безусловной вѣрности историческихъ воззрѣній шлецероваго направленія. До появленія сказаннаго сочиненія Шафарика, Погодинъ посвящалъ свои труды исключительно изученію исторіи Норманновъ и значенія ихъ въ образованіи русскаго государства; въ это время спеціальныя изслѣдованія, направленные къ изученію началъ политическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи онъ считалъ, слѣдуя завѣту Шлецера, совершенно излишними, по причинѣ, выраженной имъ въ одной изъ лекцій о русской исторіи, читанныхъ въ московскомъ университетѣ въ 1846 году. „Я начиналъ обыкновенно, говорить авторъ, лекціи свои о русской исторіи *съ 862 года*, т. е. съ прибытія князей Варяго-Русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья и его однородцахъ, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще *въ состояніи младенчества*, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не

нужно. Такъ разсуждали и все наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, всмѣвъ за законоположникомъ исторической критики прошедшаго столѣтія — Шлецеромъ”³¹⁾.

Исслѣдованія Шафарика произвели сильное впечатлѣніе на Погодина, но въ сущности не измѣнили его прежнихъ воззрѣній. „Нынѣ Шафарикъ, продолжаетъ онъ за вышеприведенной цитатой, сочиненіемъ своимъ „Славянскія Древности” производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Книга его, плодъ трудовъ многолѣтнихъ, дѣлаетъ эпоху въ наукѣ, какую въ свое время сдѣлалъ у насъ Шлецеръ изданіемъ толковаго Нестора, или Карамзинъ сочиненіемъ Исторіи Государства Россійскаго. Шафарикъ принуждаетъ насъ начинать славянскую исторію съ глубочайшей древности”³²⁾. Затѣмъ, по изложеніи содержанія исслѣдованій Шафарика, Погодинъ заключаетъ: „вѣрно не находились Славяне на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ и на которой видѣли ихъ все наши исслѣдователи до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ, и прочіе города представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ.... Тѣ явленія, кои боялись мы предъ строгою критикою буквъ принимать вполнѣ, или, считая непонятными, пропускали, тѣ явленія можемъ мы теперь смѣло сдѣлать предметами исслѣдованій, и искать тамъ, гдѣ найти что либо отнята была даже надежда подъ страхомъ жестокой ученой насмѣшки. Мракъ прорѣзанъ свѣтлыми лучами, приобрѣтена твердая точка!”³³⁾.

„Отъ разсужденій, продолжаетъ авторъ, обратимся къ положительной исторіи и выберемъ все слова Нестора о нашихъ Славянахъ.” Затѣмъ, авторъ представляетъ сопоставленіе положеній, заимствованныхъ изъ ученій Шлецера, Карамзина, Эверса и Рейца, по мнѣнію автора, характеризующихъ собою основы политическаго быта русскихъ Славянъ до времени призванія Рюрика. На вопросъ: „въ какомъ состояніи находились, по свидѣтельству, славянскія племена въ эпоху прибытія Рюрика?” авторъ отвѣчаетъ: „они жили общинами, именно какъ племена, безъ всякаго политическаго соединенія между собою, не составляя и порознь политическихъ обществъ, — рав-

дѣленныя, по всѣмъ вѣроятіямъ, пустыми пространствами, лѣсами, рѣками, болотами, степями; *живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ; имѣху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ.* Если бы у племень были князья въ смыслѣ государей, то вѣрно они оказали бы сопротивленіе пришлымъ Варягамъ, какого нигдѣ почти не оказалось... Точно также на югѣ вездѣ говорится только о племенахъ — Сѣверянахъ, Вятичахъ, Дреговичахъ. У Древлянъ только показывается князь чрезъ сто лѣтъ уже послѣ Рюрика, по смерти Игоря, но этотъ князь Малъ не принадлежалъ ли къ роду норманнскихъ, которые жили по городамъ и племенамъ, какъ о томъ значится въ договорахъ Олега и Игоря. Не составляя одного политическаго цѣлаго, не составляя и порознь политическихъ обществъ, имѣя правленіе племенное, вѣроятно съ родоначальниками и старѣйшинами (что развито хорошо въ сочиненіи Эверса: Древнѣйшее Право Руси), племена входили въ сношеніе между собою и съ отдаленной своей братіей; и *живяху въ мирѣ Поляне и Древляне, Сѣверъ и Радимичи, и Вятичи и Хрваты*" ³⁴).

Главу „о Славянахъ” въ своихъ изслѣдованіяхъ, Погодинъ оканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ: „наука живетъ, она безконечна, въ томъ-то и заключается ея прелесть. Наши поколѣнія пошли далѣе того, на чемъ остановились Шлецеръ и Карамзинъ. Вы оставите насъ позади. Горизонтъ расширяется съ каждымъ шагомъ. Шафаріку принадлежитъ преимущественно слава двинуть славянскую исторію. Я съ своей стороны долженъ сказать вамъ, что слишкомъ поздно могъ смотрѣть на предметъ съ этой стороны. Все свое вниманіе я обращалъ на Норманновъ; и имъ до сихъ поръ посвящалъ преимущественно труды свои, стараясь описать элементъ, внесенный этими бранными пришельцами въ государство, вновь основанное ими изъ мирныхъ славянскихъ племенъ. Славянъ предоставляю будущимъ профессорамъ славянскихъ исторій и нарѣчій, которыхъ ожидаютъ теперь всѣ русскіе университеты ³⁵).

Во введеніи къ первому тому повѣйшаго изданія своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: „Древняя Русская Исторія,” Погодинъ повторилъ въ духѣ ученія Карамзина слова начальной русской лѣто-

писи о расселеніи русскихъ Славянъ и языческихъ обычаевъ Полянъ, Древлянъ, Вятичей, Радимичей и Бривичей, а затѣмъ, уже съ третьей страницы введенія, начинается въ духѣ ученія Шлецера исторія Норманновъ и ихъ значенія въ исторіи цивилизаціи на востокѣ Европы ³⁶).

III. Отрицательное направленіе или скептическая школа.

Въ третьемъ десятилѣтіи настоящаго столѣтія сформировалось новое направленіе въ русской историко-юридической литературѣ, извѣстное подъ названіемъ *скептическаго направленія*. Зародышъ его коренится въ приемахъ ученой критики историческихъ источниковъ, предложенныхъ Шлецеромъ, а ближайшими условіями его развитія было появленіе критики Нибура, направленной къ анализу древнѣйшихъ источниковъ римской исторіи, и появленіе сочиненій французскихъ историковъ Гизо и Тьери, направленныхъ къ анализу средневѣковаго общества западной Европы, образовавшагося на развалинахъ Римской имперіи. Проводниками скептическихъ воззрѣній были преимущественно періодическія изданія: Вѣстникъ Европы, Московскій Телеграфъ, Сѣверный Архивъ и Ученыя Записки Московскаго Университета.

Воззрѣніи Лелевеля. Въ Сѣверномъ Архивѣ за 1823/24 годы былъ помѣщенъ рядъ статей польскаго историка Лелевеля, подъ заглавіемъ: „Разсмотрѣніе Исторіи Государства Россійскаго Карамзина,” въ которыхъ впервые было выражено сомнѣніе въ вѣрности заключеній Шлецеро-Карамзинской школы, относительно политическаго состоянія древнерусскихъ Славянъ и значенія Норманновъ въ образованіи русскаго государства. „Начиная изъ старины, говорить здѣсь Лелевель, когда бытописаніе въ Россіи заключалось единственно въ переписываніи, сокращеніи, распространеніи, прибавленіи, продолженіи и возобновленіи Несторовой лѣтописи, повѣствованіе о Рюригѣ до того измѣнилось, что во множествѣ послѣдующихъ лѣтописей или извлеченій изъ Нестора, весьма трудно, мнѣ кажется, отгадать истинный смыслъ выражений сего отца русской исторіи” ³⁷). Затѣмъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Взглядъ на перво-

начальную исторію Россіи и вообще на состояніе Славянъ,” Лелевель старался доказать, что воззрѣнія Карамзина на политическія событія въ эпоху призванія Рюрика „основаы на извѣстіяхъ лѣтописи, представляющихъ собою не историческіе факты, а баснословныя преданія,” а его воззрѣніе на высшую образованность Варяговъ въ IX вѣкѣ, сравнительно съ Славянами той же эпохи, совершенно голословно ³⁸).

Воззрѣнія Полеваго. Сомнѣнія Лелевеля относительно достовѣрности древнѣйшихъ извѣстій нашей лѣтописи повторены Полевымъ. Сущность воззрѣній Полеваго по интересующему насъ вопросу выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ: русскіе Славяне до времени знакомства съ Варягами жили патріархальнымъ бытомъ и стояли на степени цивилизаціи не выше скандинавскихъ пришельцевъ. Около 862 года Варяги-Скандинавы, путемъ завоеванія русскихъ Славянъ, основали у нихъ первыя государства. Въ этихъ государствахъ элементъ варяжскій является дѣятельнымъ началомъ духа, а элементъ славянскій тяжелымъ началомъ вещественности ³⁹). Хронологія нашихъ лѣтописей въ отношеніи древнѣйшихъ событій русской исторіи сомнительна; сомнительна историческая достовѣрность и самыхъ сказаній начальной нашей лѣтописи объ изгнаніи и призваніи Варяговъ; Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, можетъ быть, лица мифическія, а не историческія ⁴⁰).

Воззрѣнія школы Каченовскаго. Сомнѣнія Лелевеля и Полеваго въ отношеніи исторической достовѣрности сказаній начальной русской лѣтописи объ изгнаніи и призваніи Варяговъ распространены профессоромъ Московскаго университета Каченовскимъ и его послѣдователями на всю начальную лѣтопись и на всѣ памятники древняго русскаго права, дошедшіе до насъ чрезъ посредство этой лѣтописи ⁴¹).

Въ основаніи ученія Каченовскаго лежитъ одно изъ положеній ученія Шлецера, именно, положеніе о дикости, необразованности русскихъ Славянъ эпохи IX—XI вѣковъ, которое служитъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ разсужденій скептическаго направленія. Ходъ мыслей скептическаго направленія слѣдующій: могъ ли Несторъ, монахъ XI столѣтія, написать что нибудь, хотя нѣсколько похожее на дошедшій до насъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ лѣтописи? При-

нявъ въ соображеніе тогдашнее полудикое состояніе земель славянскихъ, спросимъ со Шлецеромъ: какимъ образомъ человекъ сей образовался на Днѣпрѣ? Не прошло еще ста лѣтъ отъ введенія христіанской вѣры, когда монахи и духовные составляли, такъ сказать, еще первое поколѣніе грамотныхъ людей въ Россіи и уже является систематическое сочиненіе! Или это несправедливо, или русская лѣтопись XI вѣка, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее считаемъ принадлежащею этому времени, дѣлаетъ исключеніе изъ всеобщаго хода образованности народовъ, представляетъ собою явленіе безпримѣрное въ исторіи. Когда же составлена наша начальная лѣтопись, приписываемая Нестору? При повѣствованіи о древнѣйшихъ событіяхъ находятся въ этой лѣтописи указанія и извѣстія, кои не могли быть сообщены лѣтописцемъ XI вѣка; тамъ же исчисляются народы, которые въ XI вѣкѣ не могли быть извѣстны монаху кievскому; тамъ же встрѣчаемъ множество словъ и понятій, чуждыхъ сему вѣку, которыя зашли къ намъ чрезъ Новгородъ, при посредствѣ сношеній съ ганзейскими городами; однимъ словомъ, наша лѣтопись представляетъ собою компиляцію, составленную изъ различныхъ источниковъ, въ которой историческія извѣстія перемѣшаны съ нелѣпыми баснями и выдумками, въ которой одни и тѣже событія описаны двумя, а иногда тремя различными образами, въ которой, наконецъ, невѣрна хронологія. Все это убѣждаетъ скептиковъ, что лѣтопись, приписываемая Нестору принадлежитъ не IX вѣку, а одному изъ позднѣйшихъ вѣковъ, можетъ быть, XIII или даже XIV. Но если мы и допустимъ, говорятъ скептики, невѣроятное предположеніе о древности нашей лѣтописи, то все же отъ основанія государства до перваго лѣтописца протекло слишкомъ два вѣка. Письменныхъ памятниковъ у народа безграмотнаго предполагать невозможно: следовательно, древнѣйшія извѣстія нашей лѣтописи основаны на преданіяхъ, конечно, искаженныхъ въ устахъ нѣсколькихъ поколѣній, на поэтическихъ вымыслахъ, свойственныхъ всѣмъ младенческимъ народамъ. Если же допустимъ, что лѣтопись составлена не ранѣе XIII или XIV вѣка, и, кромѣ предлагаемыхъ монастырскихъ записокъ XII вѣка, не имѣла другихъ домашнихъ, письменныхъ матеріаловъ, то должны допустить преданія еще болѣе искаженныя, и вымыслы еще болѣе нелѣпыя, коими компиляторы старались за-

мѣнить недостатокъ положительныхъ свѣдѣній. Отсюда, мы должны признаться, что въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи много баснословнаго, что эта исторія недостоверна. Мало утѣшаютъ насъ лѣтописи современниковъ, мало дополняютъ онѣ отечественныя извѣстія ⁴²⁾. Наступитъ время, когда удивляться будемъ тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій почти невѣроятныхъ. Утѣшимся же, если мысль эта можетъ показаться неприятною для самолюбія нашего. Примѣръ передъ глазами: таковы ли нынѣ первые вѣка Рима, какими представлялись они взорамъ ученыхъ до Нибура ⁴³⁾. У насъ есть средства преобразовать науку о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, при посредствѣ которыхъ мы имѣемъ надежду, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ истинѣ. Вотъ эти средства: 1, исторію Славянъ русскихъ должно соображать съ исторіею Славянъ вообще, особливо германскихъ, имѣвшихъ, по всей вѣроятности, великое участіе въ образованіи, даже въ населеніи сѣвера нашего отечества; 2, должно принять въ соображеніе всеобщій ходъ политическаго и гражданскаго образованія въ Европѣ и, наконецъ, 3, прежде всего, критически и безпристрастно оцѣнить домашнія и внѣшнія историческія и географическія извѣстія, относящіяся къ первымъ временамъ бытія народа русскаго, согласить противорѣчія, въ нихъ находящіяся, и изслѣдовать ихъ источники ⁴⁴⁾.

IV. Положительное направленіе или славянская школа.

Воззрѣнія Буткова. Первыми противниками Каченовскаго были Бутковъ, Кубаревъ и Погодинъ. Послѣдній въ новѣйшей ученой литературѣ несправедливо считается главнымъ побѣдителемъ скептическаго направленія. Смертельные удары ученію Каченовскаго были нанесены не Погодинымъ, а Бутковымъ. Критика Погодина опиралась на средства Шлецера-Карамзинской школы, которыя хорошо были извѣстны Каченовскому и не вредили его ученію ⁴⁵⁾. Бутковымъ подорвано скептическое ученіе съ той стороны, которой не могъ замѣтить Погодинъ, какъ истый послѣдователь Шлецера.

Аргументація Каченовскаго, направленная противъ начальной русской лѣтописи и древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права, была

основана на трехъ положеніяхъ: 1, идея о систематическомъ сочиненіи, какова наша начальная лѣтопись, и писанномъ законодательствѣ, каковы Договоры Руссовъ съ Греками и Русская Правда, не совмѣстна со степенью умственного образованія предковъ нашихъ IX—XI вѣковъ; 2, въ лѣтописи, въ Договорахъ и Русской Правдѣ встрѣчаемъ нѣмцевъ, гостей, шляги, куны, аксамиты, виры и пр., т. е. такія понятія, которыя при отсутствіи сношеній нашихъ предковъ съ иноземцами до XIII столѣтія, не могли быть извѣстны нашимъ предкамъ въ X и XI вѣкахъ; 3, Россія не могла упредить на пути гражданскаго развитія Польшу, Литву, Пруссію, Ливонію, Эстляндію, а въ X и XI вѣкахъ у этихъ народовъ еще не было ни лѣтописей, ни писаннаго законодательства. Эти три аргумента сводятся къ одному положенію, — принятому за аксіому, мнѣнію Шлецера о дикости русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика.

Въ началѣ своихъ возраженій *скептикамъ* по частнымъ вопросамъ ихъ ученія, Бутковъ поставилъ себѣ задачей собрать свѣдѣтельства источниковъ, доказывающія, что население Россіи въ эпоху призванія Рюрика не стояло на той степени дикости, на какой воображали его скептики, слѣдуя за Шлецеромъ, и что Славяне, уже за много вѣковъ до времени Рюрика, являются въ исторіи народомъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ, вели отдаленныя торговыя сношенія съ иноземцами, были соединены въ политическія общества, имѣли князей, города, народныя собранія, на которыхъ рѣшали общественныя дѣла, однимъ словомъ, были народомъ, у котораго появленіе лѣтописей, законовъ и понятій, заимствованныхъ отъ чужеземцевъ, не представляетъ ничего страннаго, а тѣмъ болѣе, невозможнаго. Скептики, говоритъ Бутковъ, представляютъ себѣ предковъ нашихъ XI в. на той степени дикости, на которой Шлецеръ видѣлъ Россіянъ IX в. Но правъ-ли и Шлецеръ въ своихъ предположеніяхъ? Изображая древнихъ Славянъ красками болѣе мрачными, чѣмъ свойственныя нынѣшнимъ Эскимосцамъ, этотъ ученый иногда полагалъ, что до Рюрика народъ нашъ жилъ безъ законовъ, безъ правленія; пресмыкался, какъ звѣри и птицы, не зналъ никакихъ искусствъ, даже скотоводства и звѣроловства, не имѣлъ никакого оружія; а иногда, этотъ же ученый утверждалъ, что нашъ народъ раздѣлялся на малыя орды, предводимыя своими кациками, не вѣдалъ политическаго постано-

вленія и сношеній съ иностранцами. Ссылаемся, продолжаетъ авторъ, на древнихъ писателей, начиная съ Геродота до византийцевъ X вѣка: сказанныя, грубыя черты нисколько не соотвѣтствуютъ древнимъ обитателямъ европейской части Россіи. Если мы пристальнѣе посмотримъ въ сочиненія Шлецера, то можемъ безошибочно сказать, что перомъ этого ученаго управляло предубѣжденіе, по которому русскіе Славяне въ быту своемъ ничѣмъ не одолжены своему собственному развитію, а всемъ обязаны шведскимъ Рослагенцамъ. О Славянахъ русскихъ нашъ лѣтописецъ сказываетъ, что уже до Рюрика Древляне, Поляне, Дреговичи, Полочане, Новгородцы составляли отдѣльныя княжества, а кому же не извѣстно, что никакое гражданское общество не можетъ существовать безъ законовъ или безъ обычаевъ, замѣняющихъ законы; и Несторъ говоритъ: „каждому языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычай.“ Въ Россіи до Рюрика находились города или крѣпости: Новгородъ, Бѣлоозеро, Ростовъ, Муромъ, Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ, Кіевъ, Коростень, кромѣ прочихъ, принадлежавшихъ Тиверцамъ и Уличамъ, между Днѣстромъ и Дунаемъ. Люди, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, были бы не въ состояніи соорудать укрѣпленія, да не имѣли бы въ нихъ и надобности. Славяне, обитая въ лѣсахъ, должны были умѣть обезопасить себя отъ дикихъ звѣрей и научиться добывать, для платежа дани, бѣлокъ, куницъ и другихъ животныхъ. Если бы предкамъ нашимъ скотоводство было незнакомо, то чѣмъ же бы Радимичи и Вятичи воздѣлывали поля свои, уплачивая дань Хозарамъ съ плуга? Для чего было бы предкамъ нашимъ поклоняться кумиру Волоса, скотьяго бога? Уже въ геродотово время хлѣбопашество производилось у Днѣпра, Буга и другихъ рѣкъ нашей страны. Если русскіе Славяне не умѣли ковать оружіе, то чѣмъ Новгородцы прогнали отъ себя броненосныхъ Варяговъ въ 861 году? Безъ сомнѣнія, не дубинами и кулаками. Надежнѣе чѣмъ Шлецеру мы можемъ повѣрить Прокопію, Юриану и императору Маврикію, писателямъ VI и VII вѣковъ. Эти писатели оставили намъ извѣстія, по которымъ Славяне и Апты, занимавшіе въ ихъ время неизмѣримыя пространства между Дунаемъ, истоками Вислы, Днѣпромъ и Финскимъ заливомъ, гдѣ поселенія ихъ, какъ и Новгородъ ильменскій, имѣлись ранѣе 590 года. Эти Славяне и Апты имѣли, уже

въ то время, свои княжества, свои вѣча, свою вѣру, свои законы, не терпѣли рабства, отличались гостепрѣимствомъ къ иностранцамъ, соблюдали цѣломудріе, изобиловали скотомъ и произведешіями земли, которую обрабатывали, имѣли различное оружіе. Выраженія Несторовы о дикости нѣкоторыхъ племенъ славяно-русскихъ явно направлены только къ показанію разницы между славянами-язычниками, не вѣдавшими христіанскихъ обычаевъ, и Славянами времени лѣтописца, озаренными уже евангельскимъ свѣтомъ. Выраженія лѣтописца: „жили въ лѣсахъ по звѣрски;” „сходятся на бѣсовскія игрища;” составляютъ такую же гиперболу, какъ: „Бактріане ѣдятъ, яко пси” или „Амазонки, яко скоть безсловесный, единожды лѣтомъ сочетаются” ⁴⁶).

И такъ, заключаетъ авторъ, если Славянъ даже IX вѣка нѣтъ причины почитать полудикими, даже кочевыми, не знавшими сношеній съ другими народами, не знавшими нисколько гражданскаго устройства, то еще безпричиннѣе признавать ихъ такими въ XI вѣкѣ, по соединеніи ихъ съ Варягами-Русью ⁴⁷).

Обращаясь затѣмъ къ сочиненіямъ скептиковъ и желая отыскать въ нихъ факты, подтверждающіе ближайшее знакомство скептиковъ съ общественнымъ состояніемъ древнихъ Россіянъ, Бутковъ открываетъ въ нихъ только слѣдующія фразы: „знаемъ изъ самыхъ нашихъ лѣтописей въ сколь необразованномъ, полудикомъ состояніи жили въ то время Славяне;” „необразованныя и полудикія Финно-Славянскія племена не знали никакого гражданскаго устройства, жили, по словамъ лѣтописца, какъ звѣри въ лѣсахъ.” Въ доказательство этихъ фразъ, говоритъ Бутковъ, скептики указываютъ на одинъ Временникъ Нестора, т. е. утверждаютъ свое воззрѣніе на такомъ сочиненіи, которое сами признаютъ выдуманнымъ въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка, въ которомъ, по ихъ собственнымъ словамъ, древнѣйшія извѣстія представляютъ собою или сказки или составлены на обумъ ⁴⁸).

Воззрѣнія Шафарика. Дальнѣйшее развитіе протеста, начатаго Бутковымъ, противъ господствовавшихъ въ началѣ нашего столѣтія воззрѣній на общественное состояніе Славянъ дорюриковской эпохи, находимъ въ изслѣдованіи „Славянскія Древности” Шафарика ⁴⁹). Выводы изслѣдованій Шафарика, направленныхъ къ изу-

ченію славянскихъ древностей, по интересующему насъ вопросу, выражаются въ слѣдующихъ заключеніяхъ. Поколѣніе Славянское столько же древне въ Европѣ, какъ и родственныя ему поколѣнія: Литовское, Нѣмецкое, Кельтское, Латинское и Фракійское. Жилища славянскія, уже въ глубокой древности, простирались отъ Адриатическаго моря до моря Балтійскаго, отъ побережья рѣки Одры до истоковъ Днѣпра и Дона. Численностью своею уже въ V и VI вѣкахъ славянское поколѣніе не уступало самымъ многолюднымъ европейскимъ поколѣніямъ, если только не превышало ихъ ⁵⁰).

Славяне, продолжаетъ авторъ, искони принадлежали къ разряду осѣдлыхъ народовъ; мы находимъ у нихъ слѣды замѣчательнаго образованія, промышленности, ремеслъ, искусствъ и нравственнаго воспитанія. Управление общественными дѣлами находилось въ рукахъ самаго народа. Отцы семействъ неограниченно повелѣвали своими семействами, а выбранные и утвержденные ими на народныхъ сеймахъ или съѣздахъ старшины, воеводы, жрецы, впоследствии называвшіеся разными другими именами, какъ то: лехи, паны, владыки, жупаны, бояре, князья и т. д., завѣдывали общественными и домашними дѣлами, религіей, правленіемъ, законами, судомъ, торговлей, промышленностью, войной и миромъ съ другими народами ⁵¹). Славяне уже въ древнѣйшее время имѣли собственные законы и права ⁵²).

Уже въ недоступной древности, по мнѣнію Шафарика, значительная часть торговли Азіи съ западной Европой находилась въ рукахъ Славянъ, или же, по крайней мѣрѣ, шла серединою ихъ земли. Отъ этого явились у нихъ многіе торговые города, славившіеся съ незапамятнаго времени своимъ народонаселеніемъ, богатствомъ и промышленностью. Извѣстіе Юрнанда: *hi (sclavini) paludes sylvasque pro civitatibus habent*, значить ни болѣе, ни менѣе, какъ только то, что болота и лѣса замѣняли у нихъ укрѣпленія ⁵³). Со II по VII столѣтія по Р. Х., мы находимъ разные слѣды и указанія, что Греки и Римляне почитали сѣверныхъ и южныхъ Славянъ народомъ образованнымъ, знакомымъ съ науками и письмомъ ⁵⁴).

„Теперь, заключаетъ авторъ, мы можемъ предложить послѣдній вопросъ: слѣдуетъ ли, послѣ всего сказаннаго нами, считать древнихъ Славянъ, какъ это обыкновенно дѣлають, дикарями и варварами? Конечно, у нихъ не было греческой и римской обра-

зованности, высшихъ искусствъ и наукъ, но, думаю, безпристрастный судья ни коимъ образомъ не отразитъ имъ въ той первобытной, человѣческой образованности, которой неиспорченные народы современемъ достигаютъ естественнымъ путемъ, сами собой, и которой, напримѣръ, достигли Мексиканцы до прибытія къ нимъ Европейцевъ. Даже, кажется, нѣкогда, въ глубокой древности, не только на азиатскомъ, но и на европейскомъ сѣверѣ, въ странахъ, лежащихъ между Понтомъ и Бельтомъ, была несравненно большая населенность и общественная образованность, нежели какъ мы обыкновенно полагаемъ, судя по остаткамъ того въ средніе вѣка, уцѣлѣвшимъ послѣ столькихъ погромовъ великаго переселенія народовъ ⁵⁵).

Въ частности, окончивая описаніе племенъ русскихъ Славянъ и земель, занятыхъ ими въ древности, Шафарикъ высказываетъ: „оглядываясь назадъ, на путь совершенный нами, съ удивленіемъ должны мы остановиться, какъ на множествѣ здѣшнихъ народовъ, такъ равно и на обширности ихъ жилищъ. Вотъ гдѣ, стало быть, тѣ земли, между Татрами, Вислой, Ильменскимъ озеромъ, верхней Волгой и Дономъ, о которыхъ уже Тацитъ и Птоломей говорили, что ихъ занимаетъ собой величайшій Венедскій народъ, гдѣ Юрнандъ на безмѣрномъ пространствѣ помѣщаетъ многолюдное племя Винидовъ, гдѣ Прокопій назначаетъ жилища и родину безчисленнымъ Антскимъ народамъ, откуда, въ теченіе трехъ вѣковъ, вышли безчисленныя полчища воинственного и невоинственного народа на югъ и западъ, въ Европу и Малую Азію, заселившіе многолюдностью своей половину Германіи, часть Англій, Батавіи, цѣлую Дакію, Угрію, Илирикъ, Византію и такъ далѣе, въ коихъ и послѣ этого великаго переселенія и упорныхъ битвъ оставшихся обитателей съ иноязычниками, налегавшими на нихъ съ востока и запада, баварскій географъ, описывая, безъ сомнѣнія, только нѣкоторые края сѣверныхъ Славянъ, насчиталъ до двадцати различныхъ народовъ и слѣшкомъ три тысячи семьсотъ шестьдесятъ укрѣпленныхъ городовъ, земли, кои, по словамъ нашего соплеменника Нестора, были заняты многочисленными славянскими племенами съ твердыми городами еще до прибытія Варяговъ, народами, по свидѣтельству его и вообще всей исторіи, предпочитавшими свободу самой жизни, земли, наконецъ, о коихъ Матфей, епископъ краковскій (около 1150 г.) воскликнулъ:

„Русь... это, словно, иной міръ... народъ русскій безчисленнымъ множествомъ своимъ равняется однимъ лишь звѣздамъ.” И объ этихъ то земляхъ угодно было нѣкоторымъ новѣйшимъ писателямъ утверждать, что это было испоконъ вѣка наследственное достояніе Скандинавовъ, что онѣ составляли до времени самаго Володимира безпредѣльную пустыню, въ коей только тамъ и сямъ скитались бѣдныя семейства кочующихъ звѣролововъ и скотопитателей, называвшихся челоуѣками, то есть, рабами, слугами, невольниками”⁵⁶).

Въ другомъ мѣстѣ, по поводу призванія Варяговъ Новгородцами, о степени образованности древне-русскихъ Славянъ, Шафарикъ высказываетъ: „тѣ ошибаются, которые, увлекаясь примѣромъ Аделунга, Гебгарди и слѣпо подражающихъ имъ Добровскаго, Карамзина и другихъ новѣйшихъ русскихъ писателей, представляютъ себѣ древнихъ Славянъ какими то африканскими дикарями и сомнѣваются въ призваніи Варяговъ потому только, что оно обличаетъ образованные нравы, напротивъ утверждая, что образованные и сильные Руссы вооруженною рукою покорили и пороботили себѣ звѣроподобныхъ и немногочисленныхъ Славянъ. Да, тутъ правда наоборотъ: новгородскіе Славяне, ослабленные образованіемъ и богатствомъ, гордившіеся своею роскошью, отъ природы легкомысленные и несогласные между собою, избѣгая рабства, грозившаго имъ со всѣхъ сторонъ, согласились призвать къ себѣ, изъ среды народа, хотя суроваго, но за то храбраго и далеко превосходившаго другихъ своею воинственностью, государей, которые бы защищали ихъ”⁵⁷).

Послѣдователи Буткова и Шафарика, развивая далѣе мысль Татищева о стародавности Славянъ въ Европѣ, разработанную Шафарикомъ, на основаніи филологическаго анализа именъ различныхъ древнихъ и новыхъ народовъ, дошли до убѣжденія, по которому чуть ли не всѣ народы Европы должно признать народами славянскаго происхожденія⁵⁸).

V. Теорія родоваго быта.

Въ основаніи этой теоріи лежитъ мысль Карамзина о политической независимости древнеславянскихъ семействъ, развитая Эверсомъ въ систему первобытныхъ соціальныхъ отношеній, названную

имъ родовымъ или патріархальнымъ бытомъ. Основаніями этого быта, какъ мы видѣли, признаны Эверсомъ родство между сочленами родового союза и власть старшаго родственника надъ младшими, власть родоначальника⁵⁹). Тѣ же мысли находимъ въ основаніи ученія С. М. Соловьева, имѣвшемъ блестящій успѣхъ въ новѣйшей историко-юридической литературѣ⁶⁰).

Кромѣ С. М. Соловьева, котораго можно считать главнѣйшимъ представителемъ и основателемъ родовой теоріи, въ числѣ послѣдователей этой теоріи мы встрѣчаемъ извѣстныя имена К. Д. Кавелина, Н. В. Калачова, Б. Н. Чичерина, Н. Е. Забѣлина, А. Н. Афанасьева и мн. др. Впрочемъ, большинство послѣдователей родовой теоріи высказалось въ ея пользу при разработкѣ вопросовъ княжескаго или удѣльнаго періода русской исторіи, не останавливаясь на специальномъ изученіи началъ политическаго быта русскихъ Славянъ древнѣйшей, дорюриковской эпохи. Специальныя разсужденія о родовомъ бытѣ древнерусскихъ Славянъ мы находимъ только въ сочиненіяхъ С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Н. Е. Забѣлина, А. И. Никитскаго и Н. И. Хлѣбникова.

Въ настоящемъ обзорѣ ученія родовой теоріи мы будемъ имѣть въ виду преимущественно новѣйшія специальныя разсужденія о началахъ родового быта древнерусскихъ Славянъ, въ которыхъ родовая теоріи, въ слѣдствіе ученаго спора ея послѣдователей съ ея противниками, является намъ въ значительно измѣненномъ и дополненномъ видѣ, сравнительно съ начальными разсужденіями ея послѣдователей.

Сравнивая воззрѣнія послѣдователей родовой теоріи, мы находимъ въ нихъ одну общую основную мысль, по которой въ исторіи человѣческаго общежитія вообще и исторіи общежитія каждаго народа въ частности древнѣйшею ступеню является бытъ родовой⁶¹). Затѣмъ, въ понятіяхъ о родовомъ бытѣ и приложеніи этихъ понятій къ объясненію характера политическихъ учрежденій древне-русскихъ Славянъ каждыи ученый, болѣе или менѣе существенно, отличается отъ другихъ ученыхъ. Въ этомъ отношеніи особенно различаются три направленія: 1, воззрѣнія ученыхъ, называющихъ древнѣйшій родовой бытъ русскихъ Славянъ бытомъ естественнымъ—кровнымъ—патріархальнымъ; 2, воззрѣнія ученыхъ, называющихъ тотъ же бытъ естественнымъ—кровнымъ—братскимъ, и 3, воззрѣ-

нія ученыхъ, называющихъ тотъ же бытъ искусственнымъ—фиктивнымъ—патріархальнымъ. Представителями этихъ направленийъ служатъ: перваго—ученіе гг. Соловьева и Кавелина, втораго—ученіе г. Забѣлина; третьяго—ученіе гг. Грановскаго, Никитскаго и Хлѣбникова.

Воззрѣнія С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина.

Понятіе естественнаго — кровнаго — патріархальнаго — родоваго союза и быта характеризуется слѣдующими опредѣленіями. Родовой союзъ основанъ на началахъ кровной связи между родственниками и естественномъ подчиненіи младшихъ родичей старшему: отцу, родоначальнику, патріарху, господствующему надъ младшими родичами, подвластными. По смерти отца семейства, родоначальника, одинъ изъ старшихъ родичей, обыкновенно старшій братъ, заступалъ мѣсто отца для младшихъ, сохранялъ сожитіе родичей на одномъ мѣстѣ, ихъ общія занятія и общее владѣніе родовымъ имуществомъ. Въ быту родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти. Въ чистомъ видѣ родовому быту извѣстна только одна общественная форма—кровный родъ; ему не извѣстны понятія семьи, территоріальной общины и государства, позднѣйшихъ формъ человѣческаго общежитія. Съ теченіемъ времени, при появленіи извѣстныхъ условій, родовой бытъ мало по малу измѣняется въ бытъ государственный и общинный; но явленія родоваго быта долго сохраняются и въ быту государственнымъ ⁶²).

Основаніями приложенія понятія о кровномъ патріархальномъ родѣ къ объясненію началъ политическаго быта русскихъ Славянъ древнѣйшей эпохи служатъ гг. Соловьеву и Кавелину слѣдующіе факты и соображенія: историческая аналогія, по которой общежитіе всѣхъ народовъ начинается естественнымъ, кровнымъ, родовымъ бытомъ ⁶³), остатки явленій древнѣйшаго родоваго быта, наблюдаемые въ настоящее время и въ различные историческіе періоды у различныхъ народовъ славянскаго и неславянскаго происхожденія ⁶⁴); свидѣтельства начальной русской лѣтописи, въ которыхъ встрѣчается слово *родъ* ⁶⁵); свидѣтельства византійскихъ писателей VI и VII вѣковъ ⁶⁶); свидѣтельство древней чешской пѣсни, извѣстной въ ученой литературѣ подъ названіемъ „Суда Любуши“ ⁶⁷); терминологія общественныхъ отноше-

ній, наблюдаемая въ быту русскихъ крестьянъ настоящаго времени ⁶⁸⁾; языческія вѣрованія Славянъ ⁶⁹⁾ и современные свадебные обряды русскихъ крестьянъ ⁷⁰⁾. Впрочемъ, не все изъ сказанныхъ основаній гг. Соловьевъ и Кавелинъ придаютъ одинаковое значеніе. Такъ напримѣръ: г. Соловьевъ главнѣйшими доказательствами считаетъ свидѣтельства начальной русской лѣтописи и сравнительную историческую аналогію, не упоминая вовсе о современной терминологіи общественныхъ отношеній у русскихъ крестьянъ; г. Кавелинъ, наоборотъ, главнѣйшимъ доказательствомъ считаетъ сказанную терминологию, признавая сравнительную историческую аналогію и историческія свидѣтельства въ данномъ случаѣ почти безплодными ⁷¹⁾.

Въ приложеніи понятія о родѣ къ объясненію значенія политическихъ учрежденій древнерусскихъ Славянъ, ученія гг. Соловьева и Кавелина значительно различаются. По ученію г. Соловьева, какъ и по ученію Эверса, русскимъ Славянамъ до рюриковской эпохи была извѣстна только одна политическая форма: кровный родъ, управляемый родоначальникомъ; разложеніе этой формы, признакомъ котораго было появленіе городовъ и вѣчь, повело непосредственно къ призванію Варяговъ и образованію русскаго государства. По ученію г. Кавелина общезитіе русскихъ Славянъ до времени призванія Варяговъ или образованія русскаго государства прошло двѣ ступени: ступень рода, управляемаго однимъ родоначальникомъ, и ступень родовой общины, управляемой собраніемъ родоначальниковъ. На первой ступени въ обществѣ не было органа власти, стоявшаго выше родоначальника, полновластнаго распорядителя судьбами семьи или рода; на второй ступени выше единоличной власти родоначальника появляется народное собраніе или вѣче, состоявшее изъ представителей семействъ или родовъ, изъ родоначальниковъ.

Значеніе политическихъ учрежденій древнерусскихъ Славянъ по ученію г. Соловьева.

Значеніе князя. Князья древнерусскихъ Славянъ, по теоріи г. Соловьева, были отцы семействъ, родоначальники. Предки наши, говоритъ онъ, не знали семьи, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; первоначально они не понимали никакой общественной связи, внѣ родовой. Единство рода (его

крѣпость) поддерживалось единымъ родоначальникомъ. Эти родоначальники носили разныя названія: старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; последнее названіе было особенно въ употребленіи у Славянъ русскихъ, и имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства. Когда умиралъ отецъ, дѣдъ или прадѣдъ, единство рода поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти: одинъ изъ старшихъ родичей, путемъ естественнаго наслѣдованія или завѣщанія или избранія, заступалъ отцовское мѣсто; по смерти отца старшій братъ естественно наслѣдовалъ старшинство, становился въ отца мѣсто для младшихъ. Права родоначальника и его отношенія къ младшимъ родичамъ были совершенно неопредѣлены. Родоначальникъ имѣлъ обязанностью блюсти выгоды рода, безъ его вѣдома и согласія ничто не дѣлалось: онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ нищи и одежды, онъ судилъ и наказывалъ; но всѣ распоряженія родоначальника получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что родоначальникъ поступаетъ съ ними, какъ отецъ, наблюдаетъ строгую справедливость. Власть, сила старшаго или родоначальника основывалась на согласіи младшихъ родичей, ему подвластныхъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только чрезъ нихъ. Недовольство родоначальникомъ со стороны младшихъ родичей влекло за собою внутреннія несогласія въ родѣ, возстаніе младшихъ противъ старшаго; внутреннія несогласія, усобицы въ родѣ вели къ распаденію его на части, вели къ выселенію части родичей на новыя мѣста и образованію новыхъ родовъ, или же къ избранію новаго родоначальника въ старомъ родѣ ⁷²).

Значеніе города. Города древнерусскихъ Славянъ, по теоріи г. Соловьева, были огороженными жилищами родовъ. Громкое слово *городъ*, говоритъ онъ, не должно смущать насъ, не должно возбуждать мысль о противорѣчій между существованіемъ городовъ и особнаго родового быта: о городской жизни восточныхъ Славянъ изъ словъ лѣтописца можно заключить только то, что города были обиталищами одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ. Кіевъ, по лѣтописцу, былъ жилищемъ рода. Не смотря на то, добавляетъ

авторъ, первоначальный славянскій городъ имѣеть важное историческое значеніе: городова жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала ⁷³). Относительно вопросовъ о времени появленія городовъ у русскихъ Славянъ и ихъ количества въ дорюриковскую эпоху въ воззрѣніяхъ г. Соловьева замѣтны неясность и колебаніе. Въ одномъ мѣстѣ авторъ относитъ эпоху появленія городовъ ко времени разложенія родоваго быта, въ другомъ—ко времени первоначальнаго поселенія Славянъ въ Россіи ⁷⁴); въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ, что древніе Славяне любили жить разсѣянно, что у нихъ въ эпоху призванія Рюрика городовъ было немного, что имъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ; въ другомъ сочиненіи, значительное количество сохранившихся древнихъ укрѣпленій, извѣстныхъ подъ названіемъ городищъ, онъ признаетъ остатками славянскихъ городовъ дорюриковской эпохи ⁷⁵).

Значеніе народнаго собранія или вѣча. Древнеславянское вѣче, по теоріи г. Соловьева, было собраніемъ родоначальниковъ. „При описаніи междоусобій, говоритъ онъ, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого ясно видно, какъ развито было *общественное устройство*, видно, что *до призванія князей, оно не переходило еще родовой грани*; первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ (въ городахъ), долженствовали быть общіе сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣднихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча, сходки старшинъ, родоначальниковъ не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизмъ, доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, копчившіяся призваніемъ князей” ⁷⁶).

Начало русскаго государства и условія разложенія родоваго быта. Начало русскаго государства, по ученію г. Соловьева, относится ко времени призванія Рюрика. Ближайшею причиною призванія Рюрика были внутреннія усобицы между славянскими

родами, послѣдовавшія за изгнаніемъ Варяговъ изъ новгородской земли въ половинѣ IX вѣка, и потребность въ установленіи *наряда*, нарушеннаго сказанными усобицами. Съ призваніемъ Рюрика, появляются новыя начала въ политической жизни древнерусскихъ Славянъ: появляется дружина, общество, основанное на иномъ началѣ, чѣмъ кровный или родовой союзъ, на началѣ соглашенія; появляются города въ новомъ смыслѣ, въ смыслѣ торговыхъ, промышленныхъ и административныхъ центровъ; появляется частная собственность; появляется государство. „При появленіи дружины, образованіи городовъ въ полномъ смыслѣ слова, при основаніи государства можетъ и должно начаться ослабленіе родового быта и замѣна его общиннымъ; но пойдетъ ли упомянутое ослабленіе скоро или медленно, — это зависитъ отъ особенныхъ обстоятельствъ народной жизни.“ Явленія родового быта, дѣйствуя въ нашей древней исторіи въ самыхъ выпуклыхъ отношеніяхъ, провожаютъ насъ и въ XVIII вѣкѣ ⁷⁷).

Знаменіе политическихъ учрежденій древнерусскихъ Славянъ по ученію г. Кавелина.

По мнѣнію г. Кавелина, г. Соловьеву принадлежитъ честь величайшаго открытія въ русской исторіи: онъ открылъ и показалъ, какъ основной принципъ нашей древней исторіи, — родовое начало; но онъ, по мнѣнію автора, не вполне вѣрно и послѣдовательно развилъ свою мысль, что произошло оттого, что г. Соловьевъ недовольно глубоко вникъ въ законы естественнаго, органическаго развитія родового начала ⁷⁸).

Въ древнѣйшія времена, говоритъ г. Кавелинъ, русскіе Славяне имѣли исключительно родственныя, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія; этотъ бытъ представлялъ множество семей и родовъ, которые были разрознены, чужіе между собою ⁷⁹).

Въ древнѣйшія времена, продолжаетъ авторъ, русско-славянскія племена состояли изъ большихъ и малыхъ поселеній, которыя, въ противоположность разрозненной жизни первоначальныхъ Германцевъ, представляютъ нашихъ предковъ собранными вмѣстѣ, жившими группами. Вглядываясь въ каждое поселеніе, мы видимъ, что это — разросшаяся, размножившаяся семья, которой члены и потомки жи-

вуть вмѣстѣ, на одномъ корню. Такъ все первобытное населеніе Россіи было огромное дерево, спокойно выросшее изъ одного зерна; поселенія и племена—его вѣковыя вѣтви и отпрыски. Внутри поселеній царствуетъ чисто семейный бытъ, подѣ управленіемъ старшаго рожденіемъ и лѣтами. Его власть была семейная, родительская; подвластные ему были какъ будто его дѣти и между собой соединены родственными узами и отношеніями. Этотъ бытъ создала природа, кровь; она его поддерживала и имъ управляла. Оттого совершенная юридическая неопредѣленность его отличительная черта. Напрасно станемъ мы искать въ немъ власти и подчиненности, правъ и сословій, собственности и администраціи. Человѣкъ жилъ тогда совершенно подѣ опредѣленіями природы; мысль еще не освободила его отъ ея ига”⁸⁰).

Описанный древнѣйшій, чисто-патріархальный бытъ, продолжаетъ г. Кавелинъ, не могъ быть вѣчнымъ. Чѣмъ дальше расходились линіи родства въ родовомъ поселеніи, тѣмъ больше должно было забываться между ними кровное родство. Главными поселеній были сначала старшіе по роду и лѣтамъ. Но когда народонаселеніе увеличилось, появилось много старшихъ родовъ и лѣтами, а кто изъ нихъ старѣе не возможно было опредѣлить, — стали избирать старѣйшинъ. Власть старѣйшины, оставаясь по прежнему патріархальной, начинаетъ получать легкій юридическій оттѣнокъ. Онъ становится посредникомъ, миротворцемъ и судьей въ поселеніи, лицомъ необходимымъ въ поселеніи и еще болѣе важнымъ, чѣмъ былъ прежде. Возрастающее значеніе старѣйшинъ было признакомъ возрастающей разрозненности семей; каждая изъ нихъ болѣе и болѣе начинаетъ погружаться въ свои особенные интересы. Общія потребности еще поддерживаютъ связи между семьями. () важнѣйшихъ дѣлахъ, которыя до всѣхъ ихъ касаются, старѣйшина поселенія совѣтуется съ старѣйшинами отдѣльныхъ семействъ въ поселеніи. Съ большимъ ослабленіемъ единства поселенія, котораго старѣйшина былъ представителемъ, семьи мало по малу становятся главными дѣятелями и власть ихъ общаго старѣйшины ослабѣваетъ. Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія — вѣча. То были сходбища семей для общаго совѣщанія, — праматери нынѣшнихъ крестьянскихъ сходокъ и столько же неправильныя. Мало по малу семьи

привыкають, не смотря на внутреннюю разрозненность, всё важна и общія дѣла дѣлать вмѣстѣ, поговоря между собою. *Поселенія становятся общинами.* Нѣкоторыя изъ нихъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ строятъ ограды и получаютъ названіе *городовъ*; но внутреннее устройство всѣхъ общинъ по прежнему совершенно одинаково, ибо таже основа для всѣхъ. Дальнѣйшее развитіе общиннаго быта состояло въ большемъ и большемъ его распаденіи.

Открываются нескончаемыя усобицы въ общинахъ. Какъ развивался общинный бытъ, такъ въ незапамятныя времена развивался бытъ племенной. Общины, принадлежавшія къ одному племени, собирались на племенные вѣча. Были и племенные старѣйшины— князья; но какъ въ общинахъ, они не вездѣ удержались. „Развитіе общественнаго быта у всѣхъ племенъ русскихъ Славянъ было одинаково. Оно постепенно вело Россію къ большому и большому разединенію; процессу разложенія не предвидѣлось конца. Въ это время, въ половинѣ IX вѣка, возникаетъ въ Россіи новый порядокъ вещей, принесенный извнѣ. Изъ русско-славянскихъ племенъ, волей и неволей покорившихся варяжской дружинѣ, образуется сильное, обширное государство; но устройство этого государства носитъ на себѣ не славянскій отпечатокъ; кажется, оно было феодальное”⁸¹⁾.

Воззрѣнія И. Е. Забѣлина ⁸²⁾.

Понятіе естественнаго—кровнаго—братскаго союза и быта. Это понятіе мы встрѣчаемъ въ новѣйшемъ сочиненіи г. Забѣлина, подъ заглавіемъ „Исторія Русской Жизни.” Въ прежнихъ сочиненіяхъ г. Забѣлина его понятіе о родѣ и родовомъ бытѣ не отличалось существенно отъ понятій о томъ же предметѣ гг. Соловьева и Кавелина; г. Забѣлинъ также называлъ древнѣйшую ступень человѣческаго общежитія патриархальнымъ и родовымъ бытомъ безразлично, во главѣ рода видѣлъ полновластнаго родоначальника и вообще характеризовалъ родовой бытъ сходственно съ характеристикой этого быта, предложенной гг. Соловьевымъ и Кавелинымъ ⁸³⁾.

Въ сочиненіи „Исторія Русской Жизни” г. Забѣлинъ различаетъ двѣ ступени родоваго быта: родовую патриархальную и родовую братскую. „Жизнь родомъ, говоритъ онъ здѣсь, не должно смѣшивать съ жизнью патриархальною *въ собственномъ смыслѣ.* Родовой бытъ *по своему существу* не совсѣмъ то же значить,

что быть патриархальный. И тотъ и другой, конечно, идутъ отъ одного корня и во многомъ сходны между собою, но въ ихъ *жизненныхъ основаніяхъ* существуетъ значительная разница, показывающая, что *въ сущности это два особья ступени чело-вѣческаго развитіи*, одна, быть можетъ, древнѣйшая, первичная, праотеческая, другая вторичная, *въ собственномъ смыслѣ* родовая, гдѣ значеніе праотца, патриарха, отъишло значеніемъ рода, гдѣ власть лица переродилась во власть рода”⁸⁴). По ученію автора, существенное отличіе родоваго-патриархальнаго союза отъ родоваго-братскаго союза состоитъ въ томъ, что въ первомъ власть принадлежитъ отцу—родоначальнику—патриарху, а во второмъ старшему колѣну братьевъ, и что въ первомъ общественныя отношенія основаны на принципѣ абсолютнаго неравенства между представителемъ власти—отцомъ—патриархомъ и его дѣтьми—подвластными, а во второмъ отношенія между союзниками—родственниками основаны на принципѣ братскаго равенства. „Братскій родъ, говоритъ авторъ, по своей природѣ, представляетъ такую общину, гдѣ первымъ и естественнымъ закономъ жизни было братское равенство”⁸⁵).

Основаніями приложенія понятія о братскомъ родѣ къ объясненію началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ служатъ г. Забѣлину: свидѣтельство начальной русской лѣтописи о бытѣ Полянъ, свидѣтельства византійскихъ писателей VI и VII вѣковъ, историческая аналогія и авторитетъ науки⁸⁶).

Приложеніе понятія о братскомъ родѣ къ объясненію началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ. По ученію г. Забѣлина, нашъ древнѣйшій лѣтописецъ не знаетъ ни семьи, ни общины, ни рода съ праотцемъ — родоначальниковъ во главѣ. Въ своихъ преданіяхъ о первыхъ строителяхъ своего быта, русскіе Славяне начинаютъ не отъ праотца, не отъ одного лица, а отъ трехъ братьевъ: Кія, Щека и Хорива, слѣдовательно, отъ того понятія, что господствовалъ въ ихъ жизни не родоначальникъ, а только родъ. Мифъ о сказанномъ стародавнемъ, приднѣпровскомъ *Трояне* не есть вымыселъ перваго лѣтописателя; онъ очень наглядно показываетъ намъ въ какомъ смыслѣ предки наши понимали слово *родъ*, такъ часто встрѣчаемое въ лѣтописи: это былъ родъ братьевъ. Земля нашихъ предковъ управлялась не родоначальникомъ, не еди-

ноличною властью, а родомъ, т. е. дѣтьми родоначальника, старшимъ колѣномъ родства, въ сущности, старѣйшими по рожденію людьми. Хотя по естественнымъ причинамъ власть и отдавалась въ руки одного лица, старшаго брата, старѣйшины надъ старѣйшинами, но онъ дѣйствовалъ не иначе, какъ во имя братскаго равенства, во имя кровнаго союза братьевъ. Этотъ кровный, братскій союзъ и господствовалъ надъ землею. Въ древнерусскомъ обществѣ на первомъ мѣстѣ существовали только роды, въ которыхъ отдѣльныя личности группировались по степенямъ родства; родовая степень опредѣляла достоинство каждой личности и указывала ея мѣсто въ обществѣ, опредѣляла ея права и обязанности. „Все земство состояло изъ отдѣльныхъ родовыхъ круговъ, почему лѣтописецъ очень ясно и вѣрно обозначаетъ, что каждый жилъ съ своимъ родомъ, на своемъ мѣстѣ, владѣлъ родомъ своимъ, не подчиняясь въ этомъ отношеніи никакимъ другимъ союзамъ и связямъ”⁸⁷⁾.

Значеніе древнеславянскаго города. Новая ступень общественного развитія древнерусскихъ Славянъ, по ученію г. Забѣлина, обусловливалась появленіемъ городовъ. Авторъ различаетъ понятія городка и города. Городокъ созидался въ то время, когда родъ, значительно размножившись на своемъ корню, разрастался въ цѣлую родовую общину⁸⁸⁾; городокъ былъ постояннымъ обиталищемъ того рода, для котораго онъ выстраивался; въ городкѣ царствовали обычаи и порядки въ тѣсномъ смыслѣ родовые⁸⁹⁾. Города появились съ дальнѣйшимъ размноженіемъ родовъ, когда роды разрастались въ цѣлыя волости, когда родичи расходились по лѣстницѣ рожденія далеко другъ отъ друга. „Въ городѣ собирались люди уже не одного рода, но разнородные, если и не совсѣмъ чужіе другъ другу по происхожденію отъ одного корня, за то совсѣмъ другіе для каждаго отдѣльнаго родства. Здѣсь возникало первоначальное общество, которое, какъ союзъ другихъ, вполнѣ равныхъ товарищей и друзей, такъ и именовалось дружиною⁹⁰⁾. Каждый городъ съ его властью представлялъ собою какъ-бы самостоятельное независимое государство. Право отдѣльнаго независимаго посольства показывало несомнѣнную самостоятельность и независимость каждаго города. Каждый съ своимъ родомъ жилъ особо на своемъ мѣстѣ, каждый владѣлъ особо своимъ родомъ. Эти слова въ точности обо-

значаютъ характеръ древняго общественнаго быта и на первой его ступени, въ смыслѣ особыхъ кровныхъ родовъ, и на той ступени, гдѣ изъ родовъ образовались общины и города—дружины” 91).

Значеніе древнеславянскаго князя. Можно полагать, говоритъ авторъ, что „первое понятіе о князѣ родилось съ городомъ, съ первымъ устройствомъ дружинной жизни, ибо первый кievскій человекъ Кій тогда начинаетъ княжить въ своемъ родѣ, когда братья строятъ ему городъ Кіевъ. Въ глубокой древности этимъ именемъ обозначалась родовая власть, но въ IX вѣкѣ, судя по переводу Св. Писанія, оно имѣло смыслъ болѣе общій и означало не только властителя, но и всякаго сильнаго человека. По указаніямъ лѣтописи видно, что уже въ приходъ Рюрика по всѣмъ городамъ русскимъ сидѣли свои князья, которые носили даже собирательное имя: *всякое князье*. „Все это заставляетъ полагать, что если существовали города, то въ каждомъ городѣ былъ свой князь, что князь вообще былъ необходимымъ существомъ городской жизни, какъ творецъ суда и расправы и первый защитникъ отъ обидъ и всякихъ враговъ. Это былъ конь или корень городского общенія” 92).

Значеніе древнеславянскаго вѣча. Относительно этого учрежденія находимъ у г. Забѣлина только слѣдующее замѣчаніе: „власть старшаго брата была собственно власть братская, очень далекая отъ понятія о самодержавной власти отца. Живущее братство естественно стремилось ограничивать эту власть во всѣхъ случаяхъ, гдѣ выступало впередъ братское равенство. Отсюда происходила полная зависимость старшаго брата—отца отъ общаго братскаго совѣта, по крайней мѣрѣ тѣхъ родичей, которые стояли въ линіи братьевъ; отсюда являлась необходимость вѣча и возникало право представительства на этомъ вѣчѣ всѣхъ родичей способныхъ держать родовое братство” 93).

Начало русскаго государства и историческое значеніе призванія Рюрика. „Призваніе Варяговъ въ Новгородѣ, говоритъ г. Забѣлинъ, было въ сущности самымъ простымъ и, такъ сказать, ежедневнымъ явленіемъ древней русской жизни, которое сдѣлалось знаменитымъ только по случаю утвержденія въ землѣ одного княжескаго рода... Рюрикъ засталъ русское историческое

дѣло уже въ полномъ ходу. Недоставало только храброй дружины, которая помогла бы прочистить во всѣ стороны давнишніе пути— дороги, отнятые различными Соловьями Разбойниками и Чудищами, Идолищами Погаными, а больше всего хитростями лстиваго Грека византійца, очень не желавшаго имѣть по сосѣдству сильную и непокорную народность ⁹⁴).

Воззрѣнія Т. Н. Грановскаго и А. И. Никитскаго.

Понятіе искусственнаго — патриархальнаго союза и быта. Это понятіе установлено впервые въ германской литературѣ Зибелемъ ⁹⁵), перенесено въ русскую литературу г. Грановскимъ ⁹⁶) и приложено къ объясненію началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ г. Никитскимъ ⁹⁷).

Понятія объ искусственномъ родовомъ бытѣ гг. Грановскаго и Никитскаго совершенно тождественны и выражаются въ слѣдующихъ опредѣленіяхъ. Свойственный обществамъ дѣтскаго возраста, искусственный родъ есть первоначальная социальная форма всѣхъ народовъ. Бытъ народа, основанный на этой формѣ, предполагаетъ двѣ ступени социальной организаци: родъ отдѣльный или простой и родъ высшій или сложный. Отдѣльный родъ есть добровольный союзъ лицъ, основанный на предположеніи родства между союзниками, живущими на общей землѣ и управляемыми предполагаемымъ родоначальникомъ. Въ составъ рода можно было вступать извнѣ посредствомъ усыновленія и брака. Приобщенный посредствомъ брака или другимъ образомъ къ чужому ему дотолѣ роду инородецъ становится его родичемъ, потомкомъ его родоначальника; вымышленное, искусственное родство заступало мѣсто родства кровнаго. Власть родоначальника въ родѣ основывалась на согласіи родичей, то есть на выборѣ, и заключала въ себѣ права верховнаго жреца, судьи и воеводы. Родъ сложный или высшій есть добровольный союзъ простыхъ родовъ, основанный на тѣхъ же началахъ, какъ и простой родъ.

Искусственный родъ есть социальная форма, отличная отъ естественнаго рода, съ одной стороны, и территоріальной общины, съ другой. Отъ перваго онъ отличается тѣмъ, что представляетъ собою не естественный продуктъ, а искусственный, основанный на договорѣ; въ этомъ случаѣ искусственный родъ представляетъ собою

не разросшуюся семью, а родовое государство, отличающееся от государства позднѣйшей эпохи только тѣмъ, что здѣсь всѣ общественныя отношенія облечены въ формы семейства и не выражаются въ особенныхъ политическихъ учрежденіяхъ. Отъ территоріальной общины искусственный родъ отличается тѣмъ, что не собственность, а родство, происхожденіе опредѣляло значеніе лица въ родовой общинѣ. Иностранцу не было въ ней мѣста. Родина члена рода заключалась не въ данной мѣстности, а въ родѣ его ⁹⁸).

Основанія приложенія понятія объ искусственномъ родѣ къ объясненію характера политической организаціи древнерусскихъ Славянъ.

Грановскій ограничился только изложеніемъ понятія объ искусственномъ родовомъ бытѣ и основаній, указанныхъ Зибелемъ, направленныхъ къ доказательству существованія родового быта у древнихъ Германцевъ, причѣмъ замѣтилъ, что „родовымъ бытомъ начинается исторія всякаго народа” ⁹⁹). Въ отношеніи политическаго быта древнихъ Славянъ находимъ у Грановскаго только слѣдующія замѣчанія: „не считаемъ нужнымъ указывать на всѣмъ извѣстные, представляющіе большое сходство съ германскими, обычаи славянскихъ племенъ” и „сближеніе германскаго родового быта съ тѣмъ же порядкомъ у Славянъ можетъ привести къ самымъ плодотворнымъ для науки выводамъ” ¹⁰⁰).

Перечень основаній приложенія понятія объ искусственномъ родѣ къ объясненію началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, равно какъ и самую попытку такого объясненія, мы находимъ въ изслѣдованіи г. Никитскаго, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси.” Одни изъ соображеній г. Никитскаго имѣютъ цѣлью доказать, что у древнерусскихъ Славянъ не было естественнаго родового быта, а былъ бытъ искусственно-родовой; другія соображенія имѣютъ цѣлью доказать, что у древнихъ Славянъ не было территоріальной общины, а была община родовая. Къ доказательствамъ перваго рода относятся слѣдующія: „существованіе у древнихъ Славянъ вымышленныхъ родоначальниковъ, подобныхъ Кію, Радиму и Вятку, отъ которыхъ вели свое происхожденіе древнерусскіе роды и племена” ¹⁰¹); сравнительная исторія вообще, показывающая, по мнѣнію автора, что въ предѣлахъ индо-европейской

отрасли народовъ родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ, кромѣ лицъ связанныхъ между собою узами родства, и постороннихъ членовъ” ¹⁰²); сравнительная исторія Славянъ, по мнѣнію автора, „представляющая такія несомнѣныя доказательства существованія у Славянъ фиктивныхъ семействъ еще въ XV столѣтіи, какія въ соотвѣтственной ясности и полнотѣ врядъ ли найдутся въ исторіи другихъ европейскихъ народовъ” ¹⁰³). Къ отрицанію существованія территоріальной общины у древнерусскихъ Славянъ направлены авторомъ: его соображеніе, по которому фикція родства служила единственнымъ основаніемъ всѣхъ первоначальныхъ общественныхъ союзовъ ¹⁰⁴); предполагаемое авторомъ преобладаніе у древнерусскихъ Славянъ патронимическихъ именъ въ названіяхъ племенъ и поселеній и отсутствіе именъ топонимическихъ и предполагаемое авторомъ первоначальное кочеваніе древнерусскаго населенія ¹⁰⁵).

Приложеніе понятія объ искусственномъ родѣ къ объясненію историческихъ извѣстій о древнеславянскихъ политическихъ учрежденіяхъ. По ученію г. Никитскаго, извѣстія источниковъ о древнеславянскихъ городахъ, князьяхъ и вѣчахъ относятся ко времени появленія у Славянъ общенія между простыми отдѣльными родами, ко времени образованія у нихъ высшихъ патріархальныхъ единицъ—княженій.

Значеніе города. Городами, по мнѣнію автора, назывались пустыя пространства земли, огражденныя стѣнами, въ которыхъ укрывались въ военное время соединенные въ одно цѣлое роды. Патріархальная цивилизація, говоритъ авторъ, была цивилизаціею до-городскою. У древнихъ Славянъ городами назывались мѣстопрібѣжища, сооруженіе которыхъ было однимъ изъ первыхъ проявленій возникавшей между отдѣльными родами связи, состоявшія ни въ чемъ иномъ, какъ въ огороженномъ стѣнами пустомъ пространствѣ. Въ эти огороженныя мѣста укрывались, въ случаѣ нападенія какого либо врага, соединенные въ одно цѣлое роды, вмѣстѣ со своимъ имуществомъ. Въ такихъ городахъ не было постоянного жилаго населенія. Въ настоящее время остатки такихъ пустыхъ городовъ называются у Славянъ городищами ¹⁰⁶).

Значеніе князя. По ученію г. Никитскаго „родовой бытъ основывался собственно на двойной фикціи или лучше на фикціи

двойнаго родства: во первыхъ, членовъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ между собою, а затѣмъ уже представителей родовъ, родоначальниковъ.” На основаніи перваго родства созидался собственно простой родъ, а на основаніи втораго родства созидались высшія патріархальныя единицы или княженія. Въ простомъ родовомъ союзѣ власть родоначальника „опирается въ своемъ происхожденіи на нѣжомъ или явномъ договорѣ всѣхъ потомковъ, короче, основывается на выборѣ.” Въ обязанность родоначальника входили заботы по женитьбѣ и выдачѣ замужъ членовъ рода; онъ же соединялъ въ себѣ разные виды общественной дѣятельности; онъ былъ жрецомъ, судьей и воеводою, представителемъ рода, какъ во ви́шнихъ отношеніяхъ, такъ и предъ богами ¹⁰⁷).

Высшее патріархальное общежитіе, продолжаетъ авторъ, называлось на Руси *княженіемъ*. Патріархальными княженьями была покрыта вся Русь: княженья встрѣчаются у Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Новгородцевъ, Полочанъ. „Княжескую власть должно представлять себѣ съ одной стороны наследственной, такъ какъ князья избирались изъ одного только рода, съ другой же выборною, такъ какъ изъ членовъ одного рода князь обыкновенно избирался и не всегда только членами этого рода, но обыкновенно могли принимать участіе и члены остальныхъ родовъ, составлявшихъ одинъ союзъ — княженіе.” Характеръ патріархальной власти не мѣняется существенно въ княженіи: „здѣсь, какъ и въ простомъ родѣ, она оставалась республиканскою должностію, магистратурою, основанною, съ одной стороны, на наследственности, съ другой же на выборѣ;” „князь, какъ и простой родоначальникъ, соединялъ въ своей особѣ, какъ жресческое, такъ судейское, такъ и воеводское званіе” ¹⁰⁸).

Значеніе вѣчи. Народныя собранія у древнихъ Славянъ, по воззрѣнію г. Никитскаго, были двоякаго рода: родовой сенатъ или совѣтъ старѣйшинъ и общее народное собраніе или вѣче. *Совѣтъ* старѣйшинъ составляло собраніе родоначальниковъ простыхъ родовъ, составлявшихъ княженіе. Будучи представителемъ простыхъ родовъ, совѣтъ стоялъ на ряду съ княземъ во всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ. У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ сенатъ былъ высшимъ правительственнымъ органомъ, дальше котораго не было никакой нераздѣльной (личной) власти ¹⁰⁹). *Народ-*

ное собраніе основывалось на непосредственномъ личномъ участіи всѣхъ членовъ патріархальнаго княженія. „Такъ какъ родовыя княженія всѣ были незначительнаго размѣра, то посѣщеніе вѣча было доступно для всего населенія въ княженіи; въ извѣстные дни жители селъ и деревень, входившихъ въ составъ союза, могли утромъ явиться въ городъ, исполнить тамъ свои торговыя дѣла, принять участие въ народномъ собраніи, если оно было, а затѣмъ, къ вечеру розойтись спокойно по своимъ мѣстожительствомъ.” Отношеніе вѣча къ князю и совѣту старѣйшинъ состояло въ томъ, что послѣдній составлялъ при князѣ совѣщательное собраніе, на которомъ предварительно разсматривались дѣла, переходившія затѣмъ на утвержденіе народнаго собранія ¹¹⁰).

Относительно причинъ разложенія родоваго государства на Руси и образованія государства территориальнаго г. Никитскій ограничился только слѣдующими замѣчаніями: „господство родоваго быта разрушено усиленіемъ осѣдлости въ народонаселеніи, вмѣстѣ съ которою явились въ жизни понятія частной земельной собственности, мѣстной общины и вообще новый порядокъ вещей. Дальнѣйшее разъясненіе элемента, сообщившаго дальнѣйшее движеніе русской жизни, должно составить, вслѣдствіе крайней неразработанности предмета, не часть въ другомъ разсужденіи, а совершенно самостоятельное изслѣдованіе” ¹¹¹).

Наконецъ, въ заключительномъ словѣ своего разсужденія объ искусственномъ родовомъ бытѣ древнерусскихъ Славянъ г. Никитскій опредѣляетъ отношеніе теоріи искусственнаго родоваго быта къ теоріямъ естественнаго родоваго быта (г. Соловьева) и быта общиннаго. „Всепримиряющимъ началомъ, говоритъ онъ здѣсь, способнымъ очистить патріархальную теорію отъ ея внутреннихъ противорѣчій и сдѣлать неоспоримымъ господство ея и въ древней Руси, представляется намъ мысль о фиктивномъ или политическомъ родѣ, мысль, говорящая, что съ одной стороны родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ, съ другой же, что община была не чисто политическою, т. е. мѣстною, а родовою. Въ разницѣ между политическимъ и кровнымъ, естественнымъ родомъ и вытекающими отсюда слѣдствіями и заключается отличіе нашего мнѣнія отъ представленій школы г. Соловьева” ¹¹²).

VI. Теорія общиннаго быта.

Противъ теоріи родового быта древнерусскихъ Славянъ высказались впервые московскіе ученые, извѣстные въ ученой литературѣ подѣ именемъ славянофиловъ. Орудіемъ борьбы противъ ученія о родѣ, какъ основной формѣ политическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, послужило славянофиламъ понятіе территориальной общины. Это понятіе развивалось въ ученой литературѣ постепенно. Слово община встрѣчается уже въ изслѣдованіяхъ Рейца, Погодина, Шафарика; но здѣсь съ этимъ словомъ не связывалось никакого опредѣленнаго представленія въ юридическомъ отношеніи, а равно представленія, противнаго ученію родовой теоріи ¹¹³). Въ первый разъ понятіе объ общинѣ является въ противоположности съ понятіемъ о родѣ въ изслѣдованіи И. Д. Бѣльева, подѣ заглавіемъ: „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ” ¹¹⁴).

Воззрѣнія И. Д. Бѣльева. Въ основаніи сказанной статьи Бѣльева лежитъ мысль, высказанная въ первый разъ еще Татищевымъ и повторенная потомъ Рейцомъ, по которой: „славянскія племена, переселившіяся съ Дуная въ русскую землю, ко времени призванія Рюрика, развили въ новомъ отечествѣ общественную жизнь, по различію мѣстъ жительства, не въ одинакой степени и не въ одной политической формѣ” ¹¹⁵). Одни изъ племенъ: Уличи, Тиверцы ¹¹⁶), Дулебы, Хорваты, Дреговичи ¹¹⁷), Вятичи и Радимичи ¹¹⁸) остались до времени призванія Рюрика при родовой организаціи; другія племена: Древляне ¹¹⁹), Съверяне ¹²⁰) Поляне ¹²¹), Смоленскіе Кривичи ¹²²), Полочане ¹²³) и Ильменскіе Славяне ¹²⁴) измѣнили къ тому времени родовую форму быта въ форму быта общинную. Не отрицая свидѣтельствъ источниковъ, на которыхъ строили свои выводы г. Соловьевъ и его послѣдователи, Бѣлеевъ въ сказанной статьѣ старался доказать, что одни изъ этихъ свидѣтельствъ относятся не ко всѣмъ племенамъ русскихъ Славянъ, а другія указываютъ на бытъ древнѣйшей эпохи, измѣнившійся ко времени призванія Рюрика, подѣ влияніемъ новыхъ условій ¹²⁵). Древнеславянская община, по ученію Бѣльева, была основана на началѣ взаимной выгоды

между союзниками, въ противоположность роду, основанному на началѣ родства ¹²⁶).

Дальнѣйшее развитіе ученія общинной теоріи находимъ въ статьѣ К. С. Аксакова, подъ заглавіемъ: „о древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и русскихъ въ особенности” ¹²⁷).

Воззрѣнія К. С. Аксакова. Сказанное изслѣдованіе Аксакова имѣетъ преимущественно критическій характеръ, а его аргументація направлена противъ существенныхъ основъ родовой теоріи. До времени появленія критики Аксакова, Бѣляевъ считалъ достаточными въ теоретическомъ отношеніи существовавшія въ литературѣ опредѣленія родового быта и понималъ свидѣтельства источниковъ, собранныя Эверсомъ и его послѣдователями, въ смыслѣ родовой теоріи, доказывая только, что они относятся не ко всѣмъ племенамъ русскихъ Славянъ. Аксаковъ поставилъ себѣ задачей: во первыхъ, доказать, что опредѣленія родового быта, данныя послѣдователями Эверса, несостоятельны въ научномъ отношеніи; во вторыхъ, доказать, что свидѣтельства источниковъ, на которыхъ опираются воззрѣнія родовой теоріи не имѣютъ того смысла, какой придавали имъ ея послѣдователи, и въ третьихъ, собрать свидѣтельства источниковъ въ доказательство общинной организаціи всѣхъ племенъ русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи ¹²⁸).

Въ положительномъ направленіи находимъ въ изслѣдованіи Аксакова только слѣдующія положенія. Естественное состояніе, говоритъ онъ, лишенное всякаго сознанія, не есть бытъ; о такомъ первомъ естественномъ состояніи исторія не помнитъ и рѣчи объ немъ быть не можетъ. Бытъ является тогда, когда естественный порядокъ замѣченъ человѣкомъ, когда онъ въ него вѣрится и старается его удержать, когда является обычай и преданіе. Первоначальный видъ общества и первоначальный бытъ—есть, безспорно, родовой. Размножившаяся семья исчезаетъ и является родъ, поглощающій семью, значеніе семьи: ибо здѣсь владыка рода есть не отецъ, а родоначальникъ; отношенія дѣтей къ своему отцу смущены вліяніемъ и значеніемъ общаго родоначальника, безусловнаго владыки рода. Любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей своей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой верховный отецъ, патриархъ всего рода. Такое отношеніе, замѣченное человѣкомъ, вначалѣ ка-

жется ему истиннымъ и онъ старается его поддерживать. Когда жизнь родоначальника оказывается короче жизни рода, — родоначальникъ избирается, и ему передается все значеніе перваго родоначальника; иногда званіе это наследственно. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь уже, при подобномъ устройствѣ, извѣстное начало (принципъ), порядокъ жизни, быть, именно родовой. По мѣрѣ размноженія рода, родъ получаетъ болѣе общественное, гражданское значеніе. Родовыя отношенія, оставаясь еще родовыми, получаютъ смыслъ гражданскій, а родоначальникъ становится властителемъ и судьей этого родоваго общества. Значеніе родоначальника, даже въ самомъ началѣ, какъ скоро онъ признается, какъ родоначальникъ, носить уже въ себѣ зародышъ гражданственности. Вотъ родовой бытъ. Что же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглещена единствомъ рода и единствомъ родоначальника; во вторыхъ, что отношенія родовыя не остаются въ своей чистотѣ, а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны семью, съ другой гражданственность. Гражданственность сжущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ" ¹²⁹).

Въ другихъ мѣстахъ, опредѣляя значеніе древне-славянскій семьи и общины, авторъ высказываетъ: „рода у древнихъ Славянъ не было, а была семья. Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея нѣтъ и признака родоначальническаго, патриархальнаго характера. Напротивъ, мы видимъ, что всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ въ вопросѣ о собственности. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Передъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ влияніемъ общиннаго начала. Какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ напримѣръ вопросъ о владѣніи (на землю имѣла право вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама общиною. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась общиною и отъ нея шелъ представитель, или старшій, или избираемый ею (какъ въ Судѣ Любуши). Кто изъ дѣтей отдѣлялся отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и не нас-

лѣдовалъ ей, — семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны, она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ родившихся съ нею и даже постороннихъ, но въ этомъ случаѣ, соединеніе дѣлалось относительно хозяйства; собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наследство), но общимъ было пользованіе имуществомъ, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно, имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого она приняла въ составъ свой. Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятыя въ семью”¹³⁰).

Воззрѣнія В. Н. Лешкова. Попытка опредѣлить основанія общины, въ значеніи политико-юридическаго учрежденія, принадлежитъ г. Лешкову. Въ приступѣ къ своему изслѣдованію, подъ заглавіемъ: „Общинный бытъ древней Россіи”¹³¹) г. Лешковъ высказываетъ слѣдующія положенія: „для доказательства, какъ общинность господствуетъ въ современной Россіи, довольно бѣлаго знакомства съ извѣстнымъ сочиненіемъ Гафтаузена; для убѣжденія въ общинности Руси XVII и XVI вѣковъ, достаточно прочесть нѣсколько листовъ изъ „Актвъ Юридическихъ” или „Актвъ, касающихся до юридическаго быта Россіи;” въ пользу же общинности со временъ древнѣйшихъ говорятъ наши акты и лѣтописи, съ первыхъ историческихъ извѣстій о Руси. Наконецъ, общинность, какъ исходный пунктъ нашей исторіи, доказывается высшимъ закономъ всей исторіи, которая всегда и вездѣ начинается общимъ, потомъ переходитъ къ образованію частнаго, и состоитъ въ движеніи общности къ частности и въ возвращеніи частности къ общности. И противоположная школа отечественной исторической литературы начинаетъ русскую исторію съ общаго—съ родоваго союза и быта; только ея общее несостоятельно, какъ основаніе для объясненія, и невѣрно, какъ историческое событіе”¹³²). Затѣмъ, авторъ останавливается на вопросахъ о происхожденіи древнерусской общины, ея опредѣленіи въ значеніи политико-юридическаго учрежденія и ея юридической компетенціи въ сферахъ законодательства, суда и управленія.

Происхожденіе древнерусской общины. По мнѣнію автора, русскіе Славяне еще на Дунаѣ, до прихода въ мѣста современной Россіи, составляли единство этнографическое, единство по языку, вѣрованіямъ, обычаямъ. Занятіе ими новыхъ земель происходило постепенно, шагъ за шагомъ, а не одновременнымъ дѣйствіемъ завоеванія. Лѣтопись не говоритъ ни о войнахъ Славянъ съ туземцами, ни о дареніи земли пришельцамъ; а безъ дара и войны, можно было занять пришельцамъ въ Руси только дѣвственныя земли, т. е., никому непринадлежавшія, незаселенныя. Занятіе новыхъ земель производилось не отдѣльными лицами, а цѣлыми племенами. Воздѣланіе дѣвственныхъ земель требуетъ общихъ усилій племени; отсюда рождается мысль объ общемъ правѣ всего племени на занятую имъ землю и имъ воздѣланную. Эта мысль должна была ограничить права на землю отдѣльныхъ родовъ, погостовъ, селеній, какъ права этихъ родовъ, погостовъ, селеній ограничивали владѣнія земель частныхъ лицъ и хозяевъ. Такъ союзъ, скрѣплявшій Славянъ въ этнографическое единство, долженъ былъ, въ сопряженіи съ почвою Руси, стѣснить и ограничить частную собственность, долженъ былъ родить общинное владѣніе въ землѣ русской, долженъ былъ превратить единство народа этнографическое въ единство земское съ первой минуты осѣдлости ¹³³).

Понятіе общины. По ученію г. Лешкова, задолго до времени призванія Рюрика, Русь дѣлилась на различныя по величинѣ, но постоянныя въ своихъ границахъ пространства, участки земли, которые въ различныхъ странахъ древней Руси назывались различно: верви, погосты, губы. Населеніе каждаго такого участка земли представляло собою общину. Внутри каждая вервь дѣлилась на владѣльческіе, отдѣльные, поземельные участки, которые были совершенно равны, назывались удѣлами, участками, жеребьями, и, по своему равенству или тожеству, раздавались по жребію отдѣльнымъ членамъ общины во временное пользованіе. Отсюда древнерусская община есть территоріальный, вещный союзъ лицъ, основаніемъ которому служило общее владѣніе принадлежащею общинѣ землею ¹³⁴). Началами крѣпости общиннаго союза были: безопасность жизни въ общинѣ, доставляемая ею отдѣльнымъ членамъ при посредствѣ начала взаимной обороны, и благосостояніе, доставляемое общиною ея отдѣль-

нымъ членамъ при посредствѣ началъ общиннаго владѣнія землею и круговой поруки ¹³⁵).

Значеніе общины въ сферахъ законодательства, суда и управленія. По ученію г. Лешкова, во времена, предшествовавшія призванію князей виѣ верви не было права. Власть верховная дѣйствовала въ общинѣ, какъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Обычное право древней Руси было результатомъ законодательной власти общины. Надѣленные жеребьями отъ общины члены ея во всемъ отъ нея зависѣли. Общинѣ принадлежала и защита ея членовъ и управленіе по дѣламъ объ этой защитѣ. Старѣйшины, бояре, посадскіе, тысяцкіе, сотскіе и десятскіе были органами ея управленія; потокъ и разграбленіе служили для нея карательными средствами, а повальный обыскъ — средствомъ общественнаго дознанія юридической истины ¹³⁶). Кромѣ вопросовъ законодательства и суда, дѣятельность общины выражалась въ мѣрахъ по хозяйственному, земскому и гражданскому устройству и управленію древнѣйшей Руси. Хозяйство древней Руси, со всеми его видами, средствами, орудіями, счетомъ и мѣрами, было созданиемъ древней общины. Дѣятельность общей земской власти выражалась въ проведеніи дорогъ, установленіи общихъ правилъ постройки жилыхъ и другихъ зданій, мостовъ, укрѣпленій и пр. ¹³⁷). Наконецъ, дѣятельность общины, какъ перваго гражданского общества на Руси, выразилась въ установленіи общественныхъ классовъ, въ раздѣленіи народонаселенія на разряды по занятіямъ и въ опредѣленіи отношеній между различными классами. Въ этомъ отношеніи можно сказать, общественныя права всѣхъ разрядовъ лицъ, встрѣчаемыя позже въ Русской Правдѣ, наследованы ими отъ древнѣйшей эпохи, отъ древнѣйшей общины. Сообщая права, община и охраняла ихъ и не только судомъ, но особенно посредствомъ взаимной обороны отъ всѣхъ несчастій, грозившихъ или всему обществу или только отдѣльнымъ лицамъ. Такимъ образомъ, русская община до прихода князей обнимала свою дѣятельностью всѣ стороны общественнаго быта, начиная съ хозяйственной и кончая государственной сторонами жизни ¹³⁸).

Древнеславянскіе князья, города и народныя собранія по ученію г. Лешкова.

Значеніе князя. Возрѣше на значеніе древнеславянскаго

князя въ изслѣдованіи г. Лешкова не выражено опредѣленно. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ слѣдующее: „въ эпоху Русской Правды община не есть уже все; тогда на Руси существуютъ князья, тогда верховная власть успѣла подчинить общину своему суду и своему управленію и тогда права общины были уже частію перенесены на князя, а ей остались однѣ обязанности;” изложеніе ученія объ общинѣ онъ заканчиваетъ словами: „такая община господствовала въ древнѣйшей Руси, до прихода князей”¹³⁹). По смыслу этихъ цитатъ князей у русскихъ Славянъ до призванія Рюрика не было. Но, излагая дѣятельность общины, какъ перваго гражданскаго общества на Руси, г. Лешковъ выражаетъ убѣжденіе, по которому князья у русскихъ Славянъ существовали до Рюрика. Онъ говоритъ: „мы не знаемъ времени, когда появились на Руси князья, бояре, вои, а знаемъ навѣрное, что эти разряды лицъ найдены на Руси и наслѣдованы варяжскими князьями отъ временъ давно прошедшихъ”¹⁴⁰). Во всякомъ случаѣ, приведенными замѣчаніями исчерпывается ученіе г. Лешкова о древнеславянскихъ князьяхъ. Вопросы о происхожденіи княжеской власти, отношеніи князя къ общинѣ и предметахъ его вѣдомства оставлены ученіемъ г. Лешкова безъ отвѣта.

Значеніе древнеславянскихъ городовъ. Понятіе г. Лешкова о значеніи древнеславянскаго города стоитъ въ связи съ его ученіемъ о различныхъ моментахъ въ исторіи развитія древнеславянскаго община и происхожденіи общиннаго средоточія. Въ исторіи развитія древнеславянскаго община авторъ различаетъ двѣ эпохи: эпоху образованія этнографическихъ, племенныхъ общинъ и эпоху образованія и развитія общинъ земскихъ, территоріальныхъ. Первая эпоха соотвѣтствуетъ кочевому состоянію народа, а вторая осѣдлому. Въ отношеніи первоначальнаго, кочеваго состоянія русскаго народа авторъ ограничивается только слѣдующимъ замѣчаніемъ: не знаемъ, когда наши предки на Руси не были осѣдлымъ народомъ; во времена Игоря они ведутъ уже несомнѣнно осѣдлый образъ жизни. Кочеваніе было, вѣроятно, случайнымъ и короткимъ періодомъ быта для русскихъ Славянъ, съ момента, на который намекаетъ Несторъ въ словахъ: „розыдесе языкъ Словенскій”¹⁴¹). Въ исторіи развитія земской, осѣдлой общины г. Лешковъ различаетъ три періода: періодъ обра-

зованія въ общинѣ сельскихъ, городскихъ и областныхъ средоточій или политическихъ центровъ. Періодъ образованія сельскихъ средоточій соотвѣтствуетъ первоначальной эпохѣ появленія осѣдлости у русскихъ Славянъ. „Небольшое число земледѣльцевъ въ верви, говоритъ авторъ, заняло небольшое количество земли подѣ хлѣбопашество и осѣлось у рѣки или озера, застроивъ берегъ своими домами и дворами. Это первая русская деревня. Мало по малу и впоследствии осѣдались такимъ образомъ скотоводы и настухи, образуя также деревни, починки, займища; далѣе третій и четвертый слои населенія рыболовы, птицеловы, звѣроловы; всѣ они мало по малу въ трудѣ хлѣбопашца начинаютъ искать себѣ обезпеченія. Такъ, наконецъ, вервь на всемъ пространствѣ наполняется поселеніями осѣдлыми. Старѣйшее поселеніе, какъ болѣе богатое, болѣе устроенное, болѣе твердое, дѣлается средоточіемъ между ними. Новѣйшія поселенія тянутъ къ нему, зависятъ отъ него, признаютъ его власть. Съ момента появленія средоточія въ верви, община дѣлается земскою, территоріальною ¹⁴²). За образованіемъ сельскихъ средоточій въ верви, слѣдовало образованіе городскихъ. Появленіе городскихъ средоточій соотвѣтствуетъ эпохѣ появленія въ общинахъ раздѣленія народонаселенія по занятіямъ. Раздѣленіе народа по занятіямъ, вызванное общиною, отразилось какъ на внѣшнемъ видѣ, такъ и на внутреннемъ составѣ верви. „Ремесленники и купцы, сначала разсѣянные между сельскими жителями, подобно современнымъ сельскимъ портнымъ и бродячимъ коноваламъ, впоследствии времени сходились въ одно мѣсто, въ средоточіе верви, селились одинъ подлѣ другаго, образуя своимъ поселеніемъ рядки и торги, посады и городища, наконецъ, города. Это рядское, торговое, городское населеніе образовало изъ себя ядро новой осѣдлости, независимой отъ земли, куда мало по малу сходились и другіе классы, также независѣвшіе отъ земли, какими были вои, дружина, бояре. Раню или поздно городское населеніе стало противопоставлять себя сельскому, стало чувствовать свою важность для общины и приняло на себя управленіе дѣлами и судьбою цѣлой общины. Такъ образовались промышленныя, городскія средоточія въ вервахъ. За образованіемъ промышленныхъ средоточій, слѣдовало образованіе средоточій областныхъ ¹⁴³). Появленіе послѣднихъ соотвѣтствуетъ образовацію второй, высшей ступени общественности

у древнерусскихъ Славянъ. Дѣйствиємъ племенныхъ сочувствій и противоположеній и дѣйствиємъ различныхъ успѣховъ въ развитіи общинъ изъ среды первоначально равныхъ общинъ, принадлежавшихъ къ одному племени, возникаютъ средоточія для общинъ, состоящихъ изъ цѣлыхъ племенъ. Стянувшись къ этимъ болѣе сильнымъ средоточіямъ, каковы были главнѣйшіе города и вообще города въ земляхъ, занятыхъ цѣлыми племенами, верви вошли въ составъ ихъ какъ элементы и образовали области Новгородскую, Полоцкую, Киевскую или земли Сѣверянъ, Кривичей, Древлянъ и т. д. Эти земли и области сдѣлались такими же территоріальными общинами, какими были верви, только въ обширнѣйшемъ размѣрѣ и съ высшими правами, и стали для народа второю инстанціею общественности ¹⁴⁴).

Значеніе вѣча. Ученіе о значеніи народнаго собранія, вѣча у древнерусскихъ Славянъ (какъ и о значеніи князя) въ изслѣдованіи г. Лешкова не встрѣчаемъ. Въ цѣломъ изслѣдованіи мы находимъ объ этомъ предметѣ только слѣдующее выраженіе: „вѣча въ городахъ, какъ мірскіе сходы въ селахъ, суть явленія общинности” ¹⁴⁵); но какое это было явленіе, т. е., изъ какихъ элементовъ оно составлялось, въ какомъ отношеніи состояло къ единоличнымъ органамъ управленія дѣлами общины и какія дѣла оно вѣдало? На эти вопросы не находимъ въ изслѣдованіи автора положительныхъ отвѣтовъ.

Время и причины происхожденія русскаго государства. Крупнѣйшія общины, по ученію г. Лешкова, сдѣлались извѣстны въ исторіи тѣмъ, что подали поводъ къ явленію на Руси общей верховной власти. Эти общины, владея всѣми средствами для поддержанія и развитія правды и порядка внутри своихъ территорій, не находили средствъ къ поддержанію правды въ отношеніяхъ одной общины къ сосѣднимъ общинамъ. Несогласія между сосѣдними общинами всегда принимали характеръ борьбы продолжительной и разорительной. Рапо или поздно они должны были почувствовать необходимость высшей власти, общей, княжеской. Призваніе Рюрика является потому результатомъ отсутствія правды и порядка не внутри общинъ, какъ думаютъ послѣдователи теоріи Эверса, а внѣ общинъ, въ отношеніяхъ ихъ къ сосѣдямъ. Первоначальное назначеніе верховной власти состояло въ томъ, чтобы законъ и правду, царствовавшіе въ частяхъ Руси, распространить на всю Русь ¹⁴⁶).

Не писали спеціальнихъ изслѣдованій о политическомъ бытѣ русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, но высказались въ пользу общинной теоріи при разработкѣ вопросовъ русской исторіи удѣльнаго періода слѣдующіе изъ новѣйшихъ ученыхъ: Н. И. Костомаровъ, А. Д. Градовскій, В. И. Сергѣевичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и С. М. Шпилевскій ¹⁴⁷⁾.

VII. Теорія задружно-общиннаго быта.

Понятіе задруги или семейной общины получено путемъ изученія сельскаго быта современныхъ южныхъ Славянъ и приложено впервые къ объясненію началъ политической организаціи древнихъ Славянъ чешскимъ ученымъ Г. Иречкомъ, въ его сочиненіи „Славянское право въ Чехіи и Моравіи” ¹⁴⁸⁾.

Воззрѣнія г. Иречка. По ученію г. Иречка общественный строй, въ которомъ жили Славяне, былъ такъ называемый *родовой или патріархальный бытъ*, тотъ первоначальный бытъ, въ которомъ вообще находятся въ началѣ народы. Между Славянами настоящаго времени есть племена, которыя сохранили довольно чисто старую патріархальную форму своей общественной жизни. Южнославянская *задруга*, такъ называется эта общность рода, есть собраніе лицъ, которыя, будучи соединены родственною связью, имѣютъ общее имущество, живутъ подъ управленіемъ одного выборнаго старѣйшины, работаютъ для всей общины и содержатся сообща. Есть задруги, гдѣ и чужіе, неродственники принимаются въ родовой союзъ. Отъ задруги отличается у Сербовъ такъ называемая инокость, гдѣ живетъ наша обыкновенная семья, т. е., отецъ и мать съ дѣтьми ¹⁴⁹⁾.

Поводомъ къ приложенію понятія о современной задругѣ южныхъ Славянъ къ объясненію началъ политической организаціи древнеславянскаго общества служатъ автору слѣдующія основанія: 1, древнія названія недвижимаго имущества у Славянъ дѣдиною, отчиною и баштиною, указывающія, по мнѣнію автора, на *родовое* имущество; 2, исконное существованіе у Славянъ учрежденія круговой поруки, по мнѣнію автора, указывающаго на первоначальную

родовую связь; 3, существованіе у Славянъ поселеній съ *родовыми* названіями, напримѣръ Утѣшеновицы; 4, „прямое свидѣтельство Зеленогорской рукописи, гдѣ первоначальный *родовой* бытъ Славянъ представленъ въ его первобытной чистотѣ и силѣ”¹⁵⁰).

Основываясь на значеніи задруги у южныхъ Славянъ и свидѣтельствѣ Зеленогорской рукописи, г. Пречекъ въ разсужденіи „О родовомъ правѣ” древнихъ Славянъ дѣлаетъ попытку возстановить юридическій характеръ древнеславянскаго рода—задруги. „Древнеславянскій родъ, говоритъ онъ здѣсь, былъ союзомъ лицъ или семействъ, живущихъ на положеніи домохозяевъ, подъ управленіемъ господара или владыки, обыкновенно въ одномъ обществѣ селеніи. Единство рода проявлялось прежде всего, какъ юридическое единство, основанное на обществѣ владѣніи имѣніемъ, дѣдиною. Задруга есть не только общество лицъ, связанныхъ между собою кровною связью, но и союзъ лицъ вообще принятыхъ въ такое единство”¹⁵¹).

Такимъ образомъ, по ученію г. Пречка первоначальною формою общественнаго быта Славянъ была семейная община—родъ—задруга, т. е. союзъ лицъ, основанный на обществѣ происхожденіи отдѣльныхъ членовъ, съ одной стороны, и обществѣ владѣніи недвижимымъ имуществомъ, съ другой, управляемый родоначальникомъ или выборнымъ старѣйшиною и живущій въ деревнѣ или селеніи.

Попытки приложенія понятія задруги къ объясненію началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ принадлежатъ К. Н. Бестужеву-Рюмину и Ф. И. Леонтовичу.

Воззрѣнія К. Н. Бестужева-Рюмина. Ученіе К. Н. Бестужева-Рюмина выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ. Юридическій характеръ славянской семьи не подходитъ подъ строгое понятіе родового быта, отличіе котораго отъ всякаго другаго быта есть полная неограниченная власть главы рода надъ всѣми находящимися въ его власти и надъ всѣмъ принадлежащимъ этимъ лицамъ, преобладаніе мужчины надъ женщиною, родства мужскаго надъ женскимъ и господство началъ первородства и родословія. Всѣ эти черты не соотвѣтствуютъ тому быту Славянъ, который представляютъ намъ несомиѣнные историческіе памятники; а между тѣмъ, въ теперешнемъ бытѣ и въ памятникахъ встрѣчаются намеки на то, что если не *родовой* бытъ, то нѣчто подобное ему было у Славянъ

когда то, въ отдаленную эпоху; сюда относятся имена Славянъ русскихъ: Радимичи и Вятичи, существующія у Чеховъ названія селеній: Яповичи, Петровичи и т. д. и, что всего важнѣе, сюда относится обрядъ умыканія невѣсть, до сихъ поръ еще кое-гдѣ сохраняющійся въ видѣ обряда. Первоначальная лѣтопись указываетъ на умычку, какъ на обычай, господствовавшій у нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ. Умыканіе есть несомнѣнный признакъ того, что нѣкогда славянскіе роды (не лучше ли здѣсь семьи) жили отдѣльно и враждебно относились одинъ къ другому. Такое состояніе общества самое первоначальное; передъ нимъ мы ничего не можемъ себѣ представить и потому должны отвергнуть, какъ басню, сказаніе Космы Пращаго о томъ времени, когда Чехи не знали семьи и жили въ общности женъ и имуществъ. Какъ же согласить существованіе такихъ признаковъ отдѣльнаго рода съ выше сдѣланнымъ замѣчаніемъ о томъ, что въ семейномъ быту Славянъ не находимъ мы чертъ быта родоваго? Лучшимъ средствомъ соглашенія будетъ кажется, говорить авторъ, признать, что понятіе родоваго быта представляетъ двѣ степени: одна естественная, а другая болѣе или менѣе искусственная; развиваясь далѣе, родовой бытъ доходитъ до клана шотландскихъ горцевъ, въ которомъ одна семья преобладаетъ надъ другими. Нашъ семейный бытъ не пошелъ этимъ путемъ ¹⁵²).

Старинный порядокъ славянской семьи, продолжаетъ авторъ, былъ тотъ же, который знаетъ чешская пѣсня (Судъ Любуши): „всякій отецъ управляетъ своимъ домомъ. Мужи пахутъ, жены шьютъ одежду. И когда умретъ семейный глава, тогда всѣ дѣти сообща управляютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ рода владыгу, который для пользы ходитъ въ славные снемы.“ Этому выборному владыкѣ, можетъ быть, въ началѣ предшествовалъ *естественный*, старшій сынъ. Съ появленіемъ выборнаго старшины, появилась и мысль о принадлежности имущества не одному главѣ рода, но всѣмъ членамъ вмѣстѣ; эта общность впоследствии распространилась и на отца. Такая семейная община существуетъ въ наше время въ сербской задругѣ. Задругу, впрочемъ, нельзя уже вполне назвать семейною общиною, ибо она допускаетъ въ себя чужихъ и этимъ, можетъ быть, сближается съ древнепольскимъ ополемъ, въ которомъ преобладало, какъ кажется, начало сожителства, и которое соста-

вляло общину, знаменующуюся круговою порукою; съ другой стороны, задруга отличается тѣмъ, что она имѣеть своего выборнаго старшину, владѣеть землею совмѣстно, живетъ вмѣстѣ, судится внутри себя своею властью и имѣеть одно общее празднество. Ф. И. Леонтовичъ считаетъ на основаніи Полицкаго Статута, указывающаго на вервь въ смыслѣ задруги и нашу вервь за общину семейную. Въ этомъ воззрѣніи нѣтъ ничего такого, что не могло бы быть принято; напротивъ, принятіе этого мнѣнія многое разрѣшаетъ въ нашихъ древностяхъ: общины территориальныя могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ. Такія общины были судьями между своими членами и въ случаяхъ нужды оказывали имъ пособія: при отсутствіи власти, стоящей надъ общиною, гдѣ же, какъ не въ общинѣ, въ своемъ собственномъ кругѣ, долженъ былъ обиженный искать защиты?

Изъ предыдущаго видно, продолжаетъ авторъ, что основою общественнаго развитія Славянъ послужила семейная община (вервь, задруга), соединенная отчасти общимъ происхожденіемъ и еще болѣе общимъ сожительствомъ, общимъ землевладѣніемъ и своимъ собственнымъ судомъ въ своихъ предѣлахъ. Выходъ изъ семейной общины былъ рано возможенъ въ быту народовъ арійскихъ. Нѣсколько такихъ образовавшихся посредствомъ отдѣла общинъ, а иногда, можетъ быть, и общины разнаго происхожденія, соединялись вмѣстѣ въ болѣе обширный союзъ, называемый у многихъ славянскихъ народовъ жупами, и у насъ, можетъ быть, волостями или погостами. Слово жупанъ долго сохранялось въ Сербіи и сами государи Сербіи назывались великими жупанами; съ этимъ словомъ какъ бы чередовали въ Сербіи другое старое славянское слово *князь*, которое въ началѣ имѣло родовое значеніе; *principes, reges, duces, архонты* и т. д., о которыхъ упоминаютъ лѣтописцы латинскіе и византійскіе, у Славянъ, вѣроятно, именно и были такими жупанами и князьями въ смыслѣ главы волости. У Славянъ русскихъ тоже встрѣчаются слѣды такихъ князей, которые едва ли не одновременно существовали у одного племени: „наши князи добры суть, говорятъ послы древлянскіе Ольгѣ, иже распустили суть Деревскую землю.“ Въ центрѣ жупы существовалъ градъ, ея средоточіе религиозное, политическое и военное. Градъ строился всею жупою. Пер-

вообразами такого града были, вѣроятно, городища; затѣмъ появились болѣе распространенные окопы, особенно когда развилась торговля городовъ. Впослѣдствіи стали появляться города княжескіе и даже знатныхъ людей (градцы). Разрозненность жупъ веда къ постояннымъ раздорамъ между славянскими племенами, раздорамъ, замѣченнымъ и нашимъ лѣтописцемъ и писателями византійскими, арабскими и западными. Надъ жупами возвышалась власть племеннаго князя; мы не можемъ сказать съ точностію, у всѣхъ ли племенъ были свои племенные князя и постоянно ли они были? ¹⁵³).

Вопросъ о томъ, какъ создались славянскія государства, по мнѣнію автора, одинъ изъ самыхъ трудныхъ и мудреныхъ вопросовъ. Изъ того, что племена славянскія не вездѣ возвысились надъ разрозненностію жупъ, видно, что власть государственная выросла не изъ власти племеннаго старѣйшины, а создана была другими условіями: иногда она выросла изъ власти вождя, переводившаго славянское племя изъ одного жилища въ другое: такъ было съ Чехами, Хорватами и Сербами; нѣчто подобное было и у Поляковъ; у иныхъ народовъ центральную власть заложили чужеземныя дружины: у насъ и у Болгаръ. Вообще государства медленно устроились на славянской почвѣ. Когда, наконецъ, установилась власть князя, она явилась неограниченною, пока князь находился въ согласіи съ народомъ, пока народъ цѣнилъ и любилъ своего князя. Призваніе и назначеніе князя—судить между враждующими общинами. Долго князя были выборные, изболненные. Выбирали преимущественно въ одномъ родѣ. Весь родъ княжескій имѣлъ право быть выбраннымъ въ князя и потому каждый членъ считалъ себя въ правѣ получить часть въ землѣ; такъ создались удѣлы и надъ удѣльными князьями возвысился великій князь; едва ли это возвышеніе великаго князя не есть явленіе позднѣйшее. Народъ, избравшій князя, свергалъ его, если былъ имъ недоволенъ. Такъ высказывалась дѣятельность вѣча, которое постоянно существовало во всѣхъ славянскихъ земляхъ и власть котораго, не ограничивая власти княжеской, была, если можно такъ выразиться, параллельна ей; ограниченіе—произведеніе позднѣйшихъ временъ, результатъ борьбы и договоровъ; ничего подобнаго не знаютъ народы первоначальные: вѣрятъ они князю, такъ вѣрятъ вполнѣ, перестали вѣрить, они его свергаютъ. Уваже-

ніе къ князю было такъ велико, что домъ его служилъ убѣжищемъ. Князья сами собирають вѣче въ случаяхъ важныхъ. Вопросы на вѣчахъ рѣшались единогласіемъ, какъ позднѣе въ Новгородѣ и въ Польшѣ. Съ появленіемъ князей съ ихъ дружинами и съ распространіемъ городовъ, появились и высшія сословія. Трудно сказать, пользовались-ли эти высшія сословія какими либо правами, кромѣ уваженія. Славяне всѣ были свободны и отличались особенною любовью къ свободѣ. Потомъ, съ усиленіемъ военнаго быта, начали торговать рабами, какъ свидѣтельствуетъ Святославъ. Таково было общественное состояніе Славянъ въ эпоху близкую образованію русскаго государства: у всѣхъ этихъ племенъ мы видимъ еще не установившуюся власть, неопредѣлившіяся общественныя отношенія ¹⁵⁴). „Въ IX вѣкѣ сложилось русское государство. Варяги изъ за моря наложили дань на сѣверныя, славянскія и финскія племена. Съ этихъ поръ начинается настоящая исторія Россіи” ¹⁵⁵).

Воззрѣнія Ф. И. Леонтовича. Въ первый разъ г. Леонтовичъ выступаетъ въ ученой литературѣ съ понятіемъ задруги для объясненія началъ политико-юридической организаціи древнерусскихъ Славянъ въ небольшой статьѣ, подъ заглавіемъ: „О значеніи верви сравнительно съ задругою юго-западныхъ Славянъ” ¹⁵⁶). Вопросъ о верви, говоритъ здѣсь авторъ, извѣстной до послѣдняго времени по неяснымъ указаніямъ Русской Правды, доселѣ не разрѣшенъ наукою. Высказано въ нашей литературѣ нѣсколько мнѣній о юридическомъ значеніи верви, но всѣ они имѣютъ характеръ догадокъ, предположеній, безъ твердыхъ, фактическихъ основаній. Мы думаемъ, что указанія Полицкаго Статута могутъ въ значительной степени разъяснить темный вопросъ о верви. Въ Статутѣ мы встрѣчаемъ довольно полныя указанія на самую сущность верви, именно въ значеніи общины, но только не территоріальной, а *семейной*—учрежденія однороднаго съ задругою юго-западныхъ Славянъ ¹⁵⁷). Затѣмъ, авторъ сопоставляетъ юридическій характеръ Полицкой верви (1400 г.), верви Русской Правды и задруги юго-западныхъ Славянъ и высказываетъ слѣдующее заключеніе: „изстаринное и общее существованіе задругъ у всѣхъ Славянъ, по справедливому замѣчанію Воцеля, ясно доказываетъ глубокую ихъ древность. Въ историческое время, при дробной жизни Славянъ, задруга не могла воз-

нигнуть и сдѣлаться для нихъ общимъ учрежденіемъ. Корень задруги нужно искать въ доисторическое время общеплеменной жизни Славянъ. Тамъ же, очевидно, коренится и вервь Правды и Полицкаго Статута. Сущность ея, по многимъ признакамъ, одна и таже, что и задруги” 158). „Семейная община не осталась чуждою и жизни русскихъ Славянъ. На общинный характеръ русской семьи указывалъ Аксаковъ еще въ 50-хъ годахъ, въ извѣстномъ трактатѣ— о древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности. Мысль Аксакова оправдывается сближеніемъ верви Правды съ подобнымъ же учрежденіемъ у югозападныхъ Славянъ” 159).

Теорія развитія общественнаго быта вообще и древнерусскихъ Славянъ въ частности предложена г. Леонтовичемъ въ его изслѣдованіи, подъ заглавіемъ: „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи” 160).

По ученію г. Леонтовича, въ исторіи человѣчества обозначились и установились три основныя политическія формаціи, каждая съ свойственною ей основною клѣточкой: родъ съ его организаціей физиологическаго элемента, община съ ея организаціей территориальнаго элемента и государство съ его организаціей элемента связующаго. Родъ, община и государство—три самостоятельныя, можно сказать, исключаютія одна другую, основныя политическія клѣточки, каждая съ своими особенными свойствами, отправлениями и организаціей, — клѣточки, лежація въ основѣ большихъ политическихъ организмовъ—племень, народностей и всего чело- вѣчества 162).

Родъ, по мнѣнію г. Леонтовича, является въ исторіи первичною, эмбриональною, растительною клѣточкою, постоянно движущеюся. Единство рода коренится въ кровномъ происхожденіи его членовъ отъ общаго главы рода. Главою рода былъ или старшій въ родѣ или наиболѣе доблестный воинъ. Власть его отличается характеромъ абсолютной силы и могущества. Внѣродныя отношенія строятся на началѣ военной силы и самоуправства; внутреннія отношенія въ родѣ исчерпывались родовыми отношеніями младшихъ къ главѣ рода и вообще къ старшимъ. Изъ родовъ въ родовую эпоху образуются племена, которыя въ силу принципа физическаго нарастанія усваиваютъ особую, родовую фізіономію, приобретаютъ

характеръ личности этнографической. Бытъ племень, соотвѣтственно характеру рода, отличается неограниченною властью племеннаго главы—вождя, кочеваньемъ населенія и военно-дружиннымъ характеромъ родовой организаци¹⁶³). Иными чертами отличается община—вторичная политическая формація быта, переживаемая каждымъ историческимъ народомъ. Политическая роль общины выражается въ томъ, что она выясняетъ понятіе о народной территоріи, безъ котораго не мыслимо позднѣйшее образованіе государства. Основною общественною клѣточкою въ общинную эпоху является семейная община (вервь, задруга). Община семейная или задруга встрѣчается въ одинаковыхъ формахъ у всѣхъ народовъ общинной культуры. Она была общею принадлежностью славянской исторіи; у Славянъ южныхъ она доселѣ сохраняется въ первобытныхъ формахъ; такая же община была извѣстна на всемъ средневѣковомъ западѣ. Задруга—союзъ лицъ и семей, живущихъ на одномъ огнищѣ (осѣдлости), однимъ или нѣсколькими домами (дымами),—союзъ, связанный не столько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими, сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, бывшемъ въ общемъ обладаніи общины. Такія ассоціаціи земледѣльческія управлялись автономически, по общему совѣту, подъ ближайшимъ завѣдываніемъ отца или выборнаго старшины. Старѣйшинство опредѣлялось давностію рожденія или принадлежностію къ старшей семьѣ въ задругѣ или зависѣло отъ ряда и избранія общины, а иногда, просто добывалось захватомъ. Равноправіе и солидарность всѣхъ членовъ общины было основнымъ началомъ задружнаго устройства. Задруги, соединенныя пространственно, сводились общими бытовыми интересами въ болѣе обширные союзы—общины чисто территоріальныя, представлявшія по своему устройству не больше, какъ разросшіяся задруги. Въ однихъ мѣстахъ задруга оставалась въ своей первичной формѣ; въ другихъ развитіе не шло далѣе села; наконецъ, въ третьихъ мѣстахъ колонизація достигала образованія широкихъ союзовъ—погостовъ, земель и жупъ. Нарядъ общины не имѣетъ ничего общаго съ нарядомъ родовымъ. Въ территоріальной общинѣ, какъ и задругѣ, нарядъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ укорененіи и регулированіи отношеній народа къ его территорію, въ добываніи имъ для себя

территориальной силы и могущества. На первых порах общины сами являются нарядниками. Когда общины начинают сплачиваться въ болѣе широкіе союзы—жупы, земли и волости, въ роли общинныхъ нарядниковъ-колонизаторовъ являются особые княжескіе роды—задруги, дружины, династїи (Рюриковичей, Неманичей, Пястовичей и т. п.). Въ князьяхъ общино-волостныхъ проглядываетъ типъ первичнаго колонизатора, общиннаго дружинника-старѣйшины, домакина семейной общины. Культурною задачею новаго политическаго дѣятеля, государства, является организациа третьяго элемента политической жизни, связующаго, правящаго (верховой, государственной власти). Государственная дѣятельность направляется на укорененіе въ народномъ сознаниіи и въ самомъ бытѣ осѣдлыхъ союзовъ элемента связующаго, путемъ выясненія принципа общенациональнаго и общечеловѣческаго. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, государство является органическою силою всего человѣчества и политически организуетъ самобытныя народности по всему земному терри- торію. Государственная культура имѣетъ свою конечную цѣлью развитіе и укорененіе въ отдѣльныхъ народностяхъ общечеловѣческаго типа. Большинство современныхъ государствъ еще слишкомъ національно, болѣе напоминаетъ территориальную общину, чѣмъ государство въ истинномъ смыслѣ этого слова. Государство, въ те- перешнемъ его видѣ, далеко не достигло полнаго своего развитія, скорѣе тянется къ старой волости, общинѣ, чѣмъ выматриваетъ государствомъ, какъ органическою силою человѣчества ¹⁶⁴).

Эта гинотетическая схема, въ приложеніи къ объясненію началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, приводитъ г. Леонтовича къ слѣдующимъ заключеніямъ: родовая клѣточка и основанная на ней общественная организациа въ жизни русскаго народа вполнѣ завершила свой кругъ, реорганизовалась въ иную клѣточку, съ другою, болѣе сложною организацией, еще въ темную эпоху доисторическихъ временъ. На глазахъ исторіи, и то лишь на первыхъ порахъ, задержались едва замѣтные слѣды и остатки (похищеніе и сожженіе женъ, патронимическія имена и пр.) отъ старой родовой организации, въ видѣ окаменѣлостей, потерявшихъ всякую органическую связь съ народнымъ бытомъ. Идея кровнаго единства, основное начало родового быта, исключительно господствуетъ только

у племень неосѣдлыхъ, у кочевниковъ, ведущихъ стадную, боевую жизнь въ формѣ бродячихъ военныхъ дружинъ и цѣлыхъ ордъ. Историческимъ народомъ Славяне являются уже на вторичной, общинной ступени культуры. Историческій типъ Славянина по преимуществу типъ мирнаго хлѣбопашца-колонизатора, уже освоившаго спокойное мѣсто осѣдности. Съ доисторической эпохой историческая наука, естественно, не можетъ имѣть никакого дѣла. Доисторическій бытъ, со всѣми его социальными окаменѣlostями, открываемыми въ разновременныхъ наслоеніяхъ и формаціяхъ исторической жизни, входитъ въ область археологін. Туда же, въ область археологін, должна быть отнесена и пресловутая теорія родоваго быта Славянъ; она должна быть вычеркнута изъ исторической науки, какъ ненужный, фальшивый, литературный наростъ, такъ долго и сильно тормозившій правильное развитіе науки русской и славянской исторіи ¹⁶⁵).

Исторія застаётъ Славянъ въ пору полного развитія колонизаціоннаго движенія. Общины семейныя и территориальныя — верви, задруги, села, грады, цѣлыя земли, волости и жупы образовались у Славянъ еще въ доисторическую пору. Обыкновенно начинаютъ развитіе колонизаціонной организаціи общинъ съ общины территориальной, что положительно невѣрно. Ни одинъ изъ историковъ не обращалъ вниманія на важное историческое значеніе семейной общины (верви), какъ органической клѣточки, изъ которой развился и сложился весь общественный бытъ русскаго народа. Только у г. Бестужева-Рюмина находимъ первую серьезную попытку установить органическую связь между общиною семейною и территориальною. Ему принадлежитъ весьма счастливая мысль о томъ, что основой общественнаго развитія Славянъ послужила семейная община и что территориальныя общины могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ. Эта мысль совершенно новая въ наукѣ и весьма важная по вытекающимъ изъ нея выводамъ. Путаница и невѣрность воззрѣній, замѣчается въ ученіи о существѣ власти князя и объ отношеніи его къ общинѣ. Намъ кажется наиболее приближающимся къ истинѣ воззрѣніе г. Бестужева-Рюмина. Онъ видитъ въ вѣчѣ и князѣ власти, которыя существовали и дѣйствовали *параллельно* одна

другой (князь въ обыкновенныхъ случаяхъ, вѣче въ особенно важныхъ) ¹⁶⁶).

Нѣтъ никакихъ прочныхъ основаній думать, по мнѣнiю г. Леонтовича, что древнерусскiя общины сами собою оказались политически несостоятельными въ эпоху призванiя князей. Такой моментъ наступилъ въ жизни общинъ гораздо позже. Но несомнѣнно, что рано или поздно община должна была вполне исчерпать свое историческое назначенiе, уступить свое мѣсто другому, болѣе сильному и могучему дѣятелю, должна была преклониться передъ государствомъ. Поворотъ къ новому порядку сталъ обозначаться у насъ въ теченiе XIII—XV вѣковъ, когда съ полнымъ обособленiемъ земель стали постепенно проникать въ народное сознание первые, хотя и неясные зародыши государственныхъ понятiй, которыя, по общему своему направленiю, скорѣе могли складываться по типу политической федерацiи земель и волостей, чѣмъ вести къ установленiю единогодержавнаго строя государственнаго быта. Ходъ историческихъ событiй, однакожъ, склонилъ рѣшенiе вопроса въ смыслѣ послѣдней проблемы: къ XVI вѣку единоедержавiе московскихъ государей установилось уже на прочныхъ основанiяхъ ¹⁶⁷).

VIII. Теорiя одновременнаго существованiя различныхъ социальныхъ формъ.

Основная мысль этой теорiи развивалась въ нашей ученой литературѣ постепенно. Еще Рейцонъ была высказана мысль, по которой мѣстные обстоятельства дали различное направленiе ходу образованности славянскихъ племенъ, переселившихся съ береговъ Дуная въ предѣлы современной Россiи, а степень образованности этихъ племенъ не могла остаться одинаковою по различiю мѣстныхъ условiй жизни, ближайшему или дальнѣйшему соедѣнству ихъ между собою и сношенiямъ съ другими народами ¹⁶⁸). Ту же мысль, но въ болѣе опредѣленной формѣ, мы встрѣтили въ одномъ изъ сочиненiй Бѣляева, въ которомъ говорится о различныхъ политическихъ формахъ у различныхъ племенъ русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи ¹⁶⁹). Въ сочиненiи г. Тюрина, подъ заглавiемъ: „Общественная

жизнь и земскія отношенія въ древней Руси," встрѣчаемся уже съ мыслью о различіи социальныхъ формъ не только у различныхъ племенъ русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, но и въ средѣ одного и того же племени. Общественная жизнь Славянъ, населившихъ русскую землю, говоритъ авторъ, первоначально ограничивалась жизнью въ союзѣ кровномъ подѣ властью старшаго въ родѣ, потомъ въ общинномъ — подѣ властью вѣча. Изъ этихъ общественныхъ отношеній, изъ родового и племенного быта русскаго народа возникло раздѣленіе русской земли на племенные земли или волости. Развитие и установленіе земскихъ отношеній продолжалось и послѣ, при князьяхъ, изъ тѣхъ же началъ, особо отъ вліянія власти князей и княжескихъ дружинъ. Таковы въ общихъ чертахъ были фазы жизни славянскихъ племенъ, населявшихъ русскую землю: начала родовое, общинное, земское и государственное преобладали у нихъ поочередно. Но начала эти не смѣнялись другъ друга правильно, а напротивъ, иногда дѣйствовали всѣ или нѣкоторые въ одно и то же время. Такъ въ одно и то же время, когда у Славянъ новгородскихъ *родъ* возставалъ на родъ (начало родовое), тогда происходило совѣщаніе старѣйшихъ въ городѣ (начало общинное) о *народѣ* въ цѣлой племенной землѣ (начало земское), и это вѣче порѣшило призваніе князя (начало государственное). Вѣче общинное и земское продолжали существовать и послѣ, въ одно время съ княжескою властью. Отъ столкновенія разнородныхъ началъ происходила ихъ взаимная борьба, которая оканчивалась или примиреніемъ со взаимными уступками, или, наконецъ, паденіемъ начала низшаго и торжествомъ высшаго ¹⁷⁰). Довольно близко къ мыслямъ г. Тюрна объ одновременномъ существованіи различныхъ началъ въ политическомъ бытѣ русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика подходят мысли г. Шпилевскаго о совмѣстномъ существованіи различныхъ политическихъ формъ въ ту же эпоху, высказанныя имъ въ сочиненіи, подѣ заглавіемъ: „Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ." Всѣ народы, говоритъ авторъ, начинали съ кровнаго быта, въ этомъ никто не сомнѣвается, но вопросъ только въ томъ, какъ долго для того или другаго народа продолжалось условія этого быта, скоро ли они смѣнялись началами другихъ, высшихъ формъ общежитія. Настоящее изслѣдованіе мы начинаемъ съ того,

что первоначальная форма общежитія, засвидѣствованная древнѣйшими историческими памятниками Германцевъ и Славянъ, была уже не первичная, исключительно родовая; Германцы и Славяне, по этимъ памятникамъ, являются среди общественныхъ союзовъ, соединившихъ въ себѣ отдѣльные роды. Но вмѣстѣ съ этимъ продолжается и господство родственныхъ началъ быта, они вліяютъ на общественную и государственную организацію; это, напримѣръ, выражается въ союзѣ родственной защиты отъ внѣшнихъ нападений; въ этомъ отношеніи родственный союзъ является съ автономіею и собственными силами для своей охраны. ¹⁷¹⁾

Мысль о совмѣстномъ существованіи различныхъ социальныхъ формъ и взаимной борьбѣ различныхъ началъ въ быту русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи развита въ новѣйшее время г. Затыркевичемъ, въ его сочиненіи, подъ заглавіемъ: „О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя русскаго государства“ ¹⁷²⁾

Воззрѣнія М. Д. Затыркевича. Сущность теоріи г. Затыркевича выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ. Съ незапамятныхъ временъ восточная половина Европы была населена бродячими звѣроловами и кочующими скотоводами, скифскаго, финскаго, литовскаго и славянскаго происхожденія. Звѣроловы занимали преимущественно сѣверную половину современной Россіи, а скотоводы южную. Какъ тѣ, такъ и другіе раздѣлялись на множество народовъ и народцевъ. Гонимые стужей, наводненіями и другими физическими бѣдствіями, а также напоромъ новыхъ народовъ, выходившихъ изъ глубины Азіи, эти народы стремились далѣе на югозападъ Европы, въ страны болѣе благоприятныя для жизни. На встрѣчу этому движенію бродячихъ и кочевыхъ народовъ съ юга и запада шло осѣдлое населеніе. Города, возникшіе въ незапамятной древности на южныхъ и западныхъ берегахъ европейско-азиатскаго материка постоянно выводили излишекъ своего населенія на равнину современной Россіи. Такимъ образомъ уже въ глубокой древности встрѣчаемъ на востокѣ Европы много городовъ, населенныхъ выходцами изъ восточныхъ азиатскихъ государствъ, а также изъ Греціи, Рима и Скандинавіи ¹⁷³⁾.

Среди кочевыхъ и бродячихъ народовъ, занявшихъ востокъ

Европы въ доисторическое время, находились многочисленныя племена славянскія. Уже въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. Славяне занимали обширныя пространства отъ береговъ Чернаго моря и Дуная до Балтійскаго моря и на востокъ до рѣки Днѣпра. Первоначально Славяне находились въ бродячемъ, звѣроловномъ состояніи и не имѣли городовъ. Въ этомъ состояніи они оставались еще въ то время, когда народы тевтонскаго нарѣчія уже привыкли къ жизни осѣдой и земледѣльской. Какъ всѣ звѣроловы и кочевники востока Европы, такъ и звѣроловы славянскаго нарѣчія стремились переселиться въ теплыя страны югозападной Европы и въ доисторическое время заняли мѣста по Дунаю, въ сосѣдствѣ римской и византійской имперій. Здѣсь Славяне были стѣснены съ юга византійскими и римскими императорами, съ запада нѣмецкими и французскими королями, а съ востока Гунами, Готами, Болгарами, Уграми, Обрами и другими кочевниками, выходившими изъ за Дона и Волги. Среди этой борьбы, продолжавшейся нѣсколько столѣтій сряду, дунайскіе Славяне привыкли къ жизни осѣдой и земледѣльской; въ тоже время многіе изъ нихъ, претерпѣвая нападенія отъ своихъ южныхъ и западныхъ сосѣдей, стали переселяться подъ предводительствомъ племенныхъ старѣйшинъ на сѣверовостокъ Европы. Къ этому времени относится начало славянскихъ городовъ. Переселяясь небольшими отрядами въ страны, заселенныя бродячими и кочевыми народами, Славяне дунайскіе занимали въ новой родинѣ возвышенныя мѣста по берегамъ рѣкъ и укрѣпляли свои поселенія земляными насыпями и деревянными стѣнами. Эти укрѣпленныя поселенія были первыми славянскими городами; они построены были въ періодъ времени между VI и IX вѣками въ разныхъ мѣстахъ, на обширныхъ пространствахъ, отъ Чернаго до Балтійскаго моря, отъ Эльбы до верховьевъ Волги и Дона. Старѣйшіе города, основанные выходцами съ береговъ Дуная, выводили изъ себя новые города. Рядомъ съ городами, основанными славянскими выходцами съ Дуная, появляются на востокъ Европы города, основанные славянскими выходцами съ сѣверозапада, съ береговъ Вислы и Балтійскаго поморья. Славяне югозападные и сѣверозападные, выселяясь на востокъ Европы, строили города отчасти среди племенъ иноязычныхъ, отчасти среди племенъ родственныхъ имъ, славянскихъ. Но въ томъ и дру-

гомъ случаѣ пришельцы Славяне явились завоевателями, насильственно занимающими чужую страну. Потому, при первомъ поселеніи, вездѣ, гдѣ поселились пришлые Славяне, началась борьба между пришлымъ осѣдлымъ населеніемъ и бродячимъ туземнымъ населеніемъ; послѣднее мало по малу подчиняется пришельцамъ и обязуется платить имъ дань. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе движенія бродячаго и кочеваго населенія отъ срединныхъ частей европейско-азіатскаго материка къ его окраинамъ и обратнаго движенія осѣдлага населенія отъ окраинъ къ срединнымъ частямъ материка, великая равнина восточной Европы въ половинѣ IX столѣтія населена была сбродомъ разныхъ народовъ, *находившихся на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, жившихъ въ различныхъ социальных формахъ* ¹⁷⁴). Авторъ различаетъ политическій строй бродячихъ народовъ, кочевыхъ, осѣдлыхъ славянскихъ народовъ и осѣдлыхъ неславянскихъ.

Бытъ бродячихъ народовъ. Подобно первобытнымъ народамъ Америки, острововъ Тихаго Океана и Сибири, бродячіе народы сѣверовостока Европы въ половинѣ IX вѣка не составляли одного общества, но раздѣлялись на множество небольшихъ обществъ, не имѣвшихъ прочнаго политическаго устройства. Они дѣлились на племена; племена составлялись изъ родовъ, а роды подраздѣлялись на семейства. Основаніемъ общественнаго устройства бродячихъ народовъ, славянскаго и неславянскаго нарѣчій, служила тѣсная связь между семействами. Всѣ родственныя семейства, происшедшія отъ одной семьи, находились подъ властью одного или нѣсколькихъ естественныхъ родоначальниковъ, старшихъ возрастомъ и происхожденіемъ. Всѣ младшіе въ этихъ обществахъ по отношенію къ старшимъ были совершенно безправны; младшіе не могли ни владѣть отдѣльнымъ имуществомъ, ни предпринимать какія бы то ни было дѣйствія безъ согласія послѣднихъ. Дѣйствія отдѣльныхъ членовъ въ этихъ обществахъ разсматривались сосѣдями, какъ дѣйствія цѣлага общества; съ другой стороны, дѣйствія, направленные противъ одного родича, разсматривались какъ дѣйствія, направленные противъ всего его рода, всѣхъ его родичей. Но связь родственная не была единственной основой общественнаго устройства бродячихъ народовъ. *На ряду съ союзами родственными существо-*

вали союзы съ чисто политическимъ и общественнымъ значеніемъ. Сосѣдніе естественные родоначальники соединялись въ одно общество подъ властію избирательныхъ или наследственныхъ старѣйшинъ, которые господствовали не только надъ своими родственниками, но и надъ всѣми вообще семействами, жившими съ ними на одномъ мѣстѣ. Когда родственныя семейства разрастались въ многочисленную толпу, то господствовавшее до той поры полное общеніе имуществъ нарушалось и возникало неравенство по состоянію и общественному положенію между семействами, происшедшими отъ одного семейства. Это неравенство являлось, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ непрерывныхъ войнъ, господствовавшихъ между бродячими народами. Лица съ большей физической силой всегда имѣли возможность пріобрѣсти богатства, состоявшія тогда изъ движимаго имущества и военноплѣнныхъ рабовъ. Отдѣльныя лица возвышались надъ своими родственниками и всѣми вообще сосѣдними семействами. Къ такимъ лицамъ поступали въ услуженіе молодые люди изъ бѣдныхъ семействъ и имъ легко было пріобрѣсти власть надъ сосѣдними семействами. Если ихъ власть добровольно признавалась послѣдними, то они господствовали надъ ними по праву избранія; но ихъ власть всегда могла быть передана потомкамъ, если послѣдніе въ состояніи были поддержать ее своими личными качествами. Такимъ образомъ, у бродячихъ народовъ, рядомъ съ естественными союзами, возникали союзы, состоявшіе изъ соединенія нѣсколькихъ родственныхъ союзовъ, управлявшихся старѣйшинами, господствовавшими не по праву рожденія или избранія, но по праву своей силы и своего общественного значенія. Это господство распространялось на всѣхъ и каждого и обнимало всѣ интересы общегитія. Но власть ихъ не была безгранична и произвольна; всѣ дѣла они рѣшали сообща съ другими старѣйшинами въ племенныхъ собраніяхъ, или въ собраніяхъ всѣхъ свободныхъ представителей рода. Связь родовая основана была не столько на подчиненіи одному или нѣсколькимъ старѣйшинамъ, сколько на добровольномъ соединеніи всѣхъ свободныхъ сосѣднихъ семействъ, для лучшаго удовлетворенія своихъ потребностей, для достиженія общаго благосостоянія и общей безопасности. Сосѣдніе роды соединялись у бродячихъ народовъ въ болѣе крупныя полити-

ческие союзы. Между старѣйшинами бродячихъ народовъ несуществовало равенства: одни изъ нихъ превосходили другихъ своимъ богатствомъ, многочисленной родней и числомъ находившихся въ ихъ услуженіи слугъ и рабовъ. Такіе старѣйшины всегда имѣли возможность держать въ зависимости сосѣднихъ съ ними, слабѣйшихъ, старѣйшинъ. Слабѣйшіе старѣйшины подчинялись сильнѣйшимъ или добровольно или по принужденію. Въ томъ и другомъ случаѣ возникала власть старѣйшины надъ старѣйшинами, возникало новое общество—*племя*, состоявшее изъ соединенія нѣсколькихъ сосѣднихъ родовъ. Племенные начальники предводительствовали въ военное время, иногда разбирали спорныя дѣла мѣжду членами различныхъ родовъ, находившихся отъ нихъ въ зависимости; но власть ихъ, по большей части, была также ничтожна, какъ и власть старѣйшинъ родовъ. Подобно связи родовой, и связь племенная основана была не столько на зависимости старѣйшинъ отъ племенныхъ начальниковъ, сколько на добровольномъ соединеніи сосѣднихъ родовъ для взаимной обороны, для выгодъ экономическихъ и для цѣлей религіозныхъ. Въ какихъ отношеніяхъ находились между собою отдѣльные роды, такія же точно отношенія существовали между сосѣдними племенами. Кромѣ связей соціальныхъ, религіозныхъ и экономическихъ, между племенами существовали отношенія и чисто политическія. Сосѣднія племена соединялись временно, для обороны и нападенія, и становились подъ власть одного или нѣсколькихъ избирательныхъ вождей, власть которыхъ оканчивалась съ окончаніемъ войны. Иногда сосѣднія племена вступали между собою въ болѣе прочныя соединенія, основанныя на физическомъ преобладаніи одного племена надъ другимъ.

Изъ сказаннаго видно, что общественное устройство звѣролововъ древней Руси представляетъ смѣсь порядка народоправнаго (демократическаго) съ порядкомъ феодально-іерархическимъ, общественныхъ отношеній политическихъ, основанныхъ на потребности безопасности, съ отношеніями соціальными, экономическими и духовными. Съ одной стороны, все общественное устройство основано было на существованіи феодально-іерархической зависимости между отдѣльными лицами: родственныя семейства находились въ зависимости отъ одного естественнаго родоначальника; родоначальники отъ избира-

тельнаго или наслѣдственнаго старшины рода; старѣйшины родовъ отъ племеннаго начальника или князя; наконецъ, слабѣйшіе племенные начальники отъ наиболѣе сильнѣйшаго племеннаго начальника. Съ другой стороны, эти же самыя лица, соединенныя между собою несвободными, зависимыми отношеніями, основанными на преобладаніи физической силы, соединялись въ тоже время для достиженія различныхъ цѣлей общежитія. Каждое общество, и меньшее и большее, было небольшимъ товариществомъ, преслѣдовавшимъ всѣ цѣли чловѣческаго общежитія. Чѣмъ былъ родъ въ меньшемъ объемѣ, тѣмъ же самымъ было племя въ большемъ объемѣ. Не существовало никакой раздѣльности между отношеніями политическими, духовными и экономическими. Одно и тоже общество въ одно время стремилось и къ достиженію безопасности и къ лучшему удовлетворенію своихъ нравственныхъ, религіозныхъ и экономическихъ потребностей. Мѣсто и время соединенія для цѣлей духовныхъ были въ тоже время мѣстомъ и временемъ соединенія для цѣлей экономическихъ и политическихъ ¹⁷⁵).

Бытъ кочевыхъ народовъ. На смѣшеніи несвободныхъ политическихъ отношеній съ свободными экономическими отношеніями, по ученію г. Затыркевича, основано было и общественное устройство кочевыхъ народовъ. Какъ у бродячихъ, такъ и у кочевыхъ народовъ существовало дѣленіе на племена, роды и родственные союзы, и во главѣ каждаго, какъ большаго, такъ и малаго союза стояли особенные старѣйшины или князья. Но при сходныхъ чертахъ общественнаго устройства бродячихъ и кочевыхъ народовъ, существовали и черты различія, происшедшія отчасти отъ особенностей образа жизни и мѣсть жительства кочевыхъ народовъ, отчасти отъ историческихъ причинъ. Во первыхъ, занимая мѣстности открытыя, степовыя, кочевые народы подвергались большей опасности отъ внѣшнихъ нападений, которая побуждала ихъ, для взаимной обороны, къ большей сосредоточенности обширными обществами, сравнительно съ звѣроловами, жителями лѣсовъ, защищенными самой природой, — лѣсами и болотами. Къ тому-же, получая средства существованія отъ скотоводства, кочевые народы не имѣли надобности разсѣиваться на обширныхъ пространствахъ, какъ бродячіе народы, имѣли возможность переходить съ мѣста на мѣсто большими толпами и предпринимать

завоеванія. Эти особенности жизни кочевыхъ народовъ повели къ образованію у нихъ большей іерархіи въ общественномъ устройствѣ и большихъ политическихъ союзовъ, нежели у бродячихъ народовъ. Среди кочевниковъ не только отдѣльныя племена господствовали надъ другими племенами, но цѣлые народы, состоявшіе изъ соединенія нѣсколькихъ племенъ, господствовали надъ многими окрестными народами. Во вторыхъ, у всѣхъ кочевыхъ народовъ, не подвергавшихся вліянію осѣдлаго населенія, при легкости добывать средства существованія отъ скотоводства и при совмѣстной жизни многихъ лицъ, не было строгихъ браковъ, но господствовало полное общеніе женъ. Это общеніе женъ, неизвѣстное бродячимъ народамъ, парализуя кровныя связи, возвышало значеніе соціально-политическихъ союзовъ, въ которыхъ совершенно поглащались семейственныя и родственныя отношенія. Наконецъ, въ третьихъ, среди кочевниковъ восточной Европы встрѣчаются начальники и благородныя сословія, отличающіеся отъ простаго народа не только богатствомъ и общественнымъ положеніемъ, но даже образованіемъ, языкомъ, нравами, обычаями и физическою породой. Эти начальники и высшія сословія возникали уже вслѣдствіе столкновеній кочевыхъ народовъ съ народами осѣдлаго состоянія и завоеванія первыхъ послѣдними.

Таково было общественное устройство бродячихъ и кочевыхъ народовъ до обращенія ихъ, пришлымъ завоевательнымъ населеніемъ въ осѣдлое состояніе. По мѣрѣ движенія осѣдлаго населенія съ запада на востокъ и бродячіе и кочевые народы исчезали и обращались въ осѣдлое состояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезали и тѣ отношенія, которыя служили основаніемъ ихъ общественному устройству. Но это уничтоженіе совершалось не вдругъ и одновременно, но въ теченіе всего историческаго развитія русскаго народа. И до сихъ поръ по окраинамъ Россіи сохранились бродячіе и кочевые племени въ своемъ первобытномъ состояніи, съ своими родовыми и племенными отношеніями ¹⁷⁶).

Бытъ осѣдлаго городского населенія. Въ IX столѣтіи, говоритъ г. Затыркевичъ, бродячіе и кочевые народы не были единственными обладателями восточной Европы, мы встрѣчаемъ здѣсь многія группы городовъ, въ которыхъ жило пришлое населеніе,

осѣдлаго состоянія. Рѣзко отличаясь своей образованностью отъ бродячихъ и кочевыхъ народовъ, населеніе городовъ не представляло, однако, однообразной, однородной массы, стоявшей на одной степени общественнаго развитія. Въ то время, какъ города юговосточные и сѣверозападные населены были торговымъ и промышленнымъ населеніемъ, выселившимся изъ самыхъ образованныхъ странъ тогдашняго міра, въ городахъ славянскихъ жило населеніе, которое, до построенія имъ городовъ, находилось въ бродячемъ состояніи. Это различіе, по составу населенія и по степени его образованности, между городами славянскими, сѣверозападными и юговосточными, отразилось и на ихъ общественномъ устройствѣ. Города славянскіе, подобно первобытнымъ городамъ бродячихъ народовъ въ другихъ странахъ, построенныхъ ими при вторженіи въ чужую, непріятельскую землю, были небольшими укрѣпленіями, построенными на возвышенныхъ мѣстахъ, не имѣвшими постояннаго населенія. Населеніе жило не въ укрѣпленіи, а возлѣ него, въ мелкихъ поселеніяхъ, называвшихся въ древней Россіи селами и усадницами, которыя состояли изъ усадьбы владѣльца и нѣсколькихъ жилищъ, населенныхъ принадлежавшими ему людьми. Укрѣпленіе было хранилищемъ священныхъ предметовъ и сборнымъ мѣстомъ для окрестнаго населенія, которому принадлежало укрѣпленіе. Въ военное время города служили средствомъ для обороны отъ непріятеля, а въ мирное время окрестное населеніе сходилось туда для жертвоприношеній, пиршествъ, для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ и для торговыхъ сдѣлокъ. По общественному устройству все населеніе въ городахъ славянскихъ раздѣлялось на роды; но были города, состоявшіе и изъ одного только рода. Въ городахъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ родовъ, каждый родъ занималъ особенное мѣстожителство. Во главѣ родовъ стояли родоначальники, которые назывались мужами, боярами, старѣйшинами и князьями. Родъ не былъ собраніемъ родичей, кровнымъ союзомъ; родные братья имѣли свои особенные роды и часто жили не только отдѣльно другъ отъ друга въ одномъ городѣ, но и отдѣльными городами. Уже у бродячихъ народовъ въ составъ семействъ, образующихъ роды, входили лица, чуждые имъ по своему происхожденію. Съ переселеніемъ Славянъ на равнину восточной Европы, кровныя связи окончательно поте-

ряли въ родѣ всякое значеніе. Переселяясь на востокъ Европы, въ земли заселенныя враждебными народами, славянскіе родоначальники должны были стараться объ увеличеніи числа людей, состоявшихъ подъ ихъ властью, и потому пополняли принадлежавшую имъ толпу сбродными дружинами, составлявшимися изъ разныхъ бродячихъ и кочевыхъ народовъ востока Европы. Такимъ образомъ строителями славянскихъ городовъ были собственно не Славяне, но сбродныя дружины, составленныя изъ разныхъ народовъ, переселявшихся на востокъ Европы подъ начальствомъ славянскихъ родоначальниковъ. Въ IX вѣкѣ всякое общество, находившееся подъ властію славянскаго родоначальника, князя или боярина, называлось родомъ, но этотъ родъ состоялъ изъ лицъ чуждыхъ другъ другу своимъ происхожденіемъ и связанныхъ въ одно цѣлое только зависимостью отъ родоначальника. Подобно патриціямъ древняго Рима, бояре и князья, неограниченно господствовали надъ своими дѣтьми и всѣми вообще лицами, входившими въ составъ рода. Родоначальники имѣли право жизни и смерти надъ всѣми членами рода, судили и наказывали ихъ, также предводительствовали ими въ военное время. Члены рода назывались людьми, челядью и чадью родоначальника, но по степени зависимости, раздѣлялись на простую чадь, холоповъ и служилыхъ людей. Простая чадь состояла въ крѣпостной зависимости отъ родоначальника, платила ему оброки и отправляла разные повинности. Холопы были лицами рабскаго состоянія, исполняли черныя работы. Отроки или служилые люди составляли постоянную дружину родоначальника въ мирное и въ военное время. Изъ общей массы людей, подчиненныхъ безусловно родоначальнику, выдѣлялись только лица, пользовавшіяся особеннымъ нравственнымъ значеніемъ по своей должности волхвовъ, кудесниковъ, вѣщуновъ и вѣдуновъ, составлявшихъ жрецское сословіе городовъ славянскихъ. Какъ лица одаренныя, по современнымъ воззрѣніямъ, сверхъестественной силой, жрецы не могли быть тѣмъ же по отношенію къ родоначальнику, чѣмъ были простые смертные; но въ какомъ именно отношеніи стояло сословіе жрецовъ къ родовому устройству, объ этомъ трудно судить, за недостаткомъ историческихъ данныхъ. Таже іерархія зависимыхъ отношеній, на которой было основано внутреннее устройство рода, господствовала и внѣ его. Въ городахъ,

состоявшихъ изъ нѣсколькихъ родовъ, между родоначальниками, боярами не существовало равенства. Степень боярина зависѣла отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, отъ которыхъ въ наше время зависитъ степень королей, императоровъ, а именно, отъ пространства области, на которую распространялась его власть и отъ количества принадлежавшихъ ему людей. Самый сильный родоначальникъ, стоявшій во главѣ всѣхъ родоначальниковъ города, назывался княземъ. Власть князя была наследственна. Въ отношеніи къ другимъ родоначальникамъ князь былъ только старшимъ между равными. Князья совѣщались съ ними о всѣхъ дѣлахъ, касавшихся города. Въ военное время князь былъ верховнымъ военачальникомъ; но въ мирное время его власть къ родоначальникамъ не имѣла опредѣленнаго значенія. Все зависѣло отъ личности князя и отъ количества людей, находившихся въ непосредственномъ его распоряженіи. Во многихъ городахъ славянскихъ IX вѣка совершенно не было князей, или вѣрнѣе, не было выдающихся родоначальниковъ; каждый родоначальникъ-бояринъ былъ самостоятельнымъ княземъ. У всѣхъ народовъ города первой поры образованія соединялись въ союзы городовъ, которые были двухъ родовъ: духовно-религіозные и политическіе. Съ одной стороны города единоплеменные, исповѣдывавшіе одно и то же религіозное ученіе, соединялись, въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ, для совершенія религіозныхъ праздненствъ. Союзный городъ, въ которомъ происходили религіозныя собранія и гдѣ хранились священные предметы, считался главнымъ городомъ союза. Члены религіозныхъ братствъ часто соединялись для взаимной обороны, и тогда религіозный союзъ принималъ временно особенность политическаго союза. Но, съ другой стороны, существовали постоянные политическіе союзы городовъ, основанные или на преобладаніи городовъ многолюдныхъ, состоявшихъ изъ многихъ родовъ, надъ городами малолюдными, состоявшими изъ одного или нѣсколькихъ родовъ, или же на преобладаніи самого сильнѣйшаго родоначальника, владѣвшаго обширнымъ родомъ и связаннаго узами родства со многими родоначальниками окрестныхъ городовъ. Такіе союзы существовали и между славянскими городами восточной Европы; но здѣсь связь между городами была слабѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ не цѣлыя племена югозапад-

ныхъ Славянъ переходили сюда, но только сбродныя дружины, составленныя изъ разныхъ племенъ, хотя предводимыхъ родоначальниками славянскаго происхожденія, но такими, между которыми не могло существовать никакихъ ни религіозныхъ, ни кровныхъ связей, ибо они приходили изъ разныхъ мѣстъ и въ разныя поры. Точно также почва восточной Европы не была благопріятна для образованія союзовъ съ чисто политическимъ характеромъ. Бесплодныя степи и сибжные сугробы восточной Европы не были привлекательны для завоевателей. Потому, очень можетъ быть, что въ IX столѣтіи, въ среднихъ частяхъ равнины восточной Европы, находились отдѣльные города, стоявшіе особнякомъ, внѣ всякихъ союзническихъ отношеній съ другими городами ¹⁷⁷).

Бытъ осѣдлаго, городского, неславянскаго населенія.

Населеніе городовъ южныхъ и юговосточныхъ, въ противоположность городамъ славянскимъ, составляло городское сословіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Занимаясь болѣе торговлей и ремеслами, чѣмъ земледѣіемъ, оно жило не внѣ укрѣпленій, какъ славянское населеніе, но внутри городскихъ стѣнъ. Это были не пустынные укрѣпленія, но города населенные, города въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ городахъ возлѣ Каспійскаго моря, кромѣ постояннаго торговаго населенія, жило еще временно варварское населеніе, проводившее зиму въ городахъ, а на лѣто, уходившее въ открытыя степы. Составленное изъ сброда разныхъ народовъ, населеніе городовъ юговосточныхъ, подобно населенію городовъ славянскихъ, распадалось по общественному устройству на множество отдѣльныхъ общинъ. Въ каждомъ городѣ граждане единоплеменные и единовѣрные жили отдѣльными кварталами и составляли особенныя общества, которыя управлялись избирательными чиновниками. Власть этихъ выборныхъ чиновниковъ иногда утверждалась властью высшею, господствовавшею надъ многими городами. Находясь вблизи степей, города юга и юговостока еще въ отдаленной древности потеряли политическую самостоятельность и подпали подъ власть кочевыхъ народовъ. Такимъ образомъ, еще въ глубокой древности на югѣ восточной Европы возникли государства, основанныя на господствѣ предводителей сбродныхъ, кочевыхъ народовъ надъ нѣсколькими сосѣдними городами. Съ тѣхъ поръ,

какъ римскіе легіоны покорили берега Чернаго моря, города черноморскіе вошли въ составъ сначала Римской, а потомъ Византійской имперій. Но въ IX столѣтіи Византійскіе императоры сохранили свою власть только надъ городами, находившимися въ западной части Крымскаго полуострова (страна Корсунская). Всѣ же города восточной части полуострова, а равно и всѣ города, расположенные по берегамъ рѣкъ Дона, Волги и по сѣверозападнымъ побережьямъ Каспійскаго моря въ IX столѣтіи входили въ составъ Козарскаго Царства. Это царство, по своему устройству, совершенно сходно было съ устройствомъ древнеперсидской монархіи и различныхъ древнихъ и средневѣковыхъ восточныхъ государствъ, основанныхъ кочевниками въ Индіи и передней Азіи. Города земли Болгарской, по составу населенія, были подобны городамъ юговосточнымъ; но здѣсь, кромѣ городскаго, промышленнаго населенія и кочевниковъ, было еще и сельское земледѣльческое населеніе, обитавшее въ небольшихъ селахъ, построенныхъ возлѣ городовъ. Подобно Казарскому царству, и государственное единство Волжскихъ Болгаръ основано было на господствѣ кочевниковъ Болгаръ надъ городскимъ населеніемъ. Объ устройствѣ городовъ Біарміи до насъ дошло не много свѣдѣній. Извѣстно только, что города Біарміи не составляли одного союза, но раздѣлялись на нѣсколько купъ, и что, какъ вездѣ, такъ и въ городахъ Біарміи, было множество пачальниковъ. Такимъ образомъ, въ IX столѣтіи все городское населеніе восточной Европы распадалось на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ купъ. Каждая купа городовъ составляла особенное государство и особенную страну или землю, отличавшуюся отъ другихъ своеобразнымъ устройствомъ. Между ними существовали постоянно, то мирныя, то враждебныя сношенія и столкновенія ¹⁷⁸).

Изъ сказаннаго вытекаетъ, по мнѣнію г. Затыркевича, что политическое развитіе народовъ восточной Европы началось еще задолго до времени Рюрика, и что, слѣдовательно, нѣтъ основанія считать началомъ Русскаго государства время призванія Рюрика. Государственныя отношенія на востокъ Европы до временъ Рюрика были также разнообразны, какъ разнообразна была образованность народовъ ее населявшихъ. Въ то время, какъ бродячіе и кочевые народы находились на той ступени политическаго развитія, которую принято

называть бытомъ патриархальнымъ или родовымъ, устройство городского населенія совершенно соответствовало тому государственному строю, съ котораго началась и на которомъ окончилась политическая жизнь древнихъ народовъ. Устройство городовъ славянскихъ было совершенно сходно съ устройствомъ городовъ древней Греціи до завоеванія Дорянъ и древней Италіи до основанія города Рима, а устройство царствъ Болгарскаго и Козарскаго ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ устройства Римской имперіи и Македонской Монархіи ¹⁷⁹).

Предложеннымъ очеркомъ литературныхъ воззрѣній мы отвѣтили на вопросъ, что сказано въ литературѣ въ отношеніи началъ политическаго быта русскихъ Славянъ древнѣйшей эпохи. Затѣмъ, приступаемъ къ анализу основаній изложенныхъ воззрѣній, то есть, къ рѣшенію втораго вопроса: что изъ сказаннаго въ литературѣ по интересующему насъ предмету можетъ быть признано положительнымъ знаніемъ, то есть безспорно доказаннымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Критическій анализъ основаній литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика.

I. Основанія воззрѣній ученыхъ школы Татищева.

Для правильной оцѣнки значенія трудовъ Татищева въ исторіи нашей политико-юридической литературы, необходимо имѣть въ виду состояніе русской исторіи до Татищева. До Татищева русская исторія не была наукою, не только въ смыслѣ положительнаго знанія, но даже въ смыслѣ теоріи. Она представляла собою, съ одной стороны, накопленіе фактическаго матеріала, въ видѣ лѣтописей, а съ другой, сочиненія новѣйшія, въ которыхъ умышленная ложь, басня, ошибки незнанія и историческая правда были перемѣшаны въ такомъ безпорядкѣ, въ какомъ не было никакой возможности отдѣлать историческую правду отъ вымысловъ фантазій и ошибокъ незнанія. Одни сочинители исторіи, „не разумѣя подлинныхъ древнихъ сказаній, якобы для лучшаго ихъ изъясненія, но паче для потемнѣнія истины, басни сложа, внесли ихъ въ исторію и сущую правость древнихъ сказаній закрыли,” другіе, непріятели наши, подъ покровомъ исторіи „сочиняли басни и сущія лжи къ поношенію нашихъ предковъ” ¹⁾; третьи, ревнуя о славѣ нашихъ предковъ, исторію Славянъ-Руссовъ начинали исторіей сыновей Ноя, а въ древнихъ Славянахъ вообще видѣли владѣтелей почти всего нашего земнаго полушарія ²⁾.

При такомъ состояніи науки исторіи первыми задачами Татищева были: во первыхъ, опредѣлить качества хорошаго, ученаго, безпристрастнаго историка, а слѣдовательно, опредѣлить и качества хорошей, правдивой исторіи; во вторыхъ, опредѣлить время, съ котораго начинается исторія обитателей нашего отечества и раздѣлить русскую исторію на періоды; въ третьихъ, собрать фактической матеріаль русской исторіи и расположить его въ систематическомъ порядкѣ, по историческимъ эпохамъ.

Разсуждая о потребностяхъ историка, Татищевъ находитъ, что ученому историку необходимы: обширная начитанность, хорошая память, способности систематическаго изложенія фактическаго матеріала и яснаго изложенія своихъ мыслей, знаніе науки критики источниковъ, наконецъ, безпристрастное отношеніе къ историческимъ событіямъ. Историкъ, по мнѣнію Татищева, долженъ быть чуждъ патріотическихъ увлеченій, излагать историческія событія совершенно безпристрастно и если онъ не побужденъ страстію самолюбія и самохвальства, то имѣеть большую возможность написать правдивую исторію своего отечества, нежели иностранецъ, которому незнаніе языка и настоящей жизни народа служитъ важнымъ препятствіемъ къ познанію исторической истины. Въ противоположность сказанному, „исторіописатель невѣроятнымъ является, когда внесетъ въ исторію дѣла съ обстоятельствами и древними сказаніями несогласныя, когда дѣла сверхъестественныя скажетъ, исторію баснями и суевѣрными чудесами наполняетъ; въ такой исторіи и правдивымъ сказаніямъ, безъ особенныхъ постороннихъ доказательствъ, вѣрить не можно; а слѣдовательно, такія исторіи за басни читать должно”³⁾.

Разсуждая о началѣ русской исторіи и раздѣленіи ея на періоды, Татищевъ приходитъ къ заключенію, по которому наша исторія начинается не баснословными вымыслами и преданіями о Скифѣ, Россѣ, Масохѣ и Славенѣ, а извѣстіями Геродота, у котораго впервые встрѣчаемъ подлинныя историческія извѣстія о востокѣ Европы и ея обитателяхъ⁴⁾. Первый періодъ русской исторіи заключаетъ въ себѣ обзоръ историческихъ извѣстій о древнихъ обитателяхъ земель нашего отечества со времени Геродота до половины IX вѣка или призванія Рюрика, съ котораго начинается обстоятельный, хро-

нологическій порядокъ историческихъ извѣстій, записанный отечественными лѣтописцами. Этотъ періодъ заключаетъ въ себѣ двѣ эпохи; въ первой эпохѣ различныя племена, славянскаго происхожденія, извѣстны древнимъ писателямъ только подъ ихъ мѣстными именами: Венеты, Алазоны, Мещены и пр.; во второй эпохѣ, съ VI вѣка, эти племена появляются въ исторіи съ общимъ именемъ Славянь⁵⁾.

При собираніи фактовъ русской исторіи, Татищевъ руководствовался собраніями, по которымъ критикъ отдѣльныхъ источниковъ и созданію общей теоріи русской исторіи должно предшествовать собраніе историческихъ источниковъ въ одно цѣлое, сличеніе историческихъ извѣстій, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ и группировка этихъ извѣстій въ систему, въ хронологическомъ порядкѣ; внутреннюю критику источниковъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, и созданіе общей теоріи русской исторіи онъ предоставилъ будущимъ историкамъ⁶⁾. Фактическій матеріалъ русской исторіи, собранный безпристрастно, по мысли Татищева, долженъ былъ самъ собою служить обличеніемъ басенъ и лжи, вымышленныхъ ради поношенія нашихъ предковъ, и средствомъ исправленія ошибокъ, внесенныхъ въ русскую исторію несвѣдущими въ ней иноземными сочинителями. Этотъ матеріалъ, по мнѣнію Татищева, доказываетъ самъ собою, что предки наши съ глубокой древности, уже со времени Геродота, были извѣстны сосѣднимъ народамъ, а слѣдовательно, имѣли съ ними или торговыя сношенія или военныя столкновенія, имѣли знатные города и славныхъ самодержавныхъ государей⁷⁾.

Матеріалы, собранные Татищевымъ, были заподозрѣны Шлецеромъ и его послѣдователями не только въ неполнотѣ и неучености, но даже въ подлогахъ⁸⁾. Что касается послѣдняго обвиненія, то новѣйшими историками уже признана его неосновательность⁹⁾. Столько же неосновательнымъ намъ кажется обвиненіе труда Татищева въ неполнотѣ и неучености. Именно первый томъ „Исторіи Россійской, неуспышными трудами черезъ тридцать лѣтъ собранной и описанной Татищевымъ,” противъ котораго преимущественно была направлена критика Шлецера, представляется намъ не „неученою компиляціею,” не „сводною только лѣтописью,” а ученымъ трудомъ, для своего времени, въ высшей степени замѣчательнымъ. Рядомъ со сводомъ

извѣстій русскихъ лѣтописцовъ о древнѣйшихъ обитателяхъ земель Россіи, трудъ Татищева представляетъ богатое собраніе историческихъ извѣстій о томъ же предметѣ, выбранныхъ изъ сказаній съверныхъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ, классическихъ и средневѣковыхъ писателей. Историческіе матеріалы относительно древнѣйшихъ обитателей Россіи, собранные Татищевымъ, настолько обширны и полны, что наука столѣтними усиліями многихъ первостепенныхъ ученыхъ послѣ Татищева очень немного прибавила къ его матеріаламъ. Этимъ мы не желаемъ, сказать, что всѣ матеріалы, собранные Татищевымъ и на которые опирались его историческія воззрѣнія, имѣютъ значеніе подлинныхъ историческихъ фактовъ. Во многое изъ того, во что вѣрилъ Татищевъ, не вѣрятъ новѣйшіе историки; но это обстоятельство не уничтожаетъ собою значенія ученыхъ заслугъ перваго основателя науки русской исторіи. Истинное пониманіе историческихъ извѣстій отдаленной эпохи достается большимъ и продолжительнымъ трудомъ, превышаетъ единичныя силы человѣка, какъ бы онъ ни былъ способенъ и трудолюбивъ, требуетъ совокупныхъ и продолжительныхъ усилій многихъ ученыхъ силъ; и въ настоящее время, послѣ столѣтнихъ усилій исторической критики, многія извѣстія источниковъ, относящихся къ началу нашей исторіи, за неправильное пониманіе которыхъ Шлецеръ и его послѣдователи обвиняли Татищева въ невѣжествѣ, остаются для новѣйшихъ историковъ не понятными или понимаются ими различно.

Важная заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что при собираніи фактовъ русской исторіи онъ, для своего времени, слѣдовалъ методу самому рациональному, ограничился только собраніемъ матеріала, расположеніемъ его въ системѣ и объяснительными примѣчаніями, направленными къ разъясненію темныхъ мѣстъ въ источникахъ или разрѣшенію противорѣчій между различными извѣстіями объ одномъ предметѣ. Наученные продолжительнымъ опытомъ, мы теперь сознаемъ, что общая теорія русской исторіи и внутренняя критика источниковъ для XVIII вѣка были преждевременны, что подъ покровомъ теоріи русской исторіи и исторической критики проводились часто въ науку субъективныя воззрѣнія авторовъ, а необъективное изложеніе исторической правды. Критикѣ отдѣльныхъ историче-

снихъ памятниковъ и извѣстій, а также созданію теоріи исторіи должна предшествовать трудная работа собиранія историческихъ источниковъ, ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ во всей совокупности, сличеніе различныхъ извѣстій, относящихся къ одному историческому событію и одной исторической эпохѣ, наконецъ, распредѣленіе историческаго матеріала въ систематическомъ порядкѣ. Эта работа требовала громадной начитанности, продолжительнаго времени, большаго таланта и была труднѣе для Татищева, нежели для послѣдующихъ историковъ, пользовавшихся его трудомъ и ограничившихъ количество источниковъ древнѣйшаго періода русской исторіи извѣстіями начальной русской лѣтописи и средневѣковыхъ писателей; не смотря на то, эта работа была исполнена Татищевымъ такъ успѣшно, что его сочиненіе, представило собою богатое руководство для всѣхъ послѣдующихъ историковъ, которымъ они пользовались при созданіи всевозможныхъ историческихъ гипотезъ и теорій.

Обращаясь къ содержанію историческихъ воззрѣній Татищева, мы видимъ, что и здѣсь далеко не „все дурно, недостаточно и невѣрно,” какъ это старались доказать Шлецеръ и его послѣдователи. Правда, мысли Татищева о происхожденіи различныхъ современныхъ и средневѣковыхъ народовъ отъ древнихъ Скифовъ, или Сарматъ, или Славянъ, какъ и по другимъ второстепеннымъ вопросамъ, нерѣдко представляютъ собою не болѣе, какъ предположенія, неосновательныя гипотезы. Но основныя положенія историческаго воззрѣнія Татищева оправдываются болѣе современнымъ состояніемъ ученой критики источниковъ, нежели основныя положенія историческаго міровоззрѣнія, царившаго въ исторической наукѣ въ теченіи 40 лѣтъ послѣ Шлецера и составляющаго полную противоположность воззрѣніямъ Татищева. Мысли Татищева о достоинствахъ и недостаткахъ источниковъ русской исторіи, разработанныя позже Шлецеромъ ¹⁰⁾, доставили послѣднему имя перваго и знаменитаго историческаго критика. Мысль Татищева о стародавности Славянъ въ Европѣ, извѣстныхъ уже древнѣйшимъ классическимъ писателямъ, начиная съ Геродота, противъ которой такъ возставалъ Шлецеръ, разработанная позже Бутковымъ и Шафарикомъ, признается новѣйшими учеными за несомнѣнную историческую истину. Мысли Татищева о существованіи у русскихъ Славянъ задолго до времени призванія

Рюрика сношеній съ сосѣдними народами, городовъ и князей, учреждений соединявшихъ древнихъ Славянъ въ политическія общества, оправдываются новѣйшими учеными изысканіями. Наконецъ, мысль Татищева о началѣ исторіи русской земли и ея обитателей со времени древнѣйшихъ историческихъ извѣстій о востокѣ Европы также признается многими изъ современныхъ историковъ и отвергается ими мысль Шлецера о началѣ русской исторіи со времени призванія Рюрика.

Главнымъ недостаткомъ ученія Татищева представляется намъ не относительная неполнота матеріала, положеннаго въ его основаніи, также не недостатокъ виѣшней критики источниковъ русской исторіи, а недостатокъ внутренней критики историческихъ памятниковъ или критики древнихъ понятій, выраженныхъ въ томъ или другомъ историческомъ извѣстіи. Встрѣчая въ древнѣйшихъ историческихъ извѣстіяхъ слова: князь, царь, градъ и пр. Татищевъ понималъ эти слова въ томъ смыслѣ, какой они имѣли въ позднѣйшія историческія эпохи и на такомъ пониманіи строилъ свои понятія о степени образованности русскихъ Славянъ древнѣйшей эпохи¹¹⁾. Въ этомъ отношеніи ученіе Татищева представляло собою слабую сторону для нападеній противниковъ.

II. Основанія воззрѣній ученыхъ школы Шлецера-Камзинской.

Воззрѣнія ученыхъ школы Татищева по отношенію къ вопросу о степени образованности русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи опирались преимущественно на слѣдующія основанія: во 1-хъ, на извѣстность нашихъ предковъ съ глубокой древности южнымъ, западнымъ и восточнымъ, классическимъ и средневѣковымъ писателямъ; во 2-хъ, на извѣстія иностранныхъ писателей и русскихъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ о городахъ и князьяхъ, существовавшихъ у русскихъ Славянъ до времени призванія Рюрика. Въ противоположность тому, Шлецеръ старался доказать, что древніе Славяне не имѣли никакихъ сношеній съ сосѣдними народами, что Несторъ есть первый и древнѣйшій источникъ познанія русской исторіи и что

въ русской землѣ до времени призванія Рюрика не было ни государей, ни городовъ.

Первый и второй тезисы доказываетъ Шлецеръ очень своеобразно. Онъ раздѣляетъ Европу на три части: *югъ*, заключающій въ себѣ земли по ту сторону Дуная и Рейна; *средній сѣверъ*, заключающій въ себѣ полосу земли отъ Нѣмецкаго моря до моря Чернаго, и *верхній сѣверъ*, заключающій въ себѣ всѣ земли, лежавшія къ сѣверу и востоку отъ нижней Эльбы и всю Россію въ первоначальныхъ ея предѣлахъ (?). Послѣ такой сдѣлки съ географіей, Шлецеръ ставитъ два вопроса: „когда открытъ былъ *верхній сѣверъ* и каковъ онъ былъ при его открытіи и далѣе до времени Нестора?“ „Хотя и открытъ онъ около Р. X. силою Римлянъ, отвѣчаетъ авторъ на первый вопросъ, но вскорѣ послѣ совершенно оставленъ; слѣдственно (?), истинное начало онаго открытія я полагаю во время Карла Великаго, котораго секретарь Эингардъ доставляетъ первое вѣрное извѣстіе о Балтійскомъ морѣ (?). До этого времени вся эта часть вселенной была для прочихъ людей странною неизвѣстною. Все что ни говорили о ней древніе писатели есть выдумка или недоразумѣніе, можетъ быть, иногда слухъ, догадка. Несторъ есть первый, древнѣйшій и единственный отечественный источникъ открытія *верхняго сѣвера* и русской исторіи до 1054 года. То, что говорятъ Юрнандъ и Прокопій о древнихъ Славянахъ составляетъ все, что до сихъ поръ, исключая Нестора, знаемъ мы о времени, въ которое они сдѣлались извѣстными”¹²⁾. Ограничивъ такимъ образомъ количество источниковъ познанія древнѣйшаго періода русской исторіи извѣстіями одного Нестора, а источники исторіи древнихъ Славянъ вообще извѣстіями Нестора, Юрнанда и Прокопія, Шлецеръ приступаетъ къ рѣшенію втораго изъ поставленныхъ имъ вопросовъ: каковъ былъ русскій сѣверъ до времени призванія Рюрика, съ котораго начинается лѣтопись Нестора. У Юрнанда и Прокопія авторъ находитъ извѣстія, которыя, по его переводу, говорятъ, что „Славяне въ VI вѣкѣ не имѣли городовъ, жили въ лѣсахъ и болотахъ; подобно номадамъ, они кочевали въ шалашахъ, изрѣдка разставленныхъ”¹³⁾, а у Нестора онъ находитъ извѣстныя сказанія о расселеніи славянскихъ народовъ, ихъ семейныхъ обычаяхъ, языческой эпохи и призваніи

Варяговъ Новгородцами. Эти извѣстія Шлецеръ признаетъ достаточными для вывода „теоріи,” по которой до половины IX вѣка русскіе Славяне находились въ состояніи первоначальной дикости и только благодаря посредству Норманновъ образовали политическое общество, русское государство ¹⁴⁾.

Ни одно ученіе въ нашей политико-юридической литературѣ не возбуждало такихъ разнообразныхъ сужденій, какъ ученіе Шлецера. Одни видѣли въ немъ не безпристрастнаго ученаго историка и основательнаго критика историческихъ памятниковъ, а чловѣка партіи, даже шарлатана, подъ покровомъ высшей ученой критики источниковъ, преслѣдовавшаго въ разработкѣ вопросовъ русской исторіи не историческую истину, а свои личныя цѣли и патріотическія тенденціи ¹⁵⁾. Другіе признавали Шлецера гениальнымъ историкомъ, обладавшимъ громадными историческими свѣдѣніями и необыкновеннымъ критическимъ талантомъ, протестовали противъ всякаго отступленія отъ его историческихъ воззрѣній, какъ противъ крайняго невѣжества и ученаго еретичества. Само собою разумѣется, что это мнѣнія крайнія, но каждое изъ нихъ имѣетъ свои причины, хотя не одинаково основательныя.

Дѣйствительно, Шлецеру недоставало самыхъ важныхъ качествъ хорошаго, правдиваго историка; въ особенности, ему не доставало обширности свѣдѣній въ отношеніи источниковъ русской исторіи, безпристрастнаго отношенія къ историческимъ событіямъ и безпристрастнаго истолкованія свидѣтельствъ историческихъ памятниковъ.

Въ самомъ началѣ своего сочиненія, въ „Напоминаніи,” очевидно въ параллель тридцатилѣтней дѣятельности Татищева на пользу русской исторіи, Шлецеръ заявляетъ о его сороколѣтней дѣятельности въ томъ же направленіи, и новыхъ, сдѣланныхъ имъ, открытій въ русской исторіи. Но изученіе содержанія „Шлецерова Нестора” доказываетъ намъ, что его авторъ не прибавилъ ничего новаго къ историческимъ матеріаламъ, собраннымъ до него Байеромъ, Татищевымъ, Щербатовымъ, Болтинымъ, Стриттеромъ и Миллеромъ. Заявленія Шлецера о его продолжительныхъ работахъ на пользу русской исторіи, о скопленіи въ его рукахъ множества припасовъ по этому предмету и открытіи новыхъ и важныхъ

историческихъ извѣстій и источниковъ ¹⁶⁾ не оправдываются со-
держаніемъ его сочиненія ¹⁷⁾.

Обращаясь къ анализу ученія Шлецера, съ цѣлью опредѣлить
его отношеніе къ фактамъ русской исторіи, мы убѣждаемся, что онъ
не былъ историкомъ, безпристрастно изучавшимъ историческія со-
бытія, что направленныя противъ него обвиненія въ эгоизмъ и субъ-
ективныхъ тенденціяхъ, проведенныхъ въ русскую исторію, совер-
шенно основательны ¹⁸⁾.

Татищевъ, требуя отъ историка знанія приемовъ ученой кри-
тики источниковъ, замѣтилъ, что *истинный смыслъ древнихъ*
сказаній болѣе понятенъ отечественному историку, если
онъ не побѣжденъ страстію самолюбія и самохвальства, *нежели*
иностранцу, незнающему чужаго языка и духа народнаго. Противъ
этого замѣчанія Шлецеръ вооружился всѣми правдами и неправдами
и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ повторяетъ, что русскіе
историки, безъ помощи иностранцевъ ничего не сдѣлаютъ со своей
исторіей, что „нельзя еще требовать отъ русскихъ испытателей исто-
ріи того, что можно требовать отъ издателей древнихъ памятниковъ
въ такихъ земляхъ, гдѣ уже *нѣсколько сотъ лѣтъ знакомы*
съ ученою критикою” (?), что „все до сихъ поръ въ Россіи на-
печатанное ощутительно дурно, недостаточно и невѣрно,” и нако-
нецъ, что, „если бы такіе величайшіе люди, какъ Грисбахъ, Михае-
лисъ, Семлеръ, Груперъ и др. были приглашены въ Россію и въ тру-
дахъ своихъ *были поддержаны свыше*, то къ радости иностран-
цевъ и русскихъ, въ десять лѣтъ сдѣлали бы болѣе, нежели до сихъ
поръ сдѣлано въ цѣлое столѣтіе” и т. д. ¹⁹⁾

Фактическая подкладка патріотическимъ тенденціямъ Шлецера,
проведеннымъ въ русскую исторію, была положена его соотечест-
венникомъ Байеромъ. Ревнуя о славѣ своихъ предковъ, Байеръ
старался доказать, что предки русскихъ государей были не славян-
скаго происхожденія, а нѣмецкаго, — датскіе или шведскіе дворяне.
Доказательства свои авторъ основалъ главнымъ образомъ на сказа-
ніяхъ исландскихъ сагъ и филологическомъ анализѣ различныхъ
нѣмецъ, упоминаемыхъ начальною русскою лѣтописью и происходя-
щихъ, по его выводамъ, изъ корней языка нѣмецкаго ²⁰⁾. Шлецеръ
о дѣятельности Байера въ отношеніи русской исторіи, между про-

чимъ, высказалъ слѣдующее: „непонятно, какъ этотъ великій изслѣдователь языковъ, столь много потѣвшій надъ китайскимъ, не учился по русски и зависѣлъ всегда отъ неискусныхъ переводчиковъ, почему надѣлалъ важныхъ ошибокъ”²¹⁾. Исландскія саги, главный источникъ выводовъ Байера, Шлецеръ совѣтуетъ „для уничтоженія безпорядка въ наукѣ навсегда выкинуть изъ числа историческихъ источниковъ, какъ бредни фантазій”²²⁾. Наконецъ, о филологическихъ доказательствахъ Байера, подвергнувшаго этимологическому анализу имена Рюрика, Синеуса, Трувора, Днѣпровскихъ пороговъ и др., Шлецеръ даетъ слѣдующій приговоръ: „если какое либо слово не имѣетъ съ другимъ словомъ нужной созвучности, то его поднимаютъ на этимологическую дыбу и мучатъ до тѣхъ поръ, пока оно не закричитъ, какъ будто отъ боли, и не дастъ такого звука, какого хочется жестокому словопроизводителю”²³⁾. На основаніи этихъ приговоровъ, казалось бы, что Байеръ, какъ незнавшій русскаго языка, опиравшійся въ своихъ выводахъ на бредни воображенія, а не историческіе источники, и слѣдовавшій фальшивому методу въ разработкѣ источниковъ, не могъ быть признанъ правдивымъ истолкователемъ свидѣтельствъ начальной русской лѣтописи; но такъ думалъ Шлецеръ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выводы Байера противорѣчили его мыслямъ. Основная мысль Байеровой теоріи ему понравилась; она льстила германскому патриотизму, выставляя новый примѣръ „всемирно-культурнаго значенія германскаго племени.” Шлецеръ привѣтствовалъ, какъ великое открытіе науки, догадку о скандинавскомъ происхожденіи „первыхъ русскихъ государей, превратившихъ дикія славяно-русскія племена въ сплоченное государственное общество”²⁴⁾.

Все что противорѣчило этой завѣтной мысли Шлецера въ историческихъ памятникахъ объявлено имъ не относящимся къ русской исторіи или же сказками, описками, ошибками и вставками позднѣйшихъ, невѣжественныхъ переписчиковъ древнихъ рукописей²⁵⁾. Такимъ способомъ очистилъ Шлецеръ источники древнѣйшаго періода русской исторіи отъ всѣхъ извѣстій, указывавшихъ на сношенія нашихъ предковъ съ сосѣдними народами и существованіе у русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи учреждений, соединявшихъ эти народы въ политическія общества.

Анализъ основаній ученія Шлецера доказываетъ намъ, что его авторъ, задавшись предвзятою мыслью о дикости славянорусскихъ племенъ до времени призванія Варяговъ и цивилизаціонномъ значеніи Германцевъ на востокъ Европы, смотрѣлъ на историческіе факты не свободно, усматривалъ во всѣхъ фактахъ древнерусской политической жизни только нѣмецкія начала и не оцѣнилъ, соответственно исторической дѣйствительности, народныхъ, славянскихъ началъ. Теорія быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи и происхожденія русскаго государства, предложенная Шлецеромъ, опираясь на Нестора, въ дѣйствительности вполнѣ лишена фактической подкладки.

Достоинствомъ изслѣдованія Шлецера о Несторѣ представляется намъ не содержаніе выраженнаго въ немъ историческаго міровоззрѣнія, а впервые и точно сформулированное требованіе извѣстныхъ приемовъ внутренней критики источниковъ, то есть, содержанія понятій, выраженныхъ словами того или другаго историческаго извѣстія, которыми, впрочемъ, не воспользовались надлежащимъ образомъ ни самъ Шлецеръ, ни его ближайшіе послѣдователи ²⁶).

Не смотря на слабость основаній, историческія воззрѣнія Шлецера имѣли громаднѣйшій успѣхъ, какъ въ германской, такъ и въ русской исторической литературѣ.

По изданіи изслѣдованій Шлецера о русскихъ лѣтописяхъ, одинъ изъ соотечественниковъ его, Шпитлеръ, высказалъ слѣдующее: „какъ должно обрабатывать и критически употреблять русскія лѣтописи, первый Шлецеръ показалъ намъ настоящимъ образомъ; его приложеніе испытанныхъ и давно уже въ южной европейской исторіи употребляемыхъ критическихъ правилъ къ русской и общей сѣверной исторіи можетъ, наконецъ, доставить сей исторіи надежное основаніе” ²⁷). Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени нѣмецкая литература не иначе относится къ Шлецеру, какъ первому ученому критику русскихъ лѣтописей и основателю науки русской исторіи. Такое отношеніе къ Шлецеру совершенно понятно со стороны германскихъ ученыхъ, сочувствующихъ патріотическимъ тенденціямъ Шлецера, незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ и источниками русской исторіи, а слѣдовательно, во всемъ принужденныхъ вѣрить на слово автору своеобразнаго „Нестора.” Но въ настоящее время трудно понять причину, по которой воззрѣнія Шлецера долго поль-

зовались абсолютнымъ авторитетомъ въ русской исторической литературѣ. Кажется, первоначальною причиною этого страннаго явленія было преобладаніе нѣмецкаго элемента въ составѣ Петербургской Академіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при которой были сгруппированы всѣ ученыя силы Россіи того времени и которая давала направленіе историческимъ изслѣдованіямъ. Какъ бы то ни было, въ сочиненіяхъ молодаго поколѣнія русскихъ историковъ ученіе Шлецера получило преобладаніе, утвержденное первымъ историкомъ нашего вѣка Карамзинымъ.

Критическій анализъ воззрѣній Карамзина на политическое состояніе славянорусскихъ племенъ до времени призванія Рюрика и условія образованія русскаго государства открываетъ въ нихъ ближайшее сродство съ воззрѣніями Шлецера по тому же предмету. Преобладаніе вліянія Шлецера въ этомъ отношеніи объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что Карамзинъ принужденъ былъ представить первый томъ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ Шлецеру на разсмотрѣніе ²⁴). Дѣйствительно, только отношеніями Карамзина къ Шлецеру, какъ учителю и цензору, возможно объяснить появленіе въ его сочиненіи массы противорѣчій, неточностей въ заключеніяхъ, смѣлость въ выводахъ, когда его выводы не противорѣчатъ ученію Шлецера, и осторожность въ выводахъ, доходящую до невѣрія въ прямые и несомнѣнные свидѣтельства источниковъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ показанія источниковъ не соглашаются съ воззрѣніями Шлецера. Принимая теорію Шлецера о дикости древнерусскихъ Славянъ и началѣ русской исторіи со времени Рюрика, съ одной стороны, а съ другой стороны, дѣлая необходимыя уступки въ пользу свидѣтельствъ источниковъ, на которыхъ основывались воззрѣнія ученыхъ школы Татищева, Карамзинъ въ однихъ мѣстахъ своей исторіи говоритъ одно, а въ другихъ мѣстахъ другое объ одномъ и томъ же предметѣ ²⁵); возникающія отсюда противорѣчія онъ маскируетъ вставкою эластичныхъ словъ: отчасти, можетъ быть, кажется, вѣроятно, нѣкоторый и т. д., дающихъ читателю возможность заключать о предметѣ рѣчи и то и другое. Такъ напримѣръ, Шлецеръ объявилъ, что въ Россіи до половины IX столѣтія не было городовъ. По Карамзину: „Новгородъ и Кіевъ основаны *посль* Р. Х.;" Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ,

Черниговъ были уже въ X вѣкѣ, но могли существовать и гораздо прежде;” „грубые Древляне жили отчасти въ гордахъ,” и т. д. ³⁰). Шлецеръ объявилъ, что въ Россіи до водворенія Норманновъ не могло быть никакихъ гражданскихъ союзовъ; начальная наша лѣтопись извѣщаетъ, что каждое изъ славянорусскихъ племенъ до времени Рюрика составляло особенное княженіе, и что призваніе Норманновъ было общимъ дѣломъ союза, состоявшаго изъ славянскихъ и финскихъ племенъ, центромъ котораго былъ Новгородъ. Карамзинъ выражается такъ: у предковъ нашихъ „каждое семейство было маленькою, независимою республикою; но общіе древніе обычаи служили между ними *нѣкоторою гражданскою связью*;” „Славяне въ разные вѣки и разныхъ земляхъ управлялись гражданскою властію;” „Новгородцы и Кривичи, въ эпоху призванія Норманновъ, *кажется*, были союзниками финскихъ племенъ” и т. д. ³¹).

Въ противорѣчіяхъ и неопредѣленности основныхъ воззрѣній Карамзина въ отношеніи началъ политическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи заключается причина, по которой позднѣйшіе ученые, принадлежащіе къ различнымъ литературнымъ лагерямъ, одинаково находили возможность подкрѣплять ихъ теоріи ссылками на авторитетъ Карамзина. Въ этомъ только смыслѣ можно сказать, что „въ Исторіи Государства Россійскаго можно найти въ зародышѣ все, что развивается наукою нашего времени” ³²).

„Несторъ” Шлецера и „Исторія Государства Россійскаго” Карамзина въ первой четверти нашего столѣтія служили основаніями университетскихъ курсовъ и учебниковъ русской исторіи, въ которыхъ молодое поколѣніе русскихъ ученыхъ принуждено было заучивать воззрѣнія Шлецеро-Карамзинскаго направленія на общественное состояніе древнихъ Славянъ, какъ вполнѣ доказанныя положенія, или аксіомы, не требующія доказательствъ, что, естественно, имѣло громадное вліяніе на направленіе послѣдующихъ историческихъ трудовъ молодыхъ ученыхъ. „Было время, извѣщаетъ насъ Полевой, когда, опасаясь неприятностей, не смѣли печатать никакой критики на Исторію Карамзина.” Было время, извѣщаетъ насъ Погодинъ, когда „всѣ наши ученые историки—Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположникомъ исторической критики Шлецеромъ,

думали, что о славянорусскихъ племенахъ дорюриковской эпохи не слѣдуетъ говорить болѣе того, что сказано объ нихъ Несторомъ, представляющимъ эти племена въ состояніи младенчества.” Было время, наконецъ, извѣщаетъ насъ тотъ же историкъ, когда русскіе ученые, „подъ страхомъ жестокой ученой насмѣшки,” боялись мыслить самостоятельно и самостоятельно объяснять тѣ явленія русской исторіи, которыя не мирились съ господствующимъ, такъ сказать, официальнымъ историческимъ воззрѣніемъ, а потому или объясняли эти явленія въ направленіи господствовавшаго воззрѣнія или просто пропускали ихъ ³³).

Сказанныя обстоятельства объясняютъ намъ, почему историки и ученые юристы, слѣдовавшіе за Шлецеромъ и Карамзинымъ въ теченіи тридцати лѣтъ, посвящая свои труды изученію вопроса о происхожденіи русскаго государства, занимались изученіемъ исторіи Норманновъ, а не исторіи Славянъ.

Въ области историко-политическихъ наукъ замѣна старыхъ воззрѣній новыми, хотя бы несравненно болѣе основательными, происходитъ чрезвычайно медленно. Это зависитъ, во первыхъ, отъ свойства оснований или доказательствъ историко-политическихъ теорій, которыя не имѣютъ той реальности, той очевидности, какую имѣютъ доказательства положительныхъ наукъ; во вторыхъ, отъ естественнаго консерватизма, можно сказать, присущаго послѣдователямъ воззрѣній старыхъ школъ, сравнительно съ новѣйшими. Къ открытіямъ, касающимся оснований науки, послѣдователь старой школы относится съ недовѣріемъ уже потому, что новое открытіе заставляеть его измѣнить-прежее историческое или политическое міровоззрѣніе, измѣнить систему изложенія науки и изучить частные вопросы съ новой точки зрѣнія. На это нужны средства, способности, время, часто совокупные труды многихъ ученыхъ и даже нѣсколькихъ поколѣній ученыхъ.

Исслѣдованія Каченовскаго, Буткова и Шафарика, направленные къ отрицанію историческихъ воззрѣній Шлецера-Карамзинскаго направленія, положили прочныя основы преобразованію древнѣйшаго періода русской исторіи молодымъ поколѣніемъ ученыхъ, произвели глубокое впечатлѣніе на современниковъ, но не измѣнили историческихъ воззрѣній старыхъ послѣдователей Шлецера и Карамзина на

политическое состояніе русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи и условій образованія русскаго государства.

По напечатаніи изслѣдованій Шафарика, Погодинъ воскликнулъ: „Шафарикъ производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ... вѣрно не находились Славяне на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ и на которой видѣли ихъ все наши изслѣдователи до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ и прочіе города представляются намъ готчасъ въ другомъ свѣтѣ. Тѣ явленія, кои боялись мы предъ строгою критикою буквъ принимать вполне, или, считая непоцятными, пропускали, эти явленія можемъ мы теперь смѣло сдѣлать предметами изслѣдованій и искать тамъ, гдѣ найдти что либо отнята была даже надежда подѣ страхомъ жестокой ученой насмѣшки. Мракъ прорѣзанъ свѣтлыми лучами, приобрѣтена твердая точка”³⁴).

На какой же степени образованности стояли русскіе Славяне до времени призванія Рюрика? Въ какомъ же свѣтѣ представляются ихъ города послѣ изслѣдованій Шафарика? Какъ же должны быть объяснены тѣ явленія, которыя историки школы Шлецера, предъ строгою критикою буквъ и подѣ страхомъ жестокой ученой насмѣшки, или пропускали, или принимали не вполне? Положительный отвѣтъ на эти вопросы, въ смыслѣ ученія Шафарика, былъ невозможенъ для Погодина: онъ равнялся бы, такъ сказать, ученому самоубійству автора, отрицанію научнаго значенія его предшествовавшей дѣятельности и потребовалъ бы полной перестройки усвоеннаго Погодинымъ ученія о значеніи Норманновъ въ образованіи русской гражданственности. Вотъ почему, по изложеніи содержанія воззрѣній Шафарика, въ противоположность вышеприведеннымъ заключеніямъ, Погодинъ называетъ изслѣдованія Шафарика только „разсужденіями,” обращается къ „положительной исторіи,” т. е. въ словахъ Нестора „о нашихъ Славянахъ,” а наконецъ, на вопросъ: „въ какомъ состояніи находились по свидѣтельствамъ славяно-русскія племена въ эпоху призванія Рюрика?” даетъ слѣдующій очень темный отвѣтъ: „они жили общинами, именно, какъ племена, безъ всякаго политическаго соединенія между собою, не составляя и породъ политическихъ обществъ, раздѣленныя, по

вѣтъмъ вѣроятіямъ, пустыми пространствами, лѣсами, рѣками, болотами и степями” 35). Самъ авторъ сознавалъ слабости своего ученія о Славянахъ и объясняетъ ихъ тѣмъ, что слишкомъ поздно сталъ смотрѣть на исторію Славянъ съ надлежащей точки зрѣнія 36).

III. Основанія воззрѣній ученыхъ отрицательнаго направленія или скептической школы.

Отрицаніе воззрѣній Шлецера-карамзинскаго направленія на общественное состояніе русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи и условія образованія русскаго государства развивалось въ ученой литературѣ постепенно. Зародышъ сомнѣній въ этомъ направленіи мы замѣчаемъ впервые въ возраженіяхъ Лелевеля, направленныхъ противъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина: но здѣсь отрицаніе ограничивается только частными вопросами и выражено въ формѣ предположеній, безъ достаточной аргументаціи. „*Мнѣ кажется*, говоритъ авторъ, нынѣ весьма трудно отгадать истинный смыслъ сказаній Нестора, относящихся къ древнѣйшей эпохѣ;“ „*я полагаю*, что важный вопросъ о степени образованности древнихъ Славянъ разрѣшенъ Карамзинымъ безъ достаточныхъ основаній;“ „*сомнѣваюсь* въ томъ, чтобы Варяги превосходили Славянъ въ образованности” и пр. Полевой извѣстіе лѣтописи о призваніи Рюрика Новгородцами, этотъ краугольный камень теоріи Шлецера, признаетъ уже „явно невѣроятнымъ,“ основываясь на доказательствахъ довольно убѣдительныхъ; но въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія онъ признаетъ это извѣстіе только подозрительнымъ и, подобно Погодину, кладетъ его въ основаніи древнѣйшаго періода русской исторіи. Наконецъ, Каченовскій приходитъ къ положительному заключенію, по которому „мы съ прискорбіемъ должны согласиться, что древняя исторія наша недостовѣрна“ 37)-

Силлогизмъ Каченовскаго, направленный къ отрицанію достовѣрности нашей древней исторіи, соотвѣтственно господствовавшему въ его время историческимъ воззрѣніямъ, представляется намъ совершенно правильнымъ. Соотвѣтственно современному воззрѣнію, господствовавшему въ историко-политической литературѣ, Каченов-

скій поставилъ вопросъ: какъ примирить теорію первоначальной дикости русскихъ Славянъ X и XI вѣковъ съ существованіемъ въ то же время лѣтописи, писаннаго законодательства, понятій и политическихъ учреждений, представленіе о которыхъ не мирится съ представленіемъ о первобытной грубости и дикости народа? Единственно возможный отвѣтъ на этотъ вопросъ Каченовскій полагалъ въ отрицаніи древности лѣтописи Нестора, договоровъ Олега, Игоря и Святослава съ Греками и уставовъ Владиміра и Ярослава. Если же лѣтопись Нестора составлена спустя два или три столѣтія послѣ призванія Рюрика и основана на преданіяхъ и позднѣйшихъ домыслахъ, провѣрить которые, за отсутствіемъ древнѣйшихъ писанныхъ памятниковъ, мы не имѣемъ никакой возможности, то древнѣйшая исторія наша, какъ основанная только на извѣстіяхъ Нестора, т. е. преданіяхъ и позднѣйшихъ домыслахъ, недостоверна. Положивъ, такимъ образомъ, въ основаніи своего ученія мнѣніе Шлецера о дикости населенія Россіи въ эпоху призванія Рюрика, Каченовскій, развивая въ послѣдствіяхъ это воззрѣніе, совершенно основательно пришелъ къ отрицанію источника, на которомъ построено было историческое міровоззрѣніе Шлецера, Карамзина и ихъ ближайшихъ послѣдователей.

Погодинъ, въ его статьѣ „О скептическомъ повѣтріи“, характеризуетъ скептическое направленіе слѣдующими словами: „противъ древней русской исторіи появилось, въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 1830 по 1835 г., нѣсколько статей, удостоенныхъ отъ нашихъ несвѣдущихъ журналистовъ почетнаго титула *скептической школы*, которая однакожь скоропостижно и скончалась, уступивъ мѣсто другой, и, надо признаться, еще болѣе недѣпой, то есть *Славянской*. Виновиномъ скептической школы былъ профессоръ Каченовскій. Это былъ ученый трудолюбивый, любознательный, умный, отъ природы склонный къ сомнѣнію и недовѣрчивости, способный сообразить немногія положенія, но не могшій никогда окинуть взглядомъ цѣлаго, и, наконецъ, лишенный всякаго творчества“ (38).

Вполнѣ справедливо, что ученіе скептиковъ, особенно въ сочиненіяхъ послѣдователей Каченовскаго, дошло до крайности; положенія: „Новгородъ основанъ въ XI или XII вѣкѣ“, „Русь племя азіатское“, „въ Россіи до XII вѣка торговли не могло быть никакой“,

„лѣтопись Нестора составлена въ XIII или XIV вѣкѣ“ и т. д. дѣйствительно противорѣчатъ всемъ даннымъ нашей исторіи. Тѣмъ не менѣе, характеристика скептическаго направленія, предложенная Погодинымъ, представляетъ собою приговоръ человѣка партіи, литературнаго непріятеля, а не безпристрастнаго критика. Безпристрастные цѣнители ученыхъ заслугъ Каченовскаго смотрятъ иначе на его значеніе въ исторіи нашей ученой литературы³⁹⁾. Онъ первый задумался надъ бѣдностію историческаго матеріала, положеннаго въ основаніи историческаго міровоззрѣнія Шлецера-Караджинскимъ направленіемъ, и старался отыскать новыя средства къ построенію новаго ученія. Въ возникшей, благодаря трудамъ Каченовскаго, борьбѣ старыхъ убѣжденій съ новыми, какъ послѣдователи Каченовскаго, такъ и его противники должны были обратиться къ серьезному, самостоятельному анализу источниковъ нашей исторіи: первые искали въ нихъ подтвержденій своимъ еретическимъ мнѣніямъ, а вторые ихъ опроверженій. „Если не все такъ, справедливо замѣчаетъ В. С. Иконниковъ, какъ представлялось Каченовскому, то все таки ему принадлежитъ честь возбужденія русской мысли на поприщѣ историческаго изслѣдованія; за нимъ шла фаланга послѣдователей, а противъ него другая—противниковъ: образовалась цѣлая литература спорныхъ вопросовъ, которая дала немаловажные результаты для дальнѣйшей обработки русской исторіи“⁴⁰⁾.

Ближайшій, самостоятельный анализъ памятниковъ русской старины переродилъ отрицательную, скептическую школу въ школу положительную, славянскую. Скептики снова обратились къ древнѣйшей русской лѣтописи и древнѣйшимъ памятникамъ русскаго законодательства, но уже съ новыми воззрѣніями на начала общественнаго быта древнихъ Славянъ, нежели тѣ воззрѣнія, какія были наслѣдованы ими изъ ученія Шлецера. Новыя изслѣдованія, направленные къ изученію общественнаго состоянія русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи появляются только тогда, когда Каченовскій своими основательными сомнѣніями подорвалъ основанія стараго ученія. Ученіе Каченовскаго, такимъ образомъ, составляетъ собою естественную и необходимую переходную ступень отъ ученія Шлецера-Караджинской школы къ ученію школы славянской.

На основаніи невозможности примирить понятія о первобытной

двности народа съ понятіями о существованіи у него лѣтописи и писаннаго законодательства, скептики пришли къ отрицанію древности лѣтописи Нестора и древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства. На основаніи той же невозможности примиренія сказанныхъ понятій, антискептики пришли къ отрицанію понятій о дикости древнерусскихъ Славянъ и положили основаніе новому положительному ученію о степени образованности русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика, первымъ основателемъ котораго, по всей справедливости, должно считать Буткова.

IV. Основанія воззрѣній ученыхъ положительнаго направленія или славянской школы.

Въ основаніи историческихъ воззрѣній ученыхъ скептическаго направленія лежало, заимствованное изъ ученія Шлецера и принятое за аксіому, положеніе Шлецера о дикости русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика. Вотъ почему свои возраженія скептикамъ Бутковъ начинаетъ анализомъ ученія Шлецера и старается доказать, что уже задолго до призванія Рюрика русскіе Славяне вели отдаленныя торговыя сношенія съ иноземцами и были соединены въ политическія общества, имѣли князей, города и народныя собранія, на которыхъ рѣшались общественныя дѣла. Лѣтопись свидѣтельствуетъ, говоритъ онъ, что уже до Рюрика Древляне, Поляне, Дреговичи, Полочане, Новгородцы составляли отдѣльныя княжества, а кому же не извѣсто, что никакое гражданское общество не можетъ существовать безъ законовъ или безъ обычаевъ, замѣняющихъ законъ; и Несторъ говоритъ: „каждому языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычай.“ Въ Россіи до Рюрика находились города или крѣпости: Новгородъ, Белоозеро, Ростовъ, Муромъ, Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ, Кіевъ, Коростень, кромѣ прочихъ, принадлежавшихъ Тиверцамъ и Уличамъ. Люди, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ были бы не въ состояніи сооружать укрѣпленія, да не имѣли бы въ нихъ и надобности. Уже въ Геродотово время хлѣбопашество производилось у Днѣпра, Буга и другихъ рѣкъ нашей страны. Надежныѣ чѣмъ Шлецеру можно повѣ-

рять Прокопію, Юрнанду и Маврикію, писателямъ VI и VII вѣковъ, оставившимъ намъ свои извѣстія, по которымъ соплеменники Славяне и Анты, занимавшіе въ ихъ время неизмѣримыя пространства между Дунаемъ, истоками Вислы, Днѣпромъ и Финскимъ заливомъ, гдѣ поселенія ихъ, какъ и Новгородъ Ильменскій, имѣлись раиѣ 590 года, эти Славяне и Анты, уже въ то время, имѣли свои княжества, свои вѣча, свою вѣру, свои законы ⁴¹⁾. Этими соображеніями нанесены были первые смертельные удары ученію Шлецероваго направленія. Шафарикъ, развивая мысли Буткова, умножилъ количество фактовъ въ новомъ направленіи и, подвергнувъ критическому анализу историческія извѣстія, на которыхъ основывалась Шлецеровская теорія дикости древнихъ Славянъ, доказалъ, что эти извѣстія не имѣютъ того смысла, какой имъ придавали Шлецеръ и его послѣдователи ⁴²⁾.

Обращаясь къ анализу ученія славянской школы, мы замѣчаемъ въ немъ, рядомъ съ большими достоинствами, важныя недостатки.

Въ корнѣ увлеченій ученія славянской школы мы замѣчаемъ ту же причину, какую видѣли въ корнѣ заблужденій ученія Шлецера, то есть, патріотическія тенденціи. Какъ въ жизни, такъ и въ теоріи одна крайность вызываетъ другую — крайность противоположную.

Ученіе Шлецера и его послѣдователей о дикости русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, въ приложеніи къ рѣшенію вопроса о достовѣрности древнѣйшихъ памятниковъ русской исторіи, пришло къ отрицанію этихъ памятниковъ и тѣмъ вызвало ученіе, направленное къ отрицанію господствовавшихъ понятій о дикости древнерусскихъ Славянъ и доказательству подлинности или древности заподозрѣнныхъ памятниковъ древнѣйшаго періода русской исторіи. Насколько первое направленіе преувеличило необразованность древнихъ Славянъ, настолько, если не болѣе, второе направленіе преувеличило ихъ образованность. Увлеченіе въ послѣднемъ направленіи замѣтно уже въ ученіи Буткова ⁴³⁾, хотя далеко не въ той степени, въ какой оно замѣчается у Шафарика и его послѣдователей. Въ ученіи Шафарика и его послѣдователей, въ слѣдствіе пристрастнаго толкованія источниковъ, образованность Славянъ древнѣйшей языческой эпохи, время Геродота, Птоломея, Юрнанда и Прокопія, возведена на

такую высоту, на какой не стояли Германцы въ эпоху Карла Великаго и Славяне въ первый христіанскій періодъ. Если у Шлецера мы встрѣчаемъ неосновательное недовѣріе ко всѣмъ свидѣтельствамъ источниковъ, указывающимъ на гражданскій, политическій бытъ древнихъ Славянъ, то у Шафарика, наоборотъ, встрѣчаемъ полную вѣру во всѣ свидѣтельства и намеря этого рода и безграничный прозволь въ ихъ толкованіи ⁴⁴).

Но, не смотря на сказанныя увлеченія, Бутковъ и Шафарикъ оказали важную услугу русской исторіи и исторіи русскаго права. Во первыхъ, они доказали основательными фактами и соображеніями, что Славяне въ эпоху призванія Рюрика не стояли на той степени первобытной дикости, на которой видѣли ихъ Шлецеръ и его послѣдователи; во вторыхъ, они доказали несомнѣнными фактами неосновательность сомнѣній Каченовскаго и его послѣдователей относительно древности или подлинности начальной русской лѣтописи и древнихъ памятниковъ русскаго права. Анализируя съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса аргументацію ученій Буткова и Шафарика, направленную противъ ученій Шлецера и Каченовскаго, мы видимъ, что главными доводами противъ понятій о первобытной дикости русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, служатъ Буткову и Шафарикъ указанія источниковъ на древнеславянскія княженія, города и вѣча или народныя собранія, рѣшавшія общественныя дѣла, то есть, такія учрежденія, обыкновенное представленіе о которыхъ не мирится съ понятіемъ о первобытной дикости народа. Доказано несомнѣнно, что Шлецеръ, Каченовскій и ихъ послѣдователи, предполагая первобытную дикость Славянъ въ эпоху призванія Рюрика, совершенно неосновательно игнорировали или объясняли вставками позднѣйшихъ переписчиковъ указанія древнихъ памятниковъ на политическія учрежденія древнихъ Славянъ.

Славянская школа преувеличила значеніе сказаннаго открытія; предполагая въ древнеславянскихъ князьяхъ, городахъ и вѣчахъ то значеніе, какое эти учрежденія имѣли въ позднѣйшую эпоху, она поставила гражданственность русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика на слишкомъ высокую степень. Тѣмъ не менѣе, какое бы мы не придали значеніе князю, городу и вѣчу, во всякомъ случаѣ, мы должны допустить, что существованіе этихъ учреждений у даннаго

народа доказываетъ его политическое состояніе, доказываетъ, что этотъ народъ не живетъ подобно звѣрямъ и птицамъ, а регулируетъ его общественныя отношенія политико-юридическими началами или правилами, въ формѣ обычая или положительнаго закона.

Сказанный выводъ, положительный характеръ котораго намъ представляется безспорнымъ, былъ новымъ и важнымъ приобретениемъ для науки, по слѣдующей причинѣ. Какъ скоро было доказано существованіе у русскихъ Славянъ до времени призванія Рюрика князей, городовъ и народныхъ собраній, рѣшавшихъ общественныя дѣла, то тѣмъ самымъ была доказана необходимость специальныхъ изслѣдованій, направленныхъ къ изученію внутреннихъ началъ политико-юридическаго быта нашихъ предковъ въ сказанную эпоху. Историки и юристы, отъ Шлецера до Буткова и Шафарика, предполагая у русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи первоначальное, естественное состояніе, не считали нужныхъ посвящать свои труды специальному изученію внутреннихъ, политико-юридическихъ началъ этого состоянія, на томъ основаніи, что начала младенческаго, естественнаго состоянія общества всегда и вездѣ одинаковы. Но дѣло мѣняется, когда доказано существованіе въ дорюриковскую эпоху князя, города и народнаго собранія. Существованіе этихъ учреждений у даннаго народа доказываетъ только общественное, политическое состояніе этого народа, то степень гражданственности ими не опредѣляется, такъ какъ князья, города и народныя собранія встрѣчаются у народовъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ цивилизаціи: мы находимъ ихъ у различныхъ первобытныхъ народовъ, равно какъ и у народовъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ современной цивилизаціи. Степень гражданственности даннаго народа опредѣляется не существованіемъ у него князей, городовъ и народныхъ собраній, а тѣми началами, на которыхъ основано существованіе этихъ учреждений. Какое значеніе имѣли у древнихъ Славянъ князья, города и вѣча, какъ политическія учрежденія? Какъ возникала власть князя и власть народнаго собранія, чѣмъ эти власти поддерживались и какими началами регулировались ихъ отношенія между собою и къ подчиненнымъ? Когда и при какихъ условіяхъ возникли и чѣмъ отличались отъ другихъ видовъ народныхъ поселеній древнеславянскіе города? Рѣшеніемъ этихъ вопросовъ обуслов-

ливается рѣшеніе вопроса о формѣ быта, о степени гражданственности древнерусскихъ Славянъ. Такъ какъ труды Буткова, Шафарика и ихъ послѣдователей разрѣшили полустолѣтнія сомнѣнія о фактѣ существованія общности у русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, но не выяснили на основаніи положительныхъ доказательствъ внутреннихъ началъ существованія древнеславянскихъ политическихъ учреждений, ихъ политико-юридическаго значенія, то дальнѣйшее движеніе теоріи быта нашихъ предковъ должно было выразиться въ опредѣленіи этихъ началъ, въ выясненіи юридическаго характера древнеславянскихъ политическихъ учреждений.

Съ этого времени начинается новый періодъ въ исторіи воззрѣній по вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика; появляются въ нашей ученой литературѣ спеціальныя изслѣдованія, направленные къ опредѣленію внутреннихъ началъ политической организаціи древнеславянскаго общества, которыми обусловливались его существованіе и дѣятельность. Если нѣкоторые изъ ученыхъ старой школы, подобно Погодину, въ силу естественнаго для нихъ консерватизма, все еще не могли отрѣшиться отъ прежнихъ воззрѣній на эпоху появленія гражданскаго общества въ Россіи и принудить себя къ изученію того, что имъ казалось давно рѣшеннымъ, то молодое поколѣніе русскихъ историковъ и ученыхъ юристовъ убѣдилось въ необходимости посвятить свои труды серьезному, спеціальному изученію внутреннихъ началъ политическаго быта нашихъ предковъ до времени призванія Рюрика. Сознано вполнѣ и ясно, что безъ сказанныхъ изслѣдованій политическая исторія Россіи, равно какъ и исторія русскаго права остаются безъ своего начала, знаніемъ котораго обусловливается истинное пониманіе началъ политико-юридическихъ отношеній русскаго народа въ дальнѣйшіе періоды его исторіи.

V. Основанія теоріи родового быта.

Теорія родового быта развивалась въ нашей ученой литературѣ постепенно и заимствована отъ насъ западно-европейскою литературою. Мысль о политической независимости древнеславянскихъ се-

мействъ впервые высказана еще Ломоносовымъ ⁴⁵⁾, а затѣмъ, въ болѣе опредѣленной формѣ, повторена Карамзинымъ ⁴⁶⁾. Эверсомъ эта мысль обобщена и развита въ систему первобытныхъ социальныхъ отношеній, названную имъ родовымъ или патриархальнымъ бытомъ ⁴⁷⁾. Существенными началами этого быта признаны Эверсомъ родство между сочленами общественнаго союза и власть въ немъ старшаго родственника надъ младшими, власть отца, патриарха, родоначальника. Но ближайшее опредѣленіе общественныхъ отношеній въ первоначальномъ родовомъ союзѣ оставлено Эверсомъ неразвитымъ. Чѣмъ въ юридическомъ отношеніи отличается понятіе рода и родоваго быта отъ другихъ формъ социальной организаціи? Какъ возникаетъ власть родоначальника-патриарха и чѣмъ она поддерживается? Какими началами регулируются отношенія родоначальника къ младшимъ членамъ рода и отношенія младшихъ членовъ рода между собою? Ближайшее изученіе этихъ вопросовъ обойдено Эверсомъ при посредствѣ указанія на семью и отношенія главы семьи къ домоладцамъ, какъ на образъ политическихъ отношеній въ родовомъ союзѣ; иначе сказать, понятіе рода въ ученіи Эверса отождествлено съ понятіемъ семьи. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ новый вопросъ: какъ примирить съ понятіемъ о семейно-родовомъ бытѣ древнерусскихъ Славянъ указанія источниковъ на существованіе у нихъ князей, городовъ и народныхъ собраній, рѣшавшихъ общественныя дѣла, то есть, такихъ учреждений, обыкновенное представленіе о которыхъ не мирилось съ понятіемъ Эверса о первобытной семейно-родовой организаціи народа? Рѣшеніе этого вопроса обойдено Эверсомъ полнымъ молчаніемъ, потому что господствовавшее въ его время историческое воззрѣніе отрицало подлинность сказанныхъ указаній источниковъ. Бутковъ и Шафарикъ доказали несомнѣнно существованіе князей, городовъ и вѣчъ у русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи и, понимая въ древнѣйшихъ историческихъ памятникахъ слова князь, городъ и вѣче въ томъ смыслѣ, какой эти слова имѣютъ въ позднѣйшихъ памятникахъ, объявили несоотвѣтствующею исторической дѣйствительности теорію естественнаго первобытнаго общественнаго состоянія русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи. Въ дальнѣйшемъ развитіи понятій о гражданственности древнихъ Славянъ славянская школа возвратилась къ неопре-

дѣльными представленими Татищева, по которымъ предки наши уже за много вѣковъ до времени призванія Рюрика управлялись могущественными государями, владѣли цвѣтущими городами и рѣшали общественныя дѣла въ народныхъ собраніяхъ, имѣвшихъ значеніе вѣчъ Новгорода и Пскова позднѣйшей эпохи.

Въ это время появляется теорія родового быта древнерусскихъ Славянъ С. М. Соловьева, направленная къ анализу внутреннихъ началъ древнеславянскаго политическаго строя и молчаливому отрицанію ученія славянской школы, построеннаго на патріотическихъ увлеченіяхъ и принятая, безъ измѣненій или съ болѣе или менѣе существенными измѣненіями, многими изъ новѣйшихъ историковъ и ученыхъ юристовъ. Г. Соловьевъ значеніе князя, города и вѣча древнерусскихъ Славянъ объясняетъ съ точки зрѣнія теоріи Эверса, подводитъ эти учрежденія подъ такъ называемое родовое начало: князья, говорятъ онъ, были просто отцы семействъ или родоначальники, города были огороженныя жилища или убѣжища родовъ; наконецъ, вѣча были совѣщанія родственниковъ, въ однихъ случаяхъ, и совѣщанія родоначальниковъ, въ другихъ. Если бы эти объясненія были безспорно доказаны, то начало родства между союзниками явилось бы единственнымъ регуляторомъ общественныхъ отношеній въ политическомъ обществѣ русскихъ Славянъ древнѣйшей эпохи.

Обращаясь къ анализу доказательствъ родовой теоріи, мы сведемъ воззрѣнія ея послѣдователей къ общимъ основнымъ положеніямъ, анализируемъ фактическія основанія этихъ положеній, а затѣмъ, остановимся на понятіяхъ о родѣ и родовомъ бытѣ и приложенія этихъ понятій къ объясненію характера политическихъ учрежденій русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи.

Родовая теорія основана на слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Въ исторіи человѣческаго общежитія вообще и въ исторіи общежитія каждаго народа въ частности первоначальною ступенью является союзъ родственниковъ съ властью старшаго родственника во главѣ, а первоначальными общественными отношеніями являются отношенія родственныя, основанныя на естественномъ неравенствѣ младшихъ родичей въ отношеніи къ старшему родичу.

2. Слѣды родовыхъ союзовъ и родовыхъ отношеній, наблюда-

емые въ современномъ бытѣ и замѣчаемые въ историческихъ памятникахъ различныхъ народовъ, представляютъ собою остатки отъ того первоначальнаго общественнаго состоянія, въ которомъ были извѣстны только родственные союзы и родственныя отношенія.

3. Начальная русская лѣтопись ясно и точно свидѣтельствуетъ о первоначальномъ родовомъ бытѣ русскихъ Славянъ, въ которомъ были извѣстны только родовые союзы и родовыя отношенія.

Отсюда, если бы мы имѣли возможность доказать, что родъ не былъ первоначальною формою человѣческаго общежитія, что слѣды родовыхъ союзовъ и отношеній, наблюдаемые въ историческихъ памятникахъ и современномъ бытѣ различныхъ народовъ, не могутъ считаться остатками первоначальнаго общественнаго состоянія, а представляютъ собою явленія общественнаго быта позднѣйшихъ эпохъ, наконецъ, что извѣстія начальной русской лѣтописи, на которыя опирается родовая теорія, не имѣютъ того смысла, какой имъ придаютъ послѣдователи этой теоріи, то тѣмъ самымъ мы имѣли бы возможность доказать, что ученіе Эверса, С. М. Соловьева и ихъ послѣдователей въ исходныхъ положеніяхъ неосновательно. Дѣйствительно, новѣйшія открытія въ исторіи человѣческаго общежитія и анализъ свидѣтельствъ начальной русской лѣтописи даютъ возможность доказать положительно, что исходныя положенія родовой теоріи неосновательны.

1. Убѣжденіе, по которому въ исторіи человѣческаго общежитія вообще и въ исторіи общежитія каждаго народа въ частности первоначальною политическою формою былъ родъ, а первоначальными политическими отношеніями были отношенія родственныя, впервые высказано въ ученой литературѣ Эверсомъ безъ всякихъ доказательствъ, а затѣмъ, подъ покровомъ авторитета науки, высказывалось всѣми послѣдователями теоріи Эверса, какъ несомнѣнный фактъ, какъ аксіома, не требующая никакихъ доказательствъ ⁴⁸). Полагая сказанное убѣжденіе въ основаніи своего ученія о постепенномъ образованіи и развитіи политическихъ формъ, послѣдователи родовой теоріи не допускали возможности сомнѣнія въ его исторической дѣйствительности, а потому и не считали нужнымъ провѣрить это положеніе фактически, подтвердить его доказательствами. А между тѣмъ, новѣйшимъ поколѣніемъ ученыхъ, посвятившихъ свои труды

спеціальному изученію первобытнаго состоянія чловѣчества, собрано много фактовъ, доказывающихъ несомнѣнно, что первоначальною формою чловѣческаго общежитія была такая община, которой неизвѣстны были постоянное сожительство мужей съ женами, власть предковъ надъ ихъ потомками, понятія семьи, рода и родственныхъ отношеній. „Много было писано, говорятъ новѣйшіе изслѣдователи старины, о патріархальной семьѣ древнѣйшаго чловѣчества; она считалась первою культурною ступенью въ развитіи цивилизаціи. Не предполагали, чтобъ было время, когда еще не существовала семья. Въ послѣднее время свидѣтельства многихъ путешественниковъ, изучавшихъ бытъ дикарей, и цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, на нихъ основанныхъ, Тейлора, Леббока, Моргана, Макъ-Леннана, Жиро-Телона, Поста и др. доказывали, что понятія о семьѣ и родствѣ развивались исторически, что патріархальная семья не составляетъ первой самой ранней ступени культуры, а одно изъ позднихъ ея завоеваній;” „что первобытное общественное состояніе чловѣка было чистымъ гетеризмомъ, т. е. совершеннымъ отсутствіемъ брака, гдѣ всѣ мужчины и женщины каждой небольшой общины считались въ супружествѣ между собою.” „По выводамъ современной науки, люди въ первобытныя времена жили небольшими общинами, слагавшимися путемъ чисто животнаго расположенія. Брака, какъ союза, влекущаго за собою пожизненное общеніе двухъ лицъ различнаго пола тогда не было и связи лицъ различнаго пола опредѣлялись исключительно чувственными, животными инстинктами. Лица разныхъ половъ сходились и жили вмѣстѣ, пока продолжалось половое влеченіе. Минуло время животнаго возбужденія, и связь между ними также легко разрывалась, какъ легко заключалась. Новое побужденіе чувственности и новая, столь же легкая связь съ тѣмъ или другимъ лицомъ” 49). Если же первичною формою чловѣческаго общежитія была указанная община, то разсужденія послѣдователей родовой теоріи о постепенномъ образованіи позднѣйшихъ политическихъ формъ изъ первоначальнаго семейства и всѣ выводы этой теоріи, построенные на предположеніи первоначальнаго семьи—рода и естественнаго главенства предка надъ его потомками, представляются намъ противорѣчащими новѣйшимъ открытіямъ науки и съ точки зрѣнія положительнаго знанія должны считаться произвольными, по

крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказана неосновательность приведенныхъ выводовъ новѣйшихъ ученыхъ изслѣдованій.

2. Несостоятельнымъ представляется намъ и второе основное положеніе родовой теоріи, по которому слѣды родственныхъ союзовъ и родственныхъ отношеній, наблюдаемые въ настоящемъ быту различныхъ народовъ и замѣчаемые въ историческихъ памятникахъ, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ и различнымъ народамъ, представляютъ собою остатки отъ того первоначальнаго общественнаго состоянія, въ которомъ были извѣстны одни только родственные союзы и родственныя отношенія. Это положеніе, какъ и положеніе о первоначальномъ родѣ, высказывается всѣми послѣдователями родовой теоріи, какъ аксіома, не требующая никакихъ доказательствъ. Индѣйская родовая община, греческіе и римскіе роды, еврейскія колѣна, шотландскіе кланы, швейцарскія общины, славянскія задруги, а также слѣды родственныхъ отношеній, наблюдаемые въ религіозныхъ обрядахъ и юридическихъ обычаяхъ, общественныхъ отношеніяхъ и поэтическихъ связаніяхъ различныхъ современныхъ народовъ представляются послѣдователями родовой теоріи несомнѣнными остатками первоначальнаго родоваго быта и несомнѣннымъ матеріаломъ для изученія первоначальнаго устройства родовой организациіи человѣчества вообще и каждаго народа въ частности⁵⁰). До новѣйшихъ вышеуказанныхъ открытій въ исторіи человѣческаго общежитія аксіома о сказанныхъ остаткахъ первоначальнаго родоваго быта представляла собою логическое слѣдствіе предполагавшейся аксіомы о первоначальномъ родѣ. Основатели родовой теоріи не останавливались на мысли о возможности появленія въ исторіи рода и родовыхъ отношеній послѣ такою общественнаго состоянія, которому не были извѣстны семья и родственныя отношенія. Въ настоящее время, когда новѣйшими изслѣдованіями доказано, что первоначальною формою европейскихъ обществъ была такая община, которой неизвѣстны родственныя отношенія, возникаетъ вопросъ совершенно новый въ наукѣ, именно, вопросъ о времени и условіяхъ появленія родственныхъ союзовъ въ исторіи каждаго народа въ отдѣльности и отношеніи этихъ союзовъ къ другимъ формамъ человѣческаго общежитія, существовавшимъ до появленія въ исторіи родственныхъ отношеній и позже, одновременно съ ними.

Вѣсть съ тѣмъ, всѣ выводы родовой теоріи относительно первоначальнаго родового быта древнерусскихъ Славянъ, основанные на сличеніи предполагаемыхъ остатковъ или слѣдовъ первоначальнаго родового быта, сохранившихся у различныхъ народовъ, подобно выводамъ, основаннымъ на предположеніи первоначальнаго рода, теряютъ значеніе основательныхъ съ точки зрѣнія положительнаго знанія.

3. За исключеніемъ сказанныхъ доказательствъ родовой теоріи, какъ основанныхъ на аналогическихъ сравненіяхъ и заключеніяхъ, противорѣчащихъ новѣйшимъ ученымъ изслѣдованіямъ, единственнымъ основаніемъ ученія Эверса, С. М. Соловьева и ихъ послѣдователей о первоначальномъ родѣ русскихъ Славянъ останутся свидѣтельства начальной русской лѣтописи, въ которыхъ читается слово родъ. Но въ настоящее время не трудно доказать, что пониманіе сказанныхъ свидѣтельствъ лѣтописи, предложенное послѣдователями родовой теоріи, совершенно произвольно.

„*Ясно и точно*, по мнѣнію г. Соловьева, лѣтописецъ опредѣляетъ бытъ осѣдлаго славянскаго народонаселенія восточной равнины Европы: жилъ каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ... При описаніи междоусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого ясно видно, что до призванія князей, общественное состояніе русскихъ Славянъ не переходило еще родовой грани”⁵¹). „Короткія слова лѣтописца, по убѣжденію г. Забѣлина, представляютъ столько *полноты, точности и обстоятельности*, что древнѣйшія основы нашего быта выступаютъ въ нихъ самыми *выпуклыми* чертами. Каждый жилъ особо съ своимъ родомъ, на своихъ мѣстахъ; каждый владѣлъ родомъ своимъ особо.... Нашъ первый лѣтописецъ очень хорошо зналъ, что онъ говорилъ. Жизнь родомъ, владѣніе родомъ—вотъ въ чемъ заключалась первоначальная основа русскаго быта. Наука подтвердила эти краткія слова подробными изслѣдованіями; она очень основательно, вполне точно наименовала его родовымъ бытомъ, то есть присвоила ему то самое имя, какижъ этотъ бытъ обозначается въ древнѣйшей нашей лѣтописи”⁵²). Тоже самое, въ различныхъ выраженіяхъ, повторяютъ всѣ остальные послѣдователи теоріи родового быта древнерусскихъ Славянъ.

Но если бы въ дѣйствительности свидѣтельства лѣтописи за-

включали въ себѣ опредѣленный, ясный и точный смыслъ, то они для всѣхъ были бы одинаково понятны, были бы всеми одинаково толкуемы. Между тѣмъ, сравненіе толкованій извѣстій лѣтописи, въ которыхъ читается слово родъ, доказываетъ, что эти извѣстія кажутся ясными только для каждаго изъ послѣдователей родовой теоріи въ отдѣльности; пониманіе же ихъ, предложенное различными учеными, совершенно различно. Г. Соловьевъ въ словѣ родъ этихъ свидѣтельствъ усматриваетъ союзъ, состоящій изъ кровныхъ родственниковъ съ главенствомъ естественнаго предка—родоначальника, построенный на началѣ абсолютнаго, естественнаго неравенства старшихъ родственниковъ въ отношеніи къ младшимъ; г. Кавелинъ въ томъ же словѣ усматриваетъ родовую общину съ главенствомъ вѣча, состоящаго изъ представителей семействъ или родовъ; г. Забѣлинъ подъ тѣмъ же словомъ разумѣетъ союзъ братскій, основанный на началѣ братскаго равенства и управляемый старшимъ колѣномъ братьевъ; г. Грановскій и г. Никитскій подъ тѣмъ же словомъ видятъ союзъ фиктивный, основанный на явномъ или тайномъ договорѣ предполагаемыхъ родственниковъ, управляемый фиктивнымъ родоначальникомъ. Такимъ образомъ, послѣдователи родовой теоріи различными толкованіями свидѣтельствъ лѣтописи, составляющихъ исходныя основанія ихъ ученій о бытѣ древнерусскихъ Славянъ, сами доказываютъ, что эти свидѣтельства совсѣмъ неясны, допускаютъ полный произволъ въ ихъ пониманіи и могутъ быть подведены подъ какую угодно теорію. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще болѣе толкованія тѣхъ же свидѣтельствъ лѣтописи, предложенныя послѣдователями другихъ ученій въ нашей ученой литературѣ. Такъ напримѣръ, К. Аксаковъ, а за нимъ гг. Сергѣевичъ, Бестужевъ-Рюминъ и др. доказываютъ, что свидѣтельства начальной русской лѣтописи, въ которыхъ читается слово родъ, не имѣютъ того смысла, какой придаютъ имъ всѣ послѣдователи родовой теоріи. Слово родъ у лѣтописца имѣетъ различныя значенія по современнымъ намъ понятіямъ: оно означаетъ семью въ тѣсномъ смыслѣ, родственниковъ вообще и цѣлый народъ⁵³). Въ одномъ извѣстіи лѣтописи, какъ намъ кажется, слово родъ указываетъ даже не на происхожденіе извѣстнаго лица, не на принадлежность его къ извѣстному семейству, роду или народу, въ смыслѣ кровномъ, а на принадлежность его къ извѣстной

территориальной общинѣ, на его мѣсто жительства ⁵⁴); по смыслу этого извѣстія, „повѣдать свой родъ”, въ переводѣ на современный намъ языкъ, значило въ древности сказать, кто изъ какого города или деревни. Въ какомъ же изъ значеній слово родъ должно быть понято въ извѣстіяхъ лѣтописца, служащихъ краеугольнымъ камнемъ теоріи родового быта древнерусскихъ Славянъ; именно, въ извѣстіяхъ: „Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ;” „изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани; и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ у нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся?” Въ первомъ извѣстіи слово родъ можетъ быть понято только въ значеніи семьи въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ каждый человекъ, каждый Полянинъ могъ имѣть свой особый родъ и владѣть имъ единственно въ смыслѣ семьи; во второмъ извѣстіи слово родъ можетъ быть понимаемо различно; но во всякомъ случаѣ невозможно доказать, чтобы оно имѣло здѣсь значеніе рода, въ смыслѣ теоріи Эверса, С. М. Соловьева и ихъ послѣдователей ⁵⁵).

На основаніи сказаннаго, основныя, исходныя положенія родовой теоріи представляются намъ вполне лишенными фактическихъ доказательствъ. Посмотримъ, затѣмъ, насколько состоятельны понятія о родѣ и родовомъ бытѣ въ теоретическомъ отношеніи.

Въ ученой литературѣ мы не находимъ установившагося опредѣленія родового быта, какъ понятія политическаго, какъ формы политическаго быта, отличной отъ другихъ социальныхъ формъ. За отсутствіемъ въ источникахъ фактовъ, точно и ясно опредѣляющихъ понятія рода и родового быта, послѣдователи родовой теоріи составляютъ эти опятія а priori, а затѣмъ, объясняютъ свидѣтельства источниковъ съ точки зрѣнія предвзятыхъ понятій. Въ результатѣ, ученая литература предлагаетъ рядъ произвольныхъ, неопредѣленныхъ и противорѣчащихъ другъ другу опредѣленій родового быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи.

Эверсъ признавалъ *два ступени* въ исторіи развитія социальной организаціи русскихъ Славянъ: родъ или разросшаяся семья, съ одной стороны, и государство, съ другой. Существенными, отличительными признаками родового союза онъ

полагалъ въ родствѣ его сочленовъ, ихъ общемъ происхожденіи, и естественной власти старшаго надъ младшими въ родовомъ союзѣ; начало государства онъ относилъ ко времени призванія Рюрика ⁵⁶). Тѣ же *два ступени* въ развитіи соціальной организаціи древнерусскихъ Славянъ признаетъ и г. Соловьевъ. Предки наши, говоритъ онъ, не знали семьи; они знали только родъ, *который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ*. Первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ, старшимъ въ родѣ; въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти. Это состояніе русскаго общества, по ученію г. Соловьева, продолжалось до времени призванія Рюрика. При описаніи междоусобій, говоритъ авторъ, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ: *всталъ родъ на родъ*; изъ этого ясно видно, что до призванія князей, общественное устройство у русскихъ Славянъ не переходило еще родовой грани ⁵⁷). Слѣдовательно, по ученію г. Соловьева, какъ и по ученію Эверса, единственнымъ общественнымъ союзомъ у русскихъ Славянъ до времени призванія Рюрика былъ родъ и всѣ политическія отношенія регулировались у нихъ только однимъ началомъ, началомъ родства между членами родового союза.

По мнѣнію г. Кавелина, г. Соловьеву принадлежитъ честь безспорно величайшаго открытія въ русской исторіи: онъ открылъ и показалъ, какъ основной движущій принципъ нашей древней исторіи — родовое начало; но онъ не вполне вѣрно и послѣдовательно развилъ свою мысль, что произошло отъ того, что онъ не довольно глубоко вникъ въ законы естественнаго, органическаго развитія родового начала ⁵⁸). Желая вѣрнѣе опредѣлить законы естественнаго, развитія родового начала, г. Кавелинъ признаетъ *не два послѣдовательныя ступени* въ исторіи соціальной организаціи древнерусскихъ Славянъ, а *три: патриархальный родъ* съ родоначальникомъ во главѣ, *родовую общину* съ вѣчевымъ собраніемъ во главѣ и *государство*, новый соціальный порядокъ на Руси, принесенный извнѣ. Не смотря на различіе политической организаціи рода и родовой общины, по ученію автора, внутреннее начало ихъ устройства

было одинаково, одно и то же. „Съ теченіемъ времени, говоритъ онъ, семейства, входившія въ составъ поселеній, обособляются; но не смотря на внутреннюю разрозненность мало по малу привыкають всѣ важныя и общія дѣла дѣлать вмѣстѣ, поговоря между собою. Поселенія становятся общинами; нѣкоторыя изъ нихъ для защиты отъ вѣншихъ враговъ строятъ ограды и получаютъ названіе городовъ; *но внутреннее устройство всѣхъ общинъ по прежнему совершенно одинаково, ибо также основа для всѣхъ.*”

„Семьи должны были со временемъ разростись въ общины, которыхъ быть разительно былъ сходенъ съ семейнымъ” ⁵⁹⁾.

Г. Забѣлинъ хотя и высказываетъ, что наука съ достаточною ясностію раскрыла существенныя черты древнѣйшаго быта русскихъ Славянъ и вполнѣ точно наименовала его родовымъ бытомъ, но тѣмъ неменѣе, съ своей стороны, старается предложить опредѣленія рода и родового быта, совершенно несходныя съ опредѣленіями, предложенными всѣми другими послѣдователями родовой теоріи. Въ исторіи развитія социальной организаціи русскихъ Славянъ онъ различаетъ *четыре послѣдовательныя ступени: родъ патриархальный* съ праотцемъ родоначальникомъ во главѣ; *родъ братскій* съ старшимъ колѣномъ братьевъ во главѣ; *дружинную общину* съ властью князя во главѣ и *государство* также съ властью князя въ главѣ. Патриархальный родъ, по ученію автора, представляетъ собою древнѣйшую ступень общежитія, на которой стояли Славяне въ незапамятныя для исторіи времена ⁶⁰⁾; братскій родъ представляетъ собою вторичную ступень общежитія, на которой стояли Славяне въ древнѣйшую историческую эпоху ⁶¹⁾; дружинная община появилась у русскихъ Славянъ со времени появленія у нихъ городовъ, въ которыхъ первое мѣсто принадлежало людямъ боеваго поля и гдѣ первымъ лицомъ былъ князь ⁶²⁾; государство было дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, лежавшихъ въ основѣ дружинной общины ⁶³⁾. Но, не смотря на различіе политической организаціи, на первой, второй и третьей ступеняхъ, по мнѣнію г. Забѣлина, „слова лѣтописца: каждый съ своимъ родомъ жилъ особо, на своемъ мѣстѣ, каждый владѣлъ особо своимъ родомъ—въ точности обозначаютъ характеръ древняго общественнаго быта и на первой его ступени, въ смыслѣ особыхъ, кровныхъ родовъ, и на той ступени, гдѣ изъ родовъ образовались общины и города-дружины” ⁶⁴⁾.

Г. Никитскій главную причину существующихъ въ ученой литературѣ недорозумѣній по вопросу о началахъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ усматриваетъ въ представленіи всѣхъ ученыхъ о родѣ, какъ явленіи естественномъ, кровномъ ⁶⁵). Всепримиряющимъ началомъ, способнымъ очистить патріархальную теорію отъ ея внутреннихъ противорѣчій, представляется ему мысль о фиктивномъ или политическомъ родѣ, говорящая, что, съ одной стороны, родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ; съ другой же, что община не была чисто политическою, то есть мѣстною, а родовою ⁶⁶). Въ исторіи соціальной организаціи русскихъ Славянъ, по мнѣнію автора, должно различать *три ступени*: простой фиктивный родъ съ главенствомъ фиктивного отцародоначальника; фиктивный высшій родъ или княженіе съ главенствомъ фиктивного родоначальника-князя и общину чисто политическую. „Вторая патріархальная единица, княженіе, отличается тѣми же чертами, какъ и простая первоначальная ячейка, то есть родовой союзъ” ⁶⁷).

Сравнивая изложенныя опредѣленія родового быта древнерусскихъ Славянъ, мы находимъ, что опредѣленіе Эверса и С. М. Соловьева, хотя не опирается на основательныя и ясныя историческіе факты, но имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что представляетъ собою мыслимое понятіе въ логическомъ отношеніи. Мы можемъ представить себѣ союзъ, состоящій изъ родственниковъ съ главенствомъ старшаго изъ нихъ; можемъ представить себѣ и такую общественную организацію, въ которой нѣтъ другихъ общественныхъ союзовъ, за исключеніемъ союзовъ родовыхъ. Что касается опредѣленій, предложенныхъ другими послѣдователями родовой теоріи, то они представляются намъ несостоятельными во всѣхъ отношеніяхъ.

Г. Кавелинъ, отличая родовой бытъ отъ другихъ формъ соціальной организаціи, въ одномъ мѣстѣ называетъ древнѣйшій бытъ русскихъ Славянъ бытомъ *патріархальнымъ*, родственнымъ и семейнымъ, основаннымъ на исключительно кровныхъ началахъ; „это бытъ родственныи, прибавляетъ онъ, безъ всякой примѣси. Его создала природа, кровь. Управление принадлежитъ старшему рожденіемъ и лѣтами” ⁶⁸). Но въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, на вопросъ: „что такое патріархальность?” отвѣчаетъ слѣдующее:

„формулируя это слово ученымъ образомъ, мы найдемъ, что она заключается въ *преобладаніи* естественныхъ, прирожденныхъ, на кровномъ родствѣ основанныхъ отношеній надъ юридическими и личными. Общество, въ которомъ *начальникъ или господинъ* является какъ бы отцомъ, а равные какъ бы братья между собою по крови, такое общество есть патриархальное. Такъ какъ родственныя отношенія по времени первыя въ исторіи, то во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ патриархальный бытъ предшествуетъ всякому другому”⁶⁹⁾. Здѣсь мы видимъ уже не исключительное господство кровныхъ отношеній въ патриархальномъ обществѣ, что доказывалъ авторъ въ первомъ мѣстѣ, а только преобладаніе кровныхъ отношеній надъ отношеніями юридическими и личными, не дѣйствительное родство между членами родового союза, а родство предполагаемое; видимъ также начальника или господина въ родовомъ союзѣ, а не естественнаго родоначальника. Разсуждая затѣмъ о внутренней организаціи патриархальнаго общества, авторъ высказываетъ: „въ древнѣйшія времена русско-славянскія *племена состояли* изъ большихъ и малыхъ *поселеній* (?), которыя представляютъ нашихъ предковъ собранными вмѣстѣ, жившими группами. Вглядываясь въ каждое поселеніе, мы видимъ, что это разросшаяся семья, которой члены и потомки живутъ вмѣстѣ, на одномъ корню (?). Такъ все первобытное населеніе Россіи было огромное дерево, спокойно выросшее изъ одного зерна (?). Внутри поселеній царствуетъ чисто семейный бытъ. Этотъ бытъ создала природа, кровь. Она его поддерживала и имъ управляла. Отъ того (?) совершенная юридическая неопредѣленность—его отличительная черта. Напрасно станемъ мы искать въ немъ власти и подчиненности, правъ и словій, собственности и администраціи. Человѣкъ жилъ тогда совершенно подъ опредѣленіями природы; мысль еще не освободила его отъ ея ига”⁷⁰⁾. Помимо темноты выраженій, все это положенія сомнительныя, бездоказательныя и противорѣчащія исторической дѣйствительности. Нельзя примирить мнѣнія автора о первобытномъ населеніи Россіи, будто бы выросшемъ изъ одного зерна, съ указаніями источниковъ, по которымъ различныя племена русскихъ Славянъ (не говоря объ инородцахъ) приходили въ восточную Европу изъ разныхъ мѣстъ и въ различное время. Какъ понимать юридическую

неопредѣленность родового союза? Обычай первобытныхъ народовъ представляютъ собою столько же опредѣленный и постоянный регуляторъ, *существующихъ у первобытныхъ народовъ общественныхъ отношеній, какъ и положительный законъ нашего времени для отношеній, существующихъ въ современныхъ обществахъ.*

По замѣчанію г. Кавелина, „включъ къ правильному взгляду на русскую исторію заключается не въ отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторіей другихъ народовъ;“ по его собственное ученіе о родовой общинѣ древнерусскихъ Славянъ представляетъ собою только отвлеченное мышленіе: въ основаніи разсужденій о значеніи родового начала въ образованіи древнерусской общины, внутреннихъ отношеній въ родовой общинѣ и виѣшнихъ отношеній между общинами не положено авторомъ ни одного историческаго факта ⁷¹).

Обращаясь къ опредѣленіямъ родового быта, предложеннымъ г. Забѣлинымъ, мы остановимся только на понятіи братскаго рода, высказанномъ авторомъ въ послѣднемъ его сочиненіи ⁷²). Въ опредѣленіяхъ братскаго рода, имѣющихъ цѣлью отличить понятіе о родѣ г. Забѣлина отъ понятій о родѣ другихъ ученыхъ, мы не находимъ ясныхъ и существенныхъ признаковъ, отличающихъ это понятіе братскаго рода отъ понятій о другихъ формахъ соціальной организаци и въ частности отъ понятій о родѣ г. Соловьева и родовой общинѣ г. Кавелина. Растянутасть и темнота слога автора во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ касается отличительныхъ признаковъ родового быта, доказываютъ намъ, что эти признаки неясно сознаются самимъ авторомъ, излагающимъ свои мысли въ другихъ случаяхъ ясно и точно ⁷³).

„Основною общаго (?) рода, говоритъ авторъ, по точному показанію лѣтописи, было колѣно братьевъ, жившихъ уже безъ отца, безъ единой общей власти. По разумѣнію этого основнаго преданія русской жизни общественная власть принадлежала роду или колѣну братьевъ. Отцовская власть находилась уже въ рукахъ старшаго брата. Но *братскій родъ*, по своей природѣ, представлялъ такую общину „*гдѣ первымъ и естественнымъ закономъ жизни было братское равенство*“ ⁷⁴). Если бы это положеніе было

основательно доказано, то братскій родъ, какъ основанный на началѣ равенства между союзниками представилъ бы собою политическую форму, существенно отличную отъ рода гг. Соловьева и Кавелина, основаннаго на началѣ абсолютнаго и естественнаго неравенства между членами родового союза. Но мнѣніе автора о равенствѣ между членами родового союза древнерусскихъ Славянъ основано только на сказачномъ извѣстїи лѣтописи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, въ которомъ говорится о единопличной власти въ родѣ и ничего не говорится о равенствѣ членовъ рода. Сверхъ того, въ дальнѣйшемъ изложеніи своего ученія о древнерусскомъ родѣ, авторъ противорѣчитъ сказанному, основному положенію его ученія о братскомъ родѣ. Касаясь отношеній рода къ землѣ, онъ замѣчаетъ: „второе колѣно—дѣти братьевъ, вообще племянники, какъ дѣти старшаго колѣна, *вполнѣ отъ него зависѣли*” 75). Въ другомъ мѣстѣ, касаясь понятія о дружинѣ, авторъ высказываетъ: „понятіе о другомъ и другѣ заключало въ себѣ смыслъ именно того *равенства между людьми, котораго въ родовыхъ отношеніяхъ и связяхъ никогда не существовало и не могло существовать*” 76).

Сущность опредѣленій рода, по ученію гг. Грановскаго и Нивитскаго, выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ: подъ родомъ должно разумѣть не естественный союзъ, а искусственный, составленный не только изъ кровныхъ родственниковъ, но и изъ лицъ постороннихъ, чужеродцевъ, принятыхъ въ родовой союзъ при посредствѣ усыновленія и брака. Чужеродцы, принятые тѣмъ или другимъ способомъ въ составъ естественнаго рода, дѣлались какъ бы дѣйствительными его родичами, вымышленное родство заступало въ этомъ случаѣ мѣсто родства дѣйствительнаго; вымысль-же указываетъ собою на участіе воли въ образованіи родового союза, на участіе начала искусственнаго, договорнаго, государственнаго. Но такъ какъ на основаніи вымысла неродственники являются въ искусственномъ родѣ какъ бы родственниками дѣйствительными, то фиктивный родъ или родовое государство во всемъ кругѣ своей дѣятельности довольствуется средствами и формами, представляемыми обыкновенною естественною семьей 77). Сводя сказанные признаки къ общему основанію, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе фиктивнаго родового союза: фиктивный родъ есть ничто иное какъ семья, по-

полненная инородцами при посредствѣ брака и усыновленія. Родъ естественный и родъ фиктивный различаются только по своему происхожденію; внутреннія же отношенія, какъ тамъ такъ и здѣсь, представляются одинаково отношеніями семейными. Но пополненіе семьи инородцами посредствомъ усыновленія и брака никоимъ образомъ не превращаетъ семью въ политическую форму, отличную отъ естественнаго рода въ юридическомъ смыслѣ. Усыновленіе и бракъ средства семейнаго, гражданскаго права, а не политическаго, государственнаго.

Существенными признаками, отличающими различныя формы политической организации служатъ начала, при посредствѣ которыхъ отдѣльныя лица соединяются въ общество и которыми регулируются ихъ отношенія къ органамъ общественной власти и между собою. „Искусственный родъ” гг. Грановскаго и Никитскаго отличается отъ естественнаго рода гг. Эверса, Соловьева, Кавелина и др. только названіемъ, не внося никакого новаго начала въ политическую организацию родового союза. Основаніемъ общественныхъ отношеній въ древнерусскомъ родѣ по воззрѣніямъ гг. Эверса, Соловьева, Кавелина, Забѣлина, Грановскаго и Никитскаго одинаково является начало родства между союзниками. По второстепеннымъ вопросамъ ученіе гг. Грановскаго и Никитскаго отличается отъ ученія Эверса настолько, насколько отличаются отъ него ученія гг. Соловьева, Кавелина и Забѣлина. Слѣдовательно, „теорія искусственнаго родового быта,” заимствованная г. Грановскимъ у германскаго ученаго Зибеля и приложенная г. Никитскимъ къ объясненію характера политическихъ учреждений древнерусскихъ Славянъ, представляетъ собою въ сущности не самостоятельную теорію, а только несущественное видоизмѣненіе теоріи Эверса, а вмѣстѣ съ тѣмъ, на нее распространяются достоинства и недостатки послѣдней ⁷⁸⁾.

Какъ теоретическія построенія, основанныя на общихъ положеніяхъ, противорѣчащихъ исторической дѣйствительности, и свидѣтельствахъ начальной нашей лѣтописи, произвольно понятыхъ, понятія о родѣ и родовомъ бытѣ въ формѣ ученія г. Соловьева и его послѣдователей не могли служить пригоднымъ орудіемъ для объясненія историческаго характера древнеславянскихъ политическихъ учреждений.

Простое сопоставленіе объясненій значенія князя, города и вѣча древнерусскихъ Славянъ, предложенныхъ послѣдователями родовой теоріи, доказываетъ намъ, что эти объясненія представляютъ собою не болѣе, какъ предположенія, высказанныя или безъ всякихъ доказательствъ или опирающіяся на одни и тѣже свидѣтельства лѣтописи, понимаемыя въ этомъ случаѣ не въ томъ смыслѣ, какой эти свидѣтельства имѣютъ въ дѣйствительности, а въ томъ, какой соотвѣтствуетъ тому или другому предвзятому воззрѣнію.

Князь древнерусскихъ Славянъ: по ученію г. Соловьева—отецъ семейства, родоначальникъ ⁷⁹⁾; по мнѣнію г. Кавелина—старѣйшина племени, состоявшаго изъ родовыхъ общинъ одного происхожденія ⁸⁰⁾; по мнѣнію г. Забѣлина—начальникъ городской дружины ⁸¹⁾; по мнѣнію г. Никитскаго—фигтивный родоначальникъ ⁸²⁾.

Городъ древнерусскихъ Славянъ: по мнѣнію г. Соловьева—огороженное обиталище или жилище одного или нѣсколькихъ родовъ ⁸³⁾; по мнѣнію г. Кавелина—укрѣпленное поселеніе родовой общины ⁸⁴⁾; по мнѣнію г. Никитскаго—огражденное пустое пространство, служившее убѣжищемъ родамъ въ военное время ⁸⁵⁾; по мнѣнію г. Забѣлина должно различать понятія городка и города: городокъ былъ укрѣпленнымъ обиталищемъ рода и политическимъ центромъ родовой общины, а городъ былъ обиталищемъ дружинной общины и ея политическимъ центромъ ⁸⁶⁾.

Вѣче древнерусскихъ Славянъ: по мнѣнію г. Соловьева—собраніе старцевъ, старѣйшинъ, родоначальниковъ ⁸⁷⁾; по мнѣнію г. Кавелина—сходбище семействъ для общаго совѣщанія ⁸⁸⁾; по мнѣнію г. Забѣлина—братскій совѣтъ всѣхъ родичей, способныхъ держать родовое братство ⁸⁹⁾; по мнѣнію г. Никитскаго—первобытное народное собраніе, основанное на личномъ участіи всѣхъ членовъ патріархальнаго княженія ⁹⁰⁾.

Наконецъ, обращаясь къ объясненіямъ съ точки зрѣнія родовой теоріи значенія политическихъ событій древнѣйшаго періода русской исторіи, мы находимъ у послѣдователей родовой теоріи большое разнообразіе мнѣній и въ этомъ отношеніи. Такъ напримѣръ, событіемъ призванія Рюрика гг. Соловьевъ и Кавелинъ, подобно ученымъ Шлецероваго направленія, начинаютъ исторію русскаго государства; но первый изъ нихъ признаетъ русское государство

произведеніемъ мѣстныхъ элементовъ ⁹¹⁾, а второй новымъ политическимъ порядкомъ на Руси, принесеннымъ извнѣ ⁹²⁾. По мнѣнію г. Забѣлина „приваніе Варяговъ въ Новгородъ было въ сущности самымъ простымъ и, такъ сказать, ежедневнымъ явленіемъ древней русской жизни” (?); Рюрикъ засталъ русское историческое дѣло уже въ полномъ ходу ⁹³⁾. По мнѣнію г. Никитскаго уже задолго до времени призванія Рюрика Русь была покрыта множествомъ государствъ, такъ какъ родъ былъ не что иное, какъ государство въ незначительномъ масштабѣ ⁹⁴⁾.

Сравненіе ученій послѣдователей родовой теоріи доказываетъ намъ, что съ точки зрѣнія родоваго начала и при способѣ доказательства родовой теоріи можно давать какія угодно объясненія по одному и тому же предмету, одному и тому же политическому учрежденію или политическому событію; иначе сказать, сравненіе выводовъ по однимъ и тѣмъ же вопросамъ науки, предложенныхъ послѣдователями родовой теоріи, доказываетъ намъ, что орудія этой теоріи недостаточны для достиженія положительнаго историческаго знанія.

Родовая теорія представляется намъ неосновательною въ ея исходныхъ, основныхъ положеніяхъ, неопредѣленною и исполненною внутреннихъ противорѣчій въ ея понятіяхъ о родѣ и родовомъ бытѣ и несостоятельною въ ея объясненіяхъ характера древнихъ политическихъ учреждений и значенія древнихъ политическихъ событій.

Но сказанный выводъ не означаетъ собою, что теорія г. Соловьева не имѣетъ въ настоящее время никакого научнаго значенія, что, выражаясь словами одного изъ новѣйшихъ нашихъ критиковъ-публицистовъ, эта пресловутая теорія должна быть выброшена въ область археологій, должна быть вычеркнута изъ исторической науки, „какъ ненужный, фальшивый, литературный наростъ, такъ долго и сильно тормозившій правильное развитіе науки русской и славянскоу исторіи” ⁹⁵⁾.

Значеніе въ наукѣ каждаго ученія опредѣляется его отношеніемъ къ предыдущимъ ученіямъ и послѣдующимъ по одному и тому же предмету. Изучая ученіе г. Соловьева съ этой стороны, мы приходимъ къ заключенію, что оно представляетъ собою первую по времени научную теорію древнѣйшаго періода русской исторіи, направленную къ объясненію характера политическихъ учреждений и политическихъ событій во всей ихъ совокупности и опредѣлив-

шую собою правильное развитіе наукъ русской исторіи и исторіи русскаго права.

Г. Соловьевъ впервые правильно созналъ и правильно поставилъ въ нашей ученой литературѣ задачу науки русской исторіи: „до сихъ поръ, говоритъ онъ, главнымъ препятствіемъ къ уразумѣнію хода отечественной исторіи служило то обстоятельство, что различныя эпохи ея изображались одинаковыми красками, событія временъ давнихъ *оцѣнивались по понятіямъ временъ новыхъ*; на исторію смотрѣли преимущественно, какъ на художественное словесное произведеніе, и потому старались изображать событія и лица уукрашено, часто *въ ущербъ простоты и правды*. Первое дѣло, которымъ должна заняться теперь наука, состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить это смѣшеніе эпохъ, выставить каждую изъ нихъ съ соответствующимъ ей характеромъ, *уяснить постепенный ходъ исторіи, преемство явленій*, естественный, законный выходъ однихъ явленій изъ другихъ, послѣдующихъ изъ предыдущихъ. Каждое происшествіе является въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ; каждое имѣетъ свою причину и свои слѣдствія. Событій отдѣльныхъ нѣтъ въ природѣ”⁹⁶).

При сказанномъ пониманіи задачи русской исторіи, г. Соловьевъ основательно приходитъ къ отрицанію крайностей въ понятіяхъ о степени образованности русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, выраженныхъ какъ учеными школы Шлецера, такъ и учеными школы Шафарика, ставитъ вопросъ о степени гражданственности древнерусскихъ Славянъ на дѣйствительную почву научнаго изслѣдованія тѣмъ, что обращается къ изученію внутреннихъ началъ древнерусскаго политическаго строя и вызываетъ цѣлую литературу въ новомъ положительномъ направленіи, которой русская исторія обязана ея современнымъ состояніемъ.

Наконецъ, въ самомъ содержаніи ученія г. Соловьева не все непригодно въ настоящее время. Его рѣдкій историческій талантъ дѣйствительно подмѣтилъ одно изъ коренныхъ началъ политической организациіи человѣчества, опредѣляющее рядомъ съ другими началами общественныя отношенія всегда и во всѣхъ политическихъ обществахъ.

Всѣ недоразумѣнія родовой теоріи объясняются главнымъ образомъ тѣмъ что она усматриваетъ въ основаніи политической организациіи

древнерусскаго общества только одно родовое начало, съ точки зрѣнія только этого начала она силится объяснить рѣшительно всѣ явленія политической жизни древнерусскаго общества и отрицаетъ возможность существованія въ первобытномъ обществѣ политическихъ отношеній, построенныхъ на другихъ началахъ.

Рожденіе физическаго организма и его жизнь, развитіе, исторія не подчиняются какому либо одному началу. Уже въ зародышѣ органической жизни мы встрѣчаемъ не одно начало, а нѣсколько началъ, подъ видомъ составныхъ элементовъ зародыша. Задача положительной науки состоитъ въ изученіи свойствъ этихъ началъ или элементовъ и условій, при которыхъ они развиваются, взаимодействуютъ и измѣняются. Происхожденіе и развитіе соціального организма, по своей сложности, подобны рожденію и развитію организма физическаго. Понятіе объ одномъ началѣ въ происхожденіи и развитіи первобытной соціальной организаціи внесено Эверсомъ въ политическую науку безъ всякихъ доказательствъ, совершенно произвольно. Новѣйшія наблюденія доказываютъ, что на самыхъ низкихъ ступеняхъ общественной жизни внутренней строй соціальныхъ организмовъ и внѣшнія отношенія между ними опредѣляются одновременнымъ дѣйствіемъ различныхъ началъ: рядомъ съ началомъ родовымъ, наблюдаются здѣсь начало религіозное, начало имущественное или территоріальное и начало взаимной охраны или взаимной защиты. Эти начала въ первобытныхъ обществахъ такъ связаны, такъ смѣшаны, что даже о преобладаніи одного изъ нихъ надъ другими не можетъ быть рѣчи. Эти начала, съ другой стороны, никогда не исчезаютъ совершенно въ исторіи какого бы то ни было народа; съ теченіемъ времени, измѣняя свою форму, они остаются постоянными основаніями политическихъ обществъ и регуляторами общественныхъ отношеній на всѣхъ ступеняхъ гражданственности, не исключая и современныхъ наиболѣе цивилизованныхъ обществъ Европы и Америки. Задача политической науки состоитъ здѣсь не въ томъ, чтобы подвести всѣ политическія учрежденія данной эпохи подъ одно какое либо начало, а въ томъ, чтобы объяснить взаимное отношеніе различныхъ началъ политической организаціи и показать вліяніе каждаго изъ нихъ въ образованіи общественныхъ союзовъ, развитіи общественной жизни и проявленіи ея въ тѣхъ или другихъ политическихъ учрежденіяхъ.

VI. Основанія теоріи общиннаго быта.

Отрицаніе ученія родовой теоріи развивалось въ ученой литературѣ постепенно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно развивалось новое ученіе, извѣстное въ наукѣ подъ названіемъ теоріи общиннаго быта.

Первый зародышъ общинной теоріи мы встрѣчаемъ въ изслѣдованіи И. Д. Бѣляева, подъ заглавіемъ „Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ,” напечатанномъ въ 1850 году и направленномъ противъ третьяго изъ извѣстныхъ намъ исходныхъ положеній ученія С. М. Соловьева ⁹⁷). Соглашаясь съ послѣдователями родовой теоріи, что первоначальною формою политической организациі всѣхъ племенъ древнерусскихъ Славянъ, какъ и всѣхъ другихъ народовъ, былъ родъ въ смыслѣ теоріи г. Соловьева, Бѣляевъ старался доказать, что „славянскія племена, переселившіяся съ Дуная въ русскую землю, ко времени призванія Рюрика развили въ новомъ ихъ отечествѣ общественную жизнь, по различію мѣстъ жительства, не въ одинаковой степени и не въ одной политической формѣ.” Одни изъ племенъ оставались на степени родоваго быта; другія измѣнили родовую форму быта въ форму быта общинную, основаніемъ которой является не начало родства, а начало выгоды ⁹⁸).

Не отрицая свидѣтельствъ источниковъ, на которыхъ строили свои выводы Эверсъ, Соловьевъ и ихъ послѣдователи, и понимая ихъ въ смыслѣ родовой теоріи, Бѣляевъ старался доказать, что одни изъ этихъ свидѣтельствъ относятся не ко всѣмъ племенамъ русскихъ Славянъ, а другія указываютъ на бытъ древнѣйшей эпохи, измѣнившійся ко времени призванія Рюрика, подъ вліяніемъ новыхъ условій ⁹⁹).

Аргументація сказаннаго изслѣдованія Бѣляева очень слаба, а его понятіе общины представляется намъ совершенно неопредѣленнымъ въ юридическомъ отношеніи.

1. Внутреннимъ основаніемъ общины авторъ выставляетъ начало взаимной выгоды ея членовъ, но не опредѣляетъ въ чемъ именно состояла эта выгода. Основанныя на неопредѣленномъ поня-

тія выгоды, внутреннія отношенія въ общинномъ союзѣ по ученію Бѣляева являются столько же лишенными опредѣленности и порядка, какъ и внутреннія отношенія въ родовомъ союзѣ по ученію гг. Соловьева и Кавелина. „Связь общинъ, говоритъ авторъ, основанная на выгодахъ, никогда не можетъ быть прочною, всегда дредставляетъ тысячи случаевъ къ ссорамъ и междоусобіямъ и мало даетъ ручательства въ своей неприкосновенности. Здѣсь правды, уступчивости и подчиненія нельзя и спрашивать, и лѣтописецъ прямо говоритъ: не бѣ въ нихъ правды”¹⁰⁰). Съ другой стороны, какъ результатъ соглашенія, договора, община по ученію Бѣляева является учрежденіемъ не естественно возникающимъ и развивающимся, а искусственнымъ, произвольнымъ, которое можетъ ввести у себя каждый народъ, когда ему вздумается, какъ это сдѣлали, по предположенію автора, напимѣръ, Полочане: „когда отъ Полочанъ отдѣлились Кривичи (Смоленскіе), и при успѣхахъ чисто общиннаго быта, развились въ сильное и богатое племя, то и Полочане, смотря на успѣхи своихъ младшихъ соплеменниковъ, свой общинно-родовой бытъ превратили въ чисто общинный, можетъ быть, пользуясь прекращеніемъ своего княжескаго рода”¹⁰¹).

2. Общинный бытъ у Древлянъ, Сѣверянъ, Полянъ, Кривичей и Славянъ Ильменскихъ авторъ доказываетъ указаніями источниковъ на существованіе у этихъ племенъ до времени Рюрика городовъ и вѣчь и отсутствіемъ указаній источниковъ на существованіе у нихъ князей въ ту же эпоху¹⁰²). Но почему указанія источниковъ на города и народныя собранія и отсутствіе въ нихъ указаній на существованіе князей должно считать признаками общиннаго быта въ изслѣдованіи Бѣляева не выяснено. Авторъ просто приводитъ свидѣтельства лѣтописей, указывающія на существованіе городовъ и народныхъ собраній у того или другаго племени и утверждаетъ, что эти указанія служатъ яснымъ признакомъ общиннаго быта, а не родового, забывая, что по объясненіямъ послѣдователей родовой теоріи существованіе городовъ и вѣчь не противорѣчатъ понятію о родовомъ бытѣ.

Дальнѣйшую ступень развитія общинной теоріи мы находимъ въ изслѣдованіи К. С. Аксакова, подъ заглавіемъ: „О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности”¹⁰³), напечатанномъ

въ 1852 году. Содержаніемъ этого изслѣдованія является развитіе мысли, по которой *всѣ племена* русскихъ Славянъ появляются въ исторіи уже на степени не родовой, а общинной организаци. ¹⁰⁴).

Критическая сторона сказаннаго изслѣдованія Аксакова превосходна и доказала необходимость новыхъ изысканій, направленныхъ къ выясненію внутреннихъ началъ политической организаци древнерусскихъ Славянъ. Но въ положительномъ направленіи это изслѣдованіе столько же неудовлетворительно, какъ и указанное изслѣдованіе Бѣляева.

По ученію Аксакова въ исторіи политической организаци русскихъ Славянъ должно различать три послѣдовательныя ступени: быть родовой, — доисторическій, быть общинный, — историческій до времени призванія Рюрика и быть государственный со времени призванія Рюрика. Быть родовой отличается главенствомъ родоначальника, отсутствіемъ чисто семейныхъ и чисто гражданскихъ отношеній и представляетъ собою состояніе общества напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны семью, съ другой гражданственность ¹⁰⁵). Общинный бытъ отличается съ одной стороны самостоятельностью семейнаго начала и семьи въ тѣсномъ смыслѣ съ главенствомъ отца, а съ другой самостоятельностью общиннаго начала и общины съ главенствомъ народнаго собранія, дѣйствующаго свободно и съ полнымъ равенствомъ; оба начала являются здѣсь во всей силѣ, отдѣльно, не смѣшиваясь одно съ другимъ, какъ въ родовомъ бытѣ. Общинный бытъ представляетъ собою осуществленіе внутренней правды, нравственнаго порядка на землѣ ¹⁰⁶). Государство представляетъ собою учрежденіе, имѣющее цѣлью осуществленіе въ обществѣ внѣшней правды, порядка внѣшняго, юридическаго ¹⁰⁷).

Существеннымъ основаніемъ сказаннаго различія эпохъ въ развитіи политической организаци русскихъ Славянъ являются своеобразныя понятія автора о родѣ, семьѣ, общинѣ и государствѣ.

1. Предположеніе родоваго быта, какъ первоначальной политической организаци всѣхъ народовъ, изъ которой развились всѣ высшія политическія формы, представляется Аксакову столько же безспорнымъ, какъ и послѣдователямъ родовой теоріи, а потому онъ не приводитъ въ пользу этого предположенія ни историческихъ фактовъ

ни соображеній ¹⁰⁸); слѣды родственныхъ союзовъ и родственныхъ отношеній, замѣчаемые въ историческихъ памятникахъ и современномъ бытѣ различныхъ народовъ представляются ему также несомнѣнными остатками и матеріаломъ изученія первоначальнаго родового быта всѣхъ народовъ ¹⁰⁹). Доказывая затѣмъ, что существующія въ ученой литературѣ опредѣленія родового быта недостаточны для науки, авторъ даетъ ему собственное опредѣленіе, по своей формѣ, отличающееся еще большею неясностію, нежели опредѣленія послѣдователей родовой теоріи, а по своему содержанію, не вносящее ничего новаго въ опредѣленія родового быта, предложенныя гг. Соловьевымъ и Кавелинымъ ¹¹⁰). Не смотря на то, на основаніи этого опредѣленія, авторъ приходитъ къ заключенію совершенно произвольному и противорѣчающему не только ученію Эверса и Соловьева о родовомъ бытѣ, но и его собственному ученію о происхожденіи рода путемъ естественнаго размноженія членовъ семьи: „размножившаяся семья исчезаетъ, говоритъ онъ, и является родъ... Семья и родъ, семейное и родовое начало не только не одно и то же, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ началъ семейнаго, или оно очень слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родового или патриархальнаго, или же оно находится на слабой степени. Патриархальное и семейное начало образуютъ двѣ противоположности, хотя повидимому истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу” ¹¹¹).

2. На основаніи сказаннаго предположенія, по которому гдѣ существуютъ родъ и родовое начало, тамъ нѣтъ семьи и семейнаго начала, авторъ старается доказать, что въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ семья имѣетъ самостоятельное значеніе, а слѣдовательно, въ исторической жизни Славянъ вообще и русскихъ Славянъ въ частности не было рода. При этомъ авторъ даетъ опредѣленіе древнеславянской семьи столько же произвольное и неясное, какъ и его опредѣленіе рода. По этому опредѣленію древнеславянская семья является и союзомъ лицъ, основаннымъ на кровной связи и естественномъ подчиненіи дѣтей отцу, и союзомъ экономическимъ, основаннымъ на полномъ равенствѣ союзниковъ и общемъ владѣніи имуществомъ, и союзомъ нравственнымъ, основаннымъ на чувствахъ

взаимной любви между союзниками, отличающемся славянскій народъ отъ другихъ народовъ ¹¹²).

3. Отличительнымъ признакомъ древнеславянской общины служить, по мнѣнію автора, народное собраніе, значеніе и дѣятельность котораго уподобляются имъ народному сходу настоящаго времени ¹¹³). Но какъ произошла община? Какія начала связывали отдѣльныхъ членовъ въ общество? Какими началами опредѣлялись отношенія членовъ общины между собою и къ органу общинной власти? Бакія дѣла въ общинѣ являются частными и какія общественными? Кто и на какихъ началахъ управлялъ въ общинѣ общественными дѣлами? Всѣ эти вопросы оставлены Аксаковымъ безъ отвѣта, даже не затронуты въ его изслѣдованіи, а потому его община, какъ и община Бѣляева является учрежденіемъ совершенно неопредѣленнымъ въ юридическомъ отношеніи. „Славянская община, говоритъ авторъ, была союзъ людей, основанный на нравственномъ началѣ, управляемый внутреннимъ закономъ, и отсюда обычаемъ общественнымъ. И такъ, это была нравственная, или, лучше, просто община собственная” ¹¹⁴). Откровенно сказать, въ этомъ опредѣленіи мы ничего не понимаемъ.

4. Русское государство представляется Аксакову не естественнымъ произведеніемъ внутренняго развитія общественныхъ силъ русскаго народа, а учрежденіемъ заимствованнымъ извнѣ и основаннымъ на началахъ противоположныхъ началамъ древнѣйшаго общиннаго быта русскихъ Славянъ. „Собрались Славяне, говоритъ авторъ, и приняли важное рѣшеніе: призвать государство. Въ этомъ рѣшеніи важно то, что государство призывается. Славяне сохраняютъ свое общинное устройство и находятъ необходимость призвать къ нему государственную защиту. Это очевидно изъ того, что они не въ себѣ основываютъ государство, не дѣлаютъ его туземнымъ: сдѣлаться сами государствомъ они не хотѣли, а хотѣли, напротивъ, сохранить свой общинный бытъ, — но призываютъ его изъ земли чуждой, какъ чуждое устройство, оставляя за нимъ это значеніе и становятъ его только при общинѣ, не переходя сами въ новое вѣрованіе—во внѣшній законъ, въ государство, но сохраняя свою общину... Государство, внѣшняя сила, призвано, исторія Россіи, игра внѣшнихъ силъ, началась.” ¹¹⁵). Вообще положительная

сторона въ ученіи Аксакова о древнемъ бытѣ Славянъ вообще и русскихъ въ особенности представляетъ собою болѣе мечты фантазій, нежели положительные выводы науки.

Полное отрицаніе родовой теоріи и полное развитіе теоріи общинной находимъ въ изслѣдованіи В. Н. Лешкова подѣ заглавіемъ: Общинный бытъ древней Руси, напечатанномъ въ первый разъ въ 1856 году, въ которомъ община впервые является намъ съ ея юридическимъ характеромъ ¹¹⁶). Отрицая цѣликомъ ученіе родовой теоріи, всѣ ея общія положенія и второстепенные выводы, г. Лешковъ высказываетъ, что общинность, какъ исходный пунктъ и основное начало нашей исторіи доказывается современнымъ бытомъ русскаго народа, свидѣтельствами лѣтописей и древнихъ актовъ, начиная съ первыхъ историческихъ извѣстій о Руси, наконецъ, высшимъ закономъ всей исторіи, которая всегда и вездѣ начинается общимъ. Опредѣляя основанія древнерусской общины въ значеніи политико-юридическаго учрежденія, авторъ останавливается на вопросахъ о ея происхожденіи, понятіи, значеніи въ сферахъ законодательства, суда и управленія, наконецъ, старается объяснить причины вызвавшія событіе призванія Рюрика и происхожденіе Русскаго Государства. Юридическимъ основаніемъ древнерусской общины авторъ считаетъ владѣніе землею на правахъ полного равенства всѣхъ членовъ общественнаго союза ¹¹⁷).

Анализъ основаній ученія г. Лешкова открываетъ въ немъ слѣдующіе недостатки: отсутствіе положительной аргументаціи въ исходныхъ положеніяхъ, неясность изложенія и неосновательность въ объясненіи значенія древнеславянскихъ политическихъ учреждений.

1. Теорія автора о политическомъ бытѣ русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, по его собственному сознанію, основана только на „логическихъ соображеніяхъ, вытекающихъ изъ началъ общественной организациі русскаго народа въ позднѣйшія эпохи его историческаго существованія” ¹¹⁸). Аналогическія соображенія автора нерѣдко представляются намъ не только бездоказательными, но и противорѣчащими историческимъ фактамъ. Такъ напримѣръ, исходнымъ положеніемъ ученія автора о происхожденіи древнерусской общины является его предположеніе о *мирномъ занятіи дунай-*

скими Славянами дѣйствительнѣ земель въ Россіи, основанное только на томъ, что древнѣйшая наша лѣтопись не говоритъ о борьбѣ между пришельцами и туземцами ¹¹⁹). Но извѣстія лѣтописи о переселеніи Славянъ въ Русь такъ кратки и относятся къ такой древности, что на основаніи только этихъ извѣстій нѣтъ возможности сдѣлать положительныя заключенія объ условіяхъ первоначальнаго поселенія Славянъ въ предѣлахъ современной Россіи. Напротивъ, основываясь на исторической аналогіи, на общемъ наблюденіи, по которому чужія земли всегда занимаютъ пришлымъ чуждымъ народомъ только при посредствѣ борьбы съ туземцами, съ большею вѣроятностію можно предположить, что и русскіе Славяне занимали первоначально побережья Днѣпра, Дона, Сейма, Сулы, Припети, Сожи, Оки, Двины и Волхова посредствомъ борьбы съ туземными, скифскими, литовскими, финскими, а можетъ быть, и туземными славянскими племенами. Предположеніе о первоначальномъ кочеваніи дунайскихъ Славянъ въ предѣлахъ Россіи, лежащее въ основаніи ученія автора о происхожденіи общинныхъ средоточій, представляется намъ также недоказаннымъ ¹²⁰). О первоначальномъ кочеваніи русскихъ Славянъ источники не говорятъ ни слова, а между тѣмъ, въ эпоху Рюрика мы застаемъ различныя племена русскихъ Славянъ на тѣхъ самыхъ пунктахъ, которые, по сказанію лѣтописи, были первоначальными пунктами поселенія этихъ племенъ, откуда съ большею вѣроятностію можно заключить, что русскіе Славяне, пришедшіе съ Дуная, были осѣдлымъ народомъ со времени ихъ первоначальнаго поселенія въ предѣлахъ Руси. Такими же неосновательными заключеніями въ ученіи г. Лешкова представляются намъ положенія о существованіи до Рюрика раздѣленія народонаселенія на классы по занятіямъ, о существованіи до Рюрика промышленныхъ людей, воевъ и бояръ, въ смыслѣ отдѣльныхъ классовъ, о богатствѣ древнеславянскихъ общинъ, о появленіи на Руси городовъ со времени появленія раздѣленія народонаселенія на классы по занятіямъ и др. ¹²¹).

2. Къ неточнымъ, неопредѣленнымъ понятіямъ въ ученіи г. Лешкова принадлежитъ самое понятіе территоріальной общины, лежащее въ основаніи его теоріи. Въ понятіе общины, какъ территоріальнаго союза, входятъ три частныя, со-

ставныя понятія: понятіе о территоріи общины, ея населеніи и органахъ общинной власти, которыми въ ученіи объ общинѣ должны обусловиться три отдѣла: ученіе о территоріи общины, ученіе о населеніи общины и ученіе объ органахъ общинной власти. Въ ученіи г. Лешкова составныя понятія общины не различаются, какъ между собою, такъ и отъ понятія о цѣлой общинѣ. Напримѣръ, въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія авторъ высказываетъ: „*вервь была союзомъ лицъ, связанныхъ по землѣ, союзомъ вещнымъ, какою то географическою общиною;*” „*вервь была почти тоже, что въ послѣдствіи погость и другія аналогическія раздѣленія Россіи,*” „*члены верви получали свои участки отъ верви; члены верви владѣли ея участками, несли тяготы верви;*” „*вервь была известное пространство земли, раздѣленной между членами по равнымъ участкамъ или жеребьямъ;*” „*дѣло верви не ограничивалось ни вопросами о безопасности, ни установленіями суда и расправы, а расширялось на весь общественный бытъ древнерусскаго народа*” и т. д. ¹²²). Такимъ образомъ слово вервь употребляется авторомъ и въ смыслѣ известнаго союза лицъ и въ смыслѣ известнаго пространства земли, въ значеніи цѣлой общины и въ значеніи ея составныхъ элементовъ; часть употребляется въ значеніи цѣлага и цѣлое въ значеніи части. Такое же неопредѣленное значеніе въ ученіи г. Лешкова имѣютъ слова община, міръ, люди и т. д. Неясность представленія объ общинѣ, какъ цѣломъ политическомъ понятіи и составныхъ элементахъ этого понятія, была причиною полного отсутствія системы въ ученіи автора: объ однихъ и тѣхъ предметахъ онъ говоритъ въ различныхъ мѣстахъ, да притомъ не всегда одно и тоже. Такъ напримѣръ, въ однихъ мѣстахъ авторъ допускаетъ существованіе князей у русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, а въ другихъ не допускаетъ ¹²³); въ однихъ мѣстахъ онъ доказываетъ возможность перехода въ древности членовъ одной общины въ другую общину, въ другихъ мѣстахъ не допускаетъ этой возможности ¹²⁴); въ одномъ мѣстѣ авторъ доказываетъ происхожденіе полной зависимости въ древней Россіи отдѣльныхъ членовъ общины отъ цѣлой общины и крѣпость общинныхъ союзовъ тѣмъ, что отдѣльные члены получали отъ общины свои участки земли; но въ другомъ мѣстѣ доказываетъ, что свободной, незанятой земли

въ древнѣйшей Россіи было такъ много, что въ ней никто не могъ нуждаться ¹²⁵). Отсюда дѣлается совершенно непонятнымъ ученіе автора о происхожденіи и крѣпости общиннаго союза.

3. Наконецъ, ученіе г. Лешкова не удовлетворяетъ насъ своимъ объясненіемъ значенія древнерусскихъ политическихъ учреждений: князей, народныхъ собраній и городовъ. Ученія о значеніи князя и народнаго собранія мы вовсе не встрѣчаемъ въ изслѣдованіи г. Лешкова ¹²⁶), а его ученіе о значеніи древнеславянскихъ городовъ совершенно бездоказательно. Оно основано на предположеніи, допускающемъ въ Россіи дорюриковской эпохи раздѣленіе народонаселенія на классы по занятіямъ: дорюриковскіе города, по мнѣнію автора, были промышленными и административными центрами, съ промышленнымъ, административнымъ и военнымъ населеніемъ ¹²⁷). Но города съ такимъ значеніемъ появляются позже не только въ Россіи, но и на западѣ Европы.

Такимъ образомъ общинная теорія представляетъ намъ такіе же недостатки, какіе мы видѣли при анализѣ основаній родовой теоріи, то есть неосновательность доказательствъ, неопредѣленность политическихъ понятій и несостоятельность въ объясненіи характера политическихъ учреждений русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи.

Но не смотря на сказанные недостатки, ученіе о древнеславянской общинѣ представляетъ собою несомнѣнный прогрессъ въ развитіи теоріи древнерусской гражданственности. Послѣдователи общинной теоріи доказали вполне убѣдительно, что одно родовое начало недостаточно для объясненія всѣхъ извѣстій источниковъ о бытѣ русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, что необходимы дальнѣйшія изысканія, направленные къ выясненію внутреннихъ началъ политической организациі древнерусскаго общества и указали одно изъ такихъ началъ, рядомъ съ родовымъ началомъ, дѣйствующее во всѣхъ политическихъ обществахъ и опредѣляющее собою характеръ политическихъ отношеній и политическихъ учреждений, именно, начало сожительства на общей землѣ съ вытекающимъ изъ него началомъ договорнымъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи, отрицая на основаніи территоріальнаго начала существованіе родовыхъ союзовъ и родовыхъ отношеній въ древнерусскомъ обществѣ, общинная теорія впадаетъ въ такую

же односторонность, какой родовая теорія обязана своими ошибками. Основательно доказывая, что въ свидѣтельствахъ источниковъ слово родъ не имѣетъ того смысла, какой придаютъ ему послѣдователи Эверса, общинная теорія для доказательства собственныхъ воззрѣній опирается на свидѣтельства источниковъ, въ которыхъ упоминается о вѣчахъ и городахъ, не останавливаясь на анализѣ внутренняго смысла этихъ свидѣтельствъ, придавая совершенно произвольно словамъ городъ и вѣче тотъ смыслъ, какой имъ придавали ученые школы Татищева, а позже Шафарика и какой имѣютъ города и мірскіе сходы настоящаго времени. Наконецъ, желая пополнить скудные извѣстія начальной русской лѣтописи въ отношеніи характера политическаго быта русскихъ Славянъ древнѣйшей эпохи аналогическими заключеніями, основанными на изученіи позднѣйшихъ юридическихъ памятниковъ и современнаго народнаго быта, основатели общинной теоріи приходятъ къ отрицанію естественнаго прогресса въ исторіи политическихъ учрежденій русскаго народа и усматриваютъ его золотой вѣкъ далеко позади, въ предполагаемомъ ими нравственномъ, чисто общинномъ бытѣ, бытѣ до государственномъ.

VII. Основанія теоріи семейно или задружно-общиннаго быта.

Семейно-общинная теорія представляетъ собою попытку объясненія началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ при посредствѣ понятія *семейной общины*, то есть общественнаго союза, извѣстнаго у Сербовъ подъ именемъ *задруги*.¹²⁸⁾

Критическій анализъ открываетъ въ этомъ ученіи общіе недостатки существующихъ теорій политическаго быта древне-русскихъ Славянъ, изъ которыхъ главнѣйшими представляются намъ слѣдующіе недостатки:

1. Неопредѣленность и невѣрность понятій о задругѣ, съ вытекающею отсюда темнотою изложенія.

2. Слабость доказательствъ, по которымъ современная задруга южныхъ Славянъ признается сохранившеюся формою древнѣйшаго политическаго быта всѣхъ славянскихъ народовъ и средствомъ познанія началъ этого быта.

3. Неосновательность въ объясненіи характера политическихъ учреждений древнерусскихъ Славянъ.

1. Основнымъ вопросомъ семейно-общинной теоріи является вопросъ о юридическомъ характерѣ задруги или семейной общины, какъ соціальной формы, отличной отъ другихъ соціальныхъ формъ. Въ ученой литературѣ понятіе этого учрежденія различными учеными опредѣляется различно. Историки-юристы, принадлежащіе къ послѣдователямъ различныхъ политическихъ теорій, согласны въ томъ, что сербская задруга настоящаго времени представляетъ собою сохранившуюся форму древнѣйшаго политическаго быта всѣхъ славянскихъ народовъ, но въ тоже время каждый изъ нихъ старается подвести понятіе задруги подъ ученіе того направленія, къ которому самъ принадлежитъ. Такъ напримѣръ, Аксаковъ усматриваетъ въ сербской задругѣ обыкновенную славянскую семью, въ которой нѣтъ никакихъ признаковъ рода и родоваго быта ¹²⁹). Г. Соловьевъ видитъ въ задругѣ обыкновенный, *естественный родъ*, основанный только на одномъ началѣ родства между задругарями ¹³⁰). Г. Никитскій видитъ въ задругѣ ничто иное, какъ *родъ фиктивный*, основанный на предполагаемомъ родствѣ между союзниками ¹³¹). Г. Ткалацъ сближаетъ понятіе задруги съ понятіемъ сельской общины русскихъ крестьянъ настоящаго времени ¹³²); и т. д. Такимъ образомъ, ученая литература предлагаетъ намъ рядъ опредѣленій задруги, изъ которыхъ можно вывести какое угодно заключеніе: она является здѣсь и семьей и родомъ и территориальною общиною.

Въ частности, послѣдователи семейно-общинной теоріи, признавая задругу исключительною формою политическаго быта всѣхъ Славянъ древнѣйшей исторической эпохи, не разъясняютъ юридическаго характера этого учрежденія, даютъ ему опредѣленія неясныя и противорѣчащія одно другому. Такъ, Г. Иречекъ, называя задругу родомъ, опредѣляетъ ее слѣдующими словами: „южнославянская задруга есть собраніе лицъ, которыя, будучи соединены одною родственною связью, имѣютъ общее имущество, живутъ подъ управленіемъ одного выборнаго старѣйшины, работаютъ для всего общества и содержатся сообща. Есть задруги, гдѣ и чужіе, не родственники принимаются въ родовой союзъ. Отъ задруги отличается

у Сербовъ такъ называемая инокость, гдѣ живетъ вмѣстѣ семья, т. е. отецъ и мать съ дѣтьми, за исключеніемъ другихъ родственныхниковъ, наша обыкновенная семья. Родъ, живущій въ задругѣ, имѣетъ общее имя и общее имущество”¹³³).

Основываясь на современномъ значеніи задруги у южныхъ Славянъ, авторъ опредѣляетъ древнеславянскую форму политическаго быта слѣдующими признаками: „славянскій родъ былъ собраніемъ или союзомъ семействъ или лицъ, живущихъ на положеніи домочадцевъ, подъ управленіемъ господаря или владыки, обыкновенно въ одномъ общемъ селеніи (селеніе и родъ были нераздѣльны; въ каждомъ поселеніи жилъ только одинъ родъ). Это устройство продолжается и до сихъ поръ у южныхъ Славянъ и такой союзъ называется у нихъ задруга или заедиць. Единство рода проявлялось прежде всего какъ юридическое единство: родъ имѣлъ общее имѣніе, общее имущество, которое называлось дѣдиной. Задруга есть не только собраніе и общность лицъ, связанныхъ между собою родственною связью, но и союзъ лицъ вообще принадлежащихъ къ этому единству и принятыхъ въ такое единство” (?)¹³⁴). По мнѣнію г. Бестужева-Рюмина „семейная община существуетъ въ наше время въ сербской задругѣ. Задругу, впрочемъ, нельзя уже вполне назвать семейною общиною, ибо она допускаетъ въ себя чужихъ и этимъ, можетъ быть, сближается въ древнепольскимъ ополемъ (vicinia), въ которомъ преобладало, какъ кажется, начало сожительства, и которое составляло общину, знаменующуюся круговою порукою; съ другой стороны задруга отличается тѣмъ, что она имѣетъ своего выборнаго старшину; владѣетъ землею совмѣстно, живетъ вмѣстѣ, судится внутри себя своею властью и имѣетъ одно общее праздненство”¹³⁵). „Основною общественнаго развитія Славянъ, говоритъ тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ, послужила семейная община (вервь, задруга), соединенная отчасти общимъ происхожденіемъ и еще болѣе общимъ сожительствомъ — общимъ землевладѣніемъ и своимъ собственнымъ судомъ въ своихъ предѣлахъ”¹³⁶). Г. Леонтовичъ, отличая понятіе задруги отъ понятій семьи и рода и сближая его съ понятіемъ территоріальной общины, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, опредѣляетъ задругу слѣдующими признаками: „задруга есть союзъ, обнимающій не только естественныхъ членовъ

семьи, но и чужихъ, принадлежащихъ съ первыми къ одной семейной общинѣ. Происхожденіе, родство стоитъ здѣсь на второмъ планѣ, не составляетъ существеннаго условія союза ¹³⁷⁾. Задруги не простыя семьи; въ нихъ преобладаетъ прежде всего общинный характеръ отношеній. Задруги представляютъ собственно переходную ступень къ чисто общиннымъ формамъ жизни. Принявъ въ себя элементы чуждые семьѣ, коренясь отчасти въ отношеніяхъ договорныхъ, задруга отодвинула на второй планъ связи кровныя, патріархальныя. Какъ автономическій союзъ лицъ, живущихъ на одной племенищѣ по началамъ самоуправленія, задруга незамѣтно сближалась съ общиною въ чистомъ ея видѣ, приняла начало равенства своихъ членовъ за основу всего своего устройства,— начало, рѣшительно чуждое старому родовому быту съ абсолютнымъ главенствомъ родоначальниковъ” ¹³⁸⁾. Наконецъ, въ другомъ сочиненіи тотъ-же авторъ даетъ задругѣ слѣдующее опредѣленіе: „задруга — союзъ лицъ и семей, живущихъ на одномъ огнищѣ (осѣдлости), однимъ или нѣсколькими домами (дымами), союзъ, связанный не столько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими, сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, бывшей въ общемъ обладаніи общины. Такія ассоціація земледѣльческія управляются автономически, по общей думѣ, совѣту, уговору и наряду, подъ ближайшимъ завѣдываніемъ отца или выборнаго старшины” ¹³⁹⁾.

И такъ, сличая опредѣленія семейной общины, высказанныя въ ученой литературѣ, посвященной изученію вопроса о началахъ политическаго быта древнихъ Славянъ, мы находимъ полную неопредѣленность представлений о юридическомъ характерѣ этого учрежденія. Семейная община или задруга является здѣсь и семьей и родомъ и территоріальною общиною и гражданскою ассоціаціею, отличною отъ перечисленныхъ формъ.

Что-же въ дѣйствительности представляетъ собою семейная община и чѣмъ отличается этотъ союзъ отъ другихъ общественныхъ союзовъ?

За рѣшеніемъ этого вопроса мы должны обратиться къ источникамъ, къ свѣдѣніямъ о задругѣ, полученнымъ путемъ непосредственнаго наблюденія этого учрежденія, какъ существующаго факта

у южныхъ Славянъ. Гг. Бестужевъ-Рюминъ, Леонтовичъ и другіе новѣйшіе историки-юристы, опредѣляя юридическій характеръ сербской задруги, ссылаются, какъ на источники, на сочиненія гг. Иречка, Ткалаца, Воцеля, Сипрена Роберта и другихъ ученыхъ, въ свою очередь, почерпавшихъ свѣдѣнія о семейной общинѣ южныхъ Славянъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, предполагающихъ въ этомъ учрежденіи сохранившуюся форму древнѣйшаго политическаго быта всѣхъ Славянъ и построившихъ понятія о задругѣ столько-же на фактахъ наблюденія, какъ и на фантазіи, подъ вліяніемъ предвзятыхъ схемъ древнеславянскаго политическаго быта. Первичными источниками познанія юридическаго характера задруги представляются намъ только результаты непосредственнаго наблюденія, то есть свѣдѣнія, сообщаемыя въ сочиненіяхъ, посвященныхъ специально изученію современнаго общественнаго быта южныхъ Славянъ, въ которыхъ задруга описывается какъ существующій фактъ. Въ матеріаламъ этого рода принадлежатъ свѣдѣнія, сообщаемыя гг. Караджичемъ, Утешеновичемъ, Чапловичемъ, Миличевичемъ и Богишичемъ.

Въ сказанныхъ сочиненіяхъ задруга характеризуется слѣдующими признаками: 1. Задруга образуется путемъ естественнаго размноженія членовъ семьи, а извнѣ пополняется только средствами семейнаго права: посредствомъ брака и усыновленія. 2. Задруга представляетъ собою союзъ родственниковъ, заключающій въ себѣ въ рѣдкихъ случаяхъ отъ 40 до 70 лицъ, а обыкновенно отъ 5 до 25 лицъ. 3. Задруга управляется однимъ изъ родственниковъ, обыкновенно старѣйшимъ по происхожденію; но если дѣдъ или отецъ или старшій братъ дѣлается неспособнымъ къ управленію дѣлами задруги, то право старѣйшаго, съ общаго согласія родственниковъ — задругарей, переходитъ къ одному изъ родичей, наиболее способному. 4. Задруга составляетъ часть деревенской или сельской общины, живетъ отдѣльнымъ дворомъ, состоящимъ изъ одной или нѣсколькихъ избъ съ хозяйственными постройками и составляющимъ часть деревни или села или же отдѣльную усадьбу, хуторъ. 5. Задруга владѣетъ недвижимымъ имѣніемъ сообща, на правахъ равенства членовъ, составляющихъ задругу ¹⁴⁰).

Слѣдовательно, по результатамъ непосредственнаго наблюденія существующихъ отношеній въ семейной общинѣ южныхъ Славянъ

это учрежденіе представляет собою родственный союзъ, видъ рода, существенно отличный, съ одной стороны, отъ понятія семьи въ смыслѣ римскаго права и новѣйшихъ европейскихъ законодательствъ, а съ другой, отъ понятія территориальной общины ¹⁴¹). Съ именемъ рода является семейная община и въ историческихъ памятникахъ южныхъ Славянъ ¹⁴²); именемъ рода, рядомъ съ названіями семьи, братства, общины соединенныхъ братьевъ, заедина и задруги, называется этотъ союзъ у южныхъ Славянъ и въ настоящее время ¹⁴³).

Какимъ-же образомъ родственный союзъ южныхъ Славянъ превратился въ ученіи г. Бестужева-Рюмина въ непонятную, смѣшанную политическую форму, знаменующуюся круговою порукою, а въ ученіи г. Леонтовича въ автономическую, земледѣльческую ассоціацію, неизбѣжную ничего общаго съ понятіемъ рода? Тѣмъ же путемъ, при посредствѣ котораго появилось въ наукѣ множество фундаментальныхъ заблужденій, повторяемыхъ по традиціи, безъ провѣрки на фактахъ, какъ несомнѣнные выводы науки, но въ дѣйствительности представляющихъ собою не болѣе, какъ произвольныя догадки того или другого авторитетнаго ученаго, высказанныя первоначально какъ предположенія, безъ всякихъ доказательствъ.

Г. Иречекъ совершенно вѣрно называетъ задругу родомъ, но желая подвести понятіе задруги подъ предвзятую схему политическаго быта древнихъ Славянъ, вводитъ въ опредѣленіе задруги слѣдующіе признаки, противорѣчащіе дѣйствительности и несогласные съ понятіемъ рода; „задруга живетъ въ одномъ общемъ селеніи; есть задруги, гдѣ и чужіе, неродственники принимаются въ родовой союзъ; единство рода проявлялось прежде всего какъ юридическое единство, основанное на общемъ владѣніи имѣніемъ; задруга есть не только собраніе и общность лицъ, связанныхъ между собою кровною связью, но и союзъ лицъ вообще принадлежащихъ къ нему и принятыхъ въ такое единство” ¹⁴⁴). Г. Ткалацъ, въ его „Обзорѣ государственнаго права Сербіи,” повторилъ ошибку г. Иречка въ болѣе опредѣленной формѣ: „родство, говоритъ онъ, не составляетъ существеннаго условія задруги,” и прибавилъ отъ себя, что семейная община южныхъ Славянъ есть социальное явленіе, аналогичное съ сельскою общиною Славянъ русскихъ ¹⁴⁵). Г. Ле-

онтовичъ, ссылаясь на авторитетъ гг. Иречка и Ткалаца, въ его статьѣ „О значеніи верви сравнительно съ задругою югозападныхъ Славянъ,” утверждаетъ рѣшительно, что „задруга обнимаетъ не только естественныхъ членовъ семьи, но и чужихъ, принадлежащихъ съ первыми къ одной семейной общинѣ. Происхожденіе, родство стоитъ здѣсь на второмъ планѣ;” а отъ себя, уже безъ всякихъ ссылокъ и доказательствъ, авторъ добавляетъ: „*принявъ въ себя элементы, чуждые семьѣ, корни съ отчасти въ отношеніяхъ договорныхъ, задруга отодвинула на второй планъ связи кровныя, патріархальныя. Какъ автономическій союзъ лицъ, живущихъ на одной племенщинѣ по началамъ самоуправленія, задруга незамѣтно сблизилась съ общиною въ чистомъ ея видѣ*”¹⁴⁶). Г. Бестужевъ-Рюминъ, ссылаясь на сказанную статью г. Леонтовича, утверждаетъ уже, что „задругу нельзя вполнѣ назвать семейною общиною, ибо она *допускаетъ въ себя чужихъ* и этимъ *сблизжается съ древнепольскимъ ополемъ (vicinia)*, въ которомъ преобладало, какъ кажется, *начало сожительства*, и которое составляло общину, *знаменующуюся круговою порукою*”¹⁴⁷). Наконецъ, г. Леонтовичъ, въ его статьяхъ „О задружно-общинномъ характерѣ быта древней Россіи,” опредѣляетъ задругу какъ земледѣльческую ассоціацію, управляемую автономически, по общей думѣ, совѣту, договору и наряду,” а ниже, ссылаясь на авторитетъ г. Бестужева-Рюмина, признаетъ въ древнерусскихъ территоріальныхъ общинахъ „не больше какъ разросшія задруги” и на этихъ положеніяхъ строить гипотезу о задружно-общинномъ характерѣ быта русскихъ Славянъ съ древнѣйшей исторической эпохи по XVI столѣтіе¹⁴⁸).

Естественнымъ послѣдствіемъ невѣрности и неясности представлений о юридическомъ характерѣ семейной общины является неопредѣленность изложенія семейно-общинной теории. Изложеніе г. Бестужева-Рюмина, съ его несистематичностью, безразличнымъ употребленіемъ словъ: семья, родъ, община семейная и община территоріальная и, наконецъ, беспрестаннымъ употребленіемъ эластичныхъ словъ и выраженій: кажется, можетъ быть, отчасти и т. д., лишаетъ читателя возможности опредѣлить точно воззрѣнія автора на юридическій характеръ семейной общины и другихъ социальныхъ

формъ. Особенною темнотою и особеннымъ беспорядкомъ отличается изложеніе г. Леонтовича. Г. Никитскій, ссылаясь на статью г. Леонтовича „О верви сравнительно съ задругою,” справедливо замѣчаетъ, что „эта статья вообще страдаетъ отсутствіемъ строгаго развитія понятій” ¹⁴⁹). Въ статьяхъ „О задружно-общинномъ характерѣ быта древней Россіи”, рядомъ съ неопредѣленностью политическихъ понятій, мы встрѣчаемъ множество словъ и выраженій, допускающихъ различное пониманіе и смыслъ которыхъ не установился въ нашемъ языкѣ. Такъ напримѣръ, въ разсужденіяхъ автора, направленныхъ къ разграниченію понятій о родѣ, общинѣ и государствѣ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ выраженіями, въ родѣ слѣдующихъ: „родъ есть *эмбриологическая ступень общезжитія* и организуется *по принципу кровному, физиологическому*,” въ „родовомъ бытѣ вырабатывается особность кровныхъ союзовъ, *путемъ родовыхъ комбинацій, укореняющихъ идею племени*,” „основная черта родового быта *стадный характеръ всего быта племенъ и родовъ*,” „родовыя опредѣленія представляютъ *главный критерій кочеваго состоянія*,” „дисциплинированіе рода въ военную дружину,” вождь рода есть представитель *военно-родоваго наряда*,” живучесть *родоваго сознанія*,” „почва родового порядка,” „стадная обстановка кочевника,” „родовая формація,” „номадъ теоретически прикрѣпляется къ территории,” *теоретическая наклонность кочевника къ осыдлости*,” *территориальное осыданіе кочевниковъ*,” „береженье своей собственной *самобытности*,” „береженье въ сферѣ *правовыхъ отношеній*,” и т. д. Такими же туманными выраженіями отличаются разсужденія автора о задругѣ, территоріальной общинѣ и государствѣ; особенно же, — ученіе о „нарядѣ” общины и „космополитическомъ” значеніи государства ¹⁵⁰). При ясномъ и точномъ рѣшеніи научныхъ вопросовъ подобный языкъ ненуженъ и даже невозможенъ.

II. Въ основаніи разсужденій о семейно-общинномъ бытѣ древнихъ Славянъ находимъ слѣдующія положенія: 1, современная намъ задруга южныхъ Славянъ представляетъ собою сохранившуюся форму древнѣйшаго политическаго быта всѣхъ славянскихъ на-

родовъ; 2, въ древнѣйшую эпоху исторической жизни Славянъ семейная община, тождественная съ задругой южныхъ Славянъ, представляла собою единственную, исключительную политическую форму, изъ которой съ теченіемъ времени образовались территориальная община и государство.

Положительныхъ доказательствъ въ пользу сказанныхъ положеній мы не встрѣчаемъ въ ученой литературѣ. Напротивъ, эти положенія, а слѣдовательно, и всѣ выводы въ отношеніи началъ политическаго быта древнихъ Славянъ, основанныя на современномъ значеніи задруги у южныхъ Славянъ, представляются намъ построенными только на предположеніяхъ, совершенно бездоказательныхъ.

Мысль о глубокой древности южнославянской задруги проведена въ ученую литературу г. Иречкомъ, на изслѣдованіе котораго о славянскомъ правѣ въ Чехіи и Моравіи обыкновенно ссылаются въ новѣйшей литературѣ какъ на сочиненіе, въ которомъ рѣшенъ вопросъ о древности задруги у Славянъ. Но доказательства г. Иречка кажутся намъ далеко неубѣдительными. Уважаемый чешскій ученый, подобно Эверсу и С. М. Соловьеву, признаетъ двѣ слѣдовательныя ступени въ исторіи соціальной организаціи Славянъ: 1, быть первоначальный-родовой-патріархальный, основанный на политической формѣ, сохранившейся до настоящаго времени въ первоначальномъ видѣ у Сербовъ подъ именемъ задруги; 2, быть общинно-государственный, образовавшийся съ теченіемъ времени путемъ естественнаго развитія началъ первоначальнаго родового быта. Въ пользу своего мнѣнія о родѣ-задругѣ, какъ первоначальной формѣ политическаго быта всѣхъ славянскихъ народовъ, авторъ приводитъ слѣдующія доказательства: названія недвижимаго имѣнія у древнихъ Славянъ дѣдиною, отчиною и баштиною, означающихъ *родовое имущество* ¹⁵¹); существованіе у древнихъ Славянъ учрежденія круговой поруки, происхожденіе котораго, по мнѣнію автора, можно объяснить только тѣмъ, что *родъ* долженъ былъ отвѣчать за преступленія отдѣльныхъ своихъ членовъ ¹⁵²); существованіе у Славянъ *родовыхъ* названій поселеній, происшедшихъ отъ именъ и фамилій ¹⁵³); наконецъ, свидѣтельство древней чешской пѣсни (Судъ Любуши), въ которой говорится о *родахъ* древнихъ Чеховъ ¹⁵⁴). Приведенные факты взяты авторомъ изъ славянскихъ памятниковъ

средних и новых вѣковъ, когда у Славянъ несомнѣнно существовали семейства, роды, родовыя имущества, родовыя поселенія и круговая порука; но эти факты вовсе не доказываютъ мнѣнія о задругѣ, какъ первоначальной политической формѣ, предшествовавшей у Славянъ образованію территориальной общины и государства ¹⁵⁵).

Гг. Бестужевъ-Рюминъ и Леонтовичъ отличаютъ понятіе рода отъ понятія о задругѣ и признаютъ родъ первоначальною-доисторическою формою политической жизни Славянъ, а задругу—формою вторичною, древнѣйшею-историческою. Въ отношеніи вопроса о времени, до котораго простиралось исключительное господство общины въ политической жизни русскихъ Славянъ, воззрѣнія гг. Бестужева-Рюмина и Леонтовича различаются существенно. По ученію г. Бестужева-Рюмина уже въ IX вѣкѣ сложилось Русское Государство; центральную, государственную власть заложили у насъ чужеземныя варяжскія дружины ¹⁵⁶). По ученію г. Леонтовича „порядокъ государственный сталъ обозначаться у насъ только въ XIII—XV вв., когда стали постепенно проникать въ народное сознаніе *первыя* хотя и неясныя зародыши государственныхъ понятій” ¹⁵⁷).

Въ пользу мнѣнія о родѣ, какъ первоначальной формѣ политическаго быта Славянъ вообще и русскихъ Славянъ въ частности, находимъ въ сочиненіяхъ сказанныхъ авторовъ слѣдующія доказательства: указанія на первоначальныя родовыя названія древнеславянскихъ племенъ, родовыя названія славянскихъ поселеній и обычаевъ ¹⁵⁸). Первое доказательство противорѣчитъ прямому свидѣтельству начальной нашей лѣтописи, изъ котораго открывается, что „Словени разыдошася по землѣ и прозвашася имены своими, *идъ съдоше на которомъ мьсть: яко пришедше съдоша на рѣчь именемъ Морава и прозвашася Морава.....* Словене пришедше и съдоша по Днѣпру, и нарѣкошася *Поляне*, а друзіи *Древляне*, занъ съдоша въ *льстьхъ*; а друзіи съдоша межю Припетью и Двиною, и нарѣкошася *Дреговичи*, иніи съдоша на Двинѣ и нарѣкошася *Полочане*, *рѣчки ради*, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане” ¹⁵⁹). Второе доказательство также противорѣчитъ историческимъ фактамъ. Древнѣйшія славянскія поселенія, упоминаемыя въ памят-

никахъ IX—XII вѣковъ, носятъ не патронимическія или родовыя названія, то есть происшедшія отъ именъ и фамилій, а топическія, мѣстныя, географическія ¹⁶⁰). Съ другой стороны намъ извѣстно, что происхождение патронимическихъ названій поселеній возможно въ новое время, чему доказательствомъ могутъ служить тысячи поселеній, возникшихъ въ XVII—XIX столѣтіяхъ и носящихъ названія, происшедшія отъ именъ (Яновичи, Петровичи, Ивановка, Петровка, Александровка и пр.) и фамилій (Чеховичи, Халеевичи, Шумаковка, Толмачово, Воробьевка и пр.). Нельзя признать доказательствомъ въ пользу мнѣнія о родѣ, какъ первоначальной формѣ политическаго быта русскихъ Славянъ, и указаніе начальной нашей лѣтописи на древній обычай умычки. „Умыканіе, по мнѣнію г. Бестужева-Рюмина, принимаемому и г. Леонтовичемъ, есть несомнѣнный признакъ того, что *нѣкогда славянскіе роды (не лучше ли здѣсь семьи?)* жили отдѣльно и враждебно относились одинъ къ другому. *Такое состояніе общества самое первоначальное; передъ нимъ мы ничего не можемъ себѣ представить, а потому должны отвергнуть, какъ басню, сказаніе Косьмы Пражскаго о томъ времени, когда Чехи не знали семьи и жили въ общности женъ и имущества*” ¹⁶¹). Мы имѣли уже случай указать на рядъ новѣйшихъ ученыхъ трудовъ, доказывающихъ, что семья и родъ были не первыми, самыми ранними формами человѣческаго общежитія, а сравнительно позднѣйшими явленіями цивилизаціи, что образованію семействъ и родовъ, основанныхъ на кровной связи между родственниками и главенствѣ предка надъ его потомками, предшествовалъ періодъ времени, когда женщины принадлежали не отдѣльнымъ семействамъ и родамъ, а цѣлымъ общинамъ и племенамъ; отсюда же, первоначальный обычай умычки, по результатамъ новѣйшихъ изслѣдованій, должно представлять себѣ не въ томъ видѣ, въ какомъ его до сихъ поръ представляли себѣ историки ¹⁶²). Сказанія Косьмы Пражскаго нельзя считать несомнѣнною сказкою; мы не только можемъ, но и должны представить себѣ первоначальное состояніе славянскаго общества не въ видѣ отдѣльныхъ и враждебныхъ другъ другу семействъ или родовъ, а въ видѣ общинъ, которымъ неизвѣстны абсолютное главенство предковъ надъ ихъ потомками, семейные союзы и семейныя отношенія. Еще менѣе основательны доказатель-

ства, на которыхъ гг. Бестужевъ-Рюминъ и Леонтовичъ основываютъ мнѣніе о задругѣ, какъ вторичной формѣ политическаго развитія русскихъ Славянъ, предшествовавшей образованію чисто-территоріальной общины и государства. Въ пользу этого мнѣнія въ сочиненіяхъ сказанныхъ авторовъ мы находимъ слѣдующія основанія: свидѣтельство чешской пѣсни, извѣстной въ литературѣ подъ именемъ Суда Любуши (древность которой различными учеными опредѣляется различно между IX и XIV вѣками); соображенія г. Леонтовича, направленные къ доказательству тождественности верви Русской Правды и современной задруги южныхъ Славянъ; соображеніе г. Воцеля, по которому первоначальное возникновеніе задруги южныхъ Славянъ относится къ доисторическому времени и, наконецъ, соображеніе г. Бестужева-Рюмина, по которому общины территоріальныя могли создаться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ.

Судъ Любуши служитъ въ ученой литературѣ источникомъ доказательства для всѣхъ теорій политическаго быта древнихъ Славянъ. Въ свидѣтельствахъ этой пѣсни г. Соловьевъ находитъ доказательства естественнаго родоваго быта древнихъ Славянъ, г. Накитскій—искусственнаго родоваго, г. Аксаковъ — общиннаго, г. Пречекъ — задружно-родоваго, а гг. Бестужевъ-Рюминъ и Леонтовичъ—задружно-общиннаго ¹⁶³). Слѣдовательно, свидѣтельства Чешской пѣсни могутъ быть понимаемы различно; иначе сказать, эта пѣсня не служитъ источникомъ безспорнаго, положительнаго знанія въ отношеніи формы политическаго быта древнихъ Славянъ. Въ частности, въ Судѣ Любуши мы не находимъ никакихъ доказательствъ въ пользу мнѣнія гг. Бестужева-Рюмина и Леонтовича о задругѣ, какъ древнѣйшей соціальной формѣ Славянъ вообще и русскихъ Славянъ въ особенности. Рядомъ съ *родами*, мы встрѣчаемъ здѣсь политическій союзъ съ главенствомъ княжны и народнаго собранія, понятіе о которомъ никоимъ образомъ невозможно подвести подъ понятіе современной задруги южныхъ Славянъ.

Соображенія о юридическомъ тождествѣ верви Русской Правды и задруги южныхъ Славянъ настоящаго времени, высказаны г. Леонтовичемъ въ статьѣ, подъ заглавіемъ: „О значеніи верви сравнительно съ задругою югозападныхъ Славянъ,” которая отли-

чается такимъ беспорядкомъ изложенія, что трудно слѣдить за развитіемъ основной мысли автора. Исходнымъ основаніемъ тождества сказанныхъ учреждений служитъ автору сближеніе названій *верви* Русской Правды и *верви* Полицкаго Статута, *дружини* древнерусской и *задруги* южныхъ Славянъ настоящаго времени. Но мы имѣли уже случай замѣтить, что сходство названій политическихъ учреждений, а особенно принадлежащихъ различнымъ историческимъ эпохамъ и различнымъ народамъ, еще не доказываетъ сходства этихъ учреждений въ юридическомъ отношеніи; другихъ же, болѣе положительныхъ доказательствъ юридическаго тождества древнерусской *верви* и современной *задруги* южныхъ Славянъ, основанныхъ на сходствѣ политико-юридическихъ отношеній тамъ и здѣсь, въ статьѣ г. Леонтовича мы не находимъ ¹⁶⁴). Не смотря на то, допустимъ юридическую тождественность сказанныхъ учреждений; все же этимъ предположеніемъ не доказывается исходное положеніе *задружно-общинной* теоріи, по которому *задруга* предшествовала въ исторіи общегитія русскихъ Славянъ образованію территориальной общины и государства. Единственнымъ основаніемъ этого положенія въ статьѣ г. Леонтовича является ссылка на авторитетъ Воцеля.

„*Историческое*, говоритъ онъ, и общее существованіе *задругъ у всѣхъ Славянъ*, по справедливому замѣчанію Воцеля, ясно доказываетъ глубокую ихъ древность (?). Въ историческое время, при *дробной жизни Славянъ* (?), *задруга* не могла возникнуть и сдѣлаться для нихъ общимъ учрежденіемъ; корень *задруги* нужно искать въ доисторическое время *общеплеменной* (?) жизни Славянъ (Воцеля: О Staročeskem dědickeu právu, с. 7). Тамъ же, очевидно (?), коренится и *вервь Правды и Полицкаго Статута*” ¹⁶⁵). Но *историческое* и *общность* существованія *задругъ у всѣхъ Славянъ* представляютъ собою не доказательства, а положенія, которыя требуется доказать; что же касается *общеплеменной* жизни Славянъ въ доисторическое время и *дробной жизни Славянъ* въ историческое время, — то это не только не доказательства, но выраженія совершенно безсодержательныя, нуждающіяся въ разъясненіи для точнаго пониманія мысли автора.

Наконецъ, г. Бестужевъ-Рюминъ, ссылаясь на мнѣніе г. Леонтовича о тождествѣ верви Русской Правды и задруги южныхъ Славянъ настоящаго времени, съ своей стороны замѣчаетъ слѣдующее: „въ этомъ воззрѣніи ничего нѣтъ такого, что не могло бы быть принято; напротивъ, принятіе этого мнѣнія *многое* (?) разрѣшаетъ въ нашихъ древностяхъ: общины территоріальныя могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ.” Г. Леонтовичъ, въ свою очередь, ссылаясь на г. Бестужева-Рюмина, замѣчаетъ: „только у г. Бестужева-Рюмина находимъ первую серьезную попытку установить органическую связь между общиною семейною и территоріальною. Ему принадлежитъ весьма счастливая мысль о томъ, что основой общественнаго развитія Славянъ послужила семейная община, и что территоріальныя общины могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ. Эта мысль *совершенно новая въ наукѣ и весьма важная по вытекающимъ изъ нея выводамъ*” (?) ¹⁶⁶). Намъ сказанное соображеніе г. Бестужева-Рюмина представляется неважнымъ уже потому, что высказано авторомъ безъ всякихъ доказательствъ. Кроме того, г. Бестужевъ-Рюминъ не объясняетъ, что именно разрѣшается въ нашихъ древностяхъ принятіемъ мнѣнія о тождествѣ верви и задруги, а г. Леонтовичъ не указываетъ какіе именно выводы можно сдѣлать изъ предположенія о происхожденіи территоріальныхъ общинъ изъ семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ.

Такимъ образомъ, мнѣніе о задругѣ, какъ древнѣйшей формѣ соціальнаго быта славянскихъ народовъ, предшествовавшей образованію территоріальной общины и государства, опирается въ ученой литературѣ только на неосновательныя, теоретическія соображенія; за отсутствіемъ въ источникахъ положительныхъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія, одинъ ученый ссылается на мнѣнія другаго, представляющія собою не научные выводы, основанные на историческихъ фактахъ, а голословныя предположенія.

Съ другой стороны мы встрѣчаемъ въ ученой литературѣ мнѣнія, признающія современную намъ задругу южныхъ Славянъ соціальнымъ явленіемъ позднѣйшаго происхожденія, возникшимъ уже въ періодъ существованія территоріальныхъ общинъ и госу-

дарства. Такъ, г. Поповъ, въ своей книгѣ „Путешествіе въ Черногорію,” сообщая свѣдѣнія о семейной общинѣ у Черногорцевъ и называя этотъ союзъ *родомъ*, высказываетъ мысль, что родовое устройство у Черногорцевъ стало развиваться уже послѣ покоренія Сербіи и при власти первыхъ владыкъ¹⁶⁷⁾. Мнѣніе о первоначальной древности южнославянской задруги иногда опирается на авторитетъ К. С. Аксакова¹⁶⁸⁾; между тѣмъ, Аксаковъ, касаясь вопроса о древности рода-задруги у южныхъ Славянъ, прямо высказываетъ: „это явленіе не древнее, а позднѣйшее”¹⁶⁹⁾. Г. Утешеновичъ, склоняясь въ пользу мнѣнія о древности задруги и защищая это мнѣніе только ссылкой на извѣстное уже намъ свидѣтельство чешской пѣсни, полемизируетъ съ двумя мнѣніями о позднѣйшемъ происхожденіи задруги, высказанными въ средѣ самыхъ южныхъ Славянъ, изъ которыхъ одно признаетъ „семейную общину въ Кроаціи и Славоніи наслѣдіемъ, оставленнымъ господами замлевлдѣльцами, созданнымъ ими посредствомъ *Urbarialgesetze*,” а другое считаетъ семейную общину на военной границѣ Кроаціи „созданіемъ австрійскаго правительства”¹⁷⁰⁾. Правда, эти мнѣнія не опираются на положительные, безспорныя доказательства; но въ этомъ отношеніи они вполнѣ равносильны съ мнѣніемъ о первоначальной древности задруги, также бездоказательнымъ.

Намъ кажется, вопросъ о древности семейной общины остается спорнымъ въ наукѣ только потому, что до настоящаго времени семейная община была наблюдаема только на западѣ Европы, преимущественно въ земляхъ южныхъ Славянъ, то есть въ мѣстностяхъ, заселенныхъ съ глубокой древности, гдѣ древнѣйшіе изъ сохранившихся историческихъ памятниковъ представляютъ намъ одновременное существованіе различныхъ, низшихъ и высшихъ, социальныхъ формъ, а между ними и семейной общины, не указывая относительной древности этихъ формъ. Изученіе семейной общины съ одной стороны имѣло въ виду предположенныя схемы древнеславянскаго быта, а потому не было объективно и внесло въ науку весьма смутныя, и невѣрныя представленія о юридическомъ характерѣ этого учрежденія; съ другой стороны оно ограничивалось наблюденіемъ существующихъ въ задругѣ общественныхъ и имущественныхъ отношеній, а вопросъ о происхожденіи задруги рѣшался теорети-

чески въ смыслѣ глубокой древности этого союза, будто бы, возникшаго первоначально изъ неизвѣстныхъ намъ политическихъ отношеній доисторическаго времени и съ того времени сохранившагося у южныхъ Славянъ въ первоначальномъ видѣ.

Сколько намъ извѣстно, до настоящаго времени никто изъ ученыхъ историковъ-юристовъ не подозрѣвалъ существованія семейнаго союза, совершенно тождественнаго съ задругою южныхъ Славянъ, на востокѣ Европы, въ мѣстностяхъ, заселенныхъ русскими народами на глазахъ исторіи порядкомъ колонизаціи, совершенно обратнымъ первоначальному порядку колонизаціи, предполагаемому послѣдователями семейно-общинной теоріи, и гдѣ условія происхожденія семейной общины могутъ быть изучаемы на основаніи положительныхъ, документальныхъ свѣдѣній ¹⁷¹). Восьмилѣтнее наблюдение, во время нашихъ лѣтнихъ археологическихъ занятій, современнаго соціального быта русскаго народа въ Курской, Полтавской, и Черниговской губерніяхъ доказало намъ, что здѣсь существуютъ тѣ самыя соціальныя явленія, наблюдение которыхъ у южныхъ Славянъ подало г. Иречку матеріалъ къ созданію теоріи семейно-общиннаго быта Славянъ древнихъ, перенесенной на русскую почву г. Бестужевымъ-Рюминимъ и Леонтовичемъ ¹⁷²).

Въ своемъ мѣстѣ, при обзорѣ условій образованія и развитія различныхъ соціальныхъ формъ, мы будемъ говорить и объ условіяхъ образованія семейной общины. Здѣсь же мы ограничимся замѣчаніями, что родственныи союзъ, извѣстный въ ученой литературѣ подъ названіями семейной общины и задруги, есть соціальное явленіе общечеловѣческое, и что если возникновеніе этого явленія на востокѣ Европы было возможно въ позднѣйшую историческую эпоху, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать происхожденіе задруги южныхъ Славянъ изъ неизвѣстныхъ намъ политическихъ отношеній темныхъ доисторическихъ временъ.

III. Сравненіе опредѣленій древнеславянской семейной общины, предложенныхъ послѣдователями семейно-общинной теоріи, доказало намъ, что существующія въ ученой литературѣ понятія о юридическомъ характерѣ этого учрежденія: во первыхъ, неясны по своему содержанію; во вторыхъ, существенно противорѣчатъ другъ другу; а въ третьихъ, основываясь на современномъ намъ значеніи

задруги у южныхъ Славянъ, не соотвѣтствуютъ юридическому характеру этого учрежденія. Съ другой стороны, мнѣніе о задругѣ, какъ древнѣйшей социальной формѣ древнерусскихъ Славянъ, существовавшей у нихъ образованію территориальной общины, представляется намъ совершенно бездоказательнымъ.

При сказанныхъ обстоятельствахъ, понятіе задруги или семейной общины не могло служить пригоднымъ орудіемъ для объясненія началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ. И дѣйствительно, въ разсужденіяхъ послѣдователей семейно-общинной теоріи, направленныхъ къ объясненію значенія древнерусскихъ политическихъ учрежденій, князя, вѣча и города, мы встрѣчаемъ или неопредѣленные, гипотетическія построения, въ основаніи которыхъ не находимъ ни одного историческаго факта, ни одной ссылки на источники, или повторенія уже извѣстныхъ намъ объясненій, предложенныхъ послѣдователями родовой и общинной теорій, для которыхъ понятіе задруги является совершенно ненужнымъ ¹⁷³).

Но, не смотря на отсутствіе положительной аргументаціи въ ученіи о семейной общинѣ древнерусскихъ Славянъ, самая мысль о возможности существованія въ дорюриковскую эпоху смѣшанной социальной формы, основанной одновременно на началѣ кровнородовомъ и началѣ территориальномъ-экономическомъ, представляется намъ несомнѣннымъ прогрессомъ въ логическомъ развитіи понятій о началахъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ. Въ этомъ отношеніи семейно-общинная теорія составляетъ собою естественный переходъ одъ одностороннихъ понятій родовой и общинной теорій къ понятіямъ теоріи одновременнаго существованія и борьбы различныхъ началъ въ социальной организациі русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи.

VIII. Основанія теоріи одновременнаго существованія и борьбы различныхъ социальныхъ началъ и формъ въ политической жизни древнерусскихъ Славянъ.

Мысль объ одновременномъ существованіи различныхъ социальныхъ началъ, формъ и элементовъ населенія въ политической жизни

русскихъ Славянъ эпохи призванія Рюрика развита въ теорію М. Д. Затыркевичемъ ¹⁷⁴).

По мнѣнію г. Затыркевича всѣ изслѣдованія, касающіяся древнѣйшаго періода русской исторіи могутъ быть раздѣлены на два разряда: на изслѣдованія послѣдователей теоріи родового быта и изслѣдованія ихъ противниковъ. Въ понятіяхъ о происхожденіи государства какъ послѣдователи родовой теоріи такъ и ихъ противники придерживаются одного направленія: умозрительной теоріи саморазвитія государства, господствовавшей прежде въ политической литературѣ на западѣ Европы, но въ настоящее время почти всею тамъ оставленной. По этой теоріи, съ размноженіемъ людей, семейственный бытъ переходитъ въ родовой, родовой въ гражданскій, а изъ этого послѣдняго образуется государство. Положивъ въ основаніи своихъ воззрѣній о происхожденіи русскаго государства сказанную невѣрную теорію, изслѣдователи древнѣйшаго періода исторіи русскаго государства должны были натягивать историческіе факты на предвзятую теорію, должны были извратить дѣйствительный смыслъ социальныхъ явленій древнерусской политической жизни и прійти въ однихъ случаяхъ къ отрицанію прогресса въ политическомъ развитіи русскаго народа, а въ другихъ случаяхъ — къ отрицанію его самобытности. Картины политическаго состоянія народовъ востока Европы до временъ Рюрика, изображаемыя послѣдователями родовой теоріи и ихъ противниками, одинаково туманны, мечтательны и не соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности ¹⁷⁵). По смыслу ученія г. Затыркевича, русское государство, подобно всѣмъ другимъ государствамъ, возникло путемъ естественнаго преобладанія сильнѣйшихъ организмовъ надъ организмами слабѣйшими, путемъ завоеванія, насилія, и нѣтъ никакихъ основаній признавать началомъ русскаго государства время призванія Варяговъ. Политическое развитіе народовъ восточной Европы началось задолго до этого времени и государственныя отношенія были здѣсь такъ разнообразны, какъ разнообразна была образованность народцевъ и народовъ, здѣсь обитавшихъ. Въ то время какъ бродячіе и кочевые народы находились на той ступени политическаго развитія, которую принято называть бытомъ патріархальныхъ или родовымъ, устройство городского, осѣдлаго населенія совершенно соотвѣтствовало

тому государственному строю, съ котораго началась и на которомъ закончилась политическая жизнь древнихъ народовъ. Общественная организація русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи представляла собою не одну какую либо первобытную социальную форму, построенную на одномъ какомъ либо началѣ, а рядъ социальныхъ формъ, одновременно существовавшихъ и построенныхъ на одновременномъ дѣйствіи различныхъ началъ. Общественные союзы, основанные на началахъ кровномъ или родовомъ или патріархальномъ, договорномъ, территориальномъ и вообще экономическомъ, силы, завоеванія и вообще преобладанія сильнѣйшихъ организмовъ надъ организмами слабѣйшими, наконецъ, религіозномъ и вообще нравственнымъ, свойственны бродячимъ, кочевымъ и осѣдлымъ народамъ, съ тою разницею, что у бродячихъ и кочевыхъ народовъ отношенія родственныя преобладаютъ надъ отношеніями политическими, а у осѣдлыхъ народовъ, наоборотъ, отношенія политическія преобладаютъ надъ отношеніями родовыми. Въ IX столѣтіи всякое общество осѣдлаго состоянія, находившееся подъ властію славянскаго родоначальника, князя или боярина, называлось у русскихъ Славянъ родомъ; но этотъ родъ состоялъ изъ лицъ, чуждыхъ другъ другу своимъ происхожденіемъ и связанныхъ въ одно цѣлое связью чисто политической—зависимостью отъ одного родоначальника ¹⁷⁶).

Критическій анализъ теоріи г. Затыркевича открываетъ въ ней такіе же недостатки, какіе мы видѣли въ основаніи теорій политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, уже разобранныхъ нами. Критика В. И. Сергѣевича основательно находитъ въ основаніи теоріи г. Затыркевича недоказанныя положенія, внутреннія противорѣчія, неточность и неопредѣленность политическихъ понятій ¹⁷⁷).

Но ссылаясь на критику г. Сергѣевича, мы считаемъ необходимымъ оговориться: увлекаясь недостатками разбираемаго сочиненія почтенный критикъ упустилъ изъ виду его достоинства и пришелъ къ заключенію, по нашему убѣжденію, не вполне справедливому.

Въ приступѣ къ разбору интересующаго насъ изслѣдованія г. Затыркевича, г. Сергѣевичъ характеризуетъ его направленіе слѣдующими словами: „авторъ нигдѣ не довольствуется добытыми уже результатами нашей исторической науки, а вездѣ ищетъ новыхъ путей, вездѣ предлагаетъ *новыя рѣшенія*. *Отступленія* автора

отъ существующихъ воззрѣній касаются не одного какого либо вопроса и не мелкихъ частныхъ, о которыхъ въ каждой литературѣ и при всякомъ состояніи науки возможны споры; его нововведенія обнимаютъ всѣ существеннѣйшіе вопросы нашей исторіи и выходятъ далеко за предѣлы избраннаго имъ времени. Если доводы г. Затыркевича основательны, онъ начинаетъ новый періодъ въ обработкѣ нашей исторіи. Мы ничего не имѣемъ противъ такого направленія мыслей автора..... Но дѣло, конечно, не въ новизнѣ и оригинальности воззрѣній, а въ ихъ основательности. Доказали ли г. Затыркевичъ свои нововведенія? можемъ ли мы считать ихъ прочнымъ приобрѣтеніемъ науки?" 178). Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ заключительныхъ предложеніяхъ критики г. Сергѣевича, опредѣляющихъ значеніе изслѣдованія г. Затыркевича слѣдующими словами: „погоней за чисто внѣшними сходствами объясняется вся оригинальность воззрѣній автора. Ей въ жертву принесъ онъ и дѣйствительный смыслъ нашихъ источниковъ и характеристическія особенности нашего историческаго развитія" 179).

Разборъ частныхъ положеній теоріи г. Затыркевича, предложенный г. Сергѣевичемъ, и общій выводъ его критики приводятъ читателя, неимѣющаго подъ рукой подлинника критикуемаго сочиненія (къ сожалѣнію, оно издано въ незначительномъ количествѣ отдѣльныхъ оттисковъ, вышедшихъ изъ продажи уже въ первый годъ изданія), къ заключенію, по которому сочиненіе г. Затыркевича представляетъ собою верхъ несовершенства относительно современнаго состоянія науки русской исторіи: при отсутствіи какихъ бы то ни было достоинствъ, за исключеніемъ начитанности автора, оно отличается, будто-бы, только недостатками: произвольными отступленіями отъ принятыхъ въ наукѣ русской исторіи рѣшеній, слабостью аргументаціи собственныхъ воззрѣній, неточностью языка, невѣрностью логическихъ приемовъ и внутренними противорѣчіями 180). Между тѣмъ, безпристрастное сравненіе теоріи г. Затыркевича со всѣми другими теоріями политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, существующими въ наукѣ русской исторіи, приводитъ насъ къ совершенно иному заключенію: по обширности эрудиціи, самостоятельности и основательности воззрѣній сочиненіе г. Затыркевича оставляетъ за собою лучшія изъ новѣйшихъ изслѣдова-

ній, посвященныхъ вопросамъ о происхожденіи русскаго государства и формѣ политическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи.

Г. Сергѣевичъ особенно выставляетъ „отступленія” г. Затыркевича „отъ *всѣхъ принятыхъ въ науку русской исторіи рѣшеній*,” но при этомъ, нигдѣ не сопоставляетъ принятыхъ въ наукѣ рѣшеній съ рѣшеніями г. Затыркевича и нигдѣ не доказываетъ, почему первыя должны имѣть преимущество передъ послѣдними. А между тѣмъ, современное состояніе науки русской исторіи, основательность и справедливость критики необходимо требуютъ сказаннаго сопоставленія, точнаго указанія тѣхъ рѣшеній науки, какія разумѣть критикъ. Дѣло въ томъ, что въ наукѣ русской исторіи еще не существуетъ принятыхъ рѣшеній не только по второстепеннымъ вопросамъ науки, но и по вопросамъ самымъ существеннымъ; каковы вопросы: о происхожденіи русскаго государства, о формѣ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, о значеніи у нихъ князя, вѣча, города и пр. Каждый ученый рѣшаетъ эти вопросы въ направленіи той или другой предвзятой теоріи политическаго быта древнерусскихъ Славянъ и основываетъ эти рѣшенія на доказательствахъ, по его мнѣнію, вполне убѣдительныхъ; но въ результатѣ, по каждому вопросу, допускающему только одно какое либо рѣшеніе, наука получаетъ массу рѣшеній, основанныхъ одинаково на доказательствахъ, признаваемыхъ вполне убѣдительными ихъ авторами, но не убѣдительныхъ для послѣдователей другихъ теорій. Это явленіе должно привести каждого мыслителя, объективно изучающаго ученую литературу, свободнаго отъ предвзятыхъ воззрѣній существующихъ теорій политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, къ несомнѣнному убѣжденію, что наука не владѣетъ еще положительнымъ знаніемъ въ отношеніи вопросовъ древнѣйшаго періода нашей исторіи, что она стоитъ еще на степени гипотезъ и теоретическихъ построеній, а не положительныхъ рѣшеній, на степени теоріи, а не положительной науки. Это убѣжденіе высказано нами уже десять лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ, посвященной изученію современнаго состоянія въ наукѣ вопроса о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ русскаго народа въ эпоху Рюриковичей, когда, изучая ученую литературу совершенно объек-

тивно, единственно съ цѣлью пріобрѣсти знаніе того, что уже рѣшено наукою, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: „изложенныхъ фактовъ достаточно, чтобы освѣтить безотрадную картину научныхъ изысканій объ основаніи русскаго государства. Мнѣніе каждаго изъ ученыхъ подгрѣплено болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ доказательствъ, основано на источникахъ и обставлено такъ, что незнакомый по собственнымъ изысканіямъ съ источниками, по прочтеніи того или другаго мнѣнія, не можетъ съ нимъ не согласиться, а если прочтетъ нѣсколько мнѣній, то потеряетъ вѣру въ каждое. И это относится ко всѣмъ основнымъ вопросамъ такъ называемаго удѣльнаго періода русской исторіи и ко всѣмъ положеніямъ, на которыхъ основаны понятія о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ русскаго народа въ сказанную эпоху”¹⁸¹). Факты настоящаго сочиненія достаточно доказываютъ, что основные вопросы науки русской исторіи дорюриковскаго періода также нельзя считать рѣшенными. Сказанное убѣжденіе относительно современнаго состоянія науки о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи въ послѣдніе годы было высказываемо болѣе или менѣе ясно и другими изслѣдователями. Для примѣра, мы приведемъ здѣсь слова одного изъ нашихъ новѣйшихъ историковъ-юристовъ: „нельзя указать ни на одну теорію, говоритъ г. Леонтовичъ, которая окончательно установилась бы и господствовала въ наукѣ; напротивъ, *по всѣмъ основнымъ ея вопросамъ* встрѣчаемъ массу крайне разнообразныхъ воззрѣній и ученій, съ самыми противоположными и разнохарактерными направленіями, — воззрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой лабиринтъ личныхъ мнѣній и взглядовъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого выхода”¹⁸²). При такомъ состояніи науки безсодержательныя указанія на отступленія того или другаго автора отъ всѣхъ принятыхъ наукою рѣшеній не должны имѣть мѣста въ основательной ученой критикѣ. Дѣло критики должно ограничиться точнымъ сопоставленіемъ новыхъ воззрѣній, предлагаемыхъ въ новой теоріи, съ воззрѣніями прежнихъ теорій, сравненіемъ и разборомъ ихъ основаній и заключеніями о большей или меньшей ихъ вѣроятности.

Обширнымъ знаніямъ г. Затыркевича отдаетъ справедливость даже строгая критика г. Сергѣевича: „авторъ, говоритъ онъ, пере-

читалъ не только всѣ отечественные памятники, относящіяся къ изслѣдуемой имъ эпохѣ, но и очень многіе изъ времени позднѣйшаго. Въ его примѣчаніяхъ находимъ ссылки на Геродота, Страбона, Цезаря, Тацита, Ибнъ-Даста, Масуди, на современныя описанія жизни первобытныхъ народовъ Кавказа, Америки, Австраліи и пр. Начитанность автора, какъ въ русской исторической литературѣ, такъ и въ исторической литературѣ западныхъ народовъ, также весьма значительна" 183). Намъ остается только прибавить, что ссылокъ на сочиненія классическихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ писателей, у которыхъ имѣются указанія на политическій бытъ древнихъ и новыхъ, первобытныхъ и цивилизованныхъ народовъ, находимъ въ сочиненіи г. Затыркевича такъ много, а ведены онѣ такъ акуратно, что читатель имѣетъ полную возможность провѣрить аргументацію воззрѣній автора. Это послѣднее обстоятельство даетъ читателю возможность, при посредствѣ справки съ источниками воззрѣній автора, отдѣлить въ нихъ основательно доказанное отъ гипотетическихъ построеній, мнимо опирающихся на источники. Но, могутъ сказать намъ, это не достоинство одного ученаго изслѣдованія сравнительно съ другими, а необходимое условіе каждаго изслѣдованія, претендующаго на значеніе ученаго изслѣдованія. Совершенно вѣрно, отвѣтимъ мы; но замѣтимъ, что большинство новѣйшихъ изслѣдованій изъ области древнѣйшаго періода нашей исторіи, признаваемыхъ учеными и принадлежащихъ лучшимъ нашимъ историкамъ-юристамъ, какъ напримѣръ, гг. Соловьеву, Кавелину, Костомарову, Лешкову, Забѣлину, Леонтовичу и др., не считаютъ нужнымъ удовлетворить сказанному первому условію научныхъ изслѣдованій и, опираясь на источники, высказываютъ множество положеній, не приводя не только подлинныхъ словъ источниковъ, но даже ихъ названій и страницъ, и такимъ образомъ, лишая читателя возможности провѣрить аргументацію ихъ воззрѣній 184).

Г. Сергѣевичъ, выставляя на видъ отступленія г. Затыркевича отъ „всѣхъ” принятыхъ въ наукѣ русской исторіи воззрѣній, тѣмъ не менѣе, обошелъ молчаніемъ самое важное отступленіе, которымъ объясняется общій смыслъ теоріи г. Затыркевича и значеніе его „нововведеній” по вопросамъ болѣе частнымъ; это — отступленіе отъ единственнаго положенія, которое можно считать общепризнаннымъ

въ новѣйшей литературѣ и по которому происхожденіе русскаго государства относится ко времени призванія Рюрика.

По мнѣнію историковъ и ученыхъ юристовъ, со времени Шлецера до г. Затыркевича, у русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи не было государства: они жили, по различію теорій, или автономическими семействами и родами, или территоріальными общинами, или семейными общинами, то есть первобытными социальными формами, отличными отъ позднѣйшей социальной формы — государства; государство появляется у русскихъ Славянъ со времени призванія Рюрика. Послѣдователи различныхъ теорій старались разрѣшить вопросъ о началахъ политическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи; но ихъ изслѣдованія составляли только введеніе въ исторію русскаго государства, а не начальную, первую главу самой исторіи. Событіе призванія Рюрика всѣми историками признавалось тою границею времени, до которой русскіе Славяне были первобытнымъ, догосударственнымъ народомъ, а послѣ которой они дѣлаются народомъ государственнымъ. Это воззрѣніе высказано въ ученой литературѣ впервые Шлецеромъ безъ всякихъ доказательствъ и мы напрасно искали доказательствъ въ пользу этого воззрѣнія въ новѣйшей литературѣ. Различіе политическихъ формъ обуславливается различіемъ началъ, лежащихъ въ основаніи политико-юридическихъ отношеній народовъ, живущихъ въ той или другой социальной формѣ; но въ ученой литературѣ мы не нашли положительныхъ доказательствъ въ пользу мнѣнія о различіи началъ, лежащихъ въ основаніи политико-юридическихъ отношеній русскаго народа до времени призванія Рюрика и послѣ него. Не смотря на множество недоразумѣній, порожденныхъ въ наукѣ русской исторіи принятіемъ мнѣнія о происхожденіи русскаго государства со времени Рюрика, завѣтъ Шлецера о введеніи въ русскую исторію и началъ русскаго государства съ 862 года удержался въ наукѣ до настоящаго времени, мы думаемъ, только потому, что казалось невозможнымъ пополнить нашу исторію до Рюрика историческимъ матеріаломъ.

Г. Затыркевичъ обращается къ широкому приложенію сравнительнаго метода въ обработкѣ историческихъ матеріаловъ и вполне логично приходитъ къ новому рѣшенію вопросовъ о формѣ поли-

тического быта русских Славянъ дорюриковской эпохи и времени происхожденія русскаго государства. Нѣтъ основанія, говоритъ онъ, считать началомъ русскаго государства время призванія Рюрика; политическое развитіе народовъ восточной Европы началось задолго до временъ Рюрика и государственныя отношенія были здѣсь также разнообразны, какъ разнообразна была образованность народцевъ, здѣсь обитавшихъ. Первоначальное образованіе государственныхъ отношеній на востокъ Европы относится къ глубочайшей древности, ко времени первоначальнаго появленія борьбы между различными народами и народцами на востокъ Европы и подчиненія слабѣйшихъ сильнѣйшимъ. Соціальныя формы дорюриковской эпохи не отличались въ юридическомъ отношеніи отъ соціальныхъ формъ послѣдующаго времени. Но, могутъ возразить, что лѣтописи не говорятъ того, что утверждаетъ г. Затыркевичъ. На это возраженіе мы отвѣтимъ: во первыхъ, лѣтописи не противорѣчатъ сказаннымъ выводамъ г. Затыркевича; во вторыхъ, было бы наивно ожидать отъ лѣтописей, дающихъ свѣдѣнія о древнерусскихъ Славянахъ на пяти страницахъ, представляющихъ собою болѣе сказки, нежели фактическія данныя, отвѣтовъ на всѣ тѣ вопросы, которые интересуютъ историка-юриста настоящаго времени; наконецъ, въ третьихъ, давно пора убѣдиться, что однихъ лѣтописныхъ извѣстій недостаточно ни для извлеченія положительнаго знанія вопросовъ древнѣйшаго періода русской исторіи, ни для отраженія ложныхъ гипотезъ и теорій. По этимъ вопросамъ лѣтописныя извѣстія такъ эластичны, что могутъ быть подведены подъ какую угодно теорію и если бы въ распоряженіи науки имѣлся только лѣтописный матеріалъ, то давно слѣдовало бы отказаться отъ возможности положительнаго знанія древнѣйшаго періода русской исторіи и прекратить бесполезную трату средствъ и способностей, идущихъ на разработку этого неблагодарнаго матеріала. Но въ новѣйшее время открыты положительныя средства дополнить извѣстія нашихъ лѣтописей о началахъ политической организаціи древнерусскихъ Славянъ и освѣтить истиннымъ свѣтомъ ихъ темныя стороны. Между такими средствами являются: 1, сравнительное изученіе историческихъ памятниковъ различныхъ народовъ и различныхъ историческихъ эпохъ; 2, сравнительное изученіе политико-юридическаго быта современныхъ наро-

довъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Сравненіе памятниковъ обычнаго права и законодательства различныхъ народовъ доказало, что „потребности у различныхъ народовъ были очень сходны въ извѣстныя эпохи ихъ развитія и проявлялись въ созданіи учреждений повсюду одинаковыхъ; а слѣдовательно, сравнительный методъ изученія историческихъ памятниковъ является дѣйствительнымъ средствомъ пополненія пробѣловъ въ историческихъ памятникахъ одного народа историческими памятниками другихъ народовъ”¹⁸⁵). Наблюденіе политико-юридическаго быта у современныхъ низшихъ расъ челоуѣческаго рода, въ свою очередь, доказало, „что различные народы, стоящіе на одинаковой ступени политическаго развитія, представляютъ больше сходственныхъ чертъ политико-юридической организаціи, нежели одинъ и тотъ же народъ въ различные періоды его исторіи; что свидѣтельства современныхъ путешественниковъ, описывающихъ бытъ первобытныхъ народовъ, даютъ такія же важныя указанія для исторіи права современныхъ цивилизованныхъ народовъ, какъ и свидѣтельства древнихъ писателей, подобныхъ Тациту;” слѣдовательно, сравнительное изученіе политико-юридическаго быта народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, является могущественнымъ средствомъ познанія древности¹⁸⁶).

Г. Затыркевичъ впервые въ нашей литературѣ воспользовался въ широкихъ размѣрахъ сказанными средствами разъясненія и дополненія лѣтописныхъ извѣстій, относящихся къ вопросамъ о формѣ политическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи и времени происхожденія русскаго государства. Сравнивая древнѣйшіе историческіе памятники современныхъ цивилизованныхъ народовъ и изучая начала политической организаціи современныхъ первобытныхъ народовъ, онъ приходитъ къ заключенію, по которому политическая организація всѣхъ народовъ, бродячихъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ цивилизаціи, представляетъ собою не одну какую либо соціальную форму, родъ или общину, построенную на одномъ началѣ, родовомъ или договорномъ, а рядъ социальныхъ формъ, основанныхъ на различныхъ началахъ. Сложностью началъ политической организаціи и борьбою обусловленныхъ ими различныхъ элементовъ въ составѣ насе-

лешія опредѣляется характеръ политическаго строя даннаго народа въ данную эпоху и направленіе его дальнѣйшаго развитія. Если же различные виды общественныхъ союзовъ существуютъ одновременно у всѣхъ народовъ, на какой бы ступени цивилизаціи они не стояли, то нѣтъ никакихъ основаній признавать у русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи существованіе только одной соціальной формы.

Сказанное убѣждаетъ насъ, что теорія г. Затыркевича по крайней мѣрѣ столько же основательна, какъ и теорія родовая, общинная и семейно-общинная.

Повторяемъ, что мы не отрицаемъ въ теоріи г. Затыркевича важныхъ недостатковъ, указанныхъ г. Сергѣевичемъ; но, сравнивая его воззрѣнія съ воззрѣніями другихъ ученыхъ, мы приходимъ къ заключенію, что слабость аргументаціи, неосновательность въ объясненіи значенія древнерусскаго князя, города и вѣча, внутреннія противорѣчія въ содержаніи воззрѣній и неопредѣленность политическихъ понятій свойственны теоріи г. Затыркевича въ такой же степени, въ какой онѣ свойственны всѣмъ другимъ теоріямъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ; а слѣдовательно, въ отношеніи недостатковъ изслѣдованіе г. Затыркевича не ниже всѣхъ другихъ изслѣдованій, существующихъ въ ученой литературѣ по тому же предмету и пользующихся заслуженнымъ уваженіемъ. Въ отношеніи же обширности эрудиціи, самостоятельности и основательности выводовъ сочиненіе г. Затыркевича оставляетъ за собою лучшія изъ новѣйшихъ изслѣдованій въ области древнѣйшаго періода русской исторіи.

Предложенный очеркъ литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика убѣждаетъ насъ, что знаніе древнѣйшаго періода исторіи русскаго права развивается прогрессивно, подобно знанію наукъ положительнаго характера. Въ историческомъ развитіи каждой науки, стоящей въ настоящее время на ступени положительной науки, различаются три послѣдовательныя ступени: на первой изъ нихъ собираются факты извѣстнаго содержанія, сортируются и приводятся въ систему; на второй — возникаютъ гипотезы и теоріи,

съ цѣлью объяснить собранные факты, пополнить пробѣлы въ ихъ системѣ, на основаніи извѣстнаго опредѣлить неизвѣстное и составить цѣлостное представленіе изучаемаго предмета, опредѣлить начала и законы его существованія; на третьей — гипотезы и теоріи снѣваются несомнѣннымъ, положительнымъ знаніемъ, то есть знаніемъ, основаннымъ на фактахъ безспорныхъ, очевидныхъ, для всѣхъ одинаково убѣдительныхъ. Собираніе фактовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права началось у насъ со времени появленія перваго лѣтописнаго свода и продолжается до настоящаго времени. Въ XVIII столѣтіи, рядомъ съ развитіемъ науки въ дѣлѣ собиранія фактовъ, является стремленіе подвести собранные факты подъ общія начала, опредѣлить законы развитія русской исторіи, создать теорію развитія русской гражданственности. Сначала попытки въ этомъ направленіи очень слабы, теоретическія построенія произвольны; но мало по малу слабыя теоріи пораждаютъ болѣе основательныя, а теорія новѣйшаго времени, какъ намъ кажется, стоитъ уже на степени близкой къ положительному знанію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Источники познанія началъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика и методы ихъ ученой разработки.

Не смотря на постепенный и несомнѣнный прогрессъ въ развитіи научныхъ воззрѣній въ отношеніи началъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика, наука настоящаго времени еще не владѣетъ положительными рѣшеніями основныхъ вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права. Въ отношеніи самыхъ существенныхъ вопросовъ мы встрѣчаемъ въ современной ученой литературѣ различныя рѣшенія, изъ которыхъ каждое основано на доказательствахъ, по мнѣнію ихъ авторовъ, вполнѣ убѣдительныхъ; но что эти доказательства не имѣютъ положительнаго характера, въ томъ убѣждаетъ уже простое сопоставленіе разнообразныхъ рѣшеній, противорѣчащихъ другъ другу, по такимъ вопросамъ, гдѣ истиннымъ можетъ быть только одно рѣшеніе. Если, напримѣръ, на вопросъ о формѣ политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика современные ученые, опираясь одинаково на источники, отвѣчаютъ различно, то очевидно, что этотъ существенный вопросъ, рѣшеніемъ котораго обуславливается знаніе степени гражданственности нашихъ предковъ въ сказанную эпоху, остается еще спорнымъ въ наукѣ, нерѣшеннымъ. Тоже разногласіе мы встрѣчаемъ въ современной ученой литературѣ по отношенію къ другимъ основнымъ вопросамъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права: значенія у древнерусскихъ Славянъ княжеской власти, народныхъ собраній, городовъ, раздѣленія народонаселенія на классы, самосуда, поземельной собственности и т. д.; по всѣмъ этимъ вопросамъ мы находимъ въ литературѣ не безпор-

ные, положительные выводы, а болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы и теоріи.

Но наука не можетъ удовольствоваться состояніемъ теоріи. Теорія оправдывается въ наукѣ только какъ необходимая, посредствующая, вспомогательная ступень къ безспорному, положительному знанію, вполне соответствующему исторической дѣйствительности.

Сказанными обстоятельствами для новаго изслѣдователя, приступающаго къ изученію древнѣйшаго періода исторіи русскаго права, обуславливается предварительная постановка и рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: 1, возможно ли положительное знаніе въ отношеніи началъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи? 2, гдѣ причина разногласія послѣдователей различныхъ теорій политическаго быта древнерусскихъ Славянъ и почему. свидѣтельства источниковъ, убѣждающія однихъ ученыхъ въ вѣрности данныхъ выводовъ, кажутся неубѣдительными для другихъ? На рѣшеніи этихъ вопросовъ прежде всего должно быть сосредоточено вниманіе новѣйшаго историка-юриста, если онъ не желаетъ быть слѣпымъ послѣдователемъ той или другой изъ существующихъ теорій и ищетъ въ наукѣ не гипотезъ и теорій, а знанія безспорнаго, положительнаго.

Рѣшеніе перваго изъ поставленныхъ нами вопросовъ обуславливается знаніемъ количества и качества средствъ, состоящихъ въ распоряженіи науки по интересующему насъ предмету, количества и качества источниковъ познанія началъ, лежащихъ въ основаніи политико-юридическихъ отношеній древнерусскихъ Славянъ. Рѣшеніе втораго вопроса обуславливается знаніемъ существующихъ способовъ употребленія сказанныхъ средствъ для достиженія научныхъ цѣлей, знаніемъ существующихъ въ ученой литературѣ методовъ разработки историческихъ памятниковъ.

Такимъ образомъ, мы пришли къ необходимости познакомиться съ источниками современныхъ теорій политическаго быта древнерусскихъ Славянъ и существующими способами ученой разработки источниковъ.

Средства рѣшенія вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права, состоящія въ распоряженіи науки настоящаго времени, могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ: 1, лѣтописные или письменные памятники; 2, вещественные памятники; 3, архаич-

ческія черты политико-юридическихъ отношеніи, сохранившіяся въ современномъ бытѣ русскаго народа; 4, выводы сравнительнаго изученія явленій общественной жизни народовъ, стоящихъ или стоявшихъ прежде на степени гражданственности, подобной степени, на которой стояли Славяне въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи.

Мы остановимся на вопросахъ о количествѣ источниковъ каждой группы, качествѣ сообщаемыхъ ими свѣдѣній, существующихъ способахъ пользованія ими для достиженія научныхъ цѣлей и наилучшемъ способѣ пользованія по нашему мнѣнію.

1. Лѣтописные или письменные источники.

Къ первой группѣ источниковъ относятся: 1, древнерусскій лѣтописный сводъ, извѣстный въ ученой литературѣ подъ названіями лѣтописи Нестора и начальной русской лѣтописи; 2, сказанія иноземныхъ писателей о восточныхъ обитателяхъ Европы съ древнѣйшихъ временъ до X вѣка включительно.

1. Подъ названіемъ начальной русской лѣтописи и лѣтописи Нестора извѣстенъ въ литературѣ лѣтописный сводъ, лежащій въ основаніи большей части нашихъ лѣтописей, составленный въ началѣ XII в. и дошедшій до нашего времени во множествѣ списковъ, изъ которыхъ самыя древніе относятся къ XIV и XV вв. ¹⁾ Въ началѣ этого свода имѣется слѣдующее заглавіе (по Ипатск. списку): „Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Федосьева монастыря печерскаго, откуда есть пошла Руская земля и хто внеи почалъ первѣе княжити;” а въ концѣ его—слѣдующее заключеніе: (по Лавр. списку подъ 1110 годомъ): „Игуменъ Селиверстъ святого Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменеящю у святого Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чететь книги сія, то буди мы въ молитвахъ” ²⁾.

Прежніе изслѣдователи сказанное заглавіе относили ко всему начальному своду русскихъ лѣтописей, оканчивающемуся въ Лаврентьевскомъ спискѣ 1110 годомъ; но новѣйшими изслѣдователями основательно защищается мнѣніе, по которому это заглавіе относится только къ началу свода, къ первоначальной повѣсти, въ которой

сообщаются свѣдѣнія о первоначальномъ разселеніи Славянъ въ предѣлахъ современной намъ Россіи, водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное морѣ, путешествіи Андрея Первозваннаго въ предѣлахъ Россіи, первоначальной жизни Полянъ, княженіяхъ древнерусскихъ Славянъ, сосѣдяхъ русскихъ Славянъ Финскаго и Литовскаго происхожденія, семейныхъ нравахъ и обычаяхъ древнерусскихъ Славянъ, подчиненіи южнорусскихъ славянскихъ племенъ Хозарамъ, а сѣвернорусскихъ Варягамъ, изгнаніи Варяговъ и, наконецъ, призваніи Рюрика съ братьями и княженьи Рюрика въ Новгородѣ³⁾. Слѣдовательно, содержаніе „Повѣсти временныхъ лѣтъ” относится непосредственно къ періоду времени, интересующему насъ въ настоящее время. Но извѣстія начального лѣтописнаго свода относительно быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи не ограничиваются только извѣстіями „Повѣсти;” въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, рассказывая о событіяхъ эпохи первыхъ рюриковичей, особенно о завоеваніяхъ первыхъ рюриковичей и мщеніи Ольги Древлянамъ за убійство Игоря, составитель начального лѣтописнаго свода сообщаетъ свѣдѣнія относительно быта русскихъ Славянъ предыдущей эпохи. Но вообще извѣстія лѣтописнаго свода относительно политическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи и въ эпоху призванія Рюрика такъ кратки, что, соединивъ ихъ въ одно цѣлое, мы получимъ не болѣе пяти страницъ.

При количественной бѣдности, извѣстія начального лѣтописнаго свода представляются намъ очень худымъ историческимъ матеріаломъ въ качественномъ отношеніи, въ отношеніи ихъ ясности и исторической достовѣрности.

Во первыхъ, начальный сводъ русскихъ лѣтописей дошелъ до нашего времени не въ его первоначальномъ видѣ, а видѣ обезображенномъ. Подлинникъ составленъ въ XII вѣкѣ, а древнѣйшіе изъ имѣющихся въ распоряженіи науки списковъ принадлежатъ XIV и XV вѣкамъ. Сличая тексты различныхъ списковъ, дошедшихъ до нашего времени, мы находимъ въ нихъ большія искаженія первоначальнаго текста: описки, пропуски, позднѣйшія вставки и поправки. Сличая, напримѣръ, извѣстіе о призваніи Рюрика по различнымъ спискамъ, мы находимъ что въ однихъ спискахъ сказано „вста родъ на родъ,” а въ другихъ

„вста городъ на городъ;” въ однихъ „идоша къ Руси,” а въ другихъ „идоша изъ Руси;” одни списки называютъ Ладогу мѣстомъ первоначальнаго поселенія Рюрика, а другіе Новгородъ; одни говорятъ о борьбѣ Новгородцевъ съ Рюрикомъ въ 864 году, другіе ничего не знаютъ объ этой борьбѣ; одни указываютъ время рожденія Игоря подъ однимъ годомъ, другіе подъ другимъ, а третьи о немъ вовсе умалчиваютъ; и т. д. Возстановить истинный текстъ первоначальнаго свода, отличить описки, сокращенія и дополненія позднѣйшихъ переписчиковъ, не смотря на всѣ усилія новѣйшей ученой критики, не всегда возможно. Во вторыхъ, начальный лѣтописный сводъ составленъ въ началѣ XII вѣка, слѣдовательно, за семь съ половиною столѣтій до нашего времени. Въ то время многимъ выраженіямъ и словамъ, какъ напримѣръ: родъ, городъ, князь, правда, судъ и т. д., соотвѣтствовали понятія, совершенно отличныя отъ понятій, связанныхъ съ этими словами въ настоящее время; нѣкоторыя выраженія и слова, какъ напримѣръ, вѣче, челядь, область (въ смыслѣ власти) и т. д., вовсе вышли изъ употребленія и замѣнены другими. Эти обстоятельства дѣлаютъ многія извѣстія лѣтописнаго свода непонятными для читателя нашего времени и ученой критикѣ настоящаго времени стоитъ иногда большаго труда понять истинный смыслъ того или другаго слова или выраженія, опредѣляющаго собою истинный смыслъ даннаго историческаго извѣстія; какъ напр., слова *родъ* въ извѣстіи о первоначальномъ бытѣ Полянъ, слова *княженъе* въ извѣстіи о первоначальныхъ княженяхъ дреннерусскихъ Славянъ, слова *бракъ* и выраженія *брачный обычай* въ извѣстіи о семейныхъ обычаяхъ Полянъ и Древлянъ и т. д. Наконецъ, въ третьихъ, начальный лѣтописный сводъ составленъ монахомъ XII вѣка, поборникомъ новой религіи въ его государствѣ, человѣкомъ, который считаетъ долгомъ своимъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, читать проповѣдь его современникамъ и грядущимъ поколѣніямъ и пишетъ свое повѣствованіе, „надѣясь отъ Бога милость пріяти.” На историческіе факты онъ смотритъ съ предубѣжденіемъ; историческія событія представляются ему въ одностороннемъ свѣтѣ; то, что кажется намъ сомнительнымъ и невозможнымъ является въ глазахъ лѣтописца вполне вѣроятнымъ и дѣйствительнымъ, заносится въ лѣтопись предпочтительно

предъ событіями дѣйствительно крупными. Сказки записываются рядомъ съ преданіями и несомнѣнными историческими событіями; а такъ какъ разстояніе между вымыслами фантазіи, народными преданіями и подлинными историческими извѣстіями очень эластично, то современному читателю лѣтописи часто бываетъ чрезвычайно трудно, а иногда совершенно невозможно, отдѣлить въ сказаніяхъ лѣтописца сказки отъ преданій, преданія отъ достовѣрныхъ извѣстій о дѣйствительныхъ историческихъ фактахъ. Въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ находимъ много извѣстій очевидно баснословныхъ. Таковы, напримеръ, извѣстія: подъ 919 годомъ о смерти Олега, происшедшей отъ укушенія змѣи, по предсказанію кудесника; подъ 1092 годомъ о странныхъ явленіяхъ въ Полоцкѣ, мертвецахъ и бѣсахъ, убивавшихъ Полочанъ, рѣшавшихся выходить на улицы города изъ домовъ своихъ; подъ 1096 годомъ о жителяхъ Лукоморья, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ; подъ 1114 годомъ о маленькихъ животныхъ, спадающихъ съ облаковъ во время грозы въ Югрѣ и Самояди, тотчасъ вырастающихъ и расходящихся по землѣ; и т. д. Такихъ невозможностей у нашего лѣтописца множество ⁴⁾. Но рядомъ съ такими извѣстіями, сказочный характеръ которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, находимъ въ лѣтописномъ сводѣ еще большее количество извѣстій, въ которыхъ невозможно провести границу между дѣйствительнымъ фактомъ и сказкой. Такой же характеръ имѣютъ все извѣстія начального лѣтописнаго свода, за исключеніемъ извѣстій географическихъ, начиная съ повѣствованія о расселеніи сыновъ Ноевыхъ по землѣ и оканчивая описаніемъ смерти Олега. Изъ нихъ извѣстія о первоначальной, особой жизни Полянъ и звѣрскихъ обычаяхъ Древлянъ долго служили основаніями историческаго міровоззрѣнія историковъ-юристовъ въ отношеніи вопросовъ древнѣйшаго періода нашей исторіи; но критика новѣйшаго времени отрицаетъ историческую достовѣрность этихъ извѣстій, какъ увидимъ ниже, основательными аргументами.

Въ силу сказаннаго, начальный лѣтописный сводъ самъ по себѣ, какъ по количеству, такъ и по качеству сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, представляется намъ средствомъ недостаточнымъ для достиженія положительнаго знанія въ отношеніи вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права.

Недостатокъ домашнихъ, отечественныхъ письменныхъ памятниковъ познанія древнѣйшаго періода русской исторіи и исторіи русскаго права историкъ-юристы со времени Татищева старались пополнить сказаніями иностранныхъ писателей, сообщающихъ свѣдѣнія о древнѣйшихъ обитателяхъ востока Европы вообще и русскихъ Славянахъ въ частности ⁵⁾. По времени, сказанія иностранцевъ раздѣляются на сказанія, принадлежащія классическимъ писателямъ, и сказанія, принадлежащія писателямъ средневѣковымъ.

Изучая сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ древнерусскихъ Славянъ, нельзя не согласиться со Шлецеромъ, что эти сказанія очень мало прибавляютъ къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ нашимъ начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ.

Сказанія классическихъ писателей не имѣютъ положительнаго характера въ отношеніи положительнаго рѣшенія вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскихъ Славянъ уже потому, что Геродотъ, Плиніи, Страбонъ, Тацитъ, Птоломей, Маркіанъ Гераклеискій и другіе классическіе писатели, сообщая свѣдѣнія о древнѣйшихъ обитателяхъ востока Европы, называютъ ихъ общими именами Скифовъ и Сарматъ, а перечисляя мѣстныя имена, не называютъ имени Славянъ. Послѣ доказательства древности Славянъ въ Европѣ, собранныхъ Шафарикомъ, невозможно сомнѣваться, что подъ общими именами Скифовъ и Сарматъ древніе Греческіе и Римскіе писатели разумѣли и нашихъ предковъ—Славянъ; но тѣмъ не менѣе, пока наука не получитъ безспорнаго отвѣта на вопросъ: какіе изъ древнихъ Скифскихъ и Сарматскихъ народовъ должны быть признаны народами славянскаго происхожденія? до тѣхъ поръ сказанія классическихъ писателей о древнѣйшихъ обитателяхъ востока Европы не будутъ имѣть значенія прямыхъ источниковъ познанія древнѣйшаго періода исторіи русскихъ Славянъ; по крайней мѣрѣ, выводы, основанные на этомъ видѣ источниковъ, будутъ сомнительны ⁶⁾.

Не много положительныхъ свѣдѣній для древнѣйшаго періода исторіи древнерусскихъ Славянъ сообщаютъ намъ и писатели средневѣковые, относящіеся ко времени, когда предки наши появляются въ исторіи съ именемъ Славянъ. Въ ученой литературѣ насчитывается болѣе 30 именъ южныхъ, западныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ писа-

телей, въ сказаніяхъ которыхъ имѣются извѣстія о нравахъ и бытѣ древнихъ Славянъ. Но въ большинствѣ извѣстій иностранцевъ мы находимъ только имя Славянъ и географическія указанія на мѣста ихъ жительства. Вся совокупность сказаній иностранцевъ, прямо или косвенно относящихся къ интересующему насъ вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика, не превышаетъ 10 извѣстій, въ качественномъ отношеніи не выше достоинства извѣстій начальной русской лѣтописи ⁷⁾).

Пониманіе подлиннаго смысла сказаній иностранныхъ писателей встрѣчаетъ тѣже трудности, о какихъ мы говорили по поводу извѣстій начального русскаго лѣтописнаго свода. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мы встрѣчаемся съ искаженіями первоначальныхъ подлинниковъ древнихъ рукописей позднѣйшими ихъ переписчиками, со словами и выраженіями, вышедшими изъ употребленія и смыслъ которыхъ съ теченіемъ времени измѣнился, такъ что въ настоящее время не всегда возможно опредѣлить ихъ подлинное значеніе въ данномъ извѣстіи. Часто одно и тоже извѣстіе допускаетъ различныя толкованія и новѣйшіе историки имѣютъ полную возможность подвести его подъ какое угодно направленіе. Такъ напримѣръ, Юрнандъ, Готскій историкъ VI вѣка, впервые упоминающій имя Славянъ между обитателями Европы, сообщаетъ слѣдующее извѣстіе: „*Sclavini a civitate Novitunense et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum et in Boream Vistula tenus, commorantur. Hi paludes silvasque pro civitatibus habent*” ⁸⁾). Это извѣстіе можно встрѣтить въ каждомъ сочиненіи по исторіи Славянъ, какъ доказательство того или другаго воззрѣнія автора въ отношеніи характера политическаго быта древнихъ Славянъ. А между тѣмъ, въ немъ нѣтъ ни одного безспорнаго выраженія, истинный смыслъ котораго можно было бы признать волюгь доказаннымъ. Относительно первой части извѣстія, опредѣляющей границы земли Славянской въ VI вѣкѣ, въ ученой литературѣ существуетъ семь различныхъ толкованій, изъ которыхъ одни разширяютъ границы земли Славянъ въ VI вѣкѣ до нынѣшняго Новгорода на озерѣ Ильмень, а другія отыскиваютъ Новетунскій городъ и Музіанское озеро въ предѣлахъ нынѣшней Валахіи ⁹⁾). Вторая часть приведеннаго извѣстія переведена Шлецеромъ слѣдующими словами: „Славяне жи-

вуть въ болотахъ и лѣсахъ”¹⁰⁾. Въ этомъ переводѣ извѣстiе Юрнанда служило и служить многимъ историкамъ настоящаго времени доказательствомъ въ пользу мнѣнiя о несуществованiи городовъ у Славянъ въ VI вѣкѣ¹¹⁾. Шафарикъ тоже извѣстiе переводить слѣдующими словами: „у Славянъ болота и лѣса замѣняютъ города,” а въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что „извѣстiе Юрнанда: „*hi paludes silvasque pro civitatibus habent,*” съ которымъ выступалъ и самъ Добровскiй противу древнихъ Славянъ, значить ни болѣе, ни менѣе, какъ только то, что у древнихъ Славянъ болота и лѣса замѣняли укрѣпленiя”¹²⁾. По толкованiю Шлецера и его послѣдователей это извѣстiе Юрнанда характеризуетъ быть древнихъ Славянъ; по толкованiю Шафарика и его послѣдователей оно относится къ характеру страны славянской, а не къ характеру ихъ политическаго быта и вовсе не доказываетъ отсутствiя городовъ у Славянъ въ VI вѣкѣ. Другое извѣстiе, имѣвшее также громадное влiянiе на направление воззрѣнiй въ ученой литературѣ по отношенiю къ вопросу о характерѣ политическаго быта древнихъ Славянъ вообще и русскихъ Славянъ въ частности, принадлежащее византийскому сенатору Прокопiю, также писателю VI вѣка, переведено Шлецеромъ слѣдующими словами: „нѣкогда Славяне и Анты имѣли одно названiе; ибо древнiе обоихъ называли Σπορες, думаю потому, что они живутъ σποραδῆ, т. е. разсѣянно, въ шалашахъ, изрѣдка разставленныхъ, отъ чего и занимаютъ великое пространство. Они кочуютъ (подобно Номадамъ) по большей части лѣваго берега Дуная”¹³⁾. Въ переводѣ Шафарика тоже извѣстiе получаетъ совершенно иной смыслъ: „Передъ этимъ Славяне и Анты имѣли одно имя, потому что оба они въ древности назывались Спорами, отъ того, думаю, что жили въ разбросанныхъ, тамъ и сямъ, селенiяхъ: вотъ почему они и занимаютъ такiя огромныя земли; и въ самомъ дѣлѣ большая часть странъ по ту сторону Истра принадлежитъ имъ”¹⁴⁾ Приведенными примѣрами не ограничивается количество извѣстiй иностранныхъ писателей, различно понимаемыхъ въ ученой литературѣ. Напротивъ, мы не знаемъ въ сказанiяхъ иностранныхъ писателей ни одного извѣстiя, относящагося къ вопросу о политическомъ бытѣ древнихъ Славянъ, подлинный смыслъ котораго

былъ бы восстановленъ въ ученой литературѣ вполне ясно и безспорно.

Но допустимъ, что ученая критика, рано или поздно, восстановитъ подлинный текстъ сказаній иностранцевъ о бытѣ древнихъ Славянъ и достигнетъ пониманія истиннаго смысла этихъ сказаній. Этимъ результатомъ все же не можетъ окончиться дѣло ученой критики. Ея дальнѣйшею задачею будетъ отдѣлать въ сказаніяхъ иностранцевъ вымыслы фантазіи и невольныя заблужденія писателей отъ повѣствованій, соответствующихъ исторической дѣйствительности, и мы еще не знаемъ, что останется въ качествѣ положительнаго историческаго матеріала отъ сказаній иностранцевъ послѣ повѣрки ихъ способами высшей ученой критики источниковъ.

Можно придавать сказаніямъ иностранцевъ особенное значеніе по слѣдующимъ причинамъ. Иностранцы, какъ люди посторонніе, могли дѣлать наблюденія точнѣе и безпристрастнѣе туземцевъ; точнѣе потому, что иностранецъ обращаетъ вниманіе на такія стороны народнаго быта, на которыхъ туземецъ не останавливается, какъ на слишкомъ для него обыкновенныхъ; а безпристрастнѣе потому, что иностранцу нѣтъ надобности скрывать истину въ виду какихъ либо практическихъ цѣлей. Нельзя отрицать, что въ этихъ соображеніяхъ есть доля правды; но съ другой стороны, нельзя не согласиться, что иностранцу труднѣе узнать истину, нежели туземцу. Дѣйствительно, иностранцу бросаются въ глаза явленія, необычныя въ его странѣ; но съ другой стороны онъ легко впадаетъ въ ошибки, обобщая частныя явленія, довѣря невѣрнымъ рассказамъ и невѣрнымъ переводамъ, когда онъ не знаетъ языка туземцевъ. Сверхъ того, въ повѣствованіяхъ иностранцевъ, путешественниковъ-очевидцевъ, часто истина отходитъ на второй планъ предъ желаніемъ украсить рассказъ и тѣмъ возбудить къ нему большій интересъ читателя. Наконецъ, путешественникъ является въ чужую страну со своими національными, политическими и религіозными предрасудками, смотритъ односторонно на чуждые ему обычаи и часто осуждаетъ то, чего онъ не понимаетъ; если же онъ не доволенъ ходомъ дѣлъ въ своей странѣ, а въ чужой находитъ что либо подходящее къ его идеаламъ, то можетъ преувеличить хорошія стороны обыкновеннѣй чужой земли.

Современный намъ путешественникъ, баронъ А. Гакстаузенъ, будучи въ Россіи, вѣроятно, слышалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мальчики женятся на взрослыхъ дѣвицахъ (это обыкновеніе дѣйствительно существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ Россіи и у нѣкоторыхъ племенъ сибирскихъ инородцевъ), съ цѣлью получить этимъ путемъ для своей семьи лишнюю работницу. Гакстаузенъ обобщилъ это явленіе и свидѣтельствуетъ, что „русскіе крестьяне женятъ восьми и десятилѣтнихъ мальчиковъ на двадцати пяти и тридцати-лѣтнихъ дѣвушкахъ; нерѣдко случается видѣть, какъ новобрачны носятъ своихъ дѣтей на рукахъ.” Это казусное извѣстіе повторяется теперь въ ученыхъ сочиненіяхъ западно-европейской литературы, какъ несомнѣнный фактъ, какъ свидѣтельство очевидца ¹⁵⁾. Множество подобныхъ анекдотовъ встрѣчается въ сказаніяхъ путешественниковъ новаго времени; но мы имѣемъ возможность убѣдиться въ невѣрности ихъ посредствомъ знакомства съ дѣйствительнымъ, настоящимъ бытомъ русскаго народа. Но предположимъ, что извѣстіе барона Гакстаузена встрѣчено нами не въ сказаніяхъ иностранцевъ XIX столѣтія, а въ сказаніяхъ иностранцевъ VI—IX вѣковъ; не имѣя возможности провѣрить его изученіемъ дѣйствительнаго народнаго быта, какъ существующаго факта, мы были бы принуждены составить о предметѣ рѣчи понятіе, несоотвѣтствующее исторической дѣйствительности.

II. Въ отношеніи вопроса о достоинствѣ лѣтописныхъ источниковъ познанія началъ политико-юридической организаціи древнерусскихъ Славянъ и способовъ ихъ ученой разработки, исторію литературныхъ воззрѣній можно разграничить на два періода, раздѣляемыхъ воззрѣніями М. П. Погодина.

Признавая важное значеніе лѣтописнаго матеріала для древнѣйшаго періода русской исторіи ¹⁶⁾, ученые школы Татищева и Шлецера-Карамзинской признавали также важные недостатки этихъ матеріаловъ въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до нашего времени. Воззрѣнія Татищева въ этомъ случаѣ выражаются въ слѣдующихъ положеніяхъ: „Несторъ преподобный видно довольно, что не много ученъ былъ;” „всѣ манускрипты, коликъ я въ рукахъ моихъ имѣлъ, хотя Несторово начало имѣютъ, но въ продолженіи ни одинъ съ другимъ точно не сходятъ; въ одномъ то, въ другомъ

другое прибавлено или сокращено; иное пропущено, или потеряно; индѣ обстоятельство невѣроятное прибавлено” 17). Сущность возрѣній Шлецера и вообще ученыхъ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій на достоинство древнерусскаго лѣтописнаго свода, можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: „лѣтопись Нестора дошла до насъ не въ подлинникѣ, а во множествѣ позднѣйшихъ списковъ, съ различными искаженіями первоначальнаго подлинника: со множествомъ описокъ, недописокъ, сокращеній, прибавленій и сказокъ” 18).

Это возрѣніе на достоинство начальной русской лѣтописи обусловило собою способъ ея ученой разработки. По мнѣнію Татищева, „чтобъ яко строитель могъ разобрать припасы годные отъ негодныхъ, гнилые отъ здоровыхъ, тако писателю исторіи нужно съ прилежаніемъ разсмотрѣть, чтобъ басень за истину не принять, для чего науку критики не безнужно” 19). По мнѣнію Шлецера для достиженія вѣрныхъ историческихъ выводовъ необходимо подвергнуть лѣтопись тремъ операціямъ: „надлежитъ изслѣдовать: во первыхъ, что лѣтописецъ писалъ дѣйствительно? Ему ли принадлежатъ такое то слово (иногда, такая то буква), такая то строка, такое то цѣлое мѣсто? Во вторыхъ, что лѣтописецъ разумѣлъ подъ сказаннымъ имъ? Вѣроятно, онъ употреблялъ рѣченія и слова, которыя, по истеченіи 700 лѣтъ, не всякому уже понятны, ибо они возникаютъ, цвѣтутъ и исчезаютъ, подобно народамъ и царствамъ. Наконецъ, въ третьихъ, правильно ли то или другое сужденіе, тотъ или другой рассказъ лѣтописца? Историческое происшествіе онъ повѣствуетъ или сказку? 20).

Каченовскій и его послѣдователи, отвѣчая отрицательно на первый вопросъ критики Шлецера въ отношеніи всей лѣтописи Нестора, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергнули этотъ источникъ познанія началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ и объявили свѣдѣнія о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи, построенныя на сказаніяхъ этого источника, баснословными. „Когда, спрашиваютъ они, составлена наша начальная лѣтопись, приписываемая Нестору? Въ ея повѣствованіи о древнѣйшихъ событіяхъ находятся указанія и извѣстія, кои не могли быть сообщены лѣтописцемъ XI вѣка; тамъ же исчисляются народы, которые въ XI вѣкѣ не могли быть извѣстны

монаху кievскому; тамъ же встрѣчаемъ множество словъ и понятій, чуждыхъ сему вѣку; наконецъ, тамъ невѣрна хронологія; однимъ словомъ, наша начальная лѣтопись представляетъ собою компиляцію, составленную изъ различныхъ источниковъ, въ которой историческія извѣстія перемѣшаны съ нелѣпыми баснями и выдумками, въ которой одни и тѣже событія описаны двумя, а иногда тремя различными образами.” Все это убѣждаетъ Каченовскаго и его послѣдователей, что начальная русская лѣтопись составлена не кievскимъ монахомъ Несторомъ въ концѣ XI вѣка, какъ думали ученые историки до того времени, а принадлежитъ одному изъ позднѣйшихъ вѣковъ, можетъ быть XIII или даже XIV. „Но если мы и допустимъ, говорятъ они, предположеніе о древности начальной нашей лѣтописи, то все же отъ основанія русскаго Государства или призванія Рюрика до перваго нашего лѣтописца или конца XI вѣка протекло слишкомъ два вѣка; древнѣйшія извѣстія лѣтописи основаны на преданіяхъ, конечно, искаженныхъ въ устахъ нѣсколькихъ поколѣній, на поэтическихъ вымыслахъ, свойственныхъ всѣмъ младенческимъ народамъ. Отсюда, мы должны признаться, что въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи много баснословнаго, что эта исторія недостоверна. Мало утѣшаютъ насъ и лѣтописи иностранцевъ; мало дополняютъ онѣ отечественныя извѣстія. Наступитъ время, когда удивляться будемъ тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій почти невѣроятныхъ. Средства преобразовать науку о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи: 1, исторію Славянъ русскихъ должно соображать съ исторіею Славянъ вообще; 2, должно принять въ соображеніе всеобщій ходъ политическаго и гражданскаго образованія въ Европѣ; наконецъ, 3, прежде всего, критически и безпристрастно оцѣнить домашнія и внѣшнія историческія и географическія извѣстія, относящіяся къ первымъ временамъ бытія народа русскаго, согласить противорѣчія, въ нихъ находящіяся, и изслѣдовать ихъ источники” 22).

Противъ сказанныхъ возрѣній на недостатки начальной русской лѣтописи, какъ источника существующихъ въ наукѣ рѣшеній по вопросамъ древнѣйшаго періода русской исторіи, возсталъ М. П. Погодинъ.

На вопросъ: „въ какомъ видѣ дошла до насъ лѣтопись Не-

сторы?" Погодинъ отвѣчаетъ: „объ этомъ я имѣю мнѣніе, еретически противоположное мнѣнію Шлецера и Стриттера, Миллера и Барамзина, Тимковскаго и Строева, Калайдовича и Арцыбашева, словожъ, противоположное мнѣнію всѣхъ нашихъ изслѣдователей.... Я утверждаю, что *лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ она написана первымъ своимъ сочинителемъ*. Да, въ большихъ грѣхахъ нельзя винить переписчиковъ. Всѣ такъ называемыя значительныя древнихъ списковъ вставки принадлежать самому Нестору”²³). Это воззрѣніе авторъ старается доказать ссылкой на одинаковый порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ главнѣйшія извѣстія въ различныхъ спискахъ начальной лѣтописи, и утверждаетъ, что всѣ эти извѣстія принадлежать первоначальному подлиннику, а противорѣчія и повторенія въ извѣстіяхъ второстепенныхъ доказываютъ только то, что до Нестора существовали въ Россіи краткія погодныя записки, которыми онъ пользовался и вставлялъ въ нихъ все, что онъ самъ зналъ и что казалось ему любопытнымъ²⁴). Съ этими выводами нельзя согласиться. Во первыхъ, не всѣ главнѣйшія извѣстія находимъ въ одинаковомъ видѣ и одинаковомъ порядкѣ во всѣхъ спискахъ начальной лѣтописи, не только позднѣйшихъ, но даже самыхъ древнихъ; такъ напримѣръ, мы уже видѣли большое разногласіе и большой беспорядокъ въ извѣстіяхъ различныхъ списковъ о призваніи Варяговъ и княженіи Рюрика, — главнѣйшихъ въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи²⁵). Во вторыхъ, самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія о Несторѣ доказываетъ существованіе въ дошедшихъ до насъ спискахъ начальной лѣтописи позднѣйшихъ сказокъ, поправокъ и порчи первоначальнаго текста позднѣйшими переписчиками²⁶). Въ третьихъ, предположеніе о существованіи лѣтописныхъ записокъ до Нестора, которыми онъ воспользовался при составленіи своего сборника, не противорѣчитъ воззрѣнію на недостатки начальной русской лѣтописи, противъ котораго возсталъ Погодинъ. Позднѣйшіе переписчики лѣтописи Нестора могли вносить вставки въ эту лѣтопись точно также, какъ самъ Несторъ вносилъ ихъ въ записки, существовавшія до него; а въ такомъ случаѣ, мнѣніе прежнихъ ученыхъ о позднѣйшихъ вставкахъ въ начальную русскую лѣтопись сохраняетъ свою силу.

Между тѣмъ, уклонившись отъ воззрѣнія Шлецера на недо-

статки начальной русской летописи, Погодинъ уклонился также и отъ способа ея ученой обработки, предложеннаго Шлецеромъ: „методъ, говоритъ онъ, я слѣдую постоянно одной:—собираеть прежде всего свидетельства о каждомъ предметъ изслѣдованія, сличать ихъ между собою, объяснять и потомъ уже выводитъ, сколько можно математически, заключенія объ его сущности и значеніи. Чѣмъ далѣе я иду по своему пути, чѣмъ имѣю чаще случаи разсматривать плоды, собираемые на другихъ путяхъ, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что этотъ путь есть единственный, ведущій прямо къ цѣли, а прочіе увлекають въ сторону, назадъ, или, по крайней мѣрѣ, замедляютъ успѣхъ”²⁷). Сравнительно съ методомъ ученой разработки нашей летописи, предложеннымъ Шлецеромъ, въ методѣ Погодина не достаетъ того, что Шлецеръ называетъ „малою критикою” и „вышею критикою” или „критикою дѣлъ,” т. е. операций, направленныхъ къ возстановленію первоначальнаго текста летописи и повѣркѣ сказаній летописца общими законами человѣческой мысли и общими началами развитія человѣческихъ обществъ. Усвоивъ взглядъ на летопись, какъ на памятникъ, дошедшій до нашего времени въ его первоначальномъ видѣ, Погодинъ не видитъ необходимости въ изслѣдованіяхъ, направленныхъ къ возстановленію подлиннаго текста летописи и, можно сказать, рабски подчиняется буквальному смыслу ея сказаній. Онъ выбираетъ изъ летописи извѣстія о томъ или другомъ событіи, сравниваетъ ихъ математически и основываетъ свои выводы на количествѣ извѣстій; но если выбранныя извѣстія будутъ позднѣйшія искаженія первоначальнаго текста летописи и вставки, основанныя на позднѣйшихъ догадкахъ, или вымысли фантазіи, занесенныя въ летопись ея первоначальнымъ составителемъ, то вѣрное пониманіе историческихъ событій „математическимъ” способомъ разработки летописнаго матеріала не можетъ быть достигнуто.

Вѣрность метода разработки историческихъ матеріаловъ выражается въ вѣрности результатовъ, добытыхъ при его посредствѣ. Результаты изслѣдованій Погодина въ отношеніи вопросовъ русской исторіи дорюриковской эпохи намъ уже извѣстны²⁸). С. М. Соловьевъ даетъ вѣрную оцѣнку результатовъ его изслѣдованій по вопросамъ русской исторіи первой эпохи рюриковичей, изъ которой

оказывается, что выводы Погодина вполне лишены фактической подкладки, что факты русской истории неверно имъ поняты и подведены подъ предвзятую неверную схему ²⁹).

Бъ сожалѣнію, новый взглядъ на достоинство начальной русской лѣтописи повредилъ изслѣдованіямъ не одного Погодина. Пропагандируя этотъ взглядъ въ теченіи многихъ лѣтъ съ профессорской кафедры московскаго университета, маститый ученый естественно имѣлъ вліяніе на своихъ слушателей. Новѣйшіе историки-юристы, по большей части бывшіе ученики Погодина, подъ вліяніемъ его лекцій о Несторѣ, позабыли о недостаткахъ начального лѣтописнаго свода, а также о наставленіяхъ Шлецера и Каченовскаго и слишкомъ довѣрились его сказаніямъ, относящимся къ дорюриковскому періоду русской истории и эпохѣ призванія Рюрика.

Такъ напримѣръ, г. Соловьевъ, основательно доказывая, что извѣстіе лѣтописи: „Радимичи, Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай imaju: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто....” не должно быть понимаемо буквально, какъ его понимаетъ Погодинъ, слишкомъ довѣрился другому свидѣтельству той же лѣтописи: „Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ” и построилъ на немъ теорію родового быта древнерусскихъ Славянъ, какъ на свидѣтельствѣ вполне ясномъ и точномъ. Цѣлая система выводовъ самыхъ смѣлыхъ построена на этомъ извѣстии, какъ на аксіомѣ. Но дальнѣйшій анализъ этого свидѣтельства, представленный славянофилами, доказалъ, что оно не имѣетъ того смысла, въ какомъ было понято г. Соловьевымъ, и не служить въ пользу его теоріи ³⁰).

Но, опровергая основательно аргументацію родовой теоріи, славянофилы, въ свою очередь, создали одностороннюю теорію общиннаго быта древнерусскихъ Славянъ, опираясь на свидѣтельства лѣтописи о древнеславянскихъ народныхъ собраніяхъ и городахъ, произвольно ими понятыхъ. Доказывая, что русскіе Славяне въ эпоху призванія Рюрика не стояли на степени гражданственности первобытныхъ дикарей, гдѣ отецъ семейства является верховнымъ владыкою въ обществѣ, славянофилы, опираясь на извѣстія лѣтописи о городахъ и вѣчахъ, выставили понятіе общины, какъ форму

соціального быта, существенными признаками которой являются народное собраніе, въ смыслѣ высшаго органа политической власти въ обществѣ, и городъ, въ смыслѣ политическаго и промышленнаго центра общинной территоріи ³¹⁾. Но при этомъ упущено изъ виду существенное обстоятельство; а именно, рѣшеніе вопроса: дѣйствительно ли извѣстія лѣтописи о вѣчахъ и городахъ имѣютъ то значеніе, какое имъ придавали основатели общинной теоріи? „*Вѣча*,” въ смыслѣ *общественныхъ совѣщаній*, и „*города*,” въ смыслѣ *укрѣпленныхъ селитъ*, встрѣчаются у дикихъ народовъ, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ цивилизаціи. Они были найдены, напримѣръ, у сидячихъ Камчадаловъ, Коряговъ и Чукчей, не знавшихъ металловъ въ эпоху первоначальнаго знакомства съ европейцами и неумѣвшихъ считать, безъ помощи пальцевъ, далѣе трехъ; они были найдены европейцами у самыхъ дикихъ Американскихъ, Австралійскихъ и Африканскихъ племенъ; они существуютъ и въ настоящее время у народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, какъ напримѣръ, у Африканскаго племени Берійцевъ; и др. ³²⁾. Вопросъ не въ томъ, были ли у древнерусскихъ Славянъ „вѣча” и „города,” а въ томъ, какое значеніе имѣли эти учрежденія. Но на рѣшеніи вопросовъ: какой смыслъ имѣютъ слова вѣче и городъ въ лѣтописи вообще и въ каждомъ ея извѣстіи въ частности? никто изъ славянофиловъ не останавливался.

Благодаря отсутствію въ нашей ученой литературѣ правильныхъ приѣмовъ ученой разработки историческихъ памятниковъ, общепризнанныхъ и обязательныхъ въ научномъ отношеніи для каждаго изслѣдователя старины, новѣйшія изслѣдованія по вопросу о политическомъ бытѣ древнерусскихъ Славянъ превратились въ популярныя повѣствованія, трактующія въ увѣренномъ тонѣ о такихъ предметахъ, современная ученая разработка которыхъ не доводитъ до популяризаціи. Подъ покровомъ науки и популярнаго изложенія авторы такихъ разсужденій критикуютъ воззрѣнія другихъ ученыхъ и высказываютъ новыя, не приводя подлинныхъ словъ критикуемыхъ авторовъ и источниковъ, на которые опираются новыя воззрѣнія. „Лѣтопись говоритъ ясно вотъ то-то” источники точно указываютъ на то-то,” утверждаютъ авторы, не обозначая, гдѣ именно говорятъ источники утверждаемое ими. Такой способъ обра-

иценія съ источниками ведетъ автора къ величайшему произволу въ толкованіи смысла лѣтописныхъ свидѣтельствъ и невольно увлекаетъ его за предѣлы исторической истины, въ сторону предвзятой имъ схемы. Этимъ же путемъ возникаютъ въ ученой литературѣ, очень вредныя въ наукѣ, такъ называемыя „общія мнѣнія” и „общія убѣжденія ученыхъ,” якобы, основанныя на источникахъ, но въ дѣйствительности представляющія собою предположенія, основанныя не на источникахъ, а на фантазіи, высказанныя безъ всякихъ доказательствъ.

Сказаннымъ характеромъ отличаются, напримѣръ, новѣйшія сочиненія по древнѣйшему періоду исторіи русскаго права г. Леонтовича ³³⁾ и Забѣлина. Въ первомъ томѣ своего сочиненія, подъ заглавіемъ: „Исторія русской жизни,” г. Забѣлинъ, при посредствѣ вводимого имъ новаго политическаго понятія „о братскомъ родѣ,” дѣлаетъ попытку новаго рѣшенія чуть ли не всѣхъ вопросовъ русской исторіи и исторіи русскаго права, возбужденныхъ въ наукѣ до настоящаго времени. Критикуя существующія въ нашей литературѣ возрѣнія, авторъ излагаетъ ихъ *своими словами*, не приводя подлинныхъ словъ критикуемаго автора ни въ текстѣ, ни въ выноскахъ; ссылаясь на историческіе памятники, онъ не приводитъ не только подлинныхъ словъ памятниковъ, но даже ихъ изданій и страницъ. Такая форма изложенія спорныхъ вопросовъ древнѣйшаго періода нашей исторіи и такое отношеніе автора къ литературѣ и источникамъ, не могли не отразиться на достоинствѣ его сочиненія. И дѣйствительно, въ авторѣ „Исторіи русской жизни” мы не узнаемъ автора сочиненія, подъ заглавіемъ: „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ,” доставившаго г. Забѣлину почетную, извѣстность и заслуженное уваженіе не только въ нашей, но и западно-европейской литературѣ ³⁴⁾.

Анализъ новѣйшихъ теорій политическаго быта древнерусскихъ Славянъ привелъ насъ къ заключенію, по которому большая часть встрѣчаемыхъ въ нихъ недоразумѣній, ошибокъ и сомнительныхъ выводовъ явилась результатомъ неправильнаго пониманія свидѣтельствъ историческихъ памятниковъ, слѣдствіемъ трудности отрѣшиться отъ современныхъ намъ понятій и усвоить понятія древности, соотвѣтствовавшія извѣстнымъ словамъ и выраженіямъ. При-

давая смыслъ языка новаго времени словамъ лѣтописей: вѣче, умьча, родъ, городъ, князь, дружина, мечь, civitas, гех, gens и т. д., яли понимая ихъ произвольно, соотвѣтственно предвзятымъ теоріямъ, изслѣдователи старины тѣмъ самымъ, часто неволью, искажаютъ подлинное значеніе историческихъ свидѣтельствъ и строить выводы на невѣрныхъ основаніяхъ. Накопленіе въ ученой литературѣ возникающихъ отсюда противорѣчій въ рѣшеніяхъ по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, основанныхъ на однихъ и тѣхъ же свидѣтельствахъ лѣтописей, обращаетъ послѣдующихъ ученыхъ къ логическому анализу сказанныхъ свидѣтельствъ и тогда оказывается, что выводы, на нихъ основанные, покоятся на мнимыхъ основаніяхъ, потому что ихъ авторы придавали словамъ и выраженіямъ источниковъ тотъ смыслъ, какого они въ дѣйствительности не имѣютъ. Наблюденіе этого явленія въ исторической литературѣ должно привести новаго изслѣдователя въ области перваго періода нашей исторіи къ старому вопросу, рѣшеніемъ котораго должны обусловиться начало и направленіе его ученой дѣятельности въ отношеніи къ лѣтописнымъ матеріаламъ: какими правилами должно руководствоваться при ученой разработкѣ лѣтописныхъ матеріаловъ, во избѣжаніе, если не вполнѣ, то насколько возможно, заблужденій въ пониманіи дѣйствительнаго значенія лѣтописныхъ свидѣтельствъ?

При вышеуказанномъ характерѣ отечественныхъ и иноземныхъ лѣтописныхъ матеріаловъ, истинное знаніе древнерусскихъ политико-юридическихъ отношеній и учреждений можетъ быть достигнуто только при непремѣнномъ соблюденіи критическихъ пріемовъ ихъ ученой разработки ведущихъ послѣдовательно къ знанію: 1, истиннаго, первоначальнаго текста и времени лѣтописныхъ свидѣтельствъ, на которыя опираются тѣ или другіе выводы; 2, истиннаго смысла этихъ свидѣтельствъ; наконецъ, 3, ихъ происхожденія и достовѣрности.

1. „Прежде всего необходимо, училъ Шлецеръ, отвѣтить на вопросъ: что лѣтописецъ писалъ дѣйствительно?“ „Прежде всего необходимо, училъ Каченовской, критически и безпристрастно оцѣнить домашнія и вѣшнія, историческія и географическія извѣстія, относящіяся къ первымъ временамъ бытія народа русскаго, согла-

сить противорѣчія, въ нихъ находящіяся, и изслѣдовать ихъ источники.” Новѣйшія изслѣдованія гг. Сухомлинова, Соловьева, Срезневскаго, Костомарова, Лямбина и Бестужева-Рюмина доказываютъ намъ, что „Несторова лѣтопись” есть въ сущности лѣтописный сводъ, составленный въ концѣ XI или началѣ XII вѣка, и заключаетъ въ себѣ народныя преданія различныхъ мѣстъ, отдѣльныя сказанія и лѣтописныя замѣтки, существовавшія до составителя, а также извѣстія и разсужденія самаго составителя начального свода. Этотъ сводъ дошелъ до нашего времени не въ подлинникѣ, а во множествѣ списковъ отъ XIV до XVII столѣтій, съ большими или меньшими измѣненіями первоначального текста. Отсюда, первую задачею новѣйшаго изслѣдователя, посвящающаго свои труды исторической разработкѣ лѣтописнаго матеріала является задача: возстановить первоначальный, подлинный текстъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и отдѣлить въ нихъ древнѣйшее отъ новѣйшаго, очистить ихъ отъ позднѣйшихъ вставокъ, поправокъ и ошибокъ ³⁵).

Средствомъ для достиженія сказанной цѣли можетъ служить только дословный сводъ и критическое сличеніе разнорѣчій возможно большаго числа списковъ, древнѣйшихъ и новѣйшихъ, относительно даннаго лѣтописнаго свидѣтельства. Такъ напримѣръ, всѣ дошедшіе до нашего времени списки начального лѣтописнаго свода повѣствуютъ о событіи призванія Рюрика Приильменскими Славянами въ началѣ второй половины IX вѣка; но при этомъ, одни списки называютъ Ладогу мѣстомъ первоначального поселенія Рюрика въ Новгородскихъ владѣніяхъ, по ихъ словамъ Новгородъ основанъ Рюрикомъ только спустя два года послѣ призванія Варяговъ, по смерти Синеуса и Трувора; другіе же списки умалчиваютъ о поселеніи Рюрика въ Ладогѣ, а говорятъ только, что Рюрикъ явился на зовъ Новгородцевъ и сѣлъ въ Новгородѣ. Такимъ образомъ, изъ сопоставленія текстовъ различныхъ списковъ, открывается несомнѣнность первоначального текста лѣтописнаго сказанія относительно призванія Рюрика Приильменскими Славянами и пришествія его въ Новгородскія владѣнія, потому что объ этомъ говорятъ одинаково всѣ списки. Затѣмъ, является вопросъ: было ли въ первоначальномъ подлинникѣ начального лѣтописнаго свода извѣстіе о поселеніи Рюрика въ Ладогѣ и основаніи имъ города Новгорода на

берегу Волхова по смерти братьевъ? Утвердительное или отрицательное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для древнѣйшаго періода исторіи русскаго права, потому что связано съ рѣшеніемъ еще не рѣшеннаго въ наукѣ вопроса о значеніи призванія Рюрика и политическомъ характерѣ власти первыхъ рюриковичей ³⁶). Сличая дошедшіе до насъ списки начальной лѣтописи, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1, въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ (Лаврентьевскомъ) пропущено имя города, въ которомъ съѣлъ первоначально призванный Рюрикъ; тамъ читается: „и избрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ....., а другіи Синеусъ на Бѣлозерѣ, а третій Изборскѣ Труворъ.” 2, Въ остальныхъ спискахъ древнѣйшаго текста (Хлѣбниковскомъ, Кенигсбергскомъ и Ипатскомъ съ Густинскимъ) сказано такъ: „и избрашася три брата съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша къ Славѣномъ пѣрвѣе и срубиша городъ Ладогу, и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ, а другой Синеусъ на Бѣлозерѣ, а третій Труворъ въ Изборстѣ.” 3, Въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ (Троицкомъ) имя города, гдѣ съѣлъ Рюрикъ, пропущено; но предъ пропускомъ, надъ именемъ Рюрика, надписано: „Новг.”. 4, Въ позднѣйшихъ спискахъ читается (Никоновскій и Патріаршій): „поидоша изъ Нѣмецъ три брата со всеѣмъ родомъ своимъ, Рюрикъ, Сенеусъ, Труворъ. И бысть Рюрикъ старѣйшина въ Новгородѣ, а Синеусъ старѣйшина бысть на Бѣлозерѣ, а Труворъ въ Изборцѣ;” (въ Архангельскомъ): „придоша князи Нѣмецкія на Русь княжити три брата, первый Рюрикъ сѣде въ Новгородѣ; и оттолѣ нарѣченъ бысть Новгородъ великій; а братъ его второй Синеусъ сѣде на Бѣлозерѣ; третій Труворъ сѣде во Изборску, а то нынѣ пригородовъ Псковской, а тогда былъ въ Кривичахъ большій городъ” и т. д. Это сопоставленіе и сличеніе текстовъ различныхъ списковъ приводитъ насъ къ несомнѣнному убѣжденію, что въ подлинникѣ начального свода русскихъ лѣтописей стояло выраженіе: „сѣдѣ старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ,” а не „сѣде старѣйшій Рюрикъ въ Новгородѣ” ³⁷).

II. За восстановленіемъ древнѣйшаго, подлиннаго текста лѣтописныхъ свидѣтельствъ, за критическою очисткою ихъ отъ

позднѣйшихъ вставокъ, поправокъ и ошибокъ, должно слѣдовать рѣшеніе второй задачи; а именно: слова и выраженія историческихъ свидѣтельствъ, древность которыхъ и подлинность несомнѣнны, обозначаютъ ли современные намъ понятія, или имъ соотвѣтствовали въ древности другія представленія? Рѣшеніе этого вопроса должно вести къ возстановленію подлиннаго смысла историческихъ свидѣтельствъ. „Слова, говоритъ Шлецеръ, возникаютъ, живутъ и исчезаютъ, подобно народамъ и царствамъ;” „слова, говоритъ Лоранъ, болѣе прочны, нежели понятія, ими выражаемыя. Древнія слова живутъ въ языкѣ, но выражаютъ уже новыя идеи, новыя учрежденія, произведенія новаго времени”³⁸). Отсюда, возстановленія подлиннаго текста лѣтописныхъ свидѣтельствъ еще не всегда достаточно для достиженія истиннаго историческаго знанія; необходимо еще возстановить подлинный смыслъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Такъ напримѣръ, сличеніе дошедшихъ до насъ списковъ начальнаго лѣтописнаго свода ведетъ къ заключенію, что въ первоначальномъ его подлинникѣ было извѣстіе о построеніи города Новгорода надъ Волховомъ по смерти Синеуса и Трувора, такъ какъ объ этомъ фактѣ сообщаютъ одинаково всѣ древнѣйшіе списки, за исключеніемъ одного, въ которомъ это извѣстіе пропущено³⁹). Но если мы придадимъ слову городъ въ лѣтописи тотъ смыслъ, какой оно имѣетъ въ позднѣйшее время, то получимъ два противорѣчащихъ другъ другу свидѣтельства одной и той же лѣтописи объ одномъ и томъ же фактѣ. При описаніи первоначальнаго заселенія русскихъ Славянъ въ лѣтописи говорится: „Словене же сѣдоша около озера Ильмера и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша городъ и нарѣкоша и Новгородъ;” это извѣстіе встрѣчаемъ во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ и достовѣрность его не подлежитъ сомнѣнію; ему то и противорѣчитъ извѣстіе подъ 862 годомъ, древнѣйшихъ же списковъ лѣтописи, гдѣ сказано: „умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю одинъ; и пришедъ ко Ильмеру и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новгородъ.” И такъ, кто же основалъ Новгородъ: Славяне при первоначальномъ ихъ поселеніи на берегахъ озера Ильмена, или Рюрикъ? Исслѣдованіе понятій, соотвѣтствующихъ слову *городъ* въ лѣтописи приводитъ насъ къ заключенію, по которому въ приведенныхъ извѣстіяхъ

должно видѣть не два притворѣчащихъ другъ другу свидѣтельства объ одномъ фактѣ, а два свидѣтельства о двухъ различныхъ фактахъ: основаніи новаго города Славянами на берегу озера Ильменя, гдѣ нынѣ старое городище, противъ предмѣстья Славки, и основаніи новаго города Рюрикомъ по смерти его братьевъ на берегу рѣки Волхова, на мѣстѣ позднѣйшей Софійской крѣпости, въ двухъ верстахъ отъ стараго Славянскаго города на берегу озера Ильменя ⁴⁰).

Средствомъ возстановленія истиннаго смысла лѣтописныхъ извѣстій можетъ служить только сопоставленіе и критическое сравненіе различныхъ свидѣтельствъ, какъ одного и того же памятника, такъ и другихъ памятниковъ одной исторической эпохи, въ которыхъ встрѣчаются слова и выраженія, опредѣляющія собою смыслъ содержанія даннаго лѣтописнаго извѣстія, подлежащаго критическому анализу. Если такое сравненіе приводитъ къ заключенію, что сказанныя слова и выраженія вездѣ сохраняютъ одно значеніе, то они могутъ быть приняты въ этомъ значеніи и въ данномъ лѣтописномъ извѣстіи; если же въ разныхъ свидѣтельствахъ источниковъ одной эпохи извѣстное слово или выраженіе обозначаетъ различныя понятія, различіемъ которыхъ обусловливается разный смыслъ историческаго свидѣтельства, интересующаго изслѣдователя, то подлинный смыслъ этого свидѣтельства долженъ быть открытъ при посредствѣ изученія всей совокупности историческихъ источниковъ, имѣющихся въ распоряженіи науки. Если же, наконецъ, истинный смыслъ словъ и выраженій даннаго лѣтописнаго свидѣтельства не можетъ быть возстановленъ, напримѣръ, по недостатку источниковъ, то это свидѣтельство, какъ неясное и сомнительное, въ глазахъ ученаго изслѣдователя не можетъ имѣть значенія историческаго факта и не должно быть приводимо въ качествѣ доказательства въ пользу того или другаго историческаго воззрѣнія, до тѣхъ поръ, пока новыя изысканія или вновь открытые источники выяснятъ его дѣйствительное значеніе.

3. Правильное употребленіе сказанныхъ приемовъ критики лѣтописныхъ матеріаловъ должно вести къ возстановленію подлиннаго текста и подлиннаго смысла лѣтописныхъ свидѣтельствъ, къ возстановленію историческихъ фактовъ *по понятіямъ соста-*

вителей дошедших до насъ лѣтописныхъ сводовъ и отдельныхъ сказаній и сочиненій. Но и возстановленіе историческихъ фактовъ по понятіямъ авторовъ дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ не всегда еще достаточно для достиженія истиннаго знанія исторической дѣйствительности, для возстановленія историческихъ событій.

Если историки новѣйшаго времени вносятъ много невѣрнаго въ изложеніе политико-юридическихъ явленій жизни народовъ новѣйшаго времени, то древніе лѣтописцы-историки должны были вносить въ свои сочиненія этой невѣрности еще болѣе, потому уже, что не имѣли въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ къ познанію истины, какими владѣютъ новѣйшіе историки. Отсюда, за возстановленіемъ подлиннаго текста и подлиннаго смысла данныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, предъ историкомъ-юристомъ настоящаго времени открывается третья задача, самая трудная: должно отдѣлать въ нихъ невѣрное отъ дѣйствительнаго, сказки, вымыслы, поэтическія сказанія отъ исторіи, должно *повѣрять свидѣнія самого лѣтописца*. Такъ напримѣръ, во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ” встрѣчаемъ повѣствованіе о первоначальной жизни Полянъ и построеніи города Кіева тремя братьями, бывшее источникомъ въ нашей ученой литературѣ различныхъ историческихъ построеній. Древность этого сказанія не подлежитъ сомнѣнію; допустимъ, что и подлинный смыслъ его вполне возстановленъ. Тѣмъ не менѣе, оно имѣетъ характеръ сказки, а не историческаго факта; а слѣдовательно, не можетъ служить безспорнымъ доказательствомъ той или другой теоріи политическаго быта древнерусскихъ Славянъ. Извѣстіе объ osobной жизни Полянъ стоитъ у лѣтописца въ связи съ преданіемъ о трехъ братьяхъ, жившихъ отдѣльно другъ отъ друга, имѣющимъ вполне сказочный характеръ ⁴¹⁾. Изъ самаго сказанія вытекаетъ, что во времени лѣтописца Кіевляне уже забыли, какъ жили Поляне первоначально, кто основалъ Кіевъ и когда онъ основанъ. Основываясь на прилагательномъ названіи Кіева, думали, что этотъ городъ основанъ Кіемъ; но кто былъ этотъ Кій и когда онъ жилъ никто не зналъ. Одни думали, что Кій былъ перевозчикомъ, другіе, и между ними лѣтописецъ, предполагали въ немъ начальника Полянъ, князя; но

какъ тѣ, такъ и другіе не могли представить достаточныхъ доказательствъ своему мнѣнію: первые основывались на томъ, что на Днѣпрѣ существовалъ древній перевозъ, называвшійся Кіевымъ перевозомъ; вторые опирались на преданіе, по которому Кій будто бы ходилъ къ Царюгороду и принялъ тамъ честь отъ какого то царя. Кто же изъ нихъ былъ правъ? Византійскіе историки не подтверждаютъ преданія о свиданіи Кія съ какимъ бы то ни было царемъ греческимъ. Самъ лѣтописецъ, основывая на этомъ свиданіи свое понятіе о княжескомъ достоинствѣ Кія, не можетъ назвать греческаго царя и даже сказать, когда онъ жилъ. Слѣдовательно, лѣтописецъ говоритъ о временахъ давно минувшихъ и на основаніи догадокъ и преданія, всегда эластичнаго и часто переходящаго въ сказки. Преданіе объ osobной жизни Кія, Щека, Хорива и вообще Полянъ могло быть произведеніемъ не историческаго факта, а фантазіи. „Можетъ быть,“ справедливо замѣчаетъ нашъ первый историографъ, „что Кій и братья его никогда не существовали въ самомъ дѣлѣ, и что вымыслъ народный обратилъ названія мѣстъ, неизвѣстно отъ чего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы—нынѣ Склавицы, Хоривицы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ, не далеко отъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ, чему находимъ многіе примѣры въ греческихъ и сѣверныхъ повѣствованіяхъ, которыя, желая питать народное любопытство, во времена невѣжества и легковѣрія, изъ географическихъ названій составляли цѣлыя исторіи и біографіи“ ⁴²). Если же преданіе о трехъ братьяхъ-Полянахъ, жившихъ будто бы на особыхъ мѣстахъ, отдѣльныхъ горахъ, не имѣетъ исторической достовѣрности, то не можетъ имѣть значенія историческаго факта и слѣдствіе этого преданія: сказаніе лѣтописца о первоначальной жизни Полянъ. Такія же сомнѣнія въ исторической достовѣрности возбуждали противъ себя сказанія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ о призваніи Варяговъ, княженіи Рюрика въ Новгородъ и завоеваніяхъ Олега, но новѣйшія серьезныя изслѣдованія Н. И. Лямбина объ источникѣ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси подрываютъ главное основаніе прежнихъ сомнѣній ⁴³).

Средствами повѣрши лѣтописныхъ извѣстій съ точки зрѣнія

вышей критики или критики исторических событий могут служить только: 1, критическія изслѣдованія, направленные къ открытію происхожденія или источниковъ лѣтописныхъ сказаній; 2, всестороннее и всеобъемлющее изученіе древнерусскихъ историческихъ памятниковъ; 3, сравнительное изученіе историческихъ памятниковъ другихъ народовъ; наконецъ, 4, сравнительное изученіе началъ политико-юридическаго быта современныхъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

Сказанное нами о количествѣ, качествѣ и критическихъ требованіяхъ ученой разработки лѣтописныхъ источниковъ познанія началъ политико-юридическаго быта древнерусскихъ Славянъ приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Лѣтописные матеріалы, состоящіе въ распоряженіи науки настоящаго времени, очень скудны въ количественномъ отношеніи, оставляютъ безъ отвѣта существенные вопросы, интересующіе историка-юриста новаго времени, и тѣмъ даютъ полную свободу всевозможнымъ, произвольнымъ предположеніямъ.

2. Достигнуть истиннаго пониманія смысла лѣтописныхъ извѣстій въ настоящее время не всегда возможно, по недостатку источниковъ познанія древнихъ понятій, соотвѣтствовавшихъ въ старину извѣстнымъ словамъ и выраженіямъ, различное пониманіе которыхъ ведетъ науку къ произвольнымъ теоретическимъ построеніямъ, мнимо опирающимся на источники.

3. Въ лѣтописныхъ источникахъ встрѣчаемъ противорѣчанія другъ другу извѣстія по однимъ и тѣмъ же вопросамъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права, дающія матеріалъ къ построенію различныхъ теорій, противоположныхъ одна другой.

4. Историческая достовѣрность лѣтописныхъ сказаній, лежащихъ въ основаніи существующихъ въ наукѣ теорій политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, требуетъ критической повѣрки посредствомъ приемовъ ученой критики, требованія которыхъ нѣтъ возможности осуществить при посредствѣ изученія однихъ только письменныхъ матеріаловъ, состоящихъ въ распоряженіи науки настоящаго времени.

5. Невозможно достигнуть безспорнаго, положительнаго рѣшенія самыхъ существенныхъ вопросовъ русской исторіи и исторіи

русскаго права древнѣйшаго періода при посредствѣ изученія только лѣтописныхъ-письменныхъ источниковъ, состоящихъ въ распоряженіи науки настоящаго времени.

Этимъ выводомъ мы не желаемъ сказать, что изученіе лѣтописныхъ извѣстій, относящихся къ древнѣйшему періоду исторической жизни нашихъ предковъ, совершенно бесполезно для науки. Напротивъ, только при посредствѣ этнографическихъ и географическихъ извѣстій лѣтописныхъ сказаній возможны положительные выводы, основанные на изученіи всей совокупности источниковъ, состоящихъ въ распоряженіи науки. Значеніе самыхъ историческихъ и политическихъ извѣстій можетъ со временемъ измѣниться, когда получимъ возможность достигнуть безспорнаго пониманія ихъ подлиннаго смысла и доказать ихъ историческую достовѣрность.

II. Памятники вещественные.

Въ теченіи ста лѣтъ послѣ Татищева русскіе историки-юристы довольствовались почти исключительно разработкою лѣтописныхъ источниковъ познанія началъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ языческой эпохи, количество которыхъ Шлецеръ ограничилъ сказаніями начальной нашей лѣтописи и сказаніями иноземныхъ писателей: Юрнанда, Прокопія, Маврикія и Константина Багрянороднаго ⁴⁴). Самые древніе изъ памятниковъ нашихъ предковъ, остатки ихъ жилищъ и ихъ могилы, со всѣмъ въ нихъ находящимся, не имѣли никакого вліянія на рѣшенія вопросовъ древнѣйшаго періода русской исторіи и исторіи русскаго права.

Въ „Русской Исторіи“ г. Бестужева-Рюмина, изданной въ 1872 году, мы впервые встрѣчаемъ городища и курганы при перечнѣ историческихъ источниковъ ⁴⁵). Но уважаемый историкъ не имѣлъ возможности воспользоваться этимъ матеріаломъ для уясненія вопроса о характерѣ быта древнерусскихъ Славянъ по причинамъ, высказаннымъ авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: „до сихъ поръ еще нѣтъ ни карты, указывающей на сдѣланные раскопки, ни распредѣленія кургановъ по разрядамъ, ибо дѣлаемыя распредѣленія болѣе или

менѣ произвольны; затѣмъ, самыя раскопки не ведутся по строго опредѣленному плану, потому о многих (?) мѣстностяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія подробныя, о другихъ не имѣемъ почти никакихъ, а о третьихъ и совѣмъ никакихъ нѣтъ. Большія усилія направлены на южную часть Россіи;—это понятно, потому что здѣсь были греческія поселенія: добыча здѣсь можетъ быть богаче, результаты яснѣе, при усиліяхъ сравнительно меньшихъ; а между тѣмъ, *самые важные вопросы для всей русской исторіи въ центральныхъ губерніяхъ, а сюда почти не заходили работники*”⁴⁶.)

Равнодушіе прежнихъ историковъ къ памятникамъ древности, сокрытымъ подъ землею, объясняется невѣрными воззрѣніями на историческое значеніе этихъ памятниковъ, издавна принятыми въ ученой исторической литературѣ. Предполагали, что городища представляютъ собою памятники языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, въ которыхъ невозможно найти ничего болѣе, кромъ однообразныхъ остатковъ языческихъ жертвоприношеній: пепла, угля и жженныхъ костей; предполагали также, что курганы представляютъ собою массу древнихъ могилъ, принадлежащихъ различнымъ народамъ, между которыми нѣтъ никакой возможности распознать могилы древнерусскихъ Славянъ. Такія воззрѣнія, естественно, не могли способствовать появленію охотниковъ систематическаго изученія городищъ и кургановъ, тѣмъ болѣе, что подобное систематическое изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей требуетъ особенной любви къ древностямъ со стороны изслѣдователя, сопряжено съ продолжительнымъ трудомъ и требуетъ значительныхъ матеріальныхъ затратъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ замѣтно пробуждается въ нашемъ обществѣ стремленіе къ сохраненію и серьезному изученію вещественныхъ памятниковъ нашей исторіи. Возникла и зрѣетъ мысль о преподаваніи русской археологіи и антропологіи въ университетахъ; въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ возникла и трудами его предсѣдателя и членовъ осуществилась плодотворная мысль о періодическихъ сѣздахъ археологовъ и антропологовъ въ Россіи, „съ цѣлью сблизить и соединить разрозненные пространствомъ ученые наши силы для взаимнаго соглашенія и посильнаго рѣшенія вопросовъ русской археологіи, стоящихъ на очереди;” по мысли

Графа А. С. Уварова воздвигается въ Москвѣ національное, центральное древнехранилище; по мысли профессора А. П. Богданова, Общество Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ, такъ много уже сдѣлавшее на пользу науки, устраиваетъ въ Москвѣ, въ слѣдующемъ году, антропологическую и археологическую выставку, долженствующую сосредоточить въ себѣ все, сдѣланное въ Россіи по этимъ наукамъ до настоящаго времени, и поставить опредѣленно очередные вопросы для будущихъ изслѣдованій; не только спеціальныя ученые изданія, но и газетная пресса начинаютъ зорко слѣдить за находками древностей въ нашемъ отечествѣ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ слѣдствій пробудившагося въ нашемъ обществѣ сознанія о необходимости серьезнаго изученія и тщательнаго сохраненія національныхъ древностей, было начало соответственныхъ требованій современной науки, систематическихъ ученыхъ изслѣдованій древнихъ земляныхъ насыпей, сохранившихся въ предѣлахъ земель, занятыхъ въ древности племенами древнерусскихъ Славянъ. Такія изслѣдованія начаты въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія, почти въ одно время, въ трехъ пунктахъ: членомъ Петербургскаго археологическаго Общества Л. К. Ивановскимъ въ предѣлахъ земли Славянъ ильменскихъ; членомъ Московскаго Археологическаго Общества М. Ф. Кусцинскимъ въ предѣлахъ земли Кривичей смоленскихъ и нами въ предѣлахъ земли Съверянъ. Съ 1874 года профессоръ В. Б. Антоновичъ принялъ на себя трудъ изслѣдованія древнихъ земляныхъ насыпей въ предѣлахъ земли Полянъ. Съ того времени не прошло и десяти лѣтъ, а между тѣмъ, мы получили уже очень важные результаты для древнѣйшаго періода нашей исторіи: доказана неосновательность прежнихъ воззрѣній ученыхъ на значеніе городищъ, въ качествѣ историческихъ источниковъ; доказана неосновательность убѣжденія прежнихъ ученыхъ въ невозможности отличить въ массѣ сохранившихся кургановъ могилы славянскія; полученъ новый историческій матеріалъ, сообщающій новые факты политическаго и домашняго быта древнерусскихъ Славянъ, а также дополняющій и разъясняющій сказанія лѣтописныхъ памятниковъ.

Такъ какъ результаты изслѣдованій гг. Ивановскаго, Антоновича и Кусцинскаго, о важности которыхъ для науки было заявлено

на Киевскомъ и Казанскомъ съѣздахъ археологовъ ⁴⁷⁾, еще не опубликованы въ печати, то мы остановимся здѣсь только на результатахъ нашихъ изслѣдованій городищъ и кургановъ въ предѣлахъ земли древнихъ Сѣверянъ ⁴⁸⁾.

Древнія насыпи въ предѣлахъ земли Сѣверянъ и главныя ихъ виды. Съ 1872 года мои изслѣдованія сосредоточились преимущественно на древнихъ земляныхъ насыпяхъ, сохранившихся въ предѣлахъ земли Сѣверянъ, указанныхъ начальной нашей лѣтописью слѣдующими словами: „а друзи же (Славяне) сѣдоша на Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарѣкошася Сѣвера” ⁴⁹⁾. Эти насыпи представляютъ собою два главныхъ вида, существенно различныхъ уже по внѣшнимъ формамъ. Насыпи перваго вида — это различной формы валообразныя возвышенія, ограничивающія собою разной величины площади, называемыя народомъ городищами или городками ⁵⁰⁾. Насыпи втораго вида — это холмистыя возвышенія различной величины, отъ едва замѣтныхъ возвышеній до громаднхъ сооружений, и почти однообразной формы, измѣняющейся только отъ формы тупаго конуса до формы правильного полушара, называемыя народомъ повсемѣстно могилами и курганами. Только въ южныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи и въ сѣверозападныхъ уѣздахъ Полтавской встрѣчено мною мѣстное названіе кургановъ „робленницами” (отъ глагола „робить,” на малорусскомъ нарѣчьи, работать, дѣлать). Во многихъ мѣстахъ тысячелѣтнее вліяніе природныхъ стихій и сосѣдство челоуѣка измѣнили первоначальную форму городищъ и кургановъ и они являются въ настоящее время размытыми, срѣзанными, обрѣзанными, съ различными выемками, углубленіями и пр.

Мѣстности изслѣдованныя. До настоящаго времени изслѣдованы мною городища и курганы, состоящіе въ связи по мѣстонохожденію, въ слѣдующихъ уѣздахъ Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской и Киевской губерній. Въ Черниговскомъ: въ городѣ Черниговѣ, на Болдиныхъ горахъ, у Троицкаго монастыря и у мѣстечка Сѣднева; въ Сосницкомъ: у мѣстечка Мѣны; въ Стародубскомъ: у селъ Мериновки и Левинки; въ Новгородсѣверскомъ: между селами Хворостовичами и Бугриновкой; въ Кролевецкомъ: между селами Любитовымъ и Спасскимъ; въ Глуховскомъ:

у села Волокитина и противъ села Ротовки; въ Переяславскомъ: у города Переяславлѣ и села Войницы; въ Роменскомъ: въ городѣ Ромнахъ, у села Аксютинцы и села Медвѣжьяго; въ Сумскомъ: у хутора Сѣтнаго Софроньевскаго монастыря; въ Курскомъ: у села Блюквы, у деревни Александровки и деревни Клиновой; въ Суджанскомъ: у Николаевской Бѣлогорской пустыни и вблизи заштатнаго города Мирополья; въ Кіевскомъ: въ окрестностяхъ Кіева и мѣстечка Триполья; въ Баневскомъ: у селъ Яблоновки, Россавы и Гарбузина; наконецъ, въ Черкасскомъ: у деревни Гамарни и села Конончи.

Количество изслѣдованныхъ насыпей. Всего до настоящаго времени въ 28 пунктахъ изслѣдовано мною путемъ раскопки 30 городищъ и до 700 кургановъ. Но такъ какъ въ изслѣдованныхъ мною кладбищахъ, состоящихъ изъ многочисленныхъ могилъ, раскопывалось не болѣе трети всего количества насыпей, разной величины и въ разныхъ мѣстахъ кладбищъ, а изслѣдованіе каждой группы превращалось только въ томъ случаѣ, когда уже не оставалось надежды найти между оставшимися могилами отличныя отъ изслѣдованныхъ по своему содержанію, то число кургановъ, содержаніе которыхъ опредѣлено моими раскопками, гораздо выше числа насыпей, дѣйствительно разрытыхъ. Изъ изслѣдованныхъ мною группъ кургановъ къ наиболѣе сохранившимся принадлежатъ: кладбище у Троицкаго монастыря подъ Черниговомъ, состоящее нынѣ изъ 248 насыпей, изъ которыхъ разрыто мною 61; четыре кладбища подъ Переяславлемъ, въ урочищахъ: Альтецкое, у Острога, Ярмолочная площадь и Погребки, заключающія въ себѣ болѣе 800 могилъ, изъ которыхъ раскопано мною 53; 2 кладбища въ Роменскомъ уѣздѣ, у села Аксютинцы, заключающія до 300 насыпей, изъ которыхъ раскопано мною 62; кладбище въ Суджанскомъ уѣздѣ, у Бѣлогорской пустыни, состоящее изъ 356 могилъ, изъ которыхъ изслѣдовано мною 97 и, наконецъ, 2 кладбища въ Черниговскомъ уѣздѣ, у мѣстечка Сѣднева, состоящія изъ 178 могилъ, изъ которыхъ разрыто мною 33. Остальныя группы заключали въ себѣ отъ 5 до 150 могилъ, донныя сохранившихся. На поляхъ, окружающихъ сохранившіеся курганы, почти вездѣ замѣтны слѣды многихъ кургановъ, уничтоженныхъ при распашкѣ полей.

Результаты изслѣдованій.

1. *Городища.* Самымъ важнымъ вопросомъ въ наукѣ, по отношенію къ городищамъ, является вопросъ объ историческомъ значеніи этихъ памятниковъ, рѣшеніемъ котораго обуславливается значеніе городищъ въ качествѣ историческихъ источниковъ.

Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій ученые путешественники стали замѣчать по берегамъ рѣкъ и озеръ современной Россіи остатки земляныхъ укрѣпленій, валовъ и рововъ, которые повсемѣстно называемы были народомъ городищами и городками. На основаніи народныхъ преданій о городищахъ, какъ о мѣстахъ нѣкогда бывшихъ городовъ, и на основаніи наружной конструкціи слова городище, соответствующаго словамъ селище, дворище и монастырище, эти памятники были признаны учеными за остатки городовъ, въ смыслѣ укрѣпленій. Такъ, между прочимъ, объяснено значеніе городищъ въ „Географическомъ Словарѣ” Щекатова, изданномъ въ 1803 году: „городище значитъ такое мѣсто, гдѣ прежде былъ городъ или какое укрѣпленіе” ⁵¹).

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія польскій ученый, Адамъ Черноцкій, извѣстный въ наукѣ подъ псевдонимомъ Зоріана Доленги Ходаковского, первый обратилъ вниманіе на *большое количество* сохранившихся городищъ и, подъ влияніемъ господствовавшей въ то время въ наукѣ теоріи о разсѣянной жизни древнихъ Славянъ и отсутствіи у нихъ городовъ до времени призванія Рюрика, поторопился дать городищамъ новое объясненіе. „Утверждаютъ, объявилъ Ходаковский, что городища должны быть остатками древнихъ городовъ; но уже Шлецеръ училъ насъ, что въ Россіи до половины IX вѣка не было ни одного города, собственно такъ называемаго; по сказанію Юрнанда, Славяне жили не въ городахъ, а въ лѣсахъ и болотахъ. Сіи однохарактерные окопы, всегда имѣющіе входъ съ востока, насыпанные изъ чернозема, однообразной формы, должны быть признаны мѣстами языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, нашими *lucus*, священными насыпями, ограждавшими посвященныя многобожію мѣста” ⁵²). Не смотря на неясность теоріи Ходаковского, богослужebное значеніе городищъ было признано наукою. Шафарикъ ⁵³), отчасти И. И. Срезневскій ⁵⁴) и особенно М. П. Погодинъ ⁵⁵) приняли и распространили теорію

Ходаковскаго. Между тѣмъ, эта теорія неоправдывается историческими фактами.

Вопросъ о значеніи городищъ въ исторіи можетъ быть рѣшенъ только на основаніи изученія смысла, въ какомъ слово городище встрѣчается въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ и на основаніи изученія формъ и содержимаго городищъ въ натурѣ. Если въ лѣтописяхъ и актахъ слову городище соотвѣтствуетъ извѣстное значеніе, а изслѣдованіе формъ сохранившихся городищъ подтверждаетъ это значеніе, то предположеніе должно уступить мѣсто положительнымъ фактамъ и вопросъ о значеніи городищъ въ исторіи долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, какой даютъ имъ древніе лѣтописи и акты.

1. По наружной конструкціи слово городище соотвѣтствуетъ словамъ монастырище, селище и дворище. Въ самыхъ древнихъ памятникахъ слова: городъ, монастырь, село и дворъ означаютъ различные роды народныхъ поселеній; тѣ же слова, съ измѣненіемъ окончанія на *ище*, означаютъ оставленныя мѣста различныхъ родовъ народныхъ поселеній, нежилыя, запустѣвшія. *Монастырище* означаетъ мѣсто, на которомъ некогда стоялъ монастырь; *селище* означаетъ мѣсто, на которомъ прежде было село; *дворище* означаетъ мѣсто, гдѣ былъ дворъ; соотвѣтственно тому, *городище* должно означать мѣсто бывшаго города.

2. Мѣстонахожденіе многихъ изъ сохранившихся городищъ вполне соотвѣтствуетъ мѣстонахожденію древнѣйшихъ городовъ Россіи, указанному лѣтописями. По народнымъ преданіямъ, городища—мѣста бывшихъ городовъ ⁵⁶).

3. Въ лѣтописяхъ и актахъ слову городище соотвѣтствуетъ только одно значеніе—значеніе мѣста бывшаго города. „Повѣсть временныхъ лѣтъ,” передавая народное преданіе о походѣ въ Грецію Кія, высказываетъ: „идушу-же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюбилъ мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущіе, еже и доннѣ нарѣчють дунайцы *городище Кіевецъ*” ⁵⁷). Діаконъ Игнатій, въ описаніи путешествія митрополита Пимена въ Царьградъ, даетъ слову городище тоже значеніе: „во вторникъ-же, говоритъ онъ, *Сергійю градъ* минухомъ плывуще, *не градъ-же убо, но точію городи-*

ще”⁵⁸). Въ одномъ мѣстѣ Книги Большаго Чертежа читаемъ: „*Бѣлгородъ стоялъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ, а послѣ литовскаго разоренія перенесенъ на другую сторону Донца, отъ стараго городища на 380 сажень*”⁵⁹). Въ другомъ мѣстѣ Книги Большаго Чертежа, послѣ перечисленія нѣкоторыхъ деревень за Волгою, сказано: „а за тѣми деревнями и до сибирскаго камня жилия никакого нѣтъ; есть пустыя городища чудскія, манкоръ и инья”⁶⁰). Въ собраніи рукописей графа Толстаго № 65 озаглавленъ такъ: „Описаніе о начатіи города Чернаго яра и о сгорѣніи перваго города, которое мѣсто нынѣ называется городищемъ”⁶¹). Наконецъ, въ отвѣтѣ Менгли-Гирея Ивану Васильевичу III 1492 года говорится: „Я съ братомъ моимъ великимъ княземъ всегда одинъ человекъ и строю теперь при устьи Днѣпра на старомъ городищѣ новую крѣпость, чтобы оттуда вредить Польшѣ”⁶²).

4. Исслѣдованія городищъ въ натурѣ специалистами подтверждаютъ указанія писанныхъ источниковъ на городища, какъ на остатки древнихъ городовъ. Калайдовичъ осмотрѣлъ 12 городищъ въ Рязанской губерніи и вынесъ убѣжденіе, что они представляютъ собою памятники древнихъ городовъ⁶³). Кешенъ, изслѣдовавъ нѣсколько городищъ въ земляхъ западныхъ Славянъ, писалъ оттуда: „городищъ, каковыя находятъ г. Ходаковскій, я не встрѣчалъ ни въ Славоніи, ни въ Сирміи. Здѣсь градищами называются развалины древнихъ замковъ”⁶⁴). Пассежъ осмотрѣлъ городища по верхнему теченію рѣки Донца (около 15), въ Харьковской губерніи, и пришелъ къ заключенію, что они представляютъ собою остатки городовъ Россіи до татарскаго времени⁶⁵). Графъ Уваровъ, въ своемъ изслѣдованіи „*Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ,*” въ отдѣленіи „о жилищахъ,” между прочимъ, замѣчаетъ: „городища, о прямомъ значеніи которыхъ доселѣ ничего не извѣстно, служили укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей,” а въ отдѣленіи „о предметахъ религіознаго вѣрованія” добавляетъ: „не смотря на количество изслѣдованныхъ мѣстностей, мы нигдѣ не нашли ясныхъ указаній на существованіе особыхъ мѣстъ для религіозныхъ обрядовъ, для капищъ и для жертвоприношеній.” Я осмотрѣлъ до настоящаго времени около 150 городищъ по берегамъ

рѣкъ: Невы, Назы, Лавы, Волхова, Ловати, Москвы, Упы, Сейма, Псла, Выря, Сѣвернаго Донца, Десны, Снови, Судости, Малотечяны, Вары, Бабинича, Дѣпра, Роси, Россавы, Трубежа, Сулы, Ромна, Вислы, Пилицы и др., и пришелъ къ слѣдующему заключенію: формы городищъ, ихъ мѣстоположеніе, характеръ внѣшнихъ укрѣпленій, состоящихъ изъ рововъ и валовъ, народныя преданія о значеніи ихъ, сличеніе мѣстонахожденія нѣкоторыхъ городищъ съ мѣстонахожденіемъ древнихъ городовъ, называемыхъ лѣтописями, составъ городищныхъ насыпей и вещи, находимыя на поверхности городищъ и въ нихъ вырываемыя, убѣждаютъ, что эти памятники представляютъ собою центры древнихъ жилищъ, народныхъ поселеній, защищавшія древнихъ поселенцевъ въ Россіи отъ непріятельскихъ нападений ⁶⁶). Конечно, этотъ выводъ не исключаетъ возможности найти въ массѣ сохранившихся городищъ остатки древнихъ временныхъ укрѣпленій, а можетъ быть, и языческихъ капищъ; но общее правило, тѣмъ не менѣе, не теряетъ своей силы, и громадное большинство сохранившихся городищъ древней формы должно быть признано остатками древнихъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ центровъ народныхъ селитѣль.

Противъ сказаннаго вывода, основаннаго на положительныхъ фактахъ, послѣдователи теоріи Ходаковского дѣлаютъ только два возраженія: городища, говорятъ они, слишкомъ многочисленны и слишкомъ малы для того, чтобы признать въ нихъ остатки древнихъ городовъ ⁶⁷). Эти возраженія, намъ кажется, основаны только на недоразумѣніи.

Въ виду рѣшенія вопроса объ историческомъ значеніи городищъ, необходимо знать, что такое древнерусскій городъ. Дѣйствительно, если бы мы сказали, что десятки тысячъ сохранившихся городищъ суть памятники городовъ въ новѣйшемъ смыслѣ—это была бы ошибка; но это мы никогда и нигдѣ не утверждали; мы утверждали и утверждаемъ только, что городища представляютъ собою остатки городовъ въ томъ значеніи, въ какомъ ихъ представляютъ древніе лѣтописи и акты, въ какомъ наши историки насчитывали до сихъ поръ 350 городовъ въ Россіи до татарскаго времени. Древній русскій городъ и нынѣшній—два предмета различные. Въ источникахъ читаемъ слѣдующія выраженія: „приде

къ Дунаеву, возлюбилъ мѣсто и *сруби градокъ малъ;*” „Павель посадникъ заложилъ Ладогу, *городъ каменъ;*” а будетъ въ московскомъ государствѣ *каменныхъ городовъ*, кромѣ монастырей, съ 20 городовъ, а остальные *деревянные, на земляныхъ валахъ и просто на землѣ;* „*начи ставити города* по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и *поча набирати мужи* лучшіе отъ Славенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чуди, и отъ Вятичъ, и *отъ сихъ насели грады*”⁶⁸⁾; и т. д. Изъ сличенія этихъ и подобныхъ имъ выраженій источниковъ видно, что городомъ въ древности называлось всякое укрѣпленіе, всякое укрѣпленное мѣсто народнаго поселенія. Городомъ въ послѣднемъ смыслѣ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ центровъ народныхъ поселеній, въ Россіи дотатарской эпохи было не около 350, какъ полагали историки до сихъ поръ, а по крайней мѣрѣ въ десять разъ болѣе, и притомъ, существовавшихъ одновременно. Между свидѣтельствами источниковъ встрѣчаются такіе, какъ, напримѣръ, свидѣтельство лѣтописи *о 80 городахъ на Дунаѣ, взятыхъ въ одинъ походъ* Святославомъ Игоревичемъ въ 967 году; *о 8 городахъ*, лежавшихъ на Волгѣ, между Бсятинимъ и Угличемъ, *на пространствѣ около 60 верстъ*, разрушенныхъ Ростиславомъ и Изяславомъ Мстиславичами въ 1148 г.; *о 3,600 городахъ, существовавшихъ у русскихъ Славянъ въ концѣ IX вѣка;* и т. д.⁶⁹⁾. Слѣдовательно, рѣшеніе вопроса о значеніи городищъ въ смыслѣ остатковъ древнихъ городовъ не только не противорѣчитъ свидѣтельствамъ источниковъ о количествѣ городовъ въ древнѣйшей Россіи, а напротивъ, подтверждается ими. Существованіе множества городовъ въ древнѣйшей Россіи представляетъ собою несомнѣнный историческій фактъ и наука остается только объяснить его. Попытку такого объясненія мы предлагаемъ въ другомъ мѣстѣ⁷⁰⁾.

Малая величина сохранившихся городищъ точно также не можетъ быть признана основательнымъ возраженіемъ противъ вывода о значеніи городищъ, какъ остатковъ городовъ. Величина площадей городищъ, т. е. внутреннихъ частей ихъ, безъ рововъ и валовъ, въ большинствѣ случаевъ, измѣняется отъ 300 до 500 арш. въ окружности, но встрѣчаются меньшія до 200 и большія 1000 арш. въ окружности. Величина важнѣйшихъ изъ пригородовъ псков-

скихъ, по описанію Н. И. Костомарова, измѣняется отъ 500 до 800 шаговъ въ окружности: „пространство Изборскаго городища менѣе нѣкого помѣщичьяго двора; площадь Котельничьяго городища до 600 шаговъ въ окружности; площадь Вревскаго городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину; окружность Краснаго городища 515 шаговъ; Опочское городище имѣетъ въ окружности 750 шаговъ ⁷¹⁾; и т. д.; площадь крѣпости, заложенной въ Ладогѣ посадникомъ Павломъ въ 1116 году и сохранившейся до настоящаго времени, около 400 арш. въ окружности; площадь древней Путивльскаго крѣпости около 500 арш. въ окружности; ту же величину имѣли древніе города Новгородсѣверскъ, Черниговъ и др. Если главнѣйшіе города и пригороды древней Россіи имѣли площадь отъ 400 до 800 арш. въ окружности, то второстепенные могли имѣть 300 и того менѣе.

Слѣдовательно, малая величина древнихъ городовъ Россіи такой же исторической фактъ, какъ и большое ихъ количество; и здѣсь наука остается только объяснить существующій фактъ, посредствомъ изученія экономическихъ условій жизни древнихъ народовъ и условій обороны древнихъ крѣпостей при нападеніи непріятеля ⁷²⁾.

Во всякомъ случаѣ, малая величина городищъ и ихъ количество соотвѣтствуютъ историческимъ свидѣтельствамъ о величинѣ древнихъ городовъ и ихъ количествѣ, а не противорѣчатъ имъ.

Предложенными фактами, мы думаемъ, положительно рѣшается вопросъ историческаго значенія городищъ ⁷³⁾. Эти памятники должны быть признаны мѣстами, на которыхъ въ древности стояли города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ центровъ народныхъ селитъ. При такомъ рѣшеніи вопроса объ историческомъ значеніи городищъ, эти памятники получаютъ въ высшей степени важное значеніе для русской исторіи, представляя собою богатый матеріалъ къ изученію путей и характера славянской колонизаціи восточной половины Европы, количества поселеній древнѣйшей Россіи, средствъ обороны отъ непріятеля, а въ нѣдрахъ своихъ, скрывая вещи домашняго быта. Особенно важное значеніе для науки имѣютъ городища языческой эпохи, по той бѣдности лѣтописнаго матеріала къ возстановленію политическаго и домашняго быта Славянъ язычниковъ, какимъ наука располагала до настоящаго времени. Къ счастью, между городищами древней формы, въ большинствѣ случаевъ, есть возмож-

ность при посредствѣ вѣрнаго признака отличить тѣ, возникновеніе которыхъ относится къ языческой эпохѣ. Этотъ признакъ—присутствіе кургановъ, языческихъ могилъ, вблизи городища. Языческое кладбище, расположенное возлѣ городища древней формы, мнѣ кажется, ручается за языческую эпоху происхожденія послѣдняго; по крайней мѣрѣ, сдѣланныя мною пробныя раскопки, это подтверждаютъ.

Въ землѣ Сѣверянъ до настоящаго времени сдѣланы изслѣдованія 30 городищъ, сопровождаемыхъ языческими кладбищами. Площадь ихъ покрыта слоемъ перегной растительныхъ веществъ и щебня, подобнаго щебню на дворищахъ и селищахъ. Вездѣ встрѣчается множество глиняныхъ черепковъ различнаго состава, кости животныхъ, птицъ и рыбъ, битый дикій камень, кирпичъ, уголь, зола и вещи домашняго быта: глиняныя и каменные пращи, бусы, привѣски, серьги, кольца, браслеты, шпильки, ключи, замки, гвозди, наконечники стрѣлъ, ножи, удки и проч. Всѣ эти вещи представляютъ собою только повтореніе вещей, найденныхъ въ курганахъ языческой эпохи, сопровождающихъ городища.

Мнѣ уже извѣстно въ предѣлахъ земли Сѣверянъ болѣе ста городищъ, сопровождаемыхъ группами кургановъ. Не меньшее количество сохранилось ихъ и въ другихъ земляхъ древнерусскихъ Славянъ. Между тѣмъ, не всѣ городища, не имѣющія въ настоящее время вблизи кургановъ, непременно относятся къ позднѣйшему, христіанскому времени. Курганы съ теченіемъ времени исчезаютъ во множествѣ отъ разныхъ причинъ, какъ напримѣръ, отъ раскопокъ искателями кладовъ, отъ раскопокъ для добыванія глины, камня и пр. Особенно много сглаживается кургановъ плугами, при распашкѣ полей, а потому мѣстность, прежде изобиловавшая курганами, но издавна воздѣлываемая подъ пашню, въ настоящее время можетъ ихъ не имѣть вовсе. Укажу на одинъ примѣръ изъ многихъ, извѣстныхъ мнѣ. Въ Рыковской волости найденъ только одинъ курганъ, въ трехъ верстахъ отъ г. Новгородсѣверска. Въ 1872 г. я получилъ сообщеніе Рыковской волости, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „кургановъ въ Рыковской волости нѣтъ, есть только въ верстѣ отъ Бугриновскаго городища урочище, называемое Курганье.“ Посѣтивъ Рыковскую волость въ 1872 году, я просилъ показать мнѣ урочище Курганье. Это оказалась, на первый

взглядъ, совершенно ровная мѣстность, распахиваемая подь посѣвы; только издали можно было замѣтить едва замѣтную неровность; осматривая это поле, я нашелъ въ одномъ мѣстѣ кусокъ бедровой человѣческой кости. Пригласивъ рабочихъ, я наудачу назначилъ шесть пунктовъ и приказалъ рыть. Въ четырехъ пунктахъ, на глубинѣ отъ $\frac{1}{2}$ арш. до $1\frac{1}{2}$, встрѣчены человѣческіе остовы, изъ которыхъ три обращены были лицомъ къ востоку и одинъ лицомъ къ сѣверу; при двухъ остовахъ найдены украшенія, совершенно подобныя украшеніямъ языческой эпохи, найденнымъ въ курганахъ разныхъ пунктовъ земли Сѣверянъ.

Я не имѣлъ возможности раскопать во всей цѣлости ни одного городища, но сдѣланныя мною находки, при прорытіи пробныхъ ямъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, даютъ возможность предположить съ полною вѣроятностью, что будущія систематическія изслѣдованія привлекутъ изъ этихъ памятниковъ много историческихъ матеріаловъ.

Каждое изъ городищъ, сопровождаемыхъ языческимъ кладбищемъ, должно быть изслѣдовано прорытіемъ, по крайней мѣрѣ, двухъ широкихъ крестообразныхъ траншей, по всю длину площадей; должны быть изслѣдованы и сопровождающіе городища курганы.

Мои изслѣдованія городищъ до настоящаго времени убѣждаютъ только, что городища въ громадномъ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою остатки древнихъ укрѣпленныхъ селитѣль и что между ними есть возможность отличить тѣ, возникновеніе которыхъ относится къ языческой древности. Конечно, распределение городищъ по эпохамъ и народностямъ будетъ стоить большихъ трудовъ и большихъ издержекъ, но, съ другой стороны, изслѣдованіе вещественныхъ памятниковъ языческой древности почти единственное средство поставить знаніе начальнаго періода нашей исторіи на прочныя, реальныя основанія. Столѣтній опытъ убѣждаетъ, что изученіе только лѣтописныхъ матеріаловъ не даетъ прочныхъ знаній.

II. Курганы. Основнымъ вопросомъ по отношенію къ изслѣдованнымъ курганамъ является вопросъ о народности ихъ, рѣшеніемъ котораго обуславливается значеніе для науки находимыхъ въ курганахъ матеріаловъ, въ качествѣ *историческихъ источниковъ*.

Въ 1763 году, по порученію Новорусскаго губернатора Мельгунова, разрытъ былъ въ Новороссіи одинъ курганъ, въ которомъ нашли золотую цѣпочку, четыре серебряныхъ подсвѣчника, рукоятку отъ кинжала, обтянутую рѣзною, золотою бляхою, съ различными изображеніями, и пр. 74). По поводу этихъ находокъ Шлецеръ замѣтилъ слѣдующее: „Новоруссія есть та земля, черезъ которую всѣ народы, переселявшіеся изъ Азіи въ Европу, не только проходили, но и останавливались въ ней. Чего еще впередъ не выростъ изъ здѣшнихъ кургановъ. Но всѣ эти рѣдкости не принадлежатъ туда, гдѣ говорится о первыхъ столѣтіяхъ Россіи” 75). Послѣ Шлецера до новѣйшаго времени признавалось невозможнымъ отличить могилы древнеславянскія отъ могилъ другихъ народовъ 76). Отрицательный взглядъ на возможность когда либо опредѣлить народность историческаго матеріала, сокрытаго въ могилахъ земель славянскихъ, естественно, не могъ способствовать появленію охотниковъ ихъ систематическаго ученаго изслѣдованія.

Въ 1873 году, графъ Уваровъ, дѣятельности котораго многимъ обязана русская археологія, впервые высказался въ нашей литературѣ противъ неосновательности отрицательнаго воззрѣнія на значеніе могилъ, какъ источниковъ древнеславянскіи исторіи. Въ статьѣ графа Уварова „О признакахъ народности могильныхъ насыпей” мы находимъ слѣдующую основательную аргументацію: „во первыхъ, мы положительно знаемъ, что доселѣ археологическими раскопками не достаточно еще обследованы всѣ мѣстности, заселенныя славянскими и неславянскими племенами, и даже большая часть мѣстностей до такой степени еще не обследована, что мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о могилахъ и другихъ памятникахъ, находящихся въ этихъ мѣстностяхъ.... Погребальныя обряды каждаго народа оставили въ могилахъ слѣды мѣстныхъ обычаевъ; когда эти обычаи будутъ вполнѣ разъяснены, тогда разъяснится намъ народность различныхъ могилъ” 77). Дѣйствительно, раскопки могилъ въ земляхъ русскихъ Славянъ, сдѣланныя до начала нынѣшняго десятилѣтія, слишкомъ недостаточны для того, чтобы на ихъ основаніи возможно было сдѣлать тотъ или другой основательный выводъ. До новѣйшаго времени курганы въ земляхъ русскихъ Славянъ оставались

почти нетронутыми ⁷⁸). При отсутствіи спеціальныхъ, ученыхъ, систематическихъ раскопокъ кургановъ въ земляхъ русскихъ Славянъ, очевидно, невозможны были и выводы о народности этихъ кургановъ и значеніи для исторіи вещей, въ нихъ находимыхъ.

Въ настоящее время неосновательность мифіи о невозможности отличить древнеславянскія могилы отъ могилъ другихъ народовъ можетъ быть доказана положительными фактами.

Курганы, изслѣдованные нами въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской, Курской и Харьковской, обнаружили два существенно различные способа похоронъ: погребеніе и сожженіе труповъ. Въ курганахъ погребенія покойниковъ не было найдено несомнѣнныхъ признаковъ или вещей, при посредствѣ которыхъ можно было бы рѣшить положительно вопросъ о народности этихъ кургановъ. Напротивъ, курганы, скрывавшіе въ себѣ кострища (то есть пепелища отъ костровъ) и сосуды со жжеными человѣческими костями, представили факты, которые, при сопоставленіи съ извѣстіями нашей начальной лѣтописи и сказаніями иностранныхъ писателей о погребальныхъ обычаяхъ Славянъ до принятія ими христіанства, положиительно рѣшаютъ вопросъ о народности этихъ кургановъ. Потому, предоставляя дальѣйшимъ изслѣдованіямъ рѣшеніе вопроса о народности кургановъ со всѣми видоизмѣненіями обычая погребенія, мы остановимся здѣсь только на вопросахъ о народности кургановъ съ остатками трупосожженія и значеніи для науки историческаго матеріала, въ нихъ открытаго.

Изслѣдованные нами курганы съ остатками трупосожженія представляютъ два вида: курганы большой величины, прикрывающіе собою кострища, и курганы малой величины, заключающіе въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями. Обрядъ похоронъ, въ томъ и другомъ видѣ кургановъ, на основаніи сдѣланныхъ раскопокъ, можетъ быть вполне восстановленъ.

При похоронахъ въ курганахъ большой величины, сначала приготавлилась насыпь, отъ одного до шести аршинъ отвѣсной высоты, съ обширнымъ основаніемъ, отъ 50 до 200 арш. въ окружности. На этой насыпи устраивали костеръ. На величину костра указываютъ испепелившіяся кости и расплавившіяся золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи, а также толщина кострища, состоящаго

пзъ слоя пепла, угля и жженыхъ костей, толщиною, въ разныхъ курганахъ, отъ двухъ вершковъ до двухъ четвертей. Положивъ въ парадномъ костюмѣ покойника на кострѣ, клали туда же разныя вещи: вооруженіе, оружіе, сбрую, разныя домашнія орудія, игорныя принадлежности, монеты, зерновой хлѣбъ, домашнихъ животныхыхъ. Послѣ сожженія, пепелище закрывали слоемъ земли, по различію кургановъ, отъ двухъ четвертей до пяти аршинъ толщиною. На этомъ слоѣ, въ центрѣ кургана, ставили сосудъ съ костями принесеннаго въ жертву животнаго, при которомъ иногда клали вооруженіе покойника: шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья и стрѣлы. Жертвенный слой кургана въ свою очередь закрывался слоемъ земли, по различію кургановъ, отъ двухъ до шести аршинъ толщиною. На вершинѣ Черной Могилы въ Черниговѣ обнаружены явные слѣды памятника, разрушеннаго временемъ. Можетъ быть и на другихъ курганахъ этой формы ставились какіе либо знаки или памятники, уничтоженные временемъ. По сооруженіи кургана, подошва его обносила охраннымъ ровомъ, отъ двухъ до десяти аршинъ шириною и отъ одного до пяти аршинъ глубиною.

Обрядъ похоронъ, раскрытый раскопками кургановъ, содержащихъ сосуды со жжеными человѣческими костями, значительно отличается отъ обряда похоронъ въ курганахъ съ кострищами. Покойниковъ въ этомъ случаѣ сжигали не въ курганахъ, гдѣ найдены ихъ сожженные остатки, а гдѣ-то на сторонѣ. Можетъ быть, каждому покойнику дѣлали особый костеръ возлѣ похороннаго кургана, а можетъ быть бѣдняки сжигались гдѣ либо въ общей трупосожигательницѣ. Вместе съ трупомъ человѣка сжигали мелкихъ животныхъ; почти въ каждомъ сосудѣ различаются кости человѣка и животныхыхъ. Послѣ сожженія собирали недогорѣвшія кости, клали ихъ въ глиняный сосудъ, ставили сосудъ въ приготовленный земляной холмъ, отъ одного до двухъ аршинъ высоты, и засыпали его слоемъ земли, отъ двухъ четвертей до полутора аршина толщиною. Покойниковъ сжигали одѣтыми, какъ видно по находимымъ между костями украшеніямъ. Иногда въ одномъ курганѣ были находимы два, даже три сосуда со жжеными человѣческими костями, рядомъ стоящіе. Можетъ быть въ этихъ случаяхъ вместе съ покойниками были сжигаемы жены ихъ,

на что имѣется указаніе въ источникахъ. Въ такомъ случаѣ въ однихъ сосудахъ могли быть кости мужей, въ другихъ женъ 79). Часто рядомъ съ сосудами, наполненными костями, попадались пустые, т. е. наполненные только землею. Обрядъ похоронъ, открытый въ курганахъ, содержащихъ въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, вполне соответствуетъ обряду похоронъ, господствовавшему у русскихъ Славянъ въ эпоху, предшествовавшую эпохѣ принятія ими христіанства. Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ извѣстномъ описаніи нравовъ и обычаевъ русскихъ Славянъ языческой эпохи, между прочимъ сказано: „Радимичи, Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имѣяху.... Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ и посемь творяху кладу велику и възложатъ и на кладу мертвеца, сожжаху; а посемь, собравше кости, вложатъ въ судину малу и поставяху на столпѣ, на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычаи Кривичи и прочіе поганіи, не ведуще закона Божія, но творяще сами собѣ законъ” 80). Свидѣтельство арабскаго писателя X в. Ибнъ-Дасты о сожженіи мертвыхъ у Славянъ поясняетъ намъ, въ какомъ смыслѣ должно быть понимаемо слово „столпъ“ въ приведенномъ свидѣтельствѣ нашей лѣтописи. „Страна Славянъ,” говоритъ арабскій писатель, „страна ровная и лѣсистая... Когда умираетъ кто либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его. На слѣдующій день по сожженіи покойника отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ.” Въ виду полной тождественности обряда похоронъ, открытаго въ курганахъ, содержащихъ въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, съ обрядомъ похоронъ у русскихъ Славянъ языческой эпохи, записаннымъ нашимъ лѣтописцемъ и арабскимъ писателемъ, не возможно сомнѣваться въ славянской народности этихъ кургановъ.

Мало того, наша лѣтопись даетъ возможность опредѣлить, какому именно изъ племенъ русскихъ Славянъ принадлежатъ курганы, содержащіе сосуды съ человѣческими костями, разрытые нами въ Черниговской, Полтавской, Курской и Харьковской губерніяхъ. Между славянскими народами, сожигавшими своихъ покойниковъ и ставившими остатки сожженныхъ труповъ на холмъ, наша лѣтопись именуетъ Сѣверянъ. Границы сѣверянской земли въ той

же лѣтописи обозначены: „а друзи“ (словѣни), говорится въ ней, съдоша по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ, и нарѣкошася Сѣверь.” Эти свѣдѣнія еще точнѣе опредѣляются извѣстіями той-же лѣтописи и Константина Багрянороднаго о древнѣйшихъ городахъ Сѣверянъ: о Любечѣ на Днѣпрѣ и о Черниговѣ на Деснѣ ⁸¹⁾. Всѣ курганы, содержащіе въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, изслѣдованные нами, находятся въ границахъ сѣверянской земли, обозначенныхъ лѣтописью.

И такъ, въ лѣтописи находимъ обозначеніе границъ земли, занятой сѣверянами языческой эпохи, и точное описаніе господствовавшего у нихъ обычая похоронъ покойниковъ; нынѣ во многихъ мѣстностяхъ сѣверянской земли, обозначенныхъ лѣтописью, открыты могилы, въ которыхъ обнаруженъ языческій обычай похоронъ, вполне соответствующій обычаю похоронъ Сѣверянъ язычниковъ, описанному лѣтописцемъ; слѣдовательно, могилы, содержащія въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, разрытыя нами въ 12 мѣстностяхъ сѣверянской земли, въ количествѣ до 200, принадлежать сѣверянамъ-язычникамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дальнѣйшія изслѣдованія откроютъ такія могилы и во множествѣ другихъ мѣстностей сѣверянской земли, остающихся еще неизслѣдованными.

Необыкновенно счастливое стеченіе обстоятельствъ раскопки кургановъ Черной Могилы и Гульбища въ Черниговѣ даютъ полную возможность не только опредѣлить народность этихъ могилъ, но даже обозначить время, къ которому онѣ относятся.

Въ Черной Могилѣ найдены двѣ цѣлыхъ византійскихъ золотыхъ монеты и половина третьей. Въ Гульбищѣ найденъ серебряный сяманидскій диргемъ. Очевидно, курганы не могутъ быть старше найденныхъ въ нихъ монетъ. На цѣлыхъ византійскихъ монетахъ, съ одной стороны мы видимъ изображеніе двухъ императоровъ и вокругъ надпись: „Basilius et Constant Augg;” на другой сторонѣ изображеніе Спасителя и вокругъ надпись: „Ihs Xps Rex Regnantium.” Эти монеты отнесены къ царствованію Василія I и сына его Константина IX (898—870 г.) въ сочиненіяхъ Sabatier „Description générale des monnaies Byzantines” (t. I, p. 107, № 5, таблица XLIV, № 22) и Saulcy „Numismatique Byzantine” etc. (стр. 202, табл. XIX, № 1). На по-

ловинѣ третьей монеты съ одной стороны видно изображеніе императора, безъ бороды, en face, въ тиарѣ, и часть креста, который онъ держалъ вмѣстѣ съ другимъ императоромъ, изображеннымъ на недостающей половинѣ монеты, съ надписью вокругъ: „Roman augg.“; на другой сторонѣ изображеніе половины бюста Христа на крестѣ, въ сіяніи, съ надписью \dagger regnantium. Сличивъ данный отрѣзокъ съ монетами, на которыхъ вторымъ императоромъ названъ Романъ, мы видимъ, что она тождественно совпадаетъ съ монетою Константина X и сына его Романа II (948—959 г.), описаной у Sabatier (т. II, стр. 129, № 14; tab. XLVI, № 18). Серебряный симанидскій диргемень, найденный въ курганѣ Гульбищѣ, настолько сожженъ, что прочесть на немъ всю надпись нѣтъ никакой возможности. Тѣмъ не менѣе удалось на одной изъ сторонъ монеты очистить два слова, одно изъ которыхъ, воззваніе къ Аллаху, по заключенію извѣстнаго знатока восточныхъ монетъ, г. Тизенгаузена, ручается, что эта монета относится ко времени не ранѣе послѣдней четверти IX вѣка, когда впервые на симанидскихъ монетахъ стали помѣщать сказанное воззваніе.

Нижеслѣдующія соображенія даютъ намъ право ограничить эпоху насыпки черниговскихъ кургановъ съ кострищами съ другой стороны. По извѣстію нашей лѣтописи, въ 988 году князь Владиміръ Святославичъ, крестивъ Кіевлянъ, „повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстамъ, идеже стояху кумири... и нача ставити по градомъ церкви, и попы и люди на крещенъе приводити, по всемъ градомъ и селомъ”⁸²⁾. Хотя лѣтописецъ не означаетъ, въ какихъ именно городахъ св. Владиміръ насаждалъ вѣру Христову, но само собою разумѣется, что слова лѣтописца не могутъ не относиться къ Чернигову, ближайшему изъ городовъ русскихъ Славянъ къ столицѣ великаго князя—Кіеву. Уже черезъ четыре года по введеніи христіанства въ Кіевѣ, въ землѣ черниговской нужно было открыть епархію и она была открыта; по лѣтописи, въ 992 г. „взя Володимерь у патріарха митрополита Кіеву Леонта и того же лѣта постави Леонтъ митрополитъ Чернигову Неофита”⁸³⁾. На соборѣ въ 1667 г. за несомнѣнное считали, что древность черниговской кафедры простирается гораздо далѣе 600 лѣтъ⁸⁴⁾. Въ первой четверти XI вѣка Черниговъ дѣлается резиденціей христіанскаго князя

Мстислава Владиміровича, который въ 1036 году „изыде на ловы, разболѣся и умре, и положиша и въ церкви св. Спаса, юже бѣ самъ заложилъ”⁸⁵⁾. Съ раздѣленіемъ Россіи на удѣлы по смерти Ярослава Владиміровича, черниговская земля досталась въ удѣлъ второму сыну Ярослава и Черниговъ дѣлается постояннымъ мѣстомъ пребыванія Святослава Ярославича и его старшихъ потомковъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ первой половинѣ XI в. Черниговъ былъ уже христіанскимъ городомъ, мѣстомъ пребыванія епископа и христіанскаго князя. Въ Черной Могилѣ и Гудьбицѣ открытъ языческій способъ похоронъ мертвыхъ, посредствомъ сожженія труповъ. Бромъ того, эти могилы такъ громадны, что могли быть насыпаны только большимъ обществомъ; чтобы разрыть Черную Могилу потребовалось около трехъ мѣсяцевъ времени, при чемъ ежедневно работали отъ 15 до 20 человекъ. Всенародное отправленіе языческаго обряда похоронъ, въ центрѣ христіанской земли, передъ лицомъ христіанскаго князя и христіанскаго духовенства едва ли могло быть допущено. Такой вѣротерпимости не знаетъ исторія христіанства среднихъ вѣковъ. Византійское духовенство, распространяя на Руси вѣру Христову, конечно, въ самомъ началѣ выставило обрядъ сожженія покойниковъ противнымъ вѣрѣ Христовой. Въ описаніи нравовъ русскихъ Славянъ нашей древнѣйшей лѣтописи обычай сожженія труповъ выставленъ въ числѣ звѣрскихъ обычаевъ „поганыхъ, невѣдущихъ закона Божія.” Проповѣдь христіанскаго духовенства была такъ успѣшна, что къ началу XII вѣка, если вѣрить лѣтописцу, обычай сожженія труповъ удержался только въ дѣсахъ Вятчей, отдаленныхъ отъ главнѣйшихъ политическихъ центровъ того времени—Кіева и Чернигова. Въ политическихъ центрахъ, конечно, онъ долженъ былъ исчезнуть гораздо ранѣе, вѣроятно, тотчасъ по введеніи христіанства.

Слѣдовательно, эпоха насыпки черниговскихъ кургановъ съ кострищами, ограниченная съ одной стороны концомъ XI вѣка, можетъ быть ограничена съ другой стороны началомъ IX вѣка.

Въ X вѣкѣ, въ области Десны, жило славянское племя Сѣверяне. Начальная русская лѣтопись и Константинъ Багрянородный, писатель половины X вѣка, именуютъ Черниговъ главнымъ городомъ Сѣверянъ⁸⁶⁾. Черниговъ же X вѣка и Черниговъ нашего времени,

въ которомъ разрыты Черная Могила и Гульбище, не только лежать въ границахъ сѣверянской земли языческой эпохи, обозначенныхъ лѣтописью, но и тождественны по мѣсту находенія. Подъ 1074 годомъ въ лѣтописи сказано: „Святославъ.... поя Антонія къ Чернигову, и возлюби Болдины горы, и, ископавъ пещеру, ту ся всели”⁸⁷); въ Патерикѣ Печерскомъ, въ житіи Антонія, сказано: „возлюби мѣсто близъ града Чернигова въ горѣ Болдинѣ.” Курганъ Гульбище разрытъ на Болдиной горѣ, въ разстояніи 400 шаговъ ближе къ Чернигову отъ пещеры Антонія, доннынѣ сохранившейся. Подъ 1148 годомъ въ лѣтописи сказано: „пойде Изяславъ къ Чернигову.... и пришедь ста на Ольговѣ поли”⁸⁸). Название Ольгово поле до сихъ поръ сохранило одно изъ урочищъ въ западной сторонѣ Чернигова, между Черной Могилой и курганами Гульбищемъ и Княжны Черны, съ одной стороны, и дорогой, ведущей изъ Чернигова на Любечъ, съ другой.

На основаніи изложенныхъ фактовъ и соображеній, сѣверянская народность черниговскихъ кургановъ съ вострищами не можетъ подлежать сомнѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ подлежать сомнѣнію и важное историческое значеніе обширнаго матеріала, въ этихъ курганахъ открытаго.

Значеніе курганныхъ находокъ для науки. Что намъ извѣстно было до настоящаго времени о бытѣ Сѣверянъ языческой эпохи на основаніи лѣтописныхъ источниковъ и что вносятъ новаго въ наши понятія о бытѣ этого племени находки, сдѣланныя до настоящаго времени въ курганахъ? Отвѣтомъ на эти вопросы мы укажемъ на значеніе курганныхъ матеріаловъ, въ качествѣ историческихъ источниковъ.

Сѣверяне прежними историками считались грубѣйшимъ изъ племенъ русскихъ Славянъ языческой эпохи, потому что къ нимъ непосредственно относится классическое извѣстіе лѣтописи: „живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто.” Сколько мнѣ извѣстно, между всѣми учеными юристами только И. Д. Бѣляевъ, сопоставляя сказаніе лѣтописи о дикости нравовъ Сѣверянъ съ указаніями той же лѣтописи и иностранныхъ писателей на сѣверянскіе города и торговля сношенія съ отдаленными странами, старался доказать, „что лѣтописецъ, христіанскій монахъ,

односторонно смотрѣлъ на бытъ язычниковъ, обычаи поганыхъ, невѣдущихъ закона Божія, что Сѣверяне языческой эпохи не стояли на степени звѣролововъ и рыболововъ, что они имѣли общественные союзы, вели торговые сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, вообще, стояли на несравненно высшей ступени цивилизации, нежели обыкновенно думаютъ" ⁸⁹⁾. Но доказательства Бѣляева, основанныя, главнымъ образомъ, на извѣстномъ сказаніи о Руссахъ арабскаго писателя Ибнъ-Фодлана, не имѣли достаточной убѣдительности. Историки до Бѣляева въ Руссахъ Фодлана видѣли не Славянъ, а Норманновъ. Предположивъ въ Руссахъ Фодлана Славянъ, а именно Сѣверянъ, Бѣляевъ не доказалъ своего предположенія фактически, почему не были приняты въ наукѣ и его воззрѣнія на условія быта Сѣверянъ языческой эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и мнѣніе о первобытной грубости этого племени оставалось въ наукѣ господствующимъ. Въ настоящее время вещественные памятники земли Сѣверянъ, на которые прежніе историки не обращали никакого вниманія, доставили историческій матеріалъ, на основаніи котораго, безъ сомнѣнія, будетъ создано болѣе устойчивое и болѣе соответствующее исторической дѣйствительности понятіе о языческомъ бытѣ Сѣверянъ, нежели воззрѣнія, господствовавшія въ наукѣ до настоящаго времени, созданныя на основаніи отрывочныхъ, темныхъ, лѣтописныхъ сказаній.

Фактъ существованія во многихъ пунктахъ сѣверянской земли остатковъ древнихъ укрѣпленныхъ селитьбъ (городищъ), а при нихъ общественныхъ кладбищъ (состоящихъ изъ сотенъ насыпей, донныя сохранившихся, между которыми встрѣчаемъ могилы— громады сооруженія, обязанныя своимъ возникновеніемъ труду многихъ лицъ), указываетъ на существованіе у Сѣверянъ языческой эпохи значительныхъ политическихъ обществъ. Одинаковый обрядъ погребенія, открываемый въ курганахъ одной группы и въ курганахъ разныхъ группъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни верстъ, доказываетъ существованіе на всемъ пространствѣ земли Сѣверянъ общихъ народныхъ обычаевъ. Различная величина могильныхъ насыпей одной группы кургановъ и различное богатство погребенныхъ, выражающееся въ большемъ или меньшемъ числѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ томъ или другомъ кур-

ганѣ, доказываютъ неравенство общественныхъ классовъ въ сѣверянскихъ обществахъ. Находимыя въ курганахъ монеты указываютъ на отдаленныя торговыя сношенія.

Другія находки въ курганахъ даютъ возможность возстановить домашнюю жизнь язычника Сѣверянина, его одежду, костюмъ, вооруженіе, занятія, домашнюю обстановку и вѣрованія. Найдены остатки холстяныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей; принадлежности костюма: разной формы и различного состава серьги, ожерелья, привѣски, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, застежки, булавки и пр.; принадлежности вооруженія: шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья, дротики, кинжалы, стрѣлы; вещи домашняго быта: глиняные, желѣзные и бронзовые сосуды, кубки, замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, пряслицы, игральныя кости; принадлежности сбруи: удила, стремяна, остатки сѣделъ; серпы и хлѣбныя зерна указываютъ на земледѣльческій бытъ Сѣверянина, а остатки принесенныхъ въ жертву животныхъ и другія частности погребенія рисуютъ его вѣрованія.

Раскопки въ землѣ Сѣверянгъ представляютъ намъ бытъ этого племени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бытъ русскихъ Славянъ язычниковъ вообще, совершенно въ новомъ свѣтѣ.

Представляя сами собою обширный и важный историческій матеріалъ, результаты курганныхъ изслѣдованій, въ то же время, даютъ средство къ точному пониманію спорныхъ извѣстій писанныхъ памятниковъ. Такъ напримѣръ, извѣстія лѣтописи и иностранныхъ писателей о княженіяхъ и городахъ древнерусскихъ Славянъ, о сношеніяхъ русскихъ Славянъ до времени Игоря съ Византіей и отдаленнымъ Востокомъ были оспариваемы прежними историками, какъ позднѣйшія вставки переписчиковъ древнихъ лѣтописей; нынѣ сказанныя извѣстія должны быть признаны несомнѣнными историческими фактами, потому, что открыты остатки древнеславянскихъ городовъ, княжескія могилы языческой эпохи, а въ нихъ найдены византійскія и арабскія монеты IX-го вѣка. Другой примѣръ: извѣстная записка арабскаго писателя X-го вѣка, Ибнъ Фодлана, считается въ ученой литературѣ „самымъ важнымъ литературнымъ произведеніемъ арабовъ относительно Восточной Европы.“ Но „самый важный вопросъ, возникающій при чтеніи извѣстій Ибнъ-Фодлана, именно, кто были

его Руссы: Норманны или Славяне?—до сихъ поръ не рѣшенъ”⁹⁰⁾. Одни признавали въ нихъ Норманновъ, другіе Славянъ, третьи Финновъ. Въ настоящее время, когда народность черниговскихъ кургановъ можетъ считаться доказанною, вопросъ о народности Фодлановыхъ Руссовъ рѣшается простымъ сопоставленіемъ его описанія обрядовъ погребенія, господствовавшихъ у Руссовъ въ X-мъ вѣкѣ, съ обрядомъ погребенія, открытымъ въ курганахъ земли древнихъ Сѣверянъ. Въ общемъ и въ частности обрядъ, описанный Фодланомъ, и обрядъ черниговскихъ кургановъ сходны до такой степени, что несомнѣнно принадлежатъ одному народу.

Я перечислилъ только очевидные результаты изслѣдованія древнихъ земляныхъ насыпей, имѣющіе характеръ безспорный, положительный. Сумма ихъ, конечно, значительна. Но мы имѣемъ основанія предположить, что съ дальнѣйшимъ, систематическимъ, соотвѣтственнымъ требованіямъ исторической науки, изслѣдованіемъ городищъ и кургановъ, сохранившихся въ предѣлахъ земель древнихъ Славянъ, будутъ разрѣшены многіе другіе вопросы древнѣшаго періода нашей исторіи, стоящіе на очереди, будутъ поставлены и рѣшены новые вопросы, о которыхъ мы теперь и не думаемъ⁹¹⁾

Недостатки прежнихъ раскопокъ. Важныхъ результатовъ для древнѣшаго періода нашей исторіи мы можемъ ожидать только отъ раскопокъ систематическихъ, веденныхъ правильно и описанныхъ соотвѣтственно требованіямъ исторической науки. Мы вполне убѣждены, что если до 1873 года не было найдено въ предѣлахъ Россіи ни одного кургана съ безспорными признаками славянской народности⁹²⁾, то только потому, что до новѣйшаго времени при раскопкахъ обращали вниманіе болѣе на курганныя вещи, нежели на устройство могилъ и обряды погребенія, и недостаточно сличали результаты раскопокъ съ указаніями писанныхъ памятниковъ. Говоримъ это, съ цѣлью сознать невольныя ошибки прежнихъ курганокопателей и изыскать мѣры къ предупрежденію такихъ ошибокъ въ будущемъ.

Прежніе историки-юристы, предполагая невозможнымъ отличить въ массѣ сохранившихся древнихъ земляныхъ насыпей могилы и селитьбы нашихъ предковъ, сами не занимались ихъ изслѣдованіемъ и не признавали нужнымъ принимать какія бы то ни было мѣры къ сохраненію этихъ памятниковъ и научному ихъ изслѣдованію.

Съ другой стороны, курганы и городища уничтожались во множествѣ помимо научныхъ цѣлей: ради простаго любопытства, искателями кладовъ, при проведеніи дорогъ, возведеніи построекъ, распашкѣ полей, добываніи глины, камня и пр. Часто находили въ курганахъ разныя вещи; но эти находки или бросались, какъ ненужныя, или перековывались и переплавлялись въ орудія новаго времени, или, наконецъ, сравнительно въ ничтожномъ количествѣ, достигали древнехранилицъ; но и эти послѣднія, въ большинствѣ случаевъ, не представляютъ собою историческаго матеріала, потому что поступали въ музеи безъ описаній устройства могилъ, часто даже безъ обозначенія мѣстностей, въ которыхъ они найдены. Словомъ, находки въ курганахъ земли древнерусскихъ Славянъ и ихъ утраты до новѣйшаго времени не возбуждали въ нашемъ обществѣ ни интереса, ни сожалѣнія ⁹³).

Мы должны сознаться, что даже раскопки, веденныя съ научными цѣлями, въ большинствѣ случаевъ, скорѣе можно признать уничтоженіемъ историческихъ памятниковъ, нежели ихъ научныхъ изслѣдованіемъ. Такъ напримѣръ, въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія въ югозападныхъ губерніяхъ „по распоряженію начальства,” какъ выражается мѣстное крестьянское населеніе, было раскопано множество кургановъ. Раскопки производили мѣстные помѣщики, исправники, становые пристава, волостные писаря и пр. Найдено было много любопытныхъ предметовъ, часть которыхъ поступила въ музей университета Св. Владиміра; но при этихъ вещахъ не имѣется описаній устройства тѣхъ могилъ, въ которыхъ онѣ найдены. Въ изданіи г. Фундуклея, подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Киевской губерніи,” перечислена часть фактовъ, собранныхъ путемъ сказанныхъ раскопокъ; но здѣсь мы также не находимъ дневниковъ раскопокъ и точныхъ описаній внѣшней формы кургановъ и устройства могилъ, въ которыхъ найдена та или другая вещь. По всей вѣроятности, дневниковъ раскопокъ вовсе не было ведено. При такихъ условіяхъ курганныя находки не могутъ имѣть никакого значенія въ глазахъ историка, заинтересованнаго распредѣленіемъ древнихъ могилъ по народностямъ. Много подобныхъ примѣровъ можно было бы привести и изъ позднѣйшаго времени ⁹⁴). Вообще до новѣйшаго времени, раскопка

кургановъ была производима, съ ученою цѣлью, преимущественно естествоиспытателями и археологами. Первые искали въ курганахъ, главнымъ образомъ, костей, а вторые — вещей. Тѣ и другіе, за немногими исключеніями, одинаково обращали слишкомъ ничтожное вниманіе на устройство могилъ въ различныхъ курганахъ и на частности обряда похоронъ, открываемая раскопкою. Мало того, интересуясь преимущественно костями и вещами, какъ естествоиспытатели, такъ и археологи поручали раскопки каждому, кто изъявлялъ желаніе производить ихъ и доставлять найденныя кости и вещи въ собраніе того или другаго общества. При этомъ не обращали вниманія на то обстоятельство, имѣло ли возмoжность уполномочиваемое лицо произвести раскопку правильно и описать ее, соотвѣтственно требованіямъ науки. Безъ извѣстной подготовки, то есть, знакомства съ обрядами погребенія различныхъ народовъ, описанными древними писателями, знакомства съ результатами раскопокъ, произведенныхъ до настоящаго времени, знакомства съ извѣстными практическими приемами, невозможно произвести раскопку правильно, то есть соотвѣтственно современнымъ требованіямъ исторической науки: невозможно описать внѣшнюю форму насыпи, частности въ устройствѣ различныхъ могилъ, расположеніе въ нихъ костей погребеннаго и вещей при немъ найденныхъ и, наконецъ, обряды погребенія, открываемые раскопкою.

„Цѣлыя тысячи кургановъ, возражаютъ намъ, исчезаютъ подъ плугомъ крестьянина.” Это дѣйствительно; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы раскопки съ ученою цѣлью можно было поручать лицамъ, не могущимъ произвести раскопку полно и правильно. Исчезновеніе тысячъ кургановъ подъ плугомъ пахаря и заступомъ кладочискателя вредитъ наукѣ тѣмъ, что уменьшаетъ количество историческаго матеріала. Противъ этого зла могутъ и должны быть приняты мѣры, которыя предложены нами въ другомъ мѣстѣ ⁴⁵). Неправильныя раскопки и описанія, уничтожая историческій матеріалъ, сверхъ того, ведутъ науку къ неправильнымъ выводамъ. Какіе же выводы можетъ сдѣлать историкъ на основаніи невѣрныхъ и неполныхъ описаній устройства могилъ и обрядовъ погребенія, обнаруженныхъ раскопками? вмѣсто положительнаго историческаго матеріала, какимъ является по своему существу матеріалъ, сокрытый

въ курганахъ и городищахъ, мы получимъ массу фактовъ полезныхъ для историка, каковыхъ уже и теперь имѣется въ нашихъ музеяхъ не малое количество.

Условія научнаго изслѣдованія кургановъ и городищъ. Каждая древняя земляная насыпь представляетъ собою вещественный памятникъ нашей исторіи. Этотъ памятникъ дѣлается достояніемъ современной науки и сохраняется для будущихъ поколѣній правильною научною раскопкою, вѣрнымъ и полнымъ описаніемъ его внѣшней формы и внутренняго содержанія.

Раскопка, и описаніе кургановъ и городищъ, по своему значенію для науки, подобны изданію писанныхъ историческихъ памятниковъ и одинаково требуютъ отъ издателя извѣстныхъ знаній. Но разница здѣсь состоитъ въ томъ, что ошибки и неполнота въ изданіи писаннаго памятника могутъ быть исправлены при вторичномъ его изданіи, такъ какъ оригиналъ сохраняется въ архивѣ; раскопкою кургана оригиналъ памятника уничтожается, а потому неполнота въ описаніи раскопки или ошибки въ этомъ описаніи, въ большинствѣ случаевъ, уже не могутъ быть исправлены вторичнымъ изданіемъ. Слѣдовательно, раскопка, неправильно или неполно описанная, не только бесполезна для науки, но вредна: уничтожая историческій памятникъ, она можетъ повести къ невѣрнымъ въ наукѣ выводамъ.

Дневникъ раскопокъ. Научное изслѣдованіе кургановъ обусловливается правильнымъ веденіемъ дневника раскопокъ, въ которомъ, съ возможными вѣрностію и полнотою, должны быть записаны свѣдѣнія о внѣшнихъ условіяхъ изслѣдованныхъ кургановъ, способѣ раскопки, устройствѣ могилъ и могильномъ содержаніи.

Внѣшнія условія кургановъ. Въ описанія внѣшнихъ условій должны быть сообщены свѣдѣнія о мѣстонахожденіи изслѣдованныхъ курганныхъ насыпей, ихъ количествѣ въ данномъ пунктѣ, формѣ, величинѣ, мѣстныхъ названійхъ и мѣстныхъ преданійхъ о происхожденіи ихъ и историческомъ значеніи.

1. Въ сообщеніи свѣдѣній о мѣстѣ нахождения, за указаніемъ губерніи, уѣзда и волости, должны быть помѣщены отвѣты на слѣдующіе вопросы: въ какомъ разстояніи описываемые курганы находятся отъ ближайшаго поселенія: хутора, деревни, села, города? въ какомъ разстояніи находятся они отъ ближайшаго водохранилища,

рѣки, источника, озера, болота, колодца? въ какомъ разстояніи находятся они отъ ближайшаго городища или городка, если таковыя имѣются въ окрестностяхъ помѣщенія описываемыхъ кургановъ? нѣтъ ли въ тѣхъ же окрестностяхъ живыхъ урочищъ, указывающихъ на древнія поселенія и вообще интересныхъ по своимъ названіямъ? помѣщены описываемые курганы на возвышенности, склонѣ ея, равнинѣ, низменномъ мѣстѣ? помѣщены они въ поляхъ, лугахъ или лѣсахъ?

2. Въ сообщеніи свѣдѣній о количествѣ кургановъ въ данномъ пунктѣ должны быть помѣщены отвѣты на слѣдующіе вопросы: сколько насыпей раскопано въ данномъ пунктѣ? сколько насыпей оставлено нераскопанными? не имѣется ли курганныхъ насыпей въ окрестностяхъ изслѣдованнаго пункта на разстояніи до двухъ верстъ въ окружности? а если они имѣются, то въ какомъ количествѣ? не сохранилось ли у мѣстныхъ жителей воспоминаній о курганахъ, существовавшихъ въ данномъ пунктѣ, но уничтоженныхъ путемъ распашки, путемъ раскопки кладонскателями и ради простаго любопытства, а равно при проведеніи дорогъ, при возведеніи построекъ, при добываніи глины, камня, мѣлу и пр.? не сохранилось ли въ пунктѣ изслѣдованія и его окрестностяхъ слѣдовъ курганныхъ насыпей, уничтоженныхъ по причинамъ вышесказаннымъ?

3. При описаніи формы курганныхъ насыпей должны быть сообщены свѣдѣнія, указывающія на общій видъ кургана, его вершину, поверхность и основаніе: изслѣдованный курганъ имѣлъ форму полусфера или продолговатую или конусообразную? вершину острую, тупую или впалую? поверхность поросшую дерномъ, лѣсомъ, кустарникомъ или распаханную? не сохранились ли въ окружности основанія охранные рвы или валы, а если сохранились, то каковы ихъ высота, ширина и глубина? не было ли обложено основаніе кургана валунами или каменными плитами?

4. Въ свѣдѣніяхъ о величинѣ курганной насыпи должны быть выражены въ сажняхъ или аршинахъ: величина окружности основанія, отвѣсная высота насыпи отъ вершины до основанія и разстояніе отъ одной стороны основанія черезъ вершину до противоположной стороны.

5. Въ сообщеніи свѣдѣній о мѣстныхъ названіяхъ курганныхъ насыпей требуются отвѣты на слѣдующіе вопросы: какъ вообще

называются курганныя насыпи въ данной мѣстности; напримѣръ, курганы, могилы, могилки, татарскія, шведскія, литовскія могилы, сопки, волотовки, марены, робленницы, копцы и пр.? не имѣютъ ли нѣкоторые изъ кургановъ въ данной мѣстности особенныхъ, собственныхъ названій; напримѣръ, Черная, Старшая, Балабина, Царева, Острая могилы; Чертомлыцкій, Половецкій, Золотой, Царскій курганъ; Гульбище, Близнецы, Перепятиха, Сорока, Пастушка и пр.?

6. Въ сообщеніи мѣстныхъ преданій о происхожденіи и историческомъ значеніи кургановъ, кромѣ содержанія самыхъ преданій, должны быть сообщены, если возможно, свѣдѣнія о причинахъ происхожденія того или другаго преданія.

Способы раскопки. За описаніемъ внѣшнихъ условій изслѣдованныхъ кургановъ, должно слѣдовать въ дневникѣ раскопокъ описаніе способа раскопки.

Курганъ можетъ быть раскопанъ тремя способами: 1, послѣдною съемкою земли, начиная съ вершины до основанія; 2, прорытіемъ углубленія ввидѣ широкаго колодца и 3, широкою, сквозною траншеею; въ двухъ послѣднихъ случаяхъ въ дневникѣ раскопки должны быть обозначены размѣры колодца и траншеи.

На основаніи опыта можно рекомендовать при раскопкѣ кургановъ нижеслѣдующіе приемы:

1. Раскопка кургановъ въ данномъ пунктѣ должна быть начата вырытіемъ пробной ямы близь подошвы изслѣдуемой насыпи, съ цѣлью опредѣлить составъ почвы въ мѣстности расположенія изслѣдуемыхъ кургановъ.

2. Одиноко стоящіе курганы и два или три изъ группы насыпей, назначенной для изслѣдованія, должны быть разрыты или послѣдною съемкою насыпи съ вершины до основанія, или колодцемъ, или траншеею, діаметръ которыхъ долженъ быть не менѣе діаметра площади сръза, получаемой отрѣзомъ вершины кургана на половину его высоты.

Если между вершиною и подошвою насыпи будетъ встрѣчена могила, то ея устройство и содержаніе должны быть описаны по правиламъ нижеизложеннымъ. Но могила, найденная въ насыпи, не должна служить поводомъ къ прекращенію дальнѣйшей раскопки изслѣдуемаго кургана. Кромѣ верхнихъ могилъ часто встрѣчаются

въ курганахъ нижнія могилы, устроенныя на подошвѣ кургана или ниже ея, вырытыя въ грунтѣ. По снятіи земли до подошвы насыпи, во достиженіи грунта, узнать который легко по сличенію съ верхними слоями почвы мѣстности, обнаруженными вышесказанною пробною ямою, материкъ долженъ быть очищенъ (выскобленъ) желѣзными лопатами или заступами. Тогда, если въ изслѣдуемомъ курганѣ имѣется могила ниже насыпи, въ грунтѣ, обнаружится, подъ центромъ кургана или нѣсколько сбоку, пятно въ размѣрѣ могилы, всегда отличающееся цвѣтомъ отъ грунтовой, нерушенной земли. Дальнѣйшую раскопку должно производить послонною выемкою земли въ размѣрахъ обнаруженной могилы.

Убѣдившись въ способѣ устройства могилъ въ данной группѣ кургановъ раскопкою нѣсколькихъ изъ нихъ сказаннымъ способомъ, изслѣдователь можетъ раскопывать остальные колодцемъ или траншею, поперечникъ которыхъ во всякомъ случаѣ долженъ быть не менѣе поперечника площади, образуемой снятіемъ вершины изслѣдуемаго кургана на треть его высоты.

3. При раскопкѣ кургановъ необходимо употребленіе тонкаго желѣзнаго или стальнаго шупа, длиною не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршинъ. При появленіи признаковъ близости остова погребеннаго (слѣды сгнившаго дерева отъ верхней заклепки могилы, провалившейся на ея дно, особенная рыхлость земли, открытіе какой либо вещи или кости и пр.) при посредствѣ шупа должно опредѣлять направленіе остова, отыскавъ его черепъ и нижнія конечности; затѣмъ, отъ черепа въ направленіи остова должно отмѣрить два аршина и 12 вершковъ и очертить остовъ такъ, чтобы со всѣхъ сторонъ его оставалось около четверти земли; затѣмъ, внѣ очерченнаго круга вынуть землю на четверть ниже остова и очистить дно; наконецъ, осторожно срѣзать надъ остовомъ землю настолько, чтобы земля прирывала его не болѣе, какъ на два вершка. Дальнѣйшую работу изслѣдователь долженъ производить лично, не поручая рабочимъ извлеченіе изъ могилы найденныхъ предметовъ; предполагая въ курганахъ скрытыя драгоценности, рабочіе очень мало обращаютъ вниманія на вещи глиняныя, желѣзныя и костяныя, а потому, не смотря на приказанія быть осторожными, всегда разбрасываютъ кости и поломаютъ вещи.

4. При помощи ручной желѣзной лопатки, ножа и сухаго вѣника, окопанный вышесказаннымъ способомъ остовъ освобождается изслѣдователемъ отъ земли, начиная съ черепа, не раздѣляя частей остова и оставляя найденныя вещи на мѣстѣ ихъ положенія до описанія расположенія частей остова и вещей, при немъ найденныхъ.

5. Разрываема я надъ остовомъ и по бокамъ его земля должна быть тщательно просматриваема, а въ случаѣ находки мелкихъ вещей, напримѣръ бусъ, просѣваема на решето.

6. Если раскопка пробныхъ кургановъ обнаружитъ группу насыпей съ кострищами, то есть съ пепелищами отъ костровъ, на которыхъ сожжены покойники, то всѣ курганы такой группы должны быть срѣзываемы послонно, начиная съ вершины, до уровня кострища; затѣмъ, подъ кострищемъ до грунта долженъ быть вырытъ колодезь.

7. Открытiе въ насыпи изслѣдуемаго кургана остова, гробницы, сосуда со жжеными костями, кострища и пр., на какой бы высотѣ насыпи они не были найдены, не должно служить поводомъ къ прекращенiю дальнѣйшей раскопки этой насыпи; раскопку ея слѣдуетъ прекратить не иначе, какъ убѣдившись, что колодезь или траншея выкопаны до материка и что нѣтъ могилы въ материкѣ, ниже подошвы кургана.

Устройство могилъ. За описанiемъ способа раскопки должно слѣдовать въ дневникѣ раскопокъ описанiе устройства могилъ въ изслѣдованныхъ курганахъ, обнаруженнаго раскопками.

1. При открытiи въ курганной насыпи сосудовъ со жжеными костями, должно быть отмѣчено положенiе сосудовъ въ курганѣ, то есть разстоянiе ихъ мѣстонахожденiя отъ вершины кургана и его основанiя.

2. При открытiи въ курганѣ кострища должно быть отмѣчено разстоянiе кострища отъ вершины насыпи и ея основанiя.

3. При открытiи въ курганѣ несожженнаго остова должны быть отмѣчены: разстоянiе ложа покойника отъ вершины и основанiя кургана и не было ли обнаружено при остовѣ слѣдовъ сгнившаго гроба или склепа.

4. При открытiи гроба или склепа должны быть отмѣчены ихъ размѣры и устройство (колода, доски и пр.).

5. При открытіи въ курганѣ гробницы должны быть указаны: матеріалъ гробницы (доски, брусъ, камень, обожженная глина и пр.), способъ ея устройства (срубомъ, частоколомъ и пр.) и ея размѣры: длина, ширина и глубина.

Содержимое могилъ. Наконецъ, за описаніемъ устройства могилъ должно слѣдовать въ дневникѣ раскопокъ описаніе содержимаго могилъ.

1. При открытіи сосудовъ со жжеными человѣческими костями должны быть отмѣчены: число сосудовъ со жжеными человѣческими костями и число сосудовъ наполненныхъ только землею или землею и остатками пищи; взаимное расположеніе сосудовъ въ насыпи, то есть найдены они въ одной горизонтальной плоскости или одинъ подъ другимъ и разстояніе одного сосуда отъ другаго; затѣмъ, — не было ли найдено въ той же насыпи угольного слоя, пепла, несожженного остова и другихъ какихъ либо предметовъ.

2. При открытіи кострища, должны быть отмѣчены: толщина угольного слоя, размѣры его въ длину и ширину, перечислены вещи, въ немъ найденныя, и обозначено не было ли найдено въ той же насыпи сосуда съ костями, остатковъ жертвы, несожженного остова и другихъ какихъ либо предметовъ.

3. Наконецъ, при открытіи въ могилѣ костяка или нѣсколькихъ остововъ должны быть описаны взаимное расположеніе остововъ, ихъ величина, расположеніе частей каждаго остова (направленіе головы, положеніе туловища, рукъ и ногъ) и перечислены вещи, съ обозначеніемъ ихъ положенія относительно остова, при которомъ онѣ найдены (у головы, шеи, рукъ и пр.).

Всѣ находки, кости и вещи, найденныя въ извѣстномъ курганѣ, должно пронумеровать номеромъ этого кургана и хранить, не смѣшивая съ находками въ другихъ курганахъ.

Каждый курганъ, при раскопкѣ котораго дневникъ не былъ составленъ, не описанный со стороны формы и содержанія, долженъ считаться потеряннымъ для исторической науки.

При описаніи и раскопкѣ городищъ должно имѣть въ виду тѣ же вопросы, какъ и при описаніи внѣшнихъ условій кургановъ. Здѣсь должны быть обозначены: мѣстонахожденіе городища; его мѣстоположеніе; названія живыхъ урочищъ, окружаю-

щихъ городище; величина площади; форма площади; поверхность площади; способъ укрѣпленія (рвы, валы, стѣны, соединеніе того и другаго); положеніе укрѣпленій относительно площади городища; величина укрѣпленій; форма укрѣпленій; направленіе входовъ или въѣздовъ; народныя преданія объ его историческомъ значеніи; наконецъ, находки на городищѣ. Если въ окрестностяхъ городища имѣются курганы, то въ дневникѣ раскопокъ должно быть обозначено ихъ количество, направленіе и разстояніе отъ изслѣдуемаго городища.

Предлагая эту программу изслѣдованія древнѣйшихъ вещественныхъ памятниковъ нашей исторіи, мы не увѣрены, что она обнимаетъ собою все вопросы, интересные для науки и связанные съ научнымъ изслѣдованіемъ этихъ памятниковъ. Очень можетъ быть, что въ будущемъ будетъ обращено вниманіе на такія условія, о которыхъ мы теперь еще не думаемъ.

III. Слѣды политико-юридическихъ отношеній древнерусскихъ Славянъ въ правѣ русскаго народа позднѣйшихъ историческихъ эпохъ и настоящаго времени.

Древнѣйшія сказанія въ нашемъ начальномъ лѣтописномъ сводѣ, сказанія иностранныхъ писателей, сообщающихъ свѣдѣнія о восточныхъ обитателяхъ Европы до X вѣка, селитьбы и могилы Славянъ языческой эпохи представляютъ собою главный историческій матеріалъ по вопросамъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права, сообщающія свѣдѣнія, по времени, непосредственно относящіяся къ политическимъ, общественнымъ и семейнымъ отношеніямъ древнерусскихъ Славянъ. Но этотъ матеріалъ не исчерпываетъ собою все количество средствъ познанія началъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи и въ эпоху призванія Рюрика, состоящихъ въ распоряженіи науки настоящаго времени.

Жизнь политическихъ организмовъ подчинена такимъ же законамъ органическаго развитія и самосохраненія, какъ и жизнь организмовъ физическихъ. Въ силу этихъ законовъ политическія и юридическія

отношенія каждаго народа въ послѣдующія эпохи его исторической жизни сохраняютъ очень многое отъ предыдущихъ эпохъ. Нововведенія законодателя проникаютъ въ народное сознание очень медленно; часто въ теченіи многихъ столѣтій они регулируютъ собою только отношенія лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ населенія въ государствѣ, болѣе цивилизованнымъ, болѣе склоннымъ къ новизнѣ, а низшіе классы сохраняютъ правовыя отношенія, основанныя на древнихъ нормахъ обычнаго права. Каждому, кто сколько нибудь знакомъ съ сельскимъ бытомъ русскаго народа, хорошо извѣстно, что крестьянинъ, въ большинствѣ его семейныхъ и общественныхъ отношеній, не знаетъ постановленій нашего законодательства, а опредѣляетъ свои отношенія къ семьѣ и общинѣ понятіями о правѣ, можетъ быть, регулировавшими семейныя и общественныя отношенія русскаго народа за тысячу лѣтъ назадъ. Благодаря сказаннымъ законамъ органическаго развитія и естественнаго консерватизма политической жизни, привязанности народа къ обычаямъ его предковъ, историкъ-юристъ настоящаго времени имѣетъ возможность до извѣстной степени разяснить темныя намеки и пополнить пробѣлы въ историческомъ матеріалѣ первой эпохи исторіи русскаго права посредствомъ изученія памятниковъ позднѣйшихъ эпохъ и политико-юридическихъ отношеній, основанныхъ на обычномъ правѣ и существующихъ въ низшихъ классахъ русскаго народа настоящаго времени.

Въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ нашихъ лѣтописей и свазаніяхъ иностранныхъ писателей, въ сборникахъ древняго обычнаго права и законодательства, въ позднѣйшихъ юридическихъ актахъ, въ позднѣйшихъ памятникахъ народной словесности и современномъ намъ обычномъ правѣ русскаго народа мы находимъ указанія на существованіе въ позднѣйшія историческія эпохи такихъ обычаевъ, глубокая древность которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Раскопки могилъ съ остатками трупосоженія въ Черниговской, Полтавской и Бурской губерніяхъ доставили, между прочимъ, много фактовъ, относящихся къ вопросу о погребальныхъ обычаяхъ того народа, который насыпалъ изслѣдованные курганы. Но эти факты не имѣли бы непосредственнаго значенія для нашей исторіи, если бы въ сказаніяхъ арабскихъ писателей X вѣка и въ сказаніяхъ

нашего лѣтописца начала XII вѣка мы не нашли положительныхъ доказательствъ славянской народности сказанныхъ могилъ. Кромѣ того, позднѣйшіе историческіе памятники, даютъ возможность понять значеніе многихъ фактовъ, открываемыхъ раскопками. Такъ напримѣръ, могилы языческой эпохи часто закрыты значительными земляными насыпями, курганами; въ курганахъ, надъ могилами часто находимъ черепки битой посуды, расколотыя кости, раковины, скорлупы яицъ и пр.; въ могилахъ съ остатками трупосожженія иногда встрѣчаются два, даже три сосуда со жжеными человѣческими костями; въ могилахъ съ погребенными покойниками иногда встрѣчаются два остова, изъ которыхъ одинъ мужскій, а другой женскій; рядомъ съ остатками погребенныхъ находимъ разные предметы, напримѣръ, кости животныхъ, сосуды съ костями животныхъ и сосуды пустые, оружіе, остатки сбури и пр. Раскопки не могутъ объяснить намъ значенія этихъ фактовъ; объясненіе имъ мы находимъ въ историческихъ памятникахъ, преданіяхъ и обычаяхъ русскаго народа позднѣйшихъ историческихъ эпохъ. По свидѣтельству позднѣйшихъ историческихъ источниковъ, могильная насыпь имѣла у древнихъ Славянъ значеніе позднѣйшихъ могильныхъ памятниковъ; черепки битой посуды, расколотыя кости и пр., находямыя въ курганныхъ насыпяхъ надъ могилами покойниковъ, представляютъ собою остатки тризны, то есть погребальнаго обѣда надъ могилой покойника; значеніе нѣсколькихъ сосудовъ, двухъ остововъ, находимыхъ въ одной могилѣ и вещей, открываемыхъ при остовахъ, объясняется извѣстіями позднѣйшихъ историческихъ памятниковъ о вѣрованіяхъ древнихъ Славянъ, по которымъ жену погребали вмѣстѣ съ мужемъ и въ могилу бросали разные предметы, въ предположеніи, что они будутъ служить покойнику въ загробной жизни ⁹⁶⁾. Въ позднѣйшихъ памятникахъ находимъ также свѣдѣнія, дополняющія факты, получаемые путемъ раскопки; сюда относятся, напримѣръ, погребальные обычаи и обряды, выразившіеся въ словахъ и дѣйствіяхъ людей при погребеніи покойника, которые по самому существу своему не могутъ сохраниться въ могилахъ. Такъ напримѣръ, у арабскаго писателя X вѣка Ибъ-Даста находимъ слѣдующія извѣстія: *„иъ (Славянъ) жены изръзываютъ ножами свои руки и лица, когда у нихъ кто нибудь умретъ. На смѣ-*

дующій день по сожженіи мертвеца, они собираютъ пепель съ пожараща, складываютъ его въ сосудъ и ставятъ послѣдній на холмъ” 97). Въ житіи князя Константина Муромскаго находимъ подтвержденіе этого извѣстія о лицедраніи и рукорѣзаніи и любопытное сопоставленіе христіанскаго обычая погребенія съ языческимъ. Когда Константинъ Муромскій похоронилъ тѣло усопшаго сына своего по христіанскому обычаю, то „невѣрніи люди, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеву, князю Михаилу, во знакъ на востокъ лицомъ, а могила въверхъ холмомъ не сыпаху, но ровно съ землею, ни тризница, ни дыни (въ др. сп. дымы) не дѣяху, ни битвы, ни ножекроенія не творящеся, ни лицедранія, ни плача безшѣрнаго, и о томъ безумніи ругахуся” 98).

Въ современныхъ намъ погребальныхъ обычаяхъ русскихъ крестьянъ различныхъ мѣстностей также сохранились несомнѣнные слѣды языческой эпохи; такъ напримѣръ, въ Новгородскаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ вообще сохранилось много суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ языческой древности, въ могилу покойника бросаютъ одну или двѣ монеты; похоронивъ покойника, въ домъ его, на окнѣ, ставятъ сосудъ съ водою, остающійся здѣсь сорокъ дней, въ теченіи которыхъ, по народному вѣрованію, душа покойника ежедневно возвращается въ домъ свой и утоляетъ жажду изъ сказаннаго сосуда; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, рядомъ съ сосудомъ съ водою, ставятъ блины или другую закуску. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской и Полтавской губерній до новѣйшаго времени существовалъ, а можетъ быть и теперь существуетъ, обычай ставить въ могилу покойника сосудъ съ водою. Повсемѣстно существуетъ обычай ежегодно поминать покойниковъ, на ихъ могилахъ; при этомъ оставляются на могилахъ нѣца, пироги, вареники и пр. Этотъ обычай очень напоминаетъ собою слѣдующее извѣстіе арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Даста: „черезъ годъ по смерти покойника (у Славянъ), родственники его берутъ кувшины съ 20 меду, иногда больше, иногда меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ подъ которымъ погребенъ покойникъ, ѣдятъ здѣсь, пьютъ и затѣмъ расходятся” 99). Вообще повсемѣстно распространенный обычай погребальныхъ обѣдовъ представляетъ собою едва-ли не остатокъ погребальной тризны языческой эпохи. Въ низшихъ

классахъ народа онъ несомнѣнно имѣетъ языческій характеръ; предполагается, что душа покойника присутствуетъ на обѣдѣ и раздѣляетъ трапезу; кусокъ какой либо пищи, свалившійся съ погребальнаго стола, запрещается подымать, какъ кусокъ выбранный покойникомъ и пр. Такіе обычаи представляютъ собою несомнѣнные слѣды язычества, потому что не соотвѣтствуютъ духу христіанскаго ученія, по которому душа покойника, тотчасъ послѣ его смерти, прерываетъ всѣ связи съ земнымъ міромъ и не нуждается ни въ чемъ вещественномъ¹⁰⁰).

Несомнѣнные слѣды права древнерусскихъ Славянъ находимъ также въ позднѣйшихъ семейныхъ обычаяхъ и обрядахъ. Въ древнѣйшей лѣтописи по этому предмету читаемъ: „Древляни живяху звѣрьскимъ образомъ... браченья в нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица. А Радимичи и Вятичи и Северо одинъ обычай имяху.... браци не бываху в нихъ, но игрища межю селя. И схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовскыя пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто свѣщевашеса”¹⁰¹). Пониманіе точнаго смысла этихъ свидѣтельствъ встрѣчаетъ большія трудности, во первыхъ потому, что въ нихъ не объяснено, въ какомъ значеніи должно быть понимаемо слово „умычка,” а во вторыхъ потому, что, отрицая существованіе брака у Древлянъ, Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, лѣтописецъ въ тоже время говоритъ объ общности обычая умычки у этихъ племенъ и намекаетъ на общность обрядовъ и условій, сопровождавшихъ этотъ обычай. Въ силу такой неопредѣленности эти извѣстія до новѣйшаго времени различными учеными были понимаемы различно. Позднѣйшіе памятники русскаго права и современное намъ обычное право русскаго народа даютъ матеріалъ, научная разработка котораго въ новѣйшее время разъясняетъ и дополняетъ сказанныя извѣстія древнѣйшей нашей лѣтописи. Въ одномъ изъ новѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ находимъ слѣдующее извѣстіе: „брака у Древлянъ нѣтъ; воровски на коняхъ подъѣзжаютъ къ чужимъ жилищамъ и гдѣ увидятъ у воды дѣвицъ или женъ молодыхъ, то оныхъ увозятъ къ себѣ и живутъ съ ними.” По словамъ Переяславской лѣтописи: „Радимичи, Вятичи и Сѣвера.... браци не возлюбиха; но игрища межю селя и ту слѣтахуся рищюше на плясанія, и отъ плясанія познаваху, которая

жена или дѣвица до молодыхъ похотѣніе имать.... иныхъ поймающе, а другихъ поругавше, метаху на посмѣяніе до смерти”¹⁰²). Въ Уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича, данной епископіи смоленской, въ числѣ дѣлъ подсудныхъ епискому, упоминается „уволочская, ажъ уволочеть кто дѣвку”¹⁰³). Митрополить Іоаннь, въ своемъ поученіи черноризцу Якову XII столѣтія, говоритъ слѣдующее: „не бываетъ на простыхъ людяхъ благословенія вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются; простымъ же людямъ яко именемъ и плесканіемъ”¹⁰⁴). Митрополить Кирилль, въ своемъ посланіи XIII столѣтія, говоритъ: „се слышахомъ въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водять къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти, и то проклинати повелѣваемъ”¹⁰⁵). Бопланъ, въ своемъ описаніи Украйны, сообщаетъ о существовавшемъ здѣсь обычаѣ похищать дѣвицъ еще въ XVI вѣкѣ; похитившій дѣвушку, говоритъ онъ, долженъ былъ бѣжать съ своею добычею въ лѣсъ и скрываться тамъ не менѣе сутокъ; если же его открывали ранѣе, то лишали жизни; затѣмъ, похищенной предоставлялось право объявить свое согласіе на вступленіе въ бракъ съ похитителемъ; если она давала такое согласіе, то похититель не могъ отказаться отъ сожитія съ нею подѣ страхомъ смерти; если же похищенная не изъявляла согласія на бракъ съ похитителемъ, то они расходились¹⁰⁶). Древнѣйшія указанія на языческіе способы расторженія брака встрѣчаемъ у иностранныхъ писателей Герберштейна и Барбарини. Герберштейнъ упоминаетъ о разводныхъ грамотахъ, которыя тщательно скрывались, потому что были противны религіи¹⁰⁷). Барбарини описываетъ древній обрядъ развода, состоявшій въ томъ, что мужъ и жена шли къ проточной водѣ и становились каждый на противоположномъ берегу рѣчки или ручья и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее до тѣхъ поръ, пока ее не разрывали, а послѣ того расходились куда имъ угодно и дѣлались свободными¹⁰⁸).

Въ современномъ намъ обычномъ правѣ русскаго народа точно также встрѣчаемъ несомнѣнные слѣды семейныхъ обычаевъ и обрядовъ, сохранившихся отъ языческой эпохи. Такъ напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи наряженнаго жениха ставятъ на сковороду обѣими ногами, а тѣ лица, которыя назначены ѣхать вмѣстѣ съ нимъ за невѣстою, въ числѣ не менѣе шести человѣкъ, становятся во-

кругъ жениха и ставятъ правую ногу на сковороду; затѣмъ, всѣ стоящіе на сковородѣ цѣлуютъ образъ, причемъ дружка или шаферъ говоритъ: „ну, цѣлуйте Божье милосердіе, чтобъ стоять намъ другъ за друга, братъ за брата до единой капли крови.” Едва ли можно сомнѣваться, что происхождение этой формулы и этого обряда, составляющаго родъ присяги, относится къ эпохѣ до христіанской, а христіанскій оттѣнокъ онъ получилъ уже въ позднѣйшее время. Этотъ обрядъ указываетъ на похищеніе невѣсты въ разбойническомъ видѣ, цѣлою толпою непріятелей. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ русскаго народа различныхъ мѣстностей женихъ называется чужаниномъ или чужбининномъ, окруженъ недругами невѣсты; чтобы достать невѣсту, онъ долженъ ломать стѣну, пускать стрѣлы, ломать замки и пр. Несомнѣнно древняго происхожденія также нѣкоторые свадебные символы и обряды въ обычномъ правѣ русскаго народа; сюда относятся, напримѣръ, слѣдующіе обряды: передача невѣсты жениху отцомъ ея изъ рукъ въ руки, сходный съ обрядомъ передачи какой либо вещи; выкупъ невѣстиной постели, косы, сундука и пр.; обычай дарить родственниковъ невѣсты и т. д. ¹⁰⁹⁾.

По отношенію къ сказаннымъ обычаямъ мы имѣемъ определенную мѣру древности въ извѣстіяхъ древнѣйшихъ историческихъ источниковъ, фактъ введенія христіанства въ Россію и содержаніи христіанскаго ученія, а потому научная разработка этого матеріала, можетъ вести къ познанію началъ быта нашихъ предковъ въ языческую эпоху. Слѣды языческихъ обычаевъ, обрядовъ, формулъ и символовъ въ позднѣйшихъ обычаяхъ русскаго народа разъясняютъ новѣйшему историку-юристу темныя сказанія древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ и дополняютъ ихъ.

Что же касается отношеній чисто политическихъ, общественныхъ, уголовныхъ и имущественныхъ, то ученая разработка позднѣйшихъ памятниковъ Русскаго Права и современныхъ обычаевъ русскаго народа, съ цѣлью отыскать въ нихъ слѣды сказанныхъ отношеній древнѣйшей эпохи и воспользоваться ими для рѣшенія вопроса о началахъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, до новѣйшаго времени оставалась почти безплодною.

Мы видимъ, что, не смотря на столѣтнія преслѣдованія и увѣщанія церкви, въ сферѣ семейныхъ отношеній русскаго народа сохра-

нелись до новѣйшаго времени обычаи и обряды языческой эпохи; отсюда, можно предположить, что обычаи древнѣйшей эпохи сохранились также въ сферахъ общественныхъ, уголовныхъ и имущественныхъ отношеній. Но ученая разработка этихъ отношеній и пользование ими съ цѣлью рѣшенія вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права встрѣчали до настоящаго времени непреодолимую трудность въ томъ, что по отношенію къ общественнымъ уголовнымъ и имущественнымъ отношеніямъ наука не располагаетъ такою несомнѣнною мѣрою древности обычаевъ, встрѣчаемыхъ въ позднѣйшихъ памятникахъ русскаго права и въ современномъ обычномъ правѣ русскаго народа, какою она располагаетъ по отношенію къ вышесказаннымъ погребальнымъ и семейнымъ обычаямъ и обрядамъ. За отсутствіемъ такой мѣры, въ настоящее время нѣтъ никакой возможности отдѣлить въ позднѣйшемъ русскомъ правѣ архаическіе обычаи отъ обычаевъ, возникшихъ въ позднѣйшія историческія эпохи. Отсюда, пока наука не отыщетъ положительнаго средства отдѣлить въ позднѣйшихъ историческіихъ памятникахъ и современномъ обычномъ правѣ русскаго народа обычаи древнѣйшаго происхожденія отъ обычаевъ происхожденія новѣйшаго, до тѣхъ поръ выводы о древнѣйшемъ политическомъ бытѣ русскихъ Славянъ, основанные на изученіи источниковъ русскаго права позднѣйшихъ историческихъ эпохъ, не могутъ имѣть значенія рѣшеній положительныхъ, вполне убѣдительныхъ.

Для примѣра, мы остановимся на Русской Правдѣ, какъ памятникѣ, преимущественно служившемъ въ ученой литературѣ источникомъ многихъ выводовъ по вопросу о началахъ политико-юридической организациі русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи и въ эпоху призванія Рюрика.

Значеніе содержанія Русской Правды для науки и способы ея ученой разработки опредѣляются воззрѣніемъ на происхожденіе этого памятника. Въ ученой литературѣ по этому вопросу встрѣчаемъ различныя мнѣнія. Этотъ памятникъ впервые былъ открытъ Татищевымъ въ одномъ изъ списковъ Новгородской лѣтописи, относящемся къ XV вѣку, въ которомъ, за описаніемъ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ, при помощи Новгородцевъ, послѣ словъ: „даде (Ярославъ) имъ (Новгородцамъ) Правду и Уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите,“ слѣдуетъ Русская Правда. Основы-

ваясь на этомъ извѣстїи лѣтописи, первые издатели Русской Правды смотрѣли на нее, какъ на законодательный актъ Ярослава I. Струбеде-Пьермонтъ, сличивъ постановленія Русской Правды съ древними законами германскихъ народовъ, въ особенности датскими и шведскими, нашелъ между ними большое сходство ¹¹⁰). Шлецеръ воспользовался этимъ для того времени новымъ открытіемъ, какъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія о скандинавскомъ происхожденїи Руси. ¹¹¹) Карамзинъ, слѣдуя за Шлецеромъ, видитъ въ Русской Правдѣ законы Ярослава, во всемъ согласные съ древними законами скандинавскими ¹¹²). Эверсъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что шведскіе и датскіе законы, изъ которыхъ будто-бы заимствованы постановленія Русской Правды, сами были составлены цѣлыми столѣтіями позднѣе Русской Правды. Не отвергая сходства постановленій Русской Правды съ постановленіями датскихъ и шведскихъ законовъ, онъ старается отыскать ихъ общій источникъ и предполагаетъ его въ законахъ салическихъ и рипуарскихъ Франковъ ¹¹³). По мнѣнію Каченовскаго, ни по своему содержанію, ни по своей формѣ, Русская Правда не можетъ принадлежать XI вѣку; она составлена изъ германскихъ и польскихъ законовъ не ранѣе XIII вѣка ¹¹⁴). По мнѣнію Полеваго Русская Правда не есть уложеніе, данное Новгороду Ярославомъ, а сборъ законовъ, составленный въ разныя времена, изъ разныхъ источниковъ, разными людьми ¹¹⁵). По мнѣнію Погодина первыя 17 статей Русской Правды представляютъ собою законодательство Ярослава Мудраго; затѣмъ, въ Правдѣ читается: „по смерти Ярослава совокупишася сынове его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и отложиша”..... отсюда слѣдуетъ законодательство сыновей Ярослава, до статьи, въ заголовкѣ которой читается: „Уставъ Владиміра Всеволодовича”..... откуда начинается законодательство Владиміра Мономаха. Бѣляевъ также рассматриваетъ Русскую Правду, какъ сборникъ официальныхъ законовъ, но дробитъ ее еще болѣе чѣмъ Погодинъ; онъ различаетъ Правду Ярослава, Правду сыновей его, Правду Владиміра Мономаха, Правду позднѣйшихъ временъ и особый законъ о закупахъ ¹¹⁶). Ланге усматриваетъ въ статьяхъ Русской Правды копїи съ подлинныхъ Уставовъ уголовного и гражданскаго права нѣсколькихъ князей, именно, Ярослава, Изяслава съ братьями и Мономаха” ¹¹⁷). Раковецкій впервые

высказалъ мысль, что Правда Русская есть остатокъ глубочайшей древности, что если бы мы въ основаніе нашихъ изслѣдованій положили естественное и соотвѣтствующее исторической дѣйствительности положеніе, по которому Славяне имѣли издревле свое право, принесенное ихъ предками въ Европу, то не стали бы вмѣстѣ съ Шлецеромъ, Струбе, Эверсомъ, Чацкимъ и другими учеными скитаться по неизвѣстнымъ намъ странамъ готскимъ, датскимъ, шотландскимъ и скандинавскимъ, отыскивая въ нихъ начало древнеславянскихъ правъ ¹¹⁸). Розенкампфъ впервые высказалъ мнѣніе, что слова великаго князя Ярослава, вставленныя въ тѣ лѣтописи, гдѣ находятся списки Русской Правды и обыкновенно ей предшествующія („по сей граматѣ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже держите”), относятся, безъ сомнѣнія, совершенно къ другой граматѣ, данной Ярославомъ же Новгородцамъ; постановленія, говоритъ онъ, основанныя на древнѣйшихъ обычаяхъ, составляютъ этотъ памятникъ; существовала Русская Правда до великаго князя Владиміра, до Ярослава и прочихъ преемниковъ княжескаго престола; она содержитъ въ себѣ слѣды понятій, свойственныхъ всѣмъ первобытнымъ сѣвернымъ народамъ, какого бы они ни были происхожденія, но въ то же время она есть туземный плодъ древняго времени ¹¹⁹). По мнѣнію Неймана вся Русская Правда, можетъ быть, есть ничто иное, какъ первый опытъ юридическаго сборника, выписавъ Правду Ярославову и за ней Правду сыновей его, составитель прибавилъ къ нимъ всѣ другія постановленія, имѣвшія въ его время юридическую силу и извѣстныя ему изъ судебныхъ рѣшеній и изъ другихъ памятниковъ права; во всякомъ случаѣ, такой сборникъ представляетъ собою такъ называемая Правда XIII столѣтія ¹²⁰). Г. Калачовъ находитъ, что по формѣ или внѣшнему составу, а равно по содержанію тѣхъ статей, которыя равно встрѣчаются во всѣхъ спискахъ, ни одна изъ дошедшихъ до насъ списковъ Русской Правды не есть официальный документъ, то есть законодательный уставъ, уложеніе или сборникъ законовъ въ томъ видѣ, какъ они могли быть составлены и изданы отъ имени верховной власти и подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ; напротивъ, общій образъ изложенія статей, не одинаковый порядокъ, въ которомъ нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены въ различныхъ спискахъ, недостатокъ другихъ въ спискахъ болѣе древ-

нихъ, наконецъ, анализъ разнородныхъ источниковъ, служившихъ составителю матеріаломъ для составленія Русской Правды,—все это указываетъ на то, что этотъ памятникъ въ той формѣ, какую онъ имѣетъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ, есть очевидно сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время дополненный, подъ вліяніемъ различныхъ условій”¹²¹⁾.

Сравнивая приведенныя воззрѣнія по вопросу о происхожденіи Русской Правды, мы можемъ свести ихъ къ двумъ группамъ. Въ первой группѣ относятся мнѣнія, по которымъ Русская Правда есть сборникъ законовъ; вторая группа отрицаетъ официальное значеніе этого памятника и признаетъ въ немъ сборникъ частныхъ лицъ, состоящій изъ княжескихъ уставовъ, народныхъ обычаевъ и отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній. Которое же изъ этихъ мнѣній соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Рѣшеніемъ этого вопроса обуславливаются количество и образъ приемовъ ученой критики, необходимыхъ въ дѣлѣ ученой разработки, какъ общаго содержанія Русской Правды, такъ и каждой ея статьи въ отдѣльности. Если этотъ памятникъ представляетъ собою копию съ подлинныхъ уставовъ князей Ярослава, Изяслава съ братьями и Владиміра Мономаха, дѣйствовавшихъ на всемъ пространствѣ древней Россіи, то каждая статья Русской Правды можетъ быть разсматриваема, какъ несомнѣнный и непосредственный источникъ познанія общихъ началъ политико-юридическаго быта русскаго народа въ эпоху Рюриковичей; задача ученой критики ограничивается здѣсь изысканіями, направленными только къ пониманію точнаго смысла постановленій Русской Правды. Если же этотъ памятникъ представляетъ собою частный сборникъ, составленный изъ народныхъ обычаевъ, отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній и княжескихъ уставовъ, то задачи критики по отношенію къ ученой разработкѣ Русской Правды чрезвычайно усложняются; за возстановленіемъ подлиннаго текста и подлиннаго смысла первоначальнаго текста каждой статьи, ученая критика должна рѣшить слѣдующіе вопросы: къ какому времени принадлежатъ юридическія понятія, выраженныя въ той или другой статьѣ Русской Правды? на какомъ пространствѣ дѣйствовали юридическія понятія, выраженныя въ этихъ статьяхъ? представляютъ собою эти статьи нормы обычнаго права, дѣйствовавшія въ извѣстной мѣстности, или на всемъ

пространствѣ древней Руси, законоположенія, предписанныя верховной властью, или, наконецъ, отдѣльные случаи, взятые составителемъ изъ судебной практики?

Анализируя Русскую Правду со стороны ея формы и содержаща, нельзя не согласиться съ результатомъ изслѣдованій Н. В. Калачова, по которому этотъ памятникъ представляетъ собою дѣло частныхъ лицъ, частный сборникъ, а не законодательство верховной власти. Содержаніе Русской Правды составляютъ народные обычаи, записанные частнымъ лицомъ, мнѣнія самого составителя сборника, отдѣльныя судебныя рѣшенія или случаи изъ судебной практики и отдѣльные уставы различныхъ князей. Примѣрами статей общаго характера могутъ служить статьи, относящіяся къ частной мести за убійство и тѣлесныя поврежденія, убійству вора „во пса мѣсто,” пойманнаго на мѣстѣ преступленія, значенію свода, кровавому мужу, повторенной два раза въ одномъ и томъ же видѣ и пр. Примѣромъ статей, содержащихъ въ себѣ мнѣнія составителя сборника, можетъ служить статья, въ которой идетъ рѣчь объ установленіи холопства: перечисляя разные способы происхожденія холопства, составитель отрицаетъ мнѣніе будто бы человѣкъ дѣлается холопомъ, если станетъ жить у кого-либо на хлѣбахъ. Примѣромъ статей казуистическаго характера, въ которыхъ записаны отдѣльные случаи изъ судебной практики, можетъ служить статья академическаго списка, назначающая за убійство княжяго *старо* конюха *у стада* 80 гривенъ, а затѣмъ добавляющая: „*тако уставилъ Изяславъ въ своемъ конюшъ, его же убили Дорогобужцы.*” Позднѣйшіе переписчики обобщили эту статью и въ Троицкомъ спискѣ мы встрѣчаемъ ее уже въ видѣ общаго правила: „за убійство конюшаго 80 гривенъ.” Въ одной статьѣ читаемъ, что если десять человѣкъ украдутъ одну овцу, то должны платить по 60 рѣзанъ продажи, а между тѣмъ, не сказано какой пепѣ подвергается воръ, если онъ будетъ только одинъ. Въ одной статьѣ, говорящей о покражѣ коня, вола и воровствѣ изъ клѣти, сказано, что если красть одинъ, то долженъ платить „гривну и 30 рѣзанъ,” а если 18 человѣкъ, то „три гривнѣ и 30 рязанъ платити мужевц;” и т. д. Примѣромъ статей, содержащихъ въ себѣ княжескія постановленія, служатъ статьи, указывающія на уставы Ярослава, его сыновей и Вла-

димира Мономаха. Въ статьѣ о вирникѣ говорится: „а се поклонъ вирный: взяти вирнику семь ведеръ солоду на недѣлю,” а въ концѣ статьи прибавлено: „*то ти урокъ Ярославъ.*” Уставомъ сыновей Ярослава частная мечь замѣняется денежными штрафами: „*по Ярославъ совокупишася сыновѣ его, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ, отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати, а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставилша.*” Уставомъ Владимира Мономаха установленъ законный процентъ: „*а се уставилъ Великій Князь Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ по Святополчъ, созавъ дружину свою на Берестовомъ....*” Составитель Правды, какъ видно изъ приведенныхъ выраженій, передаетъ княжескіе уставы собственными словами, какъ свѣдѣнія частнаго лица, а не какъ официальные законы. Наконецъ, въ Русской Правдѣ находимъ статьи, не имѣющія никакого отношенія къ праву; какъ на примѣръ, статьи, вычисляющія количество приплода и прироста для различныхъ животныхъ и растений въ теченіи 12 лѣтъ. Эти статьи заключаютъ въ себѣ описъ какого то села, занесенную въ Правду, причемъ сдѣланъ былъ расчетъ, сколько могло бы быть въ этомъ селѣ черезъ 12 лѣтъ овецъ, барановъ, козъ, свиней, стоговъ сѣна и пр.

Въ противоположность сказанному, мнѣніе ученыхъ, признающихъ Правду официальнымъ сборникомъ законовъ, опирается только на извѣстія нѣкоторыхъ списковъ лѣтописи подъ 1016 годомъ, гдѣ сказано: Ярославъ, одержавъ побѣду надъ Святополкомъ, отпустилъ помогавшихъ ему Новгородцевъ и „даде имъ Правду, и уставъ списавъ, глаголавъ тако: „по сей граматѣ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже держите,” за которыми слѣдуетъ Русская Правда. Розенкампфъ вполне основательно доказываетъ, что Правда Русская представляетъ собою позднѣйшую вставку въ новѣйшихъ спискахъ начальной русской лѣтописи: Новгородскомъ, Никоновскомъ, Воскресенскомъ, „кои, какъ извѣстно, между собою сходны и, кажется, происходили изъ одного и того же источника или начальнаго списка.” Въ древнѣйшихъ спискахъ, Лаврентьевскомъ, Ипатскомъ, Кенигсбергскомъ и пр., этой вставки не имѣется; нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ авторъ, что Ярославъ далъ Новгородцамъ грамату, на

которую ссылались впоследствии Новгородцы при своих договорах съ князьями, но это была не Русская Правда, въ которой не имѣется никакихъ политическихъ льготъ, содержаніе которой составляютъ уголовныя и гражданскія опредѣленія. Одинъ изъ позднѣйшихъ переписчиковъ начальнаго лѣтописнаго свода, зная изъ позднѣйшихъ договоровъ Новгородцевъ съ князьями, что Ярославъ далъ имъ каную то грамоту, могъ предположить въ ней Русскую Правду и записать ее въ лѣтопись въ вышесказанномъ мѣстѣ; позднѣйшіе переписчики распространили эту ошибку.

Г. Ланге, въ своей монографіи о Русской Правдѣ, старается доказать, что мнѣніе, по которому Русская Правда не есть документъ офиціальныи, но сборникъ, составленный частными лицами, не можетъ выдержать строгаго разбора. „Главныя основанія такого мнѣнія, говоритъ онъ, слѣдующія: не одинаковый порядокъ въ размѣщеніи статей въ извѣстныхъ намъ спискахъ Правды и пропускъ въ однихъ ея спискахъ нѣкоторыхъ статей и помѣщеніе ихъ въ другихъ.” Мы видѣли, что не въ этомъ заключаются главныя доказательства мнѣнія, опровергаемаго г. Ланге; главныхъ доказательствъ его критика не коснулась вовсе. Его же собственныя, теоретическія соображенія въ пользу мнѣнія о Русской Правдѣ, какъ памятнику, представляющему собою копию съ подлинныхъ уставовъ Ярослава, Изяслава съ братьями и Мономаха, своею слабостію скорѣе подтверждаютъ отрицаемое имъ воззрѣніе, нежели опровергаютъ его. „1, *Сборники законовъ*, говоритъ г. Ланге, со стороны частныхъ лицъ всегда являлись и являлись, какъ послѣдствія довольно развитаго, запутаннаго и притомъ многосложнаго *письменнаго права*.... 2, ни въ какомъ народѣ частныя сборники права не являлись при первомъ возникновеніи *законодательства*, слѣдовательно, не могло ихъ быть и у насъ....”¹²³). Во первыхъ, эти положенія нужно доказать фактически; а во вторыхъ, разсуждая о происхожденіи Русской Правды, нужно имѣть въ виду не сборники *законовъ*, а сборники случаевъ изъ судебной практики и обычнаго права; послѣдніе мы находимъ у народовъ, даже вовсе не имѣющихъ законодательства.

На основаніи сказаннаго, не раздѣляя мнѣнія ученыхъ Шлецеро-Карамзинской школы, по которому Русская Правда представляетъ

собою законодательство Ярослава и его ближайших преемниковъ, заимствованное изъ германскаго права; не раздѣляя также мнѣнія ученыхъ школы Каченовскаго, по которому Русская Правда представляетъ собою законодательство не XI и XII вѣковъ, а XIII и XIV столѣтій, заимствованное изъ германскаго и польскаго права; соглашаясь съ выводами критики Раковецкаго, Розенкампа, Полеваго, Неймана и особенно Н. В. Калачова, по которымъ Русская Правда представляетъ собою сборникъ правовыхъ нормъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи не только въ первую христіанскую эпоху, но и задолго до времени принятія христіанства, — мы все же должны сознаться, что при современномъ состояніи ученой разработки Русской Правды, этотъ памятникъ почти бесполезенъ въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о началахъ политико-юридической организаціи русскихъ Славянъ въ до-рюриковскую эпоху и въ эпоху призванія Рюрика.

Какъ частный сборникъ обычнаго права, отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній и отдѣльныхъ княжескихъ уставовъ, дошедшій до нашего времени въ позднѣйшихъ спискахъ, со множествомъ описокъ позднѣйшихъ переписчиковъ, съ позднѣйшими сокращеніями и дополненіями, Русская Правда отличается большими недостатками. Во первыхъ, неполнотою: на множество вопросовъ, интересующихъ юриста настоящаго времени, въ этомъ памятникѣ не находимъ отвѣта; такъ напримѣръ, по вопросу о преступленіяхъ и наказаніяхъ, которому преимущественно посвящено содержаніе Русской Правды, не говорится въ ней кто мстилъ вслучаѣ убійства женщины, въ какомъ положеніи стояла женщина къ убійцѣ ея родственниковъ; во многихъ случаяхъ наказанія за преступленія не вполне высказаны: означая, напримѣръ, количество виры или продажи за извѣстное преступленіе, Правда не говоритъ о частномъ вознагражденіи и наоборотъ; въ иныхъ статьяхъ вовсе не опредѣляется характеръ взысканія; и т. д. Во вторыхъ, въ этомъ памятникѣ мы не находимъ указаній, при посредствѣ которыхъ можно было бы отдѣлить въ Русской Правдѣ статьи древнѣйшаго происхожденія отъ статей новѣйшаго происхожденія, за исключеніемъ немногихъ статей, въ которыхъ прямо говорится, что онѣ представляютъ собою позднѣйшіе княжескіе уставы.

Русская Правда представляетъ собою несомнѣнно чрезвычайно

важный источникъ познанія русскаго права древнѣйшаго христіанскаго періода. Нельзя сомнѣваться, что она содержитъ въ себѣ указанія и на нормы права, дѣйствовавшія въ предшествующій, языческой періодъ; но въ этомъ отношеніи она такъ мало разработана ученою критикою, что въ настоящее время мы не можемъ указать ни одной статьи, содержаніе которой мы могли бы считать безспорнымъ источникомъ познанія началъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи и въ эпоху призванія Рюрика; „историкъ или юристъ добросовѣстный не можетъ пользоваться Русскою Правдою, при настоящемъ положеніи ея критической оцѣнки, иначе какъ источникомъ права тѣхъ только столѣтій, къ которымъ относятся ея извѣстные списки. Но и на такое дѣло кто можетъ рѣшиться безъ многихъ предварительныхъ изслѣдованій, необходимыхъ для того, чтобы опредѣлить значеніе Русской Правды въ нашей древней судебной практикѣ, какъ относительно ея цѣлаго объема, такъ и каждой статьи въ отдѣльности. Въ противномъ случаѣ, къ чему бы послужило признаніе ея источникомъ права, если не къ однимъ нелѣпнымъ выводамъ?“¹²⁴).

Но нѣтъ ли мѣръ, при посредствѣ которыхъ было бы возможно возвести Русскую Правду на степень источника несомнѣннаго, въ которомъ бы историкъ и юристъ настоящаго времени находили матеріалъ для несомнѣнныхъ выводовъ по вопросу о бытѣ древнихъ обитателей русскаго царства. Ясный и вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ, несомнѣнно лучший знатокъ древнихъ памятниковъ русскаго права, Н. В. Калачовъ.

1. Первымъ, безъ сомнѣнія, дѣломъ, говоритъ г. Калачовъ, должно быть полное изданіе текста Русской Правды по разнымъ ея спискамъ.

2. Послѣ такого изданія текста Русской Правды, важнѣе всего приступить къ филологическому объясненію, какъ отдѣльныхъ словъ, такъ равно цѣлыхъ выраженій и оборотовъ рѣчи.... Въ результатъ такихъ изслѣдованій должно быть опредѣлено: 1, къ какому вѣку принадлежатъ въ отдѣльности слова, обороты и грамматическіе признаки Русской Правды на основаніи даннаго ея текста; 2, какое изъ значеній, уже прежде открытыхъ, имѣютъ каждое слово и выраженіе въ различныхъ статьяхъ Русской Правды въ связи

съ другими словами и оборотами; 3, наконецъ, въ какомъ заключеніи приводять эти изслѣдованія, какъ относительно древности Русской Правды вообще, такъ и относительно отдѣльныхъ ея статей, выраженій, словъ и грамматическихъ признаковъ по разнымъ спискамъ.

3. Только за разборомъ филологическимъ можетъ быть принято юридическое объясненіе Русской Правды... въ результатъ которыхъ должно быть показано: 1, въ какомъ вѣку принадлежить каждая изъ отдѣльныхъ статей нашего памятника по юридическому ея содержанію; 2, какое значеніе имѣеть въ нихъ каждый законъ, обычай или частный фактъ, въ сравненіи съ подобными законами, обычаями или фактами разныхъ столѣтій, находящимися въ памятникахъ отечественныхъ и чужеземныхъ; 3, наконецъ, какое значеніе имѣеть вообще Русская Правда, во первыхъ, какъ источникъ нашего древняго права въ разное время, а во вторыхъ, какъ юридическій памятникъ и въ какомъ отношеніи находится она ко всѣмъ другимъ памятникамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, въ системѣ русскаго законодательства до XVII вѣка включительно ¹²⁵).

Такихъ же приемовъ ученой разработки требуютъ всѣ другіе памятники древняго русскаго права: Договоры Руссовъ съ Греками, Псковская судная Грамата, Новгородская судная Грамата и пр.

Мы съ полною увѣренностію можемъ сказать, что до настоящаго времени историки-юристы, пытавшіеся опредѣлить начала политико-юридической организаціи древнерусскихъ Славянъ на основаніи позднѣйшихъ памятниковъ русскаго права, не слѣдовали сказаннымъ приемамъ ихъ ученой разработки, справедливость требованій которыхъ не можетъ быть опровергнута. Въ наибольшей степени этимъ разрядомъ источниковъ пользовались для своихъ выводовъ послѣдовали теорій общиннаго и задружно-общиннаго быта древнерусскихъ Славянъ. Авторы выписываютъ извѣстныя статьи, напримѣръ, Русской Правды, предполагаютъ, что выраженные въ нихъ отношенія представляютъ собою тѣ же отношенія, какія существовали въ древнѣйшую эпоху и заключаютъ отсюда о началахъ быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи. Такой способъ разработки древнихъ памятниковъ

приводилъ изслѣдователей только въ произвольнымъ гипотезамъ и теоріямъ.

Повторяемъ, пока наука не найдетъ положительнаго средства отличить въ позднѣйшемъ правѣ русскаго народа обычаи древнѣйшаго происхожденія отъ обычаевъ происхожденія позднѣйшаго, до тѣхъ поръ выводы по вопросу о началахъ политико-юридическаго быта древнерусскихъ Славянъ, основанные на содержаніи позднѣйшихъ памятниковъ русскаго права и современномъ намъ обычномъ правѣ русскаго народа, не будутъ имѣть положительнаго характера.

Мы должны сознаться, что отсутствіе въ современной наукѣ вѣрныхъ средствъ, при посредствѣ которыхъ было бы возможно отличить обычаи древнѣйшаго происхожденія отъ обычаевъ происхожденія позднѣйшаго, ставитъ до настоящаго времени непреодолимую преграду ученой разработкѣ современнаго намъ обычнаго права русскаго народа, съ цѣлью отыскать въ немъ ключъ къ рѣшенію вопроса о началахъ политико-юридическаго быта древнерусскихъ Славянъ.

Блестящія статьи К. Д. Кавелина „Бытъ русскаго народа” и „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи,” возбудили въ нашемъ обществѣ интересъ къ собранію и серьезной ученой разработкѣ обычнаго права русскаго народа; за то уже авторъ заслуживаетъ глубокой признательности, такъ какъ изученіе народныхъ обычаевъ несомнѣнно важно для науки, даже помимо историческихъ цѣлей; но возбужденные этими статьями надежды, при посредствѣ изученія современныхъ намъ народныхъ обычаевъ найти ключъ къ рѣшенію вопроса о началахъ быта русскихъ Славянъ древнѣйшей эпохи, до настоящаго времени не сбылись. Очень можетъ быть, что въ будущемъ наука найдетъ положительное средство отличать въ обычномъ правѣ настоящаго времени обычаи, сохранившіеся съ глубокой древности, и тогда этотъ источникъ сдѣлается положительнымъ матеріаломъ къ познанію обычаевъ древнѣйшей эпохи; но до настоящаго времени такимъ средствомъ наука располагаетъ только по отношенію къ нѣкоторымъ обычаямъ, имѣющимъ религіозный характеръ, а потому современное намъ обычное право остается до настоящаго времени почти бесполезнымъ источникомъ въ дѣлѣ рѣшенія вопросовъ о семейныхъ отношеніяхъ и совершенно бесполезнымъ

въ рѣшеніи вопросовъ объ отношеніяхъ общественныхъ, уголовныхъ и имущественныхъ нашихъ предковъ.

Гдѣ ключъ, спрашиваетъ г. Кавелинъ, къ правильному взгляду на русскую исторію? Отвѣтъ простой, говоритъ онъ, „не въ невозможномъ, отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторією другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ. Многіе не безъ основанія думаютъ, что образъ жизни, привычки, понятія крестьянъ сохранили очень многое отъ древней Руси.” Однакожъ, авторъ нашелъ возможнымъ воспользоваться только терминологіей вѣжливости, употребляемой крестьянами, для своей теоріи политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, которая опровергается новѣйшими изслѣдованіями по обычному праву русскаго народа ¹²⁶).

Прежде нежели наука получить возможность пользоваться дѣйствующимъ обычнымъ правомъ, какъ средствомъ познанія древности, необходимо знать его содержаніе, его общія начала, а въ этомъ отношеніи наукѣ предстоитъ еще много труда.

Въ предисловіи къ „Матеріаламъ для библіографіи обычнаго права,” изданнымъ г. Якушкинымъ, почтенный авторъ сводитъ къ общимъ результатамъ труды по обычному праву русскаго народа, изданные до настоящаго времени, изъ которыхъ оказывается, что самыя существенныя вопросы по отношенію къ дѣйствующему обычному праву русскаго народа не разработаны научно, а по многимъ изъ нихъ даже не собраны матеріалы ¹²⁷). Съ своей стороны, мы можемъ добавить, что многія обычныя явленія въ жизни русскаго народа вовсе неизвѣстны ученой литературѣ.

Такъ напримѣръ, до настоящаго времени никто изъ историковъ-юристовъ не подозрѣвалъ существованія въ Россіи настоящаго времени семейнаго союза, по своему юридическому характеру, вполне соответствующаго задругѣ южныхъ Славянъ, въ томъ видѣ, въ какомъ это учрежденіе описывается гг. Караджичемъ, Утешеновичемъ, Богишичемъ, Миличевичемъ и другими учеными, знакомыми съ нимъ путемъ личныхъ наблюденій. Въ ученой литературѣ говорится о семейной общинѣ, какъ о явленіи первоначальномъ, сохранившемся у южныхъ Славянъ съ глубочайшей древности и предшествовавшемъ въ исторіи образованію территоріальной общины и государства. На-

блюденіе семейной общины въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, мы вполне въ томъ увѣрены, приведетъ науку къ новому воззрѣнію на значеніе этого учрежденія въ исторіи.

Для примѣра мы опишемъ здѣсь одинъ изъ семейныхъ союзовъ, встрѣченный нами въ Курской губерніи, особенно замѣчательный по количеству членовъ.

Въ 1872 году намъ сообщили, что въ селеніи Воробьевкѣ, Курскаго уѣзда, Черемошенской волости, живетъ семья, извѣстная въ соседствѣ подъ именемъ семьи Софроничей, состоящая изъ 42 членовъ и управляемая выборнымъ старшиною. Желая ближе ознакомиться съ происхожденіемъ и устройствомъ этой семьи, мы посѣтили село Воробьевку и узнали тамъ слѣдующее. Около 80 лѣтъ тому назадъ умеръ въ селѣ Воробьевкѣ государственный крестьянинъ (однодворецъ), по имени Савелій, а по фамиліи Воробьевъ, оставившій тремъ его сыновьямъ, — Герасиму, Прокофію и Трофиму, — дворъ съ огородомъ, усадебное мѣсто, 50 десятинъ пахатной земли и разную движимость. По смерти отца, братья Савельичи согласились владѣть наслѣдствомъ сообща, нераздѣльно, и жить вмѣстѣ, поручивъ старшинство въ семьѣ Прокофію Савельичу. У каждаго изъ братьевъ были дѣти мужскаго и женскаго пола; Прокофій имѣлъ сына Софрона, Герасимъ — Ивана и Петра и Трофимъ — Артемона. По смерти Прокофія, главенство въ семьѣ, съ общаго согласія родичей, помимо дяди, перешло къ сыну Прокофія — Софрону Прокофьевичу, управлявшему дѣлами семьи около 40 лѣтъ, въ теченіи которыхъ число членовъ семьи разрослось до 39 человекъ, между которыми было 8 супружествъ, двѣ вдовы и 21 молодыхъ людей, дѣвушекъ и дѣтей. Во время моего знакомства съ этимъ семейнымъ союзомъ родство между членами различныхъ боковыхъ линій было такъ отдаленно, что они могли свободно вступать въ бракъ между собою: оно простиралось до девятой степени. Всѣ Софроничи жили въ одномъ дворѣ, состоявшемъ изъ главнаго помѣщенія, въ которомъ жилъ Софронъ съ женою и дѣтьми (а позже Емельянъ) и куда собирались всѣ члены для общей трапезы, и пристроекъ (три избы), въ которыхъ размѣщались остальные члены семейнаго союза. Въ отношеніи хозяйственнаго управленія всѣ Софроничи повиновались безпрекословно приказаніямъ Софрона. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ

семейныхъ, напр., при женитьбѣ и выдачѣ замужъ своихъ членовъ, такъ и хозяйственныхъ, напр., относительно времени уборки хлѣба и сѣна, распашки полей, покупки земли и пр., Софронъ совѣтовался со всѣми его взрослыми домочадцами, на семейномъ совѣтѣ. Не смотря на размноженіе членовъ, благосостояніе семейнаго союза въ періодъ управленія Софрона постоянно возрастало и къ концу его жизни Софронины владѣли очень значительнымъ (для крестьянской семьи въ Курской губерніи) количествомъ благопріобрѣтенной земли и изобиловала движимостью. По наслѣдству отъ предковъ они владѣли 50 десятинами пахатной земли, дворомъ и усадьбнымъ мѣстомъ; при Софронѣ въ разное время было пріобрѣтено покупкою 109 десятинъ земли. Наслѣдственная земля называлась у нихъ *дѣдовщиною*, а благопріобрѣтенная — *прикупкою*. Въ 1872 году движимое имущество семейнаго союза, кромѣ денежнаго запаса, составляли: 30 лошадей, 13 коровъ, 61 овца и 15 свиней. Какъ общіе заработки, такъ и заработки отдѣльныхъ членовъ поступали въ общую семейную кассу, хранившуюся у Софрона. Эта касса расходовалась преимущественно на слѣдующіе предметы: уплату государственныхъ податей и отправленіе общественныхъ повинностей, а въ частности, на наемъ рекрутовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда очередь падала на семью Софрониной (въ теченіи всего періода управленія Софрона его семья не поставила ни одного рекрута); назначеніе приданаго при выдачѣ замужъ лицъ женскаго пола, всегда состоявшаго только изъ движимости, денегъ и скота; покупку одежды для всѣхъ членовъ союза; покупку хозяйственныхъ орудій и пр. Если къ концу года, за всѣми расходами, въ семейной кассѣ оставался значительный остатокъ, то его употребляли, съ общаго согласія семейнаго совѣта, на прикупку пахатной земли.

За три года до нашего знакомства съ семьей Софрона ее постигло несчастіе, поводомъ къ которому послужило слѣдующее обстоятельство. Одна изъ вдовъ съ малолѣтнимъ сыномъ пожелала отдѣлиться и, получивъ часть имѣнія, слѣдовавшую ей по приговору семейнаго совѣта, осталась этою частью недовольна, почему обратилась съ жалобою къ г. Курносову (сначала мѣстный мировой посредникъ, а потомъ мировой судья), который, руководствуясь законодательствомъ, а не обычаемъ, призналъ Софрона виновнымъ и при-

говорилъ его къ тюремному заключенію (этотъ приговоръ, впрочемъ, былъ впослѣдствіи отмѣненъ мировымъ съѣздомъ, признавшимъ Софрона не виновнымъ). Приговоръ такъ подѣйствовалъ на подсудимаго, что онъ возвратился въ домъ свой помѣшаннымъ и оставался въ состояніи помѣшательства 4 года, до его смерти. Послѣ помѣшательства Софрона, помимо его братьевъ и взрослыхъ дѣтей, старшиною семейнаго союза на общемъ семейномъ соборѣ былъ избранъ двоюродный племянникъ Софрона Емельянъ Петровичъ, какъ наиболее дѣятельный и способный. Емельянъ (со словъ котораго записаны нами сообщаемыя свѣдѣнія) управлялъ дѣлами семейнаго союза, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Софронъ, въ теченіи 4½ лѣтъ.

Въ 1875 году намъ сообщили, что вскорѣ послѣ смерти Софрона, преимущественно вслѣдствіе ссоръ между женщинами, Софроничи раздѣлились и составили 4 семейныхъ союза, которыхъ устройство, личныя и имущественныя отношенія остаются совершенно подобными устройству бывшей семьи Софрона.

Въ періодъ управленія Емельяна описанный семейный союзъ имѣлъ два названія: онъ назывался семьей Емельяна Воробьева и семьей Софрона; съ первымъ названіемъ онъ являлся во всѣхъ официальныхъ случаяхъ, въ сношеніяхъ съ волостнымъ и уѣзднымъ начальствомъ; подъ вторымъ названіемъ онъ былъ извѣстенъ между сосѣдями. Вообще въ Курской губерніи большія семейства или семейныя общины, подобныя описанной по своему устройству, имѣютъ обыкновенно два названія, изъ которыхъ одно происходитъ отъ имени настоящаго главы, чрезъ котораго она сносится съ начальствомъ, а другое происходитъ отъ имени прежде бывшаго главы, которое сохраняется въ сосѣдствѣ не смотря на его смерть; это послѣднее неофициальное названіе называется *уличнымъ*.

Не смотря на усилившіяся въ послѣдніе 15—20 лѣтъ семейныя раздѣлы между крестьянами Курской, Черниговской и Полтавской губерній, семейныя общины, состоящія изъ братьевъ съ ихъ нисходящими, управляемыя однимъ изъ братьевъ, не всегда старшимъ лѣтами, владѣющія наслѣдственнымъ имуществомъ нераздѣльно, можно встрѣтить почти въ каждомъ селеніи, населенномъ государственными крестьянами, происходящими отъ бывшихъ одноворцевъ

и казаковъ, владѣющихъ такъ называемою четвертною или жалованною землею. Большія семейства рѣдно встрѣчаются только въ селеніяхъ, владѣющихъ такъ называемою душевою землею, т. е. передѣляемою въ извѣстные періоды времени по количеству душъ мужескаго пола.

Но и здѣсь семья не имѣетъ того значенія, какое придаютъ ей новѣйшія европейскія законодательства, а въ томъ числѣ и наше, основанныя на понятіяхъ римскаго права. Семья по обычному праву русскаго народа имѣетъ не только родственное, но и хозяйственное значеніе; послѣднее часто преобладаетъ надъ первымъ. Главы семьи называются хозяиномъ и хозяйкою; такими главами могутъ быть какъ старшіе родственники въ семействахъ, такъ и младшіе, если они болѣе способны распоряжаться хозяйствомъ; часто отецъ, потерявши довѣріе семьи, вслѣдствіе пьянства или другихъ причинъ, принужденъ бываетъ уступить свою власть одному изъ сыновей и подчиняться его распоряженіямъ. Недоразумѣнія, возникающія между отцомъ и дѣтьми, нерѣдко поступаютъ на разсмотрѣніе міра, сельскаго схода, который лишаетъ отца главенства въ семьѣ и передаетъ его болѣе способному сыну. Случается также не только въ многолюдныхъ семействахъ, но и не многолюдныхъ, состоящихъ изъ 4—5 лицъ, что по смерти главы семьи власть его переходитъ не на старшаго по родству, а на способнѣйшаго, по избранію его остальными членами семьи.

Рядомъ съ семейными союзами, тождественными съ задругами южныхъ Славянъ, встрѣчаемъ въ Курской губерніи множество поселеній, носящихъ названія, происшедшія отъ фамилій, и населенныхъ жителями одной фамиліи. Такъ, селеніе Воробьевка, въ которомъ найдена нами описанная семья Софроничей, заключаетъ въ себѣ болѣе 250 дворовъ, населенныхъ лицами одной фамиліи—Воробьевыми, бывшими однодворцами. Въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ Воробьевки, имѣются селеніе - Гуторово Большое и деревня — Гуторово Малое, населенныя исключительно бывшими однодворцами - Гуторовыми. Въ томъ же Курскомъ уѣздѣ имѣются селенія Большое Шумаково, Шумаково Малое и деревня Шумаковка, населенныя почти исключительно Шумаковыми, бывшими однодворцами; село Лисово населено однодворцами Лисовыми; Буинно — Буинными;

Боровино—Коровиными; Зоринка—Зориными; Звѣгинцево—Звѣгинцевыми; Малышево—Малышевыми; и т. д. Подъ самымъ Курскомъ имѣется большое село Толмачево, населенное исключительно обѣдѣвшими дворянами—Толмачевыми. Начало этихъ поселеній съ патронимическими названіями, относится къ XVII, XVIII и даже XIX столѣтіямъ. Они образовались изъ бывшихъ помѣщичьихъ хуторовъ, деревень и сель. Потомки бывшихъ богатыхъ помѣщиковъ, размножаясь, бѣднѣли и продавали своихъ крестьянъ на выводъ, оставаясь сами на гнѣздахъ предковъ; размножаясь далѣе, они образовали цѣлыя деревни и села, изъ которыхъ нѣкорыя, какъ Шумаково, Гуторово, Толмачево и пр., разрослись до такой степени, что принуждены были выводить изъ себя колоніи.

Кромѣ знанія общихъ началъ дѣйствующаго обычнаго права пользованіе этимъ матеріаломъ, какъ источникомъ познанія древности, требуетъ большой осторожности. Такимъ источникомъ осторожному историку-юристу настоящаго времени могутъ служить только такія изъ современныхъ обычаевъ русскаго народа, древность которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, безспорно доказана; въ противномъ случаѣ, его выводы относительно древнѣйшаго быта русскихъ Славянъ не могутъ имѣть научнаго значенія, по крайней мѣрѣ, не могутъ быть убѣдительны. Такъ напримѣръ, по смыслу теоріи семейно-общиннаго быта древнихъ Славянъ, семейная община представляетъ собою доисторическое явленіе, предшествовавшее образованію территориальной общины и государства. Описанный нами семейный союзъ въ Курской губерніи съ точки зрѣнія семейно-общинной теоріи долженъ быть разсматриваемъ, какъ остатокъ древнѣйшей эпохи, какъ средство познанія началъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ. А между тѣмъ, мы имѣемъ положительныя основанія считать семейную общину Курской губерніи явленіемъ позднѣйшаго происхожденія, возникшимъ не ранѣе XVII вѣка. Извѣстно, что со времени татарскаго опустошенія юговосточныя губерніи современной Россіи представляли собою совершенную пустыню до конца XVI столѣтія. Въ первой половинѣ XVI вѣка конечными пунктами русскихъ поселеній на юговостокѣ Московскаго государства были слѣдующіе города: Орель, Карачовъ, Дмитріевъ, Рыльскъ и Путивль. Все пространство между этими городами и рѣкою До-

номъ представляется путешественниками XIV и XV вѣковъ совершенною пустыней: не было здѣсь ни городовъ, ни селъ, ни хуторовъ. Первою ступеню поселеній въ этомъ краѣ были города-укрѣпленія, населенные служилыми людьми, сбродными дружинами, лицами разнаго происхожденія, приходившими изъ разныхъ мѣстъ и селившимися подъ защиту укрѣпленій. Съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ количества городовъ и соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ опасности отъ внѣшнихъ враговъ, рядомъ съ городами, появляются сельскія поселенія, неукрѣпленныя — вторая, послѣдующая ступень народныхъ поселеній въ этомъ краѣ. Села и деревни возникаютъ двумя способами: или служилый челоуѣкъ, получивъ извѣстный участокъ земли, какъ вознагражденіе за службу, переводитъ сюда крестьянъ изъ внутреннихъ областей и владеть основаніе селу или деревни, или правительство приглашаетъ всѣхъ желающихъ селиться на извѣстныхъ свободныхъ земляхъ, обѣщая различныя льготы. Соотвѣтственно различію способовъ происхожденія сельскихъ поселеній, ихъ населеніе представляло собою общины, состоявшія изъ помѣщичьихъ крестьянъ, или лицъ свободныхъ, приходившихъ изъ разныхъ мѣстъ и селившихся на казенной землѣ, на извѣстныхъ условіяхъ, означенныхъ московскимъ правительствомъ. Наконецъ, третью ступеню народныхъ поселеній въ юговосточныхъ областяхъ Россіи были отдѣльныя усадьбы, отдѣльные дворы, хутора, пріюты особой семейной жизни, появляющіеся въ этомъ краѣ только съ конца XVII вѣка, на земельныхъ участкахъ, прибрѣтенныхъ первоначальными владѣльцами на правахъ полной частной собственности ¹²⁸).

Слѣдовательно, семейную общину мы встрѣчаемъ въ мѣстности, гдѣ она не могла образоваться ранѣе XVII вѣка и заселенной порядкомъ колонизаціи, противоположнымъ тому порядку исторической колонизаціи, какой предполагаетъ семейно-общинная теорія.

На основаніи сказаннаго нами о значеніи позднѣйшаго права русскаго народа, въ качествѣ источника познанія началъ политико-юридическаго быта Славянъ древнерусскихъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Въ позднѣйшихъ памятникахъ русскаго права и современномъ намъ обычномъ правѣ русскаго народа несомнѣнно сохранились обычаи отъ древнѣйшей исторической эпохи.

2. Извѣстія древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ, фактъ введенія христіанства въ Россіи и содержаніе христіанскаго ученія даютъ намъ положительное средство отличать въ нѣкоторыхъ погребальныхъ и семейныхъ обычаяхъ архаическіе слѣды или остатки, а потому научная разработка этихъ обычаевъ уже принесла положительную пользу въ рѣшеніи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права.

3. Въ отношеніи общественныхъ, уголовныхъ и имущественныхъ отношеній наука еще не владѣетъ положительнымъ средствомъ опредѣлять время происхожденія обычаевъ, встрѣчаемыхъ въ позднѣйшихъ памятникахъ русскаго права и дѣйствующемъ обычномъ правѣ русскаго народа, а потому научная разработка этого матеріала, по отношенію къ положительному рѣшенію вопроса о началахъ политико-юридическаго быта древнерусскихъ Славянъ, до настоящаго времени была совершенно бесполезна.

IV. Выводы сравнительнаго изученія историческихъ памятниковъ различныхъ народовъ и политико-юридическихъ отношеній, существующихъ у современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

Изумительныя пріобрѣтенія науки въ нашемъ столѣтіи въ области естествознанія объясняются тѣмъ, что естествоиспытатели, оставивъ теоріи метафизиковъ, алхимиковъ и астрологовъ, съ ихъ общими, абсолютными началами, какъ бесполезныя въ дѣлѣ объясненія частныхъ фактовъ и познанія дѣйствительныхъ законовъ вещественной природы, обратились къ изученію простѣйшихъ элементовъ природы. Изученіе свойствъ простыхъ тѣлъ и явленій, а также условій, при которыхъ простыя тѣла и явленія образуютъ сложныя, повело къ открытію общихъ законовъ, управляющихъ физическимъ міромъ. Нынѣ и ученые юристы начинаютъ сознавать, что юриспруденція можетъ познать общіе законы, управляющіе отношеніями людей, только при помощи метода, благодаря которому туманная ме-

тафизика стараго времени распалась на положительныя науки новѣйшаго времени. „Какъ натуралистъ, говорятъ извѣстнѣйшіе юристы настоящаго времени на западѣ Европы, изслѣдуя законы вѣщественной природы, начинается въ тѣхъ частицъ, которыя составляютъ простѣйшіе элементы физическаго тѣла или явленія, такъ ученый юристъ, изслѣдуя законы, управляющіе обществомъ, долженъ начинать съ простѣйшихъ соціальныхъ формъ” (Мэнъ, Леббокъ, Лавале и др.). Но изученіе простѣйшихъ соціальныхъ явленій встрѣчаетъ затрудненія, неизвѣстныя натуралисту. Натуралисту, изучающему, напримѣръ, человѣка, какъ существо физическое, природа предлагаетъ въ готовомъ видѣ необходимыя средства познанія истины, при посредствѣ которыхъ онъ можетъ наблюдать составные элементы и развитіе человѣка на всѣхъ ступеняхъ его жизни, начиная съ составныхъ частей яйца до степени умирающаго организма подъ вліяніемъ старости; условія при которыхъ усложняется физическій организмъ, старые элементы замѣняются новыми и свойства измѣненій могутъ быть наблюдаемы въ каждый нужный для изслѣдователя моментъ. Въ другія условія поставленъ историкъ-юристъ, изучающій общественныя организмы. Ему приходится имѣть дѣло съ явленіями въ высшей степени сложными, образованіе и начальное развитіе которыхъ часто лежитъ за предѣлами исторіи, эксперименты надъ которыми невозможны. Изучая, напримѣръ, государство, изслѣдователь принужденъ ограничиться простымъ наблюденіемъ дѣятельности и взаимнаго соотношенія составныхъ элементовъ государства; составныя же его элементы, семья, община, органы власти и т. д., въ свою очередь, не простыя физическія тѣла и явленія, а также сложныя, измѣнившія свою первоначальную форму подъ вліяніемъ условій протекшей жизни общества. Наконецъ, изслѣдованіе соціальныхъ явленій данной эпохи можетъ рѣшить только вопросъ о фактѣ существованія, но не рѣшаетъ вопроса о необходимости существованія тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній. Убѣжденіе въ необходимости извѣстныхъ явленій въ данномъ организмѣ дается только изученіемъ условій развитія этого организма, изученіемъ его исторіи.

Натуралистъ можетъ изучать исторію даннаго организма при посредствѣ живыхъ нѣсколькихъ или многихъ индивидовъ одного рода, живущихъ одновременно, но стоящихъ на различныхъ ступе-

ныхъ развитія; юристъ, изучающій исторію даннаго общества довольствуется мертвыми историческими памятниками. Историческіе памятники однімъ изъ естественныхъ наукъ вовсе неизвѣстные, у другихъ играющіе второстепенную роль въ соціальныхъ историческихъ наукахъ составляли до настоящаго времени единственный матеріалъ. Этотъ матеріалъ далеко не такъ полонъ и не такъ реаленъ, какъ матеріалъ естественныхъ наукъ.

Въ виду сказанныхъ обстоятельствъ не удивительно, что до настоящаго времени общіе законы, управляющіе человѣческими обществами, еще не сдѣлались достояніемъ положительнаго знанія настолько, насколько сдѣлались ему доступными законы физическаго міра. Не смотря на то, пріобрѣтенія соціальной науки за послѣдніе годы даютъ основанія надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ исторія права и политическихъ учреждений станетъ на степень положительной науки. Эти основанія заключаются въ слѣдующемъ. Свѣдѣнія, которыми пользовались историки-юристы до настоящаго времени при изученіи исторіи права и политическихъ учреждений, извлекались изъ памятниковъ двоякаго рода: 1, изъ сказаній древнихъ писателей, подобныхъ Юлію Цезарю, Тациту и составителю нашего древнѣйшаго лѣтописнаго свода, имѣвшихъ случаи наблюдать явленія политической жизни у даннаго народа въ данную эпоху и оставившихъ потомкамъ сказанія объ этихъ явленіяхъ; 2, изъ сохранившихся памятниковъ древняго обычнаго права и положительнаго законодательства. Относительно каждаго народа въ отдѣльности совокупность сказанныхъ памятниковъ недостаточна для отвѣта на вопросы, рѣшеніемъ которыхъ заинтересованъ ученый юристъ новѣйшаго времени. Кромѣ количественной бѣдности памятниковъ, изученіе исторіи права и общественныхъ учреждений древнѣйшихъ историческихъ эпохъ встрѣчало трудности въ правильномъ пониманіи истиннаго смысла сохранившихся памятниковъ, вслѣдствіе встрѣчаемыхъ тамъ мертвыхъ словъ и выраженій, давно вышедшихъ изъ употребленія или измѣнившихъ первоначальное значеніе, а потому допускающихъ различныя толкованія.

Для пополненія и истиннаго пониманія свидѣтельствъ историческихъ памятниковъ даннаго народа имѣются въ распоряженіи науки два средства: сравнительное изученіе историческихъ памятни-

ковъ различныхъ народовъ и сравнительное изученіе политико-юридическаго быта современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

1. Сравненіе памятниковъ обычнаго права и законодательства различныхъ народовъ доказываетъ, что потребности у различныхъ народовъ были очень сходны въ извѣстныя эпохи ихъ развитія и проявлялись въ созданіи учреждений повсюду одинаковыхъ ¹²⁹). Это положеніе основано на реальныхъ основаніяхъ дѣйствительности новѣйшими изслѣдователями въ области исторіи права, какъ у насъ такъ и на западѣ Европы; а если оно основательно, то сравнительный методъ изученія памятниковъ является дѣйствительнымъ средствомъ пополненія пробѣловъ въ историческихъ памятникахъ одного народа историческими памятниками другихъ народовъ. Сравнительный методъ разработки историческихъ матеріаловъ въ области права долженъ привести къ такимъ же положительнымъ результатамъ, къ какимъ онъ уже приблизилъ ученыхъ изслѣдователей въ областяхъ филологіи и мифологіи, а по натурѣ своей, онъ столько же реальный методъ изслѣдованія, какъ и сравнительное изученіе однородныхъ физическихъ тѣлъ и явленій. Но древнѣйшіе историческіе памятники сообщаютъ намъ свѣдѣнія о бытѣ народовъ, стоявшихъ уже на значительной степени развитія цивилизаціи, и рисуютъ его только съ одной стороны, такъ сказать, анатомической, не даютъ намъ знанія причинъ, вызвавшихъ существованіе и развитіе извѣстныхъ социальныхъ явленій, силы и пространства дѣйствія этихъ явленій въ жизни, не отвѣчаютъ на тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ дается только изученіемъ живыхъ организмовъ. Въ этомъ случаѣ является на помощь наукѣ сравнительное изученіе политико-юридическаго быта современныхъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

2. Различныя части земной поверхности представляютъ собою различныя условія для развитія общественной жизни. Социальные организмы, какъ и организмы физическіе, развиваются при наличности извѣстныхъ условій; при отсутствіи извѣстныхъ условій, развитіе организмовъ останавливается или замедляется. Благодаря этому закону, натуралисты настоящаго времени находятъ въ нѣкоторыхъ странахъ формы фауны и флоры, принадлежащія различнымъ

эпохамъ геологическаго развитія нашей планеты; благодаря тому же закону, историкъ находитъ въ разныхъ странахъ народы, стоящіе на различныхъ ступеняхъ гражданственности, пачиная отъ простѣйшей формы общества, почти стада, до степени высшихъ формъ цивилизаціи современныхъ государствъ Европы и Америки. Наблюденіе юридическаго быта у современныхъ низшихъ расъ человѣческаго рода показало, „что различные народы, стоящіе на одинаковой ступени политическаго развитія, представляютъ больше сходственныхъ чертъ политико-юридической организаціи, нежели одна и таже раса въ различные періоды ея исторіи; что свидѣтельства современныхъ нашихъ путешественниковъ, описывающихъ бытъ первобытныхъ народовъ, даютъ такія же важныя указанія для исторіи права древнѣйшихъ періодовъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, какъ и свидѣтельства древнихъ писателей, подобныхъ Тациту”¹³⁰). А если это вѣрно, то сравнительное изученіе политико-юридическаго быта низшихъ человѣческихъ расъ можетъ сдѣлаться могущественнымъ средствомъ познанія древности, можетъ дать возможность поставить наши познанія въ отношеніи древнѣйшихъ политико-юридическихъ учрежденій современныхъ цивилизованныхъ народовъ на положительныя основы посредствомъ изученія быта современныхъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, т. е. посредствомъ метода натуралистовъ, изучающихъ исторію даннаго организма при посредствѣ изученія составныхъ элементовъ и условій развитія однородныхъ организмовъ, различныхъ возрастовъ, но живущихъ одновременно. Трудная задача науки состоитъ здѣсь только въ необходимости найти мѣру сравненія, подобную корнямъ филологіи и основнымъ мифамъ мифологіи, при посредствѣ которой было бы возможно разграничить различныя ступени цивилизаціи, избѣжать произвола въ сравненіи такихъ явленій, которыя не могутъ быть сравниваемы и опредѣлять степень цивилизаціи даннаго народа въ данную эпоху. Такая мѣра въ отношеніи условій политико-юридической жизни можетъ быть найдена только путемъ всеобъемлющаго и всесторонняго изученія историческихъ памятниковъ, состоящихъ въ распоряженіи науки, и современнаго быта различныхъ народовъ, низшихъ и высшихъ расъ. Когда такая мѣра будетъ найдена, тогда наука получитъ реальное основаніе для

сравненій и пополненія пробѣловъ въ памятникахъ одного народа изученіемъ памятниковъ другихъ народовъ, стоящихъ на одной степени цивилизаціи.

Обращаясь къ литературѣ по древнѣйшему періоду исторіи русскаго права, мы находимъ, что до послѣдняго десятилѣтія сравнительный методъ изученія историческихъ памятниковъ не имѣлъ почти никакого вліянія на рѣшеніе вопроса о началахъ политико-юридическаго быта древнерусскихъ Славянъ; мало того, онъ чаще служилъ средствомъ прикрытія произвольныхъ, теоретическихъ построеній, а не средствомъ объективнаго, безпристрастнаго изученія фактовъ исторической дѣйствительности.

Намъ уже извѣстны слѣдствія сравненія, сдѣланнаго академикомъ Струбе, содержанія Русской Правды съ содержаніемъ древнѣйшихъ германскихъ законодательныхъ памятниковъ; ничего не выяснивъ въ содержаніи Русской Правды, они повели только къ невѣрнымъ выводамъ о происхожденіи и значеніи этого памятника.

Требованія сравнительнаго метода впервые поставлены въ нашей ученой литературѣ довольно правильно въ ученіи Каченовскаго, почти въ одно время съ выходомъ въ свѣтъ извѣстнаго труда польскаго ученаго В. Мацейевскаго, подъ заглавіемъ „Historya prawodawstw Słowiańskich,” въ которомъ въ первый разъ была показана возможность и необходимость сравнительнаго изученія исторіи славянскихъ законодательствъ. Средствами къ преобразованію науки о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи по ученію Каченовскаго являются: 1, критическая, безпристрастная оцѣнка домашнихъ, историческихъ и географическихъ извѣстій древнѣйшаго періода нашей исторіи, путемъ познанія ихъ источниковъ; 2, сравненіе исторіи русскихъ Славянъ съ исторіей Славянъ вообще; 3, наконецъ, сравненіе явленій исторіи русскихъ Славянъ съ явленіями всемірной исторіи.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Иванишевъ, въ своемъ разсужденіи „О платѣ за убійство,” написанномъ на полученіе степени доктора російскаго законовѣднія, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „для объясненія памятниковъ російскаго законодательства необходимо сравнительное изученіе законодательствъ всѣхъ славянскихъ народовъ..... законодательство каждаго отдѣльнаго народа, какъ вы-

раженіе народной мысли, можетъ быть понято только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствами другихъ одноплеменныхъ народовъ”¹³¹).

Казалось, ученая разработка древнѣйшаго періода русской исторіи и исторіи русскаго права приняла правильное направленіе, но, къ сожалѣнію, по пути, указанному Каченовскимъ, Мацейевскимъ и Иванишевымъ не послѣдовали послѣдующіе ученые.

Погодинъ, во своей „параллели русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ” старается доказать, что въ нашей исторіи нѣтъ рѣшительно ни одного явленія, подобнаго характеристическимъ явленіямъ западныхъ исторій, нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія и подобія¹³²). Эта мысль развита послѣдующими учеными и привела къ отрицанію годности сравнительнаго метода, какъ средства познанія и положительнаго рѣшенія вопросовъ древнѣйшаго періода русской исторіи. По ученію К. Д. Кавелина Россія представляетъ собою явленіе совершенно исключительное, небывалое, нетолько среди германскихъ европейскихъ государствъ, но даже среди не русскаго славянскаго міра; въ ихъ исторіи нѣтъ ни одной черты сходной..... а потому, авторъ усматриваетъ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію, „не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторією другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ”¹³³). Мы уже знаемъ, что этотъ ключъ не открылъ намъ тайниковъ русской исторіи, не объяснилъ намъ явленій исторіи русскаго права: тѣмъ не менѣе, сравнительный методъ разработки вопросовъ древнѣйшаго періода русской исторіи въ теченіи двадцати лѣтъ остается въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Кромѣ извѣстнаго уже намъ труда г. Затыркевича, изданнаго въ 1873 году, въ направленіи сравнительнаго метода въ новѣйшей литературѣ мы можемъ указать только на изслѣдованія по семейному праву гг. Шпилевскаго и Смирнова¹³⁴).

Впрочемъ, отрицаніе сравнительнаго метода ученой разработки вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права не было безусловно въ новѣйшей ученой литературѣ. Анализируя основанія новѣйшихъ теорій политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, мы часто встрѣчались съ выводами сравнительной анало-

ги, обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти теоріи не находили фактической подкладки въ сохранившихся памятникахъ русской исторіи и русскаго права; но эти аналогіи въ большинствѣ случаевъ основаны на предположеніяхъ, а не сравнительномъ изученіи фактовъ дѣйствительности. „Во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ, патриархальный бытъ предшествуетъ всякому другому, родъ предшествуетъ образованію общины и государства” — доказываютъ одни ученые; „общинность доказывается высшимъ закономъ всей исторіи, которая всегда и вездѣ начинается общинною” — доказываютъ другіе; „общій законъ исторіи человѣчества указываетъ не на естественный родъ и не на территориальную общину, а на искусственный родъ, фиктивное государство, какъ первоначальную ступень человѣческаго общежитія” — доказываютъ третьи; „первоначальное состояніе и первоначальный видъ общественнаго строя былъ тотъ, который до сихъ поръ довольно чисто сохранился у Хорватъ и Сербовъ, въ формѣ извѣстной подъ именемъ задруги” — доказываютъ четвертые; и т. д. Въ доказательство этихъ аналогій ихъ авторы не приводятъ ни одного историческаго факта, ни одного вѣрнаго историческаго соображенія; а между тѣмъ, если допустить, что первоначально у всѣхъ народовъ была только одна политическая форма, то эта форма не могла же быть въ одно и тоже время и семьею и родомъ и общиною и задругою и государствомъ. Столько же не основательную сравнительную аналогію мы находимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ тотъ или другой авторъ, послѣ громкихъ но безсодержательныхъ фразъ о важности сравнительнаго метода изученія историческихъ явленій, опирается въ подтвержденіе своей теоріи на тотъ или другой историческій памятникъ, тотъ или другой народный обычай. Такъ напримѣръ, сравненіе русскаго права съ правомъ другихъ славянскихъ народовъ по вопросу о древнѣйшей формѣ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ обыкновенно опирается на извѣстное мѣсто древне-чешской пѣсни, извѣстной въ литературѣ подъ именемъ Суда Любуши; но при этомъ, это свидѣтельство служитъ источникомъ доказательствъ для всѣхъ теорій политическаго быта древнихъ Славянъ, существующихъ въ ученой литературѣ, не смотря на взаимную противоположность въ содержаніи ихъ ученій.

Дѣло познанія общихъ началъ быта нашихъ предковъ при по-

средствъ сравнительнаго изученія историческихъ фактовъ сопряжено съ громадными трудностями, потому что кромѣ вѣрности сравниваемыхъ фактовъ и объективнаго къ нимъ отношенія со стороны изслѣдователя, требуетъ громадной эрудиціи. „Единичной личности, справедливо замѣчаетъ г. Загоскинъ, въ его разсужденія о методѣ и средствахъ сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права Славянъ вообще и русскихъ въ особенности, какъ бы ни были могучи умственныя силы ея, какъ бы ни была тверда ея воля, ея энергія и упорность въ трудѣ, врядъ ли подѣ силу обнять полное изученіе всей массы источниковъ по древнему, общеславянскому праву. Возможность обобщенія ихъ, возможность совокупнаго изученія всего громаднаго, подавляющаго матеріала, который способны представить они, требуетъ кропотливой работы многихъ умовъ, быть можетъ, даже трудовъ многихъ поколѣній. Между тѣмъ, полнога и плодотворнаго результата вправѣ мы ожидать лишь отъ изученія источниковъ познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права въ ихъ взаимодействіи, въ ихъ совокупности”¹³⁵). Прибавимъ къ тому, что талантливый авторъ говоритъ здѣсь только о сравнительномъ изученія историческихъ памятниковъ и современнаго намъ обычнаго права славянскихъ народовъ; но памятники древнеславянскаго права начинаются только съ X вѣка, а свидетельства ихъ такъ кратки и неопредѣленны, что значеніе многихъ древнеславянскихъ учреждений и формъ права можетъ быть познано только путемъ сравнительнаго изученія памятниковъ древнеславянскаго обычнаго права съ памятниками права другихъ европейскихъ, древнихъ и новыхъ народовъ и формами обычнаго права современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

Методъ сравнительнаго изученія историческихъ явленій есть средство познанія древности и способъ повѣрки результатовъ, добытыхъ другими средствами. Но чтобы это средство и этотъ способъ вели изслѣдователя къ положительнымъ результатамъ, онъ долженъ приступить къ изученію и сравненію историческихъ фактовъ совершенно объективно, безъ предвзятыхъ схемъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ и только тогда онъ можетъ избѣжать односторонности въ выборѣ и сравненіи историческихъ фактовъ,

а равно фальшиваго натягиванія фактовъ дѣйствительности на взятую схему. Методъ собиранія и сравненія фактовъ исторической дѣйствительности долженъ соответствовать методу реальныхъ наукъ, а не приемамъ метафизики, какъ это было до настоящаго времени въ теоріяхъ политическаго быта древнерусскихъ Славянъ, предполагавшихъ въ политической жизни нашихъ предковъ дѣйствіе извѣстныхъ, единичныхъ, абсолютныхъ началъ и съ точки зрѣнія этихъ началъ пытавшихся объяснить всѣ отдѣльные факты исторической дѣйствительности. Наука настоящаго времени должна идти путемъ обратнымъ; общія начала политическаго быта древнерусскихъ Славянъ должны быть выведены изъ фактовъ исторической дѣйствительности.

Анализъ аргументаціи существующихъ въ наукѣ теорій политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика доказываетъ намъ, что путь рѣшенія научныхъ вопросовъ на основаніи сравнительной, исторической аналогіи можетъ вести ученаго изслѣдователя къ величайшему, безграничному произволу. Отсюда, первою обязанностію новѣйшаго ученаго изслѣдователя, приступающаго къ рѣшенію вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права путемъ сравнительнаго изученія историческихъ явленій и желающаго предупредить произволъ въ заключеніяхъ, является рѣшеніе вопроса объ условіяхъ научнаго, сравнительнаго метода разработки историческихъ матеріаловъ.

Сравнительное изученіе историческихъ явленій, какъ средство познанія древности и какъ способъ повѣрки результатовъ, добытыхъ другими средствами, представляетъ собою сравнительно недавнее приобрѣтеніе науки, а потому условія научной, исторической аналогіи не вполне еще сознаны и разработаны въ наукѣ. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно сомнѣваться, что при современномъ состояніи историческихъ знаній для новѣйшаго ученаго изслѣдователя, приступающаго къ рѣшенію какого бы то ни было историческаго вопроса при посредствѣ сравнительнаго изученія историческихъ явленій, имѣющаго въ виду положительное знаніе исторической дѣйствительности, а не построенія фантастическихъ гипотезъ и теорій, должно быть обязательно соблюденіе слѣдующихъ условій:

1. Знаніе всѣхъ возрѣній, высказанныхъ въ ученой литера-

турѣ по предмету изслѣдованія, и аргументаціи, на которой основаны сказанныя воззрѣнія.

2. Знаніе фактовъ, сообщаемыхъ по предмету изслѣдованія древними памятниками, какъ письменными, такъ и вещественными. Эти факты должны быть добыты при посредствѣ ученой критики источниковъ, о которыхъ мы говорили выше въ нашемъ анализѣ достоинства свѣдѣній, сообщаемыхъ письменными и вещественными памятниками.

3. Знаніе слѣдовъ, сохранившихся по предмету изслѣдованія въ позднѣйшихъ историческихъ памятникахъ и современномъ бытѣ изучаемаго народа.

4. Знаніе фактовъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ предмету изслѣдованія и сохранившихся въ историческихъ памятникахъ другихъ народовъ, какъ родственныхъ по происхожденію, такъ и не родственныхъ тому народу, къ быту котораго относится предметъ изслѣдованія.

5. Наконецъ, знаніе фактовъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ предмету изслѣдованія и находимыхъ въ современномъ быту народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

При современномъ состояніи въ наукѣ знанія первобытныхъ социальныхъ учреждений и первобытнаго права, только выводы сравнительнаго изученія историческихъ явленій, основанные на изученіи всей совокупности перечисленныхъ фактовъ, могутъ имѣть положительное значеніе въ рѣшеніи вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права.

Сказанныя условія сравнительнаго изученія историческихъ вопросовъ мы пояснимъ примѣромъ, который, кстати, дастъ намъ возможность разъяснить нѣкоторые недоразумѣнія, вызванныя въ ученой литературѣ нашимъ изслѣдованіемъ, подѣ заглавіемъ „Древніе города Россіи.“

Во вступительной лекціи къ курсу сравнительной исторіи права, подѣ заглавіемъ „О методологическихъ приѣмахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учреждений,“ недавно напечатанной М. М. Бовалевскимъ, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее: „изслѣдователь ранняго періода въ исторіи учреждений не имѣетъ права игнорировать вполне еще весьма скудный, правда, матеріалъ, добытый ар-

хеологическими раскопками по вопросу о ранних формах общественной жизни. Я не могу поэтому отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ къ дѣлаемой г. Самоквасовымъ попыткѣ пополнить путемъ раскопки кургановъ отрывочныя и неполныя свѣдѣнія нашихъ лѣтописей о характерѣ древнѣйшихъ поселеній, съ той однако лишь оговоркой, если исключительное увлеченіе археологическими соображеніями не будетъ мѣшать ему въ будущемъ, какъ это къ сожалѣнію имѣло мѣсто до сихъ поръ, обращаться и къ другимъ методологическимъ приемамъ, безъ которыхъ его чрезвычайно любопытныя изысканія могутъ повести къ субъективнымъ и далеко ненаучнымъ выводамъ.

Проявившееся въ послѣднее время въ русской исторической наукѣ увлеченіе приемами археологін заставляетъ меня остановиться съ нѣкоторой подробностію на опасности односторонняго пользования послѣдними, доказательствомъ чему могутъ служить нѣкоторыя изъ положеній выставленныхъ самимъ г. Самоквасовымъ въ его весьма серьезномъ и любопытномъ трудѣ „О происхожденіи русскихъ городовъ.” Пришедши путемъ самостоятельной раскопки *кургановъ* къ констатированію факта существованія въ древней Руси огромнаго множества *городищъ*, проф. Самоквасовъ счелъ себя въ правѣ заключать *отсюда* (?) о преобладаніи у насъ въ древній періодъ нашей жизни числа городовъ надъ числомъ селъ и даже о возникновеніи послѣднихъ путемъ разновременнаго выселенія части городского населенія внѣ предѣловъ городской черты. *Безъ предвзятаго импорированія результатовъ, полученныхъ благодаря приложенію историко-сравнительнаго метода*, г. Самоквасовъ никогда бы не могъ придти къ такому странному заключенію. Интересъ добытыхъ его личными изысканіями нисколько бы не уменьшился *отъ сопоставленія послѣднихъ съ историческими свидѣтельствами хотя бы напр. Юлія Цезаря объ укрѣпленныхъ лагеряхъ у Кельтовъ*. Только вмѣсто того, чтобы придти къ построенію фантастическаго положенія объ образованіи селъ изъ городовъ, г. Самоквасовъ пришелъ бы къ констатированію и въ бытовыхъ условіяхъ *Славянъ, при рѣшительномъ преобладаніи, господствѣ, какъ и на западѣ, сельскаго быта надъ городскимъ, обычая укрѣп-*

лѣтъ нѣкоторыя выгодно расположенныя въ географическомъ отношеніи мѣстности и искать въ нихъ убѣжища на случай возможныхъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ" 136).

Лекція талантливаго молодого ученаго уже успѣла обратить на себя вниманіе въ нашей ученой литературѣ. Профессоръ А. Ф. Кистяковскій, въ предисловіи къ своей „Программѣ для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву," указывая на статью г. Ковалевскаго, какъ на новый опытъ научной обработки отечественнаго обычнаго права, между прочимъ, высказываетъ: „молодой ученый, раскрывая свою тему въ ясныхъ, столь же широкихъ, какъ позитивныхъ положеніяхъ, сопоставляетъ по нѣкоторымъ вопросамъ формы быта другихъ народовъ съ тѣми явленіями, которыя или были присущи или до сихъ поръ остаются таковыми быту русскаго народа. Достоинно, между прочимъ, вниманія объясненіе автора *свойствъ* (?) и значенія древнихъ русскихъ городищъ, на которыя проф. Самоквасовъ *думалъ смотреть, какъ на города въ нашемъ смыслѣ слова* 137).

Мы съ своей стороны съ радостію привѣтствуемъ попытку г. Ковалевскаго путемъ сравнительнаго изученія историческихъ явленій освѣтить темные вопросы въ исторіи древнерусскихъ политическихъ учреждений и правовыхъ отношеній. Это предпріятіе вполне современно и совершенно необходимо. Средства автора, обнаруженные въ напечатанной лекціи, даютъ намъ право ожидать отъ его работы плодотворныхъ результатовъ. Но мы считаемъ своимъ долгомъ замѣтить, что сказанные результаты только въ томъ случаѣ будутъ имѣть положительный характеръ, когда авторъ будетъ слѣдовать въ своихъ изысканіяхъ тому направленію, какое обозначено имъ самимъ слѣдующими словами: „только подъ условіемъ провѣрки выводовъ, полученныхъ при помощи одного метода, результатами, полученными путемъ примѣненія другихъ, возможно объективное и потому самому научное изученіе формъ общественной жизни; другими словами, какъ разъ обратное отношеніе къ историко-юридическому матеріалу сравнительно съ тѣмъ, которое еще недавно было господствующимъ въ средѣ изслѣдователей, отправлявшихся въ своихъ изысканіяхъ отъ субъективныхъ и потому самому произвольныхъ

построеній”¹³⁸). Мы понимаемъ слова автора въ томъ смыслѣ, что научныя обобщенія должны опираться не на единичныхъ фактахъ, произвольно понятыхъ, а на массѣ фактовъ исторической дѣйствительности, подлинность которыхъ и точный смыслъ положительно доказаны какимъ бы то ни было способомъ или методомъ. Только при этомъ условіи мы можемъ ожидать отъ сравнительнаго метода плодотворныхъ результатовъ, а въ противномъ случаѣ, онъ поведетъ изслѣдователя къ тѣмъ фантастическимъ и ненаучнымъ построеніямъ, о которыхъ говоритъ г. Ковалевскій по поводу археологическаго матеріала. Съ этой точки зрѣнія, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній на тѣ мѣста вышеприведенной цитаты въ лекціи г. Ковалевскаго, которыя относятся къ вопросу о городищахъ и означены нами курсивомъ.

Нашъ выводъ о значеніи городищъ опирается на слѣдующія доказательства: 1, наружную конструкцію слова городище, соответствующую словамъ монастырище, селище и дворище; 2, народныя преданія о городищахъ, какъ мѣстахъ бывшихъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ народныхъ поселеній; 3, мѣстонахожденіе многихъ изъ сохранившихся городищъ, вполне соответствующему мѣстонахожденію древнѣйшихъ городовъ Россіи, указанному лѣтописями и древними актами; 4, значеніе слова городище въ древнихъ лѣтописяхъ и актахъ; 5, наконецъ, на результатахъ изслѣдованія внѣшнихъ формъ и содержимаго сохранившихся городищъ въ натурѣ. Совокупность этихъ доказательствъ приводитъ къ убѣжденію, что городища представляютъ собою мѣста, на которыхъ въ древности стояли города въ древнемъ смыслѣ, то есть укрѣпленныя селитьбы. Выводъ этотъ возбудилъ сомнѣнія только потому, что городища встрѣчаются слишкомъ часто, а размѣры ихъ очень малы; но это множество городищъ и эта величина ихъ вполне соответствуютъ собраннымъ нами фактамъ о количествѣ и величинѣ укрѣпленныхъ селитьбъ-городовъ древнѣйшей Россіи. Противъ фактовъ дѣйствительности спорить невозможно и, по нашему убѣжденію, вопросъ о значеніи городищъ собранными нами фактами рѣшается положительно¹³⁹). Противъ же повѣрки нашего вывода путемъ сравнительнаго изученія историческихъ явленій мы ничего не имѣемъ; но такая повѣрка должна опираться не на единичномъ фактѣ, какомъ нибудь извѣстіи Юлія Це-

заря или другаго писателя, произвольно понятюмъ, а на массѣ несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, позволяющихъ сдѣлать научное обобщеніе.

Сравнительное изученіе историческихъ явленій доказываетъ намъ, что всѣ народы такъ называемаго сидячаго ¹⁴⁰⁾ и первобытнаго осѣдлаго — земледѣльческаго состоянія, живущіе автономически, не подчиненные народамъ высшихъ расъ, жили и живутъ въ укрѣпленныхъ селитьбахъ, подобныхъ русскимъ городамъ и городкамъ эпохи призванія Рюрика; обычая укрѣплять народныя селитьбы не существуетъ только у народовъ бродячаго и кочеваго состоянія (да и то не безъ исключеній). По этому предмету нами собрано множество фактовъ, относящихся къ различнымъ народамъ и различнымъ историческимъ эпохамъ.

Мы приведемъ здѣсь только часть этихъ фактовъ, которыхъ, впрочемъ, будетъ совершенно достаточно для доказательства сказаннаго положенія.

Европейцы при первоначальномъ знакомствѣ съ сѣверовосточнымъ угломъ Азіи нашли тамъ народы, стоявшіе на той ступени цивилизаціи, какая пройдена Европейцами въ такъ называемую эпоху каменнаго вѣка. Одни изъ этихъ народовъ, болѣе высокой степени развитія, находились въ бродячемъ состояніи, владѣли стадами оленей, съ которыми безпрестанно переходили съ одного мѣста на другое, питались охотою и мясомъ домашняго оленя. Другіе народы, будучи одного происхожденія и языка съ народами бродячаго состоянія, въ тоже время рѣзко отличались отъ нихъ образомъ жизни, умомъ, семейными и общественными обычаями. Они жили по берегамъ моря и рѣкъ, не перемѣняя мѣсть жительства, почему имъ и усвоено названіе *сидячихъ*; были такъ неразвиты, что, безъ помощи пальцевъ, не умѣли считать далѣе трехъ; не имѣли другихъ орудій, кромѣ ножей, молотковъ, долотъ, стрѣлъ и копій, сдѣланныхъ изъ дерева, камня и кости; не терпѣли никакихъ надъ собою начальниковъ; нѣкоторымъ авторитетомъ пользовались у нихъ только лица болѣе богатые, владѣвшіе, напримѣръ, деревяннымъ корытомъ или лодкою; питались исключительно рыбою, падалью, выбрасываемою волнами рѣки или моря, и древесными плодами и кореньями; однимъ словомъ, были народами, стоявшими на самой низкой ступени

цивилизации изъ извѣстныхъ политической исторіи. Таими чертами характеризуютъ ученые путешественники, Стеллеръ и академикъ Крашенинниковъ, первобытныхъ жителей Камчатки *сидячаго состоянія*. Между тѣмъ, *всѣ селитьбы* этихъ народовъ въ эпоху знакомства ихъ съ европейцами были укрѣплены тѣмъ самымъ способомъ, какими были укрѣпляемы селитьбы древнерусскихъ Славянъ и имѣли тотъ видъ, какой имѣли городки нашихъ предковъ въ отдаленную эпоху и какой теперь обнаруживается изслѣдованіемъ русскихъ городищъ: „подъ именемъ *острожка*, свидѣтельствуеъ академикъ Крашенинниковъ, разумѣется на Камчаткѣ *всякое камчатское жилище*, состоящее изъ одной или нѣсколькихъ земляныхъ юртъ и изъ балагановъ. По камчатски такія жилища называются *атынумъ*, а казаки прозвали ихъ острожками отъ того, что по приходѣ ихъ на Камчатку укрѣплены были оныя землянымъ валомъ и палисадомъ, какъ у сидячихъ Корякъ на сѣверѣ и нынѣ укрѣпляются.” „Многолюдные острожки, продолжаетъ авторъ, обставлены бывають вокругъ балаганами и издали показываютъ презрительный видъ. Всякой такой острожекъ кажется городомъ по причинѣ балагановъ, которые и сами мы, не видавъ, почитали башнями. Камчадалы строятъ свои острожки обыкновенно по островамъ, въ густыхъ тальникахъ, или въ такихъ мѣстахъ, которыя отъ натуры крѣпки и безопасное имѣють положеніе..... Одинъ острогъ ихъ болѣе двухъ верстъ въ длину простирался, и балаганы толь тѣсно построены были, что по балаганамъ хаживали они чрезъ все помянутое разстояніе”¹⁴¹⁾).

Шарль Контъ о первобытныхъ жителяхъ сѣверной Америки, сидячаго состоянія, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ путешественниками, говоритъ слѣдующее: „эти племена живутъ въ безпрестанной враждѣ между собою. Они строятъ *изъ селенія* (villages) на горахъ высокихъ, на скалахъ недоступныхъ, и старательно *укрѣпляютъ эти мѣста*. Если же они не могутъ воспользоваться естественнымъ положеніемъ мѣстности, то *воздвигаютъ укрѣпленія искусственныя*; хижины же они ставятъ въ нѣкоторомъ разстояніи одну отъ другой, какъ будто бы каждое семейство боится всѣхъ другихъ семействъ, изъ которыхъ составляется племя. Но и эти предосторожности не всегда достигаютъ цѣли;

верѣдко, говорятъ путешественники, встрѣчаются разрушенныя и опустошенныя селенія въ такихъ мѣстахъ, которыя кажутся недоступными" 142).

Въ разныхъ мѣстахъ Америки, гдѣ въ настоящее время живутъ народы въ открытыхъ поселеніяхъ, открыты многочисленныя остатки древнихъ укрѣпленій, подобныя нашимъ городищамъ, расположенныя по высокимъ бережьямъ рѣкъ, имѣющія преимущественно овальную форму и по большей части незначительной величины. Археологическія изслѣдованія этихъ укрѣпленій доказываютъ, что они представляютъ собою слѣды жилищъ первобытныхъ жителей Америки, и сооружены за 700—1000 лѣтъ до открытія Америки Европейцами 143).

Ла-Перузъ, описывая первобытныхъ жителей острововъ Море-плаванія, между прочимъ, сообщаетъ: „всѣ ихъ селенія расположены по берегу моря, а потому сообщаются между собою только посредствомъ лодокъ. *Собщиеніе съ внутренней страной производится только посредствомъ узкихъ тропинокъ.*” Онъ посѣтилъ одно изъ такихъ селеній и нашелъ, что оно было устроено слѣдующимъ образомъ: „дома были расположены другъ возлѣ друга по окружности круга, имѣвшаго около 150 сажень въ діаметръ, котораго середина составляла площадь” 144).

Бекеръ, въ своей „Измаилии,” описывая полудикій, осѣдлый африканскій народъ — Барійцевъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ, что всѣ селенія Барійцевъ были помѣщены на возвышенностяхъ, сильныхъ позиціяхъ отъ природы, а сверхъ того укрѣплены искусственно, посредствомъ полисадовъ: „на этомъ пространствѣ, говоритъ онъ, было множество селеній, которыя всѣ были обнесены полисадами.... На всѣхъ этихъ сильныхъ позиціяхъ были расположены селенія, по обыкновенію, окруженныя частоколомъ” 145). Къ этому мѣсту приложенъ ландшафтъ съ изображеніемъ 5 полисадовъ, своими формами совершенно подобныхъ формамъ нашихъ городищъ.

Такимъ образомъ, во всѣхъ частяхъ свѣта мы встрѣчаемъ сидячіе и осѣдлые народы, живущіе *исключительно* въ укрѣпленныхъ поселеніяхъ, вполне сходныхъ съ городками древнерусскихъ Славянъ.

Обращаемся къ историческимъ памятникамъ.

У Геродота находимъ слѣдующее извѣстіе: „Сатаспъ..... поплыль къ Иракловымъ столбамъ; пройдя ихъ и обогнувъ Ливійскій мысъ, проплыль великое пространство моря..... въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ плыль онъ мимо людей малорослыхъ, употребляющихъ одежду изъ пальмовыхъ листьевъ, кои, когда присталъ корабль къ берегу, убѣжавъ, *оставили города* (polis); онъ со своими людьми, войдя въ города ихъ и не причиняя имъ никакой обиды, взялъ одинъ только скотъ” ¹⁴⁶).

Ахиллесъ говоритъ у Гомера: „я кораблями двѣнадцать градовъ разорилъ многоядныхъ, а пѣшіи одиннадцать взялъ на Троянской землѣ многоплодной” ¹⁴⁷).

Въ Библии мы находимъ извѣстія, изъ которыхъ открывается, что Евреи нашли у осѣдлыхъ туземцевъ Ханаанской земли множество „градовъ,” изъ которыхъ, по раздѣлу завоеванной страны между потомками Іакова, досталось потомкамъ Рувима шестьдесятъ градовъ, потомкамъ Іуды сто пятнадцать градовъ и т. д. ¹⁴⁸). Часть этихъ городовъ была обращена завоевателями въ вѣчныя развалины: „внидоша во градъ (Гай), и взяша его и запалиша градъ огнемъ.... землю необитаему во вѣкъ положи даже до сего дне” и пр.; но по большей части укрѣпленія оставлены неразрушенными, какъ предметъ, необходимый для самихъ завоевателей: „но вся грады крѣпки не запали Израиль, токмо Асоръ единъ запали Іисусъ. И вся корысти ихъ и вся скоты ихъ плѣниша себѣ сынове Израилевы; людей же всѣхъ потребиша мечемъ, дондеже погубиша ихъ, и не оставиша отъ нихъ ни единого дышущаго;” „и укрѣпися рука Мадіамля на Израиля: и сотвориша себѣ сынове Израилевы отъ лица Мадіамля *ограды* въ горахъ, и въ пещерахъ, и въ твердыняхъ” и т. д. ¹⁴⁹). (Постройка большихъ городовъ-крѣпостей, съ каменными стѣнами, воротами и башнями, въ землѣ Израильской, кажется, начинается только со времени царей: и „приде Саломонъ во Емафъ-Сува, и одержа его; и созда Федморъ въ пустыни, и вся грады крѣпкія, яже созда во Емафѣ Сострой же Вефоронъ вышній, и Вефоронъ нижній, грады укрѣпленны стѣнами, вратами и версями;” „обита же Ровоамъ во Іерусалимѣ, и созда грады стѣнами во Іуден: сострой же Вифлеемъ, и Етамъ, и Фекуе, и Вефсуръ.... грады крѣпкіе, и укрѣпи ихъ стѣнами”; и т. д.) ¹⁵⁰).

Въ мѣстностяхъ древней Каппадокіи открыты „жилища первобытнаго населенія страны,” представляющія собою „безсчетное количество коническихъ помѣщеній, въ нѣсколько этажей, съ дверями и окнами, высѣченныхъ въ скалахъ.” Эти жилища, судя по описаніямъ путешественниковъ, подобны извѣстнымъ „пещернымъ городамъ” нашего Крыма, сохранившимся въ окрестностяхъ Инкермана и Бахчисарая (Чуфуть-Кале, Тепе-Берменъ, Кастель-гора и пр. ¹⁵¹).

По свидѣтельствамъ древнихъ писателей „въ древней Индіи существовало такое множество *укрѣпленныхъ жилищъ мѣстечекъ* что сосчитать ихъ почиталось невозможнымъ;” „Въ одной странѣ свободныхъ, осѣдлыхъ Индусовъ древніе географы насчитывали до 5000 *укрѣпленныхъ поселеній.*” По описаніямъ современныхъ намъ путешественниковъ, сохранившіеся до настоящаго времени слѣды древнихъ укрѣпленныхъ селитьбъ въ странѣ Индусовъ, по своимъ формамъ и размѣрамъ, вполне соответствуютъ нашимъ городищамъ ¹⁵²).

Въ древнѣйшемъ источникѣ познанія Европейской исторіи, у Гомера, находимъ перечень до 200 *городовъ* (polis), существовавшихъ въ Элладѣ эпохи покоренія Трои ¹⁵³). Фукидидъ свидѣтельствуетъ о существовавшихъ въ его время по возвышеннымъ берегамъ моря и рѣкъ Эллады остаткахъ *маленькихъ древнихъ городковъ* ¹⁵⁴).

Фукидидъ сообщаетъ о первоначальномъ способѣ заселенія Сициліи Греками посредствомъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ поселеній ¹⁵⁵).

Геродотъ свидѣтельствуетъ, что „Миніане, осужденные на казнь Лакедемонянами, отправились къ Парареатамъ и Канконамъ, коихъ выгнавъ изъ ихъ страны, раздѣлились на 6 партій и каждая партія построила себѣ отдѣльный городъ: Лепрей, Маккемъ, Фриккасъ, Пиргосъ, Эніонъ и Нудіонъ” ¹⁵⁶).

Страбонъ сообщаетъ, что въ древней Иберіи было болѣе тысячи городовъ, что у одного племени Кельтиберовъ Тиверій Гракхъ въ одинъ походъ завоевалъ 300 *городовъ*, что въ области Турдетаніи, на пространствѣ всего около 2000 стадій въ окружности, было не менѣе 200 *городовъ*; и т. д. ¹⁵⁷).

Приступая къ изложенію историческихъ свидѣтельствъ, относя-

щихся къ рѣшенію вопроса о характерѣ древнѣйшихъ селитъбъ Германцевъ и Славянъ, мы должны имѣть въ виду слѣдующее замѣчаніе одного изъ умнѣйшихъ публицистовъ нашего времени: „les mots sont plus durables, que les choses qu'ils representent; ils se perpetuent, mais pour exprimer des idées nouvelles, des nouvelles institutions, produit d'une nouvelle société" ¹⁵⁶). Это значитъ, что слова: polis, civitas, Stadt, градъ, basileos, rex, Kōnig, князь, nomos, lex, Gesetz, законъ и т. д. дошли до насъ отъ глубокой древности, но въ настоящее время означаютъ не тѣ идеи, не тѣ понятія, не тѣ учрежденія, которыя означали они въ древности, и что если мы приступимъ къ чтенію историческихъ памятниковъ съ новѣйшими понятіями, соответствующими сказаннымъ словамъ, то не поймемъ истиннаго смысла историческихъ памятниковъ. Это значитъ далѣе, что если мы желаемъ составить вѣрное представленіе объ извѣстномъ учрежденіи въ древности, то должны приступить прежде всего къ опредѣленію понятій, которыя соответствовали словамъ, относящимся къ этому учрежденію въ различныя историческія эпохи. Безъ этой предварительной работы наука исторіи права никогда не выйдетъ изъ лабиринта недоразумѣній и противорѣчій.

Изучая памятники исторіи европейскіхъ народовъ съ только что сказанною цѣлью, по отношенію къ нынѣ интересующему насъ вопросу, мы приходимъ къ весьма любопытному заключенію: мы находимъ, что у всѣхъ народовъ индоевропейскаго корня понятіе о народныхъ поселеніяхъ развивалось по одному закону и соответственно этому измѣненію понятія измѣнялось значеніе словъ polis, civitas, Stadt или Stat и градъ или городъ. Древнѣйшимъ, первоначальнымъ значеніемъ этихъ словъ въ древности было значеніе ограды, защищавшей данную мѣстность отъ непріязненныхъ вторженій. Это значеніе имѣютъ въ источникахъ выраженія: „civitatem aedificare, civitatem construere, civitatem condere, Stat vestenen, Stat pauen (bauen), Stad machen, Stadt machen, срубить городъ, поставить, построить городъ и т. д. Съ теченіемъ времени тѣ же слова стали означать мѣсто огражденное, вишнюю и внутреннюю часть вѣрности, вмѣстѣ съ постройками въ ней и возлѣ нея находящимися, стало означать укрѣпленный пунктъ народ-

наго поселенія, укрѣпленную селитьбу. Въ дальнѣйшемъ развитіи понятія о городѣ, слова, обозначающія эти понятія, получаютъ значеніе укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ территоріями, означаютъ волости, общины, княжества, земли и государства въ древнемъ смыслѣ, а наконецъ, въ окончательномъ развитіи, означаютъ понятіе княжества, государства въ нашемъ смыслѣ, въ составъ котораго не входитъ понятіе объ укрѣпленіи ¹⁵⁹). Въ значеніи укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, укрѣпленныхъ селитьбъ, и въ значеніи волости, земли, княжества и государства слова *polis*, *civitas*, *Stat* и градъ встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ на каждомъ шагѣ. Значеніе государственной территоріи древнегерманское слово *Stat* сохранило до настоящаго времени въ Америкѣ и въ нѣсколько измѣненной формѣ *Staat* въ Германіи. Древнія значенія слова градъ или городъ уступили мѣсто новымъ и въ настоящее время слово городъ употребляется только въ значеніи промышленныхъ и административныхъ центровъ.

При изученіи историческихъ памятниковъ, съ цѣлью рѣшенія вопроса о характерѣ древнегерманскихъ и древнеславянскихъ поселеній, необходимо имѣть въ виду сказанную послѣдовательность въ развитіи значеній, соответствующихъ у древнихъ писателей словамъ: *polis*, *civitas*, *Stat*, *Stadt* и городъ. У древнихъ писателей мы находимъ, повидимому, величайшую путаницу и множество несообразностей съ точки зрѣнія нашихъ понятій въ извѣстіяхъ о происхожденіи, количествѣ и значеніи городовъ у древнихъ племенъ германскаго и славянскаго происхожденія. Для разрѣшенія этихъ недоразумѣній необходимо знать въ каждомъ конкретномъ случаѣ какому времени и какой мѣстности принадлежитъ писатель, у котораго мы находимъ то или другое интересующее насъ извѣстіе.

Новѣйшіе ученые путешественники, описывая образъ жизни первобытныхъ народовъ сидячаго и осѣдлаго состоянія, живущихъ независимо, не подпавшихъ подъ власть народовъ, стоящихъ на болѣе высокой степени цивилизаціи, какъ мы видѣли, говорятъ объ „укрѣпленныхъ селеніяхъ“ этихъ племенъ. Селенія эти обнесены валами, рвами, частоколомъ, палисадомъ и пр. и незначительной величины. Съ точки зрѣнія древнихъ понятій, эти селитьбы, по своимъ формамъ и величинѣ, соответствующія городищамъ, найден-

нымъ во множествѣ въ различныхъ странахъ всѣхъ частей свѣта, представляютъ собою не селенія, а города.

Греческіе и римскіе писатели первыхъ вѣковъ, встрѣчая у писателей болѣе отдаленныхъ эпохъ извѣстія о существованіи тысячъ городовъ у сидячихъ и осѣдлыхъ первобытныхъ обитателей Азіи и Европы, напримѣръ въ Индіи, Каппадокии, Иберіи и пр., не знали какъ объяснить эти извѣстія, потому что смотрѣли на первобытные города съ точки зрѣнія позднѣйшихъ греческихъ и римскихъ понятій, когда въ Греціи и Римѣ слова polis и civitas имѣли уже значеніе большихъ, многолюдныхъ городовъ, административныхъ и политическихъ центровъ, отличныхъ по величинѣ, населенію и внѣшнему виду отъ поселеній сельскихъ, сравнительно малолюдныхъ и неукрѣпленныхъ. Одни изъ писателей первыхъ вѣковъ, слѣдуя древней терминологіи, насчитываютъ у первобытныхъ обитателей Европы и Азіи тысячи городовъ; другіе, слѣдуя новѣйшимъ понятіямъ о городѣ, вовсе отрицаютъ существованіе городовъ у первобытныхъ народовъ и между ними у древнихъ Германцевъ и Славянъ. Начало этого недоразумѣнія мы встрѣчаемъ уже въ Пелопонезской войнѣ Фукидида, а продолжается оно до настоящаго времени.

Въ географіи Страбона находимъ слѣдующія свидѣтельства: „Полибій утверждаетъ, что Тиверій Гракхъ разрушилъ 300 городовъ (у племени Кельтиберовъ въ Иберіи — Испаніи); Посидоній признаетъ это вздоромъ и говоритъ, что Полибій хотѣлъ польстить Гракху, и называлъ городами *укрѣпленія*, какъ это при триумфахъ часто дѣлается. Это намъ кажется не невозможнымъ, потому что и полководцы и историки пользуются неправдою для украшенія дѣйствительности; *кажется мнѣ, что даже тѣ историки, которые насчитываютъ въ Иберіи болѣе тысячи городовъ, называютъ городами большія селенія*. Ни суровость страны, ни дикость жителей (за исключеніемъ обитателей береговъ нашего моря) не позволяютъ допустить ничего подобнаго, *потому что дикіе люди живутъ въ селеніяхъ*, а таковыя по большей части Иберы. Города смягчаютъ нравы людей, если этому не препятствуетъ соседство безпокойныхъ жителей лѣсовъ”¹⁶⁰). Въ другомъ мѣстѣ, самъ Страбонъ, описывая иберійскія племена, перечисляетъ множество городовъ и между прочимъ говоритъ: „Турдетанія заключаетъ въ

себѣ пространство земли не болѣе 2000 стадій въ длину и ширину, на которомъ имѣется чрезвычайное количество городовъ; говорятъ, ихъ нашли тамъ до 200.”¹⁶¹). Большинство древнихъ Иберійскихъ городовъ было обращено Римлянами въ селенія въ настоящемъ смыслѣ, то есть въ поселенія неукрѣпленныя. Описывая Иберійскія племена, жившія между Артабреромъ и Тагомъ, Страбонъ сообщаетъ слѣдующее извѣстіе: „Артабреры владѣли множествомъ городовъ, лежавшихъ преимущественно по берегамъ заливовъ..... въ странѣ между Тагомъ и Артабреромъ обитаютъ до тридцати различныхъ народовъ. Тамъ какъ страна ихъ богата животными и растеніями, золотомъ, серебромъ и другими подобными предметами, то они пренебрегали обработкой почвы и жили какъ разбойники, безпрестанно воевали другъ съ другомъ и сосѣдями, даже живущими за Тагомъ, пока Римляне ихъ успокоили тѣмъ, что разрушили укрѣпленія въ наибольшей части ихъ городовъ и обратили эти города въ обыкновенныя селенія, оставивъ только нѣкоторые изъ нихъ, которые укрѣпили лучше прежняго”¹⁶²).

Недоразумѣнія, высказанныя Страбономъ въ вышеприведенныхъ цитатахъ, по поводу понятія о первобытномъ городѣ, свидѣтельствующія объ измѣненіи ко времени Страбона понятія, соответствовавшего слову городъ въ древности, объясняютъ намъ причину, по которой греческіе и римскіе историки первыхъ вѣковъ сначала стали называть укрѣпленныя селитьбы-города первобытныхъ народовъ селеніями, а потомъ пришли къ убѣжденію о несуществованіи городовъ у древнихъ Бельтовъ, Германцевъ и Славянъ и вообще у младенческихъ, первобытныхъ народовъ.

У Юлія Цезаря находимъ слѣдующее извѣстіе: „Ценимагны.... отдались подъ покровительство Цезаря. Отъ нихъ онъ узналъ, что неподалеку находится городъ (*oppidum*) Бассивелавна, гдѣ нашли убѣжище множество людей и скота. *Oppidum autem Britanni vacant, quum silvas impeditas vallo atque fossa munierunt, quo incursionis hostium vitandae causa convenire consuerunt.* Цезарь повелъ туда свои легіоны и нашелъ, что это мѣсто прекрасно укрѣплено природою и искусствомъ. Слѣдовательно, британское понятіе города отличалось отъ понятія о городѣ Юлія Цезаря¹⁶³).

Тацитъ утверждаетъ рѣшительно: „nullas Germanorum populis urbes habitari satis notum est“¹⁶⁴). Но это не значить, что у германцевъ не было множества городовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Страбонъ насчитываетъ сотни городовъ у маленькихъ иберійскихъ племенъ, т. е. въ смыслѣ „укрѣпленныхъ селеній.“ Это значить только, что у Германцевъ не было городовъ въ томъ значеніи, какое имѣли города въ Италіи въ эпоху Тацита. Отрицая, повидимому, такъ рѣшительно существованіе городовъ у всѣхъ германскихъ племенъ, самъ Тацитъ противорѣчитъ себѣ другими извѣстіями. Такъ напримѣръ, повѣствуя о Германскомъ племени Каттахъ, онъ говоритъ: „днемъ ставятъ они караулы, а на ночь укрѣпляются валами“¹⁶⁵). Конечно, это извѣстіе можетъ быть понято только въ томъ смыслѣ, что днемъ Каты выходили изъ своихъ укрѣпленій въ поля и лѣса, пасти скотъ, собирать плоды, для охоты и пр., а къ ночи возвращались въ укрѣпленія, а не въ томъ, что они ежедневно насыпали новые валы: такой умный писатель, какъ Тацитъ, не могъ сказать очевидной нелѣпости. Въ случаѣ приближенія непріятеля, караулы подавали условные сигналы и пастухи, охотники, земледѣльцы, составлявшіе общину, сѣѣли въ укрѣпленіе, что наблюдается и теперь у первобытныхъ народовъ. „При всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, говоритъ Беккеръ, Барійцы руководствуются сигнальными звуками барабана; раннимъ утромъ, не задолго до восхода солнца, раздается глухой звукъ главнаго барабана, дающій знать извѣстнымъ числомъ ударовъ, что пора доить коровъ. Женщины и молодые люди тотчасъ же берутся за дѣло и едва операція кончена, какъ барабанъ бьетъ снова, чтобы выгнать скотъ на пастбище. Вечеромъ сигналъ повторяется. Въ случаѣ непріятельскаго нападенія, главный барабанъ князька или шейка призываетъ къ оружію, настолько особеннымъ образомъ, что всякій, разъ слышавшій эти звуки, легко запомнить ихъ. Въ нѣсколько секундъ другіе барабаны разносятъ тревогу по многочисленнымъ окрестнымъ селеніямъ, и такимъ образомъ, извѣстіе о нападеніи распространяется почти съ быстротой звука¹⁶⁶).

Сравнительное изученіе первобытныхъ учрежденій даетъ намъ ключъ къ пониманію классическаго извѣстія Тацита, до сихъ поръ

подающего собою поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ въ ученой литературѣ по вопросу о характерѣ древнегерманскихъ поселеній и образѣ ихъ жизни: „достаточно извѣстно, говоритъ историкъ, что ни одинъ германскій народъ не живетъ въ городахъ; они не могутъ даже выносить жилищъ, примыкающихъ другъ къ другу; *живутъ раздѣльно, порознь, въ полѣ или рощѣ, идъ кому поправится; села* (vicus) они строятъ не по нашему способу соединенными вмѣстѣ и смыкающимися строеніями, но каждый заботится, чтобы около его дома было пустое мѣсто, какъ средство противъ могущаго случиться пожара, а можетъ быть, это происходитъ у нихъ отъ неумѣнья строиться. ¹⁶⁷⁾ Это извѣстіе, какъ и извѣстное уже намъ сказаніе сенатора Прокопія о разрозненныхъ жилищахъ древнихъ Славянъ, было понимаемо историками въ томъ смыслѣ, что оно указываетъ на отдаленную древность, когда первобытные Германцы не имѣли ни городовъ, ни селеній, а жили въ маленькихъ хуторкахъ, отдѣльными семействами, безъ всякой политической связи между ними. Но если такое пониманіе вѣрно дѣйствительности, то какъ примирить съ нимъ образъ выраженной Тацита, указывающій на современный ему бытъ Германцевъ? Какъ примирить съ нимъ несомнѣнныя извѣстія Юлія Цезаря, писавшаго столѣтіемъ ранѣе Тацита, о существованіи у разныхъ племенъ первобытныхъ Германцевъ многихъ городовъ и селеній? Если же извѣстіе Тацита о разрозненныхъ жилищахъ относится къ современному ему быту Германцевъ, то оно противорѣчитъ не только свидѣтельствамъ Юлія Цезаря, но и всему содержанію „Германіи“ и „Лѣтописей“ самого автора, изъ которыхъ видно, что Германцы въ его время имѣли города, князей, старшинъ, народные сходы, общіе народные обычаи и пр.

Изученіе быта современныхъ намъ первобытныхъ народовъ даетъ намъ возможность примирить и объяснить вполне удовлетворительно противорѣчія, возникающія изъ сопоставленія извѣстій Тацита и Прокопія объ отсутствіи у первобытныхъ Германцевъ и Славянъ городовъ и селеній, разрозненности ихъ жилищъ, съ другими свидѣтельствами тѣхъ же писателей и другихъ историческихъ источниковъ о существованіи у первобытныхъ Германцевъ и Славянъ множества городовъ и селеній.

Мы видѣли, что путешественники, описывая образъ жизни первобытныхъ сидячихъ и осѣдлыхъ народовъ, свидѣтельствуютъ о существованіи у нихъ множества укрѣпленныхъ селитѣль. Внутри такихъ селитѣль обыкновенно живутъ начальствующія лица общинъ съ ихъ приближенными, а внѣ укрѣпленій, въ прилегающихъ къ нему поляхъ и рощахъ помѣщаются переносныя жилища другихъ членовъ общинъ съ ихъ семействами. Эти внѣ — оградныя жилища или окружаютъ ограду, тѣсно примыкая другъ къ другу, какъ у камчатскихъ народовъ, такъ что съ одного можно перешагнуть на другое, съ другаго на третье и т. д. или разсѣяны въ окрестностяхъ въ виду укрѣпленія, представляя какъ бы маленькіе хуторки. Въ случаѣ опасности въ укрѣпленіи зажигается факель или раздается звукъ барабана или трубы и населеніе предгородья сбѣгается въ укрѣпленіе. Въ виду многихъ извѣстій Юлія Цезаря и вышеуказаннаго нами извѣстія Тацита объ укрѣпленіяхъ у Каттовъ, нельзя сомнѣваться, что подобное устройство селитѣль и подобный образъ жизни имѣли первобытныя Германцы. Этотъ бытъ вовсе не похожъ ни на городской, ни на сельскій бытъ римлянъ въ эпоху Тацита, Грековъ въ эпоху Прокопія и позднѣйшій бытъ городскихъ и сельскихъ жителей Германскихъ и Славянскихъ народовъ. Вотъ почему историки и путешественники, описывая образъ жизни первобытныхъ народовъ и характеризую ихъ селитѣль — укрѣпленія общими чертами, называютъ эти селитѣль самыми разнообразными терминами: городами, селами, деревнями, крѣпостями, крѣпостцами, острогами, укрѣпленіями, мѣстечками, и пр. Въ сущности ни одинъ изъ этихъ терминовъ не соотвѣтствуетъ вполне понятію селитѣль первобытныхъ народовъ: эти термины обозначаютъ собою понятія различныхъ селитѣль цивилизованныхъ народовъ, совершенно отличныя отъ понятій о селитѣльбахъ первобытныхъ народовъ.

Юлію Цезарю по отношенію къ постояннымъ поселеніямъ древнихъ Кельтовъ и Германцевъ употребляетъ слова: *oppidum, urbs, vicus, castellum, aedificium*; но это различіе терминовъ нисколько не обуславливаетъ собою опредѣленности и различія понятій. Такъ напримѣръ, Цезарь говоритъ: „*Usipetes... ad Rhenum pervenerunt quas regiones Menapii incolebant, et ad utramque ri-*

ram fluminis agros, aedificia vicosque habebant (г. Клевановъ переводить: „ихъ поля, деревни и хутора;“ г. Низардъ:—„pos-
sédaient des champs, des maisons et des bourgs”); sed tantae
multitudinis aditu perterriti, ex his aedificiis (по Клеванову —
жилица, по Низарду — *les habitations*) .. sine metu trans Rhe-
num in suos vicos, remigraverant (по Клеванову — жилица,
по Низарду — *leurs bourgs*); omnibus eorum aedificiis occupatis
(по Клеванову — всѣ ихъ села, по Низарду — *toutes leurs habita-
tions*) ¹⁶⁸). Такимъ образомъ, слово *vicus*, употребленное Цезаремъ
въ одномъ параграфѣ 2 раза, переводится различно: бургъ, мѣстечко,
деревня, жилище; а *aedificium*, употребленное 3 раза, переводится
въ смыслѣ селитьбы вообще, жилища, селенія и хутора. Въ дру-
гихъ мѣстахъ у Цезаря слово *aedificium* употребляется въ болѣе
тѣсномъ смыслѣ, — въ значеніи частнаго зданія или частнаго дома,
лежащаго внутри бурга или внѣ его ¹⁶⁹). Такой же обширный
и неопредѣленный смыслъ имѣеть у Цезаря слово *castellum*: оно
означаетъ всякое укрѣпленіе, какъ постоянное, такъ и временное.
Значеніе временнаго укрѣпленія оно имѣеть во всѣхъ случаяхъ, гдѣ
Цезарь употребляетъ *castellum* въ значеніи укрѣпленнаго лагеря,
редута ¹⁷⁰); значеніе постоянного укрѣпленія оно имѣеть въ тѣхъ
случаяхъ, гдѣ употребляется вмѣсто *oppidum*, *urbs* и *vicus* ¹⁷¹).
Слова *oppidum* и *urbs*, означая вообще всякій постоянный укрѣп-
ленный пунктъ, употребляются одно вмѣсто другаго. Такъ напримѣръ,
описывая войну съ Галлами, историкъ говоритъ: „Caesar ad oppidum
Avaricum, quod erat maximum munitissimumque in finibus
Biturigum.... praeterea oppida incendi oportere, quae non
munitione et loci natura ad omni sint periculo tuta.... uno
die amplius XX urbes Biturigum incenduntur” ¹⁷²). Нѣ-
сколько ниже, описывая устройство Галльскихъ городовъ, Цезарь упо-
требляетъ слово *murus* вмѣсто слова *urbs*: „muris autem omni-
bus gallicis haec fere forma est, говоритъ онъ, прямыя бревна
владутся во всю длину на землю, въ разстояніи двухъ футовъ
одно отъ другаго; они связываются поперечно бревнами и одѣваются
земляною насыпью; промежутки же съ лица закладываются боль-
шими камнями. Устроивъ такимъ образомъ первый рядъ, на него
владутъ такой же другой; такъ устоивается вся стѣна до той вы-

соты, какую ей желаютъ дать; tum ad utilitatem et defensionem urbium summam habet opportunitatem” 173).

Изучая сочиненія Юлія Цезаря, Тацита и послѣдующихъ историковъ, служащихъ въ настоящее время источниками познанія по вопросу о характерѣ поселеній и образѣ жизни первобытныхъ обитателей Европы, мы приходимъ къ заключенію, что научная разработка этихъ извѣстій требуетъ такихъ же многосложныхъ приемовъ ученой критики, о какихъ мы говорили по поводу ученой разработки лѣтописныхъ сказаній, относящихся къ древнѣйшему періоду русской исторіи. Терминологія Юлія Цезаря и Тацита по отношенію къ древнекельтическимъ и древнегерманскимъ поселеніямъ такъ неопредѣленна, что можетъ дать мнимыя доказательства въ пользу какихъ угодно теоретическихъ построеній. Но положительнымъ выводомъ разъясненія и дополненія сказаній Юлія Цезаря и Тацита при посредствѣ сравнительнаго изученія историческихъ явленій будетъ тотъ, что Юлій Цезарь нашелъ въ Галліи, Британіи и Германіи такое же множество городовъ и такой образъ жизни, какіе встрѣчены были Тиверіемъ Гракхомъ въ Иберіи, Евреями въ землѣ Амморейской, Бекеромъ пашою въ средней Африкѣ, первыми путешественниками у первобытныхъ осѣдлыхъ племенъ Сѣверной Америки и пр. Такъ какъ эти города своимъ устройствомъ не были похожи ни на одинъ изъ видовъ римскихъ поселеній въ эпоху Цезаря, то онъ, описавъ ихъ устройство въ вышеприведенныхъ нами цитатахъ и сдѣлавъ оговорку, что эти поселенія называются у туземцевъ городами, но не похожи своимъ устройствомъ на города римскіе, обозначаетъ ихъ въ частныхъ случаяхъ названіями тѣхъ римскихъ поселеній, понятіе которыхъ наиболѣе соотвѣтствовало кельтическимъ и германскимъ городамъ. Такъ какъ эти поселенія по своей величинѣ соотвѣтствовали болѣе римскимъ селеніямъ нежели городамъ, а по своему устройству были подобны скорѣе городамъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, нежели открытымъ римскимъ селеніямъ, то онъ иногда называетъ ихъ селеніями, иногда городами. Но такъ какъ между кельтическими и германскими укрѣпленными поселеніями не всѣ были одинаковы по своей величинѣ и политическому значенію: — между ними были центральные пункты, болѣе населенные и лучше укрѣпленные, и пригороды, менѣе населенные, менѣе

укрѣпленные, съ меньшимъ политическимъ значеніемъ, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было показать это различіе, Цезарь употребляетъ различные термины. Такъ напримѣръ, слово *oppidum* въ большинствѣ случаевъ означаетъ у него центральные пункты народнаго поселенія, болѣе значительные, а слова *vicus*, *urbs* и *castellum* — мѣстечки, бурги, зависѣвшіе отъ центральныхъ пунктовъ, поселенія менѣе значительныя. Такъ напримѣръ, описывая Галлію, Цезарь сообщаетъ что одно изъ племенъ, Гельветы, занимавшіе область, простиравшуюся въ длину на 240, а въ ширину на 180 миль, тѣснимые многолудствомъ, рѣшили оставить свою страну, а передъ тѣмъ „*oppida sua omnia numero ad duodecim, vicos ad quadringentos, reliqua privata aedificia incendunt.*” Къ Гельветамъ присоединились ихъ сосѣди Раураки, Тулинги и Латобриги и также сожгли „*oppidis suis vicisque*”¹⁷⁴). Въ другомъ мѣстѣ, упоминая объ одномъ изъ германскихъ племенъ въ Бельгіи, Суэссіонахъ, Цезарь сообщаетъ: „*oppida habere numero XII*”; нѣсколько ниже говорится объ осадѣ центральнаго города (*oppidum*) Ремовъ и, когда воины Цезаря потеряли надежду взять его, то „*paulisper apud oppidum morati, agrosque Remorum depopulati, omnibus vicis aedificiisque, quos adire poterant, incensis, ad castra Caesaris omnibus copiis contenderunt*”¹⁷⁵). Но употребленіе слова *oppidum* въ смыслѣ центральнаго поселенія и *vicus* въ смыслѣ поселенія второстепеннаго далеко не всегда выдержано; въ большинствѣ извѣстій опредѣлить ихъ точный смыслъ невозможно. Иногда вмѣсто *oppidum* и *vicus* употребляется слово *castellum*; такъ напримѣръ, полководецъ Цезаря Сервій Гальба, разбивъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ непріятеля (Галловъ) „*castellisque compluribus eorum expugnatis*”¹⁷⁶). Замѣна слова *oppidum* словомъ *urbs* намъ уже извѣстна изъ вышеприведеннаго извѣстія о сожженіи племенемъ Битуригами и другими племенами многихъ городовъ, пожараща отъ которыхъ были видны со всѣхъ сторонъ.

Обращаясь къ памятникамъ славянской исторіи, мы встрѣчаемся съ извѣстіями Юрнанда и Прокопія, повидимому, утверждающихъ, что у древнихъ Славянъ не было городовъ. Разъясненіе этихъ извѣстій нами уже сдѣлано и мы надѣемся, что ихъ теперь никто не будетъ понимать въ смыслѣ пониманія Шлецера. Извѣстіе Юрнанда

относится къ характеру страны славянской, а не къ характеру ихъ образа жизни; извѣстіе Прокопія вполне аналогично съ извѣстіемъ Тацита о несуществованіи городовъ у древнихъ Германцевъ и имѣетъ тотъ же смыслъ. Въ смыслъ цивилизованныхъ Грековъ и Римлянъ у первобытныхъ Славянъ городовъ дѣйствительно не было; но въ смыслъ туземномъ, славянскомъ ихъ было множество, въ чемъ удостовѣряютъ не только славянскіе памятники, но и сказанія иноземцевъ, стоявшихъ ближе по своимъ понятіямъ къ первобытнымъ нашимъ предкамъ, нежели Греческіе и Римскіе историки.

Землеписецъ Баварскій, описывая только нѣкоторыя страны восточныхъ Славянъ, насчитываетъ у нихъ до 20 различныхъ народовъ и болѣе 3000 городовъ¹⁷⁷).

Сосѣди русскихъ Славянъ на сѣверозападѣ, жители Скандинавіи, называютъ землю русскихъ Славянъ *страною городовъ*.

Арабскій писатель Абу-Джафаръ-ат-Табари, принадлежащій началу X вѣка, называетъ народы, обитавшіе къ сѣверу отъ Чернаго Моря, *жителями городовъ*.

Аль-Массуди, писатель первой половины X вѣка, свидѣтельствуетъ, что Славяне имѣютъ *много городовъ*.

Ибнъ-Даста, писатель первой половины X вѣка свидѣтельствуетъ: „*Русь не имѣетъ деревень; городовъ у нихъ большое число.*”

Константинъ Багрянородный, писатель половины X вѣка, сообщаетъ: „русскіе князья отправляются собирать дань *въ городки* (pro-lidia) Тиверцевъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ и другихъ Славянъ, зависящихъ отъ Руссовъ.”

И такъ, сѣверные, западные, южные и восточные писатели, принадлежащіе IX и X вѣкамъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что восточные Славяне имѣли множество городовъ. Съ другой стороны мы не находимъ у этихъ писателей ни одного указанія на существованіе у нашихъ предковъ IX и X вѣковъ селеній, деревень и хуторовъ; одинъ изъ нихъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что *Русь не имѣетъ деревень*.

Нашъ древнѣйшій лѣтописный сводъ, подобно сочиненіямъ Тацита и Юлія Цезаря, представляетъ собою не статистическое и не географическое сочиненіе, а историческое повѣствованіе, въ которомъ упоминается о городахъ только случайно, при описаніи политиче-

скихъ событій; тѣмъ не менѣе, въ немъ мы находимъ указанія на существованіе въ Россіи до XIII вѣка до 600 городовъ. Между прочимъ, встрѣчаемъ тамъ извѣстія въ родѣ слѣдующихъ: „иде Святославъ на Дунай, на Болгары; бившемся обоимъ, и одолѣ Святославъ Болгаромъ, и взя городовъ 80 по Дунаеву,”—и это не кажется лѣтописцу удивительнымъ; „князь... поиде къ Рязаню, посадники посажа по всѣмъ городамъ ихъ;” „приде къ Пронянамъ (Пронскъ) и по всѣмъ градамъ ихъ посажа своя намѣстники;” „Новгородцы по Диѣпру взяша Рѣчице на щить и иные городѣ мнозѣ Черниговскія;” „поимаша грады многи по Деснѣ, ту же взяша и Хороборъ и Сосницу и Сновскъ и иные грады многіе и придоша опять Чернигову;” „приде къ городу Колодяжну, Каменцю, Изяславлю, взять я, и приде къ Володимеру и взя и копьемъ и градъ Галичъ, иные грады многи, имъ же нѣсть числа;” и т. д.

Слѣдовательно, выводы наши о значеніи городовъ древнерусскихъ Славянъ, образованіи селъ и значеніи городищъ получены нами не „путемъ раскопки кургановъ,” а путемъ всеобъемлющаго и всесторонняго изученія историческихъ памятниковъ, состоящихъ въ распоряженіи науки нашего времени, на сколько это отъ насъ зависѣло, на сколько это возможно для единичной личности; и смѣемъ думать, что въ нашей наукѣ по вопросу о значеніи древнеславянскихъ политическихъ учрежденій нѣтъ ни одного вывода, который бы опирался на такое количество положительныхъ доказательствъ, какъ наши выводы о значеніи древнеславянскихъ городковъ.

Что же касается выводовъ г. Ковалевскаго о значеніи городищъ, а равно городовъ и селъ, городского быта и сельскаго у первобытныхъ народовъ вообще и древнихъ Славянъ въ частности, то они представляются намъ заключеніями, совершенно неосновательными.

Авторъ сближаетъ понятіе городища съ понятіемъ укрѣпленнаго лагеря у Кельтовъ, о которомъ свидѣтельствуемъ Юлій Цезарь и обычаемъ укрѣплять нѣкоторыя, выгодно расположенныя въ географическомъ (?) положеніи мѣстности и искать въ нихъ убѣжища на случай возможныхъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ. Мы не знаемъ свидѣтельствъ Юлія Цезаря, которыя имѣлъ въ виду въ этомъ случаѣ авторъ, такъ какъ они имъ не праведены; но во всякомъ случаѣ,

свидѣтельства источниковъ объ укрѣпленныхъ убѣжищахъ на случай войны нисколько не противорѣчатъ нашимъ выводамъ о значеніи русскихъ городищъ; напротивъ, эти свидѣтельства вполне соотвѣтствуютъ собраннымъ нами фактамъ, доказывающимъ, что между городищами встрѣчаются иногда остатки временныхъ укрѣпленій; но они не противорѣчатъ и нашему выводу о значеніи громаднаго количества такихъ городищъ, которыя покрыты толстымъ слоемъ щебня, подобнаго щебню селищъ и дворищъ новѣйшаго времени, т. е. состоящихъ изъ остатковъ жилищъ, битаго камня, черепковъ битой посуды, костей, угля и разныхъ вещей домашняго быта, представляющихъ собою памятники древнихъ укрѣпленныхъ центровъ народныхъ поселеній.

Вполнѣ соглашаясь съ воззрѣніемъ молодого ученаго по вопросу о важности археологическаго матеріала для рѣшенія вопроса о характерѣ первобытныхъ политическихъ учрежденій и искренно благодаря его за сочувствіе къ нашимъ изысканіямъ, мы жалѣемъ только, что почтенный авторъ неполнѣ еще познакомился съ предметами археологій и содержаніемъ нашихъ работъ ¹⁷⁸⁾.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу вышеприведеннаго замѣчанія А. Ф. Кляшторскаго: „достойно вниманія объясненіе автора (г. Ковалевскаго) *свойствъ* и значенія *древнихъ русскихъ городищъ*, на которыя профессоръ Самоковасовъ думалъ смотрѣть какъ на города въ нашемъ смыслѣ слова.“ ¹⁷⁹⁾.

Во первыхъ, М. М. Ковалевскій ничего не говорилъ о свойствахъ городищъ, да и не могъ ничего сказать по этому вопросу, потому что знаніе свойствъ этихъ памятниковъ предполагаетъ изученіе ихъ формъ и содержамаго въ натурѣ.

Во вторыхъ, выраженіе „*древнія русскія городища*“ неправильно, потому что городища представляютъ собою остатки древнихъ русскихъ городовъ.

Въ третьихъ, такой важный въ наукѣ вопросъ, какъ вопросъ о древнерусскихъ городахъ не можетъ быть рѣшенъ одною ссылкой на свидѣтельства Юлія Цезаря или другаго какогонибудь писателя о временныхъ укрѣпленіяхъ у Кельтовъ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, намъ очень прискорбно, что достопочтенный опонентъ нашъ уже успѣлъ забыть основныя положенія

нашей диссертации, въ одноиъ изъ которыхъ говорится слѣдующее: „изъ множества значеній, соотвѣтствовавшихъ слову городъ въ историческомъ развитіи русскаго языка, предметомъ спеціального изученія долженъ быть городъ *въ смыслъ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія*” (полож. III); „если въ древнѣйшей Россіи было *нѣсколько тысячъ укрѣпленныхъ городовъ*, то въ настоящее время на поверхности Россіи должно быть видимо нѣсколько тысячъ остатковъ древнихъ *укрѣпленій*; и дѣйствительно *нѣсколько тысячъ сохранившихся городищъ* должны быть признаны памятниками *городовъ древнѣйшей Россіи*” (Полож. VП). Почти половина нашей диссертации посвящена доказательству мысли высказанной нами на многихъ ея страницахъ, а между прочимъ, на стр. 33 слѣдующими словами: „словомъ городъ въ древнихъ памятникахъ означаются понятія, не имѣющія ничего общаго съ тѣми понятіями о городѣ, какія это слово получило въ новой Россіи;” на стр. 73: „предметомъ нашего изслѣдованія будутъ не центры администраціи и не центры городской промышленности, то есть города въ новомъ смыслѣ, а города въ древнемъ смыслѣ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія¹⁸⁰⁾.” Нигдѣ въ нашихъ изслѣдованіяхъ мы не высказывали, что городища представляютъ собою „города въ нашемъ смыслѣ слова.”

На основаніи сказаннаго нами о количествѣ, качествѣ и способахъ ученой разработки источниковъ познанія началъ политико-юридической организаціи древнерусскихъ Славянъ мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Лѣтописные матеріалы такъ скудны и такъ недоброкачественны, что на основаніи свѣдѣній, ими сообщаемыхъ, безъ помощи другихъ источниковъ, нѣтъ возможности достигнуть безспорнаго, положительнаго рѣшенія самыхъ существенныхъ вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права.

2. Есть основанія надѣяться, что разработка вещественныхъ памятниковъ дастъ возможность разяснить и дополнить свѣдѣнія, сообщаемыя нашимъ начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ и иноземными писателями; но ученая разработка вещественныхъ памятни-

ковъ, сохранившихся въ предѣлахъ земли древнерусскихъ Славянъ, только что начинается.

3. Ученая разработка позднѣйшихъ памятниковъ русскаго права и нынѣ дѣйствующаго обычнаго права русскаго народа до настоящаго времени была полезна только по отношенію къ рѣшенію вопросовъ о нѣкоторыхъ погребальныхъ и семейныхъ обычаяхъ древнерусскихъ Славянъ; что же касается отношеній политическихъ, общественныхъ, уголовныхъ и имущественныхъ, то ученая разработка позднѣйшаго русскаго права до настоящаго времени, за отсутствіемъ въ наукѣ средствъ распознаванія обычаевъ позднѣйшаго происхожденія отъ обычаевъ происхожденія новѣйшаго, оставалась совершенно безплодною въ дѣлѣ положительнаго рѣшенія вопросовъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго права.

4. Есть основанія надѣяться, что сравнительное изученіе памятниковъ права и началъ современнаго политико-юридическаго быта народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, дастъ возможность рѣшить положительно многіе вопросы древнѣйшаго періода исторіи русскаго права; но до настоящаго времени путь рѣшенія вопроса о началахъ политико-юридическаго быта древнерусскихъ Славянъ при посредствѣ сравнительнаго метода остается еще неиспытаннымъ въ нашей ученой литературѣ.

5. Исторія русскаго права возможна, какъ наука положительная.

Ссылки, примѣчанія и дополненія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1) *Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Изд. 1768 г. кн. I, ч. I, стр. III, XXI.* „Принявъ на себя трудъ сочиненія русской географіи, говоритъ Татищевъ, я въ самомъ началѣ увидѣлъ, что оную по древнему состоянію, безъ достаточной древней исторіи, и новую безъ совершенныхъ со всѣми обстоятельствами извѣстій начать и производить не можно: ибо надлежало въ началѣ знать о имени, какого оное языка, что значить, и отъ какой причины произошло; къ тому же надлежитъ знать, какой народъ въ томъ предѣлѣ издревле обиталъ, какъ далеко границы въ которое время распространились, кто владѣтели были, когда и какимиъ случаємъ что къ Россіи приобщено, на сіе требовалось обстоятельной Русской древней Исторіи”. Тамъ же, стр. XX. Въ другомъ мѣстѣ Татищевъ высказываетъ: „всѣ европейскіе, преславнѣйшіе историки, сколько бы о Русской Исторіи ни трудились, о многихъ древностяхъ правильно знать и сказать безъ читанія нашихъ не могутъ; напримѣръ, о прославившихся въ здѣшнихъ странахъ въ древности народахъ, яко Амазонахъ, Аланѣхъ, Гунахъ, Аварахъ, Кимбрахъ и Киммерахъ; якоже о всѣхъ Скифахъ, Сарматѣхъ и Славянѣхъ, ихъ родѣ, началѣ, древнихъ жилищахъ и переходеніяхъ, славныхъ въ древнихъ великихъ градѣхъ и областѣхъ Есседоновъ, Архипеевъ, Комановъ и пр., гдѣ они были и какъ нынѣ зовутся, нимало не знаютъ, развѣ отъ исторіи русской изъясненной неоспоримую истину обрѣсти могутъ. Наипаче же нужна сія исторія не токмо намъ, но и всему ученому міру, что чрезъ нея непріятелей нашихъ, яко польскихъ и другихъ, басни и сущія жи, къ поношенію нашихъ предковъ вымышленныя, обличатся и опровергнутся”. Тамъ же, стр. VI.

2) Тамъ же, гл. IX, XI, XIX, XX, LIII.

3) Тамъ же, введеніе, с. 72, гл. XXXIII, XXXIV.

4) Тамъ же, с. 434 и 435.

5) Тамъ же, гл. XXXIII, XXXV.

6) Тамъ же, гл. XXXV. *Восточные Славяне.* по ученію Татищева, могутъ быть подраздѣлены на азіатскихъ и европейскихъ. Азіатскіе жили отъ протока Фракійскаго въ Пафлагоніи, Галатіи и до Мингреліи, а прежде заселяли Мингрелію и Каппадокію. Восточные европейскіе Славяне

отдѣлялись отъ западныхъ рѣкою Днѣпромъ. Древніе писатели, Геродотъ, Страбонъ, Плиній, а особенно Птоломей, перечисляютъ множество народовъ, жившихъ на востокъ отъ Днѣпра. Многія изъ этихъ именъ кажутся чисто славянскими, другія испорченными славянскими, а нѣкоторые у позднѣйшихъ писателей перечисляются между племенами славянскими. Таковы: Бесси, Бодини, Будини, Водини, Госи, Дудини, Закати, Женихи, Комари, Конопленн, Костобоки, Малогени, Матери, Парни, Пасики, Піяли, Габирибин, Рабоци, Сабаки, Сабацы, Золотари, Женари, Серби, Ставини, Судини и др. Сверхъ того, у древнихъ писателей находимъ много именъ, которыя могли быть, какъ сарматскаго, такъ и славянскаго языка. Изъ народовъ, упоминаемыхъ въ нашей начальной лѣтописи къ восточнымъ Славянамъ должны быть причислены: Сѣверяне, Радимичи, Вятичи, Смоленскіе Кривичи, Угличи, часть Полянъ, часть Дубобовъ, Болгары, жившіе при Волгѣ, и Козары, жившіе при Каспійскомъ морѣ. Южная часть славянскихъ областей заключала въ себѣ все пространство между Средиземнымъ и Чернымъ морями, Днѣпромъ, Карпатскими и Альпійскими горами. Сюда входили: Мезія или Мизія, Сербія, Иллирія, большая часть Венгрія, Албанія, Македонія, Далмація, Боснія, Славонія, Кроація, Краинъ, Каринтія, Истрія. Это главнѣйшія области южныхъ славянъ; каждая изъ нихъ дѣлилась на княжества болѣе мелкія. Западные Славяне занимали пространство между Днѣпромъ и Эльбою. По сказанію Страбона и Плинія эта страна занята выселками отъ южныхъ, дунайскихъ Славянъ. Въ этой части земель славянскихъ главнѣйшими народами и государствами, начиная отъ Днѣпра, были слѣдующіе: часть Полянъ, Древляне, Волыняне, Радимичи въ воеводствѣ Сендомирскомъ, Червенная Русь или Покушіе, Подляшіе, Мазовія, Малая Польша, Великая Польша, Моравія, Силезія, Мисія, Богемія или Чехія и Вандальское или Вендское государство, заключавшее въ себѣ Мекленбургію, Померанію, Голсацію, Бранденбургію и Мейсенъ. Тамъ же, гл. XXXVII, XXXVIII, XXXIX.

⁷⁾ Тамъ же, гл. XXIX.

⁸⁾ Тамъ же, гл. XL.

⁹⁾ Тамъ же, с. 478, 424—491, 542.

¹⁰⁾ Ломоносовъ: Древняя Росс. Исторія изд. 1766 г.; ч. I. Щербатовъ: Исторія Росс. отъ древн. врем.; кн. I. Болтинъ: Примѣч. на Исторію г. Леклерка, т. II, § CX.

¹¹⁾ Несторъ Шлец. перев. Языкова, изд. 1809 г.; ч. I, с. 428 и сл., л. н.

¹²⁾ „То, что говорятъ Юрнадъ и Прокопій о древнихъ Славянахъ, составляетъ все, что до сихъ поръ выключая Нестора, знаемъ мы о времени, въ которое они сдѣлались извѣстными, почему мѣста сіи можно назвать классическими". Тамъ же, стр. 126. Въ одномъ изъ сказанныхъ отрывковъ между прочимъ говорится: „*Sclavini a civitate Novietunense et lacu, qui appellatur musianus, usque ad Danastrum et in Boream Vistula tenens, commorantur. Hi paludes silvasque pro civitatibus habent*", что, по переводу Шлецера, означаетъ: „Славяне обитаютъ начиная отъ новаго и склавинорумунскаго города и отъ озера, называемаго Музіаномъ, даже до Данастра и на сѣверъ по самую Висклу: *живутъ въ болотахъ и льсахъ*". Тамъ же, стр. 127. Въ другомъ отрывкѣ говорится: „*Πονηροὶ μὲν τοὶ ἢ κακοῦργα ὡς ἤκιστα τυγχάνουσιν ὄντες· ἀλλὰ κἄν τῷ ἀφελῆι διασώζουσι τὸ ὑόντικόν ἦθος. Καὶ μὴν καὶ ὄνομα Σκλαβηνοῖς τε καὶ Ἄνταις εἰ τὸ ἀνέχεσθαι ἦν. Σπόρους γάρ τὸ παλαιὸν ἀμφοτέρους ἐκάλεον, οἳ δὲ σποράδην, οἶμαι, διεσκηγημένοι τὴν χώραν οἰκοῦσι διῶ δὴ καὶ γῆν πολ-*

λέγειν τινα ἔχουσι· τό γάρ πλείστον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστροῦ δὴθης, αὐτοὶ νέμονται. Ταῦ μὲν οὖν ἀμφὶ τὸν λαὸν τοῦτον ταυτῆ πη ἔχει, что, также по переводу Шлецера, означаетъ: „у обоехъ народовъ (Склавенъ и Антовъ) одинъ языкъ весьма грубый... нѣкогда имѣли они и одно названіе, ибо древніе обоехъ называли Σκλάβους, думая потому, что они живутъ спораδῶν т. е. разсѣянно, въ шалашахъ, нзрѣдка разставленныхъ, отъ чего и занимаютъ великое пространство Το γάρ πλείστον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστροῦ δὴθης αὐτοὶ νέμονται они кочуютъ (подобно номадамъ) по большей части лѣваго берега Дуная“.

¹²⁾ Тамъ же, I, с. 418, 419.

¹⁴⁾ Тамъ же, ч. II, с. 178—180, т. I, с. 51, 52.

¹⁵⁾ Тамъ же, I, с. 214; II, с. 107 и сл. 647, 662, 751 и др.

¹⁶⁾ Тамъ же, I, с. 325; введение, с. риз.

¹⁷⁾ *Исторія Государства Россійскаго. Изд. 1843 г. Эйнерлинга, т. I, с. 142, 143—146.*

¹⁸⁾ Тамъ же, с. 38.

¹⁹⁾ Тамъ же, с. 43.

²⁰⁾ Тамъ же, с. 47, 48, 146 и др.

²¹⁾ Тамъ же, примѣч.: 29, 33, 43, 45, 71, 73, 75, 78, 85, 96, 97, 106, 108, 110, 120, 168 и др.

²²⁾ См. о Татищевѣ: тамъ же, т. I, примѣч.: 20, 41, 70, 71, 73, 86, 91, 105, 113, 261, 278, 282, 284, 295, 303, 310, 321—324 и др. т. II примѣч.: 7, 9, 11, 17, 20, 26—31 и др. О Ломоносовѣ: т. I, пр.: 105, 106, 182, 208, 321, 408; т. II, пр. 17, 121, 240, 241. О Щербатовѣ: т. I, прим.: 71, 295, 418, 480; т. II, пр.: 7, 19, 38, 122, 172, 178, 267, 270, 333, 355, 375; т. III, пр.: 113 и др. О Болтинѣ: т. I, пр.: 20, 41, 73, 74, 85, 91, 105, 110 и т. д. Только нѣкоторыя возрѣнія князя Щербатова Карамзинъ защищаетъ отъ опроверженій ихъ со стороны Болтина; но и здѣсь, защищая возрѣнія русскаго ученаго отъ опроверженій ихъ со стороны русскаго же, Карамзинъ оставилъ безъ всякихъ замѣчаній самыя несправедливыя возраженія противъ возрѣній русскихъ ученыхъ со стороны Шлецера, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣнія его противоположны мнѣніямъ Шлецера и совершенно согласны съ мнѣніями Татищева, Ломоносова, Щербатова и Болтина, какъ напримѣръ, въ вопросахъ о цѣли призванія варяговъ славянами, значеніи и древности князей и бояръ русскихъ и пр. Соглашаясь съ русскими историками XVIII вѣка, что „достоинство бояръ русскихъ, конечно, не варягами было введено, ибо оно есть древнее славянское, а самое слово происходитъ отъ славянскаго корня *боѣ*“, что „имя *князя*, происшедшее отъ слова *кня*, не могло быть новымъ при Рюрикѣ, но безъ сомнѣнія, и прежде означало у Славянъ знаменитый санъ гражданскій или воинскій“ (Тамъ же, I, с. 45, 47), Карамзинъ обошелъ полнымъ молчаніемъ словопроизводство Шлецера, по которому слово бояринъ происходитъ отъ слова *баранъ*, принятаго въ смыслѣ глуца, а слово князь происходитъ отъ нѣмецкаго слова *Knecht* (мужикъ) или *Knecht* (холопъ). См. Возраженія Ломоносова противъ Шлецера; Очерки Россіи, т. II, с. 46.

²³⁾ И. Г. Р., I, пред. XIII.

²⁴⁾ См. Полеваго, *Ист. Рус. Нар. Предис. с. XXXV изд. 1830 г.*

²⁵⁾ *Древнѣйшее Русское право. Соч. Ф. Г. Эверса, изд. 1835 г. въ пер. Платонова; введение, с. 1—12.*

²⁶⁾ Тамъ же, с. 12—17,

27) См. ниже: теорію родового быта.

28) Рейца: „Опытъ Ист. Рос. Гос. « Граж. Законовъ“. 1829 г. перев. Морошкина. Введеніе, с. 2.

29) Тамъ же, с. 1, 2, 5.

30) См. ниже общинную теорію и теорію одновременнаго существованія различныхъ соціальныхъ формъ.

31) Исслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи, М. Погодина, о Русской Исторіи, т. II изд. 1846 г., с. 321.

32) Тамъ же.

33) Тамъ же, с. 384.

34) Тамъ же, с. 385, 391, 392.

35) Тамъ же, с. 395, 400.

36) Древняя Русская Исторія 1872 г., с. 1—3.

37) Сѣверный Архивъ, 1824 г. N. I, с. 45.

38) Тамъ же, N. 2, с. 139, 140; N. 3, с. 169 „Были ли варяги говорить авторъ, образованнѣе Славянъ во время призванія? Пусть каждый, заключающъ о семъ по своему собственному увѣренію, но я полагаю, что сей важный предметъ, служащій къ объясненію многихъ темныхъ мѣстъ въ русской исторіи, предметъ, который должно почитать за одинъ изъ краеугольныхъ камней цѣлаго основанія сей исторіи, слишкомъ мало обратилъ на себя вниманія почтеннаго историографа (Карамзина) и разрѣшенъ нѣсколькими словами, безъ надлежащихъ доказательствъ. Что же касается до меня, то я вообще, болѣе нежели сомнѣваюсь въ томъ, чтобы варяги превосходили Славянъ въ образованности и думаю противное. Славяне были на высшей степени образованности, нежели Варяги во время пришествія ихъ въ землю славянскую: это не гипотеза, не предположеніе, извлеченное изъ сравненія или подобія варяговъ и Славянъ съ греками, римлянами, козаками или татарами, но очевидная истина, основанная на современныхъ происшествіяхъ и описаніяхъ...“ Тамъ же, N. 3, с. 169.

39) Исторія Русскаго Народа. Н. Полеваго. 1830 г. т. I, с. 18, 40 63—69.

40) „Въ нашихъ лѣтописяхъ, говоритъ авторъ, находимъ извѣстіе, что въ 859 году явились варяги въ первый разъ на берегахъ Финскаго залива и Ладожскаго озера, обложили данью тамошнихъ обитателей и притѣснили ихъ; что черезъ два года были они изгнаны туземцами, и въ 862 году призваны ими снова, добровольно: извѣстіе явно невѣроятное, даже по излишней его хронологической точности... Не отвергаемъ существованія Рюрика и двухъ братьевъ его, *хотя оно весьма подозрительно* Мы принимая уже пришествіе Рюрика и его братьевъ, какъ историческій фактъ. Но *можно ли отвергнуть сомнѣнія критики, которая основываясь на доказательствахъ о невѣрности лѣтописцевъ въ описаніи пришествія варяговъ будетъ утверждать, что Рюрикъ никогда не существовалъ?* Гдѣ дѣла его? чѣмъ ознаменовано его бытіе? Если вспомнимъ, что слово Rik имѣло символическое значеніе богатый, знатный (тоже что германское Reich, см. А. Тьерри. Lettres sur l'hist. de France, стр. 178); что Бѣлоозеро и Изборскъ, упомянуты при началѣ, какъ владѣнія Рюрика, потомъ теряются въ лѣтописяхъ; что Олегъ впоследствии беретъ землю Кривичей, а Рогволодъ владѣетъ въ Полоцкѣ, отдѣльно завладѣвши имъ, то, гдѣ тогда будутъ владѣнія Рюрика и самъ Рюрикъ? Тройство братьевъ варяжскихъ явно походить на мифъ. Приходятъ трое; черезъ два года двое умираютъ,

остается одинъ. Сличите тройство Кія, Щека и Хорива; трѣхъ сестеръ Богемскихъ, дочерей Крока, трѣхъ ирландскихъ завоевателей и безчисленное множество подобныхъ басенъ (См. подр. у Шлепера. Несторъ, т. I, с. 196—199)⁴¹. Тамъ же, с. 18, 53.

⁴¹) Перечень изслѣдованій скептическаго направленія см.: у Буткова: „Оборона лѣтописи Русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ“ 1840 г. Предисловіе. Погодина: „О Скептическомъ Повѣтріи“ въ Изслѣд. Зам. и Лек. 1846 г. т. I, стр. 333 и слѣд. В. Иконникова: „Скептическая школа въ русской историографіи“. 1871 г. Главнѣйшими сотрудниками и учениками Каченовскаго были: Строевъ, Станкевичъ, Стрекаловъ и отчасти историкъ Арцыбашевъ.

⁴²) Ученыя Записки Моск. Универ. 1833 г. N. 11; с. 285 и слѣд.

⁴³) Вѣстникъ Европы, 1828 г. N. 11, с. 47. См. ниже главу объ источникахъ.

⁴⁴) Учен. Запис. Моск. Унив. 1833 г. N. III, с. 683 и слѣд.

⁴⁵) Изслѣдованія Погодина о Несторѣ, напечатанныя въ Библиотекѣ для чтенія за 1834 годъ, заключали въ себѣ только повтореніе того, что сказано было Шлеперомъ и Карамзинимъ. Первый томъ Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій, заключающій въ себѣ изслѣдованія „Объ источникахъ древней русской исторіи, преимущественно о Несторѣ“ и критическую статью „О скептическомъ повѣтріи“, напечатанъ Погодинымъ только въ 1846 году, т. е. спустя пять лѣтъ по напечатаніи соч. Буткова: „Оборона русской лѣтописи“, изданнаго въ 1840 году. Почти вся аргументація статьи Погодина „О скептическомъ повѣтріи“ основана на доказательствахъ, собранныхъ Бутковымъ. Въ періодъ господства скептическаго направленія Погодинъ, по собственному сознанію, принадлежалъ къ лагерю Каченовскаго: „увѣренный тонъ, говоритъ онъ, какъ и разсужденія (Каченовскаго) подѣйствовали и на меня. Связь этнографическая Новгородѣ съ Балтійскимъ поморьемъ мнѣ нравилась, а таинственные намеки на происхожденіе Русской Правды, тогда не слишкомъ еще для меня знакомой, возбуждали мое любопытство, и я началъ ожидать съ нетерпѣніемъ обѣщанныхъ объясненій и подтвержденій“. Изсл. Замѣч. и Лекц. I, с. 329.

⁴⁶) Оборона Лѣтописи Русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ. Слб. 1840 г. ч. I, гл. I, с. 1—7.

⁴⁷) Тамъ же, с. 7.

⁴⁸) Тамъ же, с. 9, 10.

⁴⁹) Славянскія Древности. 1849 г. пер. Бодянскаго. „Желая говорить Шафарикъ, указать мѣсто, принадлежащее древнимъ славянамъ, по ихъ нравственному состоянію и образованію, въ ряду прочіихъ народовъ, мы, прежде всего, съ презрѣніемъ отвергаемъ тотъ легкомысленный и ложный способъ, коему до сихъ поръ слѣдовали писатели, особенно иностранцы, разсуждая о нравахъ нашихъ предковъ. Слѣдуя этому господствующему образу мысленія или лучше безобразію, которымъ особенно прославился Гебгардъ, злобный врагъ Славянъ, и которымъ, словно моровой язвой, заразились даже писатели, оказавшіе величайшія услуги намъ, Добровскій, Карамзинъ и др. Славяне, до самаго принятія христіанской вѣры и вѣмедикихъ нравовъ, ничѣмъ, кромѣ одного лишь языка, не отличались отъ американскихъ и африканскихъ дикарей, или лучше, отъ бессмысленныхъ животныхъ: грубость, дикость, безчеловѣчіе, подлость, трусость, безстыдство, тупость, отвратительная неопрятность и другіе, тѣмъ подобные, пороки

оставляли наследственными отличительными свойствами всех древних Славянъ. Холоство и рабство, подданство и невольничество были ихъ вѣчнымъ уделомъ. Ученіе это сдѣлалось дозунгомъ новѣйшихъ русскихъ писателей, прожужжавшихъ и намъ и себѣ уши о древнемъ нашемъ варварствѣ. Имъ какъ основой своего вѣрованія хотять они воспламенить въ народѣ своею любовью къ славянскимъ древностямъ, языку и словесности, возбудить къ себѣ довѣріе и утвердить въ немъ чувство самобытности! На этомъ ученіи (потому что въ области наукъ все связано тѣснѣйшими узами родства) хотять они основать народное просвѣщеніе и славу! Но къ великому нашему счастью и утѣшенію, источники исторіи древнихъ Славянъ представляютъ намъ совершенно противное. Пока будутъ эти источники, до тѣхъ поръ, надѣмся, будутъ и мужи, которые, безъ всякаго предубѣжденія, стануть черпать въ нихъ правду и защищать ее отъ клеветъ пристрастныхъ и безсовѣстныхъ писакъ, кто бы они не были и гдѣ бы они не явились.“ Тамъ же, т. I, кн. II, отд. V, с. 416, 417.

⁵⁰⁾ Тамъ же, с. 406.

⁵¹⁾ Тамъ же, с. 418, 421.

⁵²⁾ Тамъ же, с. 421.

⁵³⁾ Тамъ же, с. 418, 424.

⁵⁴⁾ Тамъ же с. 421, 424.

⁵⁵⁾ Тамъ же с. 428, 429.

⁵⁶⁾ Тамъ же, т. II, кн. I, с. 237 и слѣд.

⁵⁷⁾ Тамъ же, с. 122, 123.

⁵⁸⁾ Въ этомъ направленіи наиболее извѣстны изслѣдованія: Венелина,

Морошкина, Савельева-Ростиславича, Макарова, Святлова, Богомолова и др. Для примѣра, укажемъ на ученіе г. Богомолова. Въ своемъ изслѣдованіи: „О значеніи словъ: Варягъ, козакъ, Россъ, и Реть“ (изд. 1849 г.) г. Богомоловъ доказываетъ, что слово *варягъ* состоитъ изъ словъ: *вар* и *акъ* *а* или *акъ*, *Вар*, *фар*, *пар*, *бар*, значить *конникъ*; *акъ*, *а* или *акъ*—бѣлый или соль (въ переносномъ смыслѣ тоже бѣлый) *казакъ* есть составная изъ *каз* и *акъ*. Первое изъ этихъ словъ: *каз*, *азъ*, *казъ*, *казъ*—тоже конь. *Россъ* тоже означаетъ коня (*Ross*), наконецъ *реть* (*Rhet*) происходитъ отъ словъ *ратъ*, *Riuar*. Слѣдовательно, Варягъ, Казакъ, Россъ и Реть имѣютъ одинъ смыслъ, означаютъ всѣ одинаково всадника, кавалериста, а потому тождественны между собою. Далѣе, *акъ*, *азъ*, суть слова персо-турскія; *а* по армянски значитъ соль; по гречески *als*, по молдавски *alb*, оба послѣднія слова принимаютъ сокращенную форму *al*. На славянскомъ языкѣ они выражаются словами: соль, *силь*, или въ сокращенной формѣ—*сло*, *сла*, *слак*; искаженная ихъ форма есть *сло*. Отсюда, *аваны*, *ал-бани*, *силь-ваны*—одинъ народъ—*бѣлые ваны*; ваны-же-славяне; *вар-азъ* *каз-акъ*, *русс-акъ*—всадники, защитники вавовъ, и относятся къ ванамъ, какъ видъ къ роду. Слова *варс*, *фарс*, *парс*—значатъ конный человекъ. Отсюда *козакъ*, *князь*, *könig*, *цунь*, *пар-ванъ* (пароя-нинъ). *бар-миш*, *barbar*, *берилли* или *верилли*, *вары*-однозначенательны. *Кіевъ* происходитъ отъ *кай*, по молдавски лошадь и есть градъ конниковъ, Каневъ. *Хазъ* и *казъ* означало въ древности по арабски коня, какъ и слова *гайсъ*, *госпъ*; отсюда, *господинъ*, *баринъ*, *князь* одно и тоже; *каз-акъ*, *аз-иги*, *кос-оги*—одно и тоже; *хазъ ар*—князь Аринъ и т. д. Славянъ. въ видѣ мирныхъ жителей или войска, ихъ защищавшаго, авторъ видитъ вездѣ, отыскиваетъ ихъ подъ разными азіатскими и европейскими именами. Угры или Маджары суть Славяне, Курты тоже Славяне; не менѣе Славяне Авары, Франки, Гермундулы, Варинги, Аорсы, Свевы, Германы, Братив-

ги, Спариты, Сарматы, Скионы, Нордолбинги, Роксолане, Мамаянты, Сисици, Глу-гунги, Цыганы, Торки или Турки, Берендѣи и т. д., почти всѣ извѣст-ные народы древняго и новаго міра суть Славяне, скрывающіеся только подъ различными названіями.

⁴⁶⁾ См. выше ученіе Эверса.

⁴⁷⁾ Сочиненія К. Д. Кавелина, ч. II, с. 474.

⁴⁸⁾ *Эверс*: „первоначально вездѣ соединяются между собою потомки од-ного общаго начальника племени, для взаимной защиты противъ иноплеменни-ковъ, ибо въ грубомъ естественномъ состояніи, до образованія благоустроен-ныхъ обществъ, каждому необходимо нужна таковая защита, и несчастенъ тотъ, кто находится внѣ семейственнаго союза; онъ лишентъ всякой опоры. Государ-ства, которыя потомъ начинаютъ развиваться, второй шагъ въ постепенномъ образованіи человѣческаго рода,—суть ничто иное, какъ соединенія отдѣльныхъ бывшихъ дотогѣ совершенно свободными, родовъ или большихъ семействъ, подъ владычество одного общественнаго главы“. Др. Пр. Р. с. 1 и 2.

Г. Соловьевъ: „человѣкъ животное общественное, не можетъ жить безъ общества, безъ связи съ другими людьми, и первымъ союзомъ является кровный или родовой“; „родовой бытъ есть явленіе общее многимъ вре-менамъ, странамъ и народамъ и, какъ явленіе первоначальное, естественное, простое, представляетъ всюду черты поразительнаго сходства“. Сборн. Гос. знаній, т. IV, с. 7, 13. изд. 1877 г.

Г. Кавелинъ: „такъ какъ родственныя отношенія по времени первыя въ исторіи, то во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ, патриархальный бытъ предшествуетъ всякому другому“. Сочиненія, ч. II, с. 458.

Г. Забѣлинъ: „жизнь въ родовой отдѣльности и способности повсюду въ человѣчествѣ составляла первородную и начальную ступень людскаго общенія“ Ист. Русс. Жизни, с. 513.

Г. Грановскій: „родовымъ бытомъ начинается исторія всякаго народа. Сочин. ч. I, с. 131.

Г. Никитскій: „первоначальному обществу было чуждо всякое пред-ставленіе о какой либо иной связи между людьми, кромѣ родственной“ Оч. Ва. Ис. Пскова, с. 5.

Г. Хльбниковъ: „въ нашей литературѣ уже давно признана та истина, что всѣ народы проходятъ чрезъ родовой бытъ“; „всѣ народы взяли какія ли-бо части изъ родоваго быта, этой естественной, первобытной формы жизни“ Общ. и Госуд. въ домонг. пер., введеніе с. I, II.

⁴⁹⁾ *Г. Соловьевъ*: „первымъ союзомъ является кровный или родовой. Семья крѣпка братствомъ младшихъ членовъ ея и естественнымъ, необходи-мымъ подчиненіемъ ихъ отцу. Отецъ умираетъ... Старшій братъ получаетъ значеніе отца для младшихъ, союзъ удерживается, ибо старшій братъ *въ отца* мѣсто, какъ отецъ, все остается по старому. Родъ умножается, но союзъ держится; многочисленный родъ все представляетъ одну семью, въ которой старшій въ родѣ, старшій братъ, какой бы то ни было степени, дядя занимаетъ мѣсто отца, сохраняетъ сожитіе членовъ въ одномъ мѣстѣ, общія занятія общее владѣніе“. Сборн. Госуд. Знаній, 1877 г. т. IV, стр: 7 и 8. „При появленіи дружины, образованіи городовъ въ полномъ смыслѣ слова, при основаніи государства можетъ и должно начаться ослабленіе родова-го быта и замѣна его обшиннымъ; но пойдетъ ли упомянутое ослабленіе скоро или медленно, это будетъ зависѣть отъ особыхъ обстоятельствъ народ-ной жизни“. Т. же, стр. 9 „Родовой бытъ есть явленіе общее многимъ вре-

мевамъ, странамъ и народамъ и, какъ явленіе первоначальное, естественное, простое, представляеть всюду черты поразительнаго сходства. Это явленіе вовсе не донсторическое. Мы въ своей разработкѣ русской исторіи должны были постоянно считаться съ нимъ: дѣйствуя въ нашей древней исторіи въ самыхъ выпуклыхъ отношеніяхъ, оно провожаетъ насъ и въ XVIII вѣкъ“. Т. же, с. 13. „Въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти“. Ист. Рос. т. I, 1866 г., с. 63. *Г. Касселинъ*: „прежде племень и племенныхъ союзовъ, прежде общинъ и мировъ существуютъ семья и родъ. По естественному закону, господствующему у первобытныхъ народовъ исключительно, глава семьи и рода полно-властно господствовалъ надъ ними, въ его рукахъ жизнь и смерть домо-чадцевъ; онъ ихъ верховный жрецъ, примиритель ихъ споровъ, каратель преступныхъ... Кровное родство было сперва единственною исключительною связью между людьми, семьи и роды единственными человѣческими союзами и обществами, семейный и родственныи распорядокъ единственными общественными устройствомъ. Современникъ, 1848 г. N. 10, критика, стр. 92, 93, 97. „Одно изъ главныхъ коренныхъ отличій родового союза состоятъ въ томъ, что мѣсто каждаго лица въ такомъ союзѣ и отношенія этого лица къ другимъ зависятъ исключительно отъ рожденія: кто прежде родился, тотъ и старше, кто поздне, тотъ моложе. Положеніе младшаго въ родовомъ союзѣ очень незавидно. Онъ былъ обязанъ уважать, почитать, любить и слушаться старшаго, хотя бы старшій былъ въ десять разъ его ограниченнѣе, чтобъ не сказать глуше, хотя бы онъ не заслуживалъ ни малѣйшей любви и почтенія“ Сочин. ч. II, с. 469, 470. „Въ незапамятныя времена общезитіе сосредоточивалось внутри разрозненныхъ, чуждыхъ, почти враждебныхъ между собой родовъ и семей. Эти семьи должны были со временемъ разростись въ общины, которыхъ бытъ разительно былъ сходенъ съ семейнымъ, потому что изъ семей онѣ образовались, и слѣдовательно, семьи были ихъ историческимъ первообразомъ“. Совр. 1848 г., N. 12, с. 127, 133.

⁶³⁾ См. выше примѣч. 61.

⁶⁴⁾ *Г. Соловьевъ*: „полнѣе вопроса о родовомъ бытѣ западными учеными, внимательное изученіе его остатковъ повсюду, внимательное изученіе извѣстій о немъ въ историческихъ и юридическихъ памятникахъ разумѣется не можетъ не подать помощи намъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ объ этомъ столь важныхъ въ нашей исторіи, явленіи, разширя средства сравненія, а слѣдовательно, и уясненія. Мы не знаемъ Славянъ въ кочевомъ быту, ибо предположенія, что извѣстные кочевники обитавшіе въ восточной Европѣ были Славяне остаются предположеніями только. Мы знаемъ Славянъ осѣдлыми и живущими въ формѣ родового союза, въ той самой формѣ, въ какой многіе изъ ихъ потомковъ живутъ и теперь. Когда въ последнее время заданъ былъ во многихъ южно-славянскихъ мѣстностяхъ вопросъ: всѣ ли *задругары* (живущіе въ союзѣ, извѣстномъ подъ именемъ *задруги*) свои по крови или нѣтъ? то отовсюду былъ полученъ одинъ отвѣтъ: всѣ *задругары* свои между собою по крови; принимаютъ чужаго въ томъ случаѣ, когда онъ женится въ *задругѣ*; всѣ родня и находятся въ тѣсномъ и любовномъ союзѣ; а когда это любовное отношеніе исчезаетъ, то дѣлятся.. Когда внимательно всмотрѣлись въ общины Индіи, то нашли, что это союзы родственниковъ естественно и усновленно нисходящихъ отъ извѣстнаго праотца и владѣвшихъ землею сообща; нашли, что индѣйское народонаселеніе есть совокупность естественныхъ родовыхъ группъ, а не смѣшенная толпа, какъ напримѣръ

въ Англіи, и такимъ образомъ проведена связь между извѣстіями о настоящемъ бытѣ сельскаго народонаселенія въ Индіи и между древнѣйшимъ свидѣтельствомъ объ этомъ бытѣ, свидѣтельствомъ Пesarxa, сохранившимся у Страбона, что индѣйцы живутъ отдѣльными родами, которые сообща обрабатываютъ землю. Но возвратимся къ Европѣ. Здѣсь мы не будемъ толковать о греческихъ и римскихъ родахъ: это слишкомъ отдаленно; мы ограничимся указаніемъ на горныхъ шотландцевъ, у которыхъ кланъ считаетъ себя большимъ семействомъ, гдѣ всѣ члены соединены кровною связью. Въ Валлисѣ считаютъ 18 степеней родства; широкая родственность Бретонцевъ вошла въ пословицу; она простирается до безконечности въ нижней Бретани; 15 августа, день, когда всѣ жители прихода собираются вмѣстѣ, называется братчиною, праздникомъ родни. Въ другихъ мѣстахъ Франціи путешественники конца XVIII вѣка указываютъ роды или большія семьи, живущія вмѣстѣ, съ нераздѣльнымъ хозяйствомъ относительно недвижимости, подъ властію общаго родоначальника; много свидѣтельствъ, что прежде такая форма сельскаго быта была повсемѣстна во Франціи. Въ швейцарскомъ кантонѣ Аппенцеллѣ существуетъ дѣленіе народонаселенія на группы, въ которыхъ изслѣдователи основательно видятъ родовое происхожденіе, сравнивая ихъ съ кельтическимъ кланомъ и съ римскою *gens*; но что всего любопытнѣе, эти группы сохранили названіе родовъ (Rhoden). И такъ, родовой бытъ есть явленіе общее многимъ временамъ, странамъ и народамъ и, какъ явленіе первоначальное, естественное, простое, представляетъ всюду черты поразительнаго сходства. Это явленіе вовсе не доисторическое". Сборн. Гос. Зн. IV, с. 11—13.

⁶⁵⁾ Между ними г. Соловьевъ придаетъ особенную важность свидѣтельству объ особой жизни Полянъ и свидѣтельству о возстаніи рода на родѣ у Славянъ новгородскихъ во время усобицъ, слѣдствіемъ которыхъ, по лѣтописцу, было призваніе Рюрика. „Ясно и точно, говоритъ г. Соловьевъ, лѣтописецъ опредѣляетъ бытъ осѣдлаго славянскаго народонаселенія восточной равнины: „жилъ каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ. владѣя каждый родомъ своимъ;“ „мы употребляемъ названіе родового быта, на основаніи извѣстій лѣтописца: жилъ каждый съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ, владѣлъ родомъ своимъ, — здѣсь лѣтописецъ прямо говоритъ о родоначальникѣ“. Сборн. Гос. Зн. IV, 7, 13. „Что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ. При описаніи междоусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родѣ; изъ этого ясно видно, что до призванія князей, общественное состояніе не переходило еще родовой грани“. Исторія Рос. 1866 г., с. 62, 67.

⁶⁶⁾ Г. Соловьевъ: „О родовомъ бытѣ у Славянъ, кромѣ своихъ писателей, свидѣлствуютъ также иностранцы: Прокопій говоритъ, что они не повинуются одному власителю, но изначала живутъ при народномъ правленіи; это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія, который говоритъ, что у Славянъ много царьковъ, ибо, съ одной стороны, князья, старшины родовъ могутъ являться съ характеромъ правителей, съ другой, равенство этихъ родоначальниковъ другъ передъ другомъ, общія ихъ сходки, ихъ вѣча, представлялись для грековъ демократією; такъ Маврикія, упоминая о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что Славяне не знаютъ правительства; Прокопій прибавляетъ, что у Славянъ

былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. Арабскіе писатели о Славянахъ подтверждаютъ показанія греческихъ“. Тамъ же, прим. 56.

⁶⁷⁾ Г. Соловьевъ: „старинная чешская пѣсня говоритъ: „когда умереть глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ рода своего владыку“. Такъ теперь у южныхъ Славянъ, удержавшихъ черты древняго быта, часто деревня состоитъ изъ одного рода, который управляется самъ собою и сообщаетъ съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, старшины“. Тамъ же, с. 64.

⁶⁸⁾ Г. Кавелинъ: „гдѣ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію? Не въ невозможномъ отвлеченномъ мышленіи, не въ почти бесплодномъ сравненіи съ исторіей другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ. Многіе не безъ основанія думаютъ, что образъ жизни, привычки, понятія крестьянъ сохранили очень многое отъ древней Руси. Ихъ общественный бытъ несколько не похожъ на общественный бытъ образованныхъ классовъ. Посмотрите же, какъ крестьяне понимаютъ свои отношенія между собою и къ другимъ. Помѣщика и всякаго начальника они называютъ отцомъ, себя—его дѣтьми. Въ деревнѣ старшіе дѣтими зовутъ младшихъ *робятами*, *молодками*, младшіе старшихъ — *дядями*, *дядями*, *тетками*, *бабками*, равные — *братьями*, *сестрами*. Словомъ, всѣ отношенія между неродственниками сознаются подъ формами родства, или подъ формами прямо изъ него вытекающаго и необходимо съ нимъ связаннаго, кровнаго, возрастомъ и лѣтами опредѣленнаго, *старшинства* или *меньшинства*. Безспорно, въ устахъ народа, эта терминологія съ каждымъ годомъ исчезаетъ, или становится болѣе и болѣе безмысленнымъ звукомъ. Но замѣтимъ, что она не введена насильственно, а сложилась сама собою, въ незапамятныя времена. Ея источникъ — прежній взглядъ русскаго челоука на свои отношенія къ другимъ. Отсюда мы въ полномъ правѣ заключаемъ, что когда-то эти термины навѣрное не были только фразами, но заключали въ себѣ полный, опредѣленный, живой смыслъ; что когда-то всѣ неродственные отношенія дѣйствительно опредѣлялись у насъ по типу родственныхъ, по началамъ кровнаго старшинства или меньшинства. А это неизбежно приводитъ насъ къ другому заключенію, что въ древнѣйшія времена русскіе Славяне имѣли *исключительно* родственныя, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія, и потому, когда они появились, подвели и ихъ подъ тѣже родственныя, кровныя отношенія. Выражаясь какъ можно проще, мы скажемъ, что у русскіхъ Славянъ былъ, слѣдовательно, первоначально одинъ чисто семейственный, родственныи бытъ, безъ всякой примѣси; что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена *исключительно* однимъ путемъ *народженія*. Это совершенно согласно и съ первыми историческими извѣстіями. Есть большое вѣроятіе, что точно такой же исключительно семейственный, родственныи бытъ имѣли первоначально и всѣ прочіе Славяне; но историческая судьба ихъ и наша была не одинакова“. Соч. I, с. 311, 312.

⁶⁹⁾ Г. Кавелинъ: „древнѣйшій славянскій бытъ былъ чисто природный, естественный. Если бы мы не имѣли никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ развитія языческихъ вѣрованій Славянъ, мы пришли бы къ тому же заключенію“. Современникъ, 1848 г. Критика, с. 96.

⁷⁰⁾ Г. Соловьевъ: „древнее названіе новобранныхъ князь и княгиня,

потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода“. Ист. Рос. I, примѣн. 52. Г. Кавелинъ: „письменные памятники не сохранили извѣстій объ этомъ (семейно-патріархальномъ) времени; Несторова лѣтопись говоритъ объ всемъ по темнымъ преданіямъ и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ этомъ бытѣ сохранилось со всею свѣжестію преданія; во всѣхъ обрядовое церемоніальное сватовство представляется людямъ, пріѣхавшихъ издалека въ незнакомую сторону, въ которой я ихъ никто не знаетъ“. Совр. 1848 г. N 12, с. 96. Сочин., IV, с. 144, 146

¹¹⁾ Ср. выше доп. 64, 65, 68 и 70.

¹²⁾ Ист. Россіи. 1866 г. I с. 62—67.

¹³⁾ Тамъ же, с. 67; т. XIII, с. 4.

¹⁴⁾ За цитатой, приведенной въ текстъ (по которой древнеславянскіе города, будучи жилищами родовъ, имѣли однако важное историческое значеніе, были вышшею ступенью общестія, срянительно съ разрозненною жизнью родовъ на особыхъ мѣстахъ, были зародышемъ *правительственнаго* начала), авторъ го воритъ: „естественно предположить городъ *первымъ* пребываніемъ поселенцевъ, откуда народонаселеніе распространялось по всей странѣ: родъ являлся въ новой странѣ, селится въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большей безопасности, и потомъ уже, вслѣдствіе размноженія своихъ членовъ, наполнял и всю окрестную страну“. Тамъ же. I, с. 67.

¹⁵⁾ „Городовъ, говоритъ авторъ, какъ видно, было немного: знаемъ, что Славяне любили жить разсѣянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ; на всемъ пути изъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города—Смоленскъ и Либечъ“. Тамъ же, с. 69. „Войны между родами, говоритъ авторъ въ новѣйшемъ его сочиненіи, не говоря уже о нашествіи хищныхъ ордъ и опасности отъ дикихъ звѣрей, должны были заставить родовые союзы ограждать, укрѣплять свои жилища, жить *въ юрдахъ*. Отсюда у насъ до сихъ поръ сохранилось такое значительное количество остатковъ старинныхъ укрѣпленій или такъ называемыхъ *юродищъ*“. Сборн. Гос. Зн. т. IV, с. 17.

¹⁶⁾ Ист. Рос. I. 76.

¹⁷⁾ Тамъ же, I. с. 105—109; XIII, с. 5—7. Сборн. Гос. Зн. т. IV, с. 39, 13.

¹⁸⁾ Сочин. II, с. 474.

¹⁹⁾ Соврем. 1848 г. N 10, с. 96, 97. Сочин. ч. I, с. 312.

²⁰⁾ Тамъ же, стр. 322.

²¹⁾ Привожу въ подлинникѣ изложеніе мыслей автора о причинахъ разложенія общинной и племенной организаціи древнерусскихъ Славянъ и времени образованія русскаго государства. „Мало по малу, говоритъ онъ, семьи привыкають, не смотря на внутреннюю разрозненность, всѣ важныя и общія дѣла дѣлать вмѣстѣ, поговоря между собою. Поселенія становятся *общинами*. Нѣкоторыя изъ нихъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ строятъ ограды и получаютъ названіе *юродовъ*; но внутреннее устройство всѣхъ общинъ по прежнему совершенно одинаково, ибо таже основа во всѣхъ. Дальнѣйшее развитіе общиннаго быта состояло въ большемъ и большемъ его распаденіи. По мѣрѣ того, какъ возрастала особность семей и онѣ вживались въ свои особенные интересы, единство общинъ продолжало ослабѣвать. Власть изъ рукъ общинныхъ старѣйшинъ переходить къ главамъ семействъ, къ старѣйшинамъ отдѣльныхъ, родственныхъ союзовъ. Нако-

нецъ, первые исчезаютъ и избираются только въ случаѣ войны или опасности. Ихъ мѣсто заступаютъ вѣчевыя собранія. Въмѣсто одного главы въ общинахъ появляются многіе главы—старѣйшины надъ семьями, Непріязненные столкновения между ними, ссоры и вражды — неминуемы. Открываются нескончаемыя усобицы, внутреннія волненія въ общинахъ. Это-то состояніе и описываетъ лѣтописецъ словами „не было у нихъ правды и всталъ родъ на родъ; были у нихъ усобицы и начали они воевать другъ противъ друга“. Какъ развивался общинный бытъ, такъ въ незапамятныя времена и въ огромныхъ размѣрахъ развивался бытъ племенной. Мы можемъ судить объ этомъ по разительному сходству племеннаго устройства съ общиннымъ. Общины, принадлежавшія къ одному племени, обирались на племенные вѣча. Были и племенные старѣйшины — князья; но какъ въ общинахъ они не вслѣдъ удержались. Когда общинный бытъ совершенно разрушился и семьи стали дѣйствовать независимо, свободно, вся власть перешла къ нимъ. За обиду онѣ удовлетворяли себя сами; споръ рѣшался боемъ или отдавался на судъ выборныхъ посредниковъ. Такъ появилась кровная месть, поединки, цѣловальники или присяжные. Нѣкоторыя семьи, по богатству, извѣстности, талантамъ, и другимъ причинамъ, возвысились надъ прочими; появилось различіе между знатыми и незнатыми, которое обозначалось все болѣе и болѣе. Такъ развивался древнѣйшій общественный бытъ русскихъ Славянъ.—у однихъ племя скорѣе, у другихъ медленнѣе; у однихъ послѣдовательнѣе, полнѣе и рѣзче, чѣмъ у другихъ; но главные черты этого развитія тѣже у всѣхъ. Оно постепенно вело Россію къ большому и большому разсединію. Политическое единство цѣлаго русско-славянскаго племени было уже утрачено; единство внутри племенъ исчезало. Даже общины, вслѣдствіе этого развитія, распались на свои составныя части; процессу разложенія не предвидѣлось конца: Въ это время возникаетъ въ Россіи новый порядокъ вещей, принесенный извнѣ. Въ половинѣ IX вѣка на сѣверномъ краю ея совершилось важное, многозначительное событіе. Нѣсколько племенъ, истерзанныхъ внутренними смутами, отсутствіемъ порядка и устройства, рѣшились власть надъ собою отдать чужеземцу... Изъ русско-славянскихъ племенъ, волей и неволей покорившихся дружинѣ, образуется сильное, обширное государство; но устройство его носитъ на себѣ не славянскій отпечатокъ; кажется, оно было феодальное“. Тамъ же, с. 323—328.

⁸²⁾ Свое отношеніе къ родовой теоріи г. Забѣлинъ опредѣляетъ слѣдующими словами: „люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ на существенный характеръ нашей допетровской исторіи будутъ, вѣроятно, согласны въ томъ, что въ древней русской жизни, домашней и общественной, съ особенною силою господствовало и управляло жизнію отдѣльныхъ лицъ патриархальное, родительское начало, что оно въ значительной степени господствуетъ даже и теперь. Иначе, конечно, и быть не могло, если непреложна та истина, что русская земля расплодилось по преимуществу первобытною силою на рожденія, если *родъ* былъ непосредственнымъ дѣтелемъ въ образованіи народной массы, если на самомъ дѣлѣ онъ былъ растительнымъ, органическою клѣточкою, основой строенія каждаго племени и всего народа, если, наконецъ, сама *община* явилась только совокупностью этихъ родовыхъ клѣточекъ, совокупностью не отдѣльныхъ лицъ, а отдѣльныхъ хозяйствъ или дворовъ, въ которыхъ замкнулись отдѣльные роды или семьи. Мы пользуемся такимъ употребленіемъ, предполагая яснѣе и нагляднѣе пред-

ставить отношеніе такъ называемаго родового быта къ быту такъ называемоу общинному. Такой естественный, почти физическій ходъ народной жизни существовалъ вездѣ... Родовое чувство, родовое начало, управлявшее нашимъ старымъ бытомъ, есть въ сущности родовая идея, которая была творцомъ нашего единства, нашей народной силы, творцомъ всѣхъ нашихъ народныхъ добродѣтелей и всѣхъ нашихъ народныхъ напастей, государственныхъ и общественныхъ“. Домашній бытъ Русскихъ Царигъ; изд. 1872 г. гл. I, с. 12, 22.

⁸³⁾ Родъ, говоритъ авторъ, есть „непосредственная, естественная форма человѣческой жизни, произведенная стихійною силою рожденія. Положимъ, что хозяйство заводилось и дворъ строился первоначально одною семьею, въ тѣсномъ смыслѣ семьею. Но такая семья никогда не оставалась замкнутою въ этомъ тѣсномъ смыслѣ; она тотчасъ развѣтвлялась и обыкновенно къ основному хозяйству сами собою приростали другія новыя семьи: являлась *община*, пожалуй; но община родныхъ семей, община *родня*, а въ простомъ смыслѣ, являлся *родъ*. Семья, по просту, разрасталась въ родъ, т. е. въ кровную совокупность старшихъ и младшихъ семей, выросавшихъ на одномъ корню. Отецъ становился уже дѣдомъ, прадедомъ, дѣти являлись уже внуками, правнуками. Этотъ новый типъ быта, не злоупотребляя словами, мы не можемъ назвать семьею, а тѣмъ менѣе общиною. Семья разрасталась въ цѣлый родъ; она становилась пожалуй общиною семей (хотя это общее представляло все одинъ и тотъ же типъ); существенное же положеніе ея власти отъ этого нисколько не измѣнялось. Напротивъ, отъ размноженія семьи *лицо родителя приобретало еще большее освященіе*: онъ уже былъ не только отецъ, но и отецъ отцовъ, *родо-начальникъ*; затѣмъ, все его *рожденіе* оставалось въ тѣхъ-же естественныхъ отношеніяхъ дѣтства, малолѣтства къ *родо-начальнику* и въ отношеніяхъ старшинства и меньшинства между собою, смотря по восходящему или нисходящему порядку рожденія. *Никакого равенства членовъ здѣсь быть не могло*“. „Органическою клѣточкою нашего допетровскаго общественнаго быта былъ родъ; *родительское, патриархальное начало* управляло всѣмъ ходомъ нашей допетровской жизни“ и т. д. Тамъ же, с. 13, 14, 18, 19, 20, 28.

⁸⁴⁾ Исторія Рус. Жизни, 1876 г. гл. V, с. 519.

⁸⁵⁾ Тамъ же, с. 525, 526.

⁸⁶⁾ „Вспоминая, говоритъ авторъ, о первобытной жизни предковъ, нашъ древнѣйшій лѣтописецъ обрисовываетъ эту жизнь немногими словами. Онъ подробнѣе говоритъ только о бытѣ кievскихъ Полянъ, но утверждаетъ, что такъ жили и остальные племена. Его короткія слова представляютъ однако столько полноты и обстоятельности, что древнѣйшія основы нашего быта выступаютъ въ нихъ самыми выпуклыми чертами. Каждый жилъ особо съ своимъ родомъ, на своихъ мѣстахъ; каждый владѣлъ родомъ своимъ особо. Не оставляя никакого намека о лицѣ родоначальника, лѣтописецъ говоритъ вообще, что каждый человѣкъ, какъ и цѣлое племя, жили съ своимъ родомъ, то есть въ средѣ своего рода, каждый владѣлъ родомъ своимъ, то есть каждый устроивался и управлялся родомъ, но не лицомъ. Лѣтописецъ, вглядъ затѣмъ, указываетъ самый образъ и порядокъ такого владѣнія, говоря, что въ Кіевѣ жили три брата, каждый особо на своей горѣ, слѣдовательно, съ особымъ владѣніемъ въ своемъ родѣ; что однако три брата составляли одинъ родъ и что старшій изъ братьевъ княжилъ въ своемъ родѣ, то есть былъ старѣйшиною у трехъ братьевъ. Выраженіе княжить очень опредѣленно

объясняется послѣдующею исторіею. Оно значаю не болѣе, какъ исполнять родовую волю, дѣлать то, что повелѣвали уставы, обычаи, нравы и порядки рода. Поэтому братняя власть, братнее владѣнье родомъ въ сущности представляли власть и владѣнье самого рода. Вообще лѣтописецъ очень заботится выставить впередъ только то, что каждый жилъ особо съ своимъ родомъ, независимо и свободно отъ другихъ, что никакой общей связи, или общей зависимости отъ кого либо, никакого политическаго единства въ землѣ еще не существовало. Всѣ жили, устроивались и управлялись своимъ родомъ, въ родовой отдѣльности другъ отъ друга, занимая каждый свои отдѣльныя мѣста.

„Это лѣтописецъ повѣствуетъ о старинѣ, какую возможно было припомнить въ XI вѣкѣ, когда началось русское лѣтописанье. Но намъ извѣстно, что византійскіе греки и притомъ достовѣрные свидѣтели очевидны тоже самое рассказывать о бытѣ нашихъ русскихъ Славянъ и въ VI вѣкѣ. Они повѣствуютъ, что Славяне жили въ простыхъ, бѣдныхъ хижинахъ, порознь, особнякомъ, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, въ глухихъ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ. въ мѣстахъ недоступныхъ, и притомъ часто переселялись, отыскивая разумѣется въ виду чужихъ и своихъ враговъ, еще болѣе недоступное и безопасное мѣсто; что Славяне всегда любили свободу и независимость, не терпѣли никакого обладателя и не было возможности принудить ихъ къ рабству или повиновенію; что они единодержавной власти не знали, но искони управлялись общенародно и разсуждали обо всѣхъ своихъ дѣлахъ сообща; что у нихъ было много царьковъ, т. е. князей-старѣйшинъ и что при всемъ томъ они жили въ постоянныхъ несогласіяхъ: на чемъ порѣшати одни, на то не соглашались другіе и ни одинъ не хотѣлъ повиноваться другому. Шестой вѣкъ не былъ первымъ вѣкомъ въ жизни Славянъ и описанный образъ ихъ быта мы можемъ безъ малѣйшей ошибки отнести и къ болѣе отдаленнымъ временамъ, такъ точно, какъ стихійное господство этого быта мы можемъ прослѣдить до очень поздняго вѣка. Жизнь въ родовой отдѣльности и особности повсюду въ человечествѣ составляла первородную и начальную ступень людскаго общежитія. Она повсюду служила естественнымъ и единственнымъ узломъ, въ которомъ скрывались первоначальныя основы и первые зародыши общества и государства. Такимъ образомъ, нашъ первый лѣтописецъ очень хорошо зналъ, что онъ говорилъ. Жизнь родомъ, владѣніе родомъ,—вогъ въ чемъ заключалась первоначальная основа русскаго быта. Наука подтвердила эти краткія слова подробными изслѣдованіями, которыя, если и не вполне, то все таки съ достаточною ясностію раскрыли существенныя черты этого быта. Она очень основательно, вполне точно наименована его родовымъ бытомъ, то есть присвоила ему то самое имя, какимъ этотъ бытъ обозначается въ древнѣйшей нашей лѣтописи“⁶¹. Тамъ же, с. 511—513.

⁶¹) Тамъ же, с. 514, 519, 520, 523—528.

⁶²) Тамъ же, с. 528.

⁶³) Тамъ же, с. 538, 542.

⁶⁴) Тамъ же, с. 550, 551.

⁶⁵) Тамъ же, 551, 566, 584.

⁶⁶) Тамъ же, 551, 552.

⁶⁷) Тамъ же, 525, 526.

⁶⁸) Тамъ же, 582—586.

⁶⁹) Entstehung des deutschen Königthums. 1844 г.

⁹⁶⁾ О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ, Арх. Ист. и Юрид. Свѣд. Калачова, 1855 г., кн. II. Сочиненія, 1866 г. ч. I.

⁹⁷⁾ Взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси, въ соч. Очерк. Внут. Ист. Пскова, введение. 1873 г.

⁹⁸⁾ „Эверсъ, говорить г. Грановскій, начинаетъ вездѣ съ отца семейства, у котораго рождаются сыновья и внуки и такимъ образомъ расширяютъ домашній кругъ; но онъ упускаетъ изъ виду, что семейство до или внѣ государства основано на нравственномъ, а не на юридическомъ законѣ, и потому развиваетъ нравственныя, а не юридическія отношенія. Государства никакъ нельзя вывести изъ семьи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя является вполне только въ государствѣ, отъ котораго она получаетъ нужныя для ея внѣшняго существованія юридическія опредѣленія. Семейство превращается въ государство не влѣдствіе увеличивающагося числа членовъ, а чрезъ духовное уселеніе понятія о правѣ, сознательную или безсознательную волю участниковъ руководствоваться не одною родственною любовью, но еще и гражданскими постановленіями. Такое стремленіе предполагаетъ въ родѣ, а потому мы можемъ назвать его прямо государствомъ; мы знаемъ, что родовая связь часто основана на вымыслѣ, но родовыя отношенія чрезъ это нисколько не слабѣютъ. Такъ какъ внутреннее начало этого союза есть нечто духовное, относящееся къ области воли и договора, то оно также можетъ быть выражено настоящими родственниками, какъ и посторонними, дѣйствующими въ дѣлѣ родства. Вотъ въ чемъ заключается различіе между родовымъ государствомъ и всѣми другими гражданскими союзами. Но не должно думать, что этотъ вымыслъ возникъ изъ потребности сообщить союзу благозвучное имя, торжественное богослуженіе, или неопредѣленное чувство единства; напротивъ, онъ долженъ служить руководительною нитью во всѣхъ отношеніяхъ новаго государства, которое свято чтитъ образецъ свой и не отступаетъ отъ него. Существенный признакъ и законъ родового государства состоитъ въ томъ, что всѣ его гражданскія учрежденія облечены въ формы семейства; отсюда заимствуетъ оно свой характеръ даже тамъ, гдѣ родовые и мѣстные союзы внѣшнимъ образомъ совпадаютъ между собою. Это первый шагъ, означающій въ естественномъ развитіи народовъ пробужденіе политическаго сознанія. Народъ ищетъ соответствующихъ его потребностямъ формъ, и ему прежде всего представляется та, въ которой замкнута была его доисторическая жизнь, — форма семейства. На нее опираются общества, находящіяся въ дѣтскомъ возрастѣ; изобиліе мифовъ, возникающихъ именно на этой почвѣ, очень понятно. Можно сказать, что основная мысль такой системы, принимающей государство за семейство, содержитъ въ себѣ мифическую истину, поэтически прекрасный и глубокий смыслъ; но тѣмъ очевиднѣе становится, по достиженіи высшей ступени, ограниченность этой системы и ея неудовлетворительность для разума. И такъ, сравненіе государства съ семействомъ можетъ быть вѣрно, но понятіе выводящее государство изъ семейства, какъ естественнаго основанія, ложно. Всѣ отношенія, истекающія изъ такого чувства, должны исчезнуть и сокрушиться при первомъ столкновеніи съ развитымъ чисто гражданскимъ порядкомъ вещей, т. е. съ настоящимъ государствомъ. Соединеніе нѣсколькихъ родовъ составляетъ высшее политическое единство“... „Не собственность, говорить авторъ въ другомъ мѣстѣ, а происхожденіе, принадлежность къ роду опредѣляли значеніе лица въ родовой общинѣ. Иностранцу не было въ ней мѣста. Но родовыя связи заключались не въ одномъ кровномъ родствѣ: родъ увеличивался не чрезъ народженіе

только. Въ составъ его можно было вступать извнѣ, посредствомъ усыновленія или брака. Приобщенный посредствомъ брака или другимъ образомъ къ чуждой ему дотолѣ общинѣ инородецъ становился ея родичемъ, потомкомъ ея родоначальника. Вымышленное, искусственное родство заступало мѣсто кровнаго. Родина германца заключалась не въ данной мѣстности, а въ родѣ его, она была подвижная; не мѣстность сообщала название роду, поселившемуся въ ней на болѣе или менѣе долгій срокъ, а наоборотъ". Сочиненія, ч. I, с. 146, 147, 142.

„Какъ бы разнообразны ни были мнѣнія, говорить г. Никитскій, которыя возникали въ средѣ науки относительно древнѣйшаго быта на Руси, какъ бы значительно не удалялись они одно отъ другаго, къ какимъ бы страннымъ слѣдствіямъ не приводили эти мнѣнія, для всѣхъ партій представленіе о родѣ, какъ естественномъ, кровномъ явленіи, было несомнѣннымъ; всѣ партіи сходились въ томъ, что подъ семьей нужно разумѣть отца семьи съ его исходящими, тогда какъ подъ родомъ и боковыхъ родственниковъ съ ихъ исходящими, и такимъ образомъ второстепенный, случайный признакъ возводили на степень характеристическаго, существеннаго... Родъ образуется не чрезъ умноженіе числа людей, не чрезъ естественное размноженіе семьи, приобретающей все новыхъ и новыхъ членовъ и расширяющей затѣмъ, сообразно съ новыми потребностями, свой бытъ; напротивъ, родъ создается посредствомъ фикціи, распространяющей узы родства и на постороннія лица. Цѣль подобной фикціи заключается не въ томъ, чтобы новому обществу дать благозвучное имя, торжественное богослуженіе и неопредѣленное чувство общности, а въ томъ, чтобы съ помощію ея получить руководную нить для организациі всѣхъ новыхъ общественныхъ отношеній. Иначе, если въ родѣ вся жизненная дѣятельность и облекается въ формы семьи, тѣмъ не менѣе, такое общество столь же трудно счесть за естественный продуктъ, въ противоположності съ юридической или политической общиной, какъ трудно видѣть естественное явленіе въ мѣстной общинѣ. Семья превращается въ родъ единственно лишь тѣмъ, что она уже перестаетъ довольствоваться физическими и нравственными отношеніями и въ мѣстѣ съ тѣмъ приобретаетъ сознание о юридическомъ или политическомъ принципѣ жизни и сообщаетъ этому принципу обязательное или объективное значеніе. Поэтому получаемая чрезъ усиленіе юридическаго сознания новая общественная единица, родъ, есть ничто иное, какъ государство. Родовое или патриархальное государство, такимъ образомъ, основывается не на территориальномъ или мѣстномъ принципѣ, а кровномъ, причемъ территориальный занимаетъ только второстепенное мѣсто, съ другой же стороны, придаетъ кровному принципу не столько дѣйствительное, сколько фиктивное, мифическое значеніе. Основаніе роду, какъ уже раньше замѣчено, полагается сознаніемъ о юридическомъ или политическомъ принципѣ и сообщеніемъ этому принципу объективнаго значенія, т. е. замѣною правилъ родственной любви политическими учрежденіями. Разница между родовымъ государствомъ и государствомъ высшей формациі въ отношеніи учреждений заключается въ томъ, что въ первомъ политическое стремленіе, политическое зерно, не выражается въ особенныхъ органахъ, а во всемъ кругѣ своей дѣятельности довольствуется средствами и формами, представляемыми семьей... Родовой бытъ основывался собственно на двойной фикціи, или лучше, на фикціи двойнаго родства: во первыхъ, членовъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ между собою, а затѣмъ уже представителей родовъ, родоначальниковъ. На основаніи перваго родства создавался собственно

простой родъ, на основаніи втораго высшаго родового единицы. Вторая патриархальная единица отличается тѣми же чертами, какъ и простая патриархальная ячейка, т. е. простой родовой союзъ. И здѣсь форма государства была монархическою, власть сосредоточивалась въ рукахъ князя, сущность же тѣмъ не менѣе оставалась демократическою, такъ какъ народное собраніе являлось источникомъ всякой власти. Внутренняя Исторія Пскова, с. 7, 10, 11, 12, 30, 43 и 44.

Въ направленіи теоріи искусственнаго родового быта древнерусскихъ Славянъ, кромѣ г. Пикитскаго, высказался въ повѣйшей литературѣ г. Хлѣбниковъ, въ его сочиненіи „Общество и государство въ домонгольской періодъ“. Впрочемъ, понятіе искусственнаго рода оставлено г. Хлѣбниковымъ безъ опредѣленій. „Карамзинъ, говоритъ онъ, не зналъ о существованіи искусственныхъ родовъ, какъ первой политической организаціи“; „если мы возьмемъ за точку отправленія организацію Славянъ VI вѣка, то и здѣсь мы увидимъ уже не естественныя, но искусственныя роды“. Эти и подобныя имъ выраженія доказываютъ, что авторъ примыкаетъ къ теоріи искусственнаго рода, какъ первоначальной формы политической организаціи вообще и первоначальной формы политическаго быта русскихъ Славянъ въ частности. Но что такое искусственный родовой бытъ? Чѣмъ онъ отличается отъ естественнаго родового быта и быта общиннаго? Какими началами обусловливается его существованіе? Въ отвѣтъ на эти вопросы не находимъ у автора теоретическихъ разсужденій. „Если мы находимъ, говоритъ онъ, въ тотъ или другой вѣкъ, нѣкоторые признаки родового быта, то по этимъ признакамъ еще нельзя заключать о существованіи въ это время цѣльныхъ формъ родового быта (?) Эти признаки говорятъ только о томъ, что родовой бытъ и тогда существовалъ, но не болѣе и изслѣдователю предстоитъ розыскать, какимъ образомъ измѣнялись у даннаго народа первичныя родовыя формы“. Но въ чемъ же выражаются цѣльныя формы родового быта и первичныя родовыя формы? Понятіе г. Хлѣбникова о родовомъ бытѣ представляется намъ тѣмъ болѣе, неопредѣленнымъ, что онъ, объявивъ себя послѣдователемъ теоріи искусственнаго рода и касаясь ученій гг. Соловьева и Эверса, въ отношеніи перваго выражается такъ: „представленія Соловьева о родовой организаціи племенъ темны и сбивчивы; онъ, какъ мнѣ кажется, понималъ подъ родомъ чисто естественный родъ“; а въ отношеніи втораго: „понятіе Эверса о первоначальномъ политическомъ устройствѣ совершенно вѣрно, хотя онъ не дѣлаетъ изъ него дальнѣйшихъ выводовъ въ отношеніи русской исторіи“. Но по характеру ученій и по всеобщему признанію ученой критики, Эверсъ и Соловьевъ принадлежать къ одному направленію. Общество и государство, 1872 г. с. XXII, 1, 2, 12—14.

⁹⁹⁾ Сочиненія. I, с. 131.

¹⁰⁰⁾ Тамъ же, с. 141, 152.

¹⁰¹⁾ „Въ древней Руси родовой союзъ, о которомъ неоднократно свидѣтельствуя первыя страницы лѣтописи имѣлъ не кровное, а фиктивное значеніе, въ этомъ всего лучше убѣждаютъ насъ существованіе вымышленныхъ родоначальниковъ, подобныхъ Кію, Радиму и Вятку, отъ которыхъ вели свое происхожденіе древнерусскіе роды и племена“. Внутр. Ист. Пскова., стр. 8.

¹⁰²⁾ „Сравнительная исторія, блестящую будущность которой можно

омѣло предсказать, не будучи пророкомъ, показываетъ, что въ предѣлахъ индо-европейской отрасли народовъ родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ, кромѣ лицъ связанныхъ между собою узами родства, и постороннихъ членовъ“. Тамъ же, с. 6.

¹⁰³⁾ Исторія Славянъ представляетъ такія несомнѣнные доказательства существованія фиктивныхъ семействъ еще въ XV ст., какія въ соотвѣтственной ясности и полнотѣ врядъ ли найдутся въ исторіи другихъ европейскихъ народовъ“. Тамъ же, с. 8.

¹⁰⁴⁾ „Первоначальному обществу было чуждо всякое представленіе о какой либо иной связи между людьми, кромѣ родственной; древнѣйшей цивилизаціи была совершенно непонятна мысль о возможности имѣть общія дѣла единственно на основаніи простаго мѣстнаго сожительства, мысль такъ легко доступная для человѣка новѣйшаго времени“. Тамъ же, с. 5.

¹⁰⁵⁾ Въ родовомъ бытѣ всѣ общественныя дѣла определяются не принадлежностью членовъ общества къ извѣстной мѣстности, къ извѣстному округу, а единственно принадлежностью къ извѣстному роду. Второстепенное значеніе территоріальнаго или мѣстнаго принципа особенно ярко высказывается съ одной стороны въ преобладаніи патронимическихъ именъ, какъ на примѣръ, Кривичи, Дреговичи, Ватичи, Радимичи, Увѣтичи, Хвалимичи, въ названіяхъ племенъ и поселеній и въ отсутствіи именъ топическихъ, мѣстныхъ; съ другой же въ кочеваніи населенія, положившемъ основаніе тому явленію среднихъ вѣковъ, которое извѣстно каждому подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Въ этотъ періодъ цивилизаціи отдѣльные народцы, хотя и знаютъ уже мѣсто жительства и родину, но не прикованы къ ней и легко оставляютъ ее, особенно при скоромъ истощеніи воздѣлываемыхъ полей, что обусловливалось низкимъ состояніемъ земледѣлія“. Тамъ же, с. 9.

¹⁰⁶⁾ Тамъ же, с. 28, 29.

¹⁰⁷⁾ Тамъ же, с. 20, 21, 25, 30.

¹⁰⁸⁾ Тамъ же, с. 32, 33 и слѣд.

¹⁰⁹⁾ Тамъ же, с. 37—40.

¹¹⁰⁾ Тамъ же, с. 40—43.

¹¹¹⁾ Тамъ же, с. 50.

¹¹²⁾ Тамъ же, с. 53.

¹¹³⁾ См. *Рейца*: Опытъ Ист. Рос. Госуд. и Гражд. Законовъ; стр. 5.

Шафарика: Слав. Древн.; т. I, кн. II, с. 419. *Погодина*: Исслѣд. Зам. и Лек.; т. II, стр. 391.

¹¹⁴⁾ *Временникъ Моск. Общ. Ист и Древ. Рос.* 1850 г., кн. VIII.

¹¹⁵⁾ Тамъ же, с. 5, 30.

¹¹⁶⁾ Тамъ же, с. 8.

¹¹⁷⁾ Тамъ же, с. 10.

¹¹⁸⁾ Тамъ же, с. 32.

¹¹⁹⁾ Тамъ же, с. 12.

¹²⁰⁾ Тамъ же, с. 29, 30.

¹²¹⁾ Тамъ же, с. 34—38.

¹²²⁾ Тамъ же, с. 49.

¹²³⁾ Тамъ же, с. 52, 53.

¹²⁴⁾ Тамъ же, с. 56, 73.

¹²⁵⁾ Въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ послѣ появленія критики Аксакова, направленной противъ родовой теоріи, Бѣ-

лишь высказывается уже въ смыслъ общиннаго быта всѣхъ племенъ русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, за исключеніемъ Полянъ „Славяне, говоритъ онъ, по своему шаткому, ненадежному положенію на чужой землѣ, могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзы и общины, въ которыя дозволялось поступать всякому и чужеродцу, лишь бы кто самъ пожелалъ вступить въ общину и защищать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; такимъ только образомъ, при такихъ условіяхъ общинной жизни, Славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россію... Кажется, одни только Поляне пользовались такимъ положеніемъ, которое позволяло имъ довольно долго оставаться въ родовомъ бытѣ, по крайней мѣрѣ, о нихъ однихъ свидѣлствуютъ лѣтописи“. Разказы изъ Рус. Исторіи 1861 г., кн. I, с. 6 и 7.

¹²⁶⁾ Вр. М. О. И. и Д. Р. 1850 г. кн. VIII, с. 53, 78, 101.

¹²⁷⁾ Московскій Сборникъ. 1852 г. N. 1 Сочиненія, т. I.

¹²⁸⁾ Содержаніе изслѣдованія Аксакова, направленнаго къ опроверженію родовой теоріи и къ доказательству общиннаго быта древнерусскихъ Славянъ выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ. Просвѣщеніе западное, говоритъ авторъ, вошло къ намъ не съ общечеловѣческимъ значеніемъ, а съ національностію и притомъ еще чуждою. Нѣмцы первые стали объяснять русскимъ ихъ исторію. Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Эверсъ, не принадлежа къ народу, не имѣя съ нимъ жизненной связи принялись толковать его жизнь. Русскіе сами, получивъ иностранное воззрѣніе, смотрѣли также не по русски на свою исторію, какъ и на все свое. Ломоносовъ, въ природѣ котораго, впрочемъ, болѣе другихъ проявились русскія движенія, Карамзинъ и другіе изображали русскую исторію, такъ, что въ ней русскаго собственно ничего не было видно. Но дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями и грамотами, по бытѣ простаго народа сохранившійся въ своей тысячелѣтней оригинальности, подѣйствовали наконецъ на взгляды нашихъ ученыхъ и желаніе понять русскую исторію настоящимъ образомъ, желаніе самобытнаго воззрѣнія пробудилось.. Желаніе самостоятельнаго пониманія, воззрѣніе бытовое высказалось (печатно) преимущественно въ новомъ поколѣніи ученыхъ и болѣе въ профессорѣ русской исторіи г. Соловьевѣ. Но желаніе не есть достиженіе, и г. Соловьевъ съ его послѣдователями все таки послѣдователь другаго нѣмца Эверса. Такимъ образомъ и въ наше время, не смотря на измѣненія въ мірѣ науки, на стремленіе русскихъ ученыхъ взглянуть самобытно и свободно на свою исторію, все таки господствуютъ два направленія, данныя иностранцами: направленіе Шлецера и направленіе Эверса... Взглядъ г. Погодина на участіе Норманновъ въ русской исторіи давно извѣстенъ. На очереди находится другое, обозначенное нами направленіе, которое, по новости, по числу послѣдователей, по разнообразію приложенія своихъ взглядовъ заслуживаетъ вниманія“. Тамъ же, с. 59—61.

Давно высказанное, продолжаетъ авторъ, мнѣніе Эверса о родовомъ бытѣ древнихъ Славянъ недавно поднято молодыми учеными. Но надобно признаться, что ни одинъ изъ этихъ новыхъ ученыхъ не опредѣлилъ настоящимъ образомъ, что такое родовой бытъ. Они довольствуются тѣмъ значеніемъ, какое придается ему въ общественномъ разговорѣ; вмѣсто родовой употребляютъ они слово патріархальный, также не опредѣлявъ этого слова и также довольствуясь тѣмъ, что смыслъ его извѣстенъ. Но общественное пониманіе не должно быть достаточно для науки. Какъ бы

то ни было, читателю, желающему дать себѣ вѣрное научное пониманіе, приходится самому изъ словъ поборниковъ родового быта извлекать положенія, и такимъ образомъ, привести въ настоящую ясность ихъ мнѣнія, дабы потомъ можно было понять оное и, если можно, возразить. Хотя это мнѣніе нигдѣ не высказалось опредѣленно и научно, но оно чувствуется и слышится вездѣ и извлечь его можно. Постараемся это сдѣлать за поборниковъ родового быта. Тамъ же, с. 61, 62.

Загѣмъ, авторъ анализируетъ мнѣнія о родовомъ бытѣ, высказанныя гг. Соловьевымъ, Кавелинымъ, Калачовымъ, Афанасьевымъ, старается опредѣлить понятіе родового быта и приходитъ къ слѣдующему заключенію: родовой бытъ есть состояніе общества напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны семью, съ другой гражданственность. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія: родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ. Семья и родъ, семейное и родовое начала не только не одно и тоже, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родового или патріархальнаго, или же оно находится на слабой степенн. Патріархальное и семейное начала образуютъ двѣ противоположности, хотя, повидимому, истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу. Тамъ же, с. 78, 79.

„Родовой бытъ, продолжая авторъ, былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, все народы, но одни только прошли черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали его. Теперь обратимся къ Славянамъ. Былъ ли родовой бытъ у Славянъ? Былъ ли онъ для нихъ ступенью, черезъ которую они только прошли, или же онъ у нихъ продолжался нѣкоторое время? Можемъ ли мы только предполагать, что онъ былъ когда-то, единственно опираясь на убѣжденіе, что всемъ народамъ слѣдовало черезъ него пройти или же есть на то какія нибудь историческія данныя, до насъ дошедшія“. Тамъ же.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Аксаковъ старается доказать, что историческія данныя, начиная съ византійскихъ писателей VI и VII вѣковъ и оканчивая позднѣйшими славянскими памятниками, представляютъ всехъ Славянъ въ общинномъ бытѣ, а не родовомъ, что историческія свидѣтельства, приводимыя въ доказательство родового быта древнихъ Славянъ, невѣрно поняты г. Соловьевымъ и его послѣдователями.

Приведемъ главнѣйшіе аргументы автора.

Маврикій, сказавъ, что у Славянъ много царьковъ, говоритъ въ то же время, что они не терпятъ никакого повелителя, также, что ихъ невозможно никакимъ образомъ склонить къ рабству или повиновенію. Прокопій говоритъ, что Славяне не повинуются одному мужу, но изпачала живутъ при народномъ правленіи, что у нихъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. Адамъ Бременскій говоритъ о Славянахъ, что они не терпятъ у себя господина или повелителя. Дитмаръ Мерзебургскій, повѣствуя о вѣчахъ Лутичей, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Прокопій, говоря, что они не повинуются одному, а все совѣщаются о дѣлахъ своихъ, прибавляетъ, что дѣла рѣшались единогласіемъ, которое было необходимо. „Все это достаточно говорить въ пользу общиннаго быта древнихъ Славянъ и сверхъ того быта вѣчеваго. Картина знакомая русскому. Передъ нами

выступаетъ въ самомъ отдаленномъ времени общинное устройство, знакомая сходка и знакомое единогласіе. Тамъ же, 79—83.

Чешская пѣсня „Судъ Любуши“ приводитъ къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ мнѣнію о родовомъ бытѣ: 1. споръ идетъ о семейномъ наследствѣ; 2. древній обычай указываетъ на семейное устройство; 3. владыки были избраны отъ семействъ; 4. снемъ или сходка называется народомъ. дѣйствуетъ свободно и съ полнымъ равенствомъ, ясно обнаруживаетъ общественное устройство, представляемое самостоятельную общиною и княземъ. На основаніи этой пѣсни мы видимъ, что родового устройства у Славянъ не было, а были семья и община. Тамъ же, 83—87.

Исслѣдованіе Губе о наследственномъ правѣ у Славянъ открываетъ, что у древнихъ Славянъ имущество принадлежало всему семейству. Не значило ли это всему роду? Нѣтъ: имѣніе считалось выморочнымъ, какъ скоро не было дѣтей, и переходило къ князю или вообще къ правителю. Вислѣдствіи времени, *подолье* стало оно переходить, какъ выморочное, къ родственникамъ и потомъ уже какъ наследство. Родовое наследство образовалось поздно, вслѣдствіе распоряженій правительства. Исслѣдованія Губе доказываютъ, что рода у древнихъ Славянъ не было, а была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Тамъ же, 88—92.

Обращаясь къ анализу свидѣтельствъ начальной русской лѣтописи, послужившихъ основаніями теоріи родового быта древне-русскихъ Славянъ. Аксаковъ находитъ, что слово *родъ* въ свидѣтельствахъ лѣтописи имѣетъ различныя значенія, а въ извѣстіи о древнемъ бытѣ Полянъ оно означаетъ простую семью, а не родъ въ смыслѣ теоріи послѣдователей Эверса. Тамъ же, с. 94—100.

Наконецъ, Аксаковъ приводитъ рядъ историческихъ свидѣтельствъ въ доказательство существованія у древнерусскихъ Славянъ семьи и общины. По Русской Правдѣ, говоритъ онъ, наследство смерда, какъ скоро у него нѣтъ дѣтей, переходитъ къ князю, считается, слѣдовательно, выморочнымъ; если нѣтъ сыновей, а есть дочери, то дочерямъ незамужнимъ выдается часть. Наследство послѣ боярина князю не идетъ, но если не будетъ сыновей, то возьмутъ дочери. Это свидѣтельство ясно указываетъ на семью и опровергаетъ родовую бытъ. Родовыя права на наследство были даны у насъ, какъ и у другихъ Славянъ, въ позднѣйшее время, и даны правительствомъ. Призваніе Рюрика было дѣйствіемъ народной воли; это заставляетъ предполагать бытъ народный, общинный. Въ договорахъ съ Греками посольство правится отъ великаго князя, князей, бояръ, купцовъ и отъ всей земли: бытъ вполне общественный, котораго вдругъ завести нельзя. Древляне, *сдумавши* съ княземъ своимъ Маломъ (а не князь самъ по себѣ), убиваютъ Игоря. Древляне (то есть народъ) говорятъ: возьмемъ Ольгу за нашего князя Мала. Любопытно здѣсь, что и познѣе встрѣчаемъ совершенно подобное обстоятельство: Новгородцы женятъ своего князя: „о жениша Новгородцы Мстислава Гюргевича и поаша зань Петровну“. Древляне же посылаютъ лучшихъ мужей къ Ольгѣ. Мужи эти, пришедши къ Ольгѣ, говорятъ: „посла ны Деревска земля“. И такъ, древлянскій бытъ есть бытъ чисто общинный, а конечно это бытъ еще дорюриковскій. Въ высшей степени замѣчательныя и важныя слова: „Новгородцы бо изначала и Смоленяне и Кыяне и Полочане и вся власти (волости, земли) якоже на думу на вѣча сходятся, на что-же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть“,—лѣтопись прямо указываетъ на общинное устройство во всей русской землѣ. Тамъ же, с. 104—106, 112—114, 122.

Авторъ приводитъ еще нѣсколько свидѣтельствъ, по его мнѣнiю, доказывающихъ общинный бытъ русскаго народа въ древности и заключаетъ свое изслѣдованiе слѣдующимъ выводомъ: „русской земля изначала паименѣ патриархальная, наиболѣ семейная и приболѣ общественная (именно общинная) земля“. Тамъ же, с. 121.

¹²⁹⁾ Тамъ же, с. 78.

¹³⁰⁾ Тамъ же, с. 92, 93.

¹³¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1856 г. N 9. Русскiй народъ и государство, с. 90—144. изд. 1858 г.

¹³²⁾ Рус. Нар. и Госуд. с. 90.

¹³³⁾ Тамъ же, с. 93—97.

¹³⁴⁾ Тамъ же, с. 107, 109, 111, 117, 119.

¹³⁵⁾ Тамъ же, с. 103 и 117.

¹³⁶⁾ Тамъ же, с. 119, 123, 132, 133.

¹³⁷⁾ Тамъ же, с. 123—128.

¹³⁸⁾ Тамъ же, с. 128—134.

¹³⁹⁾ Тамъ же, с. 97, 133.

¹⁴⁰⁾ Тамъ же, с. 129.

¹⁴¹⁾ Тамъ же, с. 95.

¹⁴²⁾ Тамъ же, с. 120, 122.

¹⁴³⁾ Тамъ же, с. 131, 132.

¹⁴⁴⁾ Тамъ же, с. 135.

¹⁴⁵⁾ Тамъ же, с. 92.

¹⁴⁶⁾ Тамъ же, с. 135—138.

¹⁴⁷⁾ Смотри: Костомарова: Начало единодержавiя въ древней Руси, с. 8, 27, 28 и др.; въ Вѣсти. Евр. 1870 г., т. VI. Сергѣевича: Вѣче и князь; изд. 1867 г. с. 1, 2, 44 и др. Градовскаго: Госуд. строй древ. Рос. с. 104, 122 и др., въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1868 г. октябрь. Владимiрскаго-Буданова: Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, IV. Шпилевскаго: Союзъ родовъ, защиты у древ. Герман. и Слав. 1866 г., с. 3, 7 и др.

¹⁴⁸⁾ Slov. právo v Cechách a na Moravě, над. 1863.

¹⁴⁹⁾ Тамъ же, §§. 14, 15.

¹⁵⁰⁾ Тамъ же.

¹⁵¹⁾ „Родовая дѣдина, продолжаетъ авторъ, не принадлежала только настоящимъ членамъ рода, но и будущимъ. Къ наследникамъ она переходила безъ отказа, безъ завѣщанiя, по обычному порядку. Если умиралъ господарь, оставшіеся члены общины владѣли имуществомъ вмѣстѣ, выбирая себѣ изъ рода другаго владыку. Дѣдина управлялась обычаями, которые дѣйствуютъ относительно общины. Начальникомъ въ родовой общинѣ былъ владыка, господарь, старѣйшина или призванный къ тому естественнымъ авторитетомъ, потому что его признавалъ начальникомъ весь родъ, или выбранный родомъ. Со старѣйшинствомъ соединялось домашнее богослуженiе. Каждый членъ рода имѣлъ право требовать содержанiя изъ доходовъ дѣдины и не было неимущихъ бѣдныхъ въ народѣ. Что-же зарабатывали или приобрѣтали отдѣльные члены рода своею личною работою, а также, что жена приносила своему мужу въ видѣ приданого, одежда, посуда, домашняя утварь, скотъ оставалось личнымъ имуществомъ отдѣльныхъ членовъ. Женщины, вышедшия замужъ, получали въ приданое только движимыя вещи. Если родъ дѣлялся очень многочисленъ, такъ что не имѣлъ возможности содержать себя своею дѣдиною, то часть его

отдѣлялась съ новымъ владыкою и, высклавъ себѣ новое жилище, основывала новую дѣдину, что при множествѣ удобной земли легко было возможно. Выселенцы получали, вѣроятно, отъ стараго рода къ основанію новаго поселенія потребную утварь, часть скота и посуды. Существовалъ обычай, что родъ, какъ единое цѣлое, долженъ владѣть дѣдиною сообща, то есть, что имущество должно оставаться въ нераздѣльномъ общемъ владѣніи. Однако и раздѣлъ не противорѣчилъ древнему праву; онъ допускался, но только такимъ образомъ, что дѣлившіеся должны были раздѣлить дѣдину по равнымъ частямъ. За смертью мужчинъ въ родѣ, женщины дѣлались наследницами въ родовомъ имѣніи, передавали его своимъ дѣтямъ и тѣмъ сохраняли въ своемъ родѣ. Тамъ же, §. 28.

К. Иречекъ въ недавно изданномъ сочиненіи „Исторія Булгарь“ почти буквально повторилъ воззрѣнія Г. Иречка въ отношеніи началъ первоначальнаго общественнаго строя Славянъ. Южные и сѣверные Славяне, говоритъ онъ, въ основаніи политическаго быта полагали семейные союзы. У Булгарь, Сербовъ и Кроатовъ это учрежденіе сохранилось до настоящаго времени въ первоначальномъ видѣ. Въ чемъ же состоитъ этотъ семейный союзъ (семейная община, задруга)? Это общество, въ которомъ лица одного родового происхожденія или же соединенные родственными связями живутъ подъ управленіемъ одного избраннаго старшины (по сербски-старѣйшина, старо-чешски — староста, владыка, болгарски — дядо, доманикъ), вѣсть работаютъ и ведутъ свое хозяйство. Существуютъ роды въ 60 человекъ, Ист. Булгарь, гл. IV §. А.

¹⁵²⁾ Русская Исторія Бестужева-Рюмина, 1872 г. с. 35—40.

¹⁵³⁾ Тамъ же, с. 40—48.

¹⁵⁴⁾ Тамъ же, с. 48—53

¹⁵⁵⁾ Тамъ же, с. 6, 7.

¹⁵⁶⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1867 г. N 4.

¹⁵⁷⁾ Тамъ же, с. 1, 5.

¹⁵⁸⁾ Тамъ же, с. 17. „На первыхъ порахъ, продолжаетъ авторъ, послѣ выдѣленія семей и разложенія родового быта, съ его чисто кровными патриархальными отношеніями и порядками, въ понятіе задруги могъ входить только союзъ семьи въ строгомъ смыслѣ. Условія общежитія должны были повести къ расширенію старой чисто семейной задруги, подчинить ее вліанію новыхъ элементовъ — общинныхъ. Въ эту пору исторія и застаётъ славянскія верви и задруги. Это не простыя семьи; въ нихъ преобладаетъ прежде всего общинный характеръ отношеній. Верви и задруги представляютъ собственно переходную ступень къ чисто-общиннымъ формамъ жизни. Принявъ въ себя элементы, чуждые семьѣ, коренясь отчасти въ отношеніяхъ договорныхъ, задруга отодвинула на второй планъ связи кровныя, патриархальныя. Какъ автономическій союзъ лицъ, живущихъ на одной племенщинѣ по началамъ самоуправленія, задруга незамѣтно обличался съ общиною въ чистомъ ея видѣ, приняла начало равенства своихъ членовъ за основу всего своего устройства, — начало, рѣшительно чуждое старому родовому быту съ абсолютнымъ главенствомъ родоначальниковъ.

¹⁵⁹⁾ Тамъ же, с. 18.

¹⁶⁰⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1874 г. Июнь, Июль и Августъ.

¹⁶¹⁾ Тамъ же, Июнь, с. 201.

¹⁶²⁾ Тамъ же, Июль, с. 127.

¹⁶³⁾ Тамъ же, с. 127—131.

¹⁶⁴⁾ Тамъ же, с. 145, 147—149.
¹⁶⁵⁾ Тамъ же, Августъ, с. 199—203.
¹⁶⁶⁾ Тамъ же, с. 200, 205 и слѣд.
¹⁶⁷⁾ Тамъ же, с. 213 и слѣд.
¹⁶⁸⁾ См. выше воззрѣнія Рейца.
¹⁶⁹⁾ См. выше воззрѣнія Бѣляева.
¹⁷⁰⁾ Библиотека для чтенія, 1849 г., N XI, стр. 55—60, 72.
¹⁷¹⁾ Союзъ Родств. Защиты соч. Сергѣя Шпилевского, 1866 г. с. 3 и 4.
¹⁷²⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древ. Рос. при Моск. Унив. 1873 г. к. I.
¹⁷³⁾ Уже въ V столѣтіи до Р. X., говоритъ авторъ, на сѣверномъ берегу Чернаго моря мы встрѣчаемъ греческіе города: Ольвію, Истрисъ, Месаврію, Одиссонъ, Аполлонію, Корканитисъ, Борисоенъ и др. Въ первомъ столѣтіи по Р. X. всѣ возвышенныя мѣста на берегахъ Чернаго моря были покрыты греческими городами. Въ эпоху Р. X. и первыхъ вѣковъ по Р. X. въ юговосточныхъ частяхъ нынѣшней европейской Россіи встрѣчаемъ многіе города, населенные выходцами съ востока свиреями, магометанами, индами, каковы: Атель или Балангіаръ, Хаммендисъ, Бендшеръ, Семендеръ, Сарай Аскудь, Саксомъ, Абескуль и т. д. Поселенія юговосточныхъ народовъ осѣдлаго состоянія простирались далеко на сѣверо-востокъ, почти до береговъ Ледовитаго моря. Сюда относятся города востока и сѣверо-востока Россіи, извѣстные въ источникахъ подъ названіемъ городовъ Біарміи или Перміи, города Болгарскіе и города югорскіе. Задолго до половины IX вѣка на юго-восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря были поселенія, основанныя выходцами изъ Скандинавіи, каковы: Гельмгартъ, Альдегорбъ, Зеебургъ, Апуліенъ, Оденпе, Варболе, Герсике, Кеси и др. Рядомъ съ движеніемъ осѣдлаго населенія на восточную равнину Европы съ юга и сѣверо-запада является движеніе съ запада. Еще до Р. X. Римляне, распространяя владычество свое за предѣлами Італіи, вступили въ борьбу съ варварскимъ населеніемъ сѣверо-восточной Европы. Въ первый разъ дѣятельность римскаго народа коснулась предѣловъ восточной Европы во время войны съ Митридатомъ за 65 лѣтъ до Р. X., когда римскіе воины покорили сѣверные берега Чернаго моря и стали заводить свои поселенія въ южныхъ степяхъ современной Россіи. Спустя около двухъ сотъ лѣтъ была покорена Дакія императоромъ Траяномъ. Римляне населили города Дакіи романизовавшимся населеніемъ и возвели на сѣверо-восточныхъ границахъ вновь покоренной страны, свои укрѣпленія. Со временъ императора Авреліана, обуреваемые внутренними волненіями, Римляне вынуждены были бросить свои владѣнія на лѣвомъ берегу Дуная; но римское вліаніе не осталось безъ послѣдствій для народовъ восточной Европы. Всѣ кочевые и бродячіе народы этого края, остановленные въ своемъ поступательномъ движеніи на югъ римскими легіонами и римскими поселеніями, волей—неволей, оставаясь постоянно на однихъ мѣстахъ, изъ кочеваго и бродячаго состоянія обратились въ полусѣдлое состояніе, и въ этомъ новомъ видѣ стали по частямъ небольшими отрядами, возвращаться обратно на сѣверо-востокъ Европы. Тамъ же, с. 1—5⁰.

¹⁷⁴⁾ Тамъ же, с. 8—13.

¹⁷⁵⁾ Тамъ же, с. 13—31.

¹⁷⁶⁾ Тамъ же, с. 31—36.

¹⁷⁷⁾ Тамъ же, с. 36—45.

¹⁷⁸⁾ Тамъ же, с. 45—48.

¹⁷⁹⁾ Тамъ же, с. 49.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1) *Исторія Россійская*; введеііе, с. V, VI, XXIII и XXIV.

2) Тамъ же, с. 468.

3) Тамъ же, с. VIII—X.

4) „Слѣдуя библіи, говорить Татищевъ, должно признать, что всѣ народы произошли отъ Ноя и сыновъ его; но я сомнѣваюсь, чтобы возможно было сказать въ настоящее время отъ котораго изъ сыновей Ноя произошелъ тотъ или другой изъ современныхъ европейскихъ народовъ. Историки библію, какъ *Ковсеръ Милитрисы* употребляютъ и на все, что только хотять, натягиваютъ; если хотя мало подобное названію того или другаго народа имя въ библіи находили, то его за патріарха того народа почитали, а когда подобнаго имени не доставало, то подобное слово еврейское или сирійское за имя челоуѣка принимали, а за недостаткомъ того и другаго, сами имя нужному имъ патріарху вымышляли; какъ наприимѣръ, Скиѣовъ и Россіанъ производили отъ библейскихъ патріарховъ Скифа и Росса, хотя подобныхъ именъ въ библіи не находится. Скиѣовъ, Россѣ, Мосохъ и Славенъ нашей исторіи столько же сказочныя имена, какъ Кавказосъ, Лѣзгосъ и другіе родоначальники кавказскихъ племенъ, Дурханъ—Турка и Татара—предполагаемые сыны Аѣета, татарской исторіи, Чехъ и Ляхъ—родоначальники польской исторіи“. Тамъ же, с. 71 и слѣд.

5) Тамъ же, с. XXI, 72, 424 и слѣд.

6) „Колико удобность и достатокъ имѣнія моего, говорить Татищевъ, допустили, книги нѣмецкаго и польскаго отъ древнихъ писателей переведенныя собралъ, а нѣсколько съ латинскаго, французскаго и татарскаго прилѣжалъ переводить, и тако собралъ число книгъ болѣе 1000. (Тамъ же, введ. с. XXII). Если бы нарѣчіе и порядокъ древнихъ манускриптовъ перемѣнить, то опасно, чтобы и вѣроятности не погубить; для того я разсудилъ за лучшее писать тѣмъ порядкомъ и нарѣчіемъ, каковыя въ древнихъ находятя, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, не перемѣняя, ни убавляя изъ нихъ ничего, кромѣ ненадлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія святыхъ, чудеса, явленія и пр., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятя; но и тѣ по порядку нѣкоторыя въ концѣ приложилъ. (Тамъ же, с. XXI V). Я не новое и не для увеселенія читающихъ краснорѣчивое сложеніе сочиняю, но отъ старыхъ писателей самымъ ихъ порядкомъ и нарѣчіемъ собиралъ, какъ они положили, а притомъ, если что для изъясне-

нія отъ иноязычныхъ нужно было, то я такъ переводилъ, чтобъ сущій разумъ онаго писателя показать, дабы сущія дѣянія или приключенія ясны и доказательны были, а о сладкорѣчїи и критикѣ не прилежалъ, и какъ въ философїи неучень, для того я всѣ дивныя, чудесныя и не довольно вѣроятныя дѣла мало, или весьма не толковалъ, опасаясь, дабы за недостаткомъ оныхъ наукъ въ чемъ не погрѣшить. Въ-сто же того прилежалъ, чтобъ необходимо въ гражданской исторїи нужныя обстоятельства, т. е. время когда, мѣсто гдѣ и родъ государей или народовъ, о которыхъ говорится, изъяснить; ежели же гдѣ моего мнѣнія или довода какая погрѣшность явится, то надѣюсь, что благоразудный можетъ легко презрѣть, рассуждая, что еще до днесь ни одна исторїя, какою бы она мудрецомъ и въ наукахъ всѣмъ прославившимся сочинена ни была, никогда совсѣмъ, совершенною не являлась, и отъ неученыхъ иногда полезное удучила“. Тамъ же, с. XIV и XV.

7) Тамъ же, с. VI, XV, 542.

8) Шлецеръ: „Татищева все сочиненіе, собственно говоря, есть точное (хотя часто невѣрное) извлеченіе изъ многихъ временниковъ; въ сужденїяхъ и примѣчанїяхъ своихъ приводитъ онъ также часто разное изъ такихъ списковъ, которые только у него были въ рукахъ“. (Несторъ, I, прел., с. VII). „Нельзя сказать, чтобы трудъ Татищева былъ бесполезенъ (выключая 1-й части: о Скифахъ и Сарматахъ и пр.), хотя онъ и совершенно былъ неучень, не зналъ ни слова по латыни и даже не разумѣлъ ни одного изъ новѣйшихъ языковъ, выключая нѣмецкаго“. (Тамъ же, введеніе, с. рма). Полевой: „Татищевъ написалъ собственно сводную лѣтопись; но при изданїи сей книги ее назвали исторїею руссїйскою; не потому ли, что огромная первая часть занята у Татищева выписками о Скифахъ и Сарматахъ“ Ист. Рус. Нар. введ. с. XXXIII.

9) Бестужевъ-Рюминъ: „источники Татищева не всѣ дошли до насъ, а потому нерѣдко онъ подвергался обвиненїямъ въ подлогъ, впрочемъ, совершенно неосновательнымъ“. Русск. Ист., с. 212.

10) См. ниже главу объ источникахъ.

11) См. Татищева Рос. Ист. с. VI, XV, 542: „о власти русскихъ государей довольно ясно изъ древнихъ иностранныхъ и нашихъ исторїй видимъ, что предки наши отъ грекъ именуемые обще Скифы, въ которыхъ Славяне и Сарматы включались, всегда имѣли самовластныхъ государей, какъ Геродотъ и Страбонъ воспоминаютъ, и сіе, по состоянію ихъ, для прїобрѣтенія общей пользы и сохраненія спокойности и безопасности, весьма имъ было нужное и лучшее правительство, которое чрезъ много сотъ лѣтъ непорушимо содержали; а хотя между ними по разнымъ народамъ или областямъ особные государи были, но каждый въ своемъ владѣніи былъ суверейнъ или самовластенъ, какъ вышечисленные греческіе и римскіе писатели о томъ писали, яко же и по нашей исторїи видимъ, что Русь и Поляне въ Кіевѣ особныхъ владѣтелей имѣли... Ломоносова Древ. Рос. Ист. с. 2: „противу мнѣнія и чаянїя многихъ, толь довольно предки наши оставили на память, что примѣняясь къ лѣтописателямъ другихъ народовъ, на своихъ жаловаться не найдемъ причины. Не мало имѣемъ свидѣтельствъ, что въ Россїи толь великой тьмы невѣжества не было, какую представляють многіе вѣстїи писатели. Инако рассуждать принуждены будутъ, снеся своихъ и нашихъ предковъ и сличивъ происхожденіе, поступки, обычаи и склонности народовъ между собою“; с. 8: „множество

и величество городовъ, хотя тогда не таково было, какъ нынѣ, однакоже весьма знатно. Въ російскихъ предѣлахъ великій Новгородъ, Ладога, Смоленскъ, Кіевъ, Полоцкъ паче прочихъ процвѣтали силою и купечествомъ, которое изъ Днѣпра по Черному морю, изъ южной Двины и изъ Невы по Варяжскому въ дальнія государства простиралось, и состояло въ товарахъ разнаго рода и цѣны великой. Межъ другими славенскими селеніями оставилъ по себѣ съ развалинами великую славу пребогатой, купеческій городъ и пристань Винета, при устьяхъ рѣки Одры; разоренъ около помянутыхъ временъ отъ Датчанъ. Сравнивъ тогдашнее состояніе могущества и величества славенскаго съ нынѣшнимъ, едва чувствительное нахожу въ немъ приращеніе. Черезъ покореніе западныхъ и южныхъ Славянъ въ подданство чужой власти и приведеніе въ магометанство, едва ли не послѣдовалъ бы знатный уронъ сего племени передъ прежнимъ; если бы приращенное могущество Россіи съ другой стороны онаго умаленія съ избыткомъ не наполнило. Того ради, безъ сомнѣнія, заключить можно, что величество славенскихъ народовъ, вообще считая, стоитъ близъ тысячи лѣтъ почти на одной мѣрѣ¹². Болтина: Примѣчанія на книгу Леклерка, т. I, с. 306 и 310; , первобытные Россіяне жили въ городахъ. Довольно сего одного въ доказательство о просвѣщеніи русскихъ тогдашняго времени, что жили они по свидѣтельству самаго автора въ городахъ, и слѣдовательно, явче они жили нежели первобытные челоуѣки въ лѣсахъ; для достиженія до состоянія городской жизни потребны многіе вѣка. Отъ рѣки Рейна до моря Балтійскаго не было ни одного города прежде IV вѣка (Corning. Exercit. de urbib. Germ; vol. 1, §§ 25, 27, 31 и др.) У русскихъ гораздо прежде сего времени были многіе и знаменитые города, что свидѣлствуютъ всѣ сѣверные писатели¹³.

¹²) Шлец. Несторъ. Введеніе, отд. II, с. ле. лз, ли, 126, 425, 426.

¹³) Тамъ же, с. 127, 129. См. выше. гл. I, пр. 12.

¹⁴) См. выше возрѣнія Шлецера.

¹⁵) *Савельевъ-Ростиславичъ*: „патріотическія чувства Шлецера увлекли его за предѣлы исторической истины. Какъ патріотъ и какъ житель западной или рейнской Германіи, онъ вѣрилъ и провозглашалъ, что рейнскіе Нѣмцы назначены были судьбою въ обширномъ сѣверо-западномъ мірѣ разсѣять первыя сѣмена просвѣщенія; что Скандинавы съ помощію только рейнскихъ Нѣмцевъ начали мало по малу дѣлаться людьми, а наша русская земля, до прибытія мнимыхъ Шведовъ была забыта отъ Отца челоуѣчества, ибо туда, въ суровый сѣверо-восточный сѣверъ, за величайшею отдаленностію, не приходилъ еще ни одинъ нѣмецъ; грубые Славяне жили разсѣянно на безмѣрномъ пространствѣ земли, безъ всякаго сношенія и были возбуждены отъ этой блаженной для получеловѣка безчувственности страданіемъ отъ нападенія дерзкой шайки разбойниковъ и тутъ только стали они рассуждать“ Опровергать всѣ эти мнѣнія, порожденныя единственно рейнскимъ патріотизмомъ, кажется, въ наше время уже дѣло излишнее. Многіе говорятъ: „Шлецерь объяснилъ Нестора; противорѣчить Шлецеру, значитъ противорѣчь нашей собственной древнѣйшей лѣтописи“. Однакожъ это мнѣніе несправедливо, потому что Шлецерь, объясняя Нестора, во многомъ ошибался и особенно противорѣчилъ ясному свидѣтельству преподобнаго Нестора во всемъ томъ, гдѣ касалось дѣло до взгляда на русскую древность“. Варяжская Русь, с. 23, 24 и 41. Бутковъ: „если мы пристальнѣе всмотримся въ намѣреніе Шлецерова, можемъ безошибочно угадать,

что перомъ сего писателя управляло предубѣжденіе, будто наши Славяне въ бытѣ своемъ ничѣмъ не одолжены самимъ себѣ, а все шведскимъ рослагенцамъ“. *Обор. Лѣт. Рус. Нес.*, с. 5. Классень: „подозрѣнія могутъ рождаться отъ многихъ причинъ, иногда просто неосновательныхъ, а иногда даже и грѣшныхъ, порожденныхъ не съ чистымъ намѣреніемъ оправдать истину и заклеймить ложь, но чтобы унижить одинъ народъ и возвысить другой. Такова была и критика Шлецера. И не смотря на то, Шлецеръ почитается еще многими за корыфея въ русской исторіи. Шлецеръ внесъ въ нашу отечественную исторію ложный свѣтъ въ самомъ началѣ ея. Если Шлецеръ дѣйствительно не понавѣлъ русскихъ лѣтописей, то онъ слѣпецъ, напыщенный германскою недовѣрчивостью къ самобытности русскихъ государей во времена дорюриковскія; но если онъ проникъ сущность сказаній и отвергъ таковыя единственно отъ того, чтобы быть вѣрнымъ своему плану, то онъ злой клеветникъ“. *Нов. Мат. для Древ. Ист. Слав.*, изд. 1854 г. т. I, с. II.

¹⁶⁾ Шлец. *Несторъ*, Напом. с. 1—3; Предув. с. XXIII и др.

¹⁷⁾ Количество источниковъ познанія древнѣйшаго періода исторіи Славянъ вообще и русскихъ Славянъ въ частности не увеличено Шлецеромъ, а сокращено до такой степени, что изъ множества сочиненій, которыми пользовались ученые школы Татищева при изученіи исторіи русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, Шлецеромъ признаны только девять начальныхъ страницъ древнѣйшей русской лѣтописи и три страницы изъ сочиненій Иорнанда и Прокопія. Заявленное Шлецеромъ его знакомство со многими рукописными и печатными списками Нестора также очень сомнительно. Сличеніе текста начальной русской лѣтописи, изданнаго Шлецеромъ, будто бы по 13 *рукописнымъ* и печатнымъ спискамъ съ текстами списковъ той же лѣтописи, напечатанными до изданія сочиненія Шлецера, доказываетъ, что онъ пользовался только тремя печатными списками Нестора и сочиненіями Татищева и Щербатова. Въ „Предувѣдомленіи“ къ своему „Нестору“ Шлецеръ исчисляетъ списки древнихъ русскихъ лѣтописей, которыми онъ пользовался при своемъ изданіи „Нестора“, и оканчиваетъ это исчисленіе слѣдующимъ заключеніемъ: воть 12 напечатанныхъ и 9 еще и по сію пору не напечатанныхъ списковъ. Я со вниманіемъ читалъ всѣ оныя.“ (Тамъ же, с. VIII). На основаніи сказаннаго читатель приходитъ къ заключенію, что Шлецеръ въ своемъ изданіи Нестора „употребилъ критически“, какъ онъ выражается, 21 списокъ начальной русской лѣтописи; но это заключеніе окажется совершенно ошибочнымъ, если читатель проверитъ предложенный списокъ и сличитъ текстъ Нестора изданнаго Шлецеромъ съ текстами, изданными до него. Непосредственно за вышеприведенной цитатой, авторъ продолжаетъ: „для сего перваго опыта я могъ пользоваться только 15 списками, ибо прочіе или начинаются позже или недостаетъ въ нихъ начальныхъ листовъ“. (Тамъ же, с. VII, VIII); далѣе нѣсколькими страницами ниже: „я самъ признаюсь, что употребилъ здѣсь собственно только 13 *рукописныхъ* и *печатныхъ* списковъ, считая и степенныя книги“. (Тамъ же, с. XI). Такимъ образомъ передъ нами уже не 21, а только 13 списковъ; но и это число далеко выше того числа, которымъ въ дѣйствительности пользовался Шлецеръ. Въ числѣ 13 различныхъ списковъ, имѣющихъ „начальные листы“, которыми пользовался Шлецеръ, помѣщены имъ сочиненія Татищева и Щербатова; названы имъ особенными списками такіе списки, между которыми нѣтъ никакого различія, какъ напримѣръ: Воскресенскій и Алатырскій; Патріаршій, Никоновскій и отрывокъ Патріаршаго; Радзивиловскій и Бѣгымянный; Палъши-

ковъ 2 и Палѣшиковъ 3; Новгородскій 1 и Новгородскій 2. Тамъ же, с. I—VII.

¹⁰⁾ См. выше, примѣч. 15.

¹⁹⁾ Шлец. Нест. Предувѣд. с. XV, XVI, введение, с. рки и др.

²⁰⁾ См. подробнѣе объ этомъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1869 г.

Ноябрь, с. 45 и слѣд.

²¹⁾ Шлец. Нест. введ. с. рм.

²²⁾ Тамъ же, с. 427.

²³⁾ Тамъ же, с. 144.

²⁴⁾ См. выше ученіе Шлецера.

²⁵⁾ Любопытны приемы критики, посредствомъ которыхъ Шлецеръ очистилъ источники древнѣйшаго періода русской исторіи отъ всѣхъ извѣстій, противорѣчившихъ его теоріи. Мы уже видѣли какимъ путемъ онъ ограничилъ количество источниковъ изученія древнѣйшаго періода русской исторіи сказаніями одного Нестора. Этимъ рѣшена была Шлецеромъ его первая задача. Затѣмъ, нужно было доказать, что лѣтописи Нестора совершенно достаточно для положительныхъ выводовъ, нужныхъ автору, и потому онъ продолжаетъ: „теперь пусть сравняютъ безпристрастно русское богатство съ бѣдностію остальной верхне-сѣверной исторіи (?); Несторову древность съ молодостію Скандинавовъ, прочихъ Славенъ и Венгровъ; полноту и связь въ русской исторіи съ отрывками другихъ (?); ея правдивость и важность съ легкомысленными выдумками первыхъ скандинавскихъ, славянскихъ и венгерскихъ временниковъ со всѣми ихъ продолженіями до XVI столѣтія, Долгое время Несторъ остается единственнымъ настоящимъ лѣтописателемъ между своими соотечественниками; на всемъ этомъ обширномъ поприщѣ, онъ есть одинъ только въ своемъ родѣ полный и справедливый (выключая чудесь) лѣтописатель. Этотъ Русскъ въ сравненіи съ ними, такъ превосходитъ, какъ разсудокъ, иногда затмѣваемый, въ сравненіи съ безпрестанною глупостію. Какое множество матеріаловъ для русской палеографіи, для множества томовъ русской исторіи!... (Тамъ же, с. мд, мз и др). „Но этотъ по мнѣнію автора настоящій полный, справедливый, благоразумный и т. д., лѣтописатель передаетъ много извѣстій точно также противорѣчащихъ возрѣніямъ Шлецера, какъ и отвергнутые имъ иноземные писатели, и наоборотъ, подтверждающихъ выводы ученыхъ школы Татищева. Шлецеръ находитъ выходъ и въ этомъ случаѣ. „Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, Еминъ, говоритъ онъ, не могли издать ничего полезнаго потому уже, что сами не имѣли еще очищеннаго источника, изъ котораго они должны были черпать, а при русскихъ лѣтописцахъ, болѣе нежели при какихъ, другихъ нужно критическое очищеніе оного“. (Тамъ же, с. ркз). „На почтеннаго Нестора бросались всѣ; начали перемѣнять его слогъ, выкидывать слова, прибавлять, сокращать, вводить свое, толковать; пріятную простоту его изуродовали какими то краснорѣчіемъ; повѣствованія его, въ которыхъ нѣтъ ничего посторонняго, завалили разсужденіями. Но это еще не все. Какъ въ первомъ столѣтіи(?) онъ очень кратокъ, потому что будучи честнымъ и умыннымъ человѣкомъ, повѣствуетъ только то, что знаетъ, и пишетъ только о томъ, что принадлежитъ къ его исторіи, то его начинили выписками изъ Византійцевъ, а наконецъ, и глупыми бреднями, которыя не прежде XV столѣтія перешли въ Москву отъ сосѣдей и утвердились Степенною Книгою. И эти, такъ жалко искаженные временники, все еще назывались Несторовымъ Временникомъ!... Вотъ каково и до сихъ еще поръ то, что весь свѣтъ называетъ Несторомъ. Теперь отдаю я на судъ всякаго, не только знатока

въ ученой критикѣ, но каждаго читателя, чувствующаго важность исторической истины, и почитающаго себя оскорбленнымъ, ежели выдаютъ ему глупыя выдумки не такъ стараго безсмысленнаго монаха за слова древняго справедливаго свидѣтеля,—отдаю ему на судъ. что должно думать о всемъ томъ. что до сихъ поръ писано было чужестранцами и Русскими о древнѣйшей русской исторіи, и именно, объ основаніи сего страшнаго царства, и льзя ли ожидать чего нибудь лучшаго (т. е. не болѣе того, что давно уже есть у другихъ просвѣщенныхъ народовъ въ отношеніи къ ихъ *происхожденію*) до тѣхъ поръ пока не найдутся люди, которые приложили бы стараніе *свести и очистить* Нестора“. (Тамъ же, с. пд. пс, пз). Подъ видомъ басенъ, описокъ и позднѣйшихъ вставокъ. Шлецеръ исключилъ изъ древнѣйшей русской лѣтописи всѣ извѣстія, противорѣчившія его предвзятой теоріи. Мы остановимся только на вопросахъ самыхъ крупныхъ и непосредственно относящихся къ нашей задачѣ, то есть, къ политическому состоянію русскихъ Славянъ до времени призванія Рюрика; если бы мы пожелали указать здѣсь всю массу произвола, внесеннаго Шлецеромъ въ разработку источниковъ древнѣйшаго періода нашей исторіи, то должны были бы разбирать почти каждую страницу его сочиненія. Въ начальной русской лѣтописи читается важное извѣстіе, которое переведено Шлецеромъ слѣдующими словами: „Поляне, Древляне, Сѣверяне, Бужане. Радимичи, Вятичи, Хорваты жили между собою въ согласіи. Дулебы жили по Бугу, гдѣ нынѣ Воляницы, Лутичи же и Тиверцы по Дунаю; они были многочисленны и сидѣли по Бугу и Днѣстру, а нѣкоторые даже до моря. Города ихъ существуютъ даже и до сегодня: все это Греки называють великою Скифією“. (Тамъ же, с. 213, 214). Въ числѣ другихъ основаній, это свидѣтельство давало ученымъ школы Татищева основательный поводъ искать матеріаловъ для исторіи славяно-русскихъ племенъ дорюриковской эпохи въ сочиненіяхъ греческихъ писателей о Скифіи. Шлецеру, конечно, это извѣстіе, какъ противорѣчившее его теоріи, не нравилось, а потому онъ исключаетъ его изъ числа историческихъ свидѣтельствъ, не указывая въ пользу такого исключенія основательныхъ соображеній. Непосредственно за приведеннымъ переводомъ сказаннаго извѣстія Нестора, Шлецеръ продолжаетъ: „теперь еще нечего дѣлать со всею этою главою: *кажется что она вся вставлена*, не соединяется съ предшествовавшимъ, повторяетъ сказанное нѣсколько разъ, противорѣчитъ себѣ (?) и наполнена необъяснимыми противорѣчіями“ (?). Вотъ подлинникъ извѣстія Нестора: „живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, Сѣверъ и Радимичи и Вятичи и Хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне, а Уличи, Тиверци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеву; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь“ (П. С. Р. Л. т. I, с. 5). Никакихъ противорѣчій и непримиримыхъ разнословій въ этомъ извѣстіи не имѣется. Въ другомъ мѣстѣ это же извѣстіе лѣтописи Шлецеръ признаетъ уже не вѣроятною, а положительною вставкою позднѣйшаго переписчика, не правда къ тому никакихъ соображеній: „за то, говоритъ онъ, что Несторъ говоритъ о временахъ, предшествовавшихъ отечественной его исторіи, заслуживаетъ онъ отиѣвное почтеніе, ибо изображаетъ ихъ гораздо блоразумнѣе всѣхъ только превозносимыхъ Грековъ (не говоря о молодыхъ Исландцахъ) въ изображеніи иранныхъ ихъ временъ: *онъ говоритъ только о дикихъ и порознь живущихъ небольшихъ народахъ, а не о царствахъ, только о предводителяхъ, старѣйшинахъ, кадикахъ, а не о царяхъ; онъ изображаетъ ихъ гораздо вѣрнѣ*

всѣхъ позднѣйшихъ сѣверныхъ монаховъ, выдумавшихъ Скифовъ и Сарматовъ, о которыхъ Несторъ не говоритъ ни слова“ (Тамъ же, предв. с. XXIII). Наконецъ, въ своемъ необыкновенно смѣломъ, чтобъ не сказать болѣе, наставленіи о томъ, какъ должно писать русскую исторію, Шлецеръ утверждаетъ, что русскіе историки должны начинать русскую исторію со времени призванія Рюрика и прежде всего должны отстать отъ Скифовъ и Сарматъ. Байеръ очень ясно доказалъ, что сіи названія, хотя сначала и принадлежали извѣстнымъ народамъ, но послѣ, по незнанію древнихъ, распространились на безчисленное множество земель“ (Тамъ же, с. 423). Но никто изъ русскихъ историковъ не отрицалъ въ этомъ случаѣ выводовъ Байера и эти выводы не имѣютъ никакого отношенія къ совѣту Шлецера русскимъ историкамъ отстать отъ Скифовъ и Сарматъ и начинать русскую исторію 862 годомъ. Ни Татищевъ, ни другіе историки до Шлецера не считали Славянами всѣхъ Скифовъ и Сарматъ классическихъ и средневѣковыхъ писателей, а утверждали только, что въ числѣ древнихъ обитателей востока Европы, извѣстныхъ древнимъ писателямъ подъ общими именами Скифовъ и Сарматъ, были и наши предки Славяне. Основаніями въ этомъ случаѣ служили русскимъ историкамъ до Шлецера не только извѣстія Геродота, Страбона, Плинія Старшаго, Тацита и Птолемея, но также и извѣстія средневѣковыхъ писателей, къ числу которыхъ принадлежатъ Несторъ и Юрнандъ, признаваемые самимъ Шлецеромъ источниками славянской исторіи. У Юрнанда мы находимъ слѣдующее извѣстіе: „*Венеты*, происходя отъ одного народа, въ настоящее время составляютъ уже три разные народа: *Венеты*, *Анты* и *Славяне*, которые нынѣ за грѣхи наши веждъ насъ побѣждаютъ, но прежде были подъ властію, Ерманрика. Равномѣрно благоразуміемъ своимъ покорилъ онъ и *Естиевъ*, обитавшихъ вдоль пространнаго берега германскаго океана, и повелѣвалъ всѣми народами *Скифій* и *Германій*, какъ своими“ (De Gotorum Origine, с. 23). Въ числѣ основаній, на которыя опирались Татищевъ, Ломоносовъ и Болтинъ въ своихъ понятіяхъ о степени образованности древнерусскихъ Славянъ были извѣстія начальной русской лѣтописи о существованіи у нихъ городовъ и князей до времени призванія Рюрика. Шлецеръ объявляетъ такія извѣстія или сказками или вставками позднѣйшихъ переписчиковъ Нестора. „Вотъ какъ, говоритъ онъ, изображаетъ нашъ честный Несторъ землю свою до Рюрика, то есть до 860 г.: какъ пустыню, въ которой жили порознь небольшіе народы, которыхъ всѣхъ исчисляетъ онъ подробно и часто съ точностію опредѣляетъ мѣсто ихъ пребыванія; которые жили, а не кочевали; жили въ городахъ, не похожихъ на нынѣшніе города, а на огороженные деревни. Русскія лѣтописи очень обстоятельно описываютъ какимъ образомъ мало по малу, въ послѣдующихъ только столѣтіяхъ, возникли настоящіе города въ Россіи“ (Шлец. Нест. введ. с. нд. не). Но понятіе о городахъ не только въ настоящемъ смыслѣ (?), но и въ значеніи *огороженныхъ деревень* не мирится съ основнымъ положеніемъ ученія Шлецера, по которому „до призванія Рюрика люди въ Россіи были, но люди такіе, жившіе безъ правленія, подобно звѣрямъ и птицамъ, которые населяли ихъ лѣса“, а потому, непосредственно послѣ вышеприведенныхъ словъ: „русскіе Славяне жили въ городахъ, не похожихъ на нынѣшніе города, а на огороженные деревни“, Шлецеръ ссылается на другую страницу своего сочиненія, на которой мы находимъ слѣдующее: „я предполагаю что сіи народы, жившіе очень спокойно въ своемъ сѣверномъ уголкѣ, не чувствовали еще напастей отъ вѣнскихъ непріятелей;“ но теперь нужда заставила ихъ до-

мышлят о защитѣ: они должны были опасаться возвращенія изгнанныхъ Варяговъ и взять для сею мѣры, почему и начали города ставить, то есть остроги, укрѣпленія“. (Тамъ же, с. 297). Слѣдовательно, до времени знакомства Славянъ съ Варягами, они не имѣли не только настоящихъ городовъ, но не имѣли даже городовъ въ смыслѣ огороженныхъ деревень и укрѣпленій. Извѣстія начальной русской лѣтописи о Новгородѣ, Ладогѣ, Изборскѣ, Бѣлоозерѣ, Муромѣ, городахъ Уличей и Твердець, городахъ Древлянъ и др., объявлены Шлецеромъ или сказками или позднѣйшими вставками. Также мало основательныхъ доказательствъ въ разсужденіяхъ Шлецера, направленныхъ къ отрицанію существованія князей у русскихъ Славянъ въ дорюриковскую эпоху. „Долгое время, говоритъ онъ, послѣ 800 года, когда русскій сѣверъ началъ мало по малу открываться, онъ не былъ такъ приятенъ и человѣкообразенъ, какъ Мексика, Перу, даже Отагати, но немножко походилъ на Сибирь, Калифорнію, Мадагаскаръ. Люди въ немъ уже были, но вѣрно не въ большомъ числѣ, ибо чѣмъ имъ питаться? люди раздѣленные на малыя орды, предводительствуемые старѣйшинами или кациками, которыхъ баснословы, слѣдуя древнему греческому обычаю, называютъ царями и князьями; люди очень способные къ образованію, котораго однакоже сами себѣ дать не могли, а должны были ожидать отъ внѣшняго побужденія; люди неизмѣнны политическаго постановленія, сношенія съ иноплеменными, письма, искусство, религія, или только глупую религію. Первый шагъ къ образованію, сдѣланный Новгородцами и сосѣдственною Чудью, состоялъ въ томъ, что тѣ и другіе, хотя и противъ воли, поставили у себя князя. Разсѣянные на безмѣрномъ пространствѣ земли, дикіе обитатели сѣвера начали мало по малу дѣлаться общественными людьми“. Тамъ же, введ. с. нч, нд. II. 178, 179.

²⁶⁾ См. ниже гл. объ источникахъ.

²⁷⁾ См. Шпитлера *Geſch. der europäiſchen Staaten*, Берлинъ, 1794 г. кн. II. с. 368.

²⁸⁾ См. Савельева-Ростиславича. *Варяжская Русь*, с. 16.

²⁹⁾ См. выше воззрѣнія Карамзина.

³⁰⁾ *Ист. Гос. Рос. Карамзина*, т. I, с. 19, 21, 146.

³¹⁾ Тамъ же, с. 43, 47, 49.

³²⁾ Ср. Бестужева-Рюмина: *О составѣ рус. лѣтоп.* Предисловіе.

Вообще, въ ссылкахъ на авторитетъ Карамзина въ ученой литературѣ замѣчается большой безпорядокъ. Многіе ученые, отрицая во всей цѣлости ученіе Шлецера о древнемъ бытѣ Славянъ, благоговѣютъ передъ авторитетомъ Карамзина, забывая, что основныя положенія учений Шлецера и Карамзина о происхожденіи русскаго государства тождественны по содержанію и опираются на одинаковыя основанія. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые ученые даже при изложеніи содержанія ученія Карамзина не всегда оставались въ границахъ истины. Такъ напримѣръ, славянистъ Савельевъ Ростиславичъ утверждаетъ, что *въ мнѣніяхъ о Варягахъ Руси незабвенный нашъ исторіографъ (Карамзинъ) былъ одинаковымъ мнѣніемъ съ Ломоносовымъ*, и только принужденный послать текстъ перваго тома своей исторіи въ Геттингенъ, къ Шлецеру на разсмотрѣніе долженъ былъ покориться необходимости и назвать Байерову систему *вѣроятною*. (Варяж. Русь, с. 16). Но Карамзинъ нигдѣ не соглашается съ Ломоносовымъ; что же касается до системы Байера, то онъ призналъ ее не вѣроятною, но вполне достоверною, увеличивъ число доказательствъ Байера, направленныхъ къ доказательству скандинавскаго происхожденія Варяговъ — Русм,

собственными соображеніями, которыя оканчиваетъ слѣдующими словами: „я такъ сказаніе нашего собственнаго лѣтописца подтверждаетъ истину, что Варяги его были Скандинавы“. Ист. Гос. Рос. т. I, с. 26—30; прим. III.

³³⁾ См. выше воззрѣнія Полеваго и Погодина.

³⁴⁾ См. выше ученіе Погодина.

³⁵⁾ Тамъ же.

³⁶⁾ Тамъ же.

³⁷⁾ См. выше ученія Лелевеля, Полеваго и Каченовскаго.

³⁸⁾ На бѣду явился тогда, продолжаетъ Погодинъ, и произвелъ шумъ въ ученой литературѣ своими сомнѣніями Нибургъ. Каченовскій перенелъ объ немъ одну статью изъ Польскаго журнала и соблазнился, тѣмъ болѣе, что его сердце отъ природы было склонно къ сомнѣнію. Онъ началъ исподоволь приставлять вопросительные знаки къ разнымъ древнимъ событіямъ русской исторіи, но еще съ робостію: былъ ли Рюрикъ? Писалъ ли Несторъ? Скоро ли перестанемъ мы употреблять во зло имя Нестора? и пр. Тогда попался ему въ руки Сарториусъ: онъ увидѣлъ у него разныя положенія, слова, постановленія, подобныя древнимъ, и голова у него закружилась. Нибургъ заставилъ его предполагать выдумки, а Сарториусъ подложилъ и источникъ. Нашель, нашель, подумалъ Каченовскій, и рѣшилъ: Договоры и Правда составлены въ періодъ позднѣйшихъ сношеній Ганзейскихъ. Подлѣ Любека жили Вагры,—вотъ и Варяги. Что же дѣлать съ Несторомъ? Разумѣется Несторъ не писалъ лѣтописи, которую ему приписываютъ, а она сочинена въ 13 и 14 вѣкѣ, въ періодъ ганзейскихъ сношеній. Сгоряча мечтанія показались ему истинами, кои должно подтвердить время, и онъ воскликнулъ: „мы стоимъ на прагѣ неожиданныхъ перемѣвъ въ понятіяхъ нашихъ о ходѣ происшествій на сѣверѣ, начиная съ IX вѣка. Наступитъ время, когда удивляться будемъ тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій почти невѣроятныхъ. Угѣшимся же, если мысль сія можетъ показаться неприятою для самолюбія нашего! Примѣръ передъ глазами: таковы ли нынѣ первые вѣка Рима, какими представлялись они взорамъ ученыхъ до Нибура“. Такой увѣрительный тонъ, равно какъ и разсужденія, хотя и очень запутанныя, неоконченныя обратили на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ было разсѣяно много частныхъ замѣчаній вѣрныхъ. Они подѣйствовали и на меня, хотя я съ 1820 года ратовалъ противъ Эверса и Каченовскаго, и въ магистерской своей диссертациі (1825) разобралъ подробно сочиненіе перваго. Связь этнографическая Новгородъ съ Балтійскимъ поморьемъ мнѣ нравилась, а таинственные намеки о происхожденіи Русской Правды, тогда не слишкомъ еще для меня знакомой, возбуждали мое любопытство, и я началъ ожидать съ нетерпѣніемъ обѣщанныхъ объясненій и подтвержденій. Тогда же почти Строевъ возвратился изъ археографической экспедиціи. Не нашедши никакихъ древнихъ историческихъ документовъ (взятыхъ изъ монастырей по указамъ Петра I и Екатерины II), что ему казалось предосудительнымъ, онъ былъ радъ пристать къ сомнѣніямъ Каченовскаго и сказать, что найти древняго и не было возможно, потому что не было ничего такого! Онъ приставилъ свой знакъ вопроса къ знакамъ Каченовскаго, а наконецъ также воскликнулъ: „мы стоимъ на прагѣ неожиданныхъ перемѣвъ...“ Такимъ образомъ два эти ученые, остановившись на одномъ прагѣ, взаимно поддерживали другъ друга, каждый по особымъ причинамъ, въ личныхъ своихъ

убѣжденіяхъ, и Каченовскій началъ смѣлѣе проповѣдывать свое ученіе, сомнѣнія и отрицанія въ университетѣ. Студенты, имѣвшіе къ нему отношеніе, какъ профессору, декану и, наконецъ, ректору, должны были, *benevolentiae carptandae causa*, писать классическія упражненія въ его духѣ, и подвели разсужденія изъ общихъ мѣстъ подъ его отрицанія и знаки вопроса. Эти то классическія упражненія были напечатаны въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета, а журналисты назвали ихъ произведеніями скептической школы, направленіе признали скептическимъ, и пошли гулять по бѣлу свѣту скептики, какъ вѣтряныя мельницы Сервантеса, хотя всѣ школьники, оставивъ университетъ, перестали писать тогда же, кромѣ одного, который продолжалъ писать въ этомъ духѣ еще годъ. Ис. Зам. и Лек. т. I, с. 329, 330 и 331.

39) Въ параллель тенденціозной оцѣнкѣ ученой дѣятельности Каченовскаго, предложенной Погодинымъ, приводимъ прекрасную оцѣнку той-же дѣятельности, предложенную С. М. Соловьевымъ. Въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета, говоритъ онъ, помѣнены самыя замѣчательныя изслѣдованія Каченовскаго по русской исторіи: 1, о кожаныхъ деньгахъ, съ примыкающимъ сюда изслѣдованіемъ: о способѣ узнавать вѣкъ и значеніе старинныхъ монетъ русскихъ; 2, о баснословномъ времени въ російской исторіи; 3, о Русской Правдѣ. Всѣ эти изслѣдованія находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, всѣ имѣютъ одну цѣль. Въ XVIII и первой четверти XIX вѣка было много сдѣлано для русской исторіи, много собрано матеріаловъ, предложены образцы ихъ критической обработки, указаны важнѣйшія, характеристическія явленія, сдѣланы попытки для ихъ объясненія; наконецъ, исторія явилась въ изящномъ разказѣ, доступномъ и привлекательномъ для всѣхъ. Но когда Исторія Государства Россійскаго блестящимъ образомъ закончила труды XVIII вѣка, XIX вѣкъ выставилъ новыя требованія. До сихъ поръ главнымъ препятствіемъ къ разумнѣйшему ходу отечественной исторіи служило то обстоятельство, что различныя эпохи ея изображались одинаковыми красками, событія временъ давнихъ представлялись, характеры дѣйствующихъ лицъ въ этихъ событіяхъ оцѣнивались по понятіямъ новыхъ; на исторію смотрѣли преимущественно, какъ на художественное словесное произведеніе, и потому старались изображать событія и лица украшенно, часто въ ущербъ простотѣ и правдѣ. Слѣдовательно, первое дѣло, которымъ должна была заняться теперь наука, состояло въ томъ, чтобъ уничтожить это смѣшеніе эпохъ, выставить каждую изъ нихъ съ соответствующимъ ей характеромъ, уяснить такимъ образомъ постепенный ходъ исторіи, преемство явленій, естественный, законный выходъ однихъ явленій изъ другихъ, послѣдующихъ изъ предыдущихъ. Согласно съ требованіями времени, Каченовскій высказалъ слѣдующее главное положеніе: „Исторія свѣта есть цѣль великихъ происшествій: первое звѣно ея въ десницѣ Всемогущаго, всѣ другія—у предѣловъ бытія міра. Каждое происшествіе въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ; каждое имѣетъ свою причину и свои слѣдствія. Событія отдѣльныхъ нѣтъ въ природѣ“. Согласно съ требованіями времени, Каченовскій задалъ вопросъ: „такъ ли изображали до сихъ поръ древнюю Русь, какъ слѣдовалъ“? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надобно было прежде всего заняться оцѣнкою трехъ явленій, которыя лучше всего могли дать понятіе о состояніи древняго русскаго общества; а именно, во первыхъ, рѣшить вопросъ о древнѣйшемъ литературномъ

памятникъ, о древнѣйшемъ источникѣ русской исторіи, о начальной лѣтописи; во вторыхъ, рѣшить вопросъ о древнѣйшемъ законодательномъ памятникѣ, о такъ называемой Русской Правдѣ; въ третьихъ, наконецъ, опредѣлить экономическое состояніе древняго русскаго общества, рѣшивши вопросъ объ орудіи мѣны, въ немъ употреблявшемся. Отсюда три важнѣйшіе для Каченовскаго вопроса: о Лѣтописи, о Русской Правдѣ, о кожанныхъ деньгахъ. Отвѣтомъ на первый вопросъ послужило изслѣдованіе о баснословномъ времени въ російской исторіи. Здѣсь опредѣленъ древнѣйшій источникъ лѣтописныхъ извѣстій—преданія устныя, указанъ тотъ характеръ нашихъ лѣтописей, который въ настоящее время служить предметомъ обильныхъ важными выводами изслѣдованій: указаны шивки, описанія одного событія двумя, иногда тремя различными образами, невѣрности лѣтосчисленія; признано вѣроятнымъ существованіе основы лѣтописи—монастырскихъ записокъ въ XII, даже въ XI вѣкѣ. Здѣсь мы не можемъ не привести важнаго замѣчанія Каченовскаго относительно характера древнихъ нашихъ памятниковъ: „всякая рукопись тѣхъ вѣковъ есть особенная книга, единственная въ своемъ родѣ“. Въ изслѣдованіи о Русской Правдѣ Каченовскій занимается вопросами: „могла ли Русская Правда явиться въ XI в., во времена Ярослава I-го? Тогдашнее состояніе Руси, разсмотрѣнное въ связи съ современнымъ состояніемъ другихъ европейскихъ государствъ, могло ли условливать подобное явленіе?“. Важная заслуга Каченовскаго, въ которой не отказываютъ ему даже отъявленные враги его, состояла въ стараніи сближать явленія русской исторіи съ одноклассическими явленіями у другихъ и, что всего важнѣе, преимущественно у славянскихъ народовъ, при чемъ отрицаніе Скандинавскаго происхожденія Руси освобождало отъ вредной односторонности, давало просторъ для другихъ разнородныхъ вліяній, для другихъ объясненій, отъ чего наука много выигрывала. Вопросъ о кожанныхъ деньгахъ, такъ долго и сильно занимавшій Каченовскаго, имѣлъ для него важное значеніе, именно по связи съ его главнымъ вопросомъ. Кожанныхъ денегъ древней Руси япаче не могли представить себѣ, какъ въ видѣ нынѣшнихъ ассигнацій; отсюда рождался вопросъ: было ли древнее русское общество до такой степени развито, чтобъ въ немъ могло произойти подобное явленіе? Предположить существованіе ассигнацій въ XI, XII вѣкѣ, значило приравнять эти вѣка къ XVIII и XIX: отсюда понятно стараніе Каченовскаго рѣшить вопросъ проще, сообразнѣе съ состояніемъ цивилизаціи въ древности. Таковъ былъ Каченовскій, какъ ученый. Распространяться о немъ, какъ о человѣкѣ, не нужно: всѣ знаютъ, что труженическую жизнь честнаго человека онъ окончилъ тихою смертію праведника. Библиогр. Слов. Имп. Моск. универ. 1855 г. ч. I, с. 401, 402 и 403.

⁴⁰⁾ Скептическая школа въ русской исторіографіи. В. Иконникова. 1871 г. с. 56.

⁴¹⁾ См. выше возрѣнія Буткова.

⁴²⁾ См. выше возрѣнія Шафарика.

⁴³⁾ „Безъ сомнѣнія, говоритъ В. С. Иконниковъ, что подборъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о распространеніи книжности въ XI—XII вѣкахъ въ извѣстномъ кругѣ, и указаніе источниковъ, возможныхъ для пользованія тогдашняго лѣтописца, сдѣланы Бутковымъ вполне удачно. Но главный недостатокъ его труда состоитъ въ томъ, что онъ, силясь опровергнуть противоположныя мнѣнія, сдѣлалъ изъ своихъ данныхъ преуве-

личные выводы. Существование Грековъ въ то время въ Руси и пользование летописцемъ греческимъ хронографомъ (конечно въ переводѣ) даютъ ему уже право заключить о знаніи летописцемъ греческаго языка. Существование фактовъ, подтверждающихъ начало торговли въ Новгородѣ въ болѣе раннюю эпоху, нежели допускали то скептики, немедленно переносятъ автора къ заключенію о многихъ искусствахъ у Славянъ, о богатыхъ городахъ и селахъ... Идя такимъ путемъ, конечно вслѣдствіе недостатка въ авторѣ и самой малой доли скептицизма, если не приводящаго всегда къ вѣрному результату, то все таки предостерегающаго отъ преувеличенныхъ заключеній. Бутковъ серьезно занимается розысканіями о построении Лорсами-Амаксобіями на мѣстѣ геродотова Керри-города Кіева, названнаго такъ въ честь ихъ старшаго бега; производствомъ Волоховъ отъ волочу и тождествомъ ихъ съ Гуннами; а въ геродотовыхъ Цигахъ онъ видитъ позднѣйшихъ Чеховъ⁴⁴. Скептическая школа, с. 104.

⁴⁴) Если произволенъ переводъ, сдѣланный Шлецеромъ, извѣстнаго свидѣтельства Прокопія: „древніе Славянъ и Антовъ называли Σπόρος, думаю потому, что они живутъ σποράδην, т. е., разсыянно, въ шалахахъ, изрѣдка разставленныхъ, отъ чего и занимаютъ великое пространство; они кочуютъ подобно номадамъ, по большей части лѣваго берега Дуная“ (Шлец Нест. т. I. с. 129), то не менѣе произволенъ и переводъ того же извѣстія, сдѣланный Шафарикомъ: „передъ этимъ Славяне и Анты имѣли одно имя, потому что оба они въ древности назывались Спорами (Σπόρος), отъ того думаю, что жили въ разбросанныхъ тамъ и сямъ селеніяхъ (σποράδην). Вотъ почему и занимаютъ такія обширныя земли; и точно большая часть земель по ту сторону Истра принадлежитъ имъ“ (Слав. Древ. т. I, кн. I. с. 106, 115). Если неосновательны пониманіе, предложенное Шлецеромъ, извѣстнаго свидѣтельства Юрнанда (Sclavini paludes sylvasque pro civitatibus habent) и отрицанія извѣстій источниковъ, указывающихъ на существованіе городовъ у древнихъ Славянъ до времени призванія Рюрика, то признаніе послѣднихъ извѣстій еще не даетъ права на заключеніе, по которому древнеславянскіе города имѣли тоже значеніе, какое они имѣли въ позднѣйшія историческія эпохи. (Тамъ же, т. I, кн. II. с. 377 и слѣд). Если неосновательно отрицаніе извѣстій источниковъ, указывающихъ на существованіе князей у русскихъ Славянъ до времени Рюрика, то признаніе этихъ извѣстій еще не даетъ права видѣть въ древнеславянскихъ князьяхъ значеніе князей послѣдующихъ эпохъ; и т. д. Тамъ же, т. I, кн. II, с. 421.

⁴⁵) Ломоносовъ: „Славяне жили обыкновенно семьями, разсыянно; общихъ государей и города рѣдко имѣли“. Древн. Россійс. Исторія, изд. 1766 г. ч. I. с. 53.

⁴⁶) Карамзинъ: „у предковъ нашихъ хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякой строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойно и безопасно. Лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою республикою“. Ист. Гос. Рос. I, с. 43.

⁴⁷) См. выше гл. I, возрѣнія Эверса.

⁴⁸) См. выше гл. I, прим. 61.

⁴⁹) См. Леббока: „Начало Цивилизаціи;“ изд. 1876 г. с. 54, 56, 71, 74. Макъ-Леннана: „Prim. Mag.,“ XVIII, XIX. Н. Post: „Die geschl:chtsgesellschaft der Urzeit“ 1875, с. 3 и сл. Всев. Миллера: „Очерки Арійской Ми-

ологин'; изд. 1876 г. т. I, гл. I, с. 1—3. Алекс. Смирнова: „Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа“; помѣщ. въ Юридическомъ Вѣстникѣ Моск. Юрид. Общества; 1877 г. Январь и Февраль, с. 49 и сл. Е. Якушкина: „Обычное Право“; изд. 1875 г. предис., с. 1 и сл.

⁵⁰⁾ См. выше гл. I, примѣч. 64—70, 86, 99—105.

⁵¹⁾ Тамъ же, примѣч. 65.

⁵²⁾ Тамъ же, примѣч. 86.

⁵³⁾ Значеніе простой семьи слово родъ имѣеть, напримѣръ, въ слѣдующемъ выраженіи лѣтописи: „избрашася три брата съ роды своими“. Три брата могутъ быть родоначальниками отдѣльныхъ родовъ только въ смыслѣ семействъ въ тѣсномъ смыслѣ. Значеніе простой семьи слово родъ сохранило въ русскомъ языкѣ и до настоящаго времени, въ выраженіи двою-родной братья. Двою—остатокъ формы двойственного числа: двою роду=двухъ родовъ; двоуродный братъ—братъ двухъ родовъ—братъ двухъ семей, какъ родной братъ—братъ одного рода—братъ одной семьи. Тоже значеніе слово родъ сохранило въ малорусскомъ нарѣчій; въ выраженіи: „семій рідъ“, которымъ малороссы опредѣляетъ членовъ его семьи. Значеніе родственниковъ вообще слово родъ имѣеть въ слѣдующихъ лѣтописныхъ выраженіяхъ: „умершу Рюрикови, предасть княжене свое Ольгови, отъ рода ему суща“, „и бяста у него два мужа не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ“ и др. Наконецъ, значеніе цѣлаго народа слово родъ имѣеть, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ лѣтописи: „Поляномъ же живущемъ особѣ, якоже рекомомъ, сущи отъ рода Словенска“, „ти суть людье Новгородцы, отъ рода Варяжска“; „много роду хрестьянска стражюще“ и пр. П. С. Р. Л. т. I, с. 5, 8, 9, 96.

⁵⁴⁾ Описывая послѣдствія неудачной войны Кіевлянъ съ Половцами подъ 1093 годомъ, лѣтописецъ говоритъ: „много рода хрестьянска стражюще: со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: азъ бѣхъ сею города, и друиѣ: азъ сѣя вси; тако съ упроцаютсѣ со слезами, родъ свой повѣдающе“. Тамъ же, с. 96.

⁵⁵⁾ См. К. Аксакова: Сочин. т. I, с. 94—100. В. И. Сергѣевича: Вѣче и Князь, с. 49 и слѣд. К. Н. Бестужева-Рюмина: Рус. Ист. I, с. 33.

⁵⁶⁾ См. выше гл. I, воззрѣнія Эверса и примѣч. 61.

⁵⁷⁾ См. выше, гл. I, прим. 65.

⁵⁸⁾ Сочиненія ч. II, с. 474.

⁵⁹⁾ См. выше, гл. I, примѣч. 62, 81.

⁶⁰⁾ Ист. Русс. Жизни, с. 519.

⁶¹⁾ Тамъ же.

⁶²⁾ Тамъ же, с. 551.

⁶³⁾ Тамъ же, с. 582—536.

⁶⁴⁾ Тамъ же, с. 584.

⁶⁵⁾ Очеркъ Внут. Ист. Пскова, с. 7, 27, 51—53.

⁶⁶⁾ Тамъ же, с. 53.

⁶⁷⁾ Тамъ же, с. 44.

⁶⁸⁾ Сочиненія ч. I, с. 312, 322.

⁶⁹⁾ Тамъ же, ч. II, с. 457.

⁷⁰⁾ Тамъ же, ч. I, с. 322.

⁷¹⁾ Тамъ же, с. 323—327.

⁷²⁾ Предполагаемъ, что авторъ, предлагая новыя опредѣленія въ послѣднемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ „Исторія Русской Жизни“, тѣмъ са-

момъ отказывается отъ его прежнихъ опредѣленій, выраженныхъ въ сочиненіи, подъ заглавіемъ „Домашній Бытъ Русскихъ Царицъ“. См. выше гл. I, возвращенія г. Забѣлина.

¹³⁾ Нижеслѣдующія опредѣленія братскаго рода представляются намъ совершенно непонятными. „Жизнь родомъ, говоритъ авторъ, не должно однако смѣшивать съ жизнью патриархальною въ собственномъ смыслѣ. Родовой бытъ *по своему существу* не совсѣмъ тоже значить, что бытъ патриархальный. И тотъ, и другой, конечно, идутъ отъ одного корня и во многомъ сходны между собою, но въ ихъ *жизненныхъ основаніяхъ* существуетъ значительная разница, показывающая, что *въ сущности* это двѣ особыя ступени челоѣческаго развитія, одна бытъ можетъ древнѣйшая, первичная, другая вторичная, *въ собственномъ смыслѣ* родовая, гдѣ значеніе праотца, патриарха отмѣнилось значеніемъ рода, гдѣ власть лица переродилась во власть рода. *Въ такомъ видѣ (?)* по крайней мѣрѣ исторія застаётъ бытъ нашихъ Славянъ“. Исторія Рус. Жизни. с. 519. „Сказаніе о трехъ братьяхъ очень наглядно раскрываетъ передъ нами, въ какомъ смыслѣ должно понимать такъ часто упоминаемое нашимъ лѣтописцемъ слово родъ. Это бытъ родъ не съ праотцемъ во главѣ, а во главѣ съ тремя братьями, стало бытъ родъ братьевъ. и отнюдь не родъ родоначальника праотца. *Въ существенномъ смыслѣ* это было колено, какъ слово родъ и понималось въ библейскомъ языкѣ. Затѣмъ оно обозначало рожденіе, то есть племя (?). Колѣно и племя, но не родоначальникъ и племя представляли *существо* нашего древнѣйшаго рода“ (?). Тамъ же, с. 520. „Хотя родъ братскій физиологически принадлежитъ патриархальному роду и стоитъ на отношеніяхъ кровнаго старшинства и меньшества, вообще на отношеніяхъ кровной связи, однако *въ основѣ этихъ отношеній* онъ управляется болѣе понятіями братства, чѣмъ понятіями дѣтства, какъ было только въ патриархальномъ быту (?). Гдѣ существуетъ отецъ-праотець, тамъ всѣ родичи суть дѣти и въ прямомъ и въ относительномъ смыслѣ. Гдѣ вмѣсто отца управляетъ братъ, тамъ родичи, и братья, и племянники, приобретаютъ большій вѣсъ и ихъ значеніе всегда уже колеблется между братьями и дѣтми и больше всего колеблется на сторону братьевъ“ (?). Тамъ же с. 526. Однимъ словомъ, всѣ старанія автора отличить братскій родъ отъ рода патриархальнаго существенными признаками остаются совершенно безуспѣшными. О родѣ вообще авторъ высказываетъ слѣдующее: „дѣтская беззащитность первобытной жизни естественно соединяла всѣхъ родичей въ одно цѣлое, *въ одну общину родной крови*, которая подъ именемъ рода становилась *жизненною силою*, способною защищать, охранять свое существованіе отъ всякихъ стороннихъ напастей. Для отдѣльной личности не находилось болѣе надежнаго и безопаснаго мѣста какъ жить *подъ охраною своего или хотя бы и чужаго рода*. Здѣсь только она могла чувствовать себя и самостоятельною и независимою, а слѣдовательно, и свободною (?). Для отдѣльной личной жизни, въ первобытное время, родъ сосредоточивалъ въ себѣ *всѣхъскія обезпеченія*, какими челоѣкъ пользуется теперь только при посредствѣ и подъ покровомъ государства и общества (?), и вотъ по какой причинѣ, *на первыхъ порахъ родъ въ дѣйствительности являлся первообразомъ государства* (?). Какъ произведеніе одной только естественной исторіи (?), это *первозданное государство* держалось исключительно однимъ эгоизмомъ или себялюбіемъ крови и устраивало свои обычаи, нравы и порядки разумомъ самого Естества“ (?). Тамъ же, с. 515.

¹⁴⁾ Тамъ же, 525.

75) Тамъ же, с. 526, 527.

76) Тамъ же, с. 551.

77) См. выше гл. I, прим. 98.

78) Г. Никитскій, подобно г. Забѣлину, отличаетъ свое понятіе о родѣ древнерусскихъ Славянъ отъ понятій о томъ же предметѣ Эверса, Соловьева, Кавелина и другихъ послѣдователей родовой теоріи (См. Оч. Вн. Ис. Пскова, с. 7, 53); но и здѣсь, не смотря на все наше желаніе уяснить себѣ чѣмъ различается въ юридическомъ отношеніи понятіе о родѣ г. Никитскаго отъ понятій о томъ же предметѣ другихъ ученыхъ, мы существенныхъ отличій не замѣтили. Никто изъ послѣдователей родовой теоріи, предшествовавшихъ автору, не доказывалъ, чтобы родъ древнерусскихъ Славянъ всегда представлялъ собою только кровныхъ родственниковъ, управляемыхъ естественнымъ предкомъ. Доказывали только, что естественный родъ представлялъ собою единственную политическую форму быта древне-русскихъ Славянъ въ томъ смыслѣ, что если въ составъ рода входили чужеродцы, то между кровными родственниками и приемышами-чужеродцами возникали отношенія совершенно подобныя отношеніямъ между дѣйствительными родственниками. (См. выше гл. I, воззрѣнія Грановскаго, Соловьева и Кавелина). Но само собою разумѣется, что существованіе родовъ, пополненныхъ чужеродцами при посредствѣ брака и усыновленія, т. е. „родовъ искусственныхъ“ не исключало собою возможности одновременнаго существованія родовъ естественныхъ, состоявшихъ только изъ дѣйствительныхъ, кровныхъ родственниковъ. Между тѣмъ г. Никитскій, увлеченный понятіемъ объ искусственномъ родѣ, дѣлаетъ безплодную попытку доказать, что „въ древней Руси родовой союзъ, о которомъ неоднократно свидѣтельствуютъ первыя страницы лѣтописи имѣлъ не кровное, а фиктивное значеніе“ (Внут. Ис. Пскова, с. 8) Доказательства автора въ этомъ случаѣ представляются намъ совершенно безсильными. Они основаны на предположеніи вымышленныхъ родоначальниковъ, подобныхъ Кію, Радиму и Вятку, и выводахъ сравнительной исторіи, доказывающей, по мнѣнію автора, съ одной стороны, что въ предѣлахъ илдо-европейской отрасли народовъ родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ постороннихъ членовъ, а съ другой, что фиктивныя семейства существовали у Славянъ еще въ XV стол. (См. выше гл. I воззрѣнія Никитскаго, прим. 101—103). Доказать, что Кій, Радимъ и Вятко были фиктивные родоначальники, а не дѣйствительные нѣтъ никакой возможности; въ лѣтописи, напротивъ, объ нихъ говорится, какъ о родоначальникахъ естественныхъ, дѣйствительныхъ. Чтоже касается сравнительной исторіи, то мы еще не знаемъ, что она докажетъ въ будущемъ, но въ настоящее время она не доказываетъ того, что утверждаетъ авторъ. Выводъ сравнительной исторіи, указанный авторомъ, доказываетъ только, что семья у всѣхъ народовъ и всегда могла познакомиться посторонними лицами посредствомъ усыновленія и брака, т. е. средствами семейнаго права, а не государственнаго (Ср. Сбор. Госуд. Знан. Безобразова т. IV; статья С. М. Соловьева: Начала русской земли, с. 12). Съ цѣлью доказать, что въ Россіи дорюриковской эпохи существовала только одинъ видъ политическихъ союзовъ, искусственные роды, авторъ отрицаетъ также существованіе въ то время „территоріальныхъ, чисто-политическихъ общинъ“ по доказательствамъ его и въ этомъ случаѣ неубѣдительно. Къ отрицанію существованія у древнерусскихъ Славянъ территоріальныхъ общинъ приводятъ автора: отсутствіе у древнихъ народовъ иныхъ общественныхъ связей, кромѣ родственной; отсутствіе топическихъ именъ въ названіяхъ древне-

русскихъ племенъ и поселеній и кочеваніе древнерусскаго народонаселенія. Но первое и второе основанія представляютъ собою не болѣе, какъ предположенія автора. У современныхъ первобытныхъ народовъ, рядомъ съ общественными союзами, состоящими изъ кровныхъ родственниковъ, свойственниковъ и пріемышей, существуютъ союзы, основанные на началѣ сожителства на общей землѣ и началѣ выгоды, проистекающей отъ соединенія сочленовъ союзовъ въ виду общей помощи въ изысканіи матеріальныхъ средствъ къ жизни и взаимной защиты отъ непріятелей. Мы не видимъ основаній, почему сказанные союзы, рядомъ съ родами, не могли существовать у древнерусскихъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, противное авторомъ ничѣмъ не доказано. Также необудительнымъ представляется намъ и второе доказательство автора. Г. Соловьевъ въ повѣщемъ своемъ сочиненіи совершенно справедливо доказываетъ, что русскіе Славяне появляются въ исторіи на степени осѣдлага, земледѣльческаго быта: „мы не знаемъ Славянъ въ кочевомъ быту, говоритъ онъ, ибо предположенія, что извѣстные кочевники, обитавшіе въ восточной Европѣ, были Славяне, остаются предположеніями только“. (Сбор. Гос. Зн. т. IV, с. 12). Наконецъ, третье основаніе, — отсутствіе топичическихъ названій въ древнеславянскихъ племенахъ и поселеніяхъ, противорѣчитъ историческимъ свидѣтельствамъ. Въ лѣтописи, напротивъ, говорится, что названія племенъ древнерусскихъ Славянъ заимствованы отъ мѣстностей ихъ первоначальнаго поселенія: „разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша по рѣкѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава“ и т. д. (П. С. Р. Л. т. I, с. 3). Названія Радимичей и Вятичей представляютъ собою исключеніе, а не правило. Изъ названій патронимическихъ поселеній авторъ не приводитъ ни одного примѣра; въ лѣтописи, кромѣ города Кіева, такихъ названій не имѣется; въ замѣнъ того, кромѣ Кіева, всѣ древнѣйшія названія поселеній не патронимическія: Новгородъ, Бѣлоозеро, Ростовъ, Ладога, Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ, Лубечъ, Переславль, Искорость, Овручъ и т. д.

¹⁹⁾ „Единство рода, говоритъ г. Соловьевъ, поддерживалось единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили разныя названія: старецъ, жупановъ, владыкъ, князей и пр., послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ русскихъ и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства. Слово князь или конязь происходитъ отъ корня конъ—предѣлъ граница, вершина, начало; корень же конъ есть санскритскій—джан—рождать и князь въ санск. имѣетъ себѣ соответственныя джанака, джанатри, откуда латинское genitor (См. изслѣд. Ф. Буслаева: о вліяніи христіанства на слав. яз. с. 164). Отсюда древнее названіе новобрачныхъ князь и княгиня, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладѣлками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода Варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр.: „се Кій княжаше въ родѣ своемъ. . и по сихъ братья держати начаша родъ ихъ княженъе въ Поляхъ“, или: „наши князи добри суть, иже распаси суть Деревьску землю“. (Ист. Рос. I, с. 62 и прим. 52). Такимъ образомъ, мнѣніе г. Соловьева о семейно-родовомъ значеніи княжеской власти у русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи основано на трехъ аргументахъ: на производствѣ г. Буслаевымъ слова князь отъ санскритскаго слова жан—рождать, на современномъ обычаѣ русскихъ крестьянъ называть новобрачныхъ княземъ и княгиню и на свидѣтельствахъ лѣтописи,

упоминавшихъ о русскихъ князьяхъ дорюриковской эпохи. Ни одинъ изъ этихъ аргументовъ не имѣетъ значенія убѣдительнаго доказательства. Производствомъ г. Буслаева славянскаго слова князь отъ санскритскаго слова *джань* не рѣшается, въ смыслѣ теоріи г. Соловьева, вопросъ о значеніи славяно-русскаго князя въ эпоху призванія Рюрика уже потому, что съ теченіемъ времени значеніе общественныхъ учреждений измѣняется, а названія ихъ остаются прежними. Для историка-юриста вопросъ не въ томъ отъ какого корня произошло слово князь, а въ томъ, какое значеніе имѣлъ князь въ ту или другую историческую эпоху, а въ данномъ случаѣ, въ эпоху призванія Варяговъ. Буслаевъ же доказываетъ, что хотя первоначально словомъ князь могла обозначаться у Славянъ родоначальная власть; но въ эпоху призванія Рюрика, судя по переводу Св. Писанія, оно означало уже всякаго властителя. (Смотри Ф. Буслаева: О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, с. 164). Второе доказательство также неубѣдительно. Причина и время происхожденія современнаго намъ обыкновенія называть новобрачныхъ княземъ и княгиней, существующаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, намъ неизвѣстны. Мысль, что это обыкновеніе древнее и произошло отъ того, что, вступая въ бракъ, новобрачные становятся родоначальниками будущаго рода остается только предположеніемъ. Древность происхожденія этого обычая ничѣмъ не доказана. Наконецъ, по справедливому замѣчанію Аксакова, въ родовомъ устройствѣ каждая новая семья не можетъ быть новымъ родомъ, а молодые супруги родоначальниками. Иначе, каждая новая семья въ тѣсномъ смыслѣ составляла бы особый родъ, что противорѣчитъ понятію рода по ученію г. Соловьева (см. соч. Аксакова, I, с. 108). Что же касается третьяго доказательства, свидѣтельствъ лѣтописи, то они указываютъ только на существованіе князей у русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, но не указываютъ на родовой характеръ княжеской власти. Свидѣтельство лѣтописи: „се Кій князаше въ родѣ своемъ“ могло бы служить въ пользу мнѣнія автора о значеніи древнерусскаго князя только въ томъ случаѣ, если бы имъ доказано было, что слово родъ въ этомъ извѣстіи имѣетъ значеніе семьи, по этого доказать невозможно. По общему смыслу сказанія лѣтописи о Кіѣ, въ этомъ извѣстіи подъ словомъ родъ съ большимъ правомъ можно разумѣть цѣлый народъ, цѣлое племя.

Основанное на сомнительныхъ доказательствахъ семейно-родовое значеніе древне-русскаго князя, въ приложеніи къ объясненію отношеній представителя власти къ подвластнымъ въ обществѣ древне-русскихъ Славянъ, приводитъ автора къ самопротиворѣчіямъ и полной неопредѣленности правъ и отношеній. Такъ напримѣръ, въ разсужденіи о преемствѣ власти родоначальника г. Соловьевъ высказываетъ, что „права родоначальника переходили по естественному порядку, наследовались“. Получивъ достоинство или власть родоначальника путемъ наследованія, родоначальникъ является полноправнымъ распорядителемъ въ дѣлахъ рода: „въ бытѣ родовомъ, говоритъ авторъ, отецъ семейства есть вмѣстѣ и *правитель*, надъ которымъ нѣтъ высшей власти;“ къ нему относился во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода, безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось; онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды; онъ судилъ и наказывалъ (Истор. Рос. I, с. 63, 65). Но въ дальнѣйшемъ разсужденіи объ отношеніи старшаго въ родѣ къ младшимъ родичамъ, авторъ, рядомъ

съ началомъ естественнаго наслѣдованія правъ родоначальника, допускаетъ начала избранія, завѣщанія и насильственнаго захвата и лишаетъ его той полноправности, какою онъ одѣтъ выше на основаніи принципа наслѣдованія власти, подчиняетъ распоряженія родоначальника контролю младшихъ членовъ рода и приходитъ къ полной неопредѣленности правъ и отношеній въ родовомъ союзѣ. „*Власть, сила старшаю*, говоритъ авторъ *основывалась на согласіи младшихъ*; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти. вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ наслѣдія старшаго, могущаго дѣйствовать только чрезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній (Тамъ же, с. 65, 66).

⁸⁰⁾ Мнѣніе о князѣ русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи, какъ племенномъ старѣйшинѣ, высказано г. Кавелинымъ безъ всякихъ доказательствъ. „Общины, говоритъ авторъ, принадлежавшія къ одному роду, собирались на племенные вѣча. Были и племенные старѣйшины — князья“ (Соч. ч. I, с. 326).

⁸¹⁾ По мнѣнію г. Забѣлина „первое понятіе о князѣ у русскихъ Славянъ родилось съ городомъ, ибо первый кievскій человекъ Кій тогда начинаетъ княжить въ своемъ родѣ когда братья строятъ ему городокъ Кіевъ (Исторія русской жизни с. 552). Но въ лѣтописи не сказано, что Кій началъ княжить только тогда, когда братья построили ему городокъ Кіевъ. Вотъ подлинникъ сказанія лѣтописи о построеніи Кіева и княженіи Кія: „и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша ему имя Кіевъ. *Ини же не ствдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ...* аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюграду, но се Кій княжаше въ родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, *якоже сказаютъ*, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ царя...“ (П. С. Р. лѣт. I с. 4). Это извѣстіе имѣетъ чисто сказочный характеръ и строить на немъ такой капитальный выводъ, какъ выводъ г. Забѣлина о значеніи князя древнерусскихъ Славянъ, никакъ невозможно; да къ тому же это извѣстіе не говоритъ того, что утверждаетъ авторъ.

⁸²⁾ По мнѣнію г. Никитскаго Кій, Радимъ, Вятко и всѣ другіе „родоначальники-князья“ древней Руси были фиктивными родоначальниками (Внутрен. Ист. Пскова; Срав. с. 8, 30 — 32) власть; ихъ исходила изъ рода, опиралась въ своемъ происхожденіи на нѣмомъ или явномъ договорѣ всѣхъ потомковъ (?), короче, основывалась на выборѣ“. (Тамъ же, 30—44). Но доказать на основаніи нашей лѣтописи, что Кій, Щекъ, Радимъ, Вятко и пр. были фиктивными родоначальниками, а власть ихъ основывалась на выборѣ, — нѣтъ никакой возможности; въ лѣтописи, напротивъ, объ нихъ говорится, какъ о дѣйствительныхъ родоначальникахъ, а не вымышленныхъ; напримѣръ: „быша три брата, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне, (П. С. Р. Л. с. 4); баста бо два брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедша сѣдота Радимъ на Сожу, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ на Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи“ (тамъ же с. 5).

⁸³⁾ Мнѣніе г. Соловьева о значеніи города древнерусскихъ Славянъ опирается только на сказочное извѣстіе лѣтописи о построеніи города Кіева тремя братьями. „О городской жизни восточныхъ Славянъ, говоритъ онъ, изъ словъ лѣтописца можно заключать только то, что эти огороженныя

мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ: Кіевъ, по лѣтописцу, былъ жилищемъ рода⁶⁴. (И. Р. I. с. 67). При недостаткѣ фактическихъ основаній, ученіе г. Соловьева о значеніи славяно-русскихъ городовъ дорюриковской эпохи отличается неопредѣленностію и внутренними противорѣчіями. Такъ напримѣръ, авторъ говоритъ: „города были обиталищемъ *одного или нѣсколькихъ* отдѣльныхъ родовъ;“ но городъ, какъ обиталище одного рода, и городъ, какъ обиталище нѣсколькихъ родовъ, по признанію самого автора, должны имѣть различный политическій характеръ. Въ первомъ случаѣ общими дѣлами управляютъ родовоначальникъ; во второмъ, когда городъ дѣлался общимъ мѣстомъ жительства нѣсколькихъ родовъ, первымъ признакомъ общенія между родами, живущими вмѣстѣ, должны были быть общія сходки, совѣты, вѣча (тамъ же), то есть общими дѣлами управляло вѣче; иначе сказать, появилась социальная форма, отличная отъ рода, въ которомъ правилъ общими дѣлами родовоначальникъ. Въ одномъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ, что громкое слово городъ не должно смущать насъ, возбуждать мысль о противорѣчій между существованіемъ городовъ и особнаго родового быта (Тамъ же, т. XIII с. 4); въ другомъ мѣстѣ онъ же высказываетъ, что первоначальные славянскіе города, даже въ смыслѣ только огороженныхъ жилищъ родовъ имѣли важное историческое значеніе, потому что городова жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ, была гораздо нынче разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частыя столкновенія должны были скорѣе повести къ сознанию о необходимости наряда, правительственнаго начала (тамъ же, I, с. 67). Но если появленіе городовъ, даже въ смыслѣ укрѣпленныхъ жилищъ родовъ, ведетъ къ разложенію родового быта, къ появленію государственнаго начала, то извѣстія источниковъ о существованіи городовъ у русскихъ Славянъ непремѣнно противорѣчатъ теоріи родового быта, возбуждаютъ мысль о противорѣчій между этими извѣстіями и извѣстіемъ лѣтописи объ особномъ бытѣ Полянъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это извѣстіе авторъ.

⁶⁴) Въ пользу мнѣнія о значеніи городовъ дорюриковской эпохи, какъ укрѣпленныхъ поселеній родовыхъ общинъ, не приведено г. Кавслиныхъ никакихъ аргументовъ. „Мало по малу, говоритъ онъ, семьи приываютъ, не смотря на внутреннюю разрозненность, всѣ важныя и общія дѣла дѣлать вмѣстѣ, поговора между собою. Поселенія становятся общинами. Нѣкоторые изъ нихъ для защиты отъ вѣшнихъ враговъ строятъ ограды и получаютъ названіе городовъ“ (соч. ч. I с. 325).

⁶⁵) Мнѣніе о значеніи древнерусскихъ городовъ, какъ пустыхъ, огражденныхъ пространствъ, покоится только на предположеніяхъ. „Патріархальная цивилизація, говоритъ г. Никитскій, была вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизаціею до городскою; она совсѣмъ не имѣла понятія о городѣ. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего страннаго. Въ патріархальное время каждый родъ составлялъ особенное цѣлое и жилъ на особенномъ мѣстѣ; слѣдовательно, въ принципѣ жизни не было побудительныхъ причинъ къ соединенію людей въ такія значительныя группы, какія представляются городами... Мѣста прибѣжища, сооруженіе которыхъ было однимъ изъ первыхъ проявленій возникшей между отдѣльными родами связи, состоявшей ни въ чемъ иномъ, какъ въ огороженномъ стѣнами пустомъ пространствѣ, назывались *юрдами*. Въ эти то огороженныя мѣста и укрывались,

въ случаѣ нападенія какого либо врага, соединенные въ одно цѣлое роды, вмѣстѣ со своимъ имуществомъ (Внутр. Ист. Пскова; с. 28).

⁸⁶⁾ Понятія г. Забѣлина о городѣхъ и городѣхъ дорюриковской эпохи не опирается на историческіе факты и приводятъ автора къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ. Такъ напримѣръ, разсуждая о внутреннихъ общественныхъ отношеніяхъ въ древнерусскомъ обществѣ, авторъ доказываетъ, что городокъ и городъ два совершенно различныя понятія въ юридическомъ смыслѣ, двѣ существенно различныя политическія формы. „Въ городокѣ, говорили онъ, необходимо царствовали обычаи и порядки въ точномъ смыслѣ родовые, съ распределеніемъ людскаго союза на отцовъ и дѣтей, на старшихъ и младшихъ по родству и по возрасту, но еще не по обществу. Въ городѣ собирались люди уже не одного рода, но разнородные. Здѣсь возникало первоначальное общество, которое, какъ союзъ другихъ, вполне равныхъ товарищей или друзей, такъ и именовались дружиною. Городъ былъ истиннымъ гнѣздомъ дружинныхъ и общинныхъ союзовъ и связей“ и т. д. (Ист. Рус. Жизни, с. 540,—55). Между тѣмъ, въ общей характеристикѣ политическаго быта русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи находимъ у него слѣдующее заключеніе: „каждый съ своимъ родомъ жилъ особо, на своемъ мѣстѣ, каждый владѣлъ особо своимъ родомъ. Эти слова въ точности обозначаютъ характеръ древняго общественнаго быта и на первой его ступени, въ смыслѣ особыхъ кровныхъ родовъ, и на той ступени, гдѣ изъ родовъ образовались общины и города дружины“ (Тамъ же. с. 584)

⁸⁷⁾ Оporоу мнѣнія о вѣчѣ г. Соловьева служить аналогическое заключеніе, по которому „на вѣчахъ мы видимъ и послѣ однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе“. (Ист. Рос. т. I. с. 67). Но этотъ аргументъ также нуждается въ доказательствахъ, которые авторомъ не указаны; позже, на вѣчахъ Новгорода, Киева, Чернигова и другихъ городовъ эпохи Рюриковичей мы видимъ не однихъ старцевъ. Кромѣ того, воззрѣнія г. Соловьева на значеніе вѣча древнерусскихъ Славянъ, по своему содержанію, приводитъ насъ къ такимъ же недоразумѣніямъ, какъ и воззрѣніе его на значеніе города дорюриковской эпохи. По ученію автора общественное устройство русскихъ Славянъ до времени призванія Рюрика еще не переходило родовой грани, то есть, жили еще отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, подъ управленіемъ своихъ родоначальниковъ. Призваніе Рюрика является непосредственнымъ слѣдствіемъ появленія общенія между сосѣдними родами, появленія сходоу, вѣчъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, внутреннихъ неурядицъ и сознанія необходимости правительственнаго начала, стоящаго внѣ родоваго эгоизма. Призванные варяжскіе князья вводятъ правительственный порядокъ въ общественную неурядицу древнерусскихъ Славянъ (Тамъ же, с. 67, 105—109; т. XIII, с. 4 и слѣд.). Но если появленіе вѣчъ влекло за собою неурядицы, усобицы и сознаніе о необходимости высшаго правительственнаго начала, то это сознаніе должно было явиться гораздо равѣ эпохи призванія Рюрика. Автору извѣстны свидѣтельства иностранныхъ писателей, по которымъ уже за 300 лѣтъ до призванія Рюрика Славяне жили при народномъ правленіи и имѣли обычаи сходиться на общіе совѣты о всякихъ дѣлахъ“ (Тамъ же, т. I, прим. 56); ему извѣстно также свидѣтельство нашей лѣтописи, по которому *значила* Новгородцы, Смольняне, Киевляне, Полочане и всѣ волости древнерусскихъ Славянъ сходились на вѣча. Эти извѣстія невозможно примирить съ воззрѣніемъ на появленіе вѣчъ у русскихъ Славянъ непосредственно передъ эпохою призванія Варяговъ. Народные сходы, вѣча представляютъ

собой признакъ народнаго, общиннаго, демократическаго правленія, а не исключительно родоваго; по сознанию самого автора „они суть первое слѣдствие общенія между родами, разложенія родоваго начала“, хотя бы эти сходны состояли первоначально изъ однихъ родоначальниковъ (тамъ же, с. 67); но послѣднее представляется намъ только предположеніемъ автора, которому противорѣчатъ свидѣтельства иностранныхъ писателей и нашей лѣтописи.

⁸⁸⁾ Мнѣніе г. Кавелина о значеніи вѣча древнерусскихъ Славянъ не подкрѣплено никакими доказательствами. См. выше гл. I. воззрѣнія Кавелина.

⁸⁹⁾ Это мнѣніе также не опирается ни на какія доказательства.

⁹⁰⁾ Мнѣніе г. Никитскаго о значеніи вѣча древнерусскихъ Славянъ состоитъ въ связи съ его понятіемъ о высшей патриархальной единицѣ. Высшіе роды, по его мнѣнію, какъ и простые роды, были ничѣмъ инымъ какъ государствами (Оч. Вн. Ис. Пскова; с. 7, 27, 44). Такими патриархальными государствами была покрыта вся Русь (тамъ же, с. 32: „патриархальными княженіями была покрыта вся Русь: княженія встрѣчаются у Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Новгородцевъ, Полочанъ“) и эти государства были такого незначительнаго размѣра, что въ извѣстные дни всѣ жители государства могли утромъ явиться въ городъ, исполнить тамъ всѣ свои торговыя дѣла, принять участіе въ народномъ собраніи, а къ вечеру разойтись по своимъ мѣстожителствамъ (тамъ же с. 41: „родовые союзы, княженія, всѣ были большею частью незначительнаго размѣра, посѣщеніе вѣча было доступно для всего населенія въ княженіи; въ извѣстные дни, у Вагровъ напримѣръ въ понедѣльникъ, жители селъ и деревень, входившихъ въ составъ союза, могли утромъ явиться въ городъ, исполнить тамъ свои торговыя дѣла, принять участіе въ народномъ собраніи, если оно было, а затѣмъ къ вечеру разойтись спокойно по своимъ мѣстожителствамъ“). Но такое пониманіе значенія древнерусскаго княженія противорѣчитъ смыслу того свидѣтельства лѣтописи, на которомъ оно основано. Въ лѣтописи говорится: „и по сихъ братья (Кія, Щека и Хорива) держати начаша родъ ихъ *княжене* въ Поляхъ, въ Деревляхъ *свое*, а Дреговичи *свое*, а Словени *свое* въ Новгородѣ, а *другое* на Полотѣ“ (П. С. Р. I. т. I, с. 5). По смыслу этого извѣстія каждое племя составляло только одно княженіе, а слѣдовательно, княженія древней Руси не были такъ многочисленны и такъ малы, чтобы все населеніе княженія могло принимать участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ, съ такимъ удобствомъ, какъ это представляется автору.

⁹¹⁾ „Призваніе первыхъ князей, говоритъ г. Соловьевъ, имѣетъ великое значеніе въ нашей исторіи, есть событіе всероссійское и съ него справедливо начинаютъ русскую исторію... „Варяги имѣютъ свою особую исторію или лучше сказать одни составляютъ ее. Славяне платили дань, работали только, а впрочемъ жили по прежнему“: вотъ основная мысль г. Погодина! Начальная русская исторія есть исторія Варяговъ по его мнѣнію... И въ событіяхъ вѣнскихъ, въ походахъ, завоеваніяхъ, и въ жизни внутренней, Славяне составляютъ свою исторію; Варяги являются въ ней только участниками, служебниками“ (Ист. Рос. т. I, с. 109, 303—310 и примѣч. 437).

⁹²⁾ Въ половинѣ IX вѣка на сѣверномъ краѣ Россіи совершилось важное, многознаменательное событіе. Въ это время возникаетъ въ Россіи новый порядокъ вещей, принесенный извнѣ... Изъ русско славянскихъ племенъ, волей и неволей покорившихся варяжской дружинѣ, образуется сильное обширное государство; но устройство его носитъ не славянскій отпечатокъ; кажется, оно было феодальное“. Соч. Кавелина, ч. I, с. 327—328.

⁹³⁾ Ист. Рус. Жизни, с. 582—586.

⁹⁴⁾ „Получаемая, говорить г. Никитский, чрезъ усиленіе юридическаго сознанія новая общественная единица, родъ, есть ничто иное, какъ государство; родовые союзы, входившіе въ составъ княженія, были ничѣмъ инымъ, какъ государствами въ незначительномъ масштабѣ;“ „когда роду приходилось взойти въ составъ новаго цѣлаго, за нимъ все еще оставалась обширная, совершенно независимая сфера дѣйствія, въ которой онъ былъ полнымъ господиномъ; такимъ образомъ родъ представлялъ въ подобномъ случаѣ какъ бы государство въ государствѣ“ (Оч. Вн. Ис. Пскова, с. 7, 27, 44).

⁹⁵⁾ См. Ж. М. Н. П. 1874 г. Августъ. Статья Леонтовича: Задружно-общинный характеръ быта древней Россіи; с. 203.

⁹⁶⁾ Библиогр. Словарь Им. Моск. Унив. Изд. 1855 г., статья г. Соловьева о Каченовскомъ, с. 401, 402.

⁹⁷⁾ См. выше с. 43.

⁹⁸⁾ Тамъ же.

⁹⁹⁾ Тамъ же, примѣч. 115—125.

¹⁰⁰⁾ Тамъ же, примѣч. 126.

¹⁰¹⁾ Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древ., 1850 г. кн. VIII, с. 53.

¹⁰²⁾ См. выше, примѣч. 99.

¹⁰³⁾ См. выше с. 44.

¹⁰⁴⁾ Тамъ же.

¹⁰⁵⁾ Тамъ же, с. 45.

¹⁰⁶⁾ Аксанова Сочин., ч. I, с. 53—56, 87.

¹⁰⁷⁾ Тамъ же.

¹⁰⁸⁾ Тамъ же, с. 78, 79.

¹⁰⁹⁾ Тамъ же, с. 79.

¹¹⁰⁾ Тамъ же, с. 61, 78.

¹¹¹⁾ Тамъ же, с. 79.

¹¹²⁾ Тамъ же, с. 92, 93.

¹¹³⁾ Тамъ же, с. 80, 83.

¹¹⁴⁾ Тамъ же, с. 54.

¹¹⁵⁾ Тамъ же, с. 55, 56.

¹¹⁶⁾ См. выше, с. 46.

¹¹⁷⁾ Тамъ же.

¹¹⁸⁾ Русск. Нар. и Госуд. с. 114, 97 и слѣд.

¹¹⁹⁾ Тамъ же, с. 93 и слѣд.

¹²⁰⁾ Тамъ же, с. 117 и слѣд.

¹²¹⁾ Тамъ же, с. 131.

¹²²⁾ Тамъ же, с. 114, 117, 118, 119, 120, 128, 134 и др.

¹²³⁾ См. выше, с. 49.

¹²⁴⁾ Касаясь вопроса объ отношеніи отдѣльныхъ членовъ общины къ цѣлой общинѣ, авторъ высказываетъ: „одно ясно: въ началѣ, въ древности лица верви могли свободно ходить съ одного мѣста на другое, могли пользоваться полнымъ правомъ перехода изъ одной верви въ другую; сами общины отъ того мало теряли: одни члены оставляли ихъ, за то другіе входили вновь“ (Русск. Нар. и Госуд. с. 119). На слѣдующей страницѣ читаемъ: „первоначально, когда весь вопросъ жителей состоялъ въ количествѣ владѣнія, котораго повсюду было много, переходы и передвиженія могли совершаться только внутри и въ предѣлахъ каждой верви“ (Тамъ же, с. 120); черезъ нѣсколько страницъ снова читаемъ: „общины могли измѣняться въ своемъ на-

селеніи, могли пустѣть и вновь наполняться сѣльчанами, которые могли ходить по всему пространству Россіи (Тамъ же, с. 131).

¹²⁵⁾ Тамъ же, ср. с. 95, 98, 120. Въ ученіи о внутреннемъ составѣ каждой верви, авторъ высказываетъ: „владѣльческіе, отдѣльные участки (въ верви) были совершенно равны“, и объясняетъ происхождение этого равенства слѣдующимъ образомъ: „главное, основное, первое исполнѣ осѣдлое населеніе верви, въ первую минуту осѣдлости, должно было поровну раздѣлять свою землю между всѣми своими членами. Каждый изъ его членовъ занималъ изъ общей земли столько; сколько было ему нужно; каждому было нужно столько, сколько и другому; каждый занималъ столько, сколько было нужно для прокормленія себя и своихъ и всѣ занимали необходимо поровну“ (Тамъ же, с. 17). Отсюда мы не видимъ, почему отдѣльные участки въ вервахъ были равны; если каждый занималъ землю соответственно своимъ нуждамъ и своимъ силамъ, и притомъ не только для себя, но и для своихъ (т. е. для своей семьи?), то участки каждаго не могли быть равны, потому что силы для обработки земли и нужды у всѣхъ членовъ не могли быть совершенно одинаковы. Вообще ученіе г. Лешкова о началахъ крѣпости общиннаго союза возбуждаетъ сомнѣнія на каждомъ шагѣ.

¹²⁶⁾ См. выше, с. 49.

¹²⁷⁾ Русск. Нар. и Госуд. с. 131.

¹²⁸⁾ См. выше теорію задружно общиннаго быта. с. 52 и слѣд.

¹²⁹⁾ „Родоваго быта здѣсь (въ задругѣ), говоритъ Аксаковъ, вовсе нѣтъ, здѣсь дѣйствуетъ свободная воля семьи, которая означаетъ собственно союзъ людей, связанныхъ чисто семейнымъ родствомъ, на тѣсной семейной основѣ, союзъ въ своихъ дѣйствіяхъ свободный и могущій по произволу расширяться и сжиматься для совокупнаго жительства и хозяйства, даже не обращая вниманія на родство. В. С. Каралжичъ изображаетъ власть старѣйшинъ сербскихъ, и въ его словъ видно, что старѣйшина хозяинъ и дѣйствуетъ съ согласія членовъ семьи; изъ словъ его видно, что онъ можетъ быть и неизбранный (отецъ), или избранный, какъ скоро члены семьи равны, какъ напримѣръ, братья. Послѣ сдѣланнаго объясненія мы нимало не находимъ здѣсь родоваго быта“. Сочиненія, I, с. 91, 93.

¹³⁰⁾ „Мы знаемъ Славянъ, говоритъ г. Соловьевъ, осѣдлыми и живущими въ формѣ родоваго союза, въ той самой формѣ, въ какой многіе изъ нихъ по-прежнему живутъ и теперь. Когда въ последнее время заданъ былъ во многихъ южно-славянскихъ мѣстностяхъ вопросъ: всѣ ли задругари (живущіе въ союзѣ, извѣстномъ подъ именемъ задруги) свои по крови или нѣтъ? то отовсюду полученъ былъ одинъ отвѣтъ: всѣ задругари свои между собою по крови, принимаютъ чужаго въ томъ случаѣ, когда онъ женится въ задругѣ: всѣ родня и находятся въ тѣсномъ, любовномъ союзѣ; а когда это любовное отношеніе исчезаетъ, то дѣлается“. С. Гос. Зн. Безобразова, 1877 г. т. IV, с. 12.

¹³¹⁾ По мнѣнію г. Никитскаго: „идея семейной общины довольно распространенное, конечно, въ настоящее время понятіе; но ближайшее знакомство съ послѣднимъ показываетъ, что семейная община есть или ни что иное какъ родъ или же относится къ разряду немислимыхъ понятій“. Оч. Вн. Ист. Пскова, с. 7 и 8.

¹³²⁾ По Ткалацу: „Die serbische Familienverfassung äussert sich in zwei verschiedenen Arten; entweder besteht die Familie bloss aus ihren natürlichen Mitgliedern (Vater, Mutter und Kindern) unter der patriarchalischen Gewalt des

Vaters—oder sie besteht aus einer Anzahl von Personen, welche zwar blutsverwandt sein können, es aber nicht sein müssen, und welche allein oder mit ihren Nachkommen zum gemeinsamen Erwerbe und Genusse des Lebens vereinigt unter einem freigewählten Oberhaupte in Einem Hause und in vollkommener Gütergemeinschaft zusammen leben. Das erstere Verhältniss (ynokossnost) hat auch in Serbien keine in staatsrechtlicher Beziehung besonders hervorzuhebende Eigenthümlichkeit an sich; desto interessanter ist aber das zweiterwähnte (Sadruha), welches in Ermanglung eines passenden Wortes Hausgemeinschaft genannt werden mag. Eine uralte slawische Sitte hat sie sich bei Russen, Bulgaren, Serben und Kroaten noch heute erhalten; am vollständigsten in Russland wo sie der ganz analogen Gemeindeverfassung zur Basis und zum Vorbilde dient und sich im Zusammenhange mit dieser weiter entwickelt hat". Das Staatsrecht des Fürstenthums Serbien; Leipzig, 1858, S. 60 61.

¹³³⁾ Slovanské Právo v Czechách a na Morávě. V Praze, 1863; 66. Zřízení rodův t. j. způsob a forma společenstva, ve které Slovane čeští žili, byl řád tak zvaný patriarchální, řád onen prvotný, ve kterém vůbec národové z počátku trvali... I mezi Slovany jsou kmeny; jenž přese všecky proměny a osudy zachovaly dosti zřejmě starou patriarchální formu svého společenstva; jest to zejména lid chorvatský a srbský. Řád rodový starých Czechův podoben byl řádu tomuto jihoslovanskému. Zádruha jihoslovanská tak slove tato pospolitost rodu—est spolek osob, jenž jsouce svazkem příbuzenstva spojeny, společný statek mají a pod starostou voleným žijíce do spolku pracují a společně chlebí. Isou zádruchy, že i cizí nepřibuzní do svazku rodového bývají přijímáni. Od zádruchy liší se u Srbů tak zvaná inokossnost, kdež rodina t. j. otec a matka s dětmi, s vyloučením jiných příbuzných, spolu žijí, naše obyčejná nyní rodina. Rod v zádruze žijící má společné jméno i společné jmění.

¹³⁴⁾ Тамъ же с. 154. Slovanský rod byl jak svrchu vyloženo, jednota neboližto spolek rodin a osob živoucích v řádu čeledním, pod správou hospodáře či vládyky, obyčejně v jedné společné osadě usedlých. Řád tento podnes trvá v jižních Slovanech, takováto pak jednota slove u nich zádruha neboli zajedin. Jednota rodu zjevuje se předešlím co jednota právní; rod totiž měl společný statek, společné jmění; statek takový slul dědina. Zádruha není pouze sbor a společnost osob pokrevenstvím napospol zpřízněných, alebrž spolek osob vůbec v jednotu takovou příslušejících a přibrávaných... Тамъ же, с. 63. Plémě bylo soubor rodů drobných. Rodové tito živouce vsedliskách vesnických (dědinách, vsích), měli společný statek, společnou hlavu, zvláště pak společné jméno. Osada co osada neměla jména; sebe samých nazývali obivatele, a jméno jejich zůstalo i osadě; Utěšincovic na př. jest prvé název rodu, potom teprv název osady... Тамъ же, с. 68. Osada i rod byly nerozdílné, že v osadě právě nesídlle než rod, klerýž měl jméno svoje, zanechávaje ho osadě.

¹³⁵⁾ Русская история; т. I, с. 41.

¹³⁶⁾ Тамъ же, с. 43.

¹³⁷⁾ Журн. Мин. Народ. Просв. 1867 г. N. IV, с. 12.

¹³⁸⁾ Тамъ же, с. 18.

¹³⁹⁾ Тамъ же, 1874 г. Июль, с. 138 и 139.

¹⁴⁰⁾ Вукъ Стефановичъ Караджичъ впервые познакомилъ ученую литературу съ задругою южныхъ Славянъ, чрезъ посредство изданнаго имъ Сербскаго словаря, въ которомъ свѣдѣнія о задругѣ помѣщены подъ словами *задруга* и *старыйшина кутни*. Авторъ характеризуетъ задругу слѣдующими чертами: „задруга есть семейное общество, состоящее изъ семействъ, по обычаю сербскаго народа, живущихъ въ одномъ домѣ. По тридцати домонач-

цевъ (челяди) слушаютъ въ Сербіи одного и составляютъ одинъ союзъ (куну). Въ Далмаціи въ селеніи Ръчанахъ, мѣтъ указывали челоуѣка, по прозванію Триеоновича, который имѣлъ 62 домохадца, между которыми считалось 13 супружествъ и двѣ вдовы. Старѣйшина, глава семейства, патриархъ управляетъ союзомъ и всѣмъ его имѣніемъ. Старѣйшиною не всегда бываетъ старшій дѣтами въ союзѣ: подѣ старость отецъ передаетъ старѣйшинство болѣе способному изъ своихъ сыновей (или брату, или сыновцу), хотя бы онъ былъ и младшій. Отъ старѣйшины кутяго, владыки въ задругѣ, отличается у Сербовъ старѣйшина сельскій, управляющій селомъ.“ Српски Речникъ. Изд. 1852 г. у Бечу, с. 173, 713

На вопросъ: что такое задруга или семейная община южныхъ Славянъ? г. Утешеновичъ отвѣчаетъ слѣдующими опредѣленіями: семейную общину составляютъ обыкновенно домохозяинъ (*gospodar, starešina*) съ женою и двоими, троими дѣтьми; его старые отецъ и мать; дядя съ женою, бездѣтный или съ дѣтьми; младшій братъ съ женою. Семейныя общины не такъ многолюдны, какъ обыкновенно думаютъ: онѣ состоятъ, по большей части, среднимъ числомъ, изъ 10—12 лицъ, часто даже изъ одной семьи. Исключенія можно встрѣтить только въ немногихъ богатыхъ домахъ, состоящихъ изъ 50 и 60 лицъ. Семейная община живетъ отдѣльнымъ дворомъ. Дворъ составляютъ: главный домъ, въ которомъ помѣщаются домохозяинъ съ домохозяйкою, пристройки, въ которыхъ помѣщаются младшіе члены семейной общины, и различныя хозяйственныя строенія, въ которыхъ помѣщаются хозяйственные запасы, хозяйственныя орудія, скотъ и пр. Все недвижимое имѣніе семейной общины составляетъ нераздѣльную, хозяйственную единицу, состоящую въ общемъ владѣніи общины. Задругари или члены семейной общины соединенными силами хозяйничаютъ на общей землѣ, а господарь-домовладка руководитъ работами. Господаремъ бываетъ не всегда старшій дѣтами; отецъ иногда добровольно слагаетъ съ себя это званіе и уступаетъ его не всегда старшему изъ сыновей, но способнѣйшему, а если въ домѣ у него есть братъ или другой сродникъ, то даже и ему; часто домохозяинъ избирается изъ членовъ семейной общины по общему согласію. *Die Hausgemeinschaften der Südslaven. Wien 1858 г., с. 2 и слѣд.* На русскомъ языкѣ обстоятельное извлеченіе изъ этого сочиненія можно найти въ Русской Бесѣдѣ за 1859 г., N. IV, Отд. Критики; статья: Семейная община южныхъ Славянъ.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ гг. Чапловичемъ и Милевичемъ, сельская общественная организація южныхъ Славянъ представляетъ двѣ ступени: задругу или семейную общину и деревенскую или сельскую общину (территориальную). Задруга есть подраздѣленіе деревенской общины, ея составная часть, состоящая изъ одного дома или двора, называемаго по сербски *куча*. Семейная община, живущая въ кучѣ, управляется своимъ старѣйшиною-отцемъ-домовладкою. Домохадцы, челядь, повинуются домовладкѣ—домакину безпрекословно, а кто не желаетъ повиноваться, то можетъ оставить родительскій домъ и основать собственный. Если у отца двое или болѣе сыновей, то онъ можетъ передать старѣйшинство тому изъ нихъ, котораго считаетъ способнѣйшимъ, хотя бы онъ былъ и младшій; всѣ остальные домохадцы обязаны ему повиноваться. Если отецъ, имѣющій нѣсколько сыновей умираетъ, не назначивъ по себѣ преемника, то старѣйшиною становится тотъ, который заслужилъ большее уваженіе по уму и характеру; если же у отца одинъ сынъ, то старѣйшинство по

праву переходить къ нему. См. Чапловича: „Общественный и домашній бытъ Сербовъ“, въ Журн. Мин. Народ. Пр. за 1856 г. ч. XC. Отд. Науки, с. 78 и слѣд. Миличевича: „Прег. задр. стаян Сרב. селѣка“, въ Гласн. друж. сרב. словесн. за 1857 г., IX. Рус. Бесѣда за 1858 г. N. 2. „Семейная община по селамъ сербскимъ“.

Наконецъ, по свидѣніямъ, собраннымъ г. Богичичемъ, задруги никогда не бывають такъ многолюдны, чтобы составить цѣлое село, даже деревню. Есть у южныхъ Славянъ деревни, всѣ жители которыхъ носятъ одну фамилію, но и такія деревни всегда состоятъ изъ нѣсколькихъ семейныхъ общинъ. Меньшія задруги заключаютъ въ себѣ отъ 4 до 10 лицъ обоого пола; общины средней величины заключаютъ въ себѣ отъ 10 до 30 членовъ; наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, встрѣчаются задруги, заключающія въ себѣ до 50 (въ Славоніи) и даже до 70 (въ Гачкѣ) человѣкъ. Всѣ члены одной задруги родственны между собой и родство между ними доходитъ до четвертаго колѣна. Неродственники принимаются въ задругу только при посредствѣ брака и усыновленія. Въ Босніи бывали случаи, когда два друга соединяли свои хозяйства и составляли задругу, но такія задруги всегда распадалась въ случаѣ брака одного изъ друзей. Zbornik zadañnjih pravnih obiçaja u južnih Slovena 1874 г. u Zagrebu, с. 10—14; 18—20 и др. Это изданіе представляетъ собою сборникъ отвѣтовъ изъ 42 мѣстностей южныхъ Славянъ, доставленныхъ приходскими священниками, общинными урядниками и другими лицами, на програму запросовъ, составленную профессоромъ Богичичемъ, въ которой, между прочимъ, были поставлены спеціальныя вопросы о происхожденіи задруги, количествѣ членовъ въ задругѣ, власти старѣйшины и пр.

¹⁴¹⁾ Существеннымъ признакомъ римской семьи служить власть отца надъ его потомками и надъ всѣмъ принадлежащимъ его потомкамъ, съ исключеніемъ всякой другой власти, кромѣ государственной. „Qui ex te et uxore tua nascitur, in tua potestate est. Item qui ex filio tuo et uxore ejus nascitur, id est nepos tuus et neptis, atque in tua sunt potestate et pronepos et proneptis et deinceps caeteri. Qui autem ex filia tua nascuntur, in potestate tua non sunt, sed in patris eorum“ (Inst. L. I, t. IX, § 3). „Liberi vestri utriusque sexus, quos in potestate habetis, olim quidem quicquid ad eos pervenerat (exsertis videlicet castrensibus pecuniis) hoc parentibus suis acquirebant sine ulla distinctione“ (Ibid, II, t. IX, § 1). Существенными признаками территоріальной общины служатъ: круговая порука, совмѣстное сожительство на общей землѣ и главенство народнаго схода. См. выше теорію общиннаго быта.

¹⁴²⁾ Въ извѣстной чешской пѣснѣ (Судъ Любуши) между прочимъ читаемъ: „И умре ља глава челедина, дѣти всѣ ту сбожіемъ въ едно владу, владыку си з рода выберуце къ пльне дле в снемы славны ходи“. (Извѣст. Имп. Акад. Наукъ, I, Пам. с. 11). Въ Законникѣ Стефана Душана задруга имѣетъ значеніе союза родственнаго (ст. 70): „и кто зло учини, братъ или сынъ или родомъ, кон су у единой кука, въсе да плати господарь куке“ Зак. Ст. Душана, соч. Ф. Ф. Зигеля, 1872 г., прилож. с. 42.

¹⁴³⁾ См. Юрид. Вѣстникъ Моск. Юрид. Общ. за 1876 г. Октябрь, с. 140.

¹⁴⁴⁾ См. выше примѣч. 133, 134.

¹⁴⁵⁾ См. выше прим. 132.

¹⁴⁶⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г., N. IV; статья: О значеніи верви, с. 12, 18.

147) Рус. Ист. I, с. 41.

148) Ж. М. Н. П. 1874 г. Июль, с. 138, 139.

149) Оч. Вн. Ист. Пскова, с. 8

150) См. Ж. М. Н. П. 1874 г. Июль, с. 125 и слѣд.

151) Že pak i ve Slovanech českomoravských podobného řádu rodového, podobných zádrůh stávalo, o tom máme svědectví a důkazy následující: jednota a společnost rodu u starých Czechů jeví se především ve společenství statku neboli zboží nemovitého. Prvotný název nemovitého statku jest dědina. Dědina značí statek po děděch na nápotomné potomstvo přecházející; jinými slovy: Dědina značí statek rodový. Charvátům slove dědina, baština Polákům i Slovákům otčina, otcina; kořen u všech jest jeden a tentýž: děd, bájta, otec, tedy předeek, potomstva rodového, pokrevensvím příbuzného. Slov. Právo, p. 67.

152) Společná ruka (věra i poruka, fidejussio generalis) nijak se nedá vyložití, leč že rod (v druhé řadě osada) povinen byl odpovídati za zlé činy jednotlivých členů svých, ač nevydal-li jich na soud a pokutu, též i zespolka nahrasovati škody a skládati pokuty za zločince. Odpovědnost taková předpokládá jednak moc, kterou směl náčelník provozovati nad členy rodu svého, jednak i onu srostlost a souvislost rodu, že raději společně nahrazoval škodu a snášel pokutu než aby vydal zločinného člena svého na soud. Odpovědnost takovou znají také zákony v Slovanech tureckých podnes. Ibid. p. 68.

153) См. выше прим. 132.

154) Slov. Právo, с. 69: „z toho bohda (rodovýchъ названій недвижимаго имущества, круговой поруки и родovýchъ названій поселеній) jasně vysvitá, že i u starých Slovanů česko-moravských stávalo podobného řádu rodového, jaký se podnes spatřuje v zádrůhách u Slovanů jižných; všemu tomu svědčí ostatně i výslovné svědectví vážené z Ruk. Zel., kdež řád tento rodový nevyatiblou rázovitostí a trefností jest vylíčen”.

155) Названія недвижимаго имущества у Славянъ дѣдина, отчина и баштина указываютъ на родовое имущество въ отличіе отъ имущества благопріобрѣтеннаго; но это указаніе не даетъ намъ никакого права считать роль—задругу первоначальной и исключительной формой славянскаго обществія. Существованіе родovýchъ имуществъ и родovýchъ союзовъ въ данномъ обществѣ и въ данную эпоху не исключаетъ собою возможности существованія въ томъ же обществѣ и въ ту же эпоху общинныхъ имуществъ и общинъ територіальныхъ. Можно допустить даже, что територіальная община съ общимъ землевладѣніемъ предшествовала у Славянъ образованію родovýchъ имуществъ, а затѣмъ, съ появленіемъ частной поземельной собственности, переходившей по наслѣдству отъ отца къ сыну и отъ дѣда къ внуку, появились естественно и названія, указывающія на этотъ видъ собственности. По ученію самого г. Иречка недвижимая собственность у древнихъ Славянъ переходила не отъ отца къ дѣтямъ и отъ дѣда къ внукамъ, не отъ лица къ лицу, а отъ поколѣнія къ поколѣнію; собственникомъ такого имущества была семейная община, цѣлый союзъ лицъ и семействъ, а не родоначальникъ; непонятно, какъ при такомъ порядкѣ наслѣдованія могли появиться у древнихъ Славянъ названія недвижимаго имущества дѣдина и отчина, указывающія на частную поземельную собственность. Институтъ круговой поруки мы встрѣчаемъ въ славянскомъ законодательствѣ среднихъ вѣковъ; но происхожденіе этого института изъ первоначальныхъ родovýchъ отношеній весьма сомнительно. Послѣдова-

тели общинной теоріи объясняютъ происхождение круговой поруки средне-вѣковыхъ законодательствъ не родовымъ, а договорнымъ началомъ и подкрѣпляютъ это объясненіе основательными фактическими данными. Точное указаніе на происхождение этого института въ отношеніи уплаты виры мы встрѣчаемъ впервые въ древнѣйшемъ изъ памятниковъ славянскаго права—въ Русской Правдѣ; но здѣсь круговая порука основывается на свободной волѣ сованиковъ (Спис. Троиц., ст. 6: „аще кто не вложится въ дикую вѣру, тому людье не помогаютъ, но самъ платитъ“). Ср. Христом. Владимірскаго-Буданова, I, с. 44). „Местъ, головничество и вира, справедливо говорить г. Лешковъ, падаетъ по Русской Правдѣ на убійцу, иногда на вервь, но никогда на родъ; родъ не имѣетъ никакихъ обязанностей, ни права искать, ни обязанности отвѣчать (Русск. Народъ и Государство, с. 97). О родовыхъ названіяхъ поселеній и свидѣтельствѣ Зеленогорской рукописи, какъ неосновательныхъ доказательствахъ въ пользу мнѣнія о первоначальной древности рода у Славянъ, мы скажемъ въ текстѣ, при разборѣ возвращеній гг. Бестужева-Рюмина и Леонтовича.

¹⁵⁴⁾ Рус. Ист. I, с. 6, 7, 49, 53.

¹⁵⁷⁾ Ж. М. Н. П. 1874 г. Июль, с. 149, Августъ, с. 214.

¹⁵⁶⁾ „Въ теперешнемъ бытѣ, говоритъ г. Бестужевъ-Рюминъ, и въ памятникахъ встрѣчаются намеки на то, что если не родовой бытъ, то нѣчто подобное ему было у Славянъ когда то, въ отдаленную эпоху; сюда относятся имена славяно-русскихъ племенъ: Радимичи и Витичи, производимыя отъ двухъ героев-родоначальниковъ.—Родима и Вятко,—сюда относятся существующія у Чеховъ названія селеній: Яновичи, Петровичи и т. д., а что всего важнѣе, сюда относится обрядъ умыканія невѣсты, до сихъ поръ еще кое гдѣ сохраняющійся въ видѣ обряда“. Рус. Ист. I, с. 36. „Родовая клѣточка (родъ) въ жизни русскаго народа вполне завершила свой кругъ, реорганизовалась въ иную клѣточку, съ другою, болѣе сложною организаціей, еще въ темную эпоху доисторическихъ времёнъ. На глазахъ исторіи, и то лишь на первыхъ порахъ, задержались едва замѣтные слѣды и остатки (похищеніе и сожженіе женъ, патронимическія имена и пр.) отъ старой родовой организаціи“. Ж. М. Н. П. 1874 г. Августъ, с. 199.

¹⁵⁹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, с. 3.

¹⁶⁰⁾ См. выше примѣч. 78.

¹⁶¹⁾ Рус. Ист. I, с. 37. Ж. М. Н. П. 1874 г. Августъ, с. 199.

¹⁶²⁾ См. выше с. 102—105. Леббока: Начало цивилизаціи, изд. 1876 г. гл. III, с. 54, 56, 65, 71, 74, 75 и слѣд.

¹⁶³⁾ Ср. Соловьева: Ист. Россіи, I, с. 64; 1866 г. Никитскаго: Оч. Внутр. Ист. Пскова, с. 8, 14. Аксакова Сочин., ч. I, с. 83 и слѣд.

¹⁶⁴⁾ Какъ на образецъ доказательствъ автора, мы укажемъ здѣсь на его соображенія, направленные къ доказательству тождественности современной *задрун* вѣжныхъ Славянъ и *дружина* древнерусскихъ памятниковъ. За приведеннымъ въ текстѣ невѣрнымъ опредѣленіемъ понятія современной *задрун* вѣжныхъ Славянъ, авторъ продолжаетъ: „задрун можно видѣть также въ *дружинахъ* нѣкоторыхъ памятниковъ, она известна Правдѣ и Полицкому Статуту въ смыслѣ верви (?). Наши лѣтописи называютъ дружиною не только сподручниковъ княжескихъ (боляръ и пр.), но и всякій другой союзъ (?), напримѣръ, ремесленную артель, называвшуюся по лѣтописямъ XIV вѣка дружиною. Изъ Русской Правды видно,

что дружиною назывался также союзъ лицъ принадлежавшихъ къ верви (?). Тоже самое (?) показываетъ Полицій Статутъ и старыя сербскія грамоты“. Ж. М. Н. П. 1867 г. N 4, с. 12. Такимъ путемъ можно доказывать тождественность какихъ угодно социальныхъ формъ.

¹⁶⁰⁾ Тамъ же, с. 17.

¹⁶¹⁾ Рус. Ист. I. с. 41. Ж. М. Н. П. 1874 г. Августъ, с. 206.

¹⁶²⁾ Путеш. въ Черногорію, с. 124, 127.

¹⁶³⁾ См. Ж. М. Н. П. 1867 г., N. 4 О значеніи верви, с. 18. Русская Бесѣда, 1859 г., IV; отд. критики, с. 8.

¹⁶⁴⁾ Сочиненія, I, с. 94.

¹⁶⁵⁾ Рус. Бес. 1859 г. IV, с. 9, 10.

¹⁶⁶⁾ См. наше изслѣдованіе: Древніе города Россіи, с. 145 и сл.

¹⁶⁷⁾ См. ниже, глав. III, отд III.

¹⁶⁸⁾ См. выше гл. I, воззрѣнія гг. Леонтовича и Бестужева-Рюмина.

¹⁶⁹⁾ См. выше гл. I, с. 64 и слѣд.

¹⁷⁰⁾ Чтен. Имп. Общ. Ист. и Дрств. Рос. 1873 г. кн. I, с. 49—54.

¹⁷¹⁾ Тамъ-же с. 15 и слѣд.

¹⁷²⁾ Приводимъ здѣсь главнѣйшія изъ возраженій г. Сергѣевича, направленныхъ противъ первой главы сочиненія г. Затыркевича, интересующей насъ въ настоящее время.

Задача первой главы сочиненія г. Затыркевича, говоритъ г. Сергѣевичъ: различить въ періодъ до Рюрика бродячее, кочевое и городское осѣдлое населеніе и описать ихъ образъ жизни и политическое устройство. Въ рѣшеніи этой задачи авторъ отступаетъ отъ всѣхъ принятыхъ въ наукѣ русской исторіи воззрѣній.

Авторъ думаетъ, что „первоначально западная равнина современной Россіи была заселена славянскими племенами, которыя находились въ бродячемъ, звѣроловномъ состояніи и не имѣли городовъ; что города между Славянами стали появляться позднѣе, между VI и IX столѣтіями, и своимъ возникновеніемъ обязаны вторичному наплыву Славянъ съ запада. Эти вновь пришедшіе Славяне являютъ какъ завоеватели, они насильно вторгаются въ земли, населенныя бродячими Славянами и другими народами, также бродячими, и покоряютъ ихъ своей власти. Такимъ образомъ, среди бродячаго населенія поселяется городское, рѣзко отъ него отличающееся своею образованностью: это осѣдлое населеніе, чуждое бродячему, не имѣющее съ нимъ, по происхожденію, ничего общаго.“ На чемъ же основываетъ авторъ эти свои выводы? Онъ основываетъ ихъ на неимѣющихъ исторической достовѣрности сказаніяхъ о древнихъ строителяхъ городовъ: Славнѣ и Кнѣ. Іоакимъ, на авторитетъ котораго опирается г. Затыркевичъ, говоритъ только о князѣ Славнѣ, создавшемъ великій градъ Славянскъ; г. же Затыркевичъ прибавляетъ къ нему еще и Руса, строителя города Русм, Іоакиму неизвѣстнаго, по крайней мѣрѣ насколько мы знаемъ содержаніе его лѣтописи по извлеченію Татищева, на которую ссылается здѣсь авторъ. Татищевъ, привелъ сказаніе степенной книги о 5 братьяхъ: Славнѣ, Русѣ, Болгарѣ и пр., говоритъ: „коликъ сей сказатель, или паче врадъ, вѣроятія достоинъ, я толковать оставяю, но довольно того, что онъ никакого древнаго свидѣтельства на то не показалъ. Авторъ опирается также на извѣстіе начальной нашей лѣтописи о Вяткѣ и Радимѣ, пришедшихъ отъ Лаховъ; но такъ какъ Несторъ ничего не говоритъ

о построении городов этими выходцами, то онъ находитъ нужнымъ дополнить Нестора и утверждаетъ, что Вятко и Радимъ строили города по берегамъ рѣкъ Оки и Сожи. Наконецъ, авторъ сопоставляетъ извѣстия начальной нашей лѣтописи о Древлянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятчичахъ, жившихъ въ лѣсахъ, какъ звѣри, съ другими извѣстиями, изъ которыхъ видно, что жители городовъ строили дома, занимались земледѣлемъ ремеслами и торговлей.“ Уже это одно рѣзкое различіе въ образованіи, говоритъ онъ, показываетъ, что между городскимъ населеніемъ и населеніемъ открытыхъ мѣстностей не было ничего общаго по происхожденію, хотя бы мы и не имѣли о томъ положительныхъ свѣдѣній исторіи.“ Но отъ различія въ образѣ жизни горожанъ и сельчанъ, если бы оно и могло быть проведено строго, конечно, еще никакъ нельзя заключать о разномъ ихъ происхожденіи. Вотъ и всѣ доказательства автора въ пользу вышесказанныхъ положеній.

„Бродячіе народы, по мнѣнію г. Затыркевича, живутъ небольшими поселеніями, которыя въ древней Россіи назывались селами или весями. Они владѣютъ пахатными и усадебными землями. Кромѣ старѣйшинъ у нихъ есть жрецы, которые у Славянъ называются волхвами и кудесниками. У нихъ есть священныя мѣста, куда они собираются для религиозныхъ празднествъ и торговыхъ сдѣлокъ. Земли, занимаемыя родомъ, считались общою исключительною собственностью всѣхъ свободныхъ семействъ цѣлаго рода. Всѣ члены рода владѣли сообща рѣками, лѣсами и пр. Не только земли и воды находились въ общемъ владѣніи рода, но и всѣ женщины считались общою исключительною собственностью своего рода.“ Въ примѣрѣ того, какъ авторъ доказываетъ эти положенія, г. Сергѣевичъ приводитъ два примѣчанія, имѣющихъ цѣлью доказать, что земля у бродячихъ народовъ составляла общую собственность рода. Въ одномъ изъ этихъ примѣчаній авторъ ссылается на купчія крѣпости 14, 15 и 16 вѣковъ; въ другомъ примѣчаніи, вслѣдъ за ссылкой на Германцевъ и Американцевъ, читаемъ: „это дѣйствительно было такъ, что видно изъ того, что жители погостовъ на которые раздѣлено было бродячее населеніе, до позднѣйшаго времени владѣли сообща рыбными ловлями, лугами, лѣсами и такъ далѣе.“ Такимъ образомъ, замѣчаетъ критикъ, погосты позднѣйшаго времени (то есть, 15 и послѣдующихъ вѣковъ) и тѣ роды, которые г. Затыркевичъ усматриваетъ до Рюрика, одно и тоже! При-этомъ свидѣтельство Русской Правды о дѣлѣжъ наслѣдства братьями, которое во всякомъ случаѣ ближе къ дорюриковской эпохѣ, чѣмъ погосты позднѣйшаго времени и купчія крѣпости 14, 15 и послѣдующихъ вѣковъ, авторъ пропускаетъ молчаніемъ. „Какъ у бродячихъ, такъ и у кочевыхъ народовъ, говоритъ г. Затыркевичъ, существовало дѣленіе на племена, роды и родственные союзы и во главѣ каждого большаго и малаго союза стояли особыя старѣйшины. Такъ, у Половцевъ, раздѣлявшихся на множество отдѣльныхъ народцевъ, существовали рабы, простой народъ челядь или чадь, и два высшихъ господствующихъ сословія.“ То что говорится о Половцахъ, замѣчаетъ г. Сергѣевичъ, есть, очевидно, отдѣльный примѣръ на общее положеніе, высказанное въ предшествующемъ предложеніи. Такимъ образомъ, существованіе у Половцевъ рабовъ, простаго народа и двухъ высшихъ сословій служить доказательствомъ тому, что кочевой народъ Половцы дѣлился на племена, роды и родственные союзы.

„Города, по мнѣнію г. Затыркевича, были небольшими укрѣпле-

ніями, не имѣвшими постоянного населенія. Населеніе жило или вождѣ городскихъ стѣнъ, или же въ поселеніяхъ, которыя назывались селами и усадницами. Городское населеніе, какъ и бродячее, раздѣляется на роды; роды эти, какъ и роды бродячихъ народовъ, не были кровными союзами. Во главѣ такихъ родовъ стоятъ мужи, бояре, старѣйшины и князья; члены рода называются людьми, челядью и чадью.“ Въ примѣръ того, какъ доказываетъ авторъ эти свои положенія, г. Сергѣевичъ приводитъ двѣ ссылки, изъ которыхъ одна должна доказать, что мужи, бояре и князья стояли во главѣ искусственныхъ родовъ, а вторая, что въ *урокахъ* каждый родъ занималъ особое мѣсто жительства. Въ первой ссылкѣ находятся слѣдующіе выписки изъ лѣтописей: „Кій княжаше въ родѣ своемъ;“ „и послаша Древляне лучшіе мужи, числомъ 20;“ „и послаша старѣйшину и бояря“ и т. д.; во второй ссылкѣ читаемъ: послѣ изгнанія Варяговъ „вста родъ на родъ;“ „бѣста бо два брата въ Лясъхъ, Радимъ и Вятко; и сѣдоста Радимъ на Сожю, а Вятко по Оцѣ.“ И въ томъ и въ другомъ случаѣ критика не усматриваетъ никакой связи между ссылками и текстомъ.

Рядомъ со слабостью аргументаціи, критика г. Сергѣевича находитъ въ сочиненіи г. Затыркевича неточность языка и неопредѣленность политическихъ понятій.

„Если бы наши наслѣдователи, говоритъ г. Затыркевичъ, пришли къ заключенію, что до времени Рюрика обитали на востокѣ не крестьяне земледѣльцы однороднаго плѣга, но жили *два населенія, два племени, населеніе пришлое и населеніе бродячее и кочевое*.... тогда нужно было бы рѣшить вопросъ: что стало съ этими двумя населеніями, выступившими на борьбу другъ съ другомъ.“ Заключительная фраза, замѣчаетъ г. Сергѣевичъ, даетъ понятіе о точности языка и логическихъ приѣмахъ автора. „Населеніе“ и „племя“ онъ употребляетъ какъ понятія тождественныя. Далѣе, населенію „пришлому“ онъ противопоставляетъ „бродячее и кочевое“, тогда какъ понятіе пришлаго населенія, не заключая въ себѣ никакого указанія на образъ жизни, не можетъ находиться ни въ отношеніи согласія, ни въ отношеніи противоположенія къ понятію населенія бродячаго и кочеваго.

Свои разсужденія о политическомъ устройствѣ бродячихъ народовъ г. Затыркевичъ заключаетъ слѣдующимъ выводомъ: „изъ всего сказаннаго видно, что общественное устройство звѣролововъ древней Руси представляетъ смѣсь порядка народоправнаго съ порядкомъ *феодално-іераргическимъ*, общественныхъ отношеній политическихъ, основанныхъ на потребности безопасности, съ отношеніями социальными, экономическими и духовными.“ Вторая половина приведеннаго вывода, замѣчаетъ г. Сергѣевичъ, можетъ быть отнесена ко всякому общественному быту, ибо гдѣ же мы не встрѣтимъ *смѣси* отношеній политическихъ, экономическихъ и духовныхъ? Что же касается первой, то мы совершенно недоумѣваемъ, что разумѣетъ авторъ подѣ феодализмомъ, если онъ умѣлъ усмотрѣть феодальный порядокъ въ устройствѣ своихъ родовъ?... выводъ г. Затыркевича вовсе не характеризуетъ описанный имъ бытъ и обваруживаетъ крайне смутныя понятія автора о феодальныхъ порядкахъ.

Наконецъ, критика г. Сергѣевича открываетъ въ теоріи г. Затыркевича внутреннія противорѣчія.

Г. Затыркевичъ характеризуетъ образъ жизни и устройство первоначальнаго „населенія, занимавшаго лѣса и степи, и пришлаго осѣдлаго.“ Изъ этого противоположенія, говоритъ г. Сергѣевичъ, населенія осѣдлаго населенія, занимавшему лѣса и степи, читатель въправѣ вывести, что одно населеніе было осѣдлое, другое *не осѣдлое*. На дѣлѣ же оказывается, что и то и другое осѣдлое, такъ какъ одинаково занимается земледѣіемъ и живетъ въ селахъ.

„Бродячіе народы, по мнѣнію г. Затыркевича, ведутъ не патріархальный только образъ жизни, но имъ извѣстны *чисто политическіе союзы, преслѣдующіе разнообразныя цѣли обществѣнныя*.“ Утверждая это, по мнѣнію критика, авторъ впадаетъ въ неразрѣшимое противорѣчіе съ тѣмъ, что высказалъ ранѣе, когда онъ, безъ всякой оговорки, принялъ свидѣтельство Нестора о томъ, что Древляне, Сѣверяне и др. бродячіе народы жили въ лѣсахъ, какъ звѣри.

Помня задачу автора, продолжаетъ г. Сергѣевичъ, помня его утверженіе, что городское населеніе *чуждо* не городскому, что оно отличается отъ него своимъ *происхожденіемъ*, читатель имѣетъ основаніе думать, что въ составѣ городскихъ родовъ вовсе не входятъ бродячіе люди. Авторъ разубѣждаетъ его въ этомъ. „Переселяясь изъ восточной Европы, говоритъ онъ, славянскіе родоначальники старались увеличивать число людей, находившихся подъ ихъ властью, и съ этою цѣлью наполняли толпу принадлежавшихъ имъ людей обродными дружинами, составленными изъ разныхъ бродячихъ и кочевыхъ народовъ.“ Но и это еще не все; черезъ три строки читаемъ: „такимъ образомъ, *строителями славянскихъ городовъ были собственно не Славяне, но сбродныя дружины*“.... Если бродячіе народы вошли въ составъ сбродныхъ дружинъ и построили города, то читатель, кажется, въправѣ думать, что бродячье населеніе не чуждо городскому, и что городское, хотя отчасти, но общаго съ нимъ происхожденія. А если такъ, заключаетъ г. Сергѣевичъ, то чтоже стало съ *рѣзкимъ различіемъ* между городскимъ населеніемъ и бродячими народами, взаимная борьба которыхъ должна составлять движущее начало нашей исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего изслѣдованія г. Затыркевича? Журн. Мин. Народ. Просв. 1876 г. Январь. Отд. Критика. С. 204—211.

¹⁷⁸⁾ Тамъ же, с. 204, 205.

¹⁷⁹⁾ Тамъ же, с. 235.

¹⁸⁰⁾ См. выше прим. 177.

¹⁸¹⁾ Ж. М. Н. П. 1869 г. Ноябрь. Статья: „Современное состояніе въ наукѣ вопроса о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ удѣльный періодъ русской исторіи;“ с. 58 и слѣд.

¹⁸²⁾ Тамъ же, 1874 г. Іюнь. Статья: „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи;“ с. 201.

¹⁸³⁾ Тамъ же, 1876 г. Январь, с. 204.

¹⁸⁴⁾ См. Соловьева: „Начало русской земли,“ въ Сборн. Госуд. Знаній, Безобразова, т. IV. *Кавеліна*: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи,“ въ Сочин., ч. I. *Костомарова*: „Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси,“ въ сочин., т. I; „Начало единой державы въ древней Руси,“ въ Вѣстникѣ Европы, 1870 г. т. IV. *Лешкова*: „Русскій Народъ и Государ-

ство," с. 90—141. *Забьлица*: „Исторія русской жизни," с. 512 и слѣд. *Лемтошича*: „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи," въ Ж. М. Н. П. 1874 г. Іюль и Августъ.

¹⁸³⁾ Emile de Laveleye: „De la propriété et de ses formes primitives," р. 6. éd. 1874 г. Paris. Maine: „Ancient Law," р. 118—120. Сборникъ обычнаго права сибирскихъ ивогородцевъ. изд. Д. Самоквасова. Варшава, 1876 г., с. II. и слѣд. Н. Загоскина: „Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права Славянъ вообще и русскихъ въ особенности." Казань. 1877 г., с. 3 и слѣд.

¹⁸⁴⁾ См. Леббока: „Начало цивилизаціи." Изд. 1876 г., с. 9, 12.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

¹⁾ Перечень изслѣдованій, посвященныхъ начальному сроку русскихъ лѣтописей, см. въ книгѣ М. И. Сухомлинова: „О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ“, с. 222—228; въ изслѣдованіи К. Н. Бестужева-Рюмина: „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка“, с. 1 и слѣд., изд. въ Лѣтописи занятой археологической комиссіи“; вып. IV, 1868 г. Спб.

²⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г. с. 1. П. С. Р. Л. т. I, с. 123.

³⁾ См. К. Н. Бестужева-Рюмина: „О составѣ русскихъ лѣтописей“, с. 18 и слѣд. С. М. Соловьева: „Исторія Россіи“, VIII, 482. Н. И. Костомарова: „Лекціи по Рус. Исторіи“, I, 31.

⁴⁾ Лѣт. по Ипатс. списку, с. 23, 150, 163, 196 и др.; по Лавр. Списку (П. С. Р. Л.), с. 16, 47, 59, 71, 72, 76, 78, 81, 107 и др.

⁵⁾ Перечень иноземныхъ писателей, сообщающихъ свѣдѣнія о древнихъ Славянахъ вообще и древнерусскихъ Славянахъ въ частности см. въ соч. Шафарика: „Славянскія Древности“, т. II, кн. III; приложенія, с. 1 и слѣд. Изд. 1848 г. Москва. В. В. Макушева: „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“, ч. I, 1861 г. Спб. К. Н. Бестужева-Рюмина: „Русская Исторія“, т. I, введеніе, с. 169 и слѣд. 1872 Спб.

⁶⁾ См. С. М. Соловьева: „Исторія Россіи съ др. вр.“ т. I, с. 42 изд. 1866 г. Москва. Его же: „Начала русской земли“, с. 4, 6, 12; въ Сборн. Госуд. Знаній В. П. Безобразова, т. IV, 1877.

⁷⁾ Извлеченіе изъ сказаній иностранныхъ писателей извѣстій, относящихся до Русской Исторіи, см. въ слѣдующихъ изданіяхъ: Стриттера: „Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Meotidem, Caucasum, mare Caspium, et inde magis ad septentrionem incolentium, et scriptoribus historiae Byzantinae crutae et digestae“. 4 t. 1771—79. На русскомъ языкѣ: „Извлеченіе изъ Виз. Истор.“ Спб. 1770—75 г. 4 т. В. В. Макушева: „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“, ч. II. Френа: „Ibn Fozlan's and and. Arab. Berichte“ Spb 1828, А. Я. Гаркави: „Сказанія иностранцевъ о Славянахъ и Русскихъ.“ Спб. 1870 г. „Antiquités Russes“, 2 vol. 1849—51 г.; изд. Общ. Сѣвер. антикваріевъ. О. И. Сенковского: „О сагахъ“, въ его „Сочиненіяхъ“ и др.

⁸⁾ Iordanis (s. iordanis): „De Getarum sive Gothorum origine et reſ.“

gestie", сар. 5. Шафарика: „Славянскія Древности, т. II, кн. III; приложенія, с. 31; изд. 1848 г.

⁹⁾ „Склавины, говоритъ Шлецеръ, обитають начиная отъ *новаго и Склавиорумискаю города*, и отъ озера, называемаго Музианомъ, даже до Ланастра и на сѣверъ по самую Висклу: живутъ въ болотахъ и лѣсахъ. Сие *точное* означеніе границъ, какъ и многое другое, сдѣлалось отъ переписчиковъ *неразумительнымъ*. Гебгарди приводитъ 6 совершенно различныхъ изъясненій Миллера, Бюшинга, Тунмана и пр. и пр.; седмое доставляетъ Кершелъчъ. Всѣ натянуты; но вѣроятнѣйшее есть самого Гебгарди, который сии названія отыскиваетъ въ Валахіи.“ Шлец. Несторъ, I, с. 127.

¹⁰⁾ Тамъ же

¹¹⁾ См. Карамзина: „Ист. Гос. Рос.“ I, с. 33. Рус. Ист. Сборникъ, изд. Погодинымъ, 1837 г. кн. III, с. 51 и слѣд. 1841 г. т. IV, кн. II, с. 170. С. М. Соловьева, „Ист. Рос.“ т. I, с. 69 и др.

¹²⁾ Славян. Древн. т. I, кн. I, с. 114; кн. II, с. 418, 419.

¹³⁾ Шлец. Нест. I, с. 129.

¹⁴⁾ Слав. Древ. I, кн. I, с. 106.

¹⁵⁾ Напримѣръ: „En Russie... le chef de la famille s'empresse donc de marier ses fils le plus tôt possible, afin que la jeune femme remplisse l'office d'une servante à qui il faudrait donner de forts gages. On marie ainsi des jeunes garçons de huit et dix ans à des filles de vingt-cinq ou trente ans; on dit même qu'il n'est pas rare de voir de jeunes mariées porter leurs maris sur les bras“. De la propriété et de ses formes primitives; p. 35. Par Emile de Laveleye. Paris, 1874.

¹⁶⁾ См. Шлец. Несторъ, I, введеніе, с. рке и сл.

¹⁷⁾ Ист. Рос. I, введеніе, с. XV, XXIV, 24, 55 и др.

¹⁸⁾ Шлец. Несторъ, I, введ., с. пд, пе, пв, пз и др.

¹⁹⁾ Ист. Рос. I, введ., с. IX.

²¹⁾ Шлец. Нест. I, с. 395 и слѣд.

²²⁾ См. выше, гл. I, прим. 42, 43 и 44.

²³⁾ Иасл. Замѣч. и Лекціи, I, с. 74—86.

²⁴⁾ Тамъ же, с. 90—92.

²⁵⁾ См. Бестужева-Рюмина: „О составѣ русскихъ лѣтописей“, приложенія. Ламбина: „Источ. лѣт. сказанія о происхожденіи Руси“ Ж. М. Н. II. 1874 г. NN 6 и 7.

²⁶⁾ Иас. Зам. и Лекціи, I, с. 18 и сл., 85, 86 и др.

²⁷⁾ Тамъ же, IV, пред., с. V.

²⁸⁾ См. выше с. 91.

²⁹⁾ Ист. Россіи, I, с. 310, прим. 437.

²⁰⁾ См. выше с. 105, 106.

³¹⁾ См. выше теорію общиннаго быта.

³²⁾ Крашенинникова: Описаніе земли Камчатки, т. II, ч. III, с. 18, 25. Спб. 1786 г. Traité de Législation, par Charles Comte, т. II, p. 215, 294. Cook. Premier Voyage, т. III, L. II, ch. III, IV et XI, p. 79, 144, 340. Troisième Voyage, т. I, L. I, ch VIII, p. 32. Имамлія, С. С. Бекера Паши 1875 г. и др.

³³⁾ Анализъ отношеній г. Леонтовича къ литературѣ и источникамъ см. въ Ж. М. Н. П. за 1877 г. N 3, въ нашей статьѣ, подъ заглавіемъ: Отвѣтъ Ѡ И. Леонтовичу по поводу статьи его въ т. II Сборника государственныхъ знаній,

34) Для примѣра, беремъ двѣ страницы изъ новѣйшаго сочиненія г. Забѣлина, на которыхъ сгруппированы доказательства въ пользу воззрѣній автора по вопросу о политическомъ бытѣ древнерусскихъ Славянъ, и анализируемъ ихъ содержаніе (Ист. рус. жизни, с. 511--513). „Вспоминая о первобытной жизни предковъ, утверждаетъ авторъ, нашъ древнѣйшій лѣтописецъ обрисовываетъ эту жизнь немногими словами. Онъ подробнѣе говоритъ только о бытѣ кievскихъ Полянъ, но утверждаетъ, что такъ жили и остальные племена“ (такого утвержденія нѣтъ въ лѣтописи; напротивъ, лѣтописецъ обособляетъ бытъ Полянъ отъ быта другихъ племенъ: „Полянѣмъ же, говоритъ онъ, живущемъ особѣ... имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свои нравъ. Поляне бо своитъ отецъ обывай и муть кротокъ и тихъ... брачныи обычаи имягу.., а Древлане живяху звѣринскимъ образомъ брака у нихъ не бываше. И Радимичи, и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычаи имягу... браци не бывагу въ нихъ“ и т. д.). „Его короткія слова представляютъ однако столько полноты точности и обстоятельности что древнѣйшія основы нашего быта выступаютъ въ нихъ самыми выпуклыми чертами“ (напротивъ, такъ неполны, неточны и необстоятельны, что каждый ученый толкуегъ ихъ по своему) „каждый жилъ особо съ своимъ родомъ, на своихъ мѣстахъ; каждый владѣлъ родомъ своимъ особо. Не осталая ни-акою намека о лишь родоначальника“ (не только намекъ, но прямыя извѣстія имѣются въ лѣтописи о лицахъ родоначальниковъ; напримѣръ: „се Кій княжаше въ родѣ своемъ;“ Радимичи и Вятичи отъ Лаховъ. Бяста бо два брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедша съдоста, Радимъ на Сою, прозвашася Радимичи, а Вятко съде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи“), „лѣтописецъ говоритъ вообще что каждый человекъ, какъ и цѣлое племя, жили съ своимъ родомъ, то есть въ средѣ своего рода, каждый владѣлъ родомъ своимъ, то есть каждый устроивался и управлялся родомъ, но не лицомъ“ (подобныхъ свидѣтельствъ нигдѣ въ лѣтописи не имѣется) „Лѣтописецъ указываетъ самый образъ и порядокъ такого владѣнья, говоря, что въ Киевѣ жили три брата, каждый особо на своей горѣ, слѣдовательно съ особымъ владѣньемъ въ своемъ родѣ; что однако три брата составляли одинъ родъ и что старшій изъ братьевъ княжилъ въ своемъ родѣ, то есть былъ старѣйшиною у трехъ братьевъ (?). Выраженіе княжить очень опредѣленно объясняется послѣдующею исторіею. Оно значило не болѣе, какъ исполнять родовую волю, дѣлать то, что повелѣвали уставы, обычаи, нравы и порядки рода (?). Поэтому братняя власть, братнее владѣнье родомъ въ сущности представляли власть и владѣнье самаго рода (?). Вообще лѣтописецъ очень заботится выставить впередъ только то, что каждый жилъ особо съ своимъ родомъ, независимо и свободно отъ другихъ, что никакой общей связи, или общей зависимости отъ кого либо, никакого политическаго единства въ земль (какой?) еще не существовало. Въ земляхъ, устроивались и управлялись своимъ родомъ, въ родовой отдѣльности другъ отъ друга, занимая каждый свои отдѣльныя родовыя мѣста“ (напротивъ, лѣтописецъ говоритъ, что каждое племя составляло особое политическое тѣло, княженье: „по сихъ брати (Кія, Щека и Хорива) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Славяне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Пологѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже съдять на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо съдять Кривичи; тоже Сѣверъ отъ нихъ...“)

Византийскіе греки, и притомъ достовѣрные свидѣтели—очевидцы, тоже самое рассказываютъ о бытѣ нашихъ русскихъ Славянъ и въ 6 вѣкѣ. Они повѣствуютъ, что Славяне жили въ простыхъ бѣдныхъ хижинахъ, порознь, особнякомъ... (Очевидно, подъ византийскими писателями очевидцами 6 вѣка авторъ разумѣетъ сенатора Прокопія, потому что изъ византийцевъ 6 вѣка, повѣствовавшихъ о Славянахъ, извѣстенъ въ ученой литературѣ только Прокопій; но Прокопій повѣствуетъ не о нашихъ русскихъ Славянхъ, а о Славянхъ южныхъ, дунайскихъ. До Константина Багрянороднаго писателя X вѣка, никто изъ византийцевъ не говоритъ о бытѣ нашихъ русскихъ Славянъ). Жизнь въ родовой отдѣльности и особности повсюду (?) въ челоѣчества составляла первоуродную и начальную ступень людскаго общежитія (напримѣръ?). Она повсюду служила естественнымъ и единственнымъ (?) узломъ, въ которомъ скрывались первоначальныя основы и первые зародыши общества и государства“ (примѣры общихъ мнѣній и убѣжденій, о которыхъ мы говоримъ въ текстѣ). „Такимъ образомъ (?), нашъ первый лѣтописецъ очень хорошо зналъ что говорилъ. Жизнь родомъ, владѣніе родомъ—вотъ въ чемъ заключалась первоначальная основа Русскаго быта. Наука подтвердила эти краткія слова подробными изслѣдованіями, которыя если и не вполнѣ, то всетаки съ достаточною ясностію раскрыли существенныя черты этого быта. Она очень основательно, вполнѣ точно наименовала его родовымъ бытомъ, то есть присвоила ему то самое имя каки въ этотъ бытъ обозначается въ древнѣйшей нашей лѣтописи“ (?) При современной ученой разработкѣ историческихъ вопросовъ, безосодержательными ссылками на авторитетъ науки можно защищать какія угодно положенія.

³⁹⁾ „Болѣе ста лѣтъ прошло съ того времени, говоритъ Н. И. Ламбинъ въ его любопытномъ изслѣдованіи объ источникѣ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси, какъ Шлецеръ впервые заговорилъ о необходимости критической разработки нашихъ лѣтописей. Вызывая на этотъ трудъ русскихъ ученыхъ, какъ дѣателей наиболѣе компетентныхъ, онъ предлагалъ имъ приступить, во первыхъ, къ возстановленію подлиннаго текста Несторовой лѣтописи посредствомъ дословнаго свода и критическаго сличенія всѣхъ разнорѣчій возможно большаго числа списковъ, то есть, посредствомъ такъ называемой малой критики или критики словъ, которую онъ объявилъ нашею первою задачею, такъ сказать, первымъ шагомъ при разработкѣ нашей исторіи, необходимою предварительною работою, безъ которой невозможно ясное и вѣрное толкованіе фактовъ, слѣдовательно, невозможна и правдивая исторія. Мы не послушались нашего учителя, и намъ пришлось убѣдиться въ истинѣ имъ сказаннаго нашимъ собственнымъ столѣтнимъ опытомъ. Не рѣшивъ первой заданной намъ задачи, не ступивъ твердо и правильно перваго шага, а прыгнувъ какъ-то обѣими ногами прямо на второй, мы до сихъ поръ толчемся все на одномъ мѣстѣ, на первомъ фактѣ нашей исторіи, вертимъ во всѣ стороны вопросъ о началѣ нашего государства, ищемъ его основателей повсюду, выводимъ нашу Русь отъ всѣхъ племенъ и народовъ, измышляя системы и теоріи одна другой затѣйливѣе.“ Ж. М. Н. П. 1874. Іюнь. Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси, с. 225.

³⁹⁾ По этому вопросу въ ученой литературѣ высказаны два возрѣнія: по первому изъ нихъ (Карамзинъ, Соловьевъ, Бѣляевъ и др.) Рюрикъ былъ призванъ въ Новгородъ въ качествѣ князя, правителя и судьи; по второму (Мяллеръ, Шлецеръ, Погодинъ и др.) Рюрикъ и его братья были

призваны Новгородцами въ качествѣ наемной дружины, въ качествѣ защитниковъ границъ Новгородской земли отъ внѣшнихъ нападений. См. Карамзина: Ист. Гос. Рос. I, с. 69. Соловьева: Ист. Рос. I, с. 106. Бѣлѣва Разказы изъ Рус. Ист. I, с. 20. Шлецер. Несторъ, I, с. 337. Погодина: Насл. Зам. и Лек. III. с. 57.

³⁷⁾ Ср. Карамзина. Ист. Гос. Рос. I, прим. 278.

³⁸⁾ Laurent. Hist. du droit des gens, t. VII, p. 456.

³⁹⁾ Въ спискахъ Ипатскомъ и Хлѣбниковскомъ читаемъ: „прія Рюрикъ власть всю одинъ, и придетъ ко Ильмерю, и сруби городъ надъ Волгвоомъ, и прозваша и Новгородъ;“, въ спискахъ Радзивиловскомъ и Троицкомъ: „прія всю власть Рюрикъ одинъ, и придетъ ко Ильмерю, и сруби городокъ надъ Волгвоомъ, и прозва Новгородъ;“ въ списокѣ Лаврентьевскомъ извѣстїе, означенное курсивомъ, пропущено.

⁴⁰⁾ „Срубить городъ“ и „сдѣлать городъ“ значить въ лѣтописи, въ переводѣ на современный нашъ языкъ „построить городскую стѣну“, „создать укрѣпленіе, крѣпость“. Въ этомъ смыслѣ лѣтописи часто говорить о построеніи одного и того же города подъ различными годами. О времени основанія Новгорода см. наше изслѣдованіе: Древнїе города Россїи, с. 135 и слѣд. Слич. также с. 33, 43.

⁴¹⁾ См. Лѣт. по, Ипат. сп., с. 5.

⁴²⁾ Ист. Госуд. Рос. I, с. 20.

⁴³⁾ Ж. М. Н. П. 1874 г. Июнь и Июль. Н. И. Лямбина: Источникъ лѣтописнаго сказанія и происхожденія Руси. с. 225 и сл. Тезисъ автора состоитъ въ слѣдующемъ: „Призваніе князей созломъ нашихъ сѣверныхъ племенъ изъ за моря, отъ Варяговъ, и прибытіе съ ними варяжской дружины Русь, состоявшей преимущественно изъ Шведовъ, историческій ли фактъ, или легенда? Я утверждаю, что это фактъ несомнѣнно историческій, засвидѣтельствованный современнымъ, официальнымъ памятникомъ, маминскимъ въ Кіевѣ въ ислодь IX вѣка и дошедшимъ до лѣтописца въ томъ самомъ видѣ (разумѣю его логическое содержаніе и форму маложнїя, а не формы языка), въ какомъ онъ представленъ въ настоящей статьѣ“ (с. 239). Въ свое время мы познакомимся съ доказательствами автора.

⁴⁴⁾ См. выше с. 83 и слѣд.

⁴⁵⁾ См. Древности, Труды Моск. Арх. Общ. т. III, в. III, с. 226.

⁴⁶⁾ Руск. Ист. с. 160.

⁴⁷⁾ Труды Моск. Арх. Общ. 1874 г. т. IV, в. I, с. 46. Уже напечатанъ былъ текстъ нашей книги, когда мы прочли извѣщеніе въ газетахъ о выходѣ въ свѣтъ Трудовъ Кіевского съѣзда археологовъ, въ которыхъ между прочимъ, напечатаны и рефераты о раскопкахъ въ предѣлахъ земель древнихъ Сѣверянъ, Славянъ Ильменскихъ и Полянъ, произведенныхъ мною и гг. Ивановскимъ и Антоновичемъ.

⁴⁸⁾ Болѣе подробно о результатахъ раскопокъ въ землѣ Сѣверянъ см. въ Сборникѣ „Древняя и Новая Россія“, за 1876 г. NN 3 и 4; въ Трудахъ Кіевского съѣзда археологовъ и протоколахъ засѣданій секціи Антропологии и Этнографіи Варшавскаго съѣзда естествоиспытателей. Изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей начато мною въ 1871 г. и продолжается до настоящаго времени. Лѣто 1871 года и весна 1872 года были посвящены исключительно изученію внѣшнихъ формъ городищъ и кургановъ, сохранившихся въ земляхъ, занятыхъ, въ древности русскими Славянами. Съ этою цѣлью были осмотрѣны мною первоначально болѣе 50

городищъ и нѣсколько тысячъ кургановъ въ губерніяхъ: Петербургской, Новгородской, Тверской, Тульской, Орловской, Харьковской, Курской, Черниговской и Кіевской. Въ числѣ результатовъ, полученныхъ мною путемъ этого предварительнаго изученія внѣшнихъ формъ городищъ и кургановъ, было убѣжденіе въ положительной необходимости собрать, какимъ бы то ни было способомъ, возможно полныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи и внѣшнихъ формахъ городищъ и кургановъ по всей Россіи и составить имъ географическую карту. Кромѣ важности карты городищъ и кургановъ, съ объяснительнымъ къ ней указателемъ, для рѣшенія вопроса о территориальномъ распредѣленіи древнихъ поселеній, она могла бы облегчить дальнѣйшее изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей лицами, которые пожелали бы заняться ихъ изученіемъ; не нужно было бы тратить безполезно времени и средствъ на поѣздки, отыскивая городища и курганы, по должнымъ указаніямъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Обдумывая средства къ собранію матеріаловъ для сказанной цѣли, я остановился на слѣдующемъ. Составивъ программу запросовъ къ волостямъ (въ которой просилъ волости доставить свѣдѣнія о мѣстонахожденіи, мѣстоположеніи количествѣ, формѣ, величинѣ древнихъ земляныхъ насыпей, сохранившихся въ предѣлахъ каждой волости, преданіяхъ объ нихъ и находкахъ въ нихъ), я обратился къ содѣйствію г. Директора Центрального Статистическаго Комитета. П. П. Семенова, и просилъ его сдѣлать распоряженіе о разсылкѣ этой программы во всѣ губернскіе Статистическіе Комитеты, а оттуда во всѣ волости. Благодаря всѣмъ извѣстному отношенію къ дѣлу науки П. П. Семенова, въ теченіи 1873 года были получены отвѣты со всѣхъ волостей 45 губерній Европейской Россіи, представившіе соборъ богатѣйшій, хотя, конечно, сырой историческій матеріалъ. Въ 1876 году таже программа запросовъ была разослана также во всѣ гмины Царства Польскаго и отвѣты уже получены со всѣхъ волостей губерній Царства Польскаго. Оказалось, что въ губерніяхъ Европейской Россіи, въ которыхъ до настоящаго времени, по существующимъ въ литературѣ свѣдѣніямъ, вовсе не было извѣстно древнихъ земляныхъ насыпей, или было извѣстно отъ 5 до 15 городищъ и отъ 20 до 400 кургановъ, сохранилось отъ 50 до 300 городищъ и отъ 500 до 35,000 кургановъ. Ученая разработка матеріаловъ, собранныхъ чрезъ запросъ къ волостямъ, требуетъ совокупныхъ усилій. Трудъ этой разработки, по отношенію къ губерніямъ югозападнымъ и сѣверо-западнымъ, приняли на себя В. Б. Антоновичъ и Л. К. Ивановскій; часть, относящаяся къ губерніямъ юговосточнымъ разрабатывается мною; матеріалъ для остальныхъ губерній остается еще свободнымъ и сохраняется въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ. Мы не сомнѣваемся, что въ недалекомъ будущемъ наука будетъ владѣть картою городищъ и кургановъ, сохранившихся въ предѣлахъ Россіи, и описаніемъ ихъ внѣшнихъ формъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣшнѣе двинется ихъ дальнѣйшее изслѣдованіе.

Планъ и выборъ мѣстностей для моихъ изслѣдованій, направленныхъ къ изученію содержимаго древнихъ земляныхъ насыпей въ землѣ древнихъ Сѣверянъ, обусловливались слѣдующими соображеніями. 1) Изслѣдовать городища и курганы, сохранившіеся въ главнѣйшихъ политическихъ центрахъ сѣверянской земли, указанныхъ начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ и Константиномъ Багрянороднымъ; 2) изслѣдовать въ каждомъ изъ внѣшнихъ уѣздовъ въ границахъ земли древнихъ Сѣверянъ, отъ одной до

трехъ группъ кургановъ, расположенныхъ вблизи городищъ древнѣйшей формы, въ пунктахъ, по сказаніямъ лѣтописей, издавна заселенныхъ Сѣверянами, какъ напримѣръ: Новгородсѣверскъ, Стародубъ, Сѣднѣвъ, Ворголъ, Курскъ и пр. Этимъ путемъ мнѣ казалось возможно отыскать признаки, при посредствѣ которыхъ можно было бы отличить сѣверянскія городища и могилы отъ древнихъ насыпей, сохранившихся въ предѣлахъ сѣверянской земли, но принадлежавшихъ другимъ народамъ, и опредѣлять границы сѣверянскихъ поселеній. Если раскопки въ известной мѣстности обнаруживали группу насыпей, по своему содержанію, уже известныхъ мнѣ изъ предыдущихъ раскопокъ, то какъ бы ни было богато ихъ содержаніе, я останавливалъ раскопку и переносилъ изслѣдованія въ другую мѣстность того же уѣзда или въ другой уѣздъ, отыскивая насыпи новой формы. Такимъ способомъ, въ сравнительно короткій срокъ и при сравнительно ничтожныхъ средствахъ, я успѣлъ уже ознакомиться едва ли не со всеми формами древнихъ земляныхъ насыпей, сохранившихся въ предѣлахъ земли древнихъ Сѣверянъ и отчасти въ землѣ Полянъ; именно, въ окрестностяхъ Кіева, у мѣстечка Триполья и въ нынѣшнихъ Каневскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ, по берегамъ рѣкъ Роси и Россавы.

⁴⁰⁾ Лѣтопись по Ипатю. сп. с. 4.

⁴⁰⁾ Названія *городище* и *городокъ* народомъ не различаются. Одну и ту же насыпь одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ называетъ городищемъ, а другой городкомъ. Часто одну и ту же насыпь одинъ и тотъ же крестьянинъ называетъ городищемъ или городкомъ, смотря по формѣ предложеннаго ему вопроса; на вопросъ: у васъ этотъ холмъ называется городищемъ? онъ отвѣчаетъ: городищемъ; а на вопросъ: у васъ этотъ холмъ наз. городкомъ? онъ отвѣчаетъ: городкомъ.

⁴¹⁾ Географ. Слов. Щекатова, ч. II, с. 70.

⁴²⁾ Ж. М. Н. П. 1838 г. № 12, с. 488 и сл. Русск. Ист. Сборн. Погодина; т. I, кн. III, с. 53; т. VII, с. 10 и др.

⁴³⁾ Слав. Древн. т. I; изд. 1848 г., с. 372. „Опираясь на народныя пѣсни, собранныя между Днѣпромъ и Саномъ (?), Ходаковский доказывалъ, что городища были нѣкогда священными оградами, такъ сказать, богослужебными мѣстами, гдѣ совершались браки, свадьбы, и другіе обряды языческихъ Славянъ. К. Калайдовичъ старался опровергнуть открытіе Ходаковского, какъ чистый вымыселъ, доказывая, что городища суть, просто напросто, обыкновенныя, всюду находящіяся, развалины и остатки древнеславянскихъ городовъ. Однако же лучшій знатокъ древностей земли русской, Петръ Кеппень, мнѣніе Ходаковского считаетъ достойнымъ особеннаго вниманія и изслѣдованія“ (?).

⁴⁴⁾ Записки Одесскаго Общ. Ист. и Др. т. II, с. 335 и слѣд. „Не мудрено, что общій выводъ позднѣйшихъ изслѣдователей будетъ тотъ же самый, что былъ и у большей части ученыхъ, занимавшихся городищами до сихъ поръ (?), то есть, что городища суть памятники древняго богослуженія.“ См. еще того же автора: „Свят. и Обряды языч. богослуж. древн. Славянъ.“ с. 40.

⁴⁵⁾ Изслѣд. Замѣч. и Лек. т. II, с. 400 и слѣд. „Городища, утверждаетъ авторъ, — это мѣста богослуженія.“

⁴⁶⁾ См. наше изслѣд. „Древніе города Россіи,“ С. 100, 118 и слѣд.

⁴⁷⁾ П. С. Р. Л. I, с. 4.

⁵⁶⁾ Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. V, с. 133.

⁵⁷⁾ Кн. Бол. Черт. с. 24. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія Бѣлгородъ перенесенъ на третье мѣсто. Нынѣ подъ Бѣлгородомъ я нашелъ два городища: одно на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, въ разстояніи на полторы версты отъ нынѣшняго Бѣлгорода; другое на лѣвой сторонѣ Донца, въ разстояніи 380 сажень отъ перваго.

⁵⁸⁾ Тамъ же, с. 24.

⁵⁹⁾ Отдѣленіе V, N 65.

⁶⁰⁾ Ист. Госуд. Рос. Карамзина; т. VI, с. 146.

⁶¹⁾ Письма объ арх. изслѣд. въ Ряз. губ. Калайдовича, N 4 и сл.

⁶²⁾ Сѣвер. Архивъ, 1823 г. N 1, с. 25.

⁶³⁾ Рус. Ист. Сборн. Погодина; т. III, 1838 г., с. 21 Пассека: Очерки Россіи, кн. II, с. 197.

⁶⁴⁾ См. Древніе города Россіи, с. 109 и сл.

⁶⁵⁾ Въ 1872 году я читалъ записку въ Петербургскомъ Географическомъ и Московскомъ Археологическомъ обществахъ о количествѣ городовъ въ Россіи дотатарскаго времени, въ которой, изложивъ факты, доказывающіе, что въ Россіи дотатарскаго времени существовало нѣсколько тысячъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ центровъ народныхъ селитъ, высказалъ возраженіе на городища, какъ на остатки такихъ городовъ. Изъ присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ ученыхъ въ пользу моего возраженія на городища высказался только графъ Уваровъ; гг. Погодинъ, Срезневскій, Бычковъ, Калачовъ и Саввантовъ (замѣтимъ кстати: ученые не занимавшіеся специальнымъ изслѣдованіемъ городищъ въ натурѣ) говорили противъ него, мотивируя свои возраженія основаніями, приведенными въ текстѣ.

⁶⁶⁾ См. Древніе Гор. Рос., с. 33 и сл.

⁶⁷⁾ Тамъ же, с. 74 и сл.

⁶⁸⁾ Древняя и Новая Россія; 1876 г. N 3, с. 271.

⁶⁹⁾ Сѣверно рус. народопр. т. II. с. 78—81.

⁷⁰⁾ См. Древн. и Нов. Россія; 1876 г. N 3, с. 271, 272.

⁷¹⁾ На кіевскомъ съѣздѣ археологовъ рѣшеніе вопроса объ историческомъ значеніи городищъ, въ смыслѣ указанномъ въ текстѣ, уже не встрѣтило ни одного возраженія. Въ печати появилось только одно возраженіе, которое достойно вниманія, потому что принадлежитъ, почтенному археологу И. Е. Забѣлину. Своєю слабостію это возраженіе скорѣе подтверждаетъ защищаемое нами возраженіе, нежели опровергаетъ его. Для доказательства, мы ограничимся простою цитатою тѣхъ мѣстъ сочиненія г. Забѣлина, которыя относятся къ интересующему насъ предмету. „Самое имя *юродѣ*, по мнѣнію Ходаковского, говоритъ г. Забѣлинъ, могло составиться изъ словъ *гора* и *родѣ*, то есть гора родовая, народная, сборная, и еще изъ словъ *юръ*, *аръ*, *юрль* и *родѣ*, то есть горѣніе, сожиганіе, народомъ производимое, что все вмѣстѣ выражалось однимъ словомъ: *юродѣ* (понятно?). Въ этомъ толкованіи слова *юродѣ* заключается весь смыслъ системы Ходаковскаго (?). Въ XVII столѣтіи напр. въ Устюжской сторонѣ подобныя *юродки* существовали еще живьемъ (?), рубленные въ клѣтки или ставленные острогомъ стоячимъ, въ родѣ тына. Эти *юродки* устраивались только для осаднаго времени. Постоянными ихъ жителями бывали только церковники, потому что въ каждомъ *юродкѣ* находилась церковь, такъ что и самый *юродокъ* существовалъ какъ бы для охраны этой волостной приходской

церкви. Это обстоятельство заставляет предполагать, что и въ языческое время (!) въ городкахъ не послѣднее мѣсто отдавалось языческому капищу, почему *мнѣніе Ходаковского о богослужебномъ значеніи городковъ имѣть основаніе и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совсѣмъ отвергнуто* (слѣдуетъ ссылка на сочиненіе автора: Кунцово и Древній Сѣтунскій Станъ, с. 244—249, гдѣ мы находимъ, что онъ задолго до появленія нашихъ изслѣдованій высказался уже въ пользу теоріи Ходаковского; отсюда дѣлается намъ понятнымъ желаніе автора защищать „систему“ Ходаковского вопреки очевидности). Ист. Рус. Жизни, с. 533. Такимъ образомъ, церковныя ограды XVII столѣтія, повсемѣстно существующія въ настоящее время, разъясняютъ автору значеніе городковъ дорюриковской эпохи. „Въ послѣднее время продолжаетъ авторъ, въ замѣнъ системы Ходаковского, явилась попытка доказать, что существующіе нѣсколько тысячъ городковъ остаются памятниками *договорно-общиннаго быта* Русскихъ Славянъ, вполне опровергающими теорію родового быта, что это суть укрѣпленныя мѣста народныхъ поселеній, учрежденія общественныя, посредствомъ которыхъ и изъ которыхъ распространялось вообще заселеніе русской страны (г. Самоковасовъ: Древніе города Россіи, с. 163—165): *Само собою разумѣется, что при этомъ заслуги Ходаковского были умалены до послѣдней крайности*. Однако новая система выдержала еще меньше критику, чѣмъ система Ходаковского. Она вполне опровергнута г. Леонтовичемъ.“ Но, во первыхъ, каждый читатель можетъ самъ убѣдиться, что я никогда и нигдѣ не доказывалъ договорно общиннаго быта Русскихъ Славянъ и не умалялъ заслугъ Ходаковского. Во вторыхъ, самъ авторъ въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи въ основаніе своихъ воззрѣній на значеніе древнесславянскаго городка положилъ выводъ моихъ изслѣдованій: „городокъ въ сущности, говорятъ онъ, былъ военною защитою, поэтому въ немъ первое мѣсто должно принадлежать людямъ боеваго поля“, (тамъ же, с. 551) т. е. повторяетъ то самое, что я старался доказать моими изслѣдованіями и что противорѣчитъ тому воззрѣнію на древніе городки, которое авторъ высказывалъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, подъ влияніемъ теоріи Ходаковского. Уже былъ напечатанъ текстъ нашей книги, когда появилось въ печати новое возраженіе, направленное противъ выводовъ нашихъ изслѣдованій о значеніи городищъ со стороны молодого московскаго ученаго М. М. Ковалевскаго и одобренное профессоромъ А. Ф. Кистяковскимъ. На это возраженіе мы отвѣчаемъ ниже. См. текстъ, с. 249 и сл.

⁷⁴⁾ См. Миллера: Ежемѣсяч. Сочин 1764 г., с. 497 и сл.

⁷⁵⁾ Шлец. Несторъ, т. I, с. рс.

⁷⁶⁾ А. Котляревскій: О погребаль. обыч. язич. Славянъ, с. 160: „принимая въ соображеніе обстоятельства историческаго водворенія Славянъ въ Европѣ, зная, что и послѣдующія судьбы ихъ благоприятствовали не столько сосредоточенію ихъ народности, сколько раздробленію и смѣшенію ея съ чужеродными племенами, можно ли надѣяться отыскать могилы славянскихъ праотцевъ при помощи и руководствѣ историко-географическихъ свидѣтельствъ? думаемъ, что вообще едва ли“.

⁷⁷⁾ „Археологическая наука, добавляетъ авторъ, доказала, что не надо быть насельниками дѣственной почвы, чтобы оставить по себѣ могилы или памятники, имѣющіе отличительный, своеобразный характеръ. Въ Греціи и въ Италіи населеніе различныхъ племенъ было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ на Руси, а между тѣмъ мы легко отличаемъ могилу римскую

отъ могилы этрусской, могилу или памятникъ іонійскій и дорійскій отъ могилы или памятника пелагійской эпохи“. Труды Моск. Арх. Общ. т. III, в. III, с. 266 и слѣд.

⁷⁸⁾ „Мы собрали, говоритъ графъ А. С. Уваровъ, всѣ напечатанныя свѣдѣнія о раскопкахъ и находкахъ; сверхъ того, благодаря содѣйствію, В. Г. Тизенгаузена и П. И. Лерха, мы воспользовались и такими свѣдѣніями, которыя не были еще напечатаны, и такимъ образомъ, составили почти полную литературу раскопокъ и находокъ по всѣхъ губерніяхъ. Но не смотря на все это, мы видимъ, что кромѣ незначительныхъ раскопокъ Ходаковского у Новгорода и Старой Ладогѣ, кромѣ попытки кіевской комиссіи надъ многочисленными курганами кіевскими и васильковскими, кромѣ нашихъ изслѣдованій въ губерніяхъ Владимірской и Ярославской и кромѣ малочисленныхъ раскопокъ у Искорости, всѣ остальные раскопки не коснулись тѣхъ именно мѣстностей, на которыя мы указали, какъ на самыя важныя для опредѣленія народности могилъ“. Тамъ же, с. 286. Прибавимъ къ этому, что въ Ладогѣ разрыто только три кургана, причѣмъ не было составлено описанія раскопки, а найденныя вещи уже потеряны. Подъ Новгородомъ разрыто только одинъ курганъ (на Волотовѣ), въ которомъ ничего не было найдено. При раскопкахъ подъ Искоростью не было составлено описанія раскопокъ и въ печати неизвѣстно, что тамъ найдено. Кіевскіе курганы (Перепятыха) отнесены къ курганамъ скифскимъ, а Владимірскіе и Ярославскіе къ Финскимъ.

⁷⁹⁾ О соженіи женъ у славянъ см. А. Котларевскаго: О погребальныхъ обыч. яз. Славянъ, с. 42, 48, 50, 54, 58, 64 и сл.

⁸⁰⁾ Лѣтопись по Ипат. сп. с. 4. Гаркави: Сказ. Мус. Писат., с. 264.

⁸¹⁾ См. Труды Моск. Арх. Общ. т. III, в. III, с. 280.

⁸²⁾ П. С. Р. Л. т. I, с. 51.

⁸³⁾ Лѣтопись по Ник. Сп., с. 105.

⁸⁴⁾ Черн. Губ. Вѣдомости, патріаршая грам. Лазарю, 1858 г. N 25

⁸⁵⁾ П. С. Р. Л. т. I, с. 65.

⁸⁶⁾ П. С. Р. Л. I, с. 13. De Adm. imp., ed. Bonn с. 79.

⁸⁷⁾ П. С. Р. Л. IX, с. 105.

⁸⁸⁾ Тамъ же, II, с. 87.

⁸⁹⁾ Временникъ Общ. Ист. и Древ. Рос. 1850 г. кн. VIII, с. 14 и слѣд. Ср. Описан. Населен. мѣстъ, т. XX, с. XII.

⁹⁰⁾ См. Гаркави: Сказ. Мус. Пис., с. 82, 84, 110.

⁹¹⁾ Въ послѣдніе годы изслѣдованы мною въ Варшавской и Плоцкой губерніяхъ языческія кладбища, въ могилахъ которыхъ найдены сосуды со женными человѣческими костями и остатками украшеній. Гг. Павинскимъ, Подчашинскимъ, Будзинскимъ и др. открыты такія же кладбища въ другихъ губерніяхъ Царства Польскаго. Несомнѣнно, что могилы, содержащія въ себѣ сосуды со женными человѣческими костями, открытыя въ Царствѣ Польскомъ, и курганы съ такимъ же содержаніемъ, открытыя въ Черниговской, Курской и Полтавской губерніяхъ, относятся къ одной исторической эпохѣ и принадлежать народамъ родственнымъ, но не одному племени. Общій обрядъ похоронъ тамъ и здѣсь, трупосоженіе и въ могилахъ, значительно разнится въ частности. Въ сѣверянскихъ курганахъ сожженные остатки ставились изъ приготовленный холмъ, выше грунта, въ Царствѣ Польскомъ—въ неглубокую могилу; въ сѣверянскихъ курганахъ сосуды съ прахомъ всегда находятся непокрытыми,—въ Царствѣ

Польскомъ — они закрывались глиняною тарелкою, въ размѣрѣ большемъ отверстія сосуда, а сверху того закрывались большимъ сосудомъ, обращеннымъ дномъ вверхъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ на Кіевскомъ и Казанскомъ сѣздахъ археологовъ, видно, что могилы съ остатками трупосоженія найдены въ южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, при чемъ оказалось, что эти могилы въ различныхъ мѣстностяхъ имѣютъ различное устройство. Конечно, курганы разныхъ мѣстностей еще такъ мало изслѣдованы научнымъ путемъ, что имѣющіяся свѣдѣнія недостаточны для распредѣленія кургановъ различныхъ мѣстностей по народностямъ, но мы имѣемъ уже положительныя основанія надѣяться, что дальнѣйшія систематическія изслѣдованія дадутъ возможность установить отличительныя частности обряда похоронъ у различныхъ племенъ русскихъ Славянъ, опредѣлить границы земель, занятыхъ ими въ языческую эпоху и отличительныя черты ихъ быта.

Счастливая раскопка въ Каневскомъ уѣздѣ даетъ надежду рѣшить вопросъ, стоящій на очереди о стародавности Славянъ въ Приднѣпровьѣ. При впаденіи р. Россавы въ р. Росъ между множествомъ могилъ, уничтоженныхъ кладонскателями и распашкою полей, удалось найти нѣсколько кургановъ съ содержаніемъ нерасхищеннымъ. Въ верхнихъ слояхъ этихъ кургановъ найдены могилы съ человѣческими и лошадиными остовами, сравнительно недавняго происхожденія (въ одной изъ нихъ найдена золотая монета XII вѣка); а въ нижнихъ слояхъ — обнаружены могилы съ остатками трупосоженія и вещами глубокой древности (золотыя бляхи, золотыя и каменные бусы, привѣска съ какимъ то знакомъ, напоминающая извѣстныя египетскія сарabei), битые терракотовые сосуды, амфора, пучки бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и пр.) Знакомые сколько нибудь съ древностями, добытыми въ курганахъ южной Россіи до настоящаго времени, при первомъ взглядѣ на вещи, найденныя въ нижнихъ слояхъ кургановъ, раскопанныхъ при устьѣ Россавы, признаютъ ихъ принадлежащими такъ называемому Скифскому періоду, тому отдаленному и темному времени исторіи, когда классическіе писатели нынѣшнюю Россію называли Скифией, а народы, ее населявшіе, Скифами. Татищевъ давно уже высказалъ мысль, принятую позже Шафарикомъ и раздѣляемую нѣкоторыми изъ новѣйшихъ нашихъ историковъ, по которой подъ Скифами у Геродота и его ближайшихъ преемниковъ скрывались различные народы, а между ними и наши предки Славяне. Но до настоящаго времени большинство русскихъ историковъ, слѣдуя за Шлецеромъ, мнѣніе о стародавнемъ пребываніи Славянъ въ Приднѣпровьѣ признавали сомнительнымъ. Нынѣ сличеніе несомнѣнно славянскихъ могилъ, открытыхъ въ Черниговѣ, съ своеобразнымъ способомъ трупосоженія, относящихся къ послѣдней эпохѣ язычества, съ могилами нижнихъ слоевъ россавскихъ кургановъ, съ подобнымъ же характернымъ способомъ трупосоженія, но относящихся къ глубочайшей древности, даетъ намъ право надѣяться съ продолженіемъ изслѣдованій утвердить мнѣніе, о стародавнемъ пребываніи Славянъ въ Приднѣпровьѣ на положительныхъ, безспорныхъ доказательствахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, получить обширный, точный матеріалъ къ познанію быта нашихъ предковъ въ ту отдаленную эпоху, о которой до сихъ поръ мы положительно ничего не знаемъ.

⁹²⁾ См. Труды Мос. Арх. Общ. 1873 г. т. III, в. III, с. 266 Ср. Тамъ же, 1874 г. т. IV, в. I, 46.

- ⁶³) См. Древн. и Нов. Россія, 1876 г. N 3, с. 3 и сл.
- ⁶⁴) См. газету „Голосъ“, 1877 г., N. 75.
- ⁶⁵) Тамъ же.
- ⁶⁶) А. Котляревскаго: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. Изд. 1868 г., с. 65 и слѣд; 204 и слѣд.
- ⁶⁷) А. Гаркави: Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. с. 264.
- ⁶⁸) Москвитанинъ, 1846 г., N 11, 12, с. 194. Н. Костомарова: Памятники старинной русской литературы. Изд. 1860 г.. с. 229 и слѣд.
- ⁶⁹) Гаркави: Сказанія мусульман. писат., с. 264.
- ¹⁰⁰) Къ сожалѣнію погребальные обряды и обычаи русскаго народа до настоящаго времени очень мало разработаны. Даже въ прекрасномъ изслѣдованіи г. Котляревскаго, о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, заключающемъ въ себѣ почти все сохранившееся по этому предмету въ письменныхъ памятникахъ, современные обычаи и обряды почти не затронуты.
- ¹⁰¹) Лѣт. по Иват. спаску, с. 7 и 8.
- ¹⁰²) Временникъ Общества Истори и Древностей, 1851 г. кн. IX, с. 3 и 4.
- ¹⁰³) Дополненія къ актамъ историческимъ, т. I, с. 7.
- ¹⁰⁴) Русскія достопамятности, изд. Общ. Ист. и Древ. ч. I, 1815 г., с. 101.
- ¹⁰⁵) Востокова: Опис. Рус и Слав. рукоп. Румянцовскаго музея, с. 321.
- ¹⁰⁶) С. Шпилевскаго: Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ, изд. 1869 г. с. 25.
- ¹⁰⁷) Герберштейна: Записки о Московіи пер. И. Аноникова; изд. 1866 г., с. 74.
- ¹⁰⁸) Шпилевскаго: Семейныя власти у древ. Слав. и Герм., с. 142.
- ¹⁰⁹) Тамъ же, с. 24, 30, 31.
- ¹¹⁰) Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes, ed 1756 an. Слово о началѣ и переменахъ Россійскихъ законовъ.... Пер Нарышкинъ, 1756 г.
- ¹¹¹) Hainhold's Beilagen zum Neuveränderten Rusland, Erster Th. Riga und Mitau, 1769, N. 329 und folg.
- ¹¹²) Ист. Гос. Рос. т. I., 144 и т. II, с. 26.
- ¹¹³) Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, Dorpat, 1814, Erstes Buch, S. 103—117.
- ¹¹⁴) Вѣст. Европы, 1829 г. N. 13 и 15. Ученныя Записки Московскаго Университета, 1835 г. N 9 и 10.
- ¹¹⁵) Исторія русскаго народа, т. I, с. 271, прим. 209, с. 256 прим. 192.
- ¹¹⁶) Изслѣд. Зам. и Лек., т. III, гл. VII, с. 359 и слѣд.
- ¹¹⁷) Н. Ланге: Исч. объ уголовномъ правѣ Русской Правды, с. 4.
- ¹¹⁸) J. V. Rakowieckiego: Prawda Ruska etc. Изд. 1820, т. I, с VI, VIII 244.
- ¹¹⁹) Розенкампа: Обоарѣніе Кормчей Книги, изд. 1829 г. с. 222, 223.
- ¹²⁰) Studien zur grädlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von Jor. Ph. Gustav Ewers (1830). Entwicklung des russischen Rechts nach der ersten bis zur zweiten Prawda, S. 52—58.
- ¹²¹) Н. Калачова: Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, изд. 1846 г. с. 45, 28 и слѣд.

¹²²⁾ Обоз. Кормчей Книги, с. 222.

¹²³⁾ Изсл. объ уголов. правѣ Русской Правды, с. 3 и слѣд

¹²⁴⁾ Пред Юрид. Свѣд. для Об. Рус Правды, с. I.

¹²⁵⁾ Тамъ же, с. II—V.

¹²⁶⁾ Соч. Кавелина, ч. I, с. 311 и сл. Ср Обычное право, Якушкина. Ярославль, 1875 г. с. I.

¹²⁷⁾ По обычному праву появилось около 1000 книгъ и статей. болѣе трети которыхъ касается свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ. Второе мѣсто по богатству существующаго въ литературѣ матеріала занимаютъ статьи, касающіяся семейныхъ отношеній, но въ нихъ нѣкоторыя стороны семейной жизни разъяснены весьма мало; такъ напримѣръ, онѣ даютъ весьма скудныя свѣдѣнія о томъ положеніи, которое занимаютъ въ семействѣ незаконные дѣти; въ нихъ даже вовсе не указано, кто считается незаконнорожденнымъ по народнымъ понятіямъ. Точно также очень скудныя свѣдѣнія получаемъ мы изъ этихъ статей объ усыновленіи. Нигдѣ не упоминается, исполняется ли при усыновленіи обрядъ, установленный церковью, или какой нибудь другой, установленный обычаемъ. По обычному наследственному праву собранъ довольно богатый матеріалъ; ежели и встрѣчаются здѣсь нѣкоторыя неясности относительно правъ женщинъ на наследство, то это зависитъ, по видимому, отъ того, что самыя обычай наследованія женщинами не вполне еще установились. Гораздо менѣе изслѣдованы обычаи, касающіеся вещнаго права. (Въ настоящее время по вещному обычному праву мы имѣемъ монографію С. В. Пахмана: Обычное гражданское право въ Россіи, т. I. изд. 1877 г. Но этотъ прекрасный трудъ ограничивается только догматическимъ изложеніемъ имущественныхъ отношеній по дѣйствующему обычному праву русскаго народа). Обычаи, касающіеся обязательственнаго права, изслѣдованы весьма мало. Обрядовая сторона договоровъ была описываема часто, но на внутреннее содержаніе, на исполненіе ихъ, на вліяніе, которое имѣютъ на нихъ измѣнившіяся обстоятельства, было обращено весьма мало вниманія; по обязательственному праву болѣе всего матеріала собрано объ артеляхъ. Относительно сельской общины мы встрѣчаемъ только отрывочныя замѣтки, дающія самыя смутныя о ней понятія. Даже въ книгѣ П. С. Еоименко: „Народныя юридическіе обычаи въ Архангельской губерніи“, всѣ сочиненія котораго отличаются большою полнотою и близкимъ знакомствомъ съ народною жизнью, мы не находимъ полной картины крестьянскаго управленія, а только описаніе мірскаго схода и выборовъ. Крестьянскій судъ имѣетъ восемь формъ: самосудъ, семейный судъ, третейскій судъ, судъ сосѣдей, судъ сельскихъ судей, судъ сельскаго схода и волостной судъ. Эти различныя формы суда изслѣдованы далеко не одинаково. Описанія самосуда, встрѣчаемыя преимущественно въ краткихъ газетныхъ извѣстіяхъ, не даютъ полнаго объ немъ понятія и относятся къ случаямъ исключительнымъ; до сихъ поръ остается совершенно не выясненнымъ, въ какихъ случаяхъ народъ считаетъ самосудъ дозволеннымъ и какое соотношеніе должно быть, по его мнѣнію, между наказаніемъ и преступленіемъ. Относительно семейнаго суда есть только краткія и весьма неопредѣленныя указанія на право отца наказывать дѣтей и другихъ подчиненныхъ ему членовъ семьи, и въ особенности, на право мужа наказывать жену. О третейскомъ судѣ ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ же

мало известно о судѣ сосѣдей. Разборъ дѣлъ сельскими судьями, нарочно для этого выбранными обществомъ, существуетъ въ немногихъ мѣстностяхъ. Сельскій сходъ для разбирательства судебныхъ дѣлъ бываетъ или полный, состоящій изъ всѣхъ домохозяевъ, или малый, на который созываются только нѣкоторые; порядокъ производства судебныхъ дѣлъ на сходѣ мало извѣстенъ. Разбирательство судебныхъ дѣлъ волостными сходами бываетъ очень рѣдко. Всѣ перечисленныя формы суда установлены обычаями, а законъ признаетъ только одинъ судъ волостной, до котораго доходить сравнительно небольшое количество дѣлъ. Уголовное обычное право до сихъ поръ весьма мало изслѣдовано. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до сихъ поръ сохранился взглядъ на преступленіе, какъ на гражданское нарушеніе права. Народныя понятія объ относительной важности того или другаго преступленія выяснены до сихъ поръ очень мало. Для сравнительнаго изученія понятій разныхъ слоевъ общества объ относительной важности преступленій почти вовсе нѣтъ данныхъ. Объ обычныхъ наказаніяхъ мы встрѣчаемъ только отрывочныя свѣдѣнія. Обычное право, в. I. Матеріалы для бібліографіи общ. пр. Ярославль, 1875

Перечень работъ по обычному праву русскаго народа, изданныхъ по напечатанію указателя г. Якушкина, см. въ К'евск. Унив. Извѣстіяхъ, за 1878 г., Февраль; въ предисловіи къ „Программѣ для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву“, сост. проф. Кистяковскимъ.

¹²⁸⁾ См. наше изслѣд. Древніе города Россіи, с. 146 и сл. Воронежскіе Акты, т. I—III, прилож.

¹²⁹⁾ Emile de Laveleye: De la propriété et de ses formes primitives, p. 6. Maine: Ancient Law, p. 118—120. Леббокъ: Начало цивилизаціи, с. 5 и слѣд. Н. Загоскина: Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права Славянъ вообще и русскихъ въ особенности, с. 4 и слѣд. Юридическій Вѣстникъ Моск. Общ.; 1878 г., N I; М. Ковалевскаго: О методологическихъ приемахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учреждений, с. 11 и сл. И др.

¹³⁰⁾ Тамъ-же.

¹³¹⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою. Кіевъ 1840 г. Предисловіе.

¹³²⁾ Изсл. Зап. и Лек. т. III, с. 493 и слѣд. „Исторіи западныхъ государствъ, говоритъ авторъ, представляютъ одни и тѣже явленія, только съ немногими отличіями, смотря по количеству, качеству, соразмѣрности и прочимъ отношеніямъ ингредиентовъ начала; древняя политическая исторія Европы, то есть греческая и римская представляютъ совершенное подобіе съ новыми въ этомъ отношеніи. Обратимся теперь къ русской исторіи. Съ перваго взгляда мы примѣчаемъ, что въ началѣ нашей исторіи нѣтъ рѣшительно ни одного явленія, подобнаго характеристическимъ явленіямъ западныхъ исторій; нѣтъ ни раздѣленія, ни феодализма; ни убѣжищныхъ городовъ, ни средняго сословія, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы...“ Тамъ же с. 497.

¹³³⁾ Сочиненія. т. I, с. 305—311. „Судьба Россіи, говоритъ авторъ, совсѣмъ особенная, исключительная въ славянскомъ мірѣ, отчасти истребленномъ, отчасти поработанномъ и угнетенномъ въ прочихъ его отрасляхъ. Это дѣлаетъ ее явленіемъ совершенно новымъ, небывалымъ въ исторіи.

Удивительное дѣло! На одномъ материкѣ, раздѣленные нѣсколькими народами, Европа и Россія прожили много вѣковъ, чуждаясь другъ друга, какъ будто съ умысломъ избѣгая всякаго близкаго соприкосновенія. Въ ихъ исторіи нѣтъ ни одной черты сходной и много противоположныхъ... Гдѣ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію? Отвѣтъ простой. Не въ невозможномъ, отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторією другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ“.

¹³⁴⁾ С. Шпилевскаго: Союзъ родст. защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ. 1866 г. Семейная власть у древнихъ Славянъ и Германцевъ. Казань. 1869 г. А. Смирнова: Очерки семейн. отношеній по обычному праву русскаго народа; въ Юридическомъ Вѣстникѣ Моск. Юрид. Общ. за 1877 г. к. I—X.

¹³⁵⁾ Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права, с. 52, Казань. 1877 г.

¹³⁶⁾ Юрид. Вѣст. Мос. Юрид. Общ. 1878 г. N. I, с. 22, 23.

¹³⁷⁾ Кіевск. Унив. Извѣстія, 1878 г.; N 2; приб., с. 18.

¹³⁸⁾ Ю. В. М. Ю. О. 1878 г. N I, с. 24.

¹³⁹⁾ См. Др. и Нов. Россія, 1876 г. N 3, с. 268 и сл.; выше, с. 187 и сл.

¹⁴⁰⁾ Сидячими народами называются въ наукѣ народы, стоящіе на самой низкой ступени цивилизаціи, не знающіе ни скотоводства, ни земледѣлія, питающіеся исключительно рыбою, плодами, листьями и корнями дикихъ растений. Они живутъ „сидя“ по берегамъ рѣкъ, озеръ и морей, изобилующихъ рыбою и не перемѣняютъ своихъ мѣстъ жительства, какъ народы бродячіе и кочевые. Дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду рецензіи А. Ф. Кистяковского на предисловіе къ изданному нами „Сборнику обычнаго Права сибирскихъ инородцевъ“, за которую мы очень благодарны почтенному профессору, но гдѣ мы находимъ смѣшеніе понятія о сидячихъ народахъ съ понятіемъ о первобытныхъ народахъ осѣдлаго, земледѣльческаго состоянія, представляющихъ собою двѣ крайнія ступени первобытнаго состоянія, раздѣленныя состояніями бродячимъ и кочевымъ. См. Кіев. Унив. Изв. 1876 г. Іюнь, с. 5 и сл.

¹⁴¹⁾ Полн. Собр. Учен. Пут. по Россіи, изд. Имп. Акад. Наукъ, Описаніе земли Камчатки, соч. проф. Крашенинниковымъ, т. II, с. 37, 43, 99. Ср. тамъ же, с. 1, 3, 26—18, 27, 33, 45, 70 и др.

¹⁴²⁾ *Traité de Législation*, par Charles Comte, ed. 1835. Paris. t. II, p. 294.

¹⁴³⁾ Тамъ же, с. 203. *Levis et Clarke: Voy. à l'Océan Pacifique*, ch. III, p. 40. *Humboldt: Voy. aux rég. équinoxiales*, t. XVI, ch. VII. t. VI, p. 65, 66; etc.

¹⁴⁴⁾ *La Pérouse: Voy. autour du monde*, t. III, p. 233, 236. См. еще Соок: *Prem. Voy.* t. III, p. 79, 144, 340; *Trois. Voy.* t. I, p. 32.

¹⁴⁵⁾ См. Журн. Знаніе, 1875 г. N. V, *Изманія*, с. 179.

¹⁴⁶⁾ Геродотъ, кн. III, гл. XLIII.

¹⁴⁷⁾ *Иліада*, п. IX, 328, 329.

¹⁴⁸⁾ Кн. Ис.. Нав. гл. XIII, XV.

¹⁴⁹⁾ Тамъ же, VIII, XI. Кн. Суд. Изр., гл. VI.

¹⁵⁰⁾ Кн. Паралип., гл. VIII, XI, XIV, XXVII.

- ¹⁵¹⁾ Вейса: Внѣш. бытъ нар. I. с. 321. Польша: Prem. Voy. I. р. 128, Deux. Voy. I, р. 263. Тексіеръ: L'Asie Mineure; II, 75.
- ¹⁵²⁾ Тамъ же, с. 348. Plut. Alex. 60, Strab. XV, I. Arrian, 10.
- ¹⁵³⁾ Илиада, пѣс. I, с. 55 и слѣд. Изд. 1849 г. Гнѣдича.
- ¹⁵⁴⁾ Пелопонезская война, пер. Мартынова, пар. 2.
- ¹⁵⁵⁾ Тамъ же, с. 108 и слѣд.
- ¹⁵⁶⁾ Геродотъ, кн. IV, гл. CXLVIII.
- ¹⁵⁷⁾ Географія, кн. III, гл. I, пар. 2—4.
- ¹⁵⁸⁾ Laurent. His. du droit des gens, t. VII, р. 456.
- ¹⁵⁹⁾ См. Вахсмуть: „Hellen. Altert. I, с. 316, 317. Фукидидъ: Пелоп. война, кн. VI, гл. 3—5 и др. Аристотеля: Политика, пер. Скворцова, с. I, прим., кн. IV, гл. X, XI и др. Титъ Ливій: Ист. нар. Рим. кн. I, гл. 8, 33, 38 и др. Мауреръ: Gesch. der Stadtverf. in Deutschland, s. 30, 44, 45 и др. Полн. Соб. Русс. Лѣт. I, с. 4. 9. 10. 13 и др. См. наше изслѣд. Древ. Гор. Рос., гл. II.
- ¹⁶⁰⁾ Географія, кн. III, пар. 4.
- ¹⁶¹⁾ Тамъ же, пар. 2.
- ¹⁶²⁾ Тамъ же, пар. 3.
- ¹⁶³⁾ Гальская война кн. V, гл. XXI. с. 248. Изд. 1850 г. Низарда; его мы цит. и ниже.
- ¹⁶⁴⁾ Германія, XVI.
- ¹⁶⁵⁾ Тамъ же, XXX. См. еще: Лѣтописи. I, 60; II, 62, XII, 29 30.
- ¹⁶⁶⁾ Журн. Знаніе. 1875 г. N IV; Измаилія, с. 132, 133 и др.
- ¹⁶⁷⁾ Германія, XVI.
- ¹⁶⁸⁾ Гальская война. кн. IV, гл. IV, с. 229. А. Клеванова: Сочин. Юлія Цезаря, с. 63, 69, 1876 г.
- ¹⁶⁹⁾ Гал. война, кн. I, гл. V, с. 185; кн. II, гл. VII, с. 208, кн. III, гл. VI, с. 219, кн. VI, гл. VI, с. 263.
- ¹⁷⁰⁾ Тамъ же, кн. I, гл. VIII с. 186; кн. II, гл. VIII, IX, с. 208, 209 и пр.
- ¹⁷¹⁾ Тамъ же, кн. II, гл. XXIX, с. 215; кн. III, гл. I, с. 217. Ср. Клеванова; Сочин. Юлія Цезаря, с. 48.
- ¹⁷²⁾ Тамъ же, кн. VII, гл. XIII—XV, с. 282, 283.
- ¹⁷³⁾ Тамъ же, гл. XXIII, с. 286.
- ¹⁷⁴⁾ Тамъ же, кн. I, гл. V, с. 185.
- ¹⁷⁵⁾ Тамъ же, кн. II, гл. IV, с. 207, 208.
- ¹⁷⁶⁾ Тамъ же, кн. III, гл. I с. 217; см. еще кн. II, гл. XXIX, с. 215 и др.
- ¹⁷⁷⁾ См. наше изслѣд. Древніе Города Россіи, гл. III.
- ¹⁷⁸⁾ „Пришедши, говорить г. Ковалевскій, путемъ самостоятельной раскопки кургановъ къ констатированію факта существованія въ древней Руси огромнаго множества городищъ, проф. Самоковасовъ счелъ себя вправѣ заключить отсюда о преобладаніи у насъ въ древній періодъ нашей жизни числа городовъ надъ числомъ селъ.“ Во первыхъ, курганъ и городище—два предмета археологіи совершенно различныя: курганъ—могила, а городище—мѣсто древней селитбы; слѣдовательно, путемъ раскопки кургановъ нельзя констатировать фактъ существованія въ древней Руси какого бы то ни было количества городовъ; фактъ этотъ констатированъ въ нашихъ прежнихъ сочиненіяхъ на основаніи свидѣтельствъ нашихъ и иноземныхъ древнихъ писателей и древнихъ актовъ и повѣренъ путемъ изслѣдованія го-

родинищъ. Во вторыхъ, нашимъ тезисомъ является не преобладаніе въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи числа городовъ надъ числомъ селъ, а исключительное существованіе формы *селитбы*, которая въ древности называлась *городомъ*. „Вмѣсто того, продолжаетъ авторъ, чтобы прійти къ построенію фантастическаго положенія объ образованіи селъ изъ городовъ г Самокласовъ пришелъ бы къ констатированію и въ бытовыхъ условіяхъ Славянъ, при рѣшительномъ преобладаніи, то подставъ, какъ и на западѣ, сельскаго быта надъ городскимъ, обычая укрѣплять нѣкоторыя выгодно расположенныя въ географическомъ отношеніи мѣстности“. Цѣль нашихъ изслѣдованій по отношенію къ вопросу о значеніи городовъ древнерусскихъ Славянъ состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что у нашихъ первобытныхъ предковъ не было ни *городовъ*, ни *селъ* въ нашемъ смыслѣ слова, что слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о преобладаніи въ древности городского быта надъ сельскимъ и наоборотъ, сельскаго быта надъ городскимъ; что бытъ первобытныхъ народовъ не похожъ ни на городской ни на сельскій бытъ цивилизованныхъ народовъ; что, наконецъ, если мы будемъ смотрѣть съ точки зрѣнія городского или сельскаго быта на бытъ нашихъ предковъ, то не поймемъ его и никогда не выйдемъ съ нашей наукой изъ состоянія теорій въ состояніе положительнаго знанія.

¹⁷⁹⁾ См. выше.

¹⁸⁰⁾ См. Древніе Города Россіи, с. 33, 72, 73 и др.

Д. Я. САМОКВАСОВЪ.

39362

ИСТОРИЯ
РУССКАГО ПРАВА.

ВЫПУСКЪ II.

Происхожденіе Славянъ.
Происхожденіе Русскихъ Славянъ.

ВАРШАВА.

Въ Типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.
Краковское-Предмѣстье N. 15.

1884.

**Печатано по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО
Варшавскаго Университета.**

Ректоръ, Тайный Совѣтникъ Н. Лавровскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Страницы.

Предисловіе III— X

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе Славянъ.

Теорія азіатскаго происхожденія сѣверно-европейской вѣтви индоевропейскихъ народовъ и ея основанія	1— 4
Опредѣленіе задачи науки по вопросу о происхожденіи Славянъ и средства ея рѣшенія	4— 5
Выводы сравнительнаго языкознанія о происхожденіи индоевропейскихъ народовъ вообще и Славянъ въ частности	6— 8
Значеніе лѣтописныхъ свидѣтельствъ въ вопросѣ о происхожденіи народовъ	9— 10
Лѣтописныя извѣстія, впервые упоминающія имя Славянъ между европейскими народами, и значеніе ихъ	10— 11
Географическое отношеніе Славянъ и Антовъ къ Венетамъ и Скифамъ	12
Теоріи монголо-татаро-туранства Скифовъ и критика ихъ аргументаціи	13— 16
Индоевропейская прародина скифской народности	16— 19
Этнографическіе признаки индоевропейскаго происхожденія Скифовъ: генеалогическія преданія, языкъ, религія, наружность, черепа	19— 25
Пространство Царской Скиѣи	25— 26
Племена Царской Скиѣи, ихъ географическое распредѣленіе и названія	26— 28
Этнографическое единство племенъ Царской Скиѣи	28— 32
Народы скифскаго этнографическаго типа въ Европѣ за предѣлами Царской Скиѣи: Тавры, Сарматы, Вудины, Скифы приуральскіе, Невры, Агафяры и Геты	32— 37
Точность этнографическаго значенія слова Скифъ у Геродота	37— 38
Количество народонаселенія европейской Скиѣи	39
Теорія истребленія европейскихъ Скифовъ другими народами и критика ея аргументаціи	40— 42
Свидѣтельства о Скиѣи и Скифахъ писателей первыхъ столѣтій послѣ Рождества Христова	42— 46
Свидѣтельства Приска Панийскаго, Юрнанда, Феофилакта Симокаты, Геограаа Равенскаго и Начальнаго Русскаго Лѣтописца о происхожденіи Славянъ отъ Скифовъ	47— 51
Этнографическіе признаки единства происхожденія Скифовъ эпохи Геродота и позднѣйшихъ Славянъ	52— 61

	Страницы
Значеніе боговъ и религиозные обычаи	52— 55
Обычаи изъ области уголовного и гражданского права	55— 56
Погребальные обычаи	56— 59
Наружность	59— 60
Домашняя утварь, одежда, орнаментика и пр.	60— 61
Заключеніе о предкахъ и прародитѣ Славянъ	62— 69

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхожденіе Русскихъ Славянъ.

Опредѣленіе задачи изслѣдованія	70
Опредѣленіе области русскихъ Славянъ	71
Пустынный области русскихъ Славянъ въ эпоху Геродота	71— 72
Политическія событія и этническія движенія въ Царской Скиѣи со времени Геродота до времени образованія Царства Гетовъ или Даковъ	73— 77
Образованіе скифо-сарматской державы подъ главенствомъ племени Гетовъ	77— 82
Борьба царства Гетовъ съ Римскою имперіей и обращеніе его въ римскую провинцію подъ именемъ Дакии	82— 83
Движеніе скифо-сарматскихъ или гето-дакійскихъ племенъ изъ областей придунайскихъ за Карпаты, въ центральныя области Европы	84— 85
Гето-дакійскіе колонисты въ центральныхъ областяхъ Европы получаютъ новое имя Славянъ или Словянъ	85— 86
Свидѣтельства русской лѣтописи о прародитѣ русскихъ и польскихъ Славянъ, времени и причинѣ ихъ колонизаціи изъ областей придунайскихъ въ центральныя области Европы	87— 91
Народность Волоховъ, принудившихъ Славянъ къ переселенію изъ областей придунайскихъ на побережья Вислы, Буга, Днѣпра, Припечи, Десны, Двины и пр.	91
Критика воззрѣній историковъ нѣмецкаго направленія по вопросамъ о значеніи Германцевъ въ древней исторіи Европы, славянской прародитѣ, началѣ славянской исторіи и средствахъ ея познанія	91—104
Искаженіе текстовъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о прародитѣ Славянъ и Волохахъ въ литературѣ нѣмецкаго направленія	104—106
Произвольныя толкованія лѣтописнаго свидѣтельства о Волохахъ въ новѣйшей литературѣ нѣмецкаго направленія	107—108
Доказательства римской народности Волоховъ, потсннвшихъ Славянъ на Дунаѣ	108—111
Фактъ присутствія римскихъ монетъ въ областяхъ, занятыхъ русскими и польскими Славянами и первоначальныя литературныя попытки его объясненія	111—112
Теорія объясненія сказаннаго факта предположеніемъ торговыхъ сношеній Римлянъ съ Балтійскимъ поморьемъ, основанная	

	<i>Страницы</i>
первоначально вѣмецкими учеными Байеромъ и Крузе и развитая въ новѣйшей литературѣ славянскими учеными, особенно I. Садовскимъ	113—121
Критика теоріи торговыхъ сношеній Римлянъ съ „янтарнымъ Балтійскимъ поморьемъ“	121—131
Обзоръ фактическаго матеріала по вопросу о римскихъ монетахъ славянскихъ областей и сопоставленіе его съ лѣтописными свидѣтельствами.....	132—140
Клады римскихъ монетъ отрицаютъ теорію Байера, Крузе, Садовскаго и ихъ послѣдователей.....	140—141
На побережья Вислы, Буга, Нѣмана, Припети, Днѣпра, Десны, Сейма, Сулы, Сожи и Оки занесены римскія монеты Славянами въ эпоху владычества Римлянъ въ Дакии.....	142—144
Заключеніе о происхожденіи русскихъ Славянъ и началѣ русской исторіи	144—145

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Обзоръ литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политико-юридическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Варяговъ, изложенный въ первомъ выпускѣ нашей Исторіи русскаго права, доказалъ намъ, что господствующее нынѣ направленіе въ разработкѣ древнѣйшаго періода русской исторіи невѣрно, а средства его научныхъ изысканій недостаточны. Написано по славяно-русской исторіи уже такъ много, что прочесть все, напечатанное только въ нашемъ столѣтіи, не стаетъ человѣческой жизни; на изысканіе, изданіе и ученую разработку средствъ познанія исторіи нашихъ предковъ затрачены милліоны; результаты же далеко не соответствуютъ сдѣланнымъ затратамъ труда и капитала. Основные вопросы науки остаются въ томъ состояніи, въ какомъ находились въ прошедшемъ столѣтіи. Какъ тогда ученая критика находила, что „все, напечатанное по славяно-русской исторіи ощути-тельно дурно, недостаточно и невѣрно“ (Шлецеръ), такъ и въ наше время періодически, каждое десятилѣтіе, повторяетъ она тоже самое. „Выводы науки по основнымъ вопросамъ славяно русской исторіи лишены всякой вѣроятности, баснословны“ (Каченовскій). „Множество теорій русской исторіи построено, а разрѣшеніе основныхъ, существенныхъ вопросовъ не подвинулось ни на шагъ впередъ“ (Кавелинъ). „По всѣмъ основнымъ вопросамъ науки встрѣчаемъ въ современной литературѣ массу разнообразныхъ воззрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой лабиринтъ личныхъ мнѣній и взглядовъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого выхода“ (Леонтовичъ). Очевидно, господствующее въ современной исторической литературѣ направленіе разработки древнѣйшаго періода славяно-русской исторіи ведетъ не туда, куда слѣдуетъ, не даетъ намъ знанія научнаго, положительнаго.

Пока основные вопросы славяно-русской истории не решены наукою положительно, до тех поръ научная разработка древнѣйшаго періода истории русскаго права, по нашему мнѣнію, невозможна. Возможность научной разработки въ положительномъ направленіи славяно-русскаго права, какъ вопроса частнаго въ славяно-русской истории, тѣсно связана съ отвѣтомъ на общій, исходный вопросъ науки о происхожденіи Славяно-Руссовъ, положительнымъ рѣшеніемъ котораго обусловливаются начало русской истории, средства ея познанія и направленіе изысканій по частнымъ вопросамъ. Отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи Славяно-Руссовъ, въ свою очередь, тѣсно связанъ съ вопросомъ о происхожденіи Славянъ вообще. Подожительныхъ рѣшеній по сказаннымъ, общимъ, исходнымъ, основнымъ вопросамъ истории Славянъ и Славяно-Руссовъ мы не нашли въ исторической литературѣ. Славянскую историю начинаютъ сказаніями Юрпанда и Прокопія о Славянахъ и Аптахъ. Но не съ неба же свалились эти народы, неизмѣримымъ владѣніямъ которыхъ и необыкновенному многолюдству удивлялись историки VI вѣка. Несомнѣнно былъ въ истории народъ—предокъ Славянъ и Антовъ; несомнѣнно была и географическая область, гдѣ разрослись Славяне и выработали этнографическія особенности, отличающія славянскую народность отъ другихъ народностей. Отсюда, первою задачею славянскаго историка и историка-юриста должно быть точное, безспорное опредѣленіе предковъ и прародинны Славянъ, потому что пока этотъ историческій вопросъ останется нерѣшеннымъ, до тех поръ древнеславянская история будетъ представлять собою не науку, а „хаосъ произвольныхъ гипотезъ, противорѣчій и сомнительныхъ выводовъ,“ до тех поръ невозможно будетъ и положительное рѣшеніе вопросовъ истории древнеславянскаго права, источники котораго въ настоящее время отыскиваются тамъ, гдѣ кому вздумается.

Слѣдовательно, по нашему мнѣнію, прежде чѣмъ идти впередъ по старому пути и строить новый лабиринтъ гипотезъ изъ старыхъ матеріаловъ, необходимо возвратиться назадъ, заново пересмотрѣть исходные вопросы по славяно-русской истории и попытаться изыскать средства къ положительному ихъ рѣшенію. Если бы такихъ средствъ не оказалось, то история древнерусскихъ Славянъ

и исторія древнерусскаго права не науки: гипотезы имѣютъ оправданіе въ наукѣ не какъ цѣль ея, а только какъ средство, первая ступень къ положительному знанію.

Таковы причины, побудившія насъ пересмотрѣть основные вопросы славянорусской исторіи и предпослать это изслѣдованіе изысканіямъ условій соціального быта нашихъ предковъ.

Мы получили слѣдующіе результаты.

1. *По вопросу о происхожденіи Славянъ.*

Шлецеръ, Карамзинъ, Шафарикъ, Соловьевъ и всѣ другіе авторитеты въ нашей исторической литературѣ признали сказанія древнихъ писателей о происхожденіи, домашнемъ и общественномъ бытѣ европейскихъ Скифовъ эпохи Геродота и послѣдующихъ столѣтій не относящимися къ славянской исторіи. По возрѣніямъ, господствующимъ въ исторической литературѣ, европейскіе Скифы были народъ монголо-татарскаго происхожденія, а Славяне, получивъ ихъ этнографическое образованіе въ какихъ-то невѣдомыхъ, сѣверныхъ или восточныхъ странахъ, передвинулись въ южную половину Европы уже въ то время, когда Скифы были истреблены другими народами. А между тѣмъ, сравнивая этнографическіе признаки Славянъ языческой эпохи съ такими же признаками Скифовъ эпохи Геродота, мы нашли между ними очень много общаго, мы убѣдились, что въ этнографическомъ отношеніи Славяне языческой эпохи стоятъ несравненно ближе къ европейскимъ Скифамъ эпохи Геродота, нежели къ древнимъ Грекамъ, Римлянамъ, Кельтамъ, Германцамъ и даже Литовцамъ. Мы встрѣтили также въ сказаніяхъ древнихъ историковъ и географовъ прямые свидѣтельства о единствѣ происхожденія Скифовъ и Славянъ. Наконецъ, мы замѣтили, что многіе темные вопросы по древней исторіи Славянъ и древнеславянскаго домашняго и общественнаго быта объясняются только сказаніями классическихъ писателей, относящимися къ исторіи Скифовъ, и фактами, сохранившимися въ нѣдрахъ скифской земли. Такимъ образомъ, сравнительная этнографія, свидѣтельства древнихъ историковъ и географовъ и содержаніе скифскихъ и славянскихъ могилъ доказали намъ ближайшее, непосредственное родство между Скифами и Славянами. Скифы эпохи Геродота, по

отношенію къ позднѣйшимъ славянскимъ народностямъ, являются Праславянами.

Единство происхожденія Скифовъ и Славянъ, основанное на фактахъ положительныхъ, даетъ намъ возможность указать истинное начало славянской исторіи, опредѣлить положительныя средства ея научной разработки и обусловить правильное направленіе научныхъ изысканій по частнымъ вопросамъ исторіи славянскихъ народностей и славянскихъ правъ.

2. *По вопросу о происхожденіи русскихъ Славянъ.*

Историки всѣхъ новѣйшихъ германскихъ народовъ начинаютъ изложеніе исторіи своихъ предковъ первыми извѣстіями древнихъ писателей о Кимбрахъ и Тевтонахъ, а рускіе историки, слѣдуя за вѣту Шлецера, начинаютъ русскую исторію временемъ призванія Рюрика. Изложенію русской исторіи предпосылается „краткое введеніе,“ заключающее въ себѣ основанныя на „исторической аналогіи“ разсужденія о первобытномъ состояніи человѣчества, будто бы общемъ у всѣхъ народовъ „младенческаго состоянія.“ Такой приѣмъ научной разработки древнѣйшаго періода русской исторіи мотивируется тѣмъ, что „предки наши не оставили непосредственныхъ свидѣтелей ихъ исторіи, не были описаны ни своими, ни чужими лѣтописцами.“ По свидѣтельствамъ начальной русской лѣтописи, Славяно-Руссы въ эпоху призванія Рюрика занимали области отъ Ладожскаго и Бѣлаго озера до береговъ Чернаго моря и отъ верхняго теченія Волги и побережьевъ Оки до западнаго Буга и Карпатскихъ горъ. Народъ, занимавшій въ IX вѣкѣ такое громадное пространство, имѣвшій въ VIII и IX столѣтіяхъ оживленныя сношенія съ отдаленными восточными, южными и западными народами, что доказываютъ множество монетъ этихъ народовъ, открытыхъ въ землѣ славяно русскихъ областей, долженъ былъ принимать участіе въ исторіи Европы предыдущихъ столѣтій и оставить памятники своей исторіи. И дѣйствительно, пересмотръ географическихъ и историческихъ сказаній древнихъ писателей по отношенію къ народамъ центральныхъ областей Европы, въ связи съ фактами, открытыми въ нѣдрахъ древнеславянской земли, доказалъ намъ, что начало исторіи русскихъ Славянъ должно быть отодвинуто ко II вѣку до Рождества Христова. Въ предѣлахъ древнеславянской земли

открыты письменныя и вещественныя свидѣтельства, точно опредѣляющія прародину славяно-русскихъ племенъ и время ихъ первоначальнаго поселенія въ центральныхъ областяхъ Европы. Между прочимъ, клады римскихъ монетъ II столѣтія послѣ Рождества Христова, открытыя на бережьяхъ Вислы, Буга, Припети, Днѣпра, Десны, Сейма, Оки, и много другихъ римскихъ издѣлій, открытыхъ въ могилахъ древней Россіи и Польши, положительно доказываютъ намъ, что предками русскихъ и польскихъ Славянъ были гето-дакійскія племена, оставившія придунайскую прародину въ эпоху владычества Римлянъ въ Дакии, составлявшей западную половину древней Скифіи. Этотъ фактъ, по нашему мнѣнію, рѣшаетъ вопросъ о началѣ русской исторіи и даетъ намъ возможность слѣдить ее со II вѣка, по богатымъ матеріаламъ, сохранившимся въ могилахъ и жилищахъ гето-дакійскихъ колонистовъ, получившихъ въ центральной Европѣ новое общее имя Славянъ.

3. *По вопросу о средствахъ познанія славяно-русской исторіи.*

Въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи нашихъ предковъ, мы пользовались, кромѣ сказаній древнѣйшей русской лѣтописи и выводовъ сравнительной лингвистики, этнографіи и этнологіи, сказаніями древнихъ писателей о Скифахъ и фактами археологіи, открытыми въ скифской и славянской землѣ.

Въ виду собранныхъ нами фактовъ, доказывающихъ единство происхожденія Скифовъ и Славянъ, изученіе исторіи Скифовъ должно предшествовать изученію исторіи новѣйшихъ славянскихъ народностей, какъ предки предшествуютъ потомкамъ. Необходимо собрать сказанія классическихъ и средневѣковыхъ писателей о Скифахъ, изучить матеріалы, сохранившіеся въ скифской землѣ и сопоставить данныя скифской исторіи съ данными исторіи славянской, потому что только такое сопоставленіе объясняетъ намъ основныя вопросы скифской и славянской исторіи, казавшіеся до сихъ поръ темными, бессмысленными, или получавшіе объясненія произвольныя и безтолковыя.

Немедленно, въ широкихъ размѣрахъ, людьми свѣдущими въ исторіи должна быть предпринята научная разработка вещественныхъ памятниковъ, оставленныхъ нашими предками въ централь-

ныхъ областяхъ Европы, потому что въ нихъ начало, воскресеніе и богатство нашей исторіи. Благодаря ложному мнѣнію о невозможности въ массѣ могилъ центральныхъ областей Европы отличить могилы славянскія отъ могилъ другихъ народовъ, это богатое средство познанія древности до сихъ поръ остается совершенно безполезнымъ для славянской исторіи ¹⁾. Мы находимъ возможнымъ пользоваться древностями нашей родины для объясненія исторіи финской, монгольской, греческой, римской, нѣмецкой, а только славяно-русской не даемъ въ нихъ никакого участія. Что бы ни нашли въ землѣ русскихъ Славянъ, — все это или скифо-монгольское, или греко-римское, или германо-скандинавское, а Славяно-Руссы до рюриковской эпохи должно быть не имѣли никакой одежды, никакого оружія, никакихъ орудій, питались акридами и дикимъ медомъ. Напрасно П. С. Савельевъ и В. В. Григорьевъ, указывая на факты, заявляли о необходимости измѣнить направленіе разработки исторіи нашихъ предковъ, данное Шлецеромъ ²⁾, мы продолжали, къ стыду

¹⁾ Родоначальникомъ заблужденія и въ этомъ случаѣ былъ Шлецеръ. По поводу открытія въ 17^{мъ} году въ одномъ изъ русскихъ кургановъ разнаго рода золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, Шлецеръ объявилъ, что всѣ такія древности не относятся къ русской исторіи, такъ какъ Россія представляеть собою страну, чрезъ которую проходили всѣ народы изъ Азіи въ Европу и останавливались въ ней. См. Шлецеръ. Несторъ, стр. рд—ри. Съ тѣхъ поръ мнѣніе о невозможности распознать славянскія могилы сдѣлалось у насъ общимъ мѣстомъ, хотя не было сдѣлано никакихъ цопытокъ распознать ихъ путемъ раскопокъ. См. А. Котляревскаго: О погреб. обычъ древ. Славянъ; с. 169. Ср. Гр. А. С. Уварова: О призн. народ. могилъ, въ Трудахъ Моск. Археол. Общ.; т. III, в. III, стр. 266 и слѣд.

²⁾ „Прошло около сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки (мнѣніе Шлецера о невозможности торговыхъ сношеній у Славяно-Руссовъ дорюриковской эпохи съ другими народами), и источники, дотолѣ неизвѣстныя, бросили новый свѣтъ на состояніе нашего древняго сѣвера. Системы Шлецера рушатся сами собою; но его браминско-фанатическіе приговоры, къ сожалѣнію, долгое время останавливали успѣхи нашей юной исторіографіи, не выходявшей изъ подъ ферулы своего нѣмецкаго учителя.“ Мухамъ Нумизматика; 1846 г., стр. ССXXXII. Что-же мы сдѣлали въ послѣд-

нашему, тратить миллионы на собираніе, изданіе и разработку древностей чужихъ народовъ, а памятники своей исторіи оставляли въ полномъ пренебреженіи ¹⁾).

нее сороколѣтіе въ томъ новомъ направленіи, которое такъ ясно и доказательно было указано П. С. Савельевымъ? На „новые факты“ русскіе историки нѣмецкаго происхожденія не обращали никакого вниманія, а за ними топтали старую дорожку и русскіе историки славянскаго происхожденія.

¹⁾ Невозможно видѣть равнодушно дорогія изданія на русскія деньги древностей, открытыхъ въ пограничныхъ областяхъ Россіи и употребленныхъ издателями только для освѣщенія греческой, римской и нѣмецкой исторіи, когда знаешь, что такіе-же памятники хранятся въ землѣ центральныхъ областей нашей родины, но, за недостаткомъ средствъ, не могутъ быть открыты, изданы и разработаны въ истинномъ направленіи славяно-русской исторіи. Примѣромъ можетъ служить „Necrolivonica“ академика Крузе. Чего стоило въ свое время это *русское изданіе на нѣмецкомъ языкѣ*, а что внесло оно въ разработку *русской исторіи*? На русскія деньги въ немъ роскошно реставрированы и пушены въ обращеніе по всему міру мысли Шлецера о значеніи Нѣмцевъ въ русской исторіи и мысли самого издателя о давнихъ торговыхъ сношеніяхъ Римлянъ съ *германскимъ* балтійскимъ побережьемъ, высказанныя первоначально въ бѣдной книжонкѣ, изданной въ Лейпцигѣ въ 1819 г., подъ заглавіемъ: „Budorgis oder etwas über das alte Schlesien zu den Zeiten der Römer.“ (Ср. Budorgis; s. 1—6, 15, 70 und v., 85—88, 142—145, 150; Necrolivonica: Vorber. zur Reise, s. 19, 20; Historia Uebers., s. 3—5; Römiz. Münzen, s. 3 и v.). Доказательствами этихъ мыслей академика Крузе служатъ находки на балтійскомъ поморьи единичныхъ экземпляровъ римскихъ монетъ и другихъ издѣлій. По изслѣдованіямъ г. Лебедура и П. С. Савельева, располагавшихъ огромнымъ матеріаломъ по вопросу о находкахъ древнихъ денежныхъ кладовъ, „въ прибалтійскихъ странахъ римскія монеты принадлежать къ числу величайшихъ рѣдкостей“ (Мухам. Нумизматика, стр. 79). А между тѣмъ, въ центральныхъ областяхъ Россіи, на побережьяхъ Днѣпра, Припети, Десны, Сейма, Оки, римскія монеты находятъ въ чрезвычайномъ количествѣ, цѣлыми кладами, заключающими въ себѣ тысячи экземпляровъ. Этотъ фактъ, подрывающій въ корнѣ нѣмецкія теоріи по исторіи русскихъ Славянъ, оставался до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ исторической литературѣ.

По словамъ правдиваго нашего историка, К. Н. Бестужева-Рюмина, „большія усилія направлены на южную часть Россіи: это понятно потому, что здѣсь были греческія поселенія; добыча здѣсь можетъ быть богаче... а между тѣмъ, самые важные вопросы для всей русской исторіи въ центральныхъ губерніяхъ, а сюда почти еще не находили работники“ (Р. И.; с. 160). Трудно и ожидать работниковъ тамъ, гдѣ не жалѣютъ тысячныхъ тратъ на изысканіе, изданіе и разработку древностей греческихъ, римскихъ и пѣмскихъ, а древностямъ своей исторіи удѣляютъ гроши.

Удѣлите на разработку вещественныхъ памятниковъ, сохранившихся въ землѣ центральныхъ областей нашего отечества, десятую долю трудовъ и средствъ, уже потраченныхъ у насъ на разработку древностей пограничныхъ областей, и каждому будетъ ясно, что исторія Славяно-Руссовъ языческой эпохи не бѣднѣе исторіи Германцевъ того времени. Доказательствомъ могутъ служить результаты изслѣдованій, произведенныхъ нами за послѣднее десятилѣтіе въ губерніяхъ Кіевской, Черниговской, Полтавской и Курской. Единичными усилиями, при ничтожныхъ средствахъ, мы получили цѣлый музей памятниковъ исторіи нашихъ предковъ, по количеству предметовъ, не уступающій матеріалу, изданному въ Некроливоникѣ академика Крузе, а по богатству формъ и важности для русской исторіи далеко его превосходящій.

Пока мы вѣрили въ невозможность распознать славянскія могилы, не зная ихъ устройства и содержанія, еще простительно было относиться къ нимъ равнодушно; теперь-же мы не имѣемъ права оставаться спокойными въ виду гибели памятниковъ исторіи нашихъ предковъ въ рукахъ дѣтей, въ горнилахъ кузницъ, въ плавильныхъ горшкахъ евреевъ, подъ плугами пахарей. Съ каждымъ годомъ количество древнихъ могилъ уменьшается, а съ уничтоженіемъ вещественныхъ памятниковъ, погибнетъ послѣднее средство опредѣлить Славяно-Руссамъ истинное мѣсто въ ряду другихъ историческихъ народовъ.

Д. Самоквасовъ.

Варшава.

2 Апрѣля, 1884 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе Славянъ.

По теоріи, господствующей въ современной исторической литературѣ, этнографическія особенности, отличающія Славянъ отъ другихъ народовъ индоевропейскаго происхожденія, образовались въ Азіи. Изъ Азіи этотъ народъ переселился въ Европу уже самостоятельнымъ, съ тѣми этнографическими признаками, какими отличался онъ въ эпоху появленія въ европейской исторіи. Передвиженіе европейцевъ съ востока на западъ не было одновременнымъ; позже всѣхъ переселились Славяне, представившіе собою здѣсь самый младшій побѣгъ индоевропейской семьи народовъ. ¹⁾

¹⁾ По мнѣнію ориенталиста В. В. Григорьева, „могли и должны были сидѣть Арійцы на Яксартѣ за пять и болѣе вѣковъ до нашей эры въ видѣ остатковъ тѣхъ Германцевъ, Славянъ, Литовцевъ, Эллиновъ, Фракійцевъ, Италійцевъ и Кельтовъ, которые давно уже передъ тѣмъ ушли изъ Азіи въ Европу и заняли ее вплоть до Геркулесовыхъ Столбовъ“. „Не подлежитъ сомнѣнію, что за пять, за семь вѣковъ до Рожд. Хр., семья арійскихъ народовъ являлась уже расчлененною на основныя свои вѣтви: Индійцевъ-Арійцевъ, Персовъ, Кельтовъ, Иллировъ, Фраковъ, Италійцевъ, Эллиновъ, Славянъ, Литовцевъ и Германцевъ“. „По всѣмъ соображеніямъ лингвистическимъ, географическимъ и историческимъ (?) Германцы и Славяне были послѣдними изъ арійскихъ колѣнъ, оставившихъ среднюю Азію на пути въ Европу; слѣдовательно, въ арійскихъ племенахъ, сидѣвшихъ около VI вѣка до Рожд. Хр. по Яксарту, можемъ мы признавать лишь Германцевъ и Славянъ“. О Скифскомъ народѣ Сакахъ. 1871 г., стр. 91, 92 и 94. „Славяне,

Въ опредѣленіи времени переселенія историки не согласны между собою. Одни относятъ эпоху передвиженія Славянъ въ Европу ко времени такъ называемаго великаго переселенія народовъ, то есть къ IV и V вѣкамъ послѣ Рожд. Христ.; другіе ко II вѣку до Рождества Христова; третьи отдаляютъ его за нѣсколько столѣтій до времени Геродота, ко временамъ незапамятной для исторіи древности ¹⁾.

по мнѣнію историка А. Котляревскаго, какъ *младшій побѣгъ* индоевропейской семьи народовъ, шли уже по готовой, торной дорогѣ; многочисленныя вѣтви ихъ сѣли на насиженныхъ гнѣздахъ, на остаткахъ цивилизаціи предшественниковъ“. Погреб. Обыч. Славянъ; стр. 160.

¹⁾ Состояніе въ наукѣ вопроса о времени появленія Славянъ въ Европѣ и ихъ первоначальной родинѣ характеризувано Шафарикомъ слѣдующими словами. „Всѣ изслѣдователи по древней исторіи европейскихъ народовъ, обнародовавшіе въ своихъ сочиненіяхъ мнѣнія о происхожденіи Славянъ и ихъ древнѣйшихъ жилищахъ и дѣяніяхъ, дѣлятся на двѣ главныя категоріи: одни считаютъ Славянъ народомъ новымъ, появившимся на полѣ исторіи въ IV и V столѣтіи, во время всеобщаго переселенія народовъ, въ сообществѣ Гунновъ, Аваровъ и другихъ азіатскихъ выходцевъ; другіе принимаютъ Славянъ за народъ европейскій, старобытный, съ незапамятныхъ временъ обитавшій въ Европѣ среди прочихъ народовъ и скрывавшійся только подъ разными древними, послѣ исчезнувшими именами. Впрочемъ, и тѣ и другіе историки снова чрезвычайно несогласны между собою на счетъ опредѣленія самаго мѣста происхожденія и первобытныхъ жилищъ древнихъ Славянъ: тутъ каждый изслѣдователь имѣетъ свое особенное мнѣніе, большею частью противоположное мнѣнію другаго“. Славянскія Древности. Переводъ Бодянскаго. Изд. 1848 г., т. I, кн. I, стр. 42. Самъ Шафарикъ въ вопросѣ о происхожденіи Славянъ примкнулъ къ воззрѣнію второй изъ указанныхъ имъ категорій ученыхъ и поставилъ „главною задачею своего сочиненія о славянскихъ древностяхъ доказать, что Славяне съ незапамятнаго или, что одно и то же, доисторическаго времени были старожилы Европы и населяли ее вмѣстѣ съ другими одного племени туземными народами: Кельтами, Нѣмцами, Литовцами, Фракійцами, Греками и Римлянами“. Тамъ-же, стр. 73. Въ эпоху Геродота, по мнѣнію Шафарика, Славяне обитали

Провѣряя основанія теоріи переселенія Славянъ изъ Азіи въ Европу, мы не находимъ въ ней положительной аргументаціи. Она высказана была впервые филологами, какъ предположеніе, какъ средство объяснить замѣченное ими различіе степеней сродства между языками индоевропейскихъ народовъ азіатской группы и языками индоевропейскихъ народовъ европейской группы ¹⁾. За отсутствіемъ болѣе удобной схемы историческаго міровоззрѣнія по вопросу о происхожденіи индоевропейцевъ, эта гипотеза принята историками въ значеніи положенія науки сравнительнаго языкознанія, занесена въ учебники по исторіи европейскихъ народовъ и повторяется въ настоящее время, какъ положительный выводъ науки. Съ другой стороны, изученіе сказаній древнихъ историковъ доказываетъ намъ, что ни одинъ изъ древнихъ писателей, классическихъ и средневѣковыхъ, ни слова не говоритъ о переселеніи Славянъ въ Европу изъ Азіи; напротивъ, древнѣйшіе историки и географы говорятъ объ нихъ, какъ о народѣ искони европейскомъ, съ незапамятной для исторіи древности занимавшемъ тѣ области Европы, въ которыхъ застаётъ его исторія. Мы убѣждаемся также, что исторіи неизвѣстна азіатская область, которую съ достовѣрностью можно было бы признать непосредственною прародиною Славянъ. Наконецъ, въ Азіи не существуетъ и нынѣ народа, который,

въ сѣверной половинѣ Европы и назывались въ то время Будидами и Неврами. Тамъ-же, стр. 304 и слѣд. Это воззрѣніе повторяется славянскими историками и въ настоящее время. См. Воцеля: Древняя быт. ист. Славянъ. Пер. Задерацкаго. Изд. 1875 г., гл. I, стр. 1—25.

¹⁾ Боппъ, почитаемый главнѣйшимъ основателемъ науки сравнительнаго языкознанія, высказалъ слѣдующее предположеніе, послужившее основаніемъ теоріи разновременнаго передвиженія въ Европу сѣверноевропейской вѣтви индоевропейскихъ народовъ. „Отдѣленіе литовско-славянскихъ нарѣчій отъ родственнаго имъ азіатскаго языка совершилось позднѣе, чѣмъ отдѣленіе классическихъ, германскихъ и кельтскихъ языковъ, хотя все таки раньше, чѣмъ азіатская часть нашей семьи раздвоилась на мидо-персидскую и индійскую вѣтви“. Сравни. Грам. Изд. II; т. I, стр. XIX.

по его этнографическимъ признакамъ, можно было бы признать ближайшимъ предкомъ славянскихъ народовъ.

На основаніи сказаннаго, признавая недоказанною теорію азіатскаго образованія этнографическихъ признаковъ, отличающихъ народность славянскую, какъ теорію, лишенную положительной аргументаціи, мы признаемъ себя вправѣ поставить слѣдующій вопросъ: не была-ли славянскою прародиною та европейская область, въ которой исторія впервые встрѣчаетъ Славянъ; не здѣсь-ли образовались тѣ этнографическія особенности, которыми отличается славянская народность отъ другихъ народностей индоевропейскаго происхожденія?

Происхожденіе даннаго народа есть процессъ образованія этнографическихъ признаковъ, характеризующихъ этотъ народъ, какъ самобытную единицу, въ ряду другихъ народовъ. Совокупность этнографическихъ признаковъ, опредѣляющихъ самобытность народа (отличающихъ данный народъ отъ другихъ народовъ), образуется постепенно, въ теченіи столѣтій, такъ что историкъ не имѣетъ возможности опредѣлить въ точности моментъ, съ котораго этотъ народъ перестаетъ быть прежде извѣстнымъ исторіи и становится новымъ народомъ. Дѣло историка ограничивается здѣсь только приближительнымъ опредѣленіемъ исторической эпохи образованія новаго народа ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ случаѣ, должно различать этнографическое обособленіе отъ обособленія географическаго и политическаго. Географическое и политическое раздѣленіе одного народа на части способствуетъ образованію новыхъ этнографическихъ типовъ, но само по себѣ еще не образуетъ новыхъ этнографическихъ единицъ. Части одного народа, раздѣленные географически и политически, становятся новыми, самобытными народами только тогда, когда опредѣляются различія въ ихъ языкѣ, социальномъ и домашнемъ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ. Такъ напримѣръ, Англичане, выселившіеся въ Америку въ эпоху открытія Новаго Свѣта, тогда же географически обособились отъ своихъ родичей-Англичанъ европейскихъ и тогда же, въ географическомъ смыслѣ, составили новый народъ, а въ прошедшемъ столѣтіи, порвавъ политическую связь съ Ан-

Но во всякомъ случаѣ, появленіе въ исторіи новаго народа, въ смыслѣ самобытнаго этнографическаго типа, обусловливается непременно: 1) существованіемъ народа-предка, отъ котораго произошелъ данный новый народъ, путемъ этнографическаго обособленія; 2) существованіемъ географической области, въ которой образовался новый этнографическій типъ.

Опредѣленіе предковъ и прародины каждаго даннаго народа рѣшаетъ вопросъ науки о его происхожденіи. Слѣдовательно, въ настоящемъ изслѣдованіи, посвященномъ вопросу о происхожденіи Славянъ, мы должны опредѣлить предковъ Славянъ и прародину Славянъ, ту географическую область, въ которой образовались этнографическіе признаки, характеризующіе славянскую народность въ ряду другихъ народовъ.

Для рѣшенія этихъ вопросовъ наука настоящаго времени располагаетъ слѣдующими средствами: выводами филологіи, основанными на сравнительномъ изученіи языковъ индоевропейскаго колѣнія народовъ; фактами древнеевропейской исторіи, географіи и этнографіи, сохранившимися въ дошедшихъ до насъ сказаніяхъ классическихъ и средневѣковыхъ писателей; наконецъ, фактами археологіи, сохранившимися въ жилищахъ и могилахъ индоевропейскихъ народовъ и открытыми наукою настоящаго времени путемъ раскопокъ.

Выводы науки сравнительнаго языкознанія, въ отношеніи интересующаго насъ вопроса, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ.

глей, американскіе Англичане образовали новый народъ и въ политическомъ смыслѣ; но въ этнографическомъ отношеніи Англичане Европы и Америки до настоящаго времени составляютъ одну этнографическую единицу, одинъ народъ, говорящій однимъ языкомъ. Германское племя, Англо-Саксы, выселившееся въ XI вѣкѣ съ материка Европы на Британскіе острова, сначала обособилось отъ своихъ германскихъ собратій на материкѣ только географически и политически, а въ настоящее время представляетъ собою уже новый народъ и въ этнографическомъ смыслѣ, говорящій языкомъ, непонятнымъ для его родственниковъ германскаго происхожденія, живущихъ на материкѣ.

Языки индійскихъ и иранскихъ народовъ, а равно греческій, латинскій, кельтскій, германскій, славянскій и литовскій родственны между собою, по происхожденію отъ одного первоначальнаго языка—праотца всѣхъ языковъ индоевропейскаго поколѣнія народовъ ¹⁾.

Языки европейскихъ народовъ индоевропейскаго поколѣнія, греческій, латинскій, кельтскій, германскій, славянскій и литовскій, болѣе близки другъ къ другу, болѣе сходны между собою, нежели съ языками индійскихъ и иранскихъ народовъ ²⁾.

Наконецъ, въ группѣ европейскихъ языковъ, языки германскій, славянскій и литовскій болѣе сходны между собою, нежели съ языками греческимъ и латинскимъ, а близость кельтскаго языка

Моментъ появленія Англичанъ въ исторіи, въ значеніи само-бытной, этнографической народности, мы въ точности опредѣлить не можемъ; но мы знаемъ положительно, что ихъ еще не было въ XI столѣтіи, что сумма этнографическихъ признаковъ, характеризующихъ англійскую народность въ ряду другихъ народностей, образовалась въ нашемъ тысячелѣтіи.

¹⁾ Родство или единство происхожденія отъ одного пра-языка всѣхъ языковъ индоевропейской семьи народовъ выражается, главнымъ образомъ, въ корняхъ многихъ словъ, обозначающихъ въ этихъ языкахъ однѣ и тѣ же понятія. Такъ напримѣръ: понятіе матери въ языкѣ индійскомъ выражается словомъ—*mâtr*, въ языкѣ зендскомъ—*mata*, въ персидскомъ—*mader*, греческомъ—*meter*, латинскомъ—*mater*, германскомъ—*mutter*, славянскомъ—*mati*; понятіе отца въ индійскомъ языкѣ—*pitr*, зендскомъ—*pata*, персидскомъ—*pader*, латинскомъ—*pater*, греческомъ—*pater* и *atta*, германскомъ—*fader* и *futer*; и проч.

²⁾ Главнѣйшія доказательства ближайшаго грамматическаго сходства всѣхъ европейскихъ языковъ индоевропейскихъ народовъ и отличія ихъ въ этомъ отношеніи отъ индоевропейскихъ языковъ азіатской группы собраны Лотнеромъ, въ его „*Zeitschr für Vergl. Sprachforschung*“; VII, (18—161). См. также Фика: Сравни. словарь инд. языковъ, стр. 1053 и слѣд. Главное различіе европейскихъ языковъ отъ азіатскихъ состоитъ въ томъ, что языки азіатскіе, въ корняхъ и образовательныхъ элементахъ, отдають явное предпочтеніе звуку *a*, а языки европейскіе звуку *e*. Относительная близость родства евро-

одинакова какъ греко-римскимъ нарѣчіямъ такъ и германо-славяно-литовскимъ ¹⁾).

Слѣдовательно, Германцы, Славяне и Литовцы составляли нѣкогда одинъ народъ, въ географическомъ и лингвистическомъ смыслѣ, то есть имѣли общую родину, въ которой говорили однимъ языкомъ.

Гдѣ-же помѣщалась общая родина сѣверно-европейской вѣтви индоевропейскихъ народовъ и какъ назывался въ исторіи народъ, отъ котораго произошли Славяне? На этотъ вопросъ отказывается отвѣчать сравнительная лингвистика, по сознанію профессора Лескина, „за невозможностью рѣшить его теперь, а можетъ быть и когда-либо“ ²⁾. И дѣйствительно, сравнительная лингвистика не имѣетъ средствъ для точнаго опредѣленія родины и имени предковъ того или другаго изъ древнихъ народовъ. Ея выводы опираются на грамматическомъ изученіи нарѣчій народовъ позднѣйшаго происхожденія, предки которыхъ назывались другими именами и занимали другія мѣста жительства; въ языкахъ же народовъ позднѣйшаго происхожденія нѣтъ, да и быть не можетъ, прямыхъ ука-

пейской группы индоевропейскихъ народовъ выражается также въ нѣкоторыхъ словахъ ихъ языковъ, относящихся къ исторіи культуры. Такъ напримѣръ, названія нѣкоторыхъ земледѣльческихъ занятій и орудій сходны только въ европейскихъ языкахъ; слово *соль* обще только языкамъ европейской группы; и т. д.

¹⁾ Вѣрность этого положенія доказывается множествомъ филологическихъ фактовъ, собранныхъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, преимущественно Яковомъ Гриммомъ, Цейсомъ и Добровскимъ; а въ новѣйшее время, Шлейхеромъ, Лескинымъ, Эбелемъ (относительно кельтскаго языка) и др. Главными доказательствами ближайшаго родства германскаго, славянскаго и литовскаго языковъ служатъ, съ одной стороны, множество словъ, употребляемыхъ только въ этихъ языкахъ для обозначенія однихъ и тѣхъ-же предметовъ и понятій, а съ другой стороны, грамматическія особенности, встрѣчаемыя только въ сѣверно-европейской вѣтви индоевропейскихъ языковъ; какъ наприм., переходъ падежнаго суффикса *bh* въ *m*, и пр.

²⁾ Die Declination im Slavisch-Littauischen und Germanischen, von A. Leskien. Leipzig. 1876. S. VIII и XII.

заній на время ихъ происхожденія, имена предковъ и первоначальную родину ¹⁾).

¹⁾ Выводы лингвистики по вопросу о предкахъ и прародинахъ существующихъ нынѣ индоевропейскихъ народовъ имѣютъ совершенно отвлеченный характеръ, безъ точнаго обозначенія народныхъ именъ и географическихъ областей. Въ новейшей лингвистической литературѣ, по вопросу о родственныхъ отношеніяхъ между индоевропейскими племенами вообще и племенами сѣверноевропейской вѣтви въ частности, высказаны три теоріи: Шлейхера, Иоганнеса Шмидта и Лескина. Сущность этихъ теорій выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Шлейхеръ, въ его знаменитомъ Compendium'ѣ, предположилъ существованіе въ давнопрошедшемъ времени праязыка, отъ котораго ведутъ свое начало всѣ языки народовъ, называемыхъ индоевропейскими. Этотъ праотецъ индоевропейскихъ языковъ выдѣлилъ изъ себя первоначально двѣ вѣтви: азіатскую или арійскую и европейскую. Съ теченіемъ времени, азіатская вѣтвь выдѣлила изъ себя языкъ индійскій и языкъ иранскій, распавшіеся далѣе на нарѣчія индійскихъ народовъ и нарѣчія народовъ иранскихъ, мидо - персидскихъ. Европейская вѣтвь выдѣлила изъ себя языки южно-европейскій, *сѣверно-европейскій* и западно-европейскій или кельтскій. Съ теченіемъ времени, южно-европейскій языкъ распался на нарѣчія греческія и италійскія, а *сѣверно-европейскій языкъ выдѣлилъ изъ себя языки германскій, славянскій и литовскій*, бывшіе праязыками существующихъ нынѣ нарѣчій германскихъ, славянскихъ и литовскихъ народовъ. Эту систему Шлейхеръ пояснилъ схематическимъ рисункомъ, представляющимъ собою такъ называемое генеалогическое дерево, составленное изъ нѣсколькихъ линій, выходящихъ изъ одной линіи, угловыя разстоянія между которыми показываютъ различныя степени родства языковъ между собою, а длина ихъ приблизительноную эпоху раздѣленія индоевропейскихъ языковъ на обособленныя группы, а группы на отдѣльные языки.

Иоганнесъ Шмидтъ, въ его сочиненіи „о родственныхъ отношеніяхъ индо-германскихъ языковъ“, останавливается на отношеніи, наблюдаемомъ между грамматическою близостью языковъ и ихъ географическимъ сосѣдствомъ. Вездѣ наблюдаются непрерывные, постепенные переходы отъ одного язы-

Точное рѣшеніе вопроса о происхожденіи данного народа можетъ быть получено только посредствомъ сравненія выводовъ лингвистики съ историческими, географическими и этнографическими данными, состоящими въ распоряженіи науки. Только изученіе сказаній древнихъ историковъ, географовъ и путешественниковъ можетъ дать реальное содержаніе исторической дѣйствительности отвѣченными выводами сравнительной лингвистики.

ка къ другому; каждый индоевропейскій языкъ тѣмъ болѣе утратилъ свой первоначальный характеръ, чѣмъ далѣе отодвинулся къ западу; каждыя другъ возлѣ друга живущіе языки обнаруживаютъ извѣстныя, спеціально имъ свойственныя, характеристическія черты. Въ сказанномъ отношеніи, авторъ видитъ двѣ непрерывныя цѣпи языковъ и племенъ, тянущіяся отъ востока къ западу: сѣверную, отъ Арійцевъ, черезъ Иранцевъ, Славянъ и Литовцевъ, къ Германцамъ, и южную, отъ Арійцевъ-же, черезъ Грековъ, къ латинскимъ народамъ; обѣ цѣпи замыкаются на ихъ западномъ предѣлѣ языкомъ кельтскимъ. „Если мы желаемъ, заключаетъ авторъ, представить себѣ картину родственныхъ отношеній индоевропейскихъ языковъ, которая наглядно показала-бы намъ происхожденіе ихъ индивидуальныхъ особенностей, то мы должны оставить идею Шлейхера о родословномъ деревѣ. Ея мѣсто можетъ занять идея волны, расходящейся концентрическими кругами, и по мѣрѣ удаленія отъ своего центра, постепенно ослабѣвающими кольцами; то обстоятельство, что первоначальный языкъ лежитъ не въ центрѣ области индоевропейцевъ, а на одной изъ ея окраинъ не измѣняетъ сущности представленія; идея плоскости, наклоненной по непрерывной линіи отъ санскрита къ кельтскому языку, также пригодна въ этомъ случаѣ“. *Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indo-germanischen Sprachen, von Iohannes Schmidt. Veimar, 1872. s. 26, 27.*

Лескинъ, во введеніи къ его сочиненію, написанному въ отвѣтъ на задачу, поставленную Лейпцигъ. Общ. князя Яблоновскаго: „Опредѣлить спеціальнымъ изслѣдованіемъ то особенное отношеніе, въ которомъ внутри общей индоевропейской семьи народовъ стоятъ языки славяно-литовской группы къ германскимъ языкамъ“, старается примирить теоріи Шлейхера и Шмидта. При раздѣленіи языковъ, по мнѣнію автора, не появляются новые индивидуумы, какъ при размноженіи орга-

Оставляя открытымъ вопросъ о происхожденіи Германцевъ и Литовцевъ, выходящій изъ предѣловъ специальной задачи настоящаго изслѣдованія, мы остановимся только на извѣстіяхъ древнихъ писателей, относящихся къ вопросу о прародинѣ и предѣлахъ Славянъ.

Имя Славянъ встрѣчается въ европейской исторіи только въ половинѣ VI вѣка послѣ Рождества Христова, въ сказаніяхъ византійскаго историка Прокопія и нѣмецкаго историка Юрнанда. Прокопій,

ническихъ существъ; каждый измѣнившійся языкъ есть тотъ же праязыкъ, только въ видоизмѣненной формѣ. Отсюда, названіе генеалогическаго дерева, данное той линейной системѣ, которую Шлейхеръ представляетъ развѣтвленіе индоевропейскихъ языковъ, дѣйствительно, можетъ вызвать ложное представленіе. Но оставивъ въ сторонѣ названіе, мы видимъ, что линіи обозначаютъ собою только пути переселенія народныхъ группъ и отдѣльныхъ народовъ, разрывы племенъ, безъ опредѣленнаго географическаго указанія, по невозможности сдѣлать это теперь, а можетъ быть и когда либо. Гдѣ Шлейхеръ описываетъ раздѣленіе индоевропейскихъ языковъ, тамъ всегда лежитъ это представленіе. Однако-же каждому географическому обособленію или раздѣленію народа предшествовало въ предѣлахъ менѣе значительной области его естественное, постепенное расширеніе, повлекшее за собою то постепенное видоизмѣненіе діалектовъ, которое впоследствии было раскидано на болѣе обширное пространство выселившимися частями народа. Но въ такомъ случаѣ, теорія генеалогическаго дерева нисколько не противорѣчитъ теоріи постоянныхъ переходовъ, какъ, ради краткости, можно назвать Шмидтову гипотезу. Германско-славяно-литовскіе языки могли имѣть свою общую исторію, независимо отъ дальнѣйшаго развитія прочихъ индоевропейскихъ нарѣчій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть справедливымъ также, что славяно-литовскіе языки составляютъ посредствующее звено между германскими и арійскими языками. Авторъ признаетъ невозможнымъ опредѣлить въ настоящее время хронологію географическихъ и этнографическихъ обособленій отдѣльныхъ народовъ индоевропейской семьи; но допускаетъ возможность утверждать, что въ арійскихъ и славянскихъ языкахъ, при ближайшемъ сосѣдствѣ ихъ въ общей прародинѣ, уже успѣли развиться нѣкоторыя шипящія изъ первоначальнаго к (напр. изъ *katam*, древн. бактр. *catem*,

говорить о Славянахъ нѣсколько разъ. Въ первомъ мѣстѣ говорится: „у Славянъ и Антовъ одинъ языкъ, очень трудный... они занимаютъ великое пространство земли; большая часть земель по ту сторону Истра принадлежитъ имъ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ: „Меотійскій заливъ впадаетъ въ Понтъ Эвксинскій. Тамошніе обитатели извѣстны были прежде подъ именемъ Киммерійцевъ, а нынѣ называются уже Утургурами. Дальнѣйшія области на сѣверъ занимаютъ *безчисленные народы* Антовъ (*Populi Antarum infiniti*)²⁾. Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ, повѣствуя о переселеніи Геруловъ, около 494 года, съ лѣваго берега Дуная на балтійское поморье, Прокошій замѣчаетъ, что на этомъ пути „всѣ славянскіе народы (*sancti Sclavinorum populi*) свободно пропустили Геруловъ чрезъ свои земли“ ³⁾. Согласно съ Прокошіемъ, Юрнандъ, упоминая о Славянахъ и Антахъ, называетъ ихъ народами многолюдными, а земли ихъ неизмѣримыми. „Къ Дунаю, говоритъ онъ, прилежитъ Дакія, какъ вѣнцомъ огражденная высокими горами, по лѣвой сторонѣ которыхъ и отъ вершинъ р. Вислы, на неизмѣримомъ пространствѣ, обитаетъ многолюдный народъ Венедскій. Названіе этого народа, хотя нынѣ измѣняется, по различію племенъ и поселеній, но преимущественно они называются Славянами и Антами.... Венеты, какъ я сказалъ уже выше, происходя отъ одного народа, въ настоящее время составляютъ уже три народа: Венеты, Анты и Склады“ ⁴⁾.

слав.—сто), прежде чѣмъ славяно-литовскія племена вмѣстѣ съ германскими начали свое движеніе на западъ, и тамъ уже, развивая свой языкъ далѣе, совместно смѣнили надежный суффиксъ *bh* въ *m*“. Die Declination im Slavisch Littauischen und Germanischen, von A. Leskien. Leipzig. 1876. s. VII—XII.

¹⁾ Proc. Bel. Goth. L. III, c. 14.

²⁾ Тамъ-же, кн. IV, гл. 4.

³⁾ Тамъ-же, кн. XI, гл. 15.

⁴⁾ De Gothorum origine; cap. V: „introrsus illi Dacia est, ad coronae speciem arduis alpibus emunita, juxta quorum sinistrum latus, quod in Aquilonem vergit, et ab ortu Vistulae fluminis, per immensa spatia Winidarum natio populosa consedit. Quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, prin-

Свидѣтельства Юрнанда прямо указываютъ на имя Венетовъ, какъ на общее для всѣхъ славянскихъ племенъ и болѣе древнее. Въ первомъ вѣгѣ Венеты обитали въ той же самой части Европы, каковую занимали Венеты, Анты и Славяне шестаго вѣка; а именно, они жили на востокъ отъ Германіи, на пространствѣ между Певгинами, обитавшими при устьѣ Дуная и Финнами, занимавшими сѣверныя области Европы ¹⁾.

Слѣдовательно, въ первые вѣка по Рожд. Хр. Венеты-Славяне были многочисленнѣйшимъ народомъ въ Европѣ и занимали области, заключенныя между рѣками Дунаемъ и Дономъ и морями Балтійскимъ и Чернымъ.

Когда же Венеты-Славяне заняли сказанную территорію, гдѣ они жили до времени занятія этого пространства и какъ они назывались до времени появленія въ европейской исторіи съ именами Венетовъ, Антовъ и Славянъ?

Въ первые вѣка до Рожд. Хр. области Европы, лежавшія надъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ назывались Скифіей, а обитатели этихъ областей именовались Скифами. Эта скифская народность, занимавшая все пространство между нижнимъ теченіемъ Истра и Танаиса, незамѣтно пропадаетъ въ европейской исторіи, вымираетъ безслѣдно или уходитъ неизвѣстно куда. Съ другой стороны, писатели первыхъ вѣковъ христіанской эпохи встрѣчаютъ неизвѣстно откуда пришедшій въ области наддунайскія и надпонтійскія многолюдный народъ славянскій. Отсюда естественнымъ становится вопросъ: не были ли европейскіе Скифы первыхъ вѣковъ до Рожд. Хр. прямыми предками Славянъ, а европейская Скифія прародиной этого народа?

oipaliter tamen Slavini et Antes nominantur“. Ibid, cap. XXIII: „Ermanricus in Venetos arma commovit... Hi (Veneti), ut initio expositionis vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe exorti tria nunc nomina edidere, id est, Veneti, Antes, Slavii“.

¹⁾ „Veneti multum ex moribus traxerunt. Nam quidquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur latrocinii pererrant. Hi tamen inter Germanos potius referuntur“. Tacit. Germania; cap. 46.

Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ необходимости прежде всего опредѣлить народность Скифовъ и степень ихъ родства съ народами индоевропейскими.

По теоріи, извѣстной въ исторической литературѣ со времени Татищева, европейскіе Скифы принадлежали къ народамъ туранскаго происхожденія ¹⁾. Главнѣйшимъ послѣдователемъ и пропагандистомъ этой теоріи въ нашѣмъ столѣтіи является Шафарикъ, которымъ сгруппировано и приведено въ систему все то, что сказано было въ защиту монголо-татарства европейскихъ Скифовъ Татищевымъ, Нейманомъ, Ганзеномъ, Нибуромъ и другими историками ²⁾.

¹⁾ См. Татищева: Истор. Рос. 1868 г. томъ I; гл. XIX; стр. 294.

²⁾ Этотъ сводъ доказательствъ Шафарика заключается въ слѣдующемъ: „что касается происхожденія Скифовъ, то объ этомъ можно сказать навѣрное то одно, что они пришли изъ Азіи въ Европу. Понтійскіе Греки рассказывали, что Скифы тѣснимые Массagetами за Араксъ, сами потѣснили, въ свою очередь, Киммеріянъ; но *Геродотъ признаетъ истиннымъ одно лишь прибытіе ихъ въ Европу изъ верхней Азіи*. Времени прибытія ихъ въ Европу нельзя точно означить.... Собственно Скифы, какъ сказали мы уже, пришли изъ верхней Азіи въ Европу и, *слѣдовательно, были народъ чуждый индоевропейскому племени*.... Мы не вдадимся въ розысканія происхожденія и колыбели Скифовъ, а въ сродствѣ ихъ не долго будемъ сомнѣваться, если обратимъ вниманіе на свойства и нравы древнихъ Скифовъ, описанные намъ современными свидѣтелями. Вглядѣвшись хорошенько въ изображеніе древнихъ Скифовъ, нельзя не замѣтить *сходства ихъ съ позднѣйшими Гуннами, Аварами, Козарами, Печенгами, особенно Монголами или Татарами*; не смотря на различіе времени, *черты рѣшительно вездѣ одинакія*“. Для доказательства этого послѣдняго положенія Шафарикъ указываетъ на однообразную наружность древнихъ Скифовъ; каменные истуканы на скифскихъ могилахъ; поклоненіе богу войны въ образѣ священнаго меча; неопрятность; лѣнь; войлочные наметы; обычай париться въ баняхъ и куреніе коноплянымъ сѣменемъ; умерщвленіе людей при похоронахъ царей; питье кислаго молока кобыляго; жестокое обращеніе съ рабами и плѣвниками; наконецъ, употребленіе

Въ этомъ сводѣ доказательствъ, отказываясь предпринять „розысканіе происхожденія и колыбели Скифовъ“, Шафарикъ, тѣмъ не менѣе, утверждаетъ положительно, будто-бы „Геродотъ признаетъ истиннымъ одно лишь прибытіе Скифовъ въ Европу изъ *верхней* Азіи; а слѣдовательно, что Скифы были народъ чуждый индоевропейскому племени, и ссылается на извѣстіе Геродота о двадцати восьмилѣтнемъ господствѣ въ верхней Азіи Скифовъ царскихъ ¹⁾. Но подлинникъ свидѣтельства Геродота, сюда относящагося, доказываетъ, во первыхъ, что возвращеніе Скифовъ изъ Мидіи не было первоначальнымъ ихъ движеніемъ изъ Азіи въ Европу, а во вторыхъ, что *верхняя* Азія Геродота представляетъ собою не степи сѣверной половины азіатскаго материка, родину монгольскихъ народовъ, а области Ирана, прародину народовъ индоевропейскаго происхожденія.

Столько же неосновательны и этнографическія доказательства Шафарика. Одни изъ нихъ, какъ „свинская нечистота“, „страшная лѣнь“, „гнусность обычаевъ и обрядовъ“, „животное однообразіе наружности“, не заслуживаютъ никакого вниманія съ научной точки зрѣнія. Другія, какъ „войлочные наметы“, „бродяжничество“, „питье кислаго кобыльяго молока“ (кумыса) представ-

кожи и череповъ убитыхъ враговъ на домашнія потребности. Признавая все это *исключительными* особенностями народовъ монголо-татарскаго происхожденія, Шафарикъ заключаетъ: „все прочее о Скифахъ каждый, если ему угодно, можетъ найти у другихъ писателей и считать ихъ съ Пинкертономъ—Готами, съ Галингомъ—Германцами, а съ Манертомъ—Киргизь-Кайсаками, только бы никто не смѣшивалъ и не роднилъ ихъ съ Славянами“. Слав. древн. т. I; кн. II, стр. 10, 22 и слѣд.

¹⁾ Свидѣтельство Геродота, сюда относящееся, заключается въ слѣдующемъ: Скифы въ *верхней* Азіи господствовали двадцать восемь лѣтъ. Они, преслѣдуя Киммеріянъ, ворвались въ Азію и лишили власти *Мидянъ*, обладавшихъ ею до пришествія Скифовъ. Скифы, находившись вчужѣ двадцать восемь лѣтъ, возвращаясь въ свою страну, встрѣтили трудности, не меньшія испытанныхъ ими въ Мидіи“. Исторія Геродота; кн. IV гл. I.

ляют собою этнографическія особенности, свойственныя всѣмъ народамъ кочеваго состоянія, къ какому бы племени они не принадлежали. Третьи, наконецъ, встрѣчаются одинаково, какъ у монголо-татарскихъ народовъ, такъ и у индоевропейскихъ, а нѣкоторыя даже только у послѣднихъ, а потому совершенно произвольно отнесены Шафарикомъ къ этнографической характеристикѣ монголо-татарскихъ народовъ ¹⁾.

¹⁾ Такъ напримѣръ, о поклоненіи богу войны въ образѣ священнаго меча, бывшемъ въ употребленіи у Скифовъ эпохи Геродота (Геродотъ кн. IV, гл. LXII), дѣйствительно, упоминается въ эпоху Аттилы, а именно, у Амміана Марцеллина (Amn. Marcel. Lib. VII, cap. XII § 3); но это упоминаніе относится къ сарматскому племени Аланамъ, племени индоевропейскому, по признанію самого Шафарика (Слав. древ. т. I, кн. II, стр. 147 и слѣд.). Тотъ же историкъ, А. Марцеллинъ, говоритъ объ аданскомъ обычаѣ употребленія кожи съ головы убитыхъ враговъ для украшенія лошади побѣдителя (тамъ-же, 2), который признается Шафарикомъ характеристическою особенностью Монголовъ и Татаръ. У монголо-татарскихъ народовъ были неизвѣстны бани, нагрѣваемые посредствомъ воды, выливаемой на раскаленные камни; а въ средѣ индоевропейскихъ народовъ этотъ обычай былъ извѣстенъ съ глубокой древности и практикуется у русскихъ крестьянъ до настоящаго времени. По Геродоту: „Скифы на раскаленные камни бросали конопляное сѣмя и лили воду, отъ чего происходилъ такой паръ, какого не могла дать ни одна теплая ванна въ Элладѣ. Скифы восхищались этимъ паромъ“. (Истор. кн. IV гл. 73). По поводу этого скифскаго обычая, Шафарикъ замѣчаетъ слѣдующее: „сибирскій же обычай приводить себя въ опьянѣніе дымомъ коноплянаго сѣмени на раскаленномъ камнѣ въ плотно затворенной юртѣ или наметѣ; впрочемъ, Геродотъ смѣшиваетъ это куреніе съ купаньемъ въ парной банѣ, которое употребляли тамошніе *иноплячмыя народы* (?), а по Нестору и Славяне еще во времена Апостоловъ, и, вѣроятно, совершавшіе нѣкогда тризну по собственнымъ своимъ и чужимъ, скифскимъ, обычаямъ“ (?). (Слав. древн. т. I; кн. II; стр. 25). Объясненіе произвольное отъ перваго до послѣдняго слова. Научная разработка вопроса о народности каменныхъ истукановъ, сохранившихся на скиф-

Теорія ближайшаго родства древнихъ Скифовъ съ позднѣйшими Турками нашла въ наше время защитника въ лицѣ профессора Д. А. Хвольсона, сдѣлавшаго попытку подтвердить ее турецкими именами на еврейскихъ надписяхъ, открытыхъ въ Чуфуть-Кале Фирковичемъ и отнесенныхъ г. Хвольсономъ къ первымъ столѣтіямъ по Рожд. Хр. ¹⁾). Воззрѣніе это такъ не согласно съ фактами исторіи, состоящими въ распоряженіи науки нашего времени, что профессоръ Ф. К. Брунъ выразилъ объ немъ слѣдующее замѣчаніе: „турецкія имена, встрѣчающіяся на надписяхъ, открытыхъ въ Чуфуть-Кале, заставляють насъ только усумниться въ правильномъ опредѣленіи времени, на нихъ отмѣченномъ; но отнюдь ничего не доказываетъ въ пользу турецкаго происхожденія Геродотовыхъ Скифовъ“ ²⁾).

Такимъ образомъ, не находя въ литературныхъ воззрѣніяхъ прямыхъ оснований къ признанію европейскихъ Скифовъ эпохи Геродота Монголами, Татарами и Турками, мы обращаемся за рѣшеніемъ вопроса о народности Скифовъ непосредственно къ источникамъ.

Начало скифской колонизаціи въ областяхъ припонтійскихъ относится къ незапамятной для исторіи древности. По свидѣтель-

скихъ могилахъ, „которые Клапротъ называлъ монгольскими, а Цвикъ - полу-монгольскими“, начата только въ наше время. Первая работа объ этихъ истуканахъ, называемыхъ у насъ каменными бабами, основанная на изученіи обширнаго матеріала, принадлежащая А. И. Кельсіеву, была сообщена только на тифлискомъ съѣздѣ археологовъ въ 1881 году, и не заключала въ себѣ никакихъ указаній на этнографическія особенности каменныхъ бабъ, свойственныя исключительно народамъ монголо-татарскаго происхожденія.

¹⁾ Achtzeh hebr. Grabsehr. Mein. de l'Acad. de St. Pet.; série VII; t. IX, Nr. 7.

²⁾ Древ. Геродотовой Скифіи. Изд. Имп. Арх. Ком. Вып. II. Статья Ф. К. Бруна; въ прилож., стр. XLVI. На Тифлискомъ съѣздѣ-археологовъ профессоръ Хвольсонъ сознался, что „ученые, обвинявшіе Фирковича въ совершеніи подлоговъ въ припискахъ къ надгробнымъ надписямъ, были вполнѣ правы“. См. Протоколъ засѣданія по IV отд. 11 Сентября, утромъ.

ствамъ древнѣйшихъ европейскихъ писателей, Скифы уже извѣстны были въ Европѣ въ эпоху Гомера и Гезіода ¹⁾.

Послѣднимъ актомъ скифской колонизаціи изъ Азіи въ Европу было движеніе племени Паралатовъ изъ областей закаспійскихъ въ области припонтійскія, побѣдившаго здѣсь племя Киммеріанъ и получившаго главенство надъ всѣми другими скифскими племенами, обитавшими между нижнимъ теченіемъ Истра и Танаисомъ ²⁾. Это событіе относится ко времени царя лидійскаго Ардиса, сына Гигеса, царя мидійскаго Кіаксара, сына Фраотра, и царя скифскаго Мадія, сына Прототія, то есть, къ третьей четверти VII вѣка до Рождества Христова ³⁾.

¹⁾ По извѣстіямъ историка Эфора и географа Страбона, „Скифовъ припонтійскихъ зналъ Гомеръ, называвшій ихъ Гиппемолгами, Галактофагами и Абіями“. По свидѣтельствамъ Эратосфена и Эфора, „о Скифахъ говорилъ Гезіодъ, называвшій ихъ Галактофагами, имѣвшими жилища свои на повозкахъ“, и „Скифами, доителями кобылъ“. Въ одномъ изъ стиховъ Эсхила упоминаются „Скифы, очень расположенные къ кумысу“. По словамъ историка Аполлодора, Черное море въ эпоху Гомера было недоступно для плаванія и называлось тогда аксенскимъ (негостепріимнымъ), по причинѣ сильныхъ бурь и дикости прибрежныхъ народовъ, „въ особенности Скифовъ, которые приносятъ въ жертву чужестранцевъ, ѣдятъ ихъ мясо и употребляютъ черепа вмѣсто чашъ“. По словамъ Страбона, „со временъ Гомера и Гезіода обитателями странъ надпонтійскихъ были безъ сомнѣнія Скифы“. Географія Страбона, вѣн. VII; гл. II; п. 2—9.

²⁾ Исторія Геродота; кн. IV, гл. XI.

³⁾ По Геродоту: „во время правленія въ Сардахъ Ардиса, сына Гигеса (678 - 629 г. до Рожд. Христ.), Киммеріане, вытѣсненные изъ своей земли кочевыми Скифами, пришли въ Азію и овладѣли всѣми Сардами, за исключеніемъ крѣпости“. Когда Кіаксаръ, сынъ Фраотра, побѣдилъ Ассирійцевъ, на него, во время осады Ниневіи (624 годъ до Рожд. Хр.), напало большое войско Скифовъ, которыхъ вель скифскій царь Мадій, сынъ Прототія. Они вторглись въ Азію, выгнавъ Киммеріанъ изъ Европы, и, слѣдуя за бѣглецами, пришли въ мидійскую землю. Мидяне сразились со Скифами и, проигравъ сраженіе, потеряли власть“. Геродотъ, кн. I; гл. 15, 104; кн. IV; гл. 1 и 4.

Зная теперь, что скифская колонизация въ Европѣ началась до времени Гомера, Гезіода и Эсхила, что переселеніе племени Паралатовъ въ VII вѣкѣ до Рожд. Хр. изъ областей закаспійскихъ въ области припонтійскія было только послѣднимъ актомъ движенія Скифовъ изъ Азіи въ Европу, мы обращаемся къ древней исторіи и географіи съ вопросомъ о прародинѣ скифскихъ народовъ. Гдѣ помещалась общая прародина скифскихъ племенъ, скифской народности, въ которую входили европейскіе Скифы эпохи Гомера, Гезіода и Эсхила, Паралаты VII вѣка до Рожд. Хр., Массагеты, Траспіесы, Авхаты и другія племена эпохи Геродота, какъ составныя части одного этнографическаго типа, какъ развѣтвленія одного этнографическаго ствола? Древняя исторія и географія отвѣчаютъ намъ, что общою прародиною скифскихъ народовъ были области закаспійскія, ираноарійскія, признаваемыя прародиною народовъ индоевропейскаго происхожденія.

Въ отрывкѣ изъ исторіи Эфора, сохранившемся въ географіи Страбона, упоминается о поэтѣ Херилѣ, который при вступленіи Дарія, царя персидскаго, въ область европейскихъ Скифовъ, сказалъ слѣдующія слова: „Пастухи овецъ — Саки, по происхожденію Скифы, обитали прежде въ богатой пшеницею Азидѣ“ ¹⁾.

По свидѣтельству историка Эратосфена, скифское племя Массагеты сосѣдило съ Бактрійцами, отдѣляясь отъ нихъ рѣкою Оксомъ, а скифское племя Саки сосѣдило съ Согдіанами, отдѣляясь отъ нихъ рѣкою Яксартомъ ²⁾.

По извѣстіямъ Страбона, скифскія племена Даевъ, Саковъ и Массагетовъ занимали области, лежавшія за Каспійскимъ моремъ, между Гирканіей, Бактріей, Парфіей и Аріей ³⁾.

¹⁾ Географія Страбона, кн. VII; гл. III; п. 9. Полный обзоръ историч. свѣдѣній о Сакахъ помѣщенъ въ изслѣдованіи В. В. Григорьева: „О скифскомъ народѣ Сакахъ“ Спб. 1871 г.

²⁾ Географія Страбона; кн. XI; гл. VII; п. 8.

³⁾ Географія; кн. XI; гл. VII, п. 1; гл. VIII, п. 2. По замѣчанію В. В. Григорьева: „указаніе Страбона на родство Саковъ съ Даями весьма важно, такъ какъ Геродотъ (Исторія, кн. I, гл. 125) считаетъ Даевъ перскимъ, слѣдовательно, арійскимъ племенемъ“. О Ск. нар. Сакахъ, стр. 84.

Соответственно сказаніямъ Эфора, Эратосфена и Страбона, Плиніи Старшій помѣщаетъ родину „скифскаго народа, прозваннаго Персами Саками“, по ту сторону кавказскихъ горъ и Каспійскаго моря, за рѣкою Яксартомъ ¹⁾.

Наконецъ, по свидѣтельству Геродота, „Скифы-пастыри, обитавшіе въ Азіи, бывъ оттуда вытѣснены Массгетами, перешли черезъ рѣку Араксъ и пришли въ землю Киммерійскую“, а Массгеты занимали равнину, простиравшуюся на востокъ отъ Каспійскаго моря ²⁾.

Слѣдовательно, прародиной европейскихъ Скифовъ были не туранскія степи верхней Азіи, какъ это, совершенно бездоказательно, утверждали послѣдователи теоріи тураства Скифовъ, а области, лежавшія по рѣкамъ Оксу и Яксарту, — прародина народовъ индоевропейскихъ. Въ этой скифской прародинѣ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ ориенталиста В. В. Григорьева, не было никакихъ туранскихъ народовъ еще въ IV вѣкѣ, когда выселеніе скифскихъ племенъ изъ Азіи въ Европу давно остановилось ³⁾.

Соответственно приведеннымъ свидѣтельствамъ древней исторіи и географіи, скифская этнографія вполнѣ подтверждаетъ индоевропейское происхожденіе Скифовъ.

В. В. Григорьевъ, изучая сохранившіеся слѣды скифскаго племени Саковъ, обитавшаго около VI вѣка до Рожд. Хр. по рѣкѣ Яксарту, пришелъ къ заключеніямъ, по которымъ „теорія тюркско-

¹⁾ Естеств. Ист. кн. VI; гл. 16, 17.

²⁾ Исторія; IV, гл. XI. „Съ запада къ морю, называемому Каспійскимъ, примыкаетъ Кавказъ; на востокъ-же тянется равнина на огромномъ протяженіи. Не малую часть этой огромной равнины занимаютъ Массгеты“. „Народъ Массгеты великъ и силенъ; живетъ онъ на востокѣ, по ту сторону рѣки Аракса, противъ Исидоновъ“. Тамъ-же, кн. I, гл. 201, 204.

³⁾ „Туранскія племена стали селиться сплошными массами въ степяхъ при-яксартскихъ, лишь по мѣрѣ ухода въ Европу занимавшихъ эти степи арійскихъ колѣнъ, должно полагать, не ранѣе III вѣка. До тѣхъ-же поръ, утверждаемъ мы, ни по Яксарту, ни къ югу отъ этой рѣки никакихъ туранскихъ народовъ не жило“. О Скиф. народѣ Сакахъ, стр. 91.

го происхожденія Скифовъ - Саковъ лишена всякихъ оснований¹⁾. Сохранившіяся слова сакскаго языка, не смотря на ихъ малочисленность, по мнѣнію автора, не оставляютъ сомнѣнія въ принадлежности этого племени къ народамъ арійскимъ¹⁾.

Большимъ количествомъ свѣдѣній располагаетъ наука по сравнительной этнографіи европейскихъ Скифовъ, благодаря обстоятельному описанію этого народа, оставленному намъ Геродотомъ.

Одно изъ генеалогическихъ преданій европейскихъ Скифовъ, записанныхъ Геродотомъ, прямо роднитъ ихъ съ народами несомнѣнно индоевропейскими, Гелонами и Агафирсами²⁾. По этому преданію, отъ союза Геркулеса съ дѣвою-чудовищемъ, обитательницей приднѣпровской области Илонъ, родились три сына: Агафирсъ, Гелонъ и Скифъ, родоначальники трехъ европейскихъ народовъ: Агафирсовъ, Грековъ и Скифовъ³⁾. Будучи мифическимъ родоначальникомъ европейскихъ Скифовъ, Иракль является богомъ въ мифологіи скифскихъ, германскихъ и пелассическихъ народовъ⁴⁾.

Но смотря на искаженія въ греко-римскомъ произношеніи и письмѣ, почти всё сохранившіяся слова скифскаго языка, въ корняхъ своихъ, несомнѣнно сходны съ соответствующими имъ словами языковъ индоевропейскихъ. Такъ напримѣръ, имя скифскаго царя „Agiantas“ сходно съ мидійскимъ именемъ „Agiana“, въ которомъ корень — *aria* значитъ добрый, честный. Имя скифскаго царя „Agiarithes“ состоитъ изъ двухъ индоевропейскихъ корней: *aria*—добрый и *pitr*—отець. Корень *aria* слышится также въ

¹⁾ Тамъ-же, с. 1, 3 и сл.

²⁾ См. Древ. Герод. Скифіи. Вып. II. Ст. Бруна, с. LIII. Его-же, „Черноморье“, с. 241 и слѣд.

³⁾ Ист. Геродота; кн. IV, гл. VIII—X.

⁴⁾ Геродотъ упоминаетъ Геркулеса въ числѣ скифскихъ боговъ (Исторія, кн. IV; гл. LIX), а Тацитъ въ числѣ боговъ германскихъ (Германія, гл. 9). Въ другомъ мѣстѣ, передавая германское преданіе о происхожденіи ихъ отъ боговъ, Тацитъ замѣчаетъ: „припоминаютъ будто бы у нихъ былъ и Геркулесъ, и, отправляясь на бой, Германцы воспѣваютъ его, какъ передоваго изъ всѣхъ храбрыхъ людей“ (тамъ-же, гл. 3).

окончаніи названія скифскаго племени „Katiari“¹⁾, а корень *pitr* въ окончаніяхъ именъ скифскихъ царей „Scolopitis и Sparharipthis. Началомъ имени „Scolopitis“ служитъ также индоевропейскій корень—*sco*,—бѣлый, свѣтлый. Общеплеменное имя европейскихъ Скифовъ „Scoloti“ состоитъ изъ индоевропейскихъ корней *sco*—бѣлый и *ot*—отецъ. Въ другомъ общеплеменномъ имени Скифовъ — „Enarci“ встрѣчаемъ индоевропейскій корень — *nar*, мужъ²⁾. Въ первомъ слогѣ племеннаго имени „Massageti“ лежитъ корень индо-арійскихъ нарѣчій — *masa*, измѣняющійся въ нарѣчійхъ персикихъ и славянскихъ въ *masa*, масса, великій. Имя стараго скифскаго царя „Atcas“ соотвѣтствуетъ греческому *aitta* — отецъ. Имени „Papauros“, верховнаго бога—творца Скифовъ, соотвѣтствуетъ древнегерманское и древнеславянское слово *papa* — отецъ; и т. д.³⁾. Однимъ словомъ, значеніе почти всѣхъ извѣстныхъ

1) Начало этого названія сохранилось въ имени Каттовъ, одного изъ племенъ Германіи эпохи Тацита. Германія, гл. 30.

2) Ср. славянское—народъ; персид. *nar*, *ner* = мужъ.

3) Въ корнѣ имени скифскаго бога „Thammasadas“ и имени скифскаго царя „Ostamasades“ находимъ зендское слово—*masdao*, богъ. Имя скифской богини „Artiprasa“ сродно съ санскритскимъ корнемъ—*arthia*, чистый, и, по своему образованію, сходно съ мидійскими словами: *Artembares*, *Artabasus*, *Artabanus*, и проч. Окончаніе скифскихъ родоначальниковъ: „Liroxais, Agrochais, Kolachais“ соотвѣтствуетъ древне-мидійскому—*khvaehie*, персидскому *šah*, знач. царь. Столько же ясно сродство съ индоевропейскими языками скифскихъ словъ: *Davi*, *Dai*, *Paralati*, *Panasagorus*, *Idanthirsus*, *Scoratis*, *Oroae*, *Palacus*, *Temerinda*, *Tanais*, *Boristhenus*, *Maris*, *Porata* и др. См. *Мюлленгофа*: „Ueber d. Herkunft u. Sprache pont. Scythen u. Sarmaten“, въ „Monat. B. d. Ac. zu Berlin“. August. 1866. *Раулиссона*. Пер. Ист. Геродота, стр. 157 — 167. *Боржани*: „Les Scythes“ etc.; изд. II, с. IX. В. Григорьева. „О скифскомъ народѣ Сакахъ“; с. 3 и слѣд. *Iohan G. Couu*; „Forschungen im Gebiet der alten Völkerkunde“; I. „Die Skythen“. 1871. Berlin. Шафарикъ, обратившись къ языку Скифовъ, какъ средству доказательства теоріи монголо-татарства Скифовъ, пришелъ къ цѣли совершенно противоположной. „Объ языкѣ древнихъ Скифовъ, говоритъ онъ, ничего нельзя сказать опредѣленнаго,

намъ скифскихъ словъ объясняется корнями языковъ индоевропейскихъ ¹⁾).

Скифы, по Геродоту, поклонялись слѣдующимъ богамъ: „Вестѣ больше всѣхъ; а по ней, Зевсу и Геѣ, почитая Землю женою Неба; за ними, Аполлону и Небесной Афродитѣ; Ираклу и Арю.

потому что до насъ дошло только нѣсколько скифскихъ словъ, большею частію личныхъ именъ, и притомъ *всѣ въ искаженномъ видѣ* (?)... Удивительно, что даже при самомъ поверхностномъ знаніи языковъ зендскаго, мидскаго и персидскаго, замѣчается ясное и разительное сродство скифскихъ словъ съ языкомъ зендскимъ и мидскимъ“. Слав. Древн. т. I, кн. II, с. 28. Это „удивительное“ явленіе Шафарикъ объясняетъ: „съ одной стороны, прежнимъ жительствомъ Скифовъ *въ глубинахъ Азии*, можетъ быть, *въ сосѣдствѣ Мидіи и Персовъ* (?), а съ другой стороны, 28 лѣтнимъ пребываніемъ ихъ въ Мидіи. и, наконецъ, съ третьей, сосѣдствомъ съ Сарматами, племенемъ мидскимъ, съ коими Скифы были нѣсколько вѣковъ въ сношеніяхъ и мѣнялись нравами и словами. Даже чуть ли остатки Скифовъ, *въ послѣднее время существованій своего* (?) совершенно не осарматились; потому то извѣстіе Геродота, будто Сарматы говорили испорченнымъ скифскимъ языкомъ, *какъ заимствованное имъ отъ хвастливыхъ Скифовъ* (?), и, слѣдовательно, *подозрительное* (?), и *пожимаю наоборотъ* (!), что Скифы говорили испорченнымъ сарматскимъ языкомъ“. Тамъ-же, с. 30. Произвольность, самопротиворѣчія и неестественность этого объясненія очевидны. Сродство скифскаго языка съ языками другихъ индоевропейскихъ народовъ представляется намъ вполне естественнымъ и объясняется только единствомъ ихъ происхожденія, безъ помощи произвольныхъ предположеній и обратнаго пониманія подлиннаго смысла историческихъ свидѣтельствъ. Прямое-же свидѣтельство Геродота („Савроматы языкъ употребляютъ скифскій, но съ нѣкоторыми погрѣшностями“; Исторія; кн. IV, гл. 107) о единствѣ языка Скифовъ и Сарматъ, племени индоевропейскаго, несомнѣнно увеличиваетъ собою рядъ другихъ доказательствъ индоевропейскаго происхожденія Скифовъ.

¹⁾ Пусть-же послѣдователи теоріи монголо-татарства Скифовъ объяснить намъ значеніе сказанныхъ словъ корнями языковъ монголо-татарскихъ.

Этихъ боговъ почитали всѣ Скифы, а Скифы царскіе, сверхъ того, приносили жертвы Посейдону¹⁾. Слѣдовательно, Скифы эпохи Геродота поклонялись: огню, небу, землѣ, водѣ, солнцу, лунѣ и богамъ борьбы съ природою и людьми, то есть, почитали тѣхъ-же боговъ, какимы поклонялись всѣ индоевропейскіе народы въ періодъ ихъ мифологическаго міровоззрѣнія, стоявшаго на степени обоготворенія силъ природы²⁾.

Самое почитаніе боговъ выражалось у древнихъ Скифовъ въ жертвоприношеніяхъ, для которыхъ „они не имѣли ни храмовъ, ни жрецовъ, а каждый приносилъ жертву самъ и гдѣ ему вздумается“; то есть, поклоненіе богамъ у Скифовъ эпохи Геродота выражалось тѣмъ-же способомъ, какимы поклонялись тѣмъ-же богамъ Персы той-же эпохи³⁾.

¹⁾ Исторія; кн. IV, гл. 59.

²⁾ Описывая обычаи Персовъ эпохи Кира, Геродотъ говоритъ: „Персы имѣютъ обыкновеніе приносить жертвы Зевсу на самыхъ высокихъ вершинахъ горъ, называя все небо Зевсомъ. Они также приносятъ жертвы солнцу, лунѣ, землѣ, огню, водѣ и вѣтрамъ“. Исторія; кн. I, гл. CXXXI. Въ своемъ сводѣ доказательствъ монгольства Скифовъ, коснувшись скифской религіи, Шафарикъ нашелъ возможнымъ сказать только слѣдующее: „поклоненіе богу войны въ образѣ священнаго меча составляетъ неотъемлемую собственность Монголовъ, которое встрѣчаемъ мы и послѣ во время Аттилы, даже и того позже, именно, при возведеніи Чингисхана на царскій престолъ“ (Слав. Древ., т. I; кн. II, стр. 24). Но о поклоненіи у Монголовъ богу войны, въ образѣ священнаго меча, мы ни слова не находимъ въ монгольской исторіи, какъ древнѣйшей, въ эпоху до Рождества Христ., такъ и позднѣйшей, въ эпоху Аттилы и Чингисхана. См. Древ. Исторію Монголовъ по китайскимъ лѣтописямъ, въ „Собраніи свидѣтельствъ о народахъ средней Азіи“, монаха Іакинфа. Изд. 1851 г., ч. I. Въ эпоху Геродота у Монголовъ бога войны не было. Они дѣлаются завоевательнымъ народомъ только со времени Моде или Огузъ-Хана, въ концѣ III-го вѣка до Рожд. Христ. Тамъ-же, стр. 1—27. Скифскій богъ войны назывался Ареемъ, именемъ индоевропейскимъ.

³⁾ По Геродоту: „кумировъ, жертвенниковъ и храмовъ Скифы не строятъ. Приносящій жертву... взываетъ къ богу

Благодаря археологическимъ изысканіямъ послѣднихъ десяти-лѣтій, на югѣ Россіи открыты скифскія могилы III и IV столѣтій до Рожд. Хр., а въ нихъ, сосуды, монеты, бляхи, перстни и другіе предметы съ художественными изображеніями Скифовъ, передающими черты ихъ наружности до мельчайшихъ подробностей. На всѣхъ изображеніяхъ Скифовъ мы встрѣчаемъ волосы густые, лобъ высокій, глаза открытые, прямо направленные, носъ узкій и прямой. На многихъ изображеніяхъ, какъ напримѣръ, на монетѣ царя Скилура, на монетахъ индоскифскихъ царей, въ изображеніяхъ Скифовъ на Кульобской и Никопольской вазахъ, на золотыхъ бляхахъ, изображающихъ скифскихъ всадниковъ, на золотомъ ошейникѣ, индоевропейскій типъ древнихъ Скифовъ выраженъ совершенно отчетливо, ясно и убѣдительно ¹⁾.

Наконецъ, за индоевропейское происхожденіе древнихъ Скифовъ высказывается скифская краниологія. „Скифовъ, по краниологическимъ признакамъ, говоритъ академикъ Бэръ, можно отнести къ монгольскому племени, если принимать во вниманіе только ширину черепа, но *форма лицевыхъ костей не представляетъ ниче*

и удавливаетъ животное, не зажегши огня, не прибѣгнувъ къ предвѣщаніямъ и не употребивъ возліаній; удавивъ жертву, начинаетъ се варить“. Исторія, кн. IV, гл. 59, 60. „У Персовъ, говоритъ тотъ-же историкъ, нѣтъ обыкновенія сооружать статуи, храмы или алтари. Желая принести жертву, они не дѣлаютъ алтарей, не возжигаютъ огня, не употребляютъ возліаній. Приносящій жертву, приводитъ жертвенное животное на открытое мѣсто и тутъ взываетъ къ богу.... Потомъ, разрѣзавъ по членамъ жертвенное животное, онъ варитъ мясо“. Тамъ же, кн. I, гл. 131, 132.

¹⁾ Главнѣйшія изъ относящихся сюда памятниковъ древности сгруппированы въ „Древн. Герод. Скиѳіи“, изд. Имп. Арх. Ком.; вып. I, 1866 г.; вып. II, 1872 г.; а также въ изданіи В. А. Прохорова, подъ заглавіемъ „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“. 1881 г. Фантазія Шафарика нарисовала слѣдующій образъ Скифа эпохи Геродота: „Скифы всѣ были похожи одинъ на другаго, ростомъ и лицомъ, точь въ точь, какъ нынѣшніе Монголы. Они имѣли тѣло толстое и обрюзглое, ляшки, покрытыя тучнымъ мясомъ, брюхо вздутое, волосы рѣдкіе“. Сл. Древ. т. I; кн. II; стр. 23.

го монгольского. Носъ у скифскихъ череповъ высокъ и узокъ, а у Монголовъ, какъ извѣстно, онъ плоскій и широкій. У скифскихъ череповъ нѣтъ сильно выдающихся скулъ и мѣста прикрѣпленія височныхъ мускуловъ далѣе отстоятъ отъ средней темянной линіи, чѣмъ у Монголовъ¹⁾. „Курганное населеніе скифской эпохи, добавляетъ профессоръ А. П. Богдановъ, настолько близко по общеплеменнымъ чертамъ къ курганному населенію другихъ, прилегающихъ областей средней Россіи, что съ большою вѣроятностью должно быть отнесено къ одному типу съ ними“²⁾.

Такимъ образомъ, анализъ основаній теоріи монголо-татаро-турецкаго происхожденія европейскихъ Скифовъ эпохи Геродота доказалъ намъ, что эта теорія построена на предположеніяхъ и произвольномъ толкованіи историческихъ свидѣтельствъ. Съ другой стороны, скифская исторія, географія, этнографія, лингвистика, мифологія, археологія и антропологія единогласно свидѣтельствуютъ о ближайшемъ родствѣ древнихъ Скифовъ съ народами индоевропейскими. Посмотримъ теперь возможно-ли признать европейскихъ Скифовъ предками Славянъ, на основаніи географическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній, состоящихъ въ распоряженіи науки настоящаго времени, и относящихся къ древнимъ европейскимъ Скифамъ и позднѣйшимъ Славянамъ

Опредѣлимъ сначала пространство Европы, занятое скифскимъ этнографическимъ типомъ въ эпоху Геродота.

По Геродоту, Скифія начиналась ниже устья Дуная, у залива Фракійскаго, и отсюда простиралась по берегу моря до устья рѣки Танаиса, за исключеніемъ гористой части Крыма, которую занималъ народъ — Тавры³⁾; рѣка Донъ отдѣляла ее отъ земель Савроматовъ

1) Arch. für Anthropologie, 1877. t. X, p. 215.

2) О могилахъ скифо-сарматской эпохи въ Полтавской губерніи и о краниологіи Скифовъ; стр. 14.

3) „Передъ Скифскою землею лежитъ Фракія. Скифія начинается тамъ, гдѣ оканчивается заливъ, прилежащій къ Фракіи. Рѣка Истръ протекаетъ черезъ Скифію и устье ея обращено къ востоку. Я означу мѣру скифской страны, отъ Истра простирающейся по морю. Непосредственно отъ Истра къ югу лежитъ древняя Скифія, и простирается къ городу, на

и Вудиновъ ¹⁾; на сѣверѣ она прилежала къ необитаемымъ пустынямъ, за которыми жили Андрофаги, и къ области Меланхленовъ ²⁾. Наконецъ, на сѣверозападѣ и на западѣ она граничила съ областями Невровъ и Агафирсовъ ³⁾. Эта Скифія имѣла видъ четырехугольника, каждая сторона котораго равнялась двадцати днямъ дневнаго пути; путь же дневной у Геродота равнялся 200 стадіямъ, то есть, полагая въ верстѣ шесть стадій, тридцати тремъ съ половиною верстамъ; слѣдовательно, протяженіе границъ Скифіи заключало въ себѣ около 2500 верстъ ⁴⁾.

Племена, обитавшія въ предѣлахъ описанной Скифіи, были размѣщены слѣдующимъ образомъ. Начиная отъ города Ольвіи, торжища Борисфенитянъ, лежавшаго между устьями Днѣпра и Буга,

зывается Каркинитисъ. Лежащую отсюда по берегу сего же моря, гористую и вдающуюся въ Понтъ страну, населяетъ народъ Таврической“. „Отъ Таврической области Скифы снова занимаютъ земли, лежація выше Тавровъ и простирающіяся по берегу моря къ востоку, также къ Босфору Киммерійскому и Меотійскому озеру до рѣки Танаиса, впадающей въ дальнѣйшее углубленіе этого озера. Отъ Истра идущими во внутренность земель верхними частями Скифія отдѣляется сперва отъ Агафирсовъ, потомъ отъ Невровъ, за симъ отъ Андрофаговъ, а наконецъ отъ Меланхленовъ“. Исторія; кн. IV; гл. 99 и 100.

¹⁾ „За рѣкою Танаисомъ находится уже не Скифская, но первая изъ странъ Савроматовъ. Выше сихъ Савроматовъ, во второй странѣ ихъ, живутъ Вудины“. Тамъ-же, гл. 21.

²⁾ „Выше ихъ лежитъ страна большею частью пустая, за коею живутъ Андрофаги, народъ особенный, отнюдь не скифскій“. „Выше Царскихъ Скифовъ, къ сѣверу, обитаютъ Меланхлены, особенный, не скифскій народъ“. Тамъ-же, гл. 18 и 22.

³⁾ „Выше ихъ (Скифовъ оратаевъ) живутъ Невры“. „Пиретонъ, Тіарантъ, Араръ, Напарисъ и Ордиссъ... сіи рѣки, въ самой Скифіи текуція, Истръ увеличиваютъ. Сливаются также съ Истромъ воды свои и рѣка Марисъ, вытекающая изъ страны Агафирсовъ“. Тамъ-же гл. 17, 48 и 49.

⁴⁾ „Поперечные бока Скифіи содержатъ въ себѣ четыре тысячи стадій, и прямые, идущія во внутренность земель, заключаютъ въ себѣ столько же“. Тамъ-же. гл. 101.

въ самой срединѣ приморскихъ земель всей Скиѣи, на западъ отъ р. Диѣпра, по направленію р. Буга, первая область была занята Каллипидами, греко-скифскимъ племенемъ. За Каллипидами, выше ихъ, обиталъ другой народъ, называвшійся Алазонами; надъ Алазонами обитали Скифы-оратаи; а за ними, Невры. По ту сторону Диѣпра, первую область отъ моря составляла Илея. Надъ Илейцами обитали Диѣпряне (Борисфениты) — Скифы-земледѣльцы, занимавшіе область, простиравшуюся къ востоку на три дня пути, до р. Пантикапы, а на сѣверъ на протяженіи четырнадцати-дневнаго плаванія противъ теченія Диѣпра. Выше Диѣпрянъ простиралась пустыня, за которою жили Андрофаги. Къ востоку отъ Диѣпрянъ, за рѣкою Пантикапою, кочевали Скифы—номады, занимавшіе область на четырнадцать дней пути, до рѣки Герра. Наконецъ, между Герромъ, Таврикою, Меотисомъ и Танаисомъ лежали Царскія земли, принадлежавшія благороднѣйшему и многочисленнѣйшему кочевому племени Скифовъ, почитавшему другія скифскія племена своими подданными. Выше Царскихъ Скифовъ обитали Меланхлены, уже не скифскій народъ ¹⁾).

Приведенныя описательныя названія даны скифскимъ племенамъ Геродотомъ и заимствованы имъ частью отъ мѣстъ жительства, частью отъ образа жизни различныхъ племенъ. Рядомъ съ тѣмъ, Геродотъ оставилъ извѣстіе, изъ котораго видно, что европейскіе Скифы его времени имѣли свои болѣе общія, племенные названія. Передавъ скифское преданіе о происхожденіи всѣхъ племенъ европейскихъ Скифовъ отъ трехъ сыновей перваго Скифа, Таргитая, Геродотъ прибавляетъ: „отъ Липоксаиса произошли тѣ изъ Скифовъ, кои называются *Авхатами*; отъ средняго брата, Арпоксаиса, произошли *Катиары* и *Траспесы*; а отъ младшаго брата, Колаксаиса, произошли Скифы-Цари, называемые *Паралатами*. Общее же всѣхъ ихъ названіе *Сколоты*, по имени царя; Скифами называютъ ихъ Эллины“ ²⁾. Геродотъ не поясняетъ, какія именно изъ перечисленныхъ имъ племенъ назывались на родинѣ Авхатами, Катиарами и Траспесами. По сказанію Плинія Старшаго, скифскія

¹⁾ Геродотъ; кн. IV, гл. 17 и 20.

²⁾ Тамъ-же, 6.

племена, называвшіяся Авхатами, занимали области на западъ отъ Тавра, по берегу моря, а во внутрь земель простиравшіяся до источниковъ рѣки Гипана (Буга) ¹⁾, то есть области, составлявшія западную часть европейской Скифіи эпохи Геродота. Катіарами и Траспіесами, слѣдовательно, назывались племена восточной половины Скифіи, за исключеніемъ Царскихъ Скифовъ, которые, по сказанію Геродота, назывались Паралатами.

Всѣ области и всѣ племена выше описанной Скифіи составляли одно государство—державу Паралатовъ, Скифовъ Царскихъ, кочеваго племени, вышедшаго въ VII вѣкѣ до Рожд. Христ. изъ странъ Прикаспійскихъ въ страны Припонтійскія, побѣдившаго здѣсь племя Киммеріанъ и получившаго главенство надъ всѣми его туземными соплеменниками ²⁾.

Обращаясь къ вопросу о народности племенъ, населявшихъ сказанную скифскую державу въ эпоху Геродота, мы встрѣчаемъ въ ученой литературѣ часто повторяемое воззрѣніе, по которому земледѣльческія племена, Скифы земледѣльцы, населявшіе западную часть Геродотовой Скифіи, были одного этнографическаго типа, а племена кочевья, Скифы-номады, занимавшіе восточную часть той же Скифіи, представляли собою другой этнографическій типъ, не имѣвшій ничего общаго съ первымъ типомъ ³⁾. Это воззрѣніе представляется намъ однимъ изъ фундаментальныхъ недоразумѣній въ повѣйшей исторической литературѣ. Единственнымъ основаніемъ сказаннаго этнографическаго дѣленія племенъ европейской Скифіи служило и служить указанное Геродотомъ различіе въ образѣ жизни обитателей западной половины Царской Скифіи, жившихъ осѣдло, пахав-

¹⁾ Естеств. Исторія; VI, 11.

²⁾ „За Герромъ находятся, такъ называемыя, *Царскія Земли*, гдѣ живутъ благороднѣйшіе и многочисленнѣйшіе Скифы, почитающіе другихъ Скифовъ своими рабами“. Геродотъ; кн. IV, гл. 7, 11, 20 и 71.

³⁾ „Въ имени Скифовъ необходимо различать *два народности*, какъ показалъ и Геродотъ (?), *кочевую и земледѣльческую*. Первая занимала южную область Дона, вторая древнюю Скифію, отъ Дуная до Днѣпра“. И. Е. Забѣлинъ. Исторія Русской жизни. 1876. т. I, стр. 260.

шихъ землю и питавшихся плодами земледѣлія, и обитателей восточной части той-же Скифіи, переходившихъ со скотомъ своимъ съ одного мѣста на другое, перевозившихъ свои жилища на повозкахъ и питавшихся мясомъ домашнихъ животныхъ, сыромъ и молокомъ.

Нижеслѣдующіе факты доказываютъ намъ, что всѣ племена державы Царскихъ Скифовъ, за исключеніемъ Грековъ, обитавшихъ въ греческихъ колоніяхъ, и Каллипидовъ, племена греко-скифскаго, въ эпоху Геродота, представляли собою одинъ этнографическій типъ, не смотря на различіе ихъ образа жизни.

По скифскому преданію, *всѣ скифскія племена*, какъ кочевья, такъ и земледѣльческія, Авхаты, Катіары, Трасіесы и Паралаты, были родственны между собою, по общему ихъ происхожденію отъ Папайоса, верховнаго бога, и дочери рѣки Диѣпра, родившихъ въ области Придиѣпровья перваго Скифа Таргитая, жившаго за тысячу лѣтъ до времени шествія Дарія, царя персидскаго, на скифскую землю ¹⁾. Какъ бы мы не смотрѣли на это преданіе, а во всякомъ случаѣ, должны согласиться, что, *по извѣстію Геродота, всѣ племена европейскіихъ Скифовъ его времени были увѣрены въ единствѣ ихъ происхожденія*, въ родствѣ между собою.

Всѣ скифскія племена, по свидѣтельству Геродота, поклонялись однимъ богамъ: Тавити, Папаю, Апію, Итосиру, Артимпасъ, Ираклу и Арею, за исключеніемъ Тамимасада, которому приносили жертвы только Царскіе Скифы ²⁾.

Описывая религіозные и погребальныя обычаи, Геродотъ свидѣтельствуетъ, что *всѣ скифскія племена* и по всѣмъ святынямъ совершали жертвоприношенія одинаково, а погребеніе покойниковъ

¹⁾ „Скифы, какъ *сами они говорятъ*, суть народъ всѣхъ новѣйшій. Они утверждаютъ, что въ ихъ землѣ, дотолѣ не населенной, родился первый человекъ—Таргитай“... Сыновья этого Таргитая были родоначальниками всѣхъ племенъ Царской Скифіи, Авхатовъ, Катіаровъ, Трасіесовъ и Паралатовъ, какъ земледѣльческихъ, такъ и кочевыхъ, носившихъ общее имя, на родинѣ—Сколотовъ, а у Грековъ Скифовъ. Геродотъ; IV, 5 и 7.

²⁾ „Сихъ боговъ почитаютъ *всѣ Скифы*; Царскіе же приносятъ жертвы и Посейдону“. Геродотъ; VI, 59.

у всѣхъ скифскихъ народовъ сопровождалось одинаковыми обычаями и обрядами ¹⁾).

Описывая политическое устройство, управление и социальныя обычаи, Геродотъ не дѣлаетъ никакого различія между земледѣльческими и кочевыми племенами; всѣ скифскія области одинаково дѣлились на общины; въ каждой общинѣ былъ свой жертвенникъ Ареса, свой начальникъ; всѣ Скифы клялись богами Царскихъ Чертоговъ; одинаково заключали союзный договоръ; праздновали побѣды; и пр. ²⁾. Описывая сосѣдей державы Царскихъ Скифовъ, Геродотъ отличаетъ одежду и языкъ народовъ не скифскаго происхожденія отъ одежды скифской и языка скифскаго, и тѣмъ даетъ намъ знать, что всѣ племена Царской Скифiи говорили однимъ языкомъ, отличавшимся только отъ языковъ сосѣднихъ, не скифскихъ племенъ ³⁾. Наконецъ, упоминая объ Алазонахъ, племени земледѣльческомъ, обитавшемъ въ западной половинѣ Скифiи, по теченiю рѣки Буга, Геродотъ прямо говоритъ, что „Алазоны во всемъ имѣютъ обычаи Скифовъ, за исключенiемъ того, что сѣютъ и ѣдятъ хлѣбъ, лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо“ ⁴⁾.

Слѣдовательно, по точнымъ и яснымъ свидѣтельствамъ Геро-

¹⁾ „Жертвоприношенiе же самое у всѣхъ Скифовъ, по всемъ святинямъ, совершается одинакимъ и вотъ какимъ образомъ...“ „Когда умереть у нихъ царь... везутъ тѣло на колесницѣ къ другому народу. Кто привезенное тѣло приметъ дѣлаетъ то, что и Царскiе Скифы: урѣзываютъ себѣ ухо, остригаютъ волосы, порѣзываютъ мышцы, царапаютъ лобъ и ноздри. Отсюда везутъ тѣло царево къ другому народу... Обѣхавъ съ тѣломъ всѣхъ, привозятъ оное къ Герраамъ, послѣднему изъ народовъ, подвластныхъ Скифамъ, гдѣ находится мѣсто погребенiя“. Тамъ-же, 55, 71.

²⁾ Тамъ-же, 62, 66, 58, 70 и др.

³⁾ Аргишпей „языкъ употребляютъ особенный, а одежду скифскую“. Андрофаги „одежду носятъ похожую на скифскую, а языкъ у нихъ особенный“. Вудины „языкъ употребляютъ частiю скифскiй, частiю эллинскiй“. „Савроматы языкъ употребляютъ скифскiй, но съ погрѣшностями“. Тамъ-же, 22, 104, 108 и 117.

⁴⁾ Тамъ-же, 17.

дота, племена европейских Скифовъ его времени, какъ земледѣльческія, такъ и кочевыя, имѣли одно происхожденіе, одну религію, одни обряды, нравы и обычаи, одинъ языкъ, однимъ словомъ, составляли одинъ этнографическій типъ; они различались только образомъ жизни. Но различіе въ образѣ жизни какихъ бы-то ни было племенъ, пока оно не отразится въ нравахъ и обычаяхъ, социальномъ бытѣ, религіи и языкѣ, еще не составляетъ этнографическаго различія этихъ племенъ. Сравнительной этнографіи и этнологіи извѣстны многія племена, совершенно различныя по образу жизни, но представляющія собою одинъ народъ въ этнографическомъ смыслѣ, одного происхожденія, одной религіи и одного языка ¹⁾).

¹⁾ Такъ напримѣръ, по словамъ академика Крашенинникова, въ началѣ прошедшаго столѣтія племена коряцкаго народа, будучи одного происхожденія, одной религіи и одного языка, по образу жизни, раздѣлялись на два народа: Коряковъ сидячихъ и Коряковъ бродячихъ или оленныхъ. „Оленные Коряки—кочевой народъ, живущій, какъ Лопари, въ палаткахъ, постоянно переходя съ мѣста на мѣсто съ табунами своими, питающійся мясомъ домашняго оленя и дикихъ животныхъ; Коряки сидячіе живутъ неподвижно, въ земляныхъ юртахъ, по берегахъ рѣкъ и морскихъ заливовъ, и питаются рыбою, морскими животными и растеніями“. Описаніе земли Камчатки, т. II, стр. 1—3, 146 и слѣд. Изд. 1786 г. Точно также, по словамъ путешественника Сарычова: „Чукоць есть два рода, также какъ Тунгусовъ и Корякъ: одни кочевые, другіе сидячіе. Первые составляютъ главную часть чукоцкаго народа, ведутъ кочевую жизнь, переходя безпрестанно съ табунами своими съ мѣста на мѣсто; вторые живутъ въ неперемѣнныхъ селеніяхъ близъ моря и отъ него получаютъ пропитаніе“. Путешествіе флота капитана Сарычова. Изд. 1802 г. стр. 35, 105. По словамъ путешественника Булычова: „населеніе Охотской области состоитъ изъ трехъ племенъ, разнородныхъ первоначальныхъ жителей: Тунгусовъ, Коряковъ и Якутовъ. Каждое изъ этихъ племенъ, по образу жизни, дѣлилось на кочевыя, сидячія и осѣдлыя племена“. Путешествіе Булычова по восточной Сибири. Изд. 1856 г. ч. I, стр. 79, 198 и 200. При описаніи Ведуиновъ, говоритъ Шарль Контъ, должно имѣть въ виду ихъ раздѣленіе на земледѣльцевъ и номадовъ: „Сeux

Подобно Корякамъ, Чукчамъ, Тунгусамъ, Якутамъ, Бурятамъ, Бедуинамъ и другимъ племенамъ нашего времени, племена Царской Скифіи эпохи Геродота, различаясь по образу жизни, имѣли одно происхожденіе, одну религію, одинъ языкъ, представляли собою одинъ этнографическій типъ.

Дальнѣйшее изученіе свидѣтельствъ Геродота, въ связи съ извѣстіями другихъ древнихъ писателей, доказываетъ намъ, что за пять вѣковъ до Рожд. Хр. пространство Европы, занятое народами скифскаго этнографическаго типа, далеко не ограничивалось предѣлами Царской Скифіи. Къ этому типу, кромѣ Авхатовъ, Катіаровъ, Траспесовъ и Паралатовъ, принадлежали еще слѣдующія племена: Тавры, Сарматы, Вудины, Скифы Приуральскіе, Невры, Агафирсы и Геты.

Тавры. По Геродоту, „народъ Тавры занималъ гористую и вдавшуюся въ Понтъ страну, простиравшуюся на югъ отъ города Каркинита до мыса Херсонеса, называвшагося Трахесей—Неровнымъ“; народъ этотъ „жилъ грабежами и войною и приносилъ въ жертву Дьявъ претерпѣвшихъ кораблекрушеніе и всѣхъ Эллиновъ, попадавшихъ имъ въ руки ¹⁾. По сказанію историка Аполлодора, Черное море называлось въ древности Аксенскимъ, негостепримнымъ, такъ какъ было недоступно для плаванія, „по причинѣ дикости прибрежныхъ народовъ, а особенно Скифовъ, приносящихъ въ жертву чужестранцевъ“ ²⁾. По свидѣтельствамъ Страбона, вдоль бухты Символовъ, у древняго города Херсонеса... совершаютъ разбои *Скифское племя Тавры* ³⁾; въ древности большую часть Херсонеса Таврическаго, до перешейка и залива Каркинитскаго занимало *Скифское племя Тавровъ*. По этому вся эта страна, и почти все пространство по ту сторону перешейка,

qui sont restés errants dans les déserts, et qui n'ont jamais abandonné la vie pastorale et ceux qui ont adopté la vie agricole, et qui habitent au centre et à l'extrémité australe de l'Arabie“. *Traité de Législation.* 1835. T. III p. 4.

¹⁾ Исторія; кн. IV, 99 и 103.

²⁾ Географія Страбона; кн. VII, гл. III, п. 6.

³⁾ Тамъ-же; гл. IV, п. 2.

до Борисфена, называлось *Малой Скифіей*“¹⁾. Соответственно приведеннымъ извѣстіямъ, владѣтели Тавриды, царь Скилуръ и его сыновья, построившіе въ Тавридѣ крѣпости Палакій, Хабъ и Неаполь во время войны съ Митридатомъ, называются древними историками „предводителями Скифовъ“²⁾.

¹⁾ Тамъ-же; п. 5.

²⁾ Тамъ-же, п. 3 и 7. На основаніи историческихъ свидѣтельствъ, приведенныхъ въ текстѣ, мы вполне соглашаемся съ воззрѣніями ученыхъ лингвистовъ, доказывающихъ единство происхожденія древнихъ Киммеріянъ, Кимбровъ и Тавровъ и признающихъ послѣднихъ племенемъ скифскимъ. См. Раулинсона: Переводъ Геродота; III, с. 150—156. Мюлленгофа: О происхожденіи и языкѣ Понтійскихъ Скифовъ и Сарматъ, въ Мем. Берл. Акад. 1866 г. VIII. Этому воззрѣнію нисколько не противорѣчитъ извѣстіе, по которому къ Киммеріянѣмъ принадлежало племя Трировъ, жившее, по словамъ Фукидида, во Фракіи. Ср. А. И. Георгіевскаго: Галлы въ эпоху К. Ю. Цезаря. 1865 г. стр. 46. Раулинсона: Переводъ Геродота; I, стр. 298. Побѣжденные Царскими Скифами Киммеріяне, подобно позднѣйшимъ Славянамъ, побѣжденнымъ Волохами на Дунаѣ, разошлись въ разныя стороны, а слѣдовательно, часть ихъ, подъ именемъ Трировъ, могла поселиться и во Фракіи. Положительно извѣстно, что часть Киммеріянъ, потерявъ господство на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, перешла въ Малую Азію и завладѣла тамъ Сардами (Геродотъ. I, 15); другая часть подвинулась къ Геркинскому лѣсу, а отсюда спустилась за Истръ, а потомъ соединилась съ Галлами и направилась совмѣстно съ ними въ Италію (Страбонъ, кн. VII, гл. II, п. 2); часть, вѣроятно уже послѣ пораженія Киммеріянъ - Кимбровъ Римлянами, передвинулась къ морю Балтійскому, гдѣ въ I вѣкѣ обитала небольшая община Кимбровъ, огромною славою покрытая (Тацитъ Германія, гл. 37); наконецъ, часть таврическихъ Киммеріянъ, и послѣ пораженія ихъ племенемъ Царскихъ Скифовъ, должна была остаться на родинѣ, частью въ качествѣ подданныхъ побѣдителя, частью въ значеніи независимаго народа, потому что „въ исторіи мы не встрѣчаемъ примѣровъ, чтобы народъ, побѣжденный непріателемъ въ низменныхъ мѣстностяхъ своего отечества, не удержался въ его верхнихъ частяхъ, то есть, въ горахъ“. Скифія; Проф. Бруна, стр. XLIX.

Сарматы. Столько же ясныя указанія находимъ въ источникахъ и на народность Савроматовъ. По свидѣтельствамъ Геродота, Савроматы занимали безлѣсную область за рѣкою Танаисомъ, простиравшуюся отъ Азовскаго моря на сѣверъ, на протяженіи 15-ти дней пути. Савроматы были *родственны Скифамъ*, по происхожденію отъ союза Скифовъ съ Амазонками, и „употребляли языкъ скифскій“, по съ погрѣшностями, ввравшимися въ оный изстари, потому что Амазонки не хорошо выучились этому языку“ ¹⁾. По Діодору Сицилійскому, „народъ, поселившійся по рѣкѣ Танаису, названный Савроматами, вышелъ изъ Мидіи“, имѣлъ одну прародину со Скифами ²⁾. По извѣстію Плинія Старшаго, „по всему Дону жили Аксаматы, народъ Мидійскаго происхожденія, раздѣлявшійся на многія племена, изъ которыхъ первое называлось Савроматами-Гинейкратами“; а въ другомъ мѣстѣ тотъ-же писатель отождествляетъ имя Скифовъ съ именемъ Савроматовъ: „при устьи Дуная, говоритъ онъ, лежитъ городокъ Истрополь, къ сѣверу отъ котораго обитаютъ разныя племена Скифовъ, изъ которыхъ ближайшіе къ Дунаю называются Греками Геты, а Римлянами Даки, а другіе, занимающіе области за Даками, называются Греками Савроматами“ ³⁾. Въ географіи Страбона Скифы и Сарматы постоянно сопоставляются, какъ племена одного этнографическаго типа ⁴⁾. Наконецъ, позднѣйшіе географы и историки, описывая племена сарматскія, называютъ ихъ родину древнею Скифіей и характеризуютъ эти племена тѣми этнографическими признаками, какими очертилъ Геродотъ европейскихъ Скифовъ его времени ⁵⁾.

¹⁾ Геродотъ. IV; 21, 107.

²⁾ Diod. Sicil. II; 43.

³⁾ Hist. Nat. VI; 7, 11.

⁴⁾ Географія Страбона; кн. VII, гл. III, п. 2, 9, 17; гл. IV, п. 8 и пр.

⁵⁾ Такъ напримѣръ, по Зѣмлиписцу Равенскому: „Octava ut hora noctis Rosolanorum est patria, cujus post tergo inter oceanum procul magna insula antiqua Scythia reperitur“. Raven. Anon, I, 12. Сарматы, по Амміану Марцеллину, и *Скифы*, по Геродоту, отличались многими общими этнографическими чертами. Сл. Амм. Марц. кн. VII, гл. XII; п. 2 и 3. Геродота Исторія; кн. IV, гл. 59, 62, 64 и 67.

Вудины. Къ тому же этнографическому типу должны быть причислены нами Вудины, потому что единственное историческое указаніе на народность Вудиновъ прямо утверждаетъ, что этотъ народъ имѣлъ одно происхожденіе съ Сарматами и говорилъ скифскимъ языкомъ. По словамъ Геродота, „Вудины занимали вторую страну Савроматовъ“, лежавшую выше обозначенной ихъ первой страны. Въ этой второй области Савроматовъ жили народы двоякаго происхожденія: Вудины и Гелоны. Вудины составляли *туземное племя*, отличались отъ Гелоновъ паружностью, вели кочевой образъ жизни и „говорили скифскимъ языкомъ“. Гелоны же, по ихъ происхожденію, были Греки, выселившіеся въ область Вудиновъ изъ Понційскихъ греческихъ колоній, жили въ деревянномъ городѣ, занимались земледѣліемъ и „говорили греческимъ языкомъ“¹⁾.

Скифы Приуральскіе. За областью Вудиновъ, по сказанію Геродота, сперва простиралась степь на 7 дней пути, за которою, ближе къ востоку, жили не скифскіе народы, Фиссагеты и Ирки. „За сими народами, у каменистой и неровной земли, обитали *Скифы, отложившіеся отъ Скифовъ Царскихъ и выселившіеся въ эти мѣста*“²⁾.

Невры. Область Невровъ, въ эпоху Геродота, лежала на западъ отъ Днѣпра, выше области Скифовъ-оратаевъ, обитавшихъ надъ Алазонами, въ верховьяхъ Буга³⁾. Озеро, служившее истокомъ Днѣстра,

¹⁾ Геродотъ; IV; 21, 108, 109. „Выше сихъ Савроматовъ, во второй странѣ ихъ, живутъ Вудины, народъ великій и многочисленный“. „Гелоны по своему происхожденію суть Элліны, кои, по изгнаніи ихъ изъ торжищъ, поселились въ области Вудиновъ“. „Языкъ въ землѣ Вудиновъ употребляютъ *частію скифскій, частію эллискій.* У Вудиновъ и образъ жизни не одинаковъ съ Гелонами. *Вудины, природные тамошніе жители,* суть народъ кочевой; напротивъ, Гелоны воздѣлываютъ землю, ѣдятъ хлѣбъ, имѣютъ сады и ни мало не походятъ на Вудиновъ, ни образомъ жизни, ни цвѣтомъ. Однако Элліны называютъ и Вудиновъ Гелонами, хотя неправильно“.

²⁾ Геродотъ; IV, 22, 23.

³⁾ Тамъ-же, 17.

отдѣляло державу Царскихъ-Скифовъ отъ Невриды ¹⁾, На западѣ Неврида примыкала къ землѣ Агафирсовъ, а на сѣверѣ къ землѣ необитаемой, насколько это было извѣстно Геродоту ²⁾. Для рѣшенія вопроса о народности Невровъ мы находимъ въ источникахъ только одно свидѣтельство, принадлежащее Геродоту и состоящее въ слѣдующемъ: „Невры держатся установлений скифскихъ“ ³⁾.

Агафирсы. Область Агафирсовъ, по Геродоту, на югѣ граничила съ державою Царскихъ Скифовъ, а на востокѣ съ Невридою ⁴⁾; съ западной же и сѣверной сторонъ простиралась на неопредѣленное протяженіе. Единственными указаніями источниковъ на происхождение и народность Агафирсовъ служатъ уже извѣстное намъ генеалогическое преданіе, роднящее ихъ со Скифами, по происхожденію отъ двухъ родныхъ братьевъ, и личныя имена Агафирсовъ, имѣющія окончанія личныхъ именъ скифскихъ. Такъ, общенародное имя *Агафирсовъ* соотвѣтствуетъ имени скифскаго царя *Иданфирса*, а имя агафирскаго царя *Спарганейфа* соотвѣтствуетъ имени скифскаго царя *Арианейфа* ⁵⁾.

Геты. Наконецъ, къ европейскимъ народамъ скифскаго этнографическаго типа эпохи Геродота должно быть причислено племя Гетовъ, занимавшихъ области въ низовьяхъ Дуная, съ сѣверной и южной его стороны, отъ залива Фракійскаго до рѣки Днѣстра ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ-же, 57.

²⁾ Тамъ-же, 17.

³⁾ Тамъ-же, 105.

⁴⁾ Геродотъ. IV, 100.

⁵⁾ Тамъ-же, 78, 127.

⁶⁾ Профессоръ Дриновъ утверждаетъ, будто бы „Геродотъ, лучший знатокъ Скифовъ, довольно опредѣленно указываетъ на то, что въ его время *скифскій міръ простирался только до Дуная*“. Засел. Балк. полуостр. Славянами; стр. 9. Это мнѣніе неосновательно. Лучшій знатокъ Скифовъ говоритъ слѣдующее: „*Скифія начинается тамъ, гдѣ оканчивается земля, прилежащій къ Фракіи. Рѣка Истръ протекаетъ черезъ Скифію и устье ея обращено къ востоку. Я означу мѣру скифской страны, отъ Истра простирающейся по морю. Непосредственно отъ Истра къ югу лежитъ древняя Скифія, и простирается къ городу, называемому Каркинитою*“. Геродотъ; IV, 99.

Дарій, по словамъ Геродота, не дошедши еще до Истра, покорилъ своей власти Гетовъ и взялъ безъ битвы городъ Месимврию ¹⁾, который называется Арриномъ „греческимъ городомъ въ Скиѣи“ ²⁾. Плиній Старшій именуеть „Гетовъ, названныхъ Римлянами Даками, скиѣскимъ народомъ“, занимавшимъ область, начинающуюся у города Истрополя, лежавшаго ниже устья Дуная, и простиравшуюся отсюда на сѣверъ за Дунай ³⁾. По Страбону, „Геты издревле обитали по обѣимъ сторонамъ Истра“ и были одного происхожденія съ Даками, имѣвшими ближайшее родство съ скиѣскимъ племенемъ *Давали*, обитавшимъ подлѣ Гирканіи ⁴⁾. На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ исторія, а равно и этнографическая близость Гетовъ, Скифовъ и Сарматъ, Рёслеръ совершенно основательно доказываетъ, что Геты „zeigen mit Scythen und Sarmaten denselben Rassentypus“ ⁵⁾.

Изложенныя свидѣтельства древнихъ писателей доказываютъ намъ, что въ эпоху Геродота всѣ племена европейской Скиѣи, за исключеніемъ Грековъ и Греко-Скифовъ, принадлежали къ одному этнографическому типу. Паралаты, Траспесы, Катіары, Авхаты, носившіе общее имя Сколотовъ и составлявшіе одно государство, а равно Сарматы, Вудины, Скифы приуральскіе, Невры, Агафирсы и Геты составляли одинъ народъ въ этнографическомъ смыслѣ. Въ эпоху Геродота эти племена различались только образомъ жизни и нѣкоторыми діалектическими особенностями, еще такъ мало выраженными, что первый историкъ и этнографъ древности во всѣхъ племенахъ видѣлъ этнографическое единство и объединилъ ихъ въ общемъ названіи Скифовъ.

Многіе новѣйшіе историки предполагаютъ, будто бы въ эпоху Геродота слово *Скифъ* имѣло такой же широкій смыслъ, какой имѣло слово *варваръ* у средневѣковыхъ писателей и имѣ-

¹⁾ Тамъ-же; 93.

²⁾ Arr. Periplus P. Eux, въ „geog. graeci minores“; I, 400.

³⁾ Ест. Ист. IV, 11.

⁴⁾ Географія Страбона; кн. VII, гл. III, п. 2, 12 и 13.

⁵⁾ Romän. Stud. Wien. 1871. S. 52—62.

сть въ наше время ¹⁾. Это мнѣніе столько же произвольно, какъ произвольно этнографическое дѣленіе племенъ Царской Скифіи. Напротивъ, у Геродота слово Скифъ имѣетъ точный этнографическій смыслъ, всегда обозначаетъ только народы одного происхожденія, одного языка, одной религіи, однихъ нравовъ и обычаевъ. Упоминая о народахъ, чуждаго Скифамъ происхожденія и языка, Геродотъ точно отличаетъ ихъ отъ народовъ скифскихъ. Такъ на примѣръ, описывая сосѣдей племенъ, составлявшихъ державу Паралатовъ, Геродотъ говоритъ, что надъ Скифами земледѣльцами, носившими названіе Диѣпрянъ, лежала необитаемая пустыня, за которою жили „Андрофаги, народъ кочевой, носившій одежду, похожую на скифскую, но употреблявшій языкъ особенный, отнюдь не скифскій“ ²⁾. Восточнѣе Андрофаговъ, надъ областью Царскихъ Скифовъ, обитали Меланхлены, „особливый не скифскій народъ“, хотя имѣвшій обычай скифскіе ³⁾. За Вудинами сначала простиралась необитаемая пустыня на 7 дней пути, а за нею жили „Фиссагеты, народъ многочисленный и особливый“ ⁴⁾. За Фиссагетами, далѣе къ востоку, у подошвы Уральскихъ горъ, обиталъ народъ плѣшивый, плосконосый, съ продолговатыми подбородками, носившій одежду скифскую, а „языкъ употреблявшій особливый“ ⁵⁾. Точно также ясно Геродотъ отличаетъ скифскіе народы отъ народовъ гре-

¹⁾ „Прежде всего Русскіе должны отстать отъ Скифовъ и Сарматъ. Байеръ очень ясно доказалъ (гдѣ, когда и чѣмъ?), что сіи названія, хотя сначала (?) и принадлежали извѣстнымъ народамъ, но что послѣ (?), по незнакомію древнихъ (?), распространились на безчисленное множество земель“. Шлец. Несторъ; I. 423. „Слово Скифъ вовсе не являлось для Грека названіемъ племени, имѣющимъ опредѣленный этнографическій смыслъ“. II. Полевой. Очерки Рус. Ист. въ пам. быта. 1879 г. с. 99. „Скифъ и Сарматъ или, какъ писалъ Геродотъ, Савроматъ, на языкѣ древнихъ, значило *варваръ*“. II. Забѣлинъ. Ист. Рус. жизни. 1876 г. т. I, с. 267.

²⁾ Геродотъ. IV, 18.

³⁾ Тамъ-же; 20, 107.

⁴⁾ Тамъ-же; 22.

⁵⁾ Тамъ-же; 23.

ческих и народов смѣшаннаго языка и происхожденія. Такъ на-
примѣръ, упоминая о племени Каллипидовъ, жившихъ по Бугу,
выше Ольвий, Геродотъ говоритъ, что „Каллипиды были Эллины-
Скифы“ ¹⁾. Въ области Вудиновъ, рядомъ съ туземцами скифскаго
происхожденія, жили „Гелоны, по своему происхожденію, Эллины“,
выселившіеся туда изъ торжищъ Понтійскихъ, а потому, „въ обла-
сти Вудиновъ языкъ употребляли частью скифскій, частью Элли-
скій“ ²⁾.

Слѣдовательно, пространство Европы, занятое скифскимъ
этнографическимъ типомъ въ эпоху Геродота, далеко не ограничи-
валось предѣлами державы Паралатовъ, и Геродотъ вполне основа-
тельно признавалъ „обширность земли одною изъ вещей, наи-
болѣе достойныхъ вниманія историка въ европейской Ски-
фіи“ ³⁾.

Не менѣе обращало на себя вниманіе древнихъ историковъ
и количество народонаселенія Скифіи. Фукидидъ, сравнивая Фра-
кійцевъ, „многочуднѣйшій“ изъ древнихъ народовъ, съ другими
народами, отводитъ имъ второе мѣсто послѣ Скифовъ ⁴⁾. Геродотъ,
во время путешествія по Скифіи, между р. р. Бугомъ и Днѣпромъ,
у горькаго источника „Эксампей“, видѣлъ мѣдный сосудъ, *имѣв-
шій шесть дюймовъ толицыны, и легко вмѣщавшій въ себя
шесть сотъ ведеръ воды*. Сосудъ этотъ былъ сдѣланъ изъ
накопечниковъ стрѣлъ. Царь скифскій, по имени Ариантанъ, же-
лая знать число скифскаго народа, издалъ приказаніе, чтобъ каждый
Скифъ доставилъ ему наконечникъ отъ своей стрѣлы, угрожая
ослушникамъ этого приказанія смертью. Получивъ такимъ образомъ
„чрезвычайное множество остроконечій“, Ариантанъ вздумалъ сдѣ-
лать изъ нихъ памятникъ, и, соорудивъ сказанный мѣдный сосудъ,
положилъ его на храненіе у священнаго источника ⁵⁾.

Когда же племена многолюднаго этнографическаго типа, зани-

¹⁾ Тамъ-же; 17.

²⁾ Тамъ-же; 108.

³⁾ Тамъ-же; 82.

⁴⁾ Пелоп. война; кн. II; гл. 97.

⁵⁾ Геродотъ, IV, 81.

мавшаго въ эпоху Геродота половину Европы, уступили свою землю племенамъ славянскимъ. Когда и откуда появились Славяне въ предѣлахъ европейской Скифіи и когда и куда удалились народы скифскіе?

Историкъ Карамзинъ, слѣдуя за Шлецеромъ въ ученіи объ отсутствіи связи между исторіей Скифовъ и Славянъ, предложилъ воззрѣніе, давшее этому ученію извѣстную прочность. По этому воззрѣнію, европейскіе Скифы, описанные Геродотомъ, въ эпоху около Рож. Хр. были частью истреблены Сарматами, частью слились съ ними, „такъ что особенное бытіе Скифовъ исчезло для исторіи; осталось только ихъ славное имя, коимъ *несандуціе* (?) Греки и Римляне долго еще называли всѣ народы малоизвѣстные и живущіе въ странахъ полуночныхъ“ ¹⁾. Если бы даже эта мысль Карамзина была основательно доказана, то и въ такомъ случаѣ, только что поставленные нами вопросы не теряютъ своего значенія, потому что Скифы и Сарматы, въ этнографическомъ смыслѣ, составляли одинъ народъ, принадлежали въ эпоху Геродота къ одному этнографическому типу. Но самая теорія истребленія Сколотовъ, то есть скифскихъ племенъ, составлявшихъ державу Паралатовъ, племенами Сарматскими, представляется намъ совершенно бездоказательною, опирается на двухъ историческихъ свидѣтельствахъ, невѣрно истолкованныхъ ²⁾.

¹⁾ Исторія Госуд. Рос. 1842 г. т. I; гл. I; стр. 6. „Въ первомъ вѣкѣ, повторяетъ Шафарикъ за Карамзинымъ, остатки Скифовъ частью истреблены Сарматами, частью прогнаны назадъ въ Азію, частью же, наконецъ, слились съ Сарматами“ Слав. древ. т. I; кн. II, стр. 20, 331. По мнѣнію профессора Бруна, „Сколоты вскорѣ (послѣ Геродота), вѣроятно (почему?), были изгнаны изъ своихъ прежнихъ жилищъ, будучи тѣснены съ запада Гетами, а съ востока Сарматами“. Древн. Герод. Скифіи; вып. II; прилож. стр. LXXV. По мнѣнію И. Е. Забѣлина, „при Римлянахъ, какъ извѣстно (откуда?), Скифы были разсеяны *Воспорскимъ* царемъ Митридатомъ Великимъ“. Ист. Рус. жизни. т. I; стр. 267. и т. д.

²⁾ Первое изъ этихъ свидѣтельствъ принадлежитъ Діодору Сицилійскому и заключается въ слѣдующемъ: „Hi (Sauromatae), multis post annis numero et viribus aucti, magnam Scy-

Скифы, по мнѣнію Шафарика, „этотъ дикій и отвратительный народъ, наводилъ страхъ только нѣсколько времени своимъ могуществомъ, и такъ какъ онъ въ этой землѣ былъ пришельцемъ, то потому и укорениться въ ней не могъ (?), а уступилъ свое мѣсто сильнѣйшимъ себя сосѣдямъ, Сарматамъ, и вскорѣ потомъ такъ исчезъ, что уже во второмъ вѣкѣ по Рожд. Хр. ничего не осталось отъ него въ Европѣ, кромѣ одного имени въ географическихъ сочи-

thiae partem devastarunt, et omnibus, quos debellaverant, inter-
necione sublatiis, maximam regionis partem desolavere“. (Ист.
Гос. Рос. т. I, прим. 13. Diod. Sic. II, 43). Мы видимъ, что
извѣстіе это, во первыхъ, по точному смыслу текста, относит-
ся только къ части европейской Скифіи эпохи Геродота, а во
вторыхъ, принадлежит писателю позднѣйшему, и слѣдова-
тельно, можетъ представлять собою такую же неосновательную
позднѣйшую догадку, какъ извѣстіе того же писателя о на-
сильственномъ переселеніи Скифами Сарматовъ изъ Мидіи, со-
вершенно противное извѣстію о Сарматахъ Геродота и всѣхъ
другихъ древнихъ историковъ. По словамъ Діодора Сицилій-
скаго: „Скифскіе цари многіе, покоренные ими народы, пере-
селили на чужбину. Изъ переселеній этихъ особенно замѣча-
тельны два слѣдующія: одно народа Ассирійскаго въ страну,
лежащую между Пафлагоніей и Понтомъ, а другое изъ Мидіи
на рѣку Танаисъ; народъ, поселенный здѣсь, называется Са-
вроматами“. Diod. Sic. II, 43. Свидѣтельство Діодора Сици-
лійскаго объ опустошеніи древней Скифіи Сарматами можетъ
быть принято нами только въ томъ смыслѣ, въ какомъ его
представляетъ Страбонъ и другіе древніе историки, то есть,
въ смыслѣ побѣды, при помощи Митридата Великаго, племени
Сарматовъ надъ племенемъ *Царскиихъ Скифовъ* и перехода ге-
гемоніи надъ Сколотами отъ Паралатовъ къ Савроматамъ
(Географія Страбона, кн. VII, гл. III; п. 17; гл. IV, п. 3 — 7).
Что же касается извѣстія Плинія, приводимаго въ подтвержде-
ніе теоріи истребленія Скифовъ Сарматами, по которому:
„Scytharum verum nomen usque quoque transiit in Sarmatas
atque Germanos“ (Hist. Nat. IV, 25), то оно только увеличи-
ваетъ собою рядъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ, до-
казывающихъ ближайшее этнографическое сродство Скифовъ,
Сарматъ и Германцевъ.

неніяхъ“¹⁾). Эта гипотеза, стоящая въ полномъ разладѣ съ приведенными уже нами историческими фактами и приводимыми ниже, противорѣчитъ просто здравому смыслу. Народъ, занимавшій половину Европы, равнявшійся по численности своей самымъ многочисленнымъ народамъ древняго міра, могъ переродиться этнографически, въ слѣдствіе смѣшенія съ другимъ народомъ, измѣнить свою этнографическую фізіономію; но только предубѣжденіе можетъ допустить полное истребленіе его другимъ народомъ.

По свидѣтельствамъ современниковъ, европейская Скифія первыхъ столѣтій послѣ Рождества Христова была также обширна и также заселена народами скифскаго происхожденія, какъ и въ эпоху Геродота. У римскихъ писателей эпохи Рожд. Хр., для обозначенія варварскаго міра Европы, лежавшаго за рѣками Рейномъ и Дунаемъ на неопредѣленное пространство, входитъ въ употребленіе *новое названіе*, Германія, неизвѣстное исторіи Геродота²⁾). Въ перечисленіи народовъ этой Германіи, Юлій Цезарь и Тацитъ нигдѣ не упо-

¹⁾ Слав. Древн. т. I; кн. II, с. 331.

²⁾ Юлій Цезарь называетъ Галліей области, лежавшія на западъ отъ р. Рейна, а всѣ области за Рейномъ и Дунаемъ, въ неопредѣленномъ протяженіи на сѣверъ и востокъ, именуется у него общимъ именемъ Германіи. Война съ Галлами; кн. I, гл. 1; кн. II, гл. 4; кн. VI, гл. 24. Согласно съ Юліемъ Цезаремъ, Тацитъ обозначаетъ западную границу Германіи р. Рейномъ, а восточную весьма неопредѣленно: „всей Германіи, говоритъ онъ, служатъ границами: со стороны Галловъ, Ретовъ и Паннонцевъ, рѣки Рейнъ и Дунай, а со стороны Сарматовъ и Даковъ, взаимныя опасенія и горныя хребты; съ прочихъ сторонъ окружаетъ океанъ“. Германія, гл. 1. „Названіе-же Германіи, говоритъ Тацитъ, *новое и недавно примѣненное*“. Сначала этимъ именемъ назвали Римляне только одно племя, перешедшее съ праваго на лѣвый берегъ Рейна, а потомъ названіе одного народа примѣнили ко всѣмъ народамъ Германіи. Тамъ-же, гл. II. По словамъ Страбона, „Римляне справедливо назвали Германцевъ *этимъ именемъ*, желая показать, что Германцы родственны Галатамъ: на римскомъ языкѣ слово Германцы значитъ родственные“. Географія, кн. VII, гл. 1, п. 2.

минаютъ имени Скифовъ ¹⁾. Это молчаніе о Скифахъ не означаетъ отсутствіе въ Европѣ того времени народовъ скифскаго происхожденія. Потомки Авхатовъ, Катіаровъ, Траспесовъ и другихъ скифскихъ племенъ эпохи Геродота остаются въ Европѣ, занимаютъ области, принадлежавшія ихъ предкамъ, но называются у ипоземныхъ писателей новыми именами. Въ этомъ положительно убѣждаетъ насъ сопоставленіе свидѣтельствъ писателей, относящихся къ первымъ столѣтіямъ послѣ Рождества Христова.

По словамъ Тацита, „всея Германіи служатъ границами: со стороны Галловъ, Ретовъ и Панноніевъ, — рѣки Рейнъ и Дунай, а со стороны *Даковъ* и Сарматовъ, — взаимныя опасенія и горныя хребты“ ²⁾. Имя Даковъ новое, неизвѣстное Исторіи Геродота, неупоминается Тацитомъ въ его дальнѣйшемъ, подробномъ исчисленіи варварскихъ народовъ Европы; а вмѣсто Даковъ, восточными сосѣдями Германцевъ онъ называетъ Венетовъ и Певкиновъ или Бастарновъ ³⁾, народы также съ новыми именами, неизвѣстными Исторіи Геродота. Къ какому же этнографическому типу принадлежали Тацитовы Даки, Венеты и Певкины? По свидѣтельствамъ Плинія,

¹⁾ Повидимому, греческое названіе народовъ скифскаго происхожденія было неизвѣстно римскимъ писателямъ Юлію Цезарю и Тациту. Въ глубокой давности, въ эпоху Гомера, Греки называли европейскія племена скифскаго происхожденія описательными именами: Галактофагами, Гипнемолгами, Гамаксоиками, Абіями и пр. См. Геогр. Страбона; кн. VII, гл. III, п. 2—9. Эти описательныя имена съ теченіемъ времени замѣнились общимъ греческимъ именемъ — Скифы; на родинѣ-же скифскія племена называли себя „Сколотами“. По свидѣтельству Геродота, „общее всѣхъ скифскихъ племенъ названіе — Сколоты, по имени царя; *Скифами называютъ ихъ Элліны*“. Исторія; кн. IV, гл. 6. Римляне познакомились съ народами европейской Скифіи очень поздно, въ эпоху Рожд. Хр., и, не зная ихъ общихъ, древнихъ именъ, давали отдѣльнымъ племенамъ имена новыя, римскія, которыя потомъ перенесли на всѣ родственныя племена. См. пред. примѣч.

²⁾ Германія; гл. 1.

³⁾ Тамъ же, гл. 46.

области Тацитовыхъ Даковъ, Венетовъ и Певкиновъ были заняты народами скифскими. „Скифія говоритъ онъ, начинается у городка Истрополя“, лежавшаго при устьѣ Дуная, а „среди́ну Скифіи составляетъ область Коретъ“, лежавшая при устьѣ Днѣпра. Страну, лежавшую по берегу Понта, выше Тавра, и простиравшуюся на сѣверъ до истоковъ рѣки Гипана, являющуюся у позднѣйшихъ писателей (съ VI в.) областью Венетовъ-Антовъ, занимало въ эпоху Плинія, какъ и въ эпоху Геродота, „Скифское племя Авхаты“. Западными сосѣдями Авхатовъ, занимавшими область позднѣйшихъ Венетовъ-Славянъ, были „Скифы-Геты, прозванные Римлянами-Даками“, а далѣе къ западу, за Скифами-Гетами, между Дунаемъ и Геркинскимъ лѣсомъ, обитали „Скифы-Язиги“¹⁾. Страбонъ, въ общихъ опредѣленіяхъ границъ Германіи, подобно Юлію Цезарю и Тациту, включаетъ въ нее весь варварскій міръ, лежавшій за Рейномъ и Дунаемъ²⁾, а въ частномъ описаніи народовъ, тамъ обитавшихъ, всѣ области, лежавшія надъ нижнимъ теченіемъ Дуная и Понтомъ, подобно Плинію, именуетъ Скифіей³⁾. О Венетахъ Тацита и Авхатахъ Плинія Страбонъ не упоминаетъ. Въ областяхъ Венетовъ и Авхатовъ, между Дунаемъ и Днѣпромъ, Страбонъ помѣщаетъ Даковъ, Гетовъ и Тиригетовъ, называя ихъ народами скифскаго происхожденія. Издавна, по словамъ Страбона, земля Гетовъ дѣлилась на двѣ части: „въ западной половинѣ, лежащей ближе къ Германіи, обитаютъ Даки, а восточная половина, простирающаяся къ Понту и далѣе на востокъ, до земли Тиригетовъ, занята Гетами собственно“⁴⁾. „Собственно Геты и Даки, утверждаетъ далѣе географъ, говорятъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ“⁵⁾ и имѣютъ одно происхожденіе съ народами, которыхъ зпалъ Гомеръ подъ именами Галактофаговъ, Гиппемолговъ и Абіевъ, а Гезіодъ, Эсхиль, Геродотъ, Эфоръ, Эратосфенъ, Аполлodorъ и Посейдоній подъ име-

¹⁾ Hist. Nat. t. IV; cap. 11, 25.

²⁾ Географія; кн. VII, гл. I, п. 2—5; гл. II, п. 4; гл. III, п. 1.

³⁾ Тамъ же, кн. VII, гл. III, п. 2, 6 — 9, 12; гл. IV, п. 2, 3, 5 и 7.

⁴⁾ Тамъ же, VII, гл. III, п. 1 и 2.

⁵⁾ Тамъ же, п. 13.

немъ Скифовъ ¹⁾. Дальнѣйшее родство, по извѣстію Страбона, Даки имѣли съ скифскимъ племенемъ Давами, обитавшимъ подлѣ Гирканіи ²⁾.

Со времени побѣды, одержанной Филиппомъ Македонскимъ надъ Паралатами (въ 399 г. до Рожд. Хр.), господство въ областяхъ надпонтійскихъ переходитъ отъ Царскихъ Скифовъ къ Сарматамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, имя господствующаго племени нѣкоторыми писателями, какъ напримѣръ Птоломеемъ и Амміаномъ Марцеллиномъ, переносится на всѣ области, подвластныя Сарматамъ. По Птоломею, александрійскому географу, Сарматія простиралась на западъ отъ рѣки Танаиса до странъ невѣдомыхъ, океана германскаго, залива венедійскаго и горъ сарматскихъ. Въ числѣ сарматскихъ народовъ этотъ географъ именуетъ: Скифовъ-Алауновъ, Роксаланъ, Тавроскифовъ, Венетовъ, Бастарновъ; а также Ставановъ, Судиновъ, Саваровъ, Насковъ, Борусковъ и много другихъ новыхъ именъ, звучащихъ по славянски ³⁾. А. Марцеллинь, писатель эпохи такъ называемаго великаго переселенія народовъ, описывая Аланъ, птоломеевыхъ Скифовъ-Алауновъ, одно изъ многочислѣннѣйшихъ племенъ Сарматіи, характеризуетъ его этнографическими чертами, очень сходными съ характеристикой европейскихъ Скифовъ, оставленною Геродотомъ. По Марцеллину Аланы-Сарматы, а по Геродоту Скифы: скальпировали убитыхъ непріятелей и украшали скальпами узды своихъ лошадей, какъ побѣдными трофеями; не имѣли для поклоненія своимъ богамъ никакихъ кумировъ, жертвенниковъ и храмовъ, за исключеніемъ меча, воткнутого въ землю и представлявшаго собою кумиръ бога войны; не имѣли жрецовъ, но имѣли много прорицателей, гадавшихъ одинаково посредствомъ ивовыхъ прутьевъ; и т. д. ⁴⁾.

Сопоставленіе приведенныхъ свидѣтельствъ исторіи и географіи Европы первыхъ столѣтій послѣ Рождества Христова положительно доказываетъ намъ, что европейскіе Скифы не были истребле-

¹⁾ Тамъ-же, п. 1 — 4, 8, 10.

²⁾ Тамъ-же, п. 12.

³⁾ Географія, III, 5, 7.

⁴⁾ Сл. Амм. Марц. кн. VII; гл. XII; п. 2 и 3. Ист. Герод. кн. IV, гл. 59, 62, 64 и 67.

ны ни Сарматами, ни другими какими бы то ни было народами, не оставляли Европы, и до времени великаго переселенія народовъ, оставались въ тѣхъ областяхъ, какія имъ принадлежали въ эпоху Геродота; измѣнились только названія скифскихъ народовъ и областей у чужеземныхъ для Скифовъ писателей ¹⁾).

¹⁾ По вѣрному замѣчанію И. Е. Забѣлина, „Историческія изысканія принимаютъ имена за самыя народы, а потому народы появляются и исчезаютъ внезапно, какъ могутъ появляться и исчезать только на бумагѣ написанныя и зачеркнутыя имена. Выработаны сокращенныя, но почти у всѣхъ изслѣдователей одинаковыя разсужденія, въ родѣ слѣдующихъ: „вѣроятно, остатки Скифовъ были вскорѣ потомъ частію истреблены Сарматами, частію прогнаны назадъ въ Азію, частію-же, наконецъ, совершенно слились съ Сарматами“. Исчезло въ лѣтописаніи имя Роксаланъ, „можно догадываться, что однихъ изъ нихъ истребили Готы, а другихъ Гунны, а что осталось отъ того, то успѣшило соединиться съ своими родичами-Аланами“. „Аланы сѣверные, когда исчезли и куда дѣвались — неизвѣстно, а южные ушли за Гуннами или на Кавказъ“. И т. д. „Такъ всегда очищается мѣсто для появившагося вновь народнаго имени, когда исчезаетъ въ исторіи старое имя“. Чтобы выбраться изъ лабиринта загадочныхъ старыхъ и новыхъ именъ, почтенный изслѣдователь русской старины признаетъ необходимымъ „держаться крѣпко за землю, то есть, не за исторію имени, а за исторію страны, по которой время отъ времени проходили эти различныя имена. *Появленіе въ исторіи новаго имени никакъ не можетъ указывать на появленіе и исчезновеніе особыхъ народностей и указываетъ только на пережъму народныхъ именъ у писателей исторіи*“. Ист. Рус. жизни; т. I, стр. 266, 243. Но къ сожалѣнію, совершенно вѣрно признавая противною здравому смыслу теорію полного истребленія древнихъ Скифовъ Сарматами, самъ авторъ „Исторіи Русской жизни“ предложилъ гипотезу, совершенно подобную имъ отрицаемой: „При Римлянахъ, говоритъ онъ, какъ извѣстно (откуда?), *Скифы были разсыпаны* Воспорскимъ царемъ Митридатомъ Великимъ“, и этою гипотезою очищаетъ въ древней Скифіи мѣсто для Роксаланъ-Сарматъ-Славянъ. Тамъ-же, 267, 291. Эта непослѣдовательность почтеннаго изслѣдователя является прямымъ слѣдствіемъ принятой имъ, невѣрной, старой теоріи, по которой: „въ имени Скифовъ

Въ эпоху великаго переселенія народовъ, въ IV и V столѣтїяхъ, благодаря воинственнымъ дружинамъ, состоявшимъ изъ разныхъ народовъ, переходившихъ изъ одной европейской области въ другую, европейскіе народы ближе познакомились между собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ, географическія и этнографическія познанія послѣдующихъ европейскихъ писателей дѣлаются болѣе обширными и точными. Въ это время европейская лѣтопись, въ областяхъ наддунайскихъ и надпонтійскихъ, въ предѣлахъ европейской Скифіи эпохи Геродота, называетъ Славяпъ и Антовъ, новыя общія имена народовъ, „чрезвычайно многолюдныхъ и занимающихъ неизмѣримыя пространства“.

Откуда-же явились Славяне и Анты и когда они заняли области, лежащія между нижнимъ теченіемъ Дуная и нижнимъ теченіемъ Дона? Вышли-ли эти народы въ Европу изъ Азіи только въ IV и V столѣтїяхъ послѣ Рожд. Хр., въ толпѣ Гунновъ, Аваровъ и другихъ азіатскихъ инородцевъ, „какъ это утверждали многіе новѣйшіе писатели, особенно иностранные“¹⁾. Вышли-ли эти народы изъ сѣверныхъ областей Европы, когда южныя области были оставлены народами скифо-сарматскаго происхожденія, какъ это утверждаютъ историки нашего времени²⁾. Были-ли, наконецъ, Славяне и Анты стародавними обитателями южной Европы, съ незапамятнаго для

необходимо различать *два народности*, какъ показалъ и Геродотъ (гдѣ?), *кочевую и земледѣльческую*“; а далѣе онъ уже долженъ былъ согласиться и съ тѣмъ, что „*Скифъ и Сарматъ*, или, какъ писалъ Геродотъ, Савроматъ на языкѣ *древнихъ* значило *варваръ*“. Тамъ-же, 259, 267.

¹⁾ См. разборъ этого воззрѣнія въ соч. Шафарика: Слав. Др. т. I, кн. I, стр. 42, 73 и слѣд. Сл. К. Я. Грота: Моравія и Мадьяры. 1881 г. стр. 23, 35, 39.

²⁾ Шлецер. Несторъ; т. I, стр. 123. „Извѣстно, что Славяне есть новый народъ, то есть, подъ симъ названіемъ выходитъ онъ изъ скифскаго и сарматскаго хаоса не прежде какъ во второй половинѣ VI столѣтія. Отъ чего-же не ранѣе? Это изъясняется тогдашнимъ ихъ мѣстопробываніемъ и совершеннымъ недостаткомъ всякаго сообщенія южныхъ европейцевъ съ обширнымъ сѣвернымъ міромъ“. За Шлецеромъ послѣдовалъ Шафарикъ, искавшій прародину славянскихъ народовъ въ сѣверной и центральной Европѣ,

исторіи времени занимавшими припонтійскія области и называвшимися, у писателей эпохи Геродота, общимъ именемъ Скифовъ, у писателей первыхъ столѣтій послѣ Рождества Христ., общимъ именемъ Сарматовъ, а у писателей VI и послѣдующихъ столѣтій, общими именами Славянъ и Антовъ.

За рѣшеніемъ этихъ вопросовъ обращаемся снова къ источникамъ, къ свидѣтельствамъ древней исторіи, географіи и этнографіи.

Прискъ Панійскій, членъ посольства Θεодосія II къ Аттилѣ, царю Гунновъ, лично наблюдалъ населеніе областей V вѣка, лежащихъ надъ нижнимъ теченіемъ Дуная. Онъ встрѣтилъ здѣсь „туземцевъ-Скифовъ“, говорившихъ „скифскимъ языкомъ“. Этотъ скифскій языкъ, по словамъ Приска, отличался отъ языковъ Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ и Гунновъ, новыхъ „пришельцевъ отъ болотъ Меотиды“¹⁾. Сохранились только три слова этого языка: *melos*, — названіе скифскаго напитка, замѣнявшаго вино; *camon*, — названіе скифскаго напитка, приготовлявшагося изъ ячменя, и *strava*, — названіе скифской тризны, погребальнаго стола на могилѣ покойника. Слова эти до сихъ поръ существуютъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ и „не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что языкъ, который употреблялся въ Дакии половины пятаго вѣка, который Прискъ, въ отличіе отъ гунскаго, готскаго и латинскаго языковъ, называетъ скифскимъ языкомъ, былъ языкъ славянскій“²⁾. Прискъ Панійскій записалъ и нѣкоторыя другія этнографическія особенности Скифовъ Траяновой Дакии, въ V вѣкѣ признавшей надъ собою владычество Аттилы. Сравнивая эти особенности съ этнографическими чертами скифской народности, записанными Геродотомъ, историкъ П. П. Полевой пришелъ къ совершенно вѣрному заключенію: „въ Скифахъ Геродотовыхъ, говоритъ онъ, мы уже должны были отмѣ-

въ областяхъ Геродотовыхъ Вудиновъ и Невровъ. Слав. Древн.; т. I, кн. I, стр. 304 и слѣд. За Шафарикомъ послѣдовали Воцель и многіе другіе Слависты нашего времени. См. Воцеля: Древн. быт. ист. Славянъ; I, стр. 1 и слѣд.

¹⁾ См. Дестуниса: Сказанія Приска Панійскаго. 1860 г. стр. 46, 50. Ср. Гильфердинга: Собр. Сочиненій 1868 г. I, с. 5.

²⁾ См. Дринова. Заселеніе Балк. пол. Славянамн. 1873 г.; стр. 68, 69.

тить нѣсколько бытовыхъ чертъ, несомнѣнно славянскихъ; черезъ тысячу лѣтъ послѣ Геродота мы встрѣчаемъ въ разсказѣ Византіяца Приска еще болѣе опредѣлившійся типъ славянской народности 1).

1) Ист. Рос. въ памят. быта. 1879 г., стр. 95. Къ сожалѣнію, эта мысль высказана почтеннымъ авторомъ въ связи съ воззрѣніемъ на народность древнихъ Скифовъ, по нашему мнѣнію, совершенно невѣрнымъ. Уступая старымъ теоріямъ, авторъ признаетъ въ Геродотовыхъ Скифахъ какую-то, невыявленную и непонятную намъ, народную композицію, „смѣшанную народность“. „Слово Скифъ, по его мнѣнію, не являлось для Грека названіемъ племени, имѣющимъ опредѣленный этнографическій смыслъ“, и „весь сѣверо-востокъ Европы представлялся Византіяцамъ сплошь заселеннымъ Скифами“. Тамъ-же, с. 95, 99. Основаніемъ этого воззрѣнія служатъ извѣстное свидѣтельство Плінія, который, будто-бы, „прямо заявляетъ, что отъ Скифовъ сохранилось только одно имя (?), которое произвольно (?) переносится писателями отъ одного племени къ другому и придается то Германцамъ, то Сарматамъ“. Тамъ-же, стр. 94. Вотъ подлинникъ свидѣтельства Плінія: „Scytharum verum nomen usque quoque transiit in Sarmatas atque Germanos; nec aliis prisca illa duravit appellatio, quam qui extremi gentium harum, ignoti prope caeteris mortalibus, degunt“. Hist. Nat., IV, 25. Такъ какъ Германцы и Сарматы представляли собою этнографическія обособленія частей древнѣйшей скифской народности, то древнѣйшіе европейскіе писатели имѣли право называть Скифами и германскія и сарматскія племена. Извѣстіе Плінія только подтверждаетъ собою единство происхожденія, ближайшее родство между народами сѣверно европейской вѣтви индоевропейскаго происхожденія. Другое дѣло, если бы доказано было, что писателями первыхъ столѣтій до и послѣ Рожд. Хр. слово Скифъ примѣнялось къ именованію народовъ не индоевропейскихъ, напримѣръ, монгольскихъ. „И мы дѣйствительно видимъ, утверждаетъ П. П. Полевой, что у *позднѣйшихъ* писателей Византійскихъ общее названіе Скифовъ является въ значеніи *варваровъ* вообще и примѣняется къ Гуннамъ!“ Ист. Рос. въ п. быта, стр. 94. Во первыхъ, по сознанію самого автора, сказанное примѣненіе слова Скифы мы видимъ у *позднѣйшихъ* писателей, а не у древнихъ. Во вторыхъ, Гунны владычествовали надъ Скифами и преобладающимъ элементомъ въ составѣ ихъ дружинъ

Юрнандъ, писатель VI вѣка, различаетъ въ Европѣ Германію и Скифію: „Scythia siquidem, говоритъ онъ, Germaniae terrae confinis“¹⁾. Въ Скифіи Юрнандъ помѣщаетъ Дакію, какъ вѣнцомъ огражденную высокими горами, за которыми, на неизмѣримомъ пространствѣ, обиталъ многолюдный народъ Венедскій: „per immensa spatia Winidarum natio populosa consendit“²⁾. „Названіе этого народа, продолжаетъ Юрнандъ, измѣняется, по различію областей и племенъ; но преимущественно называются они Славянами и Антами. Славяне обитаютъ, начиная отъ славяно-римскаго города и озера Музіана до рѣки Днѣстра, а на сѣверъ по Вислу. Болота и лѣса служатъ имъ вмѣсто городовъ. Анты же, храбрѣйшій у нихъ народъ, занимаютъ земли надъ Понтскимъ моремъ, между Днѣстромъ и Диѣпромъ“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, описывая завоеванія Эрманрика, Юрнандъ высказываетъ: „Эрманрикъ поднялъ оружіе на Венетовъ,

былъ элементъ скифо-славянской; а слѣдовательно, позднѣйшіе писатели имѣли основаніе называть гунскія полчища Скифами. Наконецъ, въ третьихъ, если рядомъ съ Германцами, Сарматами и Славянами, названіе Скифовъ примѣнялось еще и къ Гуннамъ, то изъ этого слѣдуетъ только необходимость новаго пересмотра вопроса о народности Гунновъ. Можетъ быть Гунны такіе же Монголы, какъ Сарматы, Германцы и Славяне. Такой пересмотръ вопроса о народности Гунновъ уже предпринятъ въ ученой литературѣ Д. И. Иловайскимъ и привелъ уже высокопочтеннаго историка къ заключенію, по которому теорія монголо-татарства Гунновъ оказалась построенною только на произвольномъ толкованіи этнографіи Гунновъ, въ дѣйствительности, имѣющихъ всѣ права на званіе народа индоевропейскаго, родственнаго наиболѣе съ народностью славянскою. См. изслѣд. Д. И. Иловайскаго: „О народности Гунновъ“; „Еще о народности Гунновъ“; „Отуранствѣ въ славянской исторіи“ и др. Съ этимъ выводомъ, на Тифлисскомъ сѣздѣ археологовъ, согласился и другой нашъ высокоуважаемый историкъ, Н. И. Костомаровъ, по его заявленію, трудившійся въ молодости надъ вопросомъ о народности Гунновъ и пришедшій къ выводу, тождественному съ выводомъ Д. И. Иловайскаго. См. Протоколы V сѣзда археологовъ.

¹⁾ De Get. s. Got. orig. cap. 5.

²⁾ Тамъ-же.

которые, происходя отъ одного народа, въ настоящее время составляютъ уже три народа: *Венетовъ, Литовъ и Славянъ*. Эти народы нынѣ, за грѣхи наши, вездѣ насъ побѣждаютъ, но въ то время были подъ властію Эрманрика. Благоразуміемъ своимъ покорилъ Эрманрикъ и Эстіевъ, обитающихъ вдоль германскаго океана и поведѣвалъ народами *Скифіи* и *Германіи*, какъ своими“¹⁾.

Историкъ Феофилактъ Симоката часто употребляетъ имена Гетовъ-Скифовъ и Славянъ, какъ названія одного народа, и прямо утверждаетъ, что „название Геты есть древнѣйшее имя Славянъ“²⁾. Географъ Равенскій прямо называетъ Скифію прародиною славянскихъ народовъ³⁾.

Наконецъ, первый изъ славянскихъ лѣтописцевъ оставилъ намъ слѣдующее свидѣтельство: „Дулебы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне, а Уличи и Тиверцы сѣдаху по Днѣпру и присѣдаху къ Дунаеву, и бѣ множество ихъ, сѣдаху бо по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру оли до моря, и суть города ихъ и до сего дне; да то ся зовяху отъ Грекъ Великая Скифъ“⁴⁾. Это свидѣтельство встрѣчаемъ во всѣхъ спискахъ лѣтописнаго свода, а слѣдовательно, по всѣмъ правиламъ научной критики источниковъ, его должно признать принадлежащимъ первоначальному подлиннику. Съ другой стороны, рядъ приведенныхъ нами историческихъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ историкамъ и географамъ различныхъ странъ и историческихъ эпохъ, доказываетъ несомнѣнно, что извѣстіе русскаго лѣтописца о Скифіи — странѣ Славянъ не „выдуманно невѣжественнымъ сѣвернымъ монахомъ“⁵⁾.

Нами собраны и сопоставлены историческія и географическія

¹⁾ Тамъ-же, гл. 23.

²⁾ Феод. Ист. кн. III, сар. 4; VI, с. 6; VII, с. 2: „Γοῖς Ἡταῖς τοῦτο γάρ τοῖς βαρβάροις (τοῖς Ἑκλαβήνοις) τό πρεσβύτερον ὄνομα“. Доказательства ближайшаго родства Славянъ съ Гетами см. у Ф. Бруна: „Черноморье“. Ст. „О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами“, стр. 141 и слѣд.

³⁾ Георг. Рав.; кн. I, гл. 12: „Scytharum est patria, unde Scelavinorum exorta est prosapia“.

⁴⁾ См. списки Лаврентьевскій, Ипатскій, Троицкій, Кенигсбергскій и Густинскій.

⁵⁾ Ср. Шлец. Несторъ; I, стр. 119, 123, 213, 214, 216 и прим. 5; 423.

свѣдѣнія о припонтійскихъ областяхъ и народахъ со времени отца европейской исторіи до времени перваго славянскаго лѣтописца. На всемъ этомъ пути мы встрѣчали несомнѣнныя доказательства ближайшаго родства европейскихъ Скифовъ эпохи Геродота съ позднѣйшими Славянами. Но если такъ, если дѣйствительно европейская Скифія эпохи Геродота была прародиною славянскихъ народовъ, а Скифы того времени были прямыми предками Славянъ, то въ этнографіи Славянъ мы должны встрѣтить много общаго съ этнографическими особенностями скифской народности? Не могли-же потомки въ теченіи 1500 лѣтъ совершенно измѣнить этнографическую фізіономію своихъ предковъ? Совершенно вѣрно, а потому, обратимся къ повѣрѣя нашего историческаго вывода средствами этнографіи, сравнимъ этнографическія особенности Скифовъ и Славянъ.

Въ Исторіи Геродота мы находимъ два генеалогическихъ преданія Скифовъ. Одно изъ нихъ роднитъ европейскихъ Скифовъ съ народами индоевропейскими, Греками и Агафирсами ¹⁾; а другое явно сближаетъ Скифовъ съ позднѣйшими Славянами. Прародителями европейскихъ Скифовъ являются здѣсь верховный богъ, по имени Рагауос, и дочь рѣки Boristhenas — Днѣпра, родившіе перваго Скифа въ Европѣ, по имени Таргитая, бывшаго отцемъ трехъ сыновей—родоначальниковъ всѣхъ племенъ европейской Скифіи ²⁾. Папай въ этомъ сказаніи, верховный богъ и отецъ Скифовъ, до сихъ поръ звучитъ въ славянскомъ словѣ папа—отецъ. Прародительница Скифовъ названа у Геродота не греческимъ словомъ, такъ какъ въ греческомъ языкѣ слово boristhenas не имѣетъ никакого значенія, а конечно также словомъ туземнымъ, скифскимъ, до сихъ поръ звучащимъ въ названіи одного изъ важнѣйшихъ притоковъ Днѣпра—Березины или, по древней формѣ, Березани ³⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 20.

²⁾ Исторія; IV; гл. 5, 6.

³⁾ См. И. Е. Забѣлина: Ист. рус. жизни; т. I, стр. 223.

Для историка генеалогическія преданія не имѣютъ почти никакого значенія, такъ какъ возрѣнія первобытныхъ народовъ на ихъ происхожденіе почти всегда связаны съ мѣстными географическими урочищами, снабжающими эти народы средствами существованія. Почти всѣ народы, не знающіе пись-

Въ религіи Скифовъ и Славянъ мы находимъ очень много общаго.

По Геродоту, Скифы поклонялись огню, небу, землѣ, солнцу, лунѣ и богамъ борьбы съ природою и людьми ¹⁾. Тѣхъ-же боговъ, подъ именами *Сварои, Хорса, Дажь* — бога, *Матери сырой земли, Волоса, Перуна и Егорія храбраго*, мы встрѣчаемъ у славянскихъ народовъ позднѣйшей эпохи язычества ²⁾. Поклоненіе богамъ выражалось у Скифовъ въ жертвоприношеніяхъ, для которыхъ они не создавали храмовъ, жертвенниковъ и кумировъ,

менности, ведутъ свое происхожденіе отъ мѣстныхъ морей, рѣкъ, горъ и пр. Какъ Камчадалъ прошедшаго столѣтія былъ убѣжденъ, что Богъ Кутха создалъ перваго Камчадала на берегу рѣки Камчатки, такъ Грекъ эпохи Гомера былъ увѣренъ, что Зевсъ создалъ перваго Эллина въ землѣ Эллады, такъ Скифъ эпохи Геродота былъ убѣжденъ, что богъ Папай родилъ перваго Скифа въ области Дибъра, такъ и Германецъ воспѣвалъ бога Туиско, создавшаго перваго Германца въ глубинѣ лѣсовъ Германіи. Преданія народовъ о мѣстномъ ихъ происхожденіи любопытны для историка только въ томъ отношеніи, что указываютъ собою на давность ихъ поселенія въ данной области, по которой они уже забыли ихъ первоначальную родину. Но въ этнографическомъ отношеніи, генеалогическія преданія представляютъ собою очень цѣнный матеріалъ, потому что всегда связываются у первобытныхъ народовъ съ ихъ религіозными представленіями, сохраняются очень долго и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ завѣтъ старины, какъ мифы религіозные. А вмѣстѣ съ тѣмъ, при географическомъ, а потомъ и этнографическомъ распаденіи даннаго народа на обособленныя части, въ каждой изъ нихъ сохраняются отголоски сказаній предковъ, которые, будучи записаны исторіей, облегчаютъ позднѣйшимъ потомкамъ познать степень относительнаго родства ихъ отдаленныхъ восходящихъ и боковыхъ родственниковъ.

¹⁾ Исторія; кн. IV; гл. 59. „Скифы поклонялись Вестѣ, больше всѣхъ; а по ней, Зевсу и Геѣ, почитая Землю женою Неба; за ними, Аполлону и Небесной Афродитѣ, Ираклу и Арѣю“.

²⁾ См. Бестужева - Рюмина: Русская Исторія; 1872 года; т. I, гл. I, стр. 11 и 16.

за исключеніемъ *бога войны*, кумиръ котораго изображался въ образъ стараго желѣзнаго меча, воткнутаго на *вершинѣ холма* ¹⁾. Точно также у русскихъ Славянъ эпохи язычества *не существовало храмовъ, жертвенниковъ и кумировъ*, за исключеніемъ кумира Перуна, *бога войны, стоявшаго на холмѣ*, а богослуженіе выражалось въ *жертвоприношеніяхъ* ²⁾.

Древніе Скифы приносили *богу войны человѣческія жертвы*, а для отправления богослуженія *не имѣли спеціальнаго класса жрецовъ*. Каждый Скифъ приносилъ жертву самъ и гдѣ ему вздумалось; *общественныя жертвы приносились царями, въ общественныхъ собраніяхъ* ³⁾. Точно также, и у русскихъ Славянъ зыческой эпохи *приносились Перуну человѣческія жертвы, не было жрецовъ, а общественныя жертвы приносили „князь и люди“*. ⁴⁾.

Какъ у Скифовъ, такъ и у Славянъ, при отсутствіи класса спеціальныхъ служителей богамъ-жрецовъ, существовалъ *многочисленный классъ гадателей, знахарей, врачей, прорицаніямъ которыхъ безусловно повиновались*, а въ случаѣ неудачныхъ гаданій ихъ сожигали ⁵⁾.

¹⁾ Исторія Геродота; кн. IV, гл. 59—62. „Скифы не имѣютъ храмовъ, жертвенниковъ и кумировъ, за исключеніемъ Арея... На холмѣ водружается старый желѣзный мечъ, который и означаетъ Кумиръ Арея“.

²⁾ „Были ли у насъ храмы? Лѣтописецъ о храмахъ у Славянъ Русскихъ не упоминаетъ, и говоритъ о томъ, что идолы стояли на холмахъ: и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ“. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія; т. I, стр. 31.

³⁾ Геродотъ. Тамъ-же; 7, 59, 71 и 72. „Арею Скифы приносили въ жертву сотую часть военноплѣнныхъ непріятелей“. „Ежегодныя умиловительныя жертвы приносятся у Скифовъ царями, въ народномъ собраніи, на открытомъ воздухѣ“.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 35. „Иде Володимиръ... Киеву и творяше потребу кумирамъ съ людьми своими; и рѣша старцы и бояре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицу; на него же надеть, того зарѣжемъ богомъ“.

⁵⁾ Геродотъ; кн. VI; гл. 67 — 69. „Есть у Славянъ изъ среды ихъ врачи, имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ

Скифъ, приносящій жертву, по словамъ Геродота, „спутывалъ переднія ноги жертвеннаго животнаго и посредствомъ веревки опрокидывалъ его на бокъ“, взывая къ богу, которому приносилась жертва; потомъ, безъ огня, предвѣщаній и возліяній, онъ удавливалъ животное, „посредствомъ поворотовъ палки, вложенной въ петлю, накинутую на его шею“¹⁾. Эти способы опрокидывать и удавливать крупныхъ домашнихъ животныхъ до сихъ поръ практикуются въ Малороссіи, мѣстными крестьянами и коновалами.

Содержаніе обычаевъ изъ области уголовного и гражданскаго права, какъ древнихъ Скифовъ, такъ и Славянъ позднѣйшей эпохи язычества, намъ мало извѣстно. Но тѣмъ не менѣе, въ томъ что извѣстно, мы находимъ факты ближайшаго сродства Скифовъ и Славянъ. Такъ напримѣръ, по Геродоту: „кого скифскій царь казнить, того и дѣтей не оставляетъ въ живыхъ²⁾“; и по Русской Правдѣ: разбойникъ подвергается потопу и разграбленію *вмѣстѣ съ его дѣтьми*³⁾. По Геродоту, „при частныхъ ссорахъ, по суду царскому, послѣ судебнаго поединка, одинъ Скифъ отдавался во власть другаго, который *отрубалъ первому голову*“⁴⁾. Этотъ обычай представлялъ собою въ первобытномъ, буквальномъ значеніи то,

будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ что ни вздумается: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ, не исполнить его приказанія нельзя никоимъ образомъ“. Сказанія о Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста. Изд. Д. А. Хвольсона. 1869 г. гл. VI, п. 9, стр. 38. „Что касается до волхвовъ (у древнихъ Славянъ), говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, то это были гадатели, но никакъ не жрецы“. Рус. Ист. I, стр. 22. „У Скифовъ великое множество гадателей“. Геродотъ, IV, 67. „Когда скифскій царь занеможетъ, призываетъ къ себѣ трехъ знаменитѣйшихъ гадателей“... Тамъ-же, 68.

¹⁾ Геродотъ; IV, 60.

²⁾ Тамъ-же, 69.

³⁾ Христоматія по Ист. Рус. права. Владимірскаго-Буданова. 1872 г., стр. 43.

⁴⁾ Геродотъ; IV, 65.

что впоследствии называлось у нас „выдача головою“¹⁾. О судебномъ поединкѣ у Славянъ говорятъ древнѣйшіе памятники славянскаго права, а также Арабскій писатель X вѣка Ибнъ-Даста, по которому: „если кто изъ Руссовъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его *на судъ къ царю*, передъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, то исполняется то, что онъ рѣшитъ. Если же обѣ стороны приговоромъ царя не довольны, то по его приказанію, *должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе тотъ и одержитъ верхъ*“²⁾. По Геродоту, древніе Скифы союзный договоръ запивали виномъ, „смѣшаннымъ съ кровью договаривавшихся сторонъ“³⁾. По понятіямъ русскихъ крестьянъ, и теперь еще каждую договорную сдѣлку необходимо запить виномъ, а самая важная сдѣлка, договоръ съ чертомъ, скрѣпляется не иначе, какъ *кровью договаривающагося*.

Древніе индоевропейцы отличались особеннымъ уваженіемъ къ своимъ покойникамъ и хоронили мертвыхъ, при соблюденіи извѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ, въ отношеніи которыхъ они являются особенно консервативными; такъ какъ, по понятіямъ древнихъ народовъ, уклоненіе въ этомъ случаѣ отъ установленныхъ давностию обычаевъ и обрядовъ могло отразиться на благополучіи будущей жизни покойника и вызвать съ его стороны непріязненное отношеніе къ живымъ. Отсюда, признавая происхождение Славянъ отъ Скифовъ, мы вправѣ ожидать, что въ области погребальныхъ обычаевъ и обрядовъ Славянъ языческой эпохи мы встрѣтимъ много общаго съ такими же обычаями и обрядами древнихъ Скифовъ. И дѣйствительно, факты, состоящіе въ нашемъ распоряженіи, вполне подтверждаютъ это заключеніе.

По Геродоту, „въ могилѣ скифскаго царя погребали: одну изъ женъ покойника, его виночерпія, повара, ковшошаго, секретаря и

¹⁾ См. Д. И. Иловайскаго: Розысканія о началѣ Руси, стр. 21.

²⁾ См. Гаркави: Сказанія Русск. писателей о Славянахъ и Руссахъ; 1870 г.; стр. 269.

³⁾ Геродотъ. IV, 70.

вѣтчика“ 1). Какимъ бы „гнуснымъ и скотскимъ“ не казался этотъ обычай ученымъ нашего вѣка 2), но во всякомъ случаѣ, мы должны сознаться, что тотъ же обычай соблюдался и у Славянъ позднѣйшей эпохи язычества. „Славяне, говоритъ славянская хроника, сожигаютъ тѣла своихъ государей, а вмѣстѣ съ ними, сожигаютъ рабовъ обоюга пола, ихъ женъ и всѣхъ тѣхъ, которые находятся при особѣ государя; какъ то: секретаря, визиря, любимца и лекаря“ 3)

По Геродоту, по смерти царя обитатели скифскихъ областей, къ которымъ привозили тѣло покойника, „въ знакъ печали, *надрль-зывали себѣ уши, царапали лобъ и ноздри и прокалывали лъвую руку стрѣлами*“ 4). По свидѣтельству Ибнъ-Даста, женщины Славянъ, когда случится у нихъ покойникъ, „*царапаютъ себѣ ножеиъ руки и лица*“ 5). Въ „Житіи князя Константина Муромскаго“, между прочимъ, читаемъ: когда князь Константинъ похоронилъ тѣло усопшаго сына своего Михаила по христіанскому обычаю, то „невѣрные люди, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе; яко погребаему сушу сыну самодержцеву, князю Михаилу, во знакъ на востокъ лицомъ, а могилы вверху холмомъ не сыпаху, но ровно съ землею; ни тризница не дѣяху, ни битвы, ни *кожикроекія не творяшеса, ни лицедранія, ни плача безмирнаго; и о томъ безумніи ругахуся*“ 6).

По Геродоту, „*по истеченіи года послѣ смерти царя*“, Ски-

1) Тамъ-же, 71.

2) „Скифскіе обычаи и обряды, говоритъ Шафарикъ, были большею частью гнусны, чтобъ не сказать скотски; на примѣръ, умерщвленіе людей при похоронахъ царей“. Сл. Древ. I, II, 26.

3) См. В. В. Макушева: Сказанія иностр. о бытѣ и нравахъ Славянъ. 1861 г. стр. 141, прим. 19.

4) Геродотъ. IV, 71.

5) Хвольсона: Извѣстія Ибнъ-Даста о Слав. и Рус.; стр. 29. Гаркави: Сказ. Мус. Пис. стр. 264.

6) См. А. А. Котляревскаго: „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“. 1868 г. стр. 126. „Житіе Константина Муромскаго“, основательно говоритъ Котляревскій, „представляетъ весьма древнее, можетъ быть, современное введенію христіанства свидѣтельство о языческой погребальной старинѣ Русскихъ Славянъ“. Тамъ-же, стр. 127, 128.

фы поминали его жертвой „на мошльножъ куртань“¹⁾. По свидѣтельству Ибнъ-Даста, Славяне X вѣка, „черезъ годъ по смерти покойника“, брали кувшиновъ двадцать меду, иногда болѣе, иногда менѣе, несли ихъ „на мошльный холмъ“ и тамъ ѣли, пили и затѣмъ расходились²⁾. *Годичный поминальный столъ* славянскихъ народовъ настоящаго времени, противный духу христіанскаго ученія, едва ли не представляетъ собою также воспоминаніе или остатокъ годичной поминальной тризны скифской эпохи.

По Геродоту, ближайшіе родственники умершаго Скифа вляли тѣло его въ телѣгу и „въ теченіи сорока дней“ объѣзжали съ нимъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, угощавшихъ гостей, какъ возможно роскошнѣе, „предлагая и мертвецу то, что ѣли живые, а на сороковой день покойника хоронили“³⁾. У Русскихъ и Польскихъ крестьянъ настоящаго времени повсемѣстно распространено вѣрованіе, по которому душа покойника въ теченіи *сорока дней* не оставляетъ земли, посѣщаетъ оставленное тѣло и домъ, въ которомъ разсталась съ нимъ. Во многихъ мѣстностяхъ родные покойника выставляютъ, для души его, обыкновенно на окно, а иногда подъ образами, „на покутъ“, различныя кушанья: блины, пироги, воду, медъ и пр., въ предположеніи, что душа покойника, посѣщая въ теченіи сорока дней оставленный ею домъ, пользуется этими предметами⁴⁾. Повсемѣстно также у русскихъ крестьянъ и другихъ славянскихъ народовъ соблюдается нынѣ или практиковался до новѣйшаго времени обычай поминовенія покойника обѣденнымъ столомъ *въ сороковой день послѣ его смерти*, когда, по народнымъ вѣрованіямъ, душа, оставляя землю, окончательно улетаетъ на небо.

¹⁾ Геродотъ; IV, 72.

²⁾ Хвольсонъ; стр. 29. Гаркави; стр. 265.

³⁾ Геродотъ; IV, 73.

⁴⁾ Въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, крестьянскіе дома, живущіе по старинѣ, тщательно наблюдаютъ за ежедневною убылью жидкости въ сосудѣ, выставленномъ на окно, для утоленія жажды покойника, и, смотря по количеству убыли, заключаютъ посѣщаетъ душа оставленный ею домъ или не посѣщаетъ, а также довольна она своими родственниками или не довольна.

Скифы эпохи Геродота, по погребеніи покойника, очищались, „парились въ баняхъ“, представлявшихъ собою „деревянные палатки, обтянутые войлокомъ, которыя нагрѣвались посредствомъ воды, изливаемой на раскаленные камни; и отъ того происходилъ такой паръ, какого не могла дать ни одна ванна въ Элладѣ; Скифы восхищались такимъ паромъ и кричали отъ удовольствія“¹⁾. По словамъ начальной Русской лѣтописи, Апостолъ Андрей видѣлъ у Славянъ „бани древенны, и пережгутъ е рамяно, совлекутся и будутъ нази; и облекутся квасомъ усніянымъ; и возьмутъ на ся прутье младое и бьются сами; и того ся добьютъ, егда выльзутъ ли живы; и облекутся водою студною, тако оживутъ“²⁾. Скифы эпохи Приска Панійскаго также парились въ деревянныхъ баняхъ³⁾. Въ настоящее время у Русскихъ Славянъ, какъ въ помѣщичьихъ, такъ и въ зажиточныхъ крестьянскихъ усадьбахъ встрѣчаются „деревянные бани, въ которыхъ поддается паръ посредствомъ воды, выливаемой на раскаленные камни“, то есть, именно такимъ способомъ, о которомъ говоритъ Геродотъ въ извѣстіи о скифскихъ баняхъ.

Положительныя доказательства ближайшаго родства Славянъ съ древними Скифами мы находимъ также въ содержаніи могилъ древней Скифіи.

Наружность древнихъ Скифовъ, изображенная на сосудахъ, бляхахъ, перстняхъ, монетахъ и другихъ предметахъ, открытыхъ въ скифскихъ могилахъ, будучи несомнѣнно индоевропейскою, приближается всего болѣе къ типу славяно-русскому.

Академикъ Стефани, признанный знатокъ древностей, открытыхъ въ курганахъ южной Россіи, относящихся къ скифской эпохѣ, изучая изображенія Скифовъ на извѣстныхъ художественныхъ вазахъ, безъ всякой мысли отыскать въ нихъ признаки славянской народности, нашелъ, между прочимъ, слѣдующее: „всѣ человѣческія фигуры, помѣщенные на фризѣ серебрянной вазы, откры-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ П. С. Р. Л. I, 4.

³⁾ См. Д. С. Дестуниса: Сказанія Приска Панійскаго; стр. 50.

той И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, очевидно, изображаютъ Скифовъ. Передъ нами пять бородатыхъ мужчинъ и трое безбородыхъ юношей. Ни у одного нѣтъ шапки на головѣ, но всѣ отличаются *густыми, длинно-остриженными волосами, какіе еще и теперь точно также носятъ русскіе крестьяне и которые повторяются на множествѣ другихъ изображеній Скифовъ*. За исключеніемъ одной лишь фигуры, всѣ эти Скифы представлены въ короткихъ сапогахъ; на каждомъ изъ нихъ длинныя, широкіе шаравары, которые также какъ на изображеніяхъ Скифовъ золотой Куль-обской вазы, заткнуты за сапоги, но будучи шире и длиннѣе чѣмъ тамъ, болѣе свисли надъ ними. Известно, что *такой нарядъ еще и теперь въ употребленіи у русскихъ крестьянъ*. Верхняя часть тѣла всѣхъ фигуръ прикрыта короткимъ, тѣсно примыкающимъ къ тѣлу и опоясаннымъ кафтаномъ, который, за исключеніемъ висящихъ спереди концовъ, покроемъ своимъ напоминаетъ *казацкіи кафтанъ — казакинъ*¹⁾.

И. Е. Забѣлинъ, въ его очеркѣ „Древняя Скифія въ своихъ могилахъ“, представляющемъ собою сводъ фактовъ, относящихся къ этнографіи древнихъ Скифовъ, добытыхъ раскопками въ южной Россіи до послѣдняго десятилѣтія, высказываетъ рядъ заключеній не менѣе для насъ интересныхъ. „Простые глиняные горшки скифскихъ могилъ, говоритъ уважаемый изслѣдователь русской старины, имѣютъ весьма разнообразную форму, начиная *отъ простой нашей чашки, и доходя до кувшина или малороссійскаго глечика*; обыкновенная форма очень сходна съ *малороссійскою же моки-трою*“. „Скифы подпоясывались поясомъ ремненнымъ или состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, *собранныхъ на ремни въ чешую, другъ на друга*. Переднія полы кафтана кроились *косыками, въ родѣ фалдъ, длиннѣе одежды*. По бокамъ, *какъ у русскихъ одежда, дѣлались прорѣхи*“. „Скифская рубашка *пряталась по малороссійски въ широчайшіе шаровары*“. „*Изображенія скифскихъ царей во многомъ напоминаютъ русскую старину даже XVII вѣка*“. „На скифскихъ издѣліяхъ, относимыхъ къ IV

¹⁾ См. Отчетъ Археол. Имп. Коммисіи за 1864 г. Статья Ак. Стефани, стр. 10, 11, 15 и 16.

вѣку до Рождества Христова, мы находимъ форму травчатого узора и каемочнаго бордюрнаго украшенія, *очень извѣстную въ нашихъ русскихъ украшенияхъ, на вещахъ и въ рукописяхъ*. „Любимымъ питейнымъ сосудомъ Скифовъ была *братина, очень сходная формою съ нашею древнею братиною, и рогъ, тоже любимый сосудъ Славянъ* и на нашемъ югѣ и на славянскомъ сѣверѣ, на Балтійскомъ поморьѣ“¹⁾.

В. А. Прохоровъ, бывший профессоръ исторіи русскаго искусства въ Петербургской Академіи Художествъ, нѣсколько лѣтъ посвятившій специально собранію и сличенію древностей скифскихъ и славянскихъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Многіе изъ древнѣйшихъ памятниковъ, относящихся къ обстановкѣ быта Скифовъ, повторяются въ послѣдующихъ періодахъ жизни Славянъ вообще и въ особенности Славяно-русовъ, даже въ періодѣ христіанскомъ, гдѣ они или буквально повторяются, или имѣютъ близкое сходство и значеніе“²⁾.

Мы сопоставили характерныя этнографическія особенности Скифовъ эпохи Геродота и Славянъ позднѣйшаго времени: значеніе боговъ, способъ поклоненія богамъ, соціальныя обычаи, погребальныя обычаи, содержаніе могилъ, наружность. Во всѣхъ сферахъ этнографіи сходство между Скифами и Славянами такъ велико, что даже помимо приведенныхъ выше свидѣтельствъ древнихъ историковъ и географовъ, мы должны признать единство происхожденія этихъ народовъ. Указанную нами этнографическую близость Скифовъ и Славянъ невозможно объяснить ни единствомъ степени цивилизаціи этихъ народовъ, ни заимствованіемъ, ни случайностью, а только единствомъ бывшаго этнографическаго типа, генетическою связью потомковъ съ предками, происхожденіемъ Славянъ отъ Скифовъ.

На основаніи фактовъ, изложенныхъ въ предложенномъ изслѣдованіи, мы признаемъ себя вправѣ высказать нижеслѣдующія положенія.

¹⁾ Ист. Рус. жизни. т. I, с. 640, 642, 645—647.

²⁾ Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ. 1881 г. с. 7.

Движеніе изъ Азіи въ Европу индоевропейской народности, названной Греками скифскою, началось въ доисторическую эпоху, до времени Гомера и Гезіода, а кончилось въ VII вѣкѣ до Рождества Христова, когда на востокъ Европы были основаны двѣ скифскія державы: царство Савроматовъ, на восточной сторонѣ Дона, и царство Паралатовъ, на западной его сторонѣ. До времени Геродота племена скифскаго этнографическаго типа заняли все пространство Европы, заключенное между р. Ураломъ, Каспійскимъ моремъ, сѣвернымъ Кавказомъ, Чернымъ моремъ, Дунаемъ, Рейномъ, Балтійскимъ моремъ и пустынями, отдѣлявшими владѣнія скифскихъ племенъ отъ владѣній Андрофаговъ, Меланхленовъ, Фиссагетовъ, Иркоковъ и Аргипеевъ, народовъ не скифскаго происхожденія.

На сказанномъ пространствѣ Европы скифскія племена встрѣтили неодинаковыя условія общественной жизни, какъ географическія, такъ и этнографическія: гористыя мѣстности способствовали сохраненію вольной, разбойничьей жизни, степныя области поддерживали кочевой бытъ, а равнины, орошенныя рѣками и озерами вызывали развитіе земледѣлія; на юговостокъ скифская народность встрѣтила вліяніе ближайшаго сосѣдства Грековъ, на югозападѣ Римлянъ, на западѣ — Кельтовъ, на сѣверѣ — Финновъ. Различіе географическихъ и этнографическихъ вліяній на скифскія племена различныхъ областей, при отсутствіи между ними и политическаго единенія, съ теченіемъ времени выразилось въ различіи образа жизни, нравовъ и обычаевъ, религіи и языка этихъ племенъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ ихъ этнографическое обособленіе. Съ образованіемъ этнографическихъ различій въ средѣ племенъ скифской народности, скифскій этнографическій типъ распадается на части, выдѣляетъ изъ себя новыя народности, преобразуется въ нихъ и теряется въ этихъ новыхъ образованіяхъ. Съ распаденіемъ племенъ скифскаго этнографическаго типа на новыя народности, слово Скифы теряетъ прежній этнографическій смыслъ, обозначаетъ уже не одну, а нѣсколько народностей, хотя и родственныхъ, по происхожденію отъ одного народа — предка, но уже этнографически различныхъ. Племена каждой новой народности, въ отличіе другъ отъ друга и отъ общаго предка, называются новыми именами. Эти новыя общія народныя названія, Кимвры, Тевтоны, Германцы, Эсты, Литовцы, Даки, Венеты, Анты,

Славяне и пр., замѣняютъ собою древнее имя ихъ общаго предка, Скифовъ, теряющее опредѣленный этнографическій смыслъ и въ новой исторіи выходящее изъ употребленія ¹⁾).

Проявленіе признаковъ этнографическаго распадѣнія скифской народности, естественно, должно было выразиться ранѣе другихъ у племенъ, наиболѣе удаленныхъ отъ бывшей державы Киммеріянъ, а потомъ Паралатовъ, какъ главнаго центра скифской народности въ Европѣ.

Прежде другихъ племенъ въ средѣ скифской народности этнографически обособились племена, занявшія области между верхнимъ Дунаемъ, Рейномъ и Балтійскимъ моремъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Римлянъ, съ одной стороны, и Кельтовъ, съ другой. Въ значеніи особаго этнографическаго типа, отличнаго отъ типовъ греческаго, кельтскаго, фракійскаго и скифо-сарматскаго, эта народность появляется въ европейской исторіи сначала подъ именами Кимвровъ и Тевтоновъ, а потомъ Германцевъ. Этнографическое образованіе

¹⁾ Геродотъ уже отмѣтилъ зародышъ этнографическихъ различій въ средѣ скифскихъ племенъ, населявшихъ державу Паралатовъ и ближайшія къ ней области. Скифскія племена, занимавшія степныя, безлѣсныя области, лежавшія между Дономъ и Днѣпромъ, по сказанію Геродота, вели кочевой образъ жизни, не имѣли городовъ, перевозили жилища свои на повозкахъ, не пахали земли, ничего не сѣяли, питались мясомъ домашнихъ животныхъ, сыромъ и молокомъ, тогда какъ прибрежныя скифскія племена западныхъ областей жили осѣдло, пахали землю, сѣяли хлѣбъ, просо, чечевицу, лукъ, чеснокъ (Исторія; кн. IV, гл. 17, 18, 19 и 46). Это различіе въ образѣ жизни, съ теченіемъ времени, должно было вызвать различія въ языкѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ, домашней и общественной обстановкѣ. Приморское племя, Паралаты или Царскіе Скифы, приносили жертвы Тамимасаду—богу моря, которому не поклонялись другія скифскія племена (Тамъ-же, гл. 59). Тавры заимствовали отъ Грековъ поклоненіе Иѳигеніи, дочери Агамемнона, чуждой остальнымъ скифскимъ племенамъ. (Тамъ-же, ср. гл. 59 и 103). Сарматы, хотя и говорили языкомъ предковъ своихъ, скифскимъ, но уже съ погрѣшностями, въ слѣдствіе смѣшенія этого племени съ Амазонками (Тамъ-же, гл. 117).

Германцевъ относится ко временамъ доисторическимъ ¹⁾. Въ эпоху Рождества Христ. только племена, занимавшія мѣстности, лежавшія между центральными областями Германіи и центральными областями Галліи, Фракіи и Сарматіи соединяли въ себѣ этнографическія особенности, отличавшія народы германскаго этнографическаго типа, съ одной стороны, и сосѣднихъ этнографическихъ типовъ съ другой. Къ такимъ посредствующимъ народностямъ принадлежали, на примѣръ, на сѣверозападной границѣ Германіи племена Белговъ ²⁾,

¹⁾ Однако же еще въ первомъ вѣкѣ единство происхожденія тевтоно-германскихъ и скифо-сарматскихъ племенъ ясно сознавалось не только учеными историками того времени, но и варварами. Это видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго свидѣтельства Тацита: „*Gotinos gallica, Osos pannonica lingua coarguit non esse Germanos, et quod tributa patiuntur, partem tributorum Sarmatae, partem Quadi ut alienigenis imponunt*“. (Готиновъ гальскій, а Озовъ паннонскій языкъ уличаютъ, что они не Германцы, а также и то, что эти племена платятъ дань, наложенную на нихъ, какъ на чужеродцевъ, частію Сарматами, частію Квадами). Германія, гл. 43. По точному смыслу этого свидѣтельства Германцы и Сарматы были народами одного происхожденія, принадлежали къ одному роду, сравнительно съ родами Кельтическимъ и Фракійскимъ.

²⁾ По словамъ Юлія Цезаря: „Галлія вся дѣлится на три части: въ одной живутъ Белги, въ другой Аквитаны, а въ третьей Кельты, какъ они по своему себя называютъ, а по нашему Галлы. Эти три народа различаются другъ отъ друга нарѣчіемъ, нравами и законами. Рѣка Гаронна служитъ границею между Галлами и Аквитанами, а отъ Белговъ Галлы отдѣлены рѣками Марною и Сеною. Изъ этихъ трехъ народовъ храбростью отличаются Белги.... они самыя ближайшіе сосѣди Германцевъ, живущихъ по ту сторону Рейна, и съ ними въ постоянной войнѣ“. Зап. о гал. войнѣ; кн. I; гл. 1. Въ другомъ мѣстѣ Юлій Цезарь говоритъ о Белгахъ слѣдующее: „большая часть Белговъ германскаго происхожденія; предки ихъ давно перешли Рейнъ, поселились здѣсь, вслѣдствіе плодородія почвы, вытѣснивъ отсюда коренныхъ жителей, Галловъ. Одни Белги. изъ всѣхъ племенъ Галліи, когда, на памяти нашихъ предковъ, Кимвры и Тевто-

а на юговосточной ея границѣ племена Венетовъ, Бастарновъ и Даковъ ¹⁾).

Послѣ Германцевъ въ средѣ народности скифскаго этнографи-

ны поработили было всю Галлію, отразили ихъ съ успѣхомъ отъ своихъ предѣловъ“. Тамъ-же, кн. II; гл. 4. Страбонъ, описывая Белговъ, называетъ ихъ Кельтами, Галлами и Галатами, (Географія; кн. IV; гл. IV; п. 1—4; кн. VII; гл. I, п. 1), а объ этнографическомъ сродствѣ ихъ съ Германцами говоритъ слѣдующее: „мѣстности, расположенныя по ту сторону Рейна, за Кельтами, и отклоняющіяся къ востоку, населены Германцами, которые немногимъ отличаются отъ племени гальскаго, именно, только большею дикостью, большею рослостью и русымъ цвѣтомъ волосъ; но во всемъ прочемъ они похожи, чертами лица, характеромъ, образомъ жизни они совершенно тождественны съ Кельтами; по сему, вполне справедливо, мнѣ кажется, Римляне дали имъ названіе Германцевъ, желая показать, что Германцы родственны Галатамъ: на римскомъ языкѣ слово „германцы“ значитъ „родственные“. Тамъ-же, кн. VII; гл. 2.

¹⁾ Этими племенами историки и географы первыхъ столѣтій отводили мѣсто то между германскими племенами, то между сарматскими, то признавали ихъ особыми народами, отличными отъ Германцевъ и Сарматъ. Такъ напримѣръ, Тацитъ, упоминая въ своей Германіи о Венетахъ и Бастарнахъ или Певкинахъ, занимавшихъ области надъ нижнимъ теченіемъ Дуная, сомнѣвался куда причислить народы Венетовъ и „Певкиновъ, которыхъ называютъ и Бастарнами“, къ германскимъ племенамъ или сарматскимъ, такъ какъ эти народы соединяли въ себѣ черты германской народности и сарматской. „Впрочемъ, добавляетъ историкъ, они скорѣе могутъ быть отнесены къ Германцамъ, потому что и дома строятъ, и щиты носятъ, и любятъ ходить очень быстро; совѣмъ иное у Сарматовъ, которые живутъ въ повозкахъ и на коняхъ“. Германія; гл. 46. Точно также, Страбонъ, описывая Бастарновъ, занимавшихъ области между Дунаемъ и Днѣстромъ, затруднялся опредѣлить ихъ народность и, подобно Тациту, выразилъ предположеніе, по которому Бастарны были „вѣроятно племени германскаго“. Географія, кн. VII; гл. III; п. 17. Юлій Цезарь, описывая области германскихъ народовъ, лежавшія за рѣками Рейномъ и Дунаемъ, упоминаетъ о землѣ Даковъ, не обозначая, къ какому этнографическому типу принад-

ческаго типа обособились племена областей, лежавших на сѣверо-западъ отъ державы Парлатовъ эпохи Геродота и на сѣверо-востокъ отъ Германіи эпохи Тацита. Эти племена извѣстны въ позднѣйшей

лежалъ этотъ народъ. Зап. о гал. войнѣ; кн. VI; гл. 25. Тацитъ, обозначая границы Германіи, говоритъ слѣдующее: „всей Германіи служатъ границами: со стороны Галловъ, Ретовъ и Панноніевъ рѣки Рейнъ и Дунай, а со стороны Сарматовъ и Даковъ взаимныя опасенія и горныя хребты. Съ прочихъ сторонъ окружаетъ океанъ, образуя обширныя заливы и омывая обширныя пространства острова. Еще недавно только узнали о существованіи нѣкоторыхъ народовъ и царей: ихъ открыла война“. Германія; гл. I. Въ дальнѣйшемъ, подробномъ исчисленіи народовъ, обитавшихъ за Рейномъ и Дунаемъ, Тацитъ нигдѣ не упоминаетъ имени Даковъ; вмѣсто Даковъ, восточными сосѣдями Германцевъ, онъ называетъ сказанные выше народы Венетовъ и Певкиновъ или Бастарновъ, занимавшихъ, въ этнографическомъ отношеніи, средину между германскимъ типомъ и сарматскимъ. По свидѣтельству Плинія старшаго, области тацитовыхъ Венетовъ, Певкиновъ и Даковъ были заняты народами скифскими и сарматскими. Отъ устья Дуная къ сѣверу, говоритъ онъ, обитаютъ разныя Скифы; одни изъ нихъ Геты, названныя Римлянами Даками, а другіе Сарматы, названныя Греками Савроматами“. Естество. Ист. кн. VI; гл. 11. Страбонъ, описывая области наддунайскія, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Гетами собственно называютъ тѣхъ, поселенія которыхъ простираются къ Понту и къ востоку; а Даками тѣхъ, которые селятся въ противоположномъ направленіи къ Германіи и къ источникамъ Истра... Верхнія части рѣки Истра и тѣ, что у источниковъ, до пороговъ, назывались Дунаемъ; въ этой части рѣка течетъ преимущественно черезъ область Даковъ; нижнія части рѣки до Понта, возлѣ которыхъ обитаютъ Геты, называются Истромъ. Даки и Геты говорятъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ. Элинамъ Геты болѣе извѣстны, такъ какъ они совершали частыя переселенія по обѣ стороны Истра, при чемъ смѣшались съ Фракійцами и Мизійцами“. Географія; кн. VII; гл. III; п. 12 и 13. Сопоставленіе приведенныхъ свидѣтельствъ писателей, современниковъ ясно показываетъ, что Венеты, Бастарны или Певкины и Даки или Геты въ эпоху Рожд. Христ. составляли одну народность, занимавшую пограничныя области, лежавшія между Германіей

европейской исторіи подъ общими именами Эстовъ, Итемэстовъ и Литовцевъ, родищъ которыхъ соотвѣтствуетъ Неврида эпохи Геродота ¹⁾).

и Сарматіей, и соединявшую въ себѣ этнографическія черты германскаго типа и сарматскаго. Отсюда сама собою вытекаетъ невозможность доказать въ настоящее время принадлежность Венетовъ, Бастарновъ и Даковъ къ типу германскому, сарматскому и всякому другому, такъ какъ эти племена съ одинаковыми основаніями могутъ быть причислены къ каждому изъ нихъ. Состояніе въ современной намъ литературѣ вопроса о народности, напримѣръ, Даковъ характеризуемо проф. Ф. Бруномъ слѣдующими словами: „ученые расходятся въ мнѣніяхъ, касательно происхожденія Даковъ, признавая въ нихъ, по очереди, Германцевъ, Кельтовъ, Литовцевъ, Славянь, или причисляя ихъ къ особенной, такъ называемой „фракійской вѣтви“ индоевропейскаго племени“. Черноморье; стр. 256. Точно также Шафарикъ старался доказать ближайшее родство Бастарновъ съ Кельтами (Слав. Древ.; т. I; кн. II; стр. 195 и слѣд.), а Цейсъ съ Германцами (Die Deutschen u. s. w. 127), и, по мнѣнію проф. Дринова, „нѣмецкое происхожденіе Бастарновъ поставлено Цейсомъ внѣ всякаго сомнѣнія“ (Зас. Балк. пол. Славянами, стр. 20; прим. 85); по мнѣнію же проф. Бруна, „Цейсъ считаетъ Бастарновъ Германцами безъ основанія“. (Черноморье, стр. 244). И т. д.

¹⁾ Въ эпоху Геродота отъ державы Паралатовъ Неврида отдѣлялась озеромъ, служившимъ источникомъ Дибѣтра, а на сѣверѣ прилежала къ землѣ необитаемой. Ближайшими сосѣдями Невровъ на западѣ были Агафирсы, а на востокѣ Андрофаги. Исторія; кн. IV; гл. 17, 57 и 100. Въ первомъ вѣкѣ эта область была занята Эстами, причисленными Тацитомъ къ германскимъ народамъ. „Волны Свевскаго моря, говоритъ онъ, омываютъ земли народа Эстіевъ; обычаи ихъ и наружность свевскіе, а языкъ ближе къ британскому“. Германія; гл. 45. По свидѣтельству Юрнанда, Эсты, въ числѣ другихъ народовъ, состояли подъ властью Эрманрика: „благоразуміемъ своимъ, говоритъ онъ, покорилъ Эрманрикъ и Эстіевъ, обитающихъ вдоль пространнаго берега германскаго океана“. О началѣ Готовъ; гл. 23. „На берегу океана, говоритъ Юрнандъ, въ другой главѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ оный рѣка Висла тремя устьями изливается, обитаютъ Видіовары, смѣшанный народъ,

На востокъ Европы скифскій этнографическій типъ выдѣлялъ изъ себя народность сарматскую, извѣстную въ позднѣйшей европейской исторіи подъ общими именами Роксаланъ, Аланъ, Гунновъ, Болгаръ и Бозаръ ¹⁾).

Позже всѣхъ другихъ скифскихъ племень преобразовались въ новую народность племена центральныхъ областей европейской Скифіи эпохи Геродота, извѣстныя въ позднѣйшей европейской исторіи подъ общими именами Венетовъ, Славянъ и Антовъ. Вотъ почему Славяне, позднѣйшіе потомки Скифовъ, долѣ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ сохраняли этнографическія особенности своихъ

а за ними, берегъ океана занимаютъ Итемэсты“. Тамъ-же, гл. 5. Въ той же области Европы, гдѣ за пять вѣковъ до Рождества Христова обиталъ скифскій народъ *Невры*, гдѣ въ первомъ и шестомъ столѣтіяхъ послѣ Рожд. Хр. жили Эсты и Итемэсты, несомнѣнно литовскіе народы, тамъ и начальный славянскій лѣтописецъ, именуетъ нѣсколько литовскихъ племень, а между ними и *Нерому* или *Норову*, корень литовской народности эпохи Геродота. „А се суть иніи языци, иже дань даютъ Руси... Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова (Нерома по другимъ спискамъ), Ливь“. Ср. см. Лавр. Радз. и Троиц. Шафарикъ, предполагая въ Скифахъ Монголовъ, старался доказать, что Славяне стародавней европейской исторіи „скрывались“ подъ именами геродотовыхъ Невровъ и Вудиновъ. Доказательства въ этомъ направленіи отличаются такимъ же характеромъ, какой мы видѣли уже въ системѣ доказательствъ монгольства Скифовъ: придумана никогда не существовавшая „древнеславянская Нурская земля“, пристегнуты къ ней западно-русскія урочища, начинающіяся или оканчивающіяся слогами: нер, нар, нор, и на нихъ основана вся система. См. Слав. Древн.; т. I; кн. I; стр. 304 и слѣд.

¹⁾ Геродотъ наблюдалъ только еще діалектическое различіе въ языкѣ Скифовъ и Сарматъ. Исторія; кн. IV; гл. 21 и 107. Въ эпоху великаго переселенія народовъ Прискъ Панійскій уже сопоставляетъ языкъ сарматскаго племени Гунновъ, вышедшаго съ береговъ Дона и Азовскаго моря (Меотиды), какъ языкъ совершенно особенный, сравнительно съ языками Скифовъ, Нѣмцевъ, Грековъ и Римлянъ. *Excerpt. e Prisci Historiae*, ed. Bonn, p. 190.

предковъ. По той же причинѣ сравнительная этнографія Скифовъ времени Геродота и Славянъ позднѣйшей эпохи язычества открываетъ такъ много общаго въ ихъ наружности, домашнемъ и общественномъ бытѣ, религіи и языкѣ.

Этотъ выводъ, объясняя множество фактовъ европейской исторіи, казавшихся до сихъ поръ совершенно бессмысленными, въ то же время, открываетъ славянскому историку входъ въ богатую сокровищницу скифскихъ древностей, какъ средствъ познанія условій домашней и общественной жизни нашихъ предковъ, Праславянъ, бывший до настоящаго времени закрытымъ для славянскаго историка ложными теоріями объ азіатскомъ происхожденіи Славянъ, монгольствѣ Скифовъ и отсутствіи родственной связи между исторіей Скифовъ и исторіей Славянъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхожденіе Русскихъ Славянъ,

Рѣшеніе вопроса о происхожденіи Славянъ, предложенное нами въ предыдущей главѣ, устраняетъ безкопечные ученые споры о томъ, гдѣ жили русскіе Славяне въ эпоху Геродота. За пять вѣковъ до Рождества Христова еще нигдѣ не было народа, съ этнографическими признаками, отличающими славяно-русскую народность отъ другихъ народностей родственнаго происхожденія. Этнографическое образованіе русскихъ Славянъ совершилось послѣ Геродота въ слѣдствіе распаденія этнографическаго типа скифскихъ племенъ, составлявшихъ державу Парлатовъ, на новыя этнографическія образованія, извѣстныя въ послѣдующей европейской исторіи подъ именами народностей славянскихъ. Сумма новыхъ этнографическихъ признаковъ, сложившихся подъ вліяніемъ различія географическихъ, историческихъ и политическихъ условій жизни, отличающихъ самобытность славянскихъ народностей въ отношеніи ихъ другъ къ другу, въ то же время, отличаютъ славянскія народности и отъ Скифовъ-Праславянъ, ихъ общаго предка, по отношенію къ которому, они являются потомками, новыми народами, новыми этнографическими образованіями. Слѣдовательно, задачей изслѣдованія о происхожденіи русскихъ Славянъ можетъ быть только рѣшеніе вопроса о времени, когда началось этнографическое обособленіе части Скифовъ, извѣстныхъ въ послѣдующей европейской исторіи подъ именемъ русскихъ Славянъ и гдѣ совершилось это обособленіе.

Русскими Славянами называются племена, образовавшія въ IX и X столѣтіяхъ политическій союзъ подъ властію князей Рюрикова

дома. Въ эпоху образованія русскаго государства русскіе Славяне занимали центральныя области европейской Россіи, въ которыхъ древнѣйшими политическими центрами были слѣдующіе города: Новгородъ, Изборскъ, Бѣлоозеро, Ростовъ, Муромъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ, Любечъ, Кіевъ, Искоростѣнь и Вручій ¹⁾).

За пять вѣковъ до Рождества Христова въ центральныхъ областяхъ Россіи еще не было народовъ скифо-сарматскаго происхожденія; эти области или представляли собою въ то время необитаемая пустыня или заняты были народами не скифскаго, слѣдовательно, и не славянскаго происхожденія.

Сѣверная граница державы Царскихъ Скифовъ, славянской прародины, опредѣляется слѣдующими извѣстіями Геродота ²⁾. „Начиная отъ торжища Борисфенитовъ (Ольвіи), которое находится въ самой серединѣ приморскихъ земель всей Скифіи, первые живутъ Каллипиды, кои суть Элліны—Скифы; выше ихъ обитаетъ другой народъ, называемый Алазонами; выше Алазоновъ живутъ Скифы-оратаи; выше ихъ живутъ Невры. *Отъ Невровъ же къ сѣверу, сколько намъ извѣстно, лежитъ земля безлюдная. Сіи народы живутъ по рѣкѣ Ипанисъ (по Бугу), на западъ отъ Борисфена (Днѣпра). По ту сторону Борисфена, первая отъ моря земля есть Илея; выше оной обитаютъ Скифы-земледѣльцы, изъ которыхъ одни занимаютъ земли къ востоку на три дня пути, простираясь къ рѣкѣ Пантикапу; другіе живутъ къ сѣверу, на протяженіи одиннадцатидневнаго плаванія противъ теченія Борисфена; выше ихъ лежитъ страна большею частію пустая, за кою живутъ Андробаи, народъ особливый, отнюдь не скифскій; выше же ихъ степь совершенная и нѣтъ никакого народа, сколько намъ извѣстно. За Герромъ находятся такъ называемыя Царскія земли. Выше Цар-*

¹⁾ См. Д. Самоквасова: Древніе города Россіи. 1873 г. стр. 131 и слѣд.

²⁾ Нижеслѣдующія извѣстія Геродота мы излагаемъ текстомъ перевода Мартынова, выпуская изъ него только предложенія, не относящіяся къ географическимъ указаніямъ. Греческіе классики, перев. Иваномъ Мартыновымъ. Часть XV. кн. 19. 1827. Исторія Иродотова; кн. IV.

скихъ Скифовъ къ сѣверу, обитаютъ Меланхлены, особливый, не скифскій народъ. Выше-же Меланхленовъ болота и степи, людьми не обитаемы“¹⁾. Восточнѣе Меланхленовъ жили Вудины, скифо-сарматское племя. „Повыше Вудиновъ, къ сѣверу, сперва простирается *степь на 7 дней пути*; за степью-же, въ направленіи болѣе къ востоку, живутъ Фиссагеты, народъ многочисленный и *особый*, питающійся звѣриною ловлею, въ сихъ-же самыхъ мѣстахъ, въ смежности съ упомянутыми народами, живутъ такъ называемые Ирки, кои питаются также звѣроловствомъ“²⁾.

Въ другомъ мѣстѣ, описывая „мѣру скифской страны“, Геродотъ высказываетъ: „отъ Истра идущими во внутренность земель верхними частями Скифія отдѣляется сперва отъ Агафирсовъ, потомъ отъ Невровъ, за симъ отъ Андрофаговъ, а наконецъ, отъ Меланхленовъ. Отъ Истра до Борисфена находится разстояніе на десять дней пути, и отъ Борисфена къ Меотійскому озеру на столько-же дней; *отъ моря-же во внутренность земель къ Меланхленамъ, живущимъ выше Скифовъ, находится 20 дней пути*. Путь дневной у меня равняется 200 стадій. И такъ, поперечные бока Скифіи содержатъ въ себѣ 4000 стадій, и прямыя, идущія во внутренность земель, заключаютъ въ себѣ столько-же“³⁾. Слѣдовательно, сѣверная граница скифскихъ владѣній въ эпоху Геродота, во всякомъ случаѣ, лежала ниже областей, принадлежавшихъ въ позднѣйшее время Древлянамъ, Полянѣмъ, Сѣверянамъ, Дреговичамъ, Радимичамъ, Вятичамъ, Кривичамъ и Славянамъ Новгородскимъ, простиралась не далѣе рѣки Роси на западной сторонѣ Днѣпра и не далѣе рѣки Сулы на восточной его сторонѣ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же; кн. IV; гл. 17, 18 и 20.

²⁾ Тамъ-же, гл. 22.

³⁾ Тамъ-же, гл. 100 и 101.

⁴⁾ Профессоръ Ф. Брунъ, въ его „Картъ геродотовой Скифіи“, ограничиваетъ сѣверные предѣлы Скифіи такъ, что нынѣшній городъ Никополь, Екатеринославской губерніи, является лежащимъ на самой границѣ владѣній Скифовъ и Меланхленовъ. Древ. Герод. Скифіи; вып. II, прилож. И. Е. Забѣлявъ, наоборотъ, уже слишкомъ отодвигаетъ сѣверную границу Геродотовой Скифіи. „Вверхъ, къ сѣверу, говорить онъ, Скифія простира-

Когда же скифскія племена, образовавшія славяно-русскую народность, оставили ихъ прародину въ южной Россіи и заняли ея центральныя области? Иначе сказать, когда племена Царской Скифіи, Скифы-Праславяне, разъединились географически и политически и, подъ вліяніемъ различія географическихъ, историческихъ и политическихъ условій общественной жизни, образовали новые этнографическіе типы, представляемые новѣйшими славянскими народностями? Для рѣшенія этого вопроса намъ необходимо познакомиться съ политическими событіями и этническимъ движеніемъ въ предѣлахъ европейской Скифіи со времени Геродота до времени паденія царства Гетовъ или Даковъ, разрушеннаго Римлянами.

Мы уже знаемъ, что за пять вѣковъ до Рожд. Христ. всѣ племена Царской Скифіи, за исключеніемъ Грековъ и Греко-Скифовъ, имѣли одинъ языкъ, одну религію, одинаковые нравы и обычаи, одинаковую домашнюю и общественную обстановку, представляли собою одно цѣлое въ этнографическомъ отношеніи, составляли одну народность ¹⁾. Этнографическое единство поддерживалось единеніемъ политическимъ.

Политическое единеніе скифскихъ племенъ, подъ властію Паралатовъ, длилось съ третьей четверти седьмага вѣка по четвертый вѣкъ до Рождества Христова. Это время составляетъ эпоху высшаго процвѣтанія скифской народности, къ которому относятся самыя богатая изъ могилъ скифскихъ царей, открытыхъ по настоящее время въ южной Россіи ²⁾. Довольствуясь умѣренною данью, Паралаты

лась на 20 дней пути, слѣдовательно, слишкомъ на 600 верстъ, нѣсколько подалше теперешнихъ городовъ Чернигова, Курска и Воронежа, гдѣ обитали Меланхлены или Черные Кафтаны“. *Исторія Рус. Жизни*; т. I, стр. 218. Въ предѣлахъ Черниговской, Курской, Минской, Могилевской, Орловской, Смоленской, Московской, Новгородской и другихъ центральныхъ губерній, въ которыхъ произведены были археологическія раскопки, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не было найдено ни одной могилы, по устройству и содержанію, сходной съ могилами скифскими южной Россіи.

¹⁾ См. выше, гл. I; стр. 29—31.

²⁾ Сюда относятся Чертомлыцкій курганъ, Александро-

защищали подвластных имъ племена отъ полудикихъ сосѣднихъ народовъ и тѣмъ вызвали развитіе мирныхъ, земледѣльческихъ и торговыхъ занятій ¹⁾). Опираясь на свою силу, Царскіе Скифы свободно позволяли Грекамъ селиться въ предѣлахъ Скифіи, и при посредствѣ греческихъ колоній, пользовались плодами высшей цивилизаціи своего времени ²⁾). Такимъ образомъ, сравнительно въ короткое время европейскіе Скифы достигли высшей степени культуры, возможной у народа, незнающаго письменности ³⁾).

польскій курганъ или Луговая могила, Краснокутская, Кульобская и др.

¹⁾ Страбонъ говоритъ о Скифахъ-номадахъ: „передавши во владѣніе землю тѣмъ, которые желаютъ ее обрабатывать, они предпочитаютъ получать за нее извѣстную, умѣренную, условную плату, и то не для обогащенія, но чтобы удовлетворить только необходимыя, ежедневныя потребности; если-же арендаторы не выдаютъ имъ этой платы, они начинаютъ съ ними войну“. Географія; кн. VII, гл. IV, п. 6. Геродотъ, перечисливъ сѣверныхъ сосѣдей Скифовъ, добавляетъ: „о сихъ народахъ многое извѣстно, такъ какъ посѣщаютъ ихъ нѣкоторые изъ Скифовъ, отъ коихъ не трудно получить о нихъ свѣдѣнія, а также и нѣкоторые изъ Грековъ, какъ изъ торжища Борисфенитянъ, такъ и изъ другихъ торжищъ понтійскихъ. Скифы, посѣщающіе эти народы, производятъ съ ними дѣла посредствомъ семи переводчиковъ, на семи языкахъ“. Исторія; кн. IV, гл. 24.

²⁾ Въ предѣлахъ Скифіи Геродотъ упоминаетъ слѣдующія греческія колоніи или города-торжища: Тирасъ, при устьѣ Днѣстра; торжище Борисфенитянъ или Ольвію, на правомъ берегу Бугскаго лимана, гдѣ нынѣ урочище Сто могилъ, близъ с. Парутина (Ильинское тожъ); Каркинитъ, на берегу Каркинитскаго залива; Босфоръ - Пантикапею, на мѣстѣ нынѣшней Керчи; Кримны, на берегу Азовскаго моря. Тамъ-же, гл. 17, 20, 51, 99 и 100.

³⁾ Геродотъ, сравнивая Скифовъ съ сѣверными ихъ сосѣдами, Андрофагами, Меланхленами, Фиссагетами и другими народами, не скифскаго происхожденія, говоритъ слѣдующее: „страна надъ Понтомъ Евксинскимъ представляетъ народы самыя непросвѣщенные, *исключая народъ скифскій*; мы не мо-

Съ IV вѣка до Рождества Христова нарушается мирное развитіе общественной жизни въ предѣлахъ славянской прародины. Начинается этническое движеніе въ припонтійскихъ областяхъ, первое изъ записанныхъ исторією великихъ переселеній народовъ въ предѣлахъ варварскаго міра Европы, имѣвшее своими послѣдствіями: паденіе державы Паралатовъ; географическое и политическое соединеніе народовъ различныхъ этнографическихъ типовъ, въ однихъ областяхъ, а въ другихъ, географическое и политическое разобщеніе народовъ одного этнографическаго типа, вызвавшее образованіе новыхъ народовъ. Колонисты, оставляя прародину, въ новыхъ родинахъ развиваютъ этнографическія особенности своего племени, которыя въ послѣдующей исторіи отличаютъ ихъ, какъ отъ предковъ, такъ и отъ родственныхъ колонистовъ другихъ областей: старый этнографическій типъ преобразуется въ новыя народности.

Первый и смертельный ударъ державѣ Паралатовъ былъ нанесенъ въ 399 году Филиппомъ Македонскимъ, который, посредствомъ обмана, побѣдилъ скифскаго царя, старика Атея, и захватилъ въ плѣнъ двадцать тысячъ скифскихъ женщинъ и дѣтей ¹⁾). Этимъ пораженіемъ Паралатовъ была иорвана преграда, въ теченіи трехъ столѣтій сдерживавшая движеніе варварскихъ народовъ съ востока на западъ. Потокѣмъ хлынули въ предѣлы Царской Скифіи кочевыя сарматскія племена, обитатели областей, лежавшихъ между Дономъ, Азовскимъ моремъ, сѣвернымъ Кавказомъ, Каспійскимъ моремъ и Волгою.

Разъ начавшееся народное движеніе, подобно стихійной силѣ, останавливается тотъ-же у естественныхъ преградъ и ему равносиль-

жемъ указать тамъ ни одного народа, *кроме скифскаго*, мудростію извѣстнаго“. Тамъ-же, гл. 46. По словамъ Страбона: „Анахарсисъ, Абарисъ и нѣкоторые другіе Скифы пользовались среди Эллиновъ большимъ почетѣмъ, ибо они владѣли высокою степенью того, что можно назвать характеристическими доблестями ихъ націи: любезностью, простотою, справедливостію“. Географія; кн. VII; гл. III; п. 8.

¹⁾ Географія Страбона; кн. VII, гл. III, п. 18. См. Мюлленгофа: „Geten“, въ „Allg. Encykl. v. Ersch u. Gruber“; t. 64, s. 452.

ныхъ, встрѣчныхъ народныхъ движеній; а такую силу сарматское движеніе встрѣтило только на западной границѣ Царской Скифіи, въ областяхъ придунайскихъ, въ лицѣ римскихъ легионовъ, временно приостановившихъ движеніе скифо-сарматскихъ народовъ съ востока на западъ и давшихъ ему другое направленіе.

По словамъ Діодора Сицилійскаго, Савроматы, чрезмѣрно размножившіеся и усилившіеся въ областяхъ задонскихъ, большую часть Скифіи опустошили и многія племена подчинили своей власти ¹⁾.

Въ эпоху Митридата Великаго мы встрѣчаемъ сарматское племя Роксалановъ господствующимъ уже въ областяхъ между Дюномъ и Днѣпромъ и дѣйствующимъ въ союзѣ съ Палакомъ, сыномъ Скилура, царя Скифовъ таврическихъ ²⁾. Съ паденіемъ Митридата, Сарматы переходятъ на западную сторону Днѣпра и дѣлятъ со Скифами всѣ области бывшей державы Парлатовъ ³⁾. Во второмъ

¹⁾ „*Sauromatae multis post annis numero et viribus aucti, magnam Scythiae partem devastarunt, et omnibus, quos debellaverant, intereccione sublatis, maximam regionis partem desolaverunt*“. Diod. Sic. II, 43.

²⁾ „Бастарны-Роксаланы, говоритъ Страбонъ, населяютъ равнины между Танаидой и Борисфеномъ... Роксаланы, подъ предводительствомъ Тасія воевали противъ полководцевъ Митридата Евпатора; и, не смотря на то, что вступили въ союзъ съ Палакомъ, сыномъ Скилура, и выказали себя народомъ воинственнымъ, противъ стройной и хорошо вооруженной фаланги, всякое варварское войско оказывалось слабымъ, слишкомъ легко вооруженнымъ, и Роксаланы, которыхъ было около 50 тысячъ, не могли устоять противъ 6 тысячъ, выстроенныхъ подъ предводительствомъ Діофана, полководца Митридатова, и большая часть войска ихъ погибла“. „Митридатъ послалъ войско въ Херсонъ и въ то же время началъ войну со Скифами, состоявшими подъ предводительствомъ Скилура, сына его Палака и братьевъ“. Географія; кн. VII; гл. III, п. 17; гл. IV, п. 3.

³⁾ По свидѣтельству Пливія Старшаго, въ его время Скифія начиналась ниже устья Дуная, у городка Истрополя и была обитаема народами скифо-сарматскаго происхожденія, носившими различныя названія. „Скифы, обитающіе къ сѣверу отъ городка Истрополя, въ прибрежныхъ областяхъ,

вѣтъ до Рождества Христова сарматскія племена, подъ именами Бастарповъ, Роксаланъ и Язиговъ, соединяются съ туземными, скифскими племенами наддунайскихъ областей, Гетами или Даками, и образуютъ обширный политическій союзъ, подъ именемъ царства Гетовъ или Даковъ ¹⁾. Образование этого царства сопровождалось слѣдующими обстоятельствами.

Послѣ паденія главенства Паралатовъ, низвергнутаго Филиппомъ Македонскимъ, племена „древней Скифiи“, лежавшей между нижними теченiями Дуная и Днѣстра ²⁾, получили политиче-

называются Гетами. а у Римлянъ Даками; другiе называются у Римлянъ Сарматами, а у Грековъ Савроматами; къ нимъ же принадлежатъ Аланы и Роксаланы; вверхъ-же по Дунаю, между Дунаемъ и Герцинскимъ лѣсомъ, обитаютъ Язиги-Сарматы, отдѣленные отъ Паннонiи лѣсомъ и горами; Херсонесомъ владѣютъ Таврскiе Скифы и Сираки; отъ Тавра по берегу внутрь обитаютъ Авхаты“; и т. д. Естеств. Ист. кн. IV; гл. 2, 11 и 12. По свидѣтельствамъ Страбона, въ предѣлахъ Скифiи-Сарматiи, лежавшей между нижними теченiями Дуная и Дона, обитали слѣдующiя скифо-сарматскiя племена: Даки, Геты, Тиригеты, Сарматы-Язиги, Сарматы-Бастарны, Сарматы-Базилiи, Сарматы-Урги и Сарматы-Роксалане. Географiя; кн. VII; гл. III; п. 2, 9—17.

¹⁾ „Подобному смѣшенiю подверглось и Фракiйское племя Трибалловъ, которые также вынуждены были совершить переселенiя, будучи вытѣсняемы изъ своихъ мѣстъ жительства болѣе сильными сосѣдями, именно Скифами, Бастарнами и Савроматами изъ за Истра. Усилившись тогда до такой степени, что могли выслать войско въ 200 тысячъ человекъ, Геты и Даки въ настоящее время могутъ выставить только 40 тысячъ и недалеко отъ совершеннаго покоренiя Римлянами“. Географiя; кн. VII; гл. III, п. 13.

²⁾ Область *древней Скифiи*, въ противоположность *новой Скифiи*, основанной Паралатами, опредѣляется слѣдующими историческими свидѣтельствами. Геродотъ *древнею Скифiею* называетъ западную половину державы Паралатовъ, опредѣляя ее слѣдующими словами: „передъ скифскою землею лежитъ Фракiя. Скифiя начинается тамъ, гдѣ оканчивается заливъ, прилежащiй къ Фракiи. Рѣка Истръ протекаетъ черезъ Скифiю и устье ея обращено къ востоку. Я означу мѣру скифской страны, отъ Истра простирающей по морю.

скую самостоятельность: Александръ Македонскій предпринималъ

Непосредственно *отъ Истра къ югу* лежитъ древняя Скифія, и простирается къ городу, называемому *Каркинитисъ*“. Истор.; IV, 99. По словамъ Арріана, въ западной части древней Скифіи, ниже Дуная, находились греческія колоніи: Месемврія, Одессосъ и Анхіяль; *Ρεγίρlus P. Euxin*; въ Geogr. graeci *πίπορες*; ed. Diélot, 400. Кромѣ Дуная и Днѣпра, древнюю Скифію орошали рѣки Ипанисъ, Тирасъ и пять притоковъ Истра: Пиретосъ (по скифски Пората), Арагосъ, Напарисъ, Ордиссосъ и Тиарантосъ. Геродотъ; IV, 48. Въ эпоху Геродота, области древней Скифіи были заняты осѣдлыми племенами, скифскаго происхожденія, размѣщенными, въ направленіи съ востока на западъ въ слѣдующемъ порядкѣ: по Днѣпру жили Борисфениты и Илейцы; по Бугу: Каллипиды, Алазоны и Скифы-пахари; по Днѣстру — Тириты или Тиригеты; по Дунаю и его притокамъ — Геты. Какъ пограничное скифское племя, Геты подверглись нападенію полчищъ Дарія, царя Персидскаго, при переходѣ его изъ Фракіи въ области державы Паралатовъ. Но побѣдивъ придунайскихъ Гетовъ, Дарій чуть было не погибъ со всѣмъ войскомъ своимъ въ степной, безводной области Гетовъ, лежавшей между Дунаемъ и Днѣстромъ. Ту-же участь испыталъ царь фракійскій Лизимахъ, предпринявшій походъ противъ Гетовъ, въ области, лежавшія между Дунаемъ и Днѣстромъ. По свидѣтельству Страбона: „между Понтійскимъ моремъ и Гетами, отъ Истра до Тиры, лежитъ пустынная часть земли Гетовъ, представляющая огромную безводную равнину, на которой Дарій, сынъ Гистаспа, принужденъ былъ терпѣть голодъ во время перехода черезъ Истръ въ область Скифовъ, когда онъ рисковалъ погибнуть отъ голода со всѣмъ войскомъ; понявши хоть и поздно всю затруднительность своего положенія, онъ повернулъ назадъ. Впослѣдствіи Лизимахъ, *отправившись въ походъ противъ Гетовъ и царя ихъ Дромихетъ*, не только подвергся той-же опасности, но даже взятъ былъ живымъ въ плѣнъ; однако и онъ спасся, нашедши въ Дромихетѣ добродушнаго варвара“. Географія; кн. VII; гл. III, п. 14. На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ, мы признаемъ произвольнымъ и противорѣчающимъ подлинной исторіи слѣдующее предположеніе профессора Бруна: „Во времена Геродота Геты еще не обитали на сѣверной сторонѣ Дуная. Поэтому, кажется, что жилища Алазоновъ и Каллипидовъ простирались не только до Тираса, но находились также между

походъ противъ Гетовъ, какъ народа самостоятельнаго ¹⁾.

По смерти Александра Македонскаго, фракійскій царь Лизимахъ, предпринявъ намѣреніе покорить Гетовъ, переправился черезъ Дунай въ 292 году; но со всѣмъ войскомъ своимъ былъ взятъ въ плѣнъ гетскимъ царемъ Дромихетомъ. „Царь Гетовъ Дромихетъ, показавши Лизимаху бѣдность свою, и вмѣстѣ съ тѣмъ довольство, посовѣтовалъ Лизимаху съ такими не воевать, но исцѣлить себѣ

эту рѣкою и Истромъ“. Древн. Герод. Скифія; в. II; Статья Ф. Бруна; с. XLIII. Области Каллиподовъ и Алазоновъ точно обозначены Геродотомъ: „Эти народы, говоритъ онъ, живутъ по рѣкѣ Ипанисѣ“. Исторія; кн. IV, 17.

¹⁾ По сказанію Арріана, Александръ, преслѣдуя фракійское племя Трибалловъ, бѣжавшихъ съ царемъ своимъ Сирмомъ на островъ Певки, достигъ южнаго берега Дуная и рѣшился завладѣть областью Гетовъ, обитавшихъ на сѣверномъ берегу Дуная. Геты, числомъ около 4000 конницы и болѣе 10000 пѣхоты, заняли позицію предъ худо построеннымъ городомъ, лежавшимъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега рѣки. Македоняне, пользуясь ночью темнотою, переправились черезъ рѣку, въ количествѣ 1500 всадниковъ и 4000 человекъ пѣхоты, и неожиданно явились передъ городомъ, въ стройномъ порядкѣ, подъ личнымъ начальствомъ царя. Геты, пораженные смѣлостью Александра, бросились въ городъ, и видя, что непріятель ихъ преслѣдуетъ, бѣжали далѣе внутрь страны, взявъ съ собою столько женъ и дѣтей, сколько лошади могли нести. Царь вошелъ въ городъ Гетовъ, разрушилъ его, отправилъ добычу въ Македонію и принесъ благодарственные жертвы богамъ на берегу Дуная. „Александръ не имѣлъ намѣренія раздвинуть предѣлы своихъ владѣній до степей, лежавшихъ къ сѣверу отъ Дуная. Съ тѣхъ поръ, какъ Геты узнали на опытъ могущество Македонянъ, широкая рѣка составляла надежную границу; въ сосѣдствѣ же не было другого народа, отъ котораго можно было ожидать сопротивленія. Означивъ сказанными жертвоприношеніями предѣлы своихъ предпріятій къ сѣверу, царь Македонскій въ тотъ-же день возвратился въ станъ свой, на правомъ берегу рѣки, изъ похода, который не стоилъ ему ни одного человека“. Послѣ столь быстро и удачнаго предпріятія свободные народы областей праваго берега Дуная снѣжили покориться македонскому царю. Arrian; Exр. Alex.; I; 2—4. Страбонъ; VII; III, 8.

въ нихъ друзей. Сказавши это, онъ гостеприимно обошелся съ плѣнникомъ, заключилъ съ нимъ дружбу и освободилъ“¹⁾).

Лишь только миновала опасность, грозившая Гетамъ со стороны государствъ Македонянъ и Одризовъ, рушившихся по смерти своихъ основателей, какъ въ границамъ древней Скифіи придвинулись новые враги, сначала иллирійское племя—Автаріаты, а потомъ кельтическое племя—Скордиски. Автаріаты покорили воинственное племя Трибалловъ, занимавшихъ область ниже Дуная на протяжении 15 дней пути, и подчинили себѣ прочихъ фракійцевъ и иллирійцевъ. Скордиски остановили Автаріатовъ на пути завоеваній, „распространили свое владычество до самыхъ границъ *иллирійскихъ, неопскихъ и фракійскихъ*; овладѣли также большимъ количествомъ лежащихъ на *Истрийскихъ островахъ*“²⁾. Завоевательный путь Скордисковъ былъ остановленъ Римлянами, покорившими ихъ своей власти²⁾).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ исторія ясно видно, что до римскаго завоеванія западныхъ областей древней Скифіи, эти области были обитаемы только народами скифскаго происхожденія. О Германцахъ до времени Маркоманской войны исторія припонтійскихъ областей не упоминаетъ, а завоеванія и переселенія Македонянъ, Фракійцевъ, Иллирійцевъ и Кельтовъ никогда не распространялись на области, лежавшія между нижнимъ теченіемъ Дуная и нижнимъ теченіемъ Дона. Завоеванія и переселенія Кельтовъ, подобно завоеваніямъ и переселеніямъ Македонянъ, Фракійцевъ и Иллирійцевъ, ограничивались только областями, лежавшими въ предѣлахъ Македоніи, Фракіи, Иллиріи и Панноніи. Слѣдовательно, Кельты, подобно Македонянамъ, Фракіяцамъ и Иллиріяцамъ, не могли имѣть того значенія въ славянской исторіи, какое предавали имъ Маннертъ, Суровецкій, Шафарикъ и другіе ученые, предполагавшіе въ Кельтахъ—Волоховъ русскаго лѣтописца, вызвавшихъ извѣстное движеніе славянскихъ племенъ въ центральныя области Европы³⁾).

¹⁾ Страбонъ; тамъ-же, п. 8, 14.

²⁾ Страбонъ; тамъ-же, IV, 12 и 13.

³⁾ Сл. Ф. Вруна: „Опытъ соглаш“ и пр., „въ Древ. Герод. Скифіи“; с. LIII. Его-же; „Черноморье“; с. 265. М. Дринова: „Засел. Балк. пол. Славянами“; 19, 66 и слѣд.

Послѣ паденія главенства Паралатовъ, племена древней Скифіи, получивъ политическую независимость, въ виду сказанныхъ опасностей, грозившихъ съ юга и запада, вынуждены были соединить свои силы въ общемъ политическомъ союзѣ. Мы не знаемъ, кому принадлежала инициатива этого союза; но знаемъ тотъ приемъ, посредствомъ котораго первые цари Гетовъ подчинили своей власти отдѣльныя племена, соединили ихъ въ одно государство и доставили этому государству прочность и могущество. Этотъ приемъ, мирнымъ путемъ, безъ кровопролитія, возвышалъ царя надъ подвластными народами до степени божества, давалъ волѣ царя значеніе воли боговъ, которой никто не смѣлъ противиться ¹⁾).

Во второмъ вѣкѣ до Рождества Христова царство Гетовъ усиливается союзомъ съ родственными скифо-сарматскими племенами, передвинувшимися въ предѣлы древней Скифіи подъ именами Бастарновъ, Роксаланъ и Язиговъ ²⁾. Съ этого времени царство Гетовъ

¹⁾ По свидѣтельству Страбона, „какой то Геть, по имени Замолксій, служилъ рабомъ у Пифагора. Онъ почерпнулъ отъ философа нѣкоторыя свѣдѣнія объ астрономіи, пополненныя имъ въ Египтѣ, куда онъ попалъ послѣ долгихъ блужданій. Воротившись въ отечество, Замолксій пользовался большимъ почетомъ у вельможъ и всѣхъ соотечественниковъ, такъ какъ могъ предсказывать по звѣздамъ, и въ концѣ концовъ достигъ того, что убѣдилъ царя взять его въ соучастники правленія, какъ могущаго возвѣщать волю боговъ. Сначала онъ былъ назначенъ только жрецомъ наиболѣе почитаемаго у нихъ бога; но потомъ самъ былъ принятъ за бога и, удалившись въ недоступную для другихъ мѣстность, проводилъ тамъ подвижническую жизнь, рѣдко сообщаясь съ людьми, исключая царя и слугъ; царь совѣщался съ нимъ, видя, что *народъ повинуется ему теперь гораздо охотнѣе, чѣмъ прежде, какъ человеку, который составляетъ свои опредѣленія по совѣту самыхъ боговъ. Этотъ обычай длится до нашего времени, такъ какъ и теперь у Гетовъ всегда есть какой нибудь совѣтникъ царя, считающійся богомъ*“. Географія, VII, III, 5.

²⁾ Шафарикъ, безъ всякихъ доказательствъ, причислилъ Бастарновъ къ народамъ кельтическимъ (Слав. Древн. I, кн. II, стр. 195), а Гатгереръ и Цейсъ къ германскимъ (Die Deutschen etc., 61). По мнѣнію Дринова, доказательства Цейса

выдвигаетъ въ области Фракіи, Римской имперіи и Германіи военныя, скифо-сарматскія дружины, подъ именами Скифовъ, Сарматовъ, Бастарновъ, Роксаланъ, Язиговъ, Гетовъ и Даковъ ¹⁾).

Въ половинѣ перваго вѣка до Рождества Христова скифское

„поставили нѣмецкое происхождение Бастарновъ, кажется, внѣ всякаго сомнѣнія“ (Засел. Бал. пол. Слав., 20), а по мнѣнію Бруна, „Цейсъ считаетъ Бастарновъ Германцами безъ всякаго основанія“. (Черноморье, 244). Совершенно произвольно также слѣдующее положеніе Дринова: „сначала II вѣка до Рожд. Христ., когда нѣмецкое племя Бастарновъ (?) появляется на нижнемъ Дунаѣ, между устьемъ его и Карпатами, о Гетахъ, основавшихъ тамъ довольно значительное государство, исчезаетъ всякая память изъ исторіи, и весьма близко къ истинѣ домыслъ Мюлленгофа, что они были смяты этимъ форпостомъ нѣмецкихъ племенъ“. (Тамъ-же, 20). Насколько это положеніе противорѣчитъ всѣмъ даннымъ подлинной исторіи Гетовъ см. въ статьѣ профессора Бруна: О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами. (Черноморье, с. 241 и слѣд.), а также изслѣдованіе Рёслера: Romän. Stud., s. 52 und v.

¹⁾ По свидѣтельству Страбона: „Геты и Даки говорятъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ. Эллинамъ Геты болѣе извѣстны, такъ какъ они совершали частыя переселенія по обѣ стороны Истра, при чемъ смѣшались съ Фракійцами и Мизійцами. Подобному смѣшенію подверглося и фракійское племя Трибалловъ, которые также вынуждены были совершить переселенія, будучи вытѣснены изъ своихъ мѣстъ жительства болѣе сильными соседями, имено Скифами, Бастарнами и Савроматами изъ за Истра. Усилившись тогда до такой степени, что могли выслать войско въ 200 тысячъ человекъ, Геты и Даки въ настоящее время могутъ выставить только 40 тысячъ и недалеко отъ совершеннаго покоренія Римлянами“. Географія, VII, III, 13. Въ этомъ свидѣтельствѣ Геты, Даки, Скифы, Сарматы и Бастарны прямо сопоставляются, какъ народы тождественныя. По свидѣтельству Тацита: „Роксаланъ, племени сарматскаго, въ предшествовавшую зиму истребившіе двѣ когорты, сдѣлали новое вторженіе въ Мидію“. Ист. Записки; кн. I, гл. 49. Язиги Дакии, называвшіеся Метанастами — переселенцами, въ договорѣ съ Римлянами, требовали для себя безпрепятственнаго сношенія съ родственными имъ Роксаланами. Діопъ Кассій; LXXI.

царство Гетовъ достигло высшей степени могущества. Въ это время царь Гетовъ Бербиста, пользуясь услугами прорицателя Декеней, выдававшего свои предсказанія за повелѣнія боговъ, принудилъ подвластные ему племена къ постоянному труду, воздержанію отъ пьянства и безусловному повиновенію законамъ. Пользуясь абсолютною властію, Бербиста въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ образовалъ обширное государство, покоривъ много сосѣднихъ народовъ. Перешедши Дунай, онъ опустошилъ Фракію до границъ Македоніи и Иллиріи, разбилъ Кельтовъ, соединившихся съ Фракійцами и Иллирійцами, а Боевъ и Таврисковъ уничтожилъ въ конецъ. „Даже для Римлянъ онъ дѣлался страшнымъ“¹⁾. Римъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ завоевательныхъ успѣховъ гетскаго царства и столкновеніе Римлянъ съ Гетами было неизбѣжнымъ.

Результатомъ борьбы Гетовъ съ Римлянами было превращеніе царства Гетовъ въ римскую провинцію, названную Римлянами Даکیей и заключающую въ себѣ всѣ области, лежавшія между Тиссою и Днѣстромъ, Дунаемъ и сѣвернымъ хребтомъ Карпатскихъ горъ²⁾.

1) Страбонъ; VII; III, 11.

2) Главнѣйшіе моменты паденія царства Гетовъ были слѣдующіе. Уже Юлій Цезарь предполагалъ походъ противъ Гетовъ и заготовилъ для него стотысячное войско, но походъ не состоялся, влѣдствіе смерти Цезаря. Предположеніе Юлія приведено въ исполненіе Августомъ. Элій Каттъ, побѣдивъ Гетовъ, принудилъ 50 тысячъ плѣнниковъ переселиться съ сѣвернаго на южный берегъ Дуная. Другой побѣдитель царей дакійскихъ, Тиб. Пл. Сильванъ, заставилъ 100 тысячъ плѣнныхъ Гетовъ переселиться съ лѣваго берега Дуная въ Мизію. При Домиціанѣ счастье войны склоняется на сторону Гетовъ и царь ихъ Децебаль принуждаетъ императора заключить съ Гетами постыдный для Имперіи миръ. Императоръ Траянъ, послѣ огромныхъ приготовленій, направляетъ противъ Гетовъ три отряда, изъ коихъ одинъ состоялъ подъ личнымъ его начальствомъ. Отрядъ, состоявшій подъ предводительствомъ К. Лузія, овладѣлъ дакійскою столицею и Децебаль, послѣ многихъ поражений, наконецъ, долженъ былъ смириться. Въ столицѣ Гетовъ оставленъ римскій гарнизонъ и императоръ съ триумфомъ возвратился въ Римъ. По удаленіи Траяна, Деце-

Римляне, укрѣпляя за собою завоеванныя владѣнія, а особенно, оказавшія имъ упорное сопротивленіе, переселяли, уводили въ неволю и истребляли мужественную, лучшую часть населенія, а въ замѣнъ его, переводили въ завоеванныя провинціи населеніе изъ другихъ областей имперіи ¹⁾. Эта жестокая система, несомнѣнно, была примѣнена и къ провинціи Дакии, стоявшей Риму большихъ усилій и потерь.

Результатомъ завоеванія римлянами древней Скифіи, царства Гетовъ или Даковъ, было движеніе племенъ скифо-сарматскаго происхожденія изъ областей придунайскихъ въ центральныя области Европы ²⁾.

Гдѣ же остановились скифо-сармато-гето-дакійскія племена, оставившія свою родину въ эпоху римскаго владычества въ Дакии, выселившіяся за предѣлы Скифіи эпохи Геродота?

Въ виду сопоставленныхъ нами историческихъ свидѣтельствъ, невозможно сомнѣваться въ томъ, что сказанныя племена, оставивъ свою прародину, заняли свободныя земли, отдѣлявшія въ эпоху Геродота племена европейской Скифіи отъ племенъ германскаго и финскаго происхожденія; перешли въ центральныя области

балъ начинаетъ новыя враждебныя дѣйствія противъ Римлянъ и заставляеть римскаго императора спѣшить обратно къ Дунаю. При помощи подкупа Язиговъ, Буровъ и другихъ варварскихъ сосѣдей Гетовъ, Траянъ окончательно покорилъ царство Гетовъ и обратилъ его въ римскую провинцію, подъ именемъ Дакии, увѣковѣчивъ это событіе знаменитою колонною, воздвигнутою въ Римѣ. См. Рёслера: *Romän. Stud.* 30 u f. Ф. Бруна: *Черноморье*, стр. 245 и слѣд.

¹⁾ См. пред. прим. Ср. Т. Liv. p. XLV, 34. Plutar. in Aem. Paul. 270. Страбонъ; кн. IV, гл. VI, п. 7; VII, V, 7. Mannert: *Germania*, s. 501—505.

²⁾ По свидѣтельствамъ древнихъ историковъ, въ эпоху господства Римлянъ въ Дакии многія племена оставили свою родину и выселились за Карпатскія горы, откуда въ третьемъ и четвертомъ столѣтіяхъ возвратились только нѣкоторыя изъ нихъ, въ союзъ съ германскими племенами, чтобы уничтожить самый Римъ. Dio Cass. I, 72 и 73. LI, 22. LXIII, 13, 14 и 30. Eutr. VIII, 3, 6. Flor. III, 4.

Европы и поселились по рѣкамъ Вислѣ и ея притокамъ, верхнему и среднему теченію Дуѣпра съ его притоками, по Окѣ, зап. Двинѣ и Волхову. Скифо-сарматскія или гето-дакійскія колоніи въ центральныхъ областяхъ Европы являются извѣстными позднѣйшей европейской исторіи подъ общимъ именемъ Славянъ.

Иорнадъ, нѣмецкій писатель VI вѣка, описывая варварскій міръ средней Европы, дѣлитъ его на двѣ части, Германію и Скифію, и помѣщаетъ въ послѣдней народы славянскіе. „Съ Германіей, говоритъ онъ, граничитъ Скифія... Къ Дунаю прилежитъ Дація, какъ вѣнцомъ огражденная высокими горами, за лѣвою стороною которыхъ, къ сѣверу обращенною, и отъ вершинъ рѣки Вислы, на неизмѣримомъ пространствѣ, живетъ многолюдный народъ — Винды. Названіе этого народа нынѣ измѣняется, по различію племенъ и мѣстъ жителства, но преимущественно называются они Славянами и Антами“ 1).

1) Подлинный текстъ этого свидѣтельства: Scythia siquidem, Germaniae terrae confinis... Introrsus illi Dacia est, ad coronae speciem arduis alpebus emunita, juxta quorum sinistrum latus, quod in Aquilonem vergit, et ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia Winidarum natio populosa sondedit. Quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Slavini et Antes nominantur. Slavini a civitate nova, Slavino—Bumunense, et lacu, qui appellatur Musianus... De Got. orig.; с. 5. Сл. Шафарика: Слав. Др.; т. II; кн. III. Прил., стр. 30 и 31. Шлецера: Несторъ; т. I, с. 440. Приведенное свидѣтельство Шафарикъ переводитъ слѣдующими словами: „За Дунаемъ лежитъ Дація, огражденная какъ вѣнцомъ высокими горами, по лѣвой, къ сѣверу обращенной, сторонѣ коихъ, начиная отъ самыхъ вершинъ Вислы, живетъ, на неизмѣримомъ пространствѣ, многолюдный народъ Винды. Хотя имена ихъ и измѣняются теперь, по различію родовъ и жилищъ, однако они большею частью называются Славянами и Антами“. Тамъ-же, т. I; кн. I; ст. 113. То же свидѣтельство въ переводѣ Шлецера является въ слѣдующемъ видѣ: „Къ нему (Дунаю) прилежитъ Дація, на подобіе короны, высокими горами огражденная; лѣвая отрасль ея горъ подается на сѣверъ, и отъ вершины рѣки Вислы простирается на безмѣрное пространство, будучи населяема многочисленнымъ народомъ Венедскимъ. Названіе сего народа,

По свидѣтельству византійскаго писателя Прокопія, современника Юрианда, „всѣ славянскіе народы (сuncti Sclavenorum populi) свободно пропустили черезъ свои земли“ племя Геруловъ, перешедшее въ концѣ V вѣка съ лѣваго берега Дуная на Балтійское поморье, къ Варнамъ ¹⁾.

Древнѣйшая славянская лѣтопись застаётъ славянскія народности уже разселенными по всему теченію Вислы съ ея притоками, по среднему и верхнему теченію Днѣпра и его притокамъ, по западной Двинѣ, на озерѣ Ильменѣ и на берегахъ Оки ²⁾.

Сказаніе древнѣйшаго русскаго лѣтописца о порядкѣ расселенія Славянъ въ Европѣ мы признаемъ необходимымъ привести здѣсь во всей полнотѣ, такъ какъ его свидѣтельства представляютъ собою главное основаніе славяно-русской исторіи. Мы увидимъ, что сказанія русскаго лѣтописца о славянской прародинѣ и времени расселенія славянскихъ народовъ въ центральныхъ областяхъ Европы совершенно согласны съ фактами исторіи, этнографіи и архео-

хотя нынѣ и измѣняется, смотря по различнымъ поколѣніямъ и мѣстамъ, но преимущественно называются они Склавины и Антами. Склавины обитаютъ, начиная отъ новаго и Славина-румунскаго города, и отъ озера, называемаго Музіаномъ...“ Шлец. Несторъ; т. I. стр. 127. Но и въ такомъ видѣ свидѣтельство Юрианда не нравилось Шлецеру. Объявивъ его „классическимъ“ и „первоначальнымъ историческимъ извѣстіемъ о Славянахъ“, которымъ будто бы начинается исторія нашихъ предковъ (тамъ-же, стр. 123 и 126), Шлецеръ къ приведенному переводу, послѣ слова *Музіаномъ*, дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „*сіе точное означеніе границъ, какъ и многое другое, содѣлалось отъ переписчиковъ невразумительнымъ*. Гебгарди на стр. 308 приводитъ шесть совершенно различныхъ изъясненій Миллера, Бюшинга, Тунмана и пр. (седьмое доставляетъ Керпеличъ). Всѣ натянуты; но *вѣроятнѣйшее* есть самого Гебгардія, который *сїи названія* отыскиваетъ *въ Валахіи*“. Тамъ-же; стр. 127; примѣчаніе. Можетъ ли быть сколько нибудь вѣроятнымъ мнѣніе писателя, ограничившаго предѣлами Валахіи области Славянъ, по свидѣтельству лѣтописца простиравшіяся на сѣверъ отъ Карпатскихъ горъ и вершинъ р. Вислы.

¹⁾ См. Стриттера: Изв. Визан. истор.; I; ч. 2; стр. 24.

²⁾ П. С. Р. Л.; I; стр. 3 и 5.

логіи, сохранившимися въ сказаніяхъ писателей классическихъ, древнѣйшихъ средневѣковыхъ и въ нѣдрахъ древнеславянской земли.

Древнѣйшій русскій лѣтописный сводъ начинается сказаніемъ Византійской хроники (Георгія Амартола) о раздѣленіи земли между сыновьями Ноя, вавилонскомъ столпотвореніи и раздѣленіи потомковъ Ноя на семьдесятъ два языка или народа. „Отъ сихъ же 70 и 2 языку, прибавляетъ русскій лѣтописецъ, бысть языкъ Словенскъ, отъ племени Афетова — Нарци, еже суть Словъни“¹⁾.

¹⁾ Сп. Лаврентьевскій. Это свидѣтельство Шлецеръ перевелъ такъ: „между сими 72 народами былъ и славянскій народъ, также племени Афетова, называемый *Норики*, кои суть Славяне,“ а въ примѣчаніи, добавилъ слѣдующее: „въ Ипат. Патр. и Ник. *Норци*, *Норцы*; въ Пол.—*Норъцы*; въ шести спискахъ *Инорици* (*И* приставлено сюда отъ предшествовавшего слова нарицаеміи); а въ Радз. даже *Иновѣрци*! Слѣдственно, переписчики не знали, что имъ дѣлать съ симъ словомъ, да и я не больше ихъ знаю. Разумѣются ли подъ симъ *Норици* (ибо такъ, кажется, надобно читать), народъ, извѣстный во времена Римлянъ, обитавшій на правой сторонѣ отъ рѣки Инна до Каленберга, слѣдственно, въ нынѣшней Баваріи и собственной Австріи. Павелъ Діаконъ (III, гл 29) называетъ ихъ въ свое время *Vaioariorum populum*, и назначаетъ имъ границы, на С. Дунай, на Ю. Италію, на В. Паннонію, а на З. Швабію (?!). Хотя же теперь сіи *Норики* окружены съ С. и Ю. стороны Славянами, но въ нихъ самихъ не примѣтно ничего славянскаго. Отъ чего же *Несторъ* говоритъ о *сихъ Норикахъ* такъ торжественно, какъ будто предпочитая ихъ прочимъ, послѣ упоминаемымъ, особеннымъ племенамъ, какъ будто *это было общее и даже древнѣйшее названіе великаго народа?* Правда, было время, въ которое Норикія причислялась къ великой Иллиріи; нѣкоторые полагаютъ, что будто всѣ Славяне произошли изъ Иллиріи; но то время продолжалось не долго, а послѣднее предположеніе слишкомъ ново, не говоря уже того, что несправедливость онаго доказана“. Шлец. *Несторъ*; I, с. 130, 131. Приведенное разсужденіе Шлецера, какъ и множество ему подобныхъ, показываетъ, съ какимъ неуваженіемъ относился этотъ нѣмецкій ученый къ памятникамъ славянской исторіи. Прикрываясь громкими фразами о требованіяхъ ученой критики источниковъ, онъ въ дѣйствительности обращался съ текстами историческихъ свидѣтельствъ совершенно произвольно. Замѣ-

Спустя же много времени послѣ того, продолжаетъ лѣтописецъ, поселились Славяне по Дунаю, гдѣ нынѣ Угорская земля

нивѣ въ первомъ слогѣ народнаго имени букву *а* буквою *о*, раздѣливъ оба слога вставкою буквы *и*, а во второмъ слогѣ замѣнивъ букву *ц* буквою *к*, онъ превратилъ Нарцевъ древнѣйшаго списка лѣтописи въ ничтожное пріальпійское племя не имѣвшее никакого значенія въ европейской исторіи. И не смотря на такое нахальное искаженіе исторической правды (по которому будто бы „Несторъ говоритъ о сихъ Норикахъ,“ прикрытое скромнымъ выраженіемъ: „я не болѣе знаю переписчиковъ,“ испортившихъ Нестора, и, льстивымъ замѣчаніемъ о происхожденіи отъ Нориковъ „великаго народа“), выводъ Шлецера о Норикахъ, какъ предкахъ Славянъ, повторяется всеми нѣмецкими историками новѣйшаго времени, тракующими объ исторіи Славянъ. „*Норики* времени Римлянъ“ не потому только не могли быть предкомъ великаго народа, что представляли собою ничтожное племя, не имѣвшее никакого значенія въ европейской исторіи, а потому, что они не были *Нарцами*. Подлинникъ русской лѣтописи называетъ *Нарцами* предковъ Славянъ, одинъ изъ 72 народовъ, по мнѣнію лѣтописца, извѣстный уже въ эпоху вавилонскаго столпотворенія, жившій за много вѣковъ до времени поселенія Славянъ на Дунаѣ, въ областяхъ позднѣйшихъ Угорской земли и Болгарской, а не въ предѣлахъ области Нориковъ. „*Отъ сихъ-же*, говоритъ лѣтописецъ, *70 и 2 языку бысть языкъ словенскъ, отъ племени Афетова Нарци, еже суть Словѣне. По мнозпхъ-же времянехъ сѣли суть Словѣни по Дуаневи, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска.*“ Не придавая важнаго значенія созвучіямъ народныхъ именъ, мы однако же признаемъ себя не вправѣ умолчать о нижеслѣдующемъ сопоставленіи, по нашему мнѣнію, имѣющемъ несравненно болѣе основаніе, нежели сопоставленіе Шлецера. Древнѣйшимъ общимъ названіемъ всѣхъ племенъ скифскаго этнографическаго типа было Анареи или Енареи „*Енагезъ* есть чисто персидское слово отъ корня—*паг*—*мужъ*“ (Слав. Древн. т. I, кн. II, гл. 29); тотъ-же индоевропейскій корень и въ названіи предка Славянъ—*Нарци*, гдѣ окончаніе *ци* имѣетъ то же значеніе, какъ въ словахъ хлоп-ци, брат-ци и т. д.; слѣдовательно, Нарци=мужья, народъ. Этотъ выводъ вполне согласуется и со всеми фактами древней исторіи, географіи и этнографіи, приведенными нами въ первой главѣ, доказывающими ближайшее родство Славянъ со Скифами, а слѣд., и Енареями.

и Болгарская ¹⁾. *Отъ этихъ Славянъ* вышли Славяне въ другія земли, гдѣ назвались различными именами: поселившіеся на рѣкѣ Моравѣ назвались Моравами, а другіе Чехами; къ нимъ же принадлежатъ бѣлые Хорваты, Сербы и Хорутане ²⁾. *Когда же Волохи покорили Славянъ придунайскихъ*, поселились между ними и стали притѣснять ихъ, то часть Славянъ выселилась на Вислу и прозвалась тамъ Ляхами; *а изъ этихъ Ляховъ*, одни назвались Полянами, другіе Лутичами, иные Мазовшанами, иные Поморянами. *Такіе же Славяне* поселились по Днѣпру и назвались Полянами, а иные Древянами, такъ какъ поселились въ лѣсахъ. Часть Славянъ заняла страну между Припетью и Двиною и назвалась Дреговичами. Славяне также поселились на Двинѣ, гдѣ назвались Полочанами, именемъ рѣки Полоты, впадающей въ Двину. Славяне же, поселившіеся около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, сдѣлали городъ и назвали его Новгородомъ. Славяне также поселились по Деснѣ, по Семи, по Сулѣ и назвались Сѣверянами. Такъ разошелся славянскій народъ, отъ котораго и грамота получила названіе славянской ³⁾.

¹⁾ „Было время, говорить Шлецеръ, когда земля между Днѣстромъ и лѣвымъ берегомъ Дуная, принадлежала къ Булгарскому царству, а именно эту землю опредѣляетъ Горнадъ жилищемъ Антоу, втораго славянскаго главнаго поколѣнія“. Шлец. Несторъ, I, 133. Слѣдовательно, прародинѣ славянскихъ народовъ, по русскому лѣтописцу, соотвѣтствуетъ не „Норикія времени Римлянъ“, лежавшая на правомъ берегу Дуная, вблизи Адриатическаго моря, а области древней Скифіи того времени, царство Гетовъ или Даковъ, занимавшее все пространство между Днѣстромъ, лѣвымъ берегомъ Дуная, Тисою и Карпатскими горами.

²⁾ „По многимъ же временнымъ сѣли суть Словѣни по Дунаеву, *идъ естъ нынѣ Угорьска земля и Болгарска. Отъ тыхъ Словѣнъ* розидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣкѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни: Хровате Бѣли, и Серебъ, и Хорутане“. П. С. Р. Л.; т. I; стр. 3.

³⁾ „Волохомъ бо нашедшемъ на Словѣни, на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насалящемъ ихъ, Словѣни же ови, пришедши,

Въ другомъ мѣстѣ, въ извѣстїи о княженїяхъ славяно-русскихъ, лѣтописецъ говоритъ, что по смерти кїевскихъ князей, Кїя, Щека и Хорива, родъ ихъ княжилъ у Полянъ, а у Древлянъ было свое княженїе, у Дреговичей свое, у Славянъ одно въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, у Полочанъ; отъ нихъ же произошли и Кривичи, поселившїеся въ верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у которыхъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ же и Сѣверяне ¹⁾).

Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ, къ приведеннымъ извѣстїямъ о расселенїи Славянъ въ Европѣ лѣтописецъ прибавляетъ слѣдующее свидѣтельство: Радимичи и Вятичи происходятъ отъ Ляховъ. Были два брата въ Ляхахъ—Радимъ и Вятко; одинъ, пришедши, поселился на Сожѣ, отъ него прозвались Радимичи, а другой поселился съ родомъ своимъ на Окѣ, отъ него прозвались Вятичи ²⁾. „Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Воляныне, а Уличи и Тиверцы *сѣдяху по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру, и прсѣдяху къ Дунаеви;*

сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзїи Лутичи, ини Мозовшане, ини Поморяне. *Такоже и ти Словѣне* пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзїи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзїи сѣдоша межю Прицетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; инїи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сего прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ; а друзїи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣнскїй языкъ; тѣмже и грамота прозвася Словѣнская“. Тамъ-же, стр. 3.

¹⁾ „И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ Княжене въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги, и наверхъ Двины, и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи; таже Сѣверъ отъ нихъ“. Тамъ же; т. I, стр. 5.

²⁾ „Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо два брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другїй Вятко; и пришедъша сѣдоша, Радимъ на Сѣжю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи“. Тамъ-же; т. I, стр. 5.

и бѣ множество ихъ, съѣдуху бо по *Днѣстру*, по *Бузу* и по *Днѣпру* оми до моря; и суть города ихъ и до сего дие; *да то ся зовяху отъ Грекъ Великая Скифь*¹⁾.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ ясно видно, что древнѣйшій русскій лѣтописецъ различалъ двѣ эпохи славянской колонизаціи въ предѣлахъ Европы: древнѣйшую, до нашествія Волоховъ на Славянъ дунайскихъ, и позднѣйшую, послѣ этого нашествія. Къ первой эпохѣ относятся извѣстія лѣтописца о славянскихъ племенахъ, занимавшихъ области древней Скифіи, между нижнимъ теченіемъ Дуная и нижнимъ теченіемъ Днѣпра; въ эту эпоху Славяне были извѣстны древнимъ Грекамъ подъ общимъ именемъ Скифовъ; ко второй эпохѣ славянской колонизаціи въ Европѣ относятся извѣстія лѣтописца о движеніи Славянъ изъ прародины ихъ, вслѣдствіе натиска Волоховъ, въ центральныя области Европы, гдѣ они, по различію мѣстъ поселенія, получили новыя имена, то есть, извѣстія о Ляхахъ, Полянахъ, Древлянахъ, Дреговичахъ, Славянахъ новгородскихъ, Радимичахъ, Вятичахъ, Полочанахъ, Кривичахъ смоленскихъ и Сѣверянахъ.

Въ изученіи приведенныхъ свидѣтельствъ древнѣйшаго русскаго лѣтописца о прародинѣ и расселеніи славянскихъ народовъ, главнѣйшею задачею науки является рѣшеніе вопроса о народности Волоховъ, такъ какъ его рѣшеніемъ точно опредѣляется время расселенія Славянъ изъ областей древней Скифіи въ центральныя области Европы и начало исторіи отдѣльных, намъ современныхъ, славянскихъ народовъ. Въ нашемъ распоряженіи состоитъ рядъ историческихъ фактовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что подъ Волохами, потѣснившими Славянъ на Дунаѣ, русскій лѣтописецъ разумѣлъ Римлянъ эпохи завоеванія Дакіи. Но предъ изложеніемъ фактовъ этого рода мы признаемъ необходимымъ остановиться на отношеніи исторической литературы настоящаго времени къ сказаніямъ начальной русской лѣтописи по интересующему насъ вопросу.

До времени Шлецера русскіе историки не сомнѣвались въ стародавнемъ пребываніи Славянъ въ южной Европѣ и подъ Волохами

¹⁾ См. списки Лаврентьевскій, Ипатскій, Троицкій, Кенигсбергскій и Густинскій.

русскаго лѣтописца, потѣснившими Славянъ на Дунаѣ, разумѣли Римлянъ эпохи императора Траяна. Только со времени Шлецера этотъ вопросъ теряетъ ясность, запутывается, приходитъ въ то хаотическое состояніе, въ какомъ находится и въ настоящее время. Населяя Германцами всѣ области древней Европы, лежавшія между Дономъ, Чернымъ моремъ, Дунаемъ, Рейномъ и Балтійскимъ моремъ, Шлецеръ и его послѣдователи, всѣми неправдами, старались доказать, что исторія варварскаго міра Европы до времени великаго переселенія народовъ принадлежитъ однимъ Германцамъ, а Славяне того времени скрывались гдѣ-то, въ неизвѣстныхъ областяхъ, на сѣверѣ и востокѣ, откуда переселялись въ южную Европу только въ V и VI столѣтіяхъ послѣ Рождества Христова, когда придунайскія и припонтійскія области были оставлены германскими народами. Предоставляя Германцамъ важную роль въ древней исторіи Европы, а роль Славянъ сводя въ ней до нуля, шлецеровская школа всѣми средствами старается исказить и заподозрить истинный смыслъ свидѣтельствъ древнихъ памятниковъ, а между ними, и сказанія перваго славянскаго лѣтописца ¹⁾.

1) Шлецеръ, въ своемъ „Несторѣ“, выписавъ сказаніе лѣтописца о славянской прародинѣ, предлагаетъ разсужденіе о „происхожденіи Славянъ“, которое начинается слѣдующими словами: „происхожденію Руссовъ должно естественнымъ образомъ предшествовать происхожденіе Славенъ, какъ родъ предшествуетъ виду. Гдѣ-же они начинаются? Несторъ изслѣдовалъ и то и другое. Я начинаю здѣсь славенскимъ происхожденіемъ, и 1) *попытаюсь очистить настоящія слова Кіевскаго монаха отъ множества ошибокъ*, дабы узнать, что онъ дѣйствительно говорилъ и разумѣлъ; 2) объяснить его и испытать справедливо ли онъ разумѣлъ? Имѣетъ ли то, о чемъ онъ говоритъ, внутренніе или внѣшніе признаки истины, или не стоитъ того, чтобы его принять“? (Несторъ; I, 119). Результатомъ очистки словъ кіевскаго монаха, предложенной Шлецеромъ, было слѣдующее: „Все, что до сихъ поръ Татищевъ, Ломоносовъ и Щербатовъ собрали вообще о Славенахъ, съ прибавленіемъ Скифовъ, Сарматовъ и многихъ другихъ, совсѣмъ не принадлежащихъ къ нимъ народовъ, и поставили въ предисловіяхъ къ своимъ Русскимъ исторіямъ, совершенно бесполезно для

Провѣряя по источникамъ теорію отрицанія старобытности Славянъ въ предѣлахъ древней Скифіи и исключительнаго господства Германцевъ въ припонтійскихъ и придунайскихъ областяхъ съ I-го по VI столѣтія послѣ Рождества Христова, мы находимъ ее лишешною всякихъ основаній. Съ другой стороны, сравнивая воззрѣнія историковъ нѣмецкой школы прошедшаго столѣтія съ воззрѣніями историковъ нашего времени, принадлежащихъ къ тому же направлению, мы встрѣчаемъ въ нихъ полнѣйшее отсутствіе прогресса

настоящаго историка“ (стр. 120). „Извѣстно, что *Славяне есть новый народъ*, то есть подъ симъ названіемъ выходитъ онъ изъ скифскаго и сарматскаго хаоса не прежде какъ во второй половинѣ VI столѣтія. Отъ чего же не ранѣе? Это изъясняется *тогдашнимъ ихъ мѣстопребываніемъ и совершеннымъ недостаткомъ всякаго сообщенія южныхъ европейцевъ съ обширнымъ сѣвернымъ міромъ*“ (стр. 124). „Исторія сего отъѣнно важнаго народа, чтобы быть полною, должна раздѣлиться на четыре части: 1) *Древніе Славяне, тамъ, гдѣ они въ исторіи прежде всего появляются подъ своимъ названіемъ (?)*. 2) *Южные Славяне*. Не прежде какъ въ VI столѣтіи начинаютъ они переходить за Дунай. Неоспоримо, что *они переселились позже всѣхъ, ибо можно показать земли, изъ коихъ они перешли, и причины ихъ переселенія (?)*. 3) *Сѣверные Славяне* въ Польшѣ и Россіи, гдѣ они впослѣдствіи времени производятъ важнѣйшія свои дѣла. 4) *Сѣверо-западные или германскіе Славяне*, во всей восточной части Германіи. Германскихъ Славенъ подробно описали *нѣмецкіе историки*, только не могли еще до сихъ поръ согласиться въ томъ, первыми ли они были жителями сей земли, или только заняли *мѣста Германцевъ, вышедшихъ во время народныхъ переселеній*“ (стр. 124 и 125). „То, что говорятъ Юрнандъ и Прокопій о древнихъ Славянахъ, составляетъ все, что до сихъ поръ, выключая Нестора, знаемъ мы о времени, въ которое они сдѣлались *извѣстными*“ (стр. 126). Всѣ эти положенія, какъ и множество имъ подобныхъ, высказаны Шлецеромъ совершенно голословно, безъ всякой аргументаціи, и представляютъ собою такую путаницу, такой хаосъ историческихъ понятій, на который мы указываемъ только потому, что и въ наше время онъ находитъ послѣдователей и пропагандистовъ не только между нѣмецкими, но и между славянскими историками, вѣрящими Шлецеру на слово.

Вся система основана только на произвольномъ толкованіи и отрицаніи историческихъ свидѣтельствъ, на выраженіи гипотезъ въ формѣ признанныхъ или доказанныхъ наукою положеній и на высокомѣрномъ отношеніи къ ученымъ трудамъ противнаго направленія, доказывающимъ старобытность Славянъ въ южной Европѣ, какъ бы ни были въ нихъ очевидны добросовѣстность изслѣдованія, глубокая эрудиція и положительные результаты научнаго труда. При полномъ незнакомствѣ съ источниками познанія древнеславянской исторіи, авторы сочиненій Шлецеровскаго направленія безконечно „предполагаютъ, признаютъ и утверждаютъ“, ссылаясь не на документальные источники по древне-славянской исторіи, а на разсужденія своихъ предшественниковъ, въ которыхъ находимъ такіе же ссылки на авторовъ болѣе древнихъ, до родоначальниковъ нѣмецкаго направленія, Байера, Гебгарди, Шлецера и другихъ нѣмецкихъ патріотовъ XVIII столѣтія, изучавшихъ славянскія лѣтописи, не зная славянскихъ языковъ. При такихъ условіяхъ, отрицаніе со стороны славянскихъ историковъ нашего времени главнѣйшихъ средствъ познанія древнеславянской исторіи, отсутствіе стремленія къ самостоятельной разработкѣ древнѣйшаго періода исторіи нашихъ предковъ и повтореніе голословныхъ патріотическихъ гипотезъ нѣмецкихъ историковъ прошедшаго столѣтія, въ значеніи положеній, доказанныхъ въ наукѣ, представляютъ собою явленія удивительныя, непонятныя ¹⁾.

¹⁾ См. Д. Самоквасова: *Исторія Рус. права*; вып. I, гл. I, стр. 6—17; гл. II, стр. 82—92; также соотв. тексту примѣчанія. Въ новѣйшей литературѣ образцовымъ представителемъ сочиненій нѣмецкаго направленія, отводящаго древнимъ Германцамъ громадныя пространства южной и центральной Европы, а Славянъ помѣщающаго въ неизвѣстныхъ областяхъ сѣвера и востока, можетъ служить книга профессора К. Я. Грота, подъ заглавіемъ: „*Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка*“. Спб. 1881 г. Въ очеркѣ „*исторической судьбы дунайской территоріи и этническихъ на ней переворотовъ*“, авторъ представляетъ намъ ясное и систематическое повтореніе идей историковъ шлецеровской школы.

Слѣдуя завѣтамъ Шлецера, К. Я. Гротъ не упоминаетъ о Скифахъ и Славянахъ въ исторіи припонтійскихъ и приду-

Благо бы еще теорія господства Германцевъ въ исторіи варварскаго міра Европы первыхъ столѣтій удовлетворяла насъ въ логическомъ отношеніи и что нибудь объясняла въ исторіи Европы, прежде непонятное. Но этого нѣтъ. Взаимнъ исторической правды, логической, ясной и убѣдительною, мы находимъ только авторскія мнѣнія, самопротиворѣчія и нелѣпости, въ которыхъ совершенно теряется истинная исторія, какъ Германцевъ, такъ и Славянъ. Многолюднѣйшіе народы древности, какъ Фракійцы, Скифы, Сарматы, Аланы, Роксаланы, Бастарны, Венеты и пр., въ соображеніяхъ но-

наискіихъ областей съ I-го по VI-й вѣкъ послѣ Рождества Христова, а Германцамъ того времени отводить пространство Европы, заключенное между рѣками Рейномъ и Дономъ, морями Чернымъ и Балтійскимъ. По мнѣнію автора, въ эпоху первоначальнаго столкновенія Римлянъ „съ гето-дакійскими племенами“, „Германцы занимали среднюю Европу и господствовали между Одеромъ и Рейномъ“ (стр. 26). Уже въ I-мъ в. христіанской эры „обширный германскій міръ, прилегавшій къ имперіи“, обнаруживаетъ значительное движеніе (?), а „къ концу II вѣка это движеніе достигло крайняго напряженія: постоянная столкновенія римскихъ силъ съ германскими на среднемъ Дунаѣ обратились въ открытую и упорную борьбу, извѣстную въ исторіи подъ именемъ Маркоманской войны. Въ ней приняли участіе не только непосредственно германскіе сосѣди Римлянъ (Маркоманны, Квады и др.), но и другія германскія и сарматскія полчища, увлеченныя начавшимся около этого времени всеобщимъ передвиженіемъ германскихъ народовъ“ (стр. 28). Во время движенія Гунновъ, по мнѣнію автора, „вышедшихъ изъ степей средней Азіи“, прежде всего были подчинены примкнувшіе затѣмъ къ завоевателямъ „Аланы между Волгой и Дономъ. Одинаковая участь постигла вслѣдъ за этимъ (ок. 375 г.), по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія Гунновъ на западъ къ Дунаю, всѣ германскіе народы, расположенные на обширномъ пространствѣ отъ Дона до средняго Дуная“ (стр. 33). „Конечно, только съ паденіемъ германскаго господства на Дунаѣ и съ передвиженіемъ большей части Германцевъ на западъ и въ Италію, Славяне могли, безъ особеннаго труда и препятствій, заселить дунайскія земли“ (стр. 39). „Естественно, Авары своимъ разрушительнымъ движеніемъ увлекли за собою значительныя массы Славянъ, которыхъ по-

вѣйшихъ историковъ, исчезаютъ съ такою быстротою, какой никогда не бываетъ въ исторіи, а взамѣнъ того, ничтожныя племена и военныя дружины, какъ Гещиды, Герулы, Готы, Квады, Лонгобарды, Норияки и пр., заселяютъ громадныя пространства. Усматривая Германцевъ тамъ, гдѣ ихъ никогда не было, и причисляя къ Германцамъ славянскіе народы, это направленіе лишаетъ себя возможности понять истинный смыслъ древнеевропейской исторіи, становится безсильнымъ въ рѣшеніи основныхъ историческихъ вопросовъ.

Беремъ для примѣра самый важный, самый существенный во-

томъ, *какъ своихъ подданныхъ (?)*, поселили въ завоеванной территоріи“. (?! Стр. 59). „*Признаемъ первое появленіе Славянъ на Дунаѣ (въ видѣ военныхъ дружинъ въ гуннской ордѣ)* относящимся къ V вѣку, а *первое расселеніе ихъ народными массами* къ VI вѣку“ (стр. 23, 38). И т. д. Приведенныя мысли, составляющія сущность ученія вѣмецкой школы по древнѣйшему періоду исторіи варварскаго міра Европы, высказаны Профессоромъ Гротомъ безъ всякой аргументаціи, какъ положенія доказанныя, признанныя въ наукѣ. Въ дѣйствительности же, ни одно изъ нихъ нетолько не доказано, но не имѣетъ подъ собою никакихъ фактическихъ основаній и имѣть ихъ не можетъ. Чѣмъ, напримеръ, авторъ можетъ доказать положеніе, по которому *въ началѣ христіанской эпохи Германцы* нетолько „господствовали между Одеромъ и Рейномъ“, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, но также „*занимали и среднюю Европу*“, т. е. области между Вислою, Карпатами и среднимъ теченіемъ Днѣпра? По всѣмъ даннымъ древнеевропейской исторіи, никакихъ Германцевъ не было въ средней Европѣ до времени завоеваній Эрманрика. Было бы также очень желательно знать имена „*всѣхъ германскихъ народовъ, занимавшихъ обширное пространство между Дономъ и среднимъ Дунаемъ*“, *въ эпоху движенія Гунновъ*. Положительно утверждаемъ, что авторъ не въ состояніи указать ни одного германскаго народа, занимавшаго въ то время области припонтійскія, за исключеніемъ военной дружины Готовъ, по сказанію Иорнанда, *господствовавшей надъ народами древней Скифіи, а не населявшей ее*. Откуда, далѣе, знаетъ авторъ, будто бы *Славяне заселили дунайскія земли только послѣ удаленія оттуда германскихъ народовъ*, передвинувшихся далѣе на западъ и въ Италію? Чѣмъ оправдываетъ онъ свое положеніе о поселеніи Славянъ, *какъ подданныхъ*, въ заво-

прось по истории Славянъ: гдѣ жили Славяне первыхъ столѣтій послѣ Рождества Христова? Иснаго и доказаннаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не нашли въ современной литературѣ ¹⁾.

еваннѣхъ Аварами областяхъ? И т. д. Все это только слова, неимѣющія никакихъ оправданій въ историческихъ памятникахъ. Столько-же неосновательны понятія автора объ этническихъ движеніяхъ въ предѣлахъ варварскаго міра древней Европы и значеніи Германцевъ въ отношеніяхъ этого міра къ Римской имперіи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ профессоръ М. С. Дриновъ о Маркоманской войнѣ: „читая у Діона Кассія, современника этой войны и единственнаго источника для ея исторіи, какую значительную роль играли въ ней не нѣмецкіе народы, нельзя не удивляться односторонности тѣхъ нѣмецкихъ историковъ, которые, называя эту войну нѣмецкою войною, присвоиваютъ всю, такъ сказать, славу ея однимъ нѣмецкимъ племенамъ. Костобокими, Язигами, Даками, Аланами, Роксалапами они пренебрегаютъ совсѣмъ, или раздаютъ имъ какія-то безсмысленныя роли, дѣлая изъ нихъ, если позволительно такъ выразиться, прихвостней, такъ называемаго, Маркоманскаго союза“. Засел. Балк. полуост. Славянами; стр. 50.

¹⁾ Шлецеръ, въ его разсужденіи о происхожденіи Славянъ, не даетъ намъ точнаго указанія на владѣнія древнихъ Славянъ въ Европѣ, а предлагаетъ только намеки, противорѣчащіе другъ другу и лишающіе читателя всякой возможности составить опредѣленное заключеніе. Такъ напримѣръ, утверждая, что „Славяне есть *новый народъ*“, появляющійся только въ половинѣ VI вѣка, Шлецеръ прибавляетъ: „это изъясняется тогдашнимъ ихъ мѣстопробываніемъ и совершеннымъ недостаткомъ всякаго сообщенія южныхъ европейцевъ съ обширнымъ *сѣвернымъ міромъ*, простирившимся далеко за Дунай“. Нѣсколько ниже, на той же страницѣ, владѣнія древнихъ Славянъ опредѣляются слѣдующимъ выраженіемъ: „древніе Славяне тамъ, гдѣ они въ исторіи прежде всего появляются подъ своимъ названіемъ“ (?); что это значитъ предоставляется рѣшать читателю. Еще ниже, на той же страницѣ, читаемъ: „не прежде, какъ въ VI столѣтіи начинаютъ они переходить за Дунай; не прежде VII столѣтія поселяются они въ южной сторонѣ сей рѣки“ (?). На слѣдующей страницѣ: „южные Славяне неоспоримо переселились позже всѣхъ, ибо можно показать земли (?), изъ коихъ они перешли, и причины ихъ пе-

А между тѣмъ, пока этотъ вопросъ не будетъ рѣшенъ въ наукѣ положительно, до тѣхъ поръ древняя исторія Славянъ будетъ

расселенія“. Откуда, куда и по какимъ причинамъ „переселились“ — все это предоставлено на усмотрѣнiе читателя. На той же страницѣ: „сѣверозападныхъ или германскихъ Славянъ подробно описали *нѣмецкіе историки* (какіе и гдѣ?), только не могли еще до сихъ поръ согласиться въ томъ, *первыми ли они были жителями сей земли, или только заняли мѣсто Германцевъ*, вышедшихъ во время народныхъ переселеній“ (Несторъ, стр. 124, 125). Однимъ словомъ, такой наборъ намековъ и противорѣчій, въ которомъ ничего разобрать невозможно.

Въ томъ-же, туманномъ, состоянiи остается вопросъ о владѣнiяхъ Славянъ до времени нашествiя Гунновъ и въ литературѣ нашего времени. Прогрессъ выражается только въ томъ, что намеки Шлецера выражаются яснѣе, смѣлѣе отодвигается первоначальная родина Славянъ въ отдаленныя, неизвѣстныя страны сѣвера и востока. Аргументація остается прежняя, въ значенiи полного ея отсутствiя. Такъ напримѣръ, профессоръ Гротъ, населивъ германскими народами все области между Дономъ и Рейномъ, Чернымъ и Балтійскимъ морями, не оставилъ мѣста для Славянъ въ сказанныхъ предѣлахъ. Рассказывая о первоначальномъ движенiи Славянъ въ придунайскія области, авторъ обыкновенно употребляетъ слѣдующія выраженiя: „Славяне въ довольно продолжительный періодъ своихъ переселеній *изъ первоначальной родины* въ новыя мѣста жительства“ (Моравія и Мадьяры; стр. 57), „Славяне въ эпоху своего переселенія *изъ первоначальной родины*“ (стр. 62); но нигдѣ не опредѣляетъ точно, что должно разумѣть подъ выраженiемъ „первоначальная родина Славянъ“, какія именно области занимали Славяне до времени переселеній. Въ одномъ мѣстѣ авторъ допускаетъ „возможность существованія славянскихъ поселеній въ древнѣйшую, такъ называемую, доримскую эпоху, *въ нѣкоторыхъ болѣе сѣверныхъ краяхъ древней Дакии*“; но тутъ же самъ себя опровергаетъ: „считать этотъ вопросъ, говоритъ онъ, вполне рѣшеннымъ въ этомъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, никакъ невозможно“ (стр. 23). Въ другомъ мѣстѣ авторъ высказываетъ слѣдующее: „толпы Славянъ *могли* быть увлечены съ береговъ Днѣстра, гдѣ они до прихода Гунновъ жили подъ властью

представлять собою беспорядочный сбродъ мѣшій, а не науку. Только точное знаніе территоріи изучаемаго народа даетъ прочное основаніе историческому знанію и опредѣляетъ его средства.

Готовъ“ (стр. 35); но и это предположеніе, во первыхъ, противорѣчитъ предположеніямъ автора о заселеніи пространства между Дономъ и Дунаемъ германскими народами, а во вторыхъ, логически несообразно: народъ, занимавшій въ концѣ IV вѣка только берега Днѣстра, не могъ къ VI вѣку разростись до такой степени, чтобы заселить, по словамъ древнихъ писателей, „неизмѣримое пространство“ между Дономъ, Чернымъ моремъ, Дунаемъ, Вислою и Балтійскимъ моремъ.

Нѣсколько опредѣленіе высказываются понятія К. Я. Грота о первоначальной родинѣ славянскихъ народовъ въ его разсужденіяхъ о движеніи германскихъ народовъ съ востока на западъ и времени появленія Славянъ на дунайской территоріи. Гунны, говоритъ онъ, оставивъ степи средней Азіи, неудержимымъ потокомъ хлынули въ степи южной Россіи. „Прежде всего были подчинены примкнувшіе затѣмъ къ завоевателямъ *Аламы между Волгой и Дономъ*. Одинаковая участь постигла вслѣдъ за тѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія Гунновъ на западъ къ Дунаю, *всѣ германскіе народы, расположенные на обширномъ пространствѣ отъ Дона до средняго Дуная*“ (стр. 33). „По мѣрѣ того, какъ Германцы мало по малу подвигались на западъ и завоевывали земли въ предѣлахъ древняго римскаго міра, по ихъ стопамъ, въ очищаемыя ими пространства повсюду слѣдовали *ихъ непосредственныя восточныя сосѣди — Славяне*“ (стр. 55). „Постепенное передвиженіе германскихъ народовъ, какъ *изъ нѣмѣцкой сѣверной Германіи и странъ прикарпатскихъ, такъ равно и съ нижнего и средняго Дуная*, естественнымъ образомъ влекло за собою подобное же передвиженіе по ихъ стопамъ, въ обезлюдѣвшія земли, *ихъ восточныхъ сосѣдей — Славянъ*. Занятіе славянскими племенами всей дунайской территоріи... совершилось приблизительно въ теченіи столѣтій, отъ конца V до конца VI вѣка; едва ли не цѣлымъ вѣкомъ ранѣе Славяне распространились *по всей сѣверной Германіи, до Эльбы и Саалы*“ (стр. 38, 39). „Признаемъ первое появленіе Славянъ на Дунаѣ (въ видѣ военныхъ дружинъ въ гуннской ордѣ) относящимся къ V вѣку, а первое разселеніе ихъ народными массами — къ VI вѣку“ (стр. 23). „Какъ въ свое время гуннскій погромъ способствовалъ движенію Германцевъ на западъ, такъ точно въ VI вѣкѣ *Ава-*

По свидѣтельству русскаго лѣтописца, согласному съ приведенными нами въ первой главѣ свидѣтельствами Тацита, Плинія, Страбона, Птолемея, Приска Панійскаго, Юрнанда, Прокопія, Феофилакта Симокаты, Географа Равенскаго и данными скифской и славянской этнографіи, Славяне первыхъ столѣтій до и послѣ Рождества Христова занимали области припонтійскія и придунайскія, области южной Европы, между нижнимъ теченіемъ Дуная и нижнимъ теченіемъ Днѣпра, и были извѣстны древнимъ Грекамъ подъ именемъ Скифовъ. Со времени завоеванія придунайскихъ Славянъ Волохами, часть ихъ выселяется изъ прародины въ центральныя области Европы, получаетъ тамъ новыя, мѣстныя имена и образуетъ современныя намъ славянскія народности. Отсюда ясно, что исторія Праславянъ, долженствующая предшествовать исторіямъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, „какъ родъ предшествуетъ виду“, можетъ заключать въ себѣ только исторію древней Скифіи, а исторія Русскихъ Славянъ начинается временемъ завоеванія древней Скифіи Волохами и выселенія Праславянъ въ центральныя области современной намъ Россіи. Такъ и направлено было изученіе Русской исторіи въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Но при такой постановкѣ славянской исторіи, вполне соответствующей исторической правдѣ, значеніе германскихъ народовъ въ древне-европейской

ры увлекли въ своемъ вторженіи въ дунайскую равнину массу славянскихъ переселенцевъ... которыхъ потомъ, какъ своихъ подданныхъ, поселили въ завоеванной территоріи“ (стр. 39, 59). „Зависимость отъ Аваровъ имѣла и свою хорошую сторону для Славянъ: они мало по малу привыкли къ мирному земледѣльческому труду, полюбили свою новую землю и освоились съ ней“ (тамъ-же).

Очевидно близкое сродство приведенныхъ положеній съ доктриною старой нѣмецкой школы, давно побитою Шафарикомъ, который свои изслѣдованія о славянскихъ древностяхъ закончилъ слѣдующимъ выводомъ: „предположеніе нѣкоторыхъ, будто Славяне вторглись въ Европу въ первый разъ только во время великаго переселенія уральскихъ народовъ, или же нѣсколько ранѣе, является намъ теперь въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, то есть во всей его ничтожности и безсмысли“ (Слав. Древн.; т. I; кн. II, с. 73, 406).

исторіи отодвигается на второй планъ: исторія варварскаго міра Европы со времени Геродота до времени Юлія Цезаря принадлежитъ Праславянамъ, а Германцы появляются въ европейской исторіи только въ первомъ вѣкѣ до Рождества Христова. До времени Маркоманской войны (161 г. по Р. Х.) Германцы не принимали никакого участія въ историческихъ событіяхъ и этническихъ движеніяхъ южной Европы, имѣющихъ высокій интересъ. Но такая историческая правда не нравилась историкамъ нѣмецкаго происхожденія. Нѣмецкіе академики второй половины прошедшаго столѣтія, приглашенные русскимъ правительствомъ въ Петербургъ, для объясненія древнихъ памятниковъ русской исторіи, рѣшаются измѣнить прежнее направленіе въ изученіи славянской исторіи: отрицаютъ значеніе его средствъ, населяютъ Германцами области древней Силіи, передаютъ имъ всю древнюю исторію варварскаго міра Европы, а Славянъ отодвигаютъ въ далекія, неизвѣстныя страны сѣвера и востока, изъ которыхъ выводятъ ихъ на сцену европейской исторіи только въ VI вѣкѣ, „въ значеніи подданныхъ Гунновъ, Аваровъ и другихъ азіатскихъ выходцевъ“. Все это покрыто было мишурнымъ блескомъ нѣмецкой учености, который, по молодости науки въ Россіи того времени, многимъ казался настоящимъ золотомъ. Это новое направленіе въ разработкѣ русской исторіи представляло нѣмецкимъ академикамъ двѣ выгоды: во первыхъ, до крайности уменьшало трудъ по изученію древнѣйшей исторіи Славянъ, ограничивая ея источники только лѣтописью Нестора; а во вторыхъ, давало возможность возвысить исторію Германцевъ, на счетъ исторіи Славянъ, посредствомъ причисленія къ Германцамъ Скифовъ, Сарматовъ, Роксаланъ, Бастарновъ и другихъ, никогда не принадлежавшихъ къ нимъ народовъ ¹⁾.

¹⁾ Подъ прикрытіемъ пустыхъ фразъ о германской учености, невѣжествѣ русскихъ историковъ, требованіяхъ ученой критики, позднѣйшемъ величіи славянскаго народа, нѣмецкомъ происхожденіи русскихъ государей и пр., Шлеперъ пропагандировалъ слѣдующее: „наконецъ, и прежде всего, должны Русскіе отстать отъ Скифовъ и Сарматъ. Байеръ очень ясно доказалъ, что сіи названія, хотя сначала и принадлежали извѣстнымъ народамъ, но что послѣ, по незнанію древнихъ, рас-

Все, что противорѣчило въ источникахъ нѣмецкой фантазиі о древнемъ величіи и цивилизаторскомъ значеніи Германцевъ и что указывало на важную роль Славянъ въ древней исторіи Европы от-

пространились на безчисленное множество земель“. „Великое славенское народное племя появляется въ исторіи не прежде VI вѣка“. „Несторъ есть первый, древнѣйшій, единственный, по крайней мѣрѣ главный источникъ для всей славянской, летской и скандинавской исторіи до 1054 года“. „Несторъ есть первый, древнѣйшій и единственный отечественный источникъ русской исторіи сего періода“. „Русская исторія начинается отъ пришествія Рюрика, около 860 года. Передъ сею эпохою все покрыто мракомъ, какъ въ Россіи, такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстахъ“. „Дикіе, грубые, разсѣянные Славяне начали дѣлаться общественными людьми только благодаря Германцамъ, которымъ назначено было судьбою разсѣять въ сѣверозападномъ и сѣверовосточномъ мірахъ первыя сѣмена цивилизаціи“. И т. д. Разборъ этой фантазиі см. въ Исторіи Русс. права, Д. Самоквасова; вып. I; гл. II, стр. 82 и слѣд. Русскіе историки прошедшаго столѣтія сохранили до конца ихъ историческія воззрѣнія. Но молодое поколѣніе русскихъ историковъ, воспитанное выписными нѣмецкими педагогами, въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія переполнившими собою Русскую Академію и Русскіе Университеты, вынуждено было усвоить доктрину нѣмецкой школы. Высокое покровительство выписнымъ историкамъ со стороны Русскихъ Государей, объявленныхъ нѣмецкою школою „Монархами германскаго происхожденія“, цепзурное подчиненіе историческихъ работъ русскихъ ученыхъ академикамъ нѣмецкаго происхожденія, по которому даже Карамзинъ обязанъ былъ послать первый томъ своей Исторіи на усмотрѣніе Шлещера, и преслѣдованіе „жестокимъ ученымъ смѣхомъ“ всякой самостоятельной мысли, противной доктринѣ нѣмецкой школы, какъ „ученаго невѣжества“, закрывавшаго входъ въ Академію и Университеты, доставили Шлещеру успѣхъ, по которому голословныя, патріотическія, хитросплетенныя тенденціи пользуются правомъ науки до настоящаго времени. См. тамъ-же, гл. I, стр. 9, 12, 14, 15, 16 и др. „Но настанетъ время, когда удивляться будемъ тому, чему съ упорствомъ и такъ долго вѣрили, оставаясь во мглѣ предубѣжденій, почти невѣроятныхъ“.

вергнуто Шлецеромъ и его послѣдователями, какъ не относящееся къ славянской исторіи, какъ глупыя сказки древнихъ писателей, какъ поправки, вставки и поддѣлки позднѣйшихъ переписчиковъ древнихъ лѣтописныхъ подлинниковъ. А такъ какъ изученіе документальныхъ средствъ познанія древнеславянской исторіи на каждомъ шагу представляетъ доказательства ложности сказаннаго ученія нѣмецкой школы, то Шлецеръ отвергъ всѣ средства познанія древней исторіи Славянъ, со включеніемъ древнѣйшихъ извѣстій Нестора, кромѣ свидѣтельства о призваніи Варяговъ, истолкованнаго въ смыслѣ очень пріятномъ для нѣмецкаго патриотизма ¹⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ, общимъ огуломъ отвергнуты сказанія всѣхъ классическихъ писателей о Скифахъ, Сарматахъ, Гетахъ и другихъ народахъ, какъ не относящихся къ славянской исторіи, потому что „Славяне, обитатели верхняго, неизвѣстнаго сѣвера не могли быть описаны просвѣщенными южными европейцами“ (Тамъ-же, стр. 83). Изъ лѣтописей средневѣковыхъ оставлены славянской исторіи только два географическихъ отрывка, обозначающіе владѣнія Славянъ въ VI вѣкѣ. „Эти отрывки составляютъ все, что до сихъ поръ, включая Нестора, знаемъ мы о времени, въ которое они сдѣлались извѣстными, почему мѣста сіи можно назвать классическими“. Но и „сіе точное означеніе границъ, какъ и многое другое, сдѣлалось отъ переписчиковъ невразумительнымъ“ (Шлец. Несторъ, 126, 127). „Писанное Дитмаромъ и франкскими лѣтописями, даже современникомъ Несторовымъ Адамомъ, есть не иное что, какъ отрывки и не значить ничего. А Византіицы узнали Русь только со времени Игоря. Польскія хроники всѣ недавни, а древнѣйшія изъ нихъ не имѣютъ смысла. Такимъ-же образомъ надобно отстать и отъ исландскихъ сказокъ“ (тамъ-же, 425, 426). „Несторъ есть первый, древнѣйшій и единственный отечественный источникъ древнѣйшей исторіи Славянъ“ (тамъ-же). Но такъ какъ „Несторъ есть неученый монахъ XI столѣтія, наполненный предрасудками, жившій въ такомъ уголкѣ на Днѣпрѣ, который мало имѣлъ сношенія съ прочимъ земнымъ шаромъ, не зналъ ничего, относящагося до познанія людей и свѣта, да къ тому-же испорченъ переписчиками, по невѣжеству, нерадѣнію или высокоумію“ (тамъ-же, стр. 395 и 397), то Шлецеръ взялъ на себя трудъ очи-

Въ числѣ „очищенныхъ“, то есть, произвольно искаженныхъ Шлецеромъ, заподозрѣнныхъ въ позднѣйшихъ поддѣлкахъ и отвергнутыхъ, состоятъ и указанія древнѣйшей славянской лѣтописи на древнюю Скифію, какъ славянскую прародину, и время расселенія Славянъ въ центральныхъ областяхъ Европы, въ слѣдствіе завоеванія древней Скифіи Волохами-Римлянами.

По словамъ лѣтописца: „Дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волянне, а Уличи и Тиверци съдяху по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру, и присъдяху къ Дунаеву; и бѣ множество ихъ, съдяху бо по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру оли до моря; и суть города ихъ до сего дне: *да то ся зовяху отъ Грекъ Великая Скифь*“¹⁾. Такъ какъ это свидѣтельство находимъ во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи, то по всѣмъ правиламъ ученой критики источниковъ, такъ хорошо изложеннымъ самимъ Шлецеромъ, оно должно быть признано наукою принадлежащимъ первоначальному подлиннику. Между тѣмъ, Шлецеръ, въ своемъ переводѣ Нестора, представилъ извѣстіе русскаго лѣтописца о Скифіи въ слѣдующемъ видѣ: „Дулѣбы жили по Бугу, гдѣ нынѣ Волянцы: *Лутичи же и Тиверцы по Дунаю* (въ подлинникѣ: *по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру и присъдяху къ Дунаеву*); они были многочисленны и сидѣли *по Бугу и Днѣстру, а нѣкоторые* (? слово, произвольно вставленное Шлецеромъ) *даже до моря*. Города ихъ существуютъ тутъ даже и до сегодня: все это Греки *называютъ* (въ подлинникѣ: *называлось — „зовяху ся“*) великою Скифією²⁾. Послѣ такого

стить лѣтопись Нестора по правиламъ германской критики, и очистилъ такъ хорошо, что въ ней ничего не осталось для древней исторіи Славянъ. Древняя исторія Славянъ вообще и Русскихъ Славянъ въ частности оказалась до крайности несложною и легкою: ее не было. Очевидно, Шлецеровскія разсужденія по славянской исторіи представляютъ собою не науку, имѣли въ виду не знаніе исторической дѣйствительности, а преслѣдованіе цѣлей, совершенно чуждыхъ правдивой наукѣ.

¹⁾ Сл. Лѣт. по всѣмъ древнѣйшимъ спискамъ.

²⁾ Шлец. Несторъ, стр. 213. Показанныя въ текстѣ искаженія подлинника русской лѣтописи невозможно объяснить только незнаніемъ языка лѣтописей, потому что Шлецеръ рас-

совершенно безтолковаго и произвольнаго перевода вполне яснаго историческаго свидѣтельства, Шлецеръ объявилъ слѣдующее: „теперь еще нечего дѣлать со всею этою главою: *кажется, что она вся вставлена*, не соединяется съ предшествовавшимъ, повторяетъ сказанное нѣсколько уже разъ, противорѣчитъ себѣ и наполнена необъяснимыми разнословіями“¹⁾. Въ дальнѣйшемъ переводѣ русскаго лѣтописца, Шлецеръ уже рѣшительно утверждаетъ, будто бы извѣстіе Нестора о Скифіи, какъ странѣ Славянъ, представляетъ собою „поддѣлку позднѣйшихъ сѣверныхъ монаховъ, выдумавшихъ Скифовъ, неизвѣстныхъ подлиннику Нестора“²⁾.

Такими то средствами русскій академикъ, нѣмецкаго происхожденія, „разъяснялъ“ славянскую исторію, старался доказать, что „Славяне новый народъ въ Европѣ“, что „до VI вѣка они занимали неизвѣстныя страны верхняго сѣвера“, что „Русскіе должны отстать отъ Скифовъ и Сарматъ, какъ народовъ имъ чуждыхъ“, что „все собранное Татищевымъ, Ломоносовымъ и Щербатовымъ о Славянахъ, Скифахъ и Сарматахъ совершенно бесполезно для настоящаго историка“³⁾, и, къ стыду нашему, успѣлъ задержать разработку славянской исторіи въ истинномъ направленіи почти на цѣлое столѣтіе.

Такую же фальшивую подтасовку продѣлалъ Шлецеръ и со свидѣтельствомъ русской лѣтописи о времени и причинѣ колонизаціи Славянъ изъ областей древней Скифіи на берега Вислы, Днѣпра, Припети, Двины, Оки и пр. Предполагая, что „Несторъ взялъ это происшествіе изъ какого нибудь византійскаго писателя, который теперь потерянъ или еще не напечатанъ“, Шлецеръ переводитъ слово „Волохи“ словомъ „Вельши“ и высказываетъ слѣдующее:

поряжался лучшими переводчиками, состоявшими при Петербургской Академіи его времени. Здѣсь очевидна искусственная передѣлка.

¹⁾ Тамъ же, с. 214.

²⁾ Напримѣръ: „Великая Скифія, повторяетъ *поддѣлки* за Византійцами“. „Куда ни обернись, вездѣ *Скифія*, которая однакоже ничто иное есть, какъ *неизвѣстная сѣверная земля*“ (?). Тамъ же, с. 216.

³⁾ Тамъ же; с. 119, 123, 423.

„хотя Германцы называли Римлянъ Walha, но Нестору они очень извѣстны были подъ ихъ собственнымъ названіемъ; къ тому-же Римляне дѣлали набѣги только вверхъ по Дунаю, почему и не могли побудить къ переселенію“ (?). „Выше упоминаемые Волохи, суть, безъ сомнѣнія, итальянцы, Вельши, за исключеніемъ Римлянъ и Венеціанъ. И такъ (?!), Волохи или Влахи не Римляне, какъ думаетъ Татищевъ. Отъ чего же не такъ? — Полякъ Длугошъ, обязаный Нестору всею истинною, какая въ немъ только есть, *переводитъ это мѣсто* (?) слѣдующимъ образомъ: Longobardis Slavos ex Pannonia pellentibus. Вотъ какъ понималъ онъ Нестора; да и мнѣ самому кажется, что Несторъ имѣлъ въ виду также Лонгобардовъ“¹⁾. Мы не сомнѣваемся, что Шлецеръ самъ былъ увѣренъ въ томъ, что говорить совершенный вздоръ; но былъ увѣренъ также, что покрывъ этимъ вздоромъ сказаніе лѣтописца, онъ запутаетъ сущность дѣла, заподозритъ ясность основнаго свидѣтельства древнѣйшей исторіи Славянъ: непременно найдутся охотники опровергать нелѣпое предположеніе и предлагать новыя толкованія, болѣе вѣроятныя; а это Шлецеру только и нужно: о Римлянахъ позабудутъ. И Шлецеръ не ошибся. Никто не повѣрилъ, что Волохи русскаго лѣтописца были Лонгобарды; но многіе предложили болѣе вѣроятныя толкованія народности Волоховъ, предполагая въ нихъ и Бельтовъ, и Гунновъ, и Аваровъ, и Болгаръ, и разные другіе народы, кромѣ Римлянъ, о которыхъ вспомнили снова только въ недавнее время, благодаря изслѣдованію профессора Дринова о заселеніи Балканскаго полуострова Славянами, вполне убѣдительно доказавшаго произвольность сказанныхъ предположеній и представившаго неоспоримыя доказательства римской народности Волоховъ русскаго лѣтописца, потѣснившихъ Славянъ на Дунаѣ въ эпоху завоеванія Дакии императоромъ Траяномъ²⁾.

¹⁾ Шлец. Несторъ; I, с. 140—143.

²⁾ См. Дринова: Заселеніе Балк. полуострова Славянами; стр. 68—83. Ср. Шафарика: Слав. Древн.; т. I; кн. I, с. 390. Рейца: Опытъ Рос. госуд. зак.; стр. 1. Бяльева: Раз. изъ Рус. ист.; т. I, стр. 3. Заттыркевича: Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.; 1873 г.; кн. I, стр. 8. Забѣлина: Ист. Рус. жизни; т. I; стр. 506. Грота: Моравія и Мадьяры; стр. 24.

Но нѣмецкая школа такъ приучила насъ къ произволу въ славянской исторіи, что никакія доказательства не дѣйствуютъ и новѣйшіе наши историки продолжаютъ „предполагать и признавать“ одну нелѣпость хуже другой, нисколько не стѣняясь доказательствами. Вотъ, на примѣръ, что мы читаемъ въ новѣйшемъ сочиненіи по славянской исторіи: „въ сказаніи Нестора находятъ возможнымъ видѣть *смутнымъ* воспоминанія о завоеваніи Дакии Римлянами при Траянѣ и о происшедшемъ вслѣдствіе того движеніи среди населявшихъ ее племень... Нельзя не признать болѣе правдоподобія въ предположеніи, что *Несторъ разумѣлъ тутъ современное ему движеніе Волоховъ* съ юга, изъ-за Дуная на сѣверъ, слухи о которомъ не могли не дойти до него и начало котораго онъ относитъ къ болѣе древнему времени (мнѣніе В. И. Ламанскаго)“¹⁾. О какихъ Волохахъ, Нестору современныхъ, говорится здѣсь? Возможно ли, чтобъ Несторъ разумѣлъ *движеніе современныхъ ему Волоховъ*, говоря о *первоначальномъ* движеніи Славянъ изъ областей придунайскихъ въ центральныя области Европы? Возможно ли опираться на мнѣніе г. Ламанскаго, если оно дѣйствительно ему принадлежитъ, ничѣмъ не аргументированное и даже не опубликованное? И между тѣмъ, профессоръ Гротъ почитаетъ себя вправѣ высококомѣрно относиться къ ученымъ трудамъ Славистовъ и называетъ собранныя ими доказательства старобытности Славянъ на Дунаѣ и римской народности Волоховъ „*затательными предположеніями, избитыми и сомнительными*“, не разбирая ихъ и даже не указывая содержанія²⁾. Это не наука... Виноваты, конечно, не

¹⁾ Моравія и Мадьяры; стр. 24.

²⁾ „Всплывшее въ послѣднее время, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ (Шемберы, Сасинка, Терстенияка, Дринова), мнѣніе о первобытности или глубокой давности Славянъ на Дунаѣ, по нижнему и среднему его теченію, остается совершенно недоказаннымъ. Ученые, старавшіеся въ наше время поставить этотъ взглядъ на твердую почву, не могли привести въ пользу его *никакихъ дѣйствительно новыхъ и убѣдительныхъ соображеній и доводовъ*. Они продолжаютъ вращаться въ области прежнихъ *избитыхъ и сомнительныхъ доказательствъ и весьма затательныхъ предположеній*,— и далѣе не двигаются. *Сожтвасемъ, чтобъ и даль-*

В. И. Ламанскій, К. Я. Гротъ и имъ подобныя славянскіе историки, а тенденціи изложеннаго нами нѣмецкаго направленія объ истонной отсталости Славянъ на пути цивилизаціи и высокой миссіи Германцевъ въ этомъ отношеніи, какъ кошмаръ, сдавившаго дѣятельность славянскихъ историковъ въ истинномъ направленіи и спутавшаго основныя историческія понятія.

Въ дѣйствительности, собранныя новѣйшими славянскими учеными доказательства римской народности Волоховъ и новыя и такъ основательныя, что отрицать ихъ научнымъ путемъ нѣтъ никакой возможности. Заключаются они въ слѣдующемъ.

Русскій лѣтописецъ, называя Волохами народъ, покорившій Славянъ на Дунаѣ, въ тоже время называетъ Италію „землею *Волошьскою*“ ¹⁾. Болгаринъ св. Климентъ, въ „Житіи Мефодія“, по харатейному списку XII вѣка, называетъ *Влахами* — *Римлянъ* ²⁾. И теперь еще нѣкоторые продукты Италіи называются у русскихъ и польскихъ Славянъ волошскими; напримѣръ, волошскіе орѣхи, волошская капуста и пр. И теперь еще запад. и южн. Славяне называютъ *Итальянцевъ* *Влохами* и *Влахами*: у Поляковъ — *Влохъ*, у Чеховъ — *Влахъ*. Жители славянскихъ селеній въ южн. Италіи, на вопросъ: какъ обращаются съ ними *Итальянцы*? отвѣчаютъ: „*Власи* су добра челедь“ ³⁾. Слѣдовательно, Славяне называли въ эпоху Нестора и называютъ до сихъ поръ Волохами — *Римлянъ*, *Итальянцевъ*.

Въ славянскомъ язычествѣ важное значеніе имѣлъ праздникъ

нѣйшія изысканія въ этомъ смыслѣ увѣнчались успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ мы не считаемъ возможнымъ основать свое изложеніе на подобныягаданія, а потому совершенно оставляемъ въ сторонѣ эту теорію и признаемъ *первое* появленіе Славянъ на Дунаѣ (въ видѣ военныхъ дружинъ въ гуннскою орду) относящимся къ V вѣку, а первое расселеніе ихъ народными массами — къ VI вѣку“. Тамъ-же, стр. 23.

¹⁾ „Варязи... по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агяянки и до Волошьски“. П. С. Р. Л., I, с. 2.

²⁾ „Суть въ ны вышли учителя мнози крестьяни изъ Влахъ, изъ Грекъ и изъ Нѣмецъ“. Чтен. Имп. Общ. Ист. и Др. Рос.; 1865 г.; кн. I; отд. 3; с. 5.

³⁾ См. Макушева: О Славянахъ Молизскаго Графства; с. 7 и 8.

календа—*коляда*, одинаково распространенный у Болгаръ, Сербо-Хорватовъ, Словинцевъ, Поляковъ и Русскихъ. Этотъ праздникъ и его названіе заимствованы славянскими народами отъ римскихъ *calendae*, въ чемъ удостовѣряютъ очевидное этимологическое сходство въ названіи и слѣдующія историческія указанія. Шестой вселенскій Соборъ (691 г.) строго запретилъ христіанамъ отправлять языческіе праздники латинскаго происхожденія: воту, брумалію „и сице глаголемыя коляды“¹⁾. Въ толкованіи на 62 постановленіе Собора, заключающее въ себѣ сказанное запрещеніе, говорится: „калянди суть первіи въ каждомъ мѣсяци дни, въ нихъ же обычаи бѣ Еллиномъ творити жертвы“²⁾. Особою честью пользовались калянды январскія, относительно которыхъ было постановлено специальное запрещеніе³⁾. Римскій праздникъ и римское его названіе могли быть заимствованы южными, западными и восточными Славянами только въ эпоху ихъ географическаго и политическаго единенія и совмѣстнаго столкновенія съ римскимъ вліяніемъ, а такимъ временемъ въ славянской исторіи была только эпоха завоеванія гето-дакійскаго царства при императорѣ Траянѣ.

Имя Траяна играетъ важную роль въ преданіяхъ Русскихъ Славянъ, Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и Болгаръ. Въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“, по рукописи XII вѣка, рядомъ съ Хорсомъ, Велесомъ и Перуномъ, именуется древнеславянскій богъ Траянъ⁴⁾. „Откровеніе Св. Апостолъ“, изданное по рукописи XIV вѣка, причисляя Траяна къ древне-славянскимъ богамъ, въ то же время называетъ его *бывшимъ римскимъ царемъ*⁵⁾. Одна изъ древне-бол-

¹⁾ См. Буслаева: Ист. христом. церк.-слав. и рус. яз.; стр. 382. (Изъ Кормчей кн. по сп. 1828 г.).

²⁾ Тамъ-же, с. 383.

³⁾ „Аще кто въ первый день января на коляду идетъ, якоже первое поганья творяху...“ См. Словарь Миклошича, подъ словомъ: коляда.

⁴⁾ „То сетѣе и человекъ окамената утрія трояна, хорса, велеса, перуна“. См. Тихонравова: Памятники отреч. лит. 1863 г.; II, с. 23. Срезневскаго: Древн. памят. Русск. яз. и письма; 1863 г.; с. 205.

⁵⁾ „Имяще боги мнози: перуна и хорса, дья и трояна; и иніи мнози... Троянъ баше царь въ Римѣ“. См. Лѣтоп. Рус.

гарскихъ пѣсень воспѣваетъ *царя Траяна*, владѣтеля несмѣтныхъ сокровищъ ¹⁾; а одна изъ древне-сербскихъ сказокъ смѣется надъ *царемъ Траяномъ* ²⁾. Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ упоминаются: „тропа Трояна, земля Трояна, седьмой вѣкъ Трояна и вѣчи Трояни“, относимые сказаніемъ къ древнѣйшему періоду исторіи Славянъ, отъ которыхъ оно ведетъ свое лѣтосчисленіе ³⁾.

Сличеніе славянскихъ сказаній о царѣ Траянѣ доказываетъ, что этотъ царь былъ лице историческое, имѣвшее важное значеніе въ исторіи вѣсѣхъ славянскихъ народовъ, поразившее воображеніе своихъ современниковъ и надолго сохранившееся въ народной памяти. Но славянская исторія не знаетъ другого царя Траяна, кромѣ римскаго императора, покорившаго гето-дакійское царство и вытѣснившаго, по свидѣльствамъ современниковъ, многія гето-дакійскія племена изъ областей придунайскихъ за Карпатскія горы, въ центральныя области Европы.

По свидѣтельству русскаго лѣтописца, покореніе Славянъ дунайскихъ Волохами и насилія завоевателей надъ побѣжденными имѣли своимъ послѣдствіемъ выселеніе Славянъ изъ областей древней Скифіи, придунайскихъ, въ центральныя области Европы, гдѣ они получаютъ названія Ляховъ, Полянъ, Древлянъ и т. д. Соотвѣтственно тому, древніе писатели, современники завоеванія гето-дакійскихъ областей Римлянами, свидѣлствуютъ о насиліяхъ завоевателей въ Дакии, въ слѣдствіе которыхъ одни изъ прежнихъ жителей этого царства превратились въ рабовъ Римлянъ, а другіе, предпочитая свободу отечеству, выселились за предѣлы своей родины ⁴⁾. Славянская исторія не знаетъ эпохи болѣе соотвѣтствующей сказанному событію.

литер. и древн.; кн. V; отд. матер.; стр. 5. Востокова: Словарь церк.-слав. яз.; т. II; с. 232.

¹⁾ См. Болгар. народ. пѣсни, собр. отъ брат. Миладиновци; стр. 38—41. Чолакова: Болгар. народн. сборникъ; 1872 г.; с. 115.

²⁾ См. Словарь сербск. яз. Караджича; подъ словомъ Троянь.

³⁾ Слово о полку Игоревѣ. — Изд. Пушк.; стр. 6, 14, 19 и 35. Втор. изд. Тихонр.; стр. 2, 4, 5 и 10.

⁴⁾ См. выше, стр. 84.

Приведенные факты рѣшаютъ положительно вопросъ о тождествѣ Волоховъ русскаго лѣтописца съ Римлянами эпохи императора Траяна.

Но если бы въ нашемъ распоряженіи не было ни свидѣтельства самого Нестора, называющаго Волохами Итальянцевъ, ни свидѣтельства Болгарина Климента, современника Нестора, называющаго Волохами Римлянъ, ни римскаго праздника, до сихъ поръ сохранившагося у Славянъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ, ни древне-славянскихъ сказаній о римскомъ царѣ Траянѣ, ни извѣстій классическихъ писателей о выселеніи за предѣлы родины гето-дакійскихъ племенъ въ эпоху римскаго завоеванія Дакии, совершенно соотвѣтствующаго свидѣтельству о Волохахъ русскаго лѣтописца, то и тогда выселеніе Славянъ изъ первоначальной ихъ прародины въ центральныя области Европы въ эпоху владычества Римлянъ въ Дакии было бы несомнѣннымъ фактомъ славянской исторіи, по свидѣтельствамъ, сохранившимся въ нѣдрахъ земли древнеславянскихъ племенъ, вышедшихъ изъ областей придунайскихъ. Археологія нашего времени открыла фактъ чрезвычайной важности, между прочимъ, недопускающій никакихъ сомнѣній и въ томъ, что польскіе и русскіе Славяне оставили ихъ прародину въ южной Европѣ въ эпоху римскаго владычества въ Дакии. Фактъ этотъ состоитъ въ открытіи кладовъ, состоящихъ только изъ римскихъ монетъ I и II столѣтій, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по сказанію лѣтописи, поселились первоначально славянскія племена, оставившія ихъ придунайскую прародину въ эпоху владычества Волоховъ.

Фактъ присутствія множества римскихъ монетъ въ предѣлахъ земли польскихъ и русскихъ Славянъ давно уже обратилъ на себя вниманіе историковъ и археологовъ и вызвалъ попытки его объясненія.

Еще польскій историкъ Мѣховита, умершій въ 1523 году, обратилъ вниманіе на находки въ предѣлахъ Польши монетъ императора Адриана и объяснилъ этотъ фактъ тѣмъ, что „Аланы“, возвращаясь послѣ вторженія въ западную Европу, „занесли изъ Галліи въ Польшу разныя монеты цезаря Адриана“. Нѣмецкій историкъ первой четверти прошедшаго столѣтія, Либкнехтъ, также предполагалъ, что „монеты римскихъ цезарей были потеряны въ славян-

скихъ земляхъ позднѣйшими пришельцами“. Но уже Чацкій доказалъ, что такое объясненіе невѣроятно: римскія монеты встрѣчаются въ славянскихъ земляхъ очень часто и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ Аланъ не было, а сверхъ того, древнѣ всякихъ позднѣйшихъ пришельцевъ ¹⁾. И И. Фундуклей полагалъ возможнымъ объяснить находки римскихъ монетъ въ центральныхъ областяхъ Россіи предположеніемъ существованія греческихъ колоній на тѣхъ пунктахъ, гдѣ чаще встрѣчаются сказанныя монеты ²⁾. Но предположить су-

¹⁾ „Столько протекло вѣковъ, а между тѣмъ, почти ежедневно выкапываютъ древнія монеты, особенно въ Украинѣ и Подольи. Трудно повѣрить, чтобы какой нибудь пришелецъ случайно обронилъ ихъ въ позднѣйшія времена. Поселяне находятъ ихъ разбросанными по одиночкѣ и называютъ ихъ Ивановыми головками, вѣроятно, по тому, что выбитыя на монетахъ изображенія цезарей имѣютъ для нихъ нѣкоторое сходство съ иконою усѣкновенія главы Св. Предтечи. Ихъ завозить въ Лейпцигъ какой нибудь смысленый купецъ, и къ ближайшему золотыхъ дѣлъ мастеру заносить поселенинъ или жидъ-барышникъ. Но находятъ ихъ иногда и по нѣскольکو сотъ, въ одномъ горшкѣ или котлѣ. Однако, кажется, что доселѣ мало находимо было римскихъ монетъ по эту сторону р. Случи. За Махновкою оканчивается открытіе монетъ этого рода. Достойно замѣчанія, что древнія римскія монеты, находимыя въ Подольи, принадлежатъ большею частію Нервѣ, Траяну и Адриану; на Украинѣ онѣ касаются временъ Гордіановъ, надъ Бугомъ и Тяминомъ—царей Понта, Босфора и гор. Ольвіи (надъ Днѣпромъ); но очень рѣдко попадаются монеты цезарей и ихъ женъ со временъ Кара“. Обзорніе могоиль, валовъ и городищъ, с. 7.

²⁾ „Случается очень часто находить въ землѣ Чигиринскаго уѣзда серебряныя и золотыя римскія монеты. Въ селеніи Биркахъ, расположенномъ на большихъ пескахъ, послѣ проливныхъ дождей, отыскиваютъ небольшія монеты цезарей.. Селеніе Бирки, въ уѣздѣ Чигиринскомъ, расположенное у источниковъ Тяמיана, на большихъ пескахъ, есть такое мѣсто, гдѣ весьма часто находятъ древнія монеты; проливной дождь вымываетъ ихъ на песчаныхъ прибрежьяхъ; и хотя преданіе утверждаетъ, что на мѣстѣ этого селенія былъ нѣкогда многолюдный городъ; но никакимъ образомъ нельзя от-

ществованіе греческихъ колоній въ I и II столѣтіяхъ на берегахъ Вислы, съ ея притоками, по среднему теченію Днѣпра, на берегахъ Десны, Припети, Оки и пр., гдѣ, какъ увидимъ ниже, монеты римскихъ императоровъ встрѣчаются очень часто, мы не имѣемъ никакихъ историческихъ основаній.

I. Крашевскій, въ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ „Sztuka u Słowian“, слѣдуя за Байеромъ и Крузе, объясняетъ находки римскихъ монетъ въ предѣлахъ земли древнихъ Славянъ сношеніями Римлянъ съ балтійскимъ поморьемъ, ради торговли янтаремъ ¹⁾. Эта мысль въ позднѣйшее время развита I. Садовскимъ, въ специальномъ изслѣдованіи, подъ заглавіемъ: „Drogi handlowe greckie i rzymskie“ ²⁾.

носить того города ко временамъ казатчины, а скорѣе предполагать должно, что на томъ самомъ мѣстѣ существовало греческое поселеніе, и что отъ того времени остались находимыя здѣсь римскія и ольвійскія монеты“. Тамъ-же, стр. 6 и 74.

¹⁾ „Minąwszy ruiny Olbji rumowiska miast przyległych, dalej już w środku kraju, w ziemiach odwiecznie słowiańskich, były osady greckie, ułatwiające handel brzegów morza Czarnego, kolonistów, z wybrzeżami bursztynowemi Bałtyku... Monety, znajdowane w krajach słowiańskich, poświadczają o tym wpływie i związkach, mamy ich wszędzie bardzo wiele. Rzymianie wprzód jeszcze, zdaje się, lądową drogą zaszli nad Bałtyk, niżeli się tam okrętami dostali, droga handlowa od Carnuntum nad Dunajem, szła przez Polskę ku wybrzeżom bursztynu...“. Sztuka u Słowian, szczególnie w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiej. Wilno. 1860. str. 355, 362 и 363. Сл. *Bayer*: Erläut. Preussen; I, 410; III, 404. *Kruse*: Budorgis oder Schlesien zu den Zeiten der Römer. Leipzig. 1819. *Necrolivonica*. Beit. D. Nota. Dod. E, F; 10. *J. Lelewel*: Cześć bałwochwalcza Sławian i Polski; p. 146.

²⁾ Задачу этого изслѣдованія авторъ опредѣляетъ слѣдующими словами: „wspomnienie Plinijusza w ks. XXXVII, p. 45 o rycerzu (eques Romanus) wysłanym za czasów Nerona po bursztyn do wybrzeży morza Bałtyckiego i rozrzucenie po ziemiach naszych znacznej ilości monet rzymskich i brązowych wyrobów przemysłu rzymskiego, pojawiające się przytém tu i owdzie monety greckie, budziły już od dawna domysły, że jeszcze przed erą chrześcijańską i w pierwszych wiekach po jej nastaniu, prowadziła do Bałtyku przez porzeczna Odry i Wisły jakaś prastara dro-

Оставляя въ сторонѣ „физиографичныя“ разсужденія автора, имѣющія цѣлью опредѣленіе древнѣйшихъ торговыхъ дорогъ между Средиземнымъ и Балтійскимъ морями, приуроченіе Птоломеевыхъ географическихъ показаній къ новѣйшимъ урочищамъ, распредѣленіе древнихъ бронзъ по типамъ кельтическому, этрусскому, норикскому и пр., какъ вопросы еще очень темные, для точнаго рѣшенія которыхъ у насъ нѣтъ еще достаточныхъ средствъ, мы ограничимся здѣсь только изложеніемъ воззрѣній автора и фактовъ, непосредственно относящихся къ нынѣ интересующему насъ вопросу: когда и кѣмъ занесены монеты Римской имперіи въ центральныя области Европы?

Г. Садовскій старается доказать, что римскія монеты занесли въ бассейны Вислы и Днѣпра сами Римляне. Итальянцы-Этруски-Римляне, по мнѣнію автора, съ глубокой давности и до IV вѣка по Р. Х., имѣли торговыя сношенія съ балтійскимъ поморьемъ, изобилующимъ янтаремъ, и оставили на извѣстныхъ рѣчныхъ побережьяхъ и волокахъ, служившихъ въ древности торговыми дорогами, слѣды своей цивилизаціи. До II в. предъ Р. Х. Этруски производили съ варварскими народами балтійскаго побережья мѣновую торговлю, предлагая товаръ за товаръ, и тѣмъ объясняется отсутствіе на древнихъ торговыхъ путяхъ республиканскихъ римскихъ монетъ ¹⁾. Извѣстны только двѣ республиканскія монеты, найденныя въ Си-

ga handlowa od ludów nad morzem Śródziemnym osiadłych. Na domysł, że stósunki handlowe między wybrzeżami bursztynowemi a ludami południowemi musiały być *bardzo dawne*, naprowadzały téż podania starożytnych autorów, że już *w najdawniejszych czasach istnienia Grecyi pojawiły się tam ozdoby z bardzo wówczas drogocennego bursztynu*, i że *w Rzymie bursztyn od bardzo dawnych czasów był znanym*. Nikt jednak nie zdołał dotąd wskazać dokładnie kierunku téj drogi, ani, nawet w przybliżeniu, oznaczyć czasu różnych wypraw handlowych“. Drogi Hand. Grec. i Rzym. przez porzeczca Odry, Wisły, Dniepra i Niemna do wybrz. morza Balt. W Krakowie. 1876. str. 1.

¹⁾ „*Nie spotkalіśmy się dotychczas z żadną monetą rzymską z czasów republikanckich* i dziwić się temu nie można, bo najstarszy handel był handlem zamiennym, w którym dawano towar za towar“. Drogi Handl., s. 68, 74.

лезіи, возлѣ Маслова, изъ которыхъ одна (Валерія Корвина) относится къ половинѣ, а другая (Курція) къ началу послѣдней четверти II вѣка до Р. X. Эти двѣ монеты доказываютъ, по мнѣнію автора, что около 150 года до Р. X. прежняя чисто мѣновая торговля „Этрусковъ“ стала смѣняться торговлею денежною ¹⁾).

Съ конца II в. до времени Августа торговыхъ сношеній Этрусковъ съ балтійскимъ поморьемъ не существовало, вслѣдствіе появленія Бимвровъ и Тевтоновъ на границахъ римскихъ владѣній ²⁾).

Торговья сношенія Италіи съ балтійскимъ поморьемъ начинаются снова въ эпоху завоеванія Римлянами Папноніи и производятся въ это время чрезъ посредство Германцевъ и Венетовъ адриатическихкихъ, что доказываютъ будто бы свидѣтельство Плинія, монета Юлія Цезаря и двѣ монеты Августа, найденныя въ нашихъ краяхъ ³⁾. Малочисленность слѣдовъ торговли Венетовъ, откры-

¹⁾ „Z pojawienia się tych dwóch monet wynika, że około r. 150 p. n. E. handel etruski poprzednio czysto-zamienny zaczął w części wchodzić już w zakres handlu monetarnego, a przestał już zapewne odbywać się około r. 120, bo moneta Kurcyjuszowska jest ostatnią z odkrytych dotąd w naszych porządkach monet republikańskich rzymskich“. Тамъ-же, с. 69.

²⁾ „Zmuszają zaś Etrusków do zupełnego zanicchania handlu z północą owe ruchy ludów północnych, skutkiem których około roku 103 p. n. E. pojawili się Cymbrowie i Teutonowie w granicach państwa rzymskiego“. „Handel Etrusków przerwały, jak się zdaje, gminoruchy, które w końcu II wieku przed naszą erą pierwsze napady ludów środkowej Europy na państwo rzymskie spowodowały“. Тамъ-же, 70, 74.

³⁾ „Wskazówkę, kiedy na nowo odświeżonemi zostały dawne stósunki ludów italskich z wybrzeżami bałtyckimi, podaje nam Plinijusz w przytoczonym już miejscu XXXVII, 42: Adfertur (succinum) a Germanis in Pannoniam maxime et inde Veneti primum famam rei fecere proxumique Pannoniae et agentes circa mare Hadriaticum. Ze świadectwa Plinijuszowego wyprowadziły można wniosek, że handel w pierwszych czasach opanowania Pannonii przez Rzymian odbywał się w ten sposób, że ludy z nad brzoży morza Bałtyckiego sprzedawały go ludom w środku Germanii zamieszkałym, a te go znowu nad Dunajem sprzedawały Rzymianom. Z Pannonii zaś wykupowali go Weneci i handlowali nim wzdłuż

тых на древних торговых дорогахъ, объясняется тѣмъ, что эта торговля прекратилась въ самомъ началѣ ¹⁾.

Время Тиверія, Калигулы и Клавдія отличается полнымъ отсутствіемъ движенія римской торговли янтаремъ ²⁾, что доказываютъ полное отсутствіе находокъ этого времени въ нашихъ краяхъ и посылка въ эпоху Нерона римскаго всадника, для изысканія давнихъ торговыхъ дорогъ и береговъ, о которыхъ помнили въ Римѣ этого времени уже только по преданію: „отъ всадника Неронова осталось много монетъ Клавдія и Нерона, найденныхъ въ Силезіи, Великой Польшѣ и вблизи балтійскихъ береговъ“ ³⁾.

Новое оживленіе торговыхъ сношеній Рима съ Балтикою начинается со времени Веспасіана. Монеты Вителія и Веспасіана встрѣчаются на порѣчьяхъ нашихъ по направленію отъ Карнунта паннонскаго на Ратиборъ, Ласковицъ, Масловъ, Калишъ, Коло, Влоцлавскъ, чрезъ бродъ на Осье и чрезъ Вармень. „Окрестности Ратибора доставили ихъ значительное количество, равно какъ и окрестности Ласковица; въ Масловѣ найдена одна Веспасіана; подъ самымъ бродомъ на Осье открытъ динарій Вителія, а въ Вармин также нашли ихъ значительное количество“ ⁴⁾.

wybrzeży morza Adryjatyckiego. Zdaje się téż, że po większej części odbywał się w owym czasie handel bursztynowy w pomienionym sposob. Są jednak ślady, że przynajmniej jedną wyprawę handlową musieli i Wenetowie odbyć ku wybrzeżom bałtyckim“. Тамъ-же, 74.

¹⁾ *Moneta Augusta*, znaleziona w bliskości Grudziądza, zaznacza nam dalszy kierunek pochodzenia kupców weneckich ku brodom na Ossie pod Słupem, odkąd giną nam już dalsze ślady ich pobytu w naszych stronach. Ze szczupłości zabytków, pozostałych po handlu Wenetów, pokazuje się, że handel ten nie rozwinął się na wielką skalę i zgasł zaraz po pierwszym zablýsnięciu“. Тамъ-же, 75.

²⁾ „Za czasów Tyberyjusza, Kaliguli i Klaudyjusza nie pojawia się najmniejszy ruch w handlu bursztynowym“. Тамъ-же.

³⁾ „Po ekwiesie Neronowym zostało *dużo monet* Klaudyjusza i Nerona znajdujących na Szlązku, w Wielkopolsce i w pobliżu wybrzeży bałtyckich, *ale nie znaleziono dotąd żadnego zabytku brązowego*“. Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же; 76.

„Монеты Веспасіана, найденныя въ Устьи, вблизи бродовъ Чарниковскихъ и въ окрестностяхъ Вьенцборга, доказываютъ, что въ это время ходили по янтарь къ берегамъ гданскимъ и по старѣйшей торговой дорогѣ, хотя путь чрезъ Калишь и бродъ на Осье былъ главнымъ торговымъ трактомъ. Заглядывали въ это время и до копей *нурскихъ*, такъ какъ и въ Лежайскѣ найдена монета Веспасіана“¹⁾.

Начатый Римлянами при Веспасіанѣ торгъ янтаремъ не прерывался и при его наследникахъ, что доказываетъ значительное количество монетъ Тита, а особенно Домиціана, разбросанныхъ въ нашихъ краяхъ²⁾.

Въ эпоху Траяна римская торговля янтаремъ въ нашемъ краѣ достигаетъ наибольшаго оживленія³⁾ и открываетъ новый путь. Со времени завоеванія Дакии Римлянами, Карпунтъ перестаетъ быть ближайшимъ пунктомъ къ берегамъ балтійскимъ. Владѣнія Римлянъ отодвигаются далеко на сѣверовостокъ, за Карпаты, и съ этого времени кратчайшею дорогою отъ границъ римскихъ владѣній до

¹⁾ Тамъ-же; 77.

²⁾ „Wszystcy za Wespazyjana handel bursztynowy nie ustawał i za następców jego“. Znaczna liczba, продолжаетъ авторъ, монетъ Тита, а особенно Домиціана, разсыпанныхъ (rozsypanych) по Силезіи, Великой Польшѣ и Пруссіи, проявляющихся также въ Царствѣ Польскомъ и въ немаломъ количествѣ (w niemałej liczbie) въ окрестностяхъ Елка въ восточной Пруссіи, доказываетъ не только то, что торговое движеніе не ослабѣло, но также, что оно имѣло мѣсто на всѣхъ дорогахъ, какъ на старой, чрезъ бродъ чарниковскій къ берегу гданскому, такъ и трактъ чрезъ бродъ на Осье и на пути между озеромъ, проходящимъ подъ Елкомъ, на который вступали по прямой линіи изъ Моравіи чрезъ нынѣшнее Царство Польское. Тамъ-же, 77.

³⁾ Wyrazistszój znów postaci i nowego kierunku nabiera handel bursztynowy za Trajana. Sądząc z nader znacznej ilości monet Trajanowskich, znajdujących na wszystkich poręczach naszych, uznać wypada ruch handlowy za czasów tego cesarza za bardziej ożywiony, niż w którymkolwiek innym okresie handlu bursztynowego“. Тамъ-же.

Балтики является путь, ведущій отъ загиба днѣстровскаго по прямой линіи до берега янтарнаго. Серебряныя и золотыя монеты, найденныя на этомъ пути, времянь Нервы, Траяна, Марка Аврелія, Коммода, Діоклетіана, Констанція и Константина, доказываютъ, что эта дорога, открытая первоначально Римлянами по завоеваніи Дакии (otworzona dopiero po zdobyciu Dacyi), служила торговымъ трактомъ до послѣдняго времени римской торговли ¹⁾.

При императорѣ Адріанѣ послѣдовала новая переменна въ направленіи римской торговли ²⁾. Завоеваніе Греціи сблизило Римлянъ съ понтийскими греческими колоніями и открыло имъ торговые пути къ балтійскому поморью по Днѣстру, Днѣпру и ихъ притокамъ ³⁾. Римская торговля на восточныхъ порѣчьяхъ, по мнѣнію г. Садовскаго, продолжалась до времени Геліогабала, а совершенно прекратилась, когда римскіе императоры не могли удержать за собою Дакии и перевели оттуда римскихъ поселенцевъ за Дунай, что случилось около 270 года нашей эры, когда образована была на правомъ берегу Дуная такъ называемая Дакия Авреліана ⁴⁾. На западныхъ порѣчьяхъ римская торговля продолжалась до IV вѣка. Монеты Антонина, Марка Аврелія, Коммода, Септимія Севера, Каракаллы, Александра Севера, Галіена, Діоклетіана, Констанція и Константина можно найти на всѣхъ западныхъ торговыхъ дорогахъ до Сана и Вислы; встрѣчаются и въ окрестностяхъ Елка, что доказываетъ, что всѣ тѣ дороги были посѣщаемы. Всего чаще встрѣчаются монеты Діоклетіана, Констанція и Константина“. „Послѣднія, намъ извѣстныя, римскія монеты, найденныя въ окрестностяхъ Ратибора и въ Крейзевицѣ, въ Силезіи, принадлежатъ императору Валенту“ ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ-же; 78.

²⁾ „Za czasów Hadryjana następuje znowu zmiana w kierunku dróg handlowych rzymskich“. Тамъ-же, 80.

³⁾ Тамъ-же, 80.

⁴⁾ „Trwał więc ten handel na wschodnich porzeczach widocznie aż do czasów Heliogabalowych, a ustał zapewne dopiero wtenczas, kiedy wobec nacisku ludów najeżdżających państwo rzymskie, cesarze Dacyi już utrzymać nie mogli i dla tego mieszkańców rzymskich ztąd wyprowadzili.“ Тамъ-же, 81.

⁵⁾ „Na porzeczach zachodnich trwał handel rzymski, jak to

Таковы доказательства и содержаніе воззрѣнія, объясняющаго появленіе римскихъ монетъ въ бассейнахъ Вислы и Днѣпра торговыми сношеніями Римлянъ съ балтійскимъ поморьемъ. Нельзя отказать ему въ нѣкоторой вѣроятности, при господствующихъ нынѣ воззрѣніяхъ по древнему періоду исторіи Славянъ, проведенныхъ въ историческую литературу учеными нѣмецкаго направленія. Само собою разумѣется, что при такомъ рѣшеніи вопроса о времени и причинѣ появленія римскихъ монетъ въ центральныхъ областяхъ Европы, онъ не имѣетъ никакого отношенія къ славянской исторіи: римскія монеты занесены въ бассейны Вислы и Днѣпра Римлянами; слѣдовательно, славянская исторія тутъ не при чемъ.

Но если мы докажемъ, что сказанное объясненіе невѣрно, что римскія монеты занесены въ бассейны Вислы и Днѣпра не Римлянами, а Славянами въ эпоху владычества Римлянъ въ Дакию, то римскія монеты древнеславянскихъ областей получаютъ чрезвычайную важность для славянскаго историка.

Первою задачею славянскаго историка нашего времени должно быть точное и безспорное рѣшеніе основныхъ вопросовъ исторіи славянскихъ народностей. Столѣтній опытъ убѣждаетъ насъ, что сколько бы ни было изслѣдованій по частнымъ вопросамъ древнеславянской исторіи и какъ бы ни были остроумны эти изслѣдованія, онѣ не въ состояніи поставить нашу исторію на положительныя основы, вывести ее изъ хаоса предположеній, противорѣчій и недо-разумѣній ¹⁾.

Но рѣшите безспорно основные вопросы исторіи славянскихъ народностей: когда и гдѣ совершилось этнографическое распадѣніе праславянскаго типа и на какой степени культурнаго развитія стоя-

widac z pozostałych monet, aż do IV wieku naszej ery. Monety Antonina, Marka Aurelego, Kommoda, Septyma Sewera, Karakalli, Aleksandra Sewera, Galijena, Dyoklecujana, Konstancyjusza i Konstantyna napotkać można na wszystkich drogach handlowych zachodnich, aż po San i Wisłę. Znajdują się téż i w okolicach Elka, co dowodzi, że wszystkie te drogi były odwiedzane. Najczęstszemi są monety Dyoklecujana, Konstancyjusza i Konstantyna...“.

¹⁾ См. Д. Самоквасова: Ист. Рус. права; I, пред. с IV, V.

ли наши предки въ эпоху ихъ географическаго разъединенія, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ этнографическое распаденіе, тогда множество частныхъ вопросовъ исторіи древнеславянскихъ племенъ разрѣшится само собою. И наука настоящаго времени располагаетъ уже фактическимъ матеріаломъ, вполне достаточнымъ для положительнаго, безспорнаго рѣшенія сказанныхъ, основныхъ вопросовъ славянской исторіи. Въ ряду этихъ матеріаловъ, по отношенію къ исторіи русскихъ и польскихъ Славянъ, первое мѣсто займутъ римскія монеты первыхъ столѣтій, если доказано будетъ, что онѣ занесены Славянами въ бассейны Вислы и Днѣпра. Римскія монеты положительно укажутъ намъ время географическаго отдѣленія русскихъ и польскихъ Славянъ отъ общаго имъ праславянскаго корня, точно обозначатъ пути, которыми двигались наши предки въ новыя мѣста жительства, опредѣлятъ пункты первоначальныхъ славянскихъ поселеній въ новыхъ родинахъ, дадутъ вѣрное средство отличить жилища и кладбища славянскихъ колонистовъ въ центральныхъ областяхъ Европы отъ жилищъ и кладбищъ другихъ народовъ; а слѣдовательно, предоставятъ въ распоряженіе славянскаго историка массу фактическаго матеріала къ положительному опредѣленію культурныхъ условій быта нашихъ предковъ въ самомъ началѣ и въ послѣдующія эпохи ихъ самостоятельной исторіи, дадутъ возможность русскому и польскому историку начать изложеніе исторіи его предковъ семью столѣтіями ранѣе той эпохи, съ которой начинаютъ ее въ настоящее время.

Въ виду такой важности въ нашей исторіи вопроса о времени и причинѣ появленія римскихъ монетъ въ центральныхъ областяхъ Европы, занятыхъ Славянами, все, что противорѣчитъ одновременности появленія славянскихъ колонистовъ и римскихъ монетъ въ бассейнахъ Вислы и Днѣпра и что ее доказываетъ, должно остановить на себѣ вниманіе славянскихъ историковъ, должно быть разработано ихъ общими силами.

Фактъ безспорный, положительный состоитъ въ томъ, что въ областяхъ по Вислѣ и Днѣпру, съ ихъ притоками, занятыхъ польскими и русскими Славянами, сохранилось множество римскихъ монетъ, относящихся къ I и II столѣтіямъ послѣ Рождества Христова. Задача науки объяснить, когда, гдѣ и по какой причинѣ

сказанныя монеты вынесены изъ предѣловъ Римской имперіи и закопаны въ землѣ славянской, никогда не принадлежавшей Римлянамъ?

Байеръ, Крузе, Лелевель, Крашевскій, Садовскій и др., на основаніи мотивовъ, сгруппированныхъ послѣднимъ изъ нихъ, полагаютъ, что римскія монеты занесены въ бассейны Вислы и Днѣпра римскими купцами, производившими торговыя сношенія съ балтійскимъ поморьемъ. Дѣйствительно, болѣе вѣроятнаго объясненія невозможно придумать, если мы послѣдуемъ за нѣмецкимъ направлениемъ въ разработкѣ древнѣйшей исторіи Славянъ, не признаемъ стародавняго пребыванія нашихъ предковъ въ южной Европѣ, допустимъ первоначальное появленіе Славянъ на Дунаѣ только въ V вѣкѣ и не признаемъ въ Волохахъ русскаго лѣтописца, потѣснившихъ нашихъ предковъ на Дунаѣ, Римлянъ эпохи императора Траяна. Но если мы, соотвѣтственно изложеннымъ выше свидѣтельствамъ древней исторіи, географіи и этнографіи, допустимъ происхожденіе Славянъ отъ Скифовъ, искони занимавшихъ припонтійскія и придунайскія области, и признаемъ историческую достовѣрность свидѣтельства русской лѣтописи о колонизаціи Славянъ изъ областей придунайскихъ въ центральныя области Европы, въ слѣдствіе завоеванія древней Дакии Римлянами, то фактъ присутствія римскихъ монетъ въ славянской землѣ центральной Европы можетъ быть объясненъ не такъ, какъ его объясняютъ сказанные изслѣдователи: римскія монеты могли быть занесены туда не Римлянами, а гето-дакійскими племенами, въ эпоху владычества Римлянъ въ Дакии, выселившимися за Карпаты, въ центральныя области Европы, и получившими тамъ имена польскихъ и русскихъ Славянъ.

Предъ нами, такимъ образомъ, два объясненія факта присутствія римскихъ монетъ въ землѣ русскихъ и польскихъ Славянъ и наукѣ предстоитъ рѣшеніе вопроса, какое изъ нихъ должно быть признано соотвѣтствующимъ исторической дѣйствительности. Рѣшеніе этого вопроса предполагаетъ сравненіе аргументаціи того и другого объясненія.

Разсмотримъ сначала аргументацію воззрѣнія, объясняющаго появленіе римскихъ монетъ въ древнеславянскихъ областяхъ торговыми сношеніями Римлянъ съ балтійскимъ поморьемъ.

Единственными лѣтописными источниками нашихъ знаній по

вопросу объ отношеніяхъ Римлянъ къ народамъ балтійскаго побережья въ началѣ христіанской эпохи могутъ служить только сочиненія Страбона и Тацита, специально посвященныя описанію Германіи того времени, а потому на свидѣтельствахъ Страбона и Тацита прежде всего необходимо остановить наше вниманіе ¹⁾).

По словамъ Страбона, въ его время была извѣстна только западная Германія, лежавшая между рр. Рейномъ и Эльбою. Римляне познакомились съ племенами этой Германіи только тогда, когда начали воевать съ ними. Все, что лежало за Эльбою, оставалось Римлянамъ совершенно неизвѣстнымъ; никто изъ нихъ не ѣздилъ и не ходилъ туда, ни водою ни сухимъ путемъ ²⁾).

¹⁾ Годъ рожденія и смерти Страбона въ точности неизвѣстны; но частое упоминаніе въ его „Географіи“ современныхъ лицъ и событій, время которыхъ извѣстно, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ жилъ въ эпоху Помпея, Цицерона, Юлія Цезаря, Августа и Тиверія. Полагаютъ, что Страбонъ умеръ въ 25 году по Р. Х. Тацитъ родился около 56 года по Р. Х., а находился въ живыхъ еще въ 117 году; слѣдовательно, время его жизни обнимаетъ эпоху императоровъ Перона, Гальбы, Оттона, Вителія, Веспасіана, Тита, Домиціана, Нервы, Траяна и Адріана.

²⁾ „За жителями прирейнскими слѣдуютъ прочія племена, которыя обитаютъ между Рейномъ и р. Альбіемъ; эта послѣдняя протекаетъ почти параллельно Рейну по направленію къ океану, перерѣзывая страну по величинѣ такую же, какую перерѣзываетъ и Рейнъ“. Географія; к. VII, гл. I, п. 3. „Эти германскія племена сдѣлались извѣстными съ тѣхъ поръ, какъ стали воевать съ Римлянами, когда они то покорялись имъ, то снова поднимались, то оставляли прежнія мѣста жительства. Еще и многія другія изъ нихъ сдѣлались бы извѣстными, если бы Августъ позволилъ своимъ полководцамъ перейти Альбію“. Тамъ-же, п. 4. „Что касается Германцевъ, то, какъ я сказалъ, сѣверные изъ нихъ простираются вдоль океана. Впрочемъ извѣстны изъ нихъ только тѣ, которыя обитаютъ между устьями Рейна и Альбіемъ. Наболѣе извѣстны— Сугамбры и Кимбры. Все, что за Альбіей до океана, совершенно намъ неизвѣстно. Мы не знаемъ, чтобы кто-либо изъ предшественниковъ плавалъ вдоль этого берега... Римляне никогда не заходили въ тѣ мѣстности, которыя лежатъ за Альбіей;

Тацитъ, описывая границы Германіи, подтверждаетъ свидѣтельство Страбона, по которому причиною ознакомленія Римлянъ съ Германцами были не торговыя, а военныя предпріятія; въ дальнѣйшемъ-же описаніи народовъ Германіи сознается, что въ его время области за рѣкою Эльбою были еще менѣе извѣстны, нежели до него ¹⁾).

Въ виду прямыхъ, такъ опредѣленныхъ, свидѣтельствъ писателей перваго вѣка объ отсутствіи какихъ бы то ни было сношеній у древнихъ Римлянъ съ народами, обитавшими за Эльбою, воззрѣніе, недоувѣряющее этимъ свидѣтельствамъ, утверждающее существованіе непосредственныхъ торговыхъ сношеній древнихъ Римлянъ съ „янтарнымъ“ балтійскимъ побережьемъ и порѣчьями Одера, Вислы, Нѣмана и Днѣпра можетъ быть основано только на доказательствахъ положительныхъ, бесспорныхъ, неопровержимыхъ. Такой аргументаціи не находимъ въ разбираемомъ нами воззрѣніи.

Выводъ о торговыхъ сношеніяхъ Римлянъ съ янтарнымъ балтійскимъ побережьемъ основанъ на слѣдующихъ послылкахъ: въ могилахъ древней Италіи часто встрѣчается янтарь, а на балтійскомъ побережьи и въ областяхъ, лежащихъ между Италіей и Балтикою, встрѣчаются монеты и другія издѣлія Римлянъ; слѣдовательно, Римляне посѣщали янтарное балтійское побережье и получали отъ тамошнихъ народовъ янтарь, а взамѣнъ янтаря, оставляли имъ свои монеты и другія издѣлія. Выводъ о непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ Римлянъ съ янтарнымъ балтійскимъ побережьемъ нисколько не обусловленъ сказанными по-

равнымъ образомъ никто не совершалъ туда путешествія и сужилъ путемъ“. Тамъ-же; гл. II, п. 4.

¹⁾ „Всей Германіи служатъ границами: со стороны Галловъ, Ретовъ и Панноніевъ рѣки Рейнъ и Дунай, а со стороны Сарматовъ и Даковъ взаимныя опасенія и горныя хребты; съ прочихъ сторонъ окружаетъ океанъ, образуя обширныя заливы и омывая обширныя пространствомъ острова. *Еще недавно только узнали о существованіи нѣкоторыхъ народовъ и царей: ихъ открыла война“.* Германія; гл. I. „Въ землѣ Гермундуровъ получаетъ свое начало рѣка Альбисъ, нѣкогда славная и хорошо извѣстная, а нинѣ мы ее знаемъ только по слуху“.

сылками. Янтарь въ Италію, а итальянскіе предметы на балтійское побережье могли быть доставляемы не Итальянцами-Этрусками-Римлянами, а какимъ либо другимъ народомъ, посредникомъ въ торговлѣ янтаремъ между Италіей и Балтикою. Такимъ посредникомъ могли быть, напримѣръ, припонтійскіе греческіе колонисты и сосѣдившіе съ Эстами скифскіе, венеційскіе и германскіе народы. А разъ вы находите возможнымъ сомнѣваться въ вѣрности основнаго вывода теоріи непосредственныхъ торговыхъ сношеній Италіи съ янтарнымъ балтійскимъ побережьемъ, то и всѣ второстепенные выводы, имъ обусловленные, о торговыхъ римскихъ дорогахъ, торговыхъ римскихъ станціяхъ и т. д., теряютъ основаніе. Сомнѣніе же въ вѣрности сазаннаго вывода не только возможно, но и необходимо, при наличности приведенныхъ свидѣтельствъ Страбона и Тацита о полномъ отсутствіи сношеній древнихъ Римлянъ съ народами, обитавшими за Эльбою, и свидѣтельствъ Плинія и Геродота о торговыхъ посредникахъ между народами южной и сѣверной Европы.

По свидѣтельству Тацита, въ его время „янтарь собирали только Эсты, занимавшіе области съ правой стороны Балтійскаго моря; безъ всякой обдѣлки они доставляли его и съ удивленіемъ получали за него плату“ ¹⁾. Историкъ не сообщилъ намъ, кому имен-

¹⁾ Ergo iam dextro Suebici maris litore Aestiorum gentes... Frumenta ceterosque fructus patientius quam pro solita Germanorum inertia laborant. Sed et mare scrutantur, ac soli omnium succinum, quod ipsi *glesum* vocant, inter vada atque in ipso litore legunt; nec quae natura quaeve ratio gignat, ut barbaris, quaesitum compertumve; diu quin etiam inter cetera eiectamenta maris iacebat, donec luxuria nostra dedit nomen; ipsis in nullo usu: rude legitur, informe perfertur, pretiumque mirantes accipiunt. Germania Taciti; cap. 45. Quod arboris succuum esse prisca nostri credere, ob id succinum appellantes. Plin. Hist. Nat.; 37, 3. Нельзя ли при посредствѣ приведеннаго извѣстія Тацита о янтарѣ, который мѣстные жители (Эсты) собирали на побережьяхъ и называли „*глеземъ*“, объяснить слѣдующее странное извѣстіе русскаго лѣтописца о *глазкахъ*, появившихся въ его время послѣ дождя на берегу Волхова: „пришедшу ми въ Ладугу, повѣдаше ми Ладожане: яко сдѣ есть, егда будетъ туча велика, и находятъ дѣти наши *глазны* сткляныи, и малыи и великыи, повертаны, а другыи *подль Волховъ берутъ*, еже вы-

но Эсты доставляли янтарь и отъ кого получали за него плату. Во всякомъ случаѣ, не отъ Римлянъ непосредственно, по тому что выше приведенныя свидѣтельства прямо говорятъ намъ, что ни одинъ Римлянинъ не проникалъ къ янтарнымъ берегамъ Балтики ни водою, ни сухимъ путемъ. Отъ кого-же Римляне получали балтійскій янтарь и кому его доставляли Эсты? На этотъ вопросъ прямо отвѣчаютъ намъ извѣстія Плинія и Геродота. По словамъ Плинія, современника Тацита: „*Adfertur (succinum) a Germanis in Pannoniam maxime et inde Veneti primum, quos Enetos Gracsci vocaverunt, famam rei fecere proximique Pannoniae et agentes circa mare Hadriaticum*“¹⁾. Геродотъ, перечисливъ сѣверныхъ сосѣдей европейской Скифіи, Невровъ, Андрофаговъ, Меланхленовъ и т. д., свидѣтельствуеть: „о сихъ народахъ многое извѣстно, такъ какъ посѣщаютъ ихъ Скифы, отъ коихъ нетрудно

поласкиваетъ вода; отъ нихъ же взявъ болѣ ста, суть бо различны“¹⁾. Лѣтопись по Ипат. списку; стр. 199. Въ 1872 году, во время моего путешествія по берегамъ Ладожскаго озера, съ цѣлю ознакомленія съ внѣшними формами городищъ и кургановъ сѣверной Россіи, мѣстный крестьянинъ, сопровождавшій меня изъ д. Назы въ д. Апраксинъ городокъ, съ вопросомъ: „не золото ли это?“—показалъ мнѣ нѣсколько округленыхъ кусочковъ янтаря, величиною отъ горошины до лѣснаго орѣха, и сообщилъ, что эти кусочки найдены имъ послѣ бури на берегу небольшого озера, лежащаго въ мѣстномъ лѣсу.

Новѣйшія археологическія изслѣдованія показываютъ, что во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Эсты-Литовцы собирали янтарь уже не только для другихъ народовъ, но и для домашняго употребленія. По нашей инициативѣ, г. Ф. Довгирдъ изслѣдовалъ недавно въ Россіенскомъ уѣздѣ, Ковенской губерніи, въ имѣніи графини Забѣловой (Эйрагола), въ урочищѣ „Ясна гурка“, давнее кладбище, оригинальное по устройству и очень богатое содержаніемъ бронзовыхъ и древнѣйшихъ формъ желѣзныхъ предметовъ. Почти во всѣхъ могилахъ этого кладбища, древнѣйшаго изъ литовскихъ могильниковъ, открытыхъ по настоящее время, встрѣчены по двѣ янтарныя бусы, въ лѣсной орѣхъ величиною, составлявшія, судя по ихъ мѣсту находженія, грудную запонку.

¹⁾ Hist. Nat., XXXVII, 42.

получить о них свѣдѣнія, а также и нѣкоторые Греки изъ торжища Борисфенитянъ (Ольвіи) и другихъ торжищъ понтійскихъ. Скифы, посѣщающіе перечисленные народы, производятъ съ ними дѣла посредствомъ переводчиковъ на семи языкахъ“¹⁾).

Слѣдовательно, теорія непосредственныхъ сношеній Римлянъ республиканской эпохи съ янтарнымъ балтійскимъ побережьемъ весьма сомнительна. Присутствіе янтара въ могилахъ древней Италіи и римскихъ издѣлій того времени на порѣчьяхъ Одера и Вислы легко объясняется свидѣтельствами классическихъ писателей о торговомъ посредничествѣ между южною и сѣверною половинами Европы Скифовъ, Венетовъ и Германцевъ²⁾).

„Послѣ всадника Неропова, говорятъ намъ, осталось много монетъ Клавдія и Нерона, найденныхъ въ Силезіи, Великой Польшѣ и вблизи береговъ балтійскихъ, хотя не найдено до сихъ поръ ни одного предмета бронзоваго“. Но въ такомъ случаѣ, всадникъ Нерона былъ не только въ Силезіи и Великой Польшѣ, но и во мно-

¹⁾ Исторія; IV, 24.

²⁾ Раскопками послѣднихъ лѣтъ въ могилахъ сѣвернаго Кавказа эпохи Рождества Христова обнаружено присутствіе янтара и разныхъ бронзовыхъ предметовъ, которые легко причислить къ древностямъ „типа этрусскаго“ или „кельтическаго“. Такъ напримѣръ, въ 1881 году, у колоніи Карраса, подъ Пятигорскомъ, изслѣдованъ мною подпочвенный могильникъ, въ одной изъ могилъ котораго, между прочимъ, найдены: ожерелье, состоящее изъ 32 кусковъ янтара, величиною отъ лѣснаго до крупнаго американскаго орѣха; бронзовые браслеты, съ рѣзными змѣиными головками на концахъ; большое бронзовое, лирообразное зеркало, съ рѣзною ручкою, оканчивающеюся рельефнымъ изображеніемъ животнаго, и пр. Изъ этихъ находокъ, по методу теоріи непосредственныхъ торговыхъ сношеній древней Италіи съ янтарнымъ балтійскимъ побережьемъ, можно заключить, что Пятигорскій округъ въ эпоху Р. X. имѣлъ непосредственныя сношенія съ балтійскимъ поморьемъ и Италіей. Въ могилахъ центральныхъ губерній Россіи, относящихся ко II и III столѣтіямъ по Р. X., встрѣчаются египетскіе скарабеи; но конечно эти находки не означаютъ собою непосредственныхъ сношеній Кіевской или Полтавской губерній съ Египтомъ.

гихъ другихъ мѣстахъ, на примѣръ, въ Черниговской губерніи, гдѣ „въ 1873 году, въ пяти верстахъ отъ города Нѣжина, близь дороги на село Пашковку, найдено 1312 серебрянныхъ римскихъ монетъ: *Верона*, *Домиціана*, *Нервы*, *Траяна*“ и др. ¹⁾.

„Монеты *Веспасіана*, найденныя въ Устьи, вблизи бродовъ *Чарновскихъ* и въ окрестностяхъ *Вьенцбурга*, доказываютъ, что въ его время и по старѣйшей дорогѣ къ берегамъ *гданскимъ* по янтарь ходили (Римляне)... Заглядывали въ его время и до копей *нурскихъ*, такъ какъ и въ *Лежайскѣ* найдена монета *Веспасіана*“ ²⁾. Но въ такомъ случаѣ, Римляне времени *Веспасіана* заглядывали также въ *Калужскую губернію*, гдѣ найденъ кладъ съ монетами *Веспасіана* ³⁾, и въ *Харьковскую губернію*, гдѣ, возлѣ с. *Жихоря*, найдены серебрянныя монеты *Веспасіана* и *Траяна* ⁴⁾. Неизвѣстно только, зачѣмъ Римляне заглядывали такъ далеко на сѣверъ и востокъ; извѣстно, что тамъ янтаря не было.

„Начатый при *Веспасіанѣ* торгъ янтаремъ не прерывался и при его наслѣдникахъ, что доказываютъ монеты императора *Домиціана*, разбросанныя въ *Силезіи*, *Великой Польшѣ*, *Царствѣ Польскомъ* и *Пруссіи*“ ⁵⁾. Слѣдовательно, Римляне времени *Домиціана* ѣздили по янтарь и въ *Черниговскую губернію*, такъ какъ въ кладѣ подъ *Нѣжиномъ*, рядомъ съ монетами *Нерона*, найдены монеты *Домиціана*; даже въ *Ярославскую губернію*, такъ какъ близь *Ростова*, въ с. *Угодичахъ*, найдена мѣдная монета *Домиціана* ⁶⁾.

„Судя по особенно значительному количеству монетъ *Траяна*, находимыхъ на всѣхъ порѣчьяхъ нашихъ (польскихъ), должно признать, что при этомъ императорѣ торговое движеніе отличалось здѣсь большимъ оживленіемъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было дру-

¹⁾ Сообщение В. Г. Тизенгаузена (изъ дѣлъ Имп. Арх. Комм.).

²⁾ Садовскій, с. 76, 77.

³⁾ Отчетъ Калуж. губер. къ Мин. Удѣловъ. Замятка П. С. Савельева.

⁴⁾ Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1868 г., стр. XIX.

⁵⁾ Садовскій, с. 77.

⁶⁾ См. Труды 1-го Арх. съезда, с. 659 и 752.

гомъ округѣ янтарнаго торгога“¹⁾). Должно признать въ такомъ случаѣ, что и на порѣчьяхъ Днѣпра, Десны, Сейма, Оки и пр., въ эпоху императора Траяна торгъ янтаремъ отличался особеннымъ оживленіемъ, по тому что и тамъ находки монетъ Траяна отличаются особенно значительнымъ количествомъ²⁾).

Приведенные примѣры, взятые нами безъ выбора, въ порядкѣ изложенія разбираемой теоріи, ясно доказываютъ, что методъ ея аргументаціи ведетъ къ невозможнымъ заключеніямъ, — доказываетъ торговлю Римлянъ янтаремъ на берегахъ Десны, Сулы, Сейма, Оки, Волги и т. д.

Правильное объясненіе историческаго факта возможно только при точномъ знаніи его содержанія, а такого знанія мы не находимъ въ основаніи теоріи, объясняющей фактъ появленія римскихъ монетъ въ бассейнахъ Вислы и Днѣпра торговыми сношеніями Римлянъ съ балтійскимъ поморьемъ.

Въ изложеніи разбираемой нами теоріи читатель безпрестанно встрѣчаетъ выраженія: „много монетъ, большое число, значительное количество“ и пр., безъ ближайшаго опредѣленія, какое число монетъ должно разумѣть подъ этими выраженіями. Въ результатѣ,

¹⁾ Садовскій, стр. 77.

²⁾ Такъ напримѣръ, по сообщенію профессора В. Б. Антоновича, „въ 1880 году около мѣстечка Дашева, Липовецкаго уѣзда, найдено нѣсколько римскихъ монетъ, изъ которыхъ двѣ я видѣлъ — обѣ императора Траяна“. По сообщенію В. Г. Тизенгаузена, древнѣйшія изъ римскихъ монетъ, найденныхъ въ 1871 году въ Чигиринскомъ уѣздѣ, принадлежатъ императору Траяну (Дѣло Арх. Комм. за 1871 г.). Въ кладѣ римскихъ монетъ, найденномъ подъ Нѣжиномъ въ 1873 г., состоявшемъ изъ 1312 римскихъ монетъ, по количеству, первое мѣсто занимали монеты Траяна, Адриана и Антониновъ. (Дѣло Арх. Ком. за 1873 г.). Въ с. Жихорѣ, Харьковской губ., вмѣстѣ съ монетою Веспасіана, найдена монета Траяна (Отч. Арх. Комм. за 1868 г., стр. XIX). Въ кладѣ римскихъ монетъ, найденномъ въ 1875 году въ с. Лады, Саранскаго уѣзда, Пензенской губерніи, первое мѣсто занимаютъ монеты Траяна. (См. Голось за 1875 г., N 210. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1875 годъ, стр. XXXVI). И т. д.

читатель поставленъ въ необходимость составить о количествѣ монетъ той или другой эпохи, найденныхъ на нашихъ порѣчьяхъ, совершенно невѣрное понятие, не соответствующее исторической дѣйствительности.

„*Dižo monet* Клавдія и Нерона встрѣчается въ Силезіи, Великой Польшѣ и вблизи береговъ балтійскихъ“ ¹⁾).

„*Znaczna liczba* монетъ Вителія и Веспасіана доставили окрестности Ратибора и Ласковицъ, а въ Вармии *znaleziono téz znaczna ich liczba*“ ²⁾).

„*Znaczna liczba* монетъ Тита, а особенно Домиціана розсыпана по Силезіи, Великой Польшѣ и Пруссіи, проявляясь также и въ Царствѣ Польскомъ и въ „*niemałej liczbie*“ въ окрестностяхъ Елка въ восточной Пруссіи“ ³⁾).

„*Nader znaczna ilość* монетъ Траяна встрѣчается на всѣхъ порѣчьяхъ нашихъ“ ⁴⁾).

„*Liczne monety* ольвійскія надъ источниками Тясмина, а въ *niegównie jeszcze znaczniejszej ilości* монеты Адріана“ ⁵⁾).

„Монеты Антонина, Марка Аврелія, Коммода, Септимія Севера, Каракаллы, Александра Севера, Галиенна, Діоклетіана, Констанція и Константина можно встрѣтить на всѣхъ западныхъ торговыхъ дорогахъ по Санъ и Вислу, что доказываетъ, что всѣ тѣ дороги были посѣщаемы“ ⁶⁾).

„*Najczęstszemi* встрѣчаются у насъ монеты Діоклетіана, Констанція и Константина“ ⁷⁾).

¹⁾ Садовскій: *Drogi Handlowe*; с. 75.

²⁾ Тамъ-же; 76.

³⁾ Тамъ-же; 77.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же; 80.

⁶⁾ Тамъ-же; 81.

⁷⁾ Тамъ-же. Такою же неопредѣленностью фактическихъ оснований отличаются разсужденія Крашевскаго и другихъ послѣдователей теоріи торговыхъ сношеній Римлянъ съ балтійскимъ поморьемъ. „*W Karschten w Kurlandji, gdzie później był port i targowica, Dr. Kruse wskazuje dobitnie ślady handlu i stosunków czynnych z Rzymem, przez monety i starożytne zabytki tu znajdowane. Ślady te obejmują epokę między Hadrianem*

Не останавливаясь на неопредѣленности приведенныхъ выражений, подъ которыми можно разумѣть и 5, и 50, и 500, и 5,000 монеть, мы уважемъ только на ихъ невѣрность.

Невѣрнымъ является здѣсь употребленіе однопозначащихъ выражений для опредѣленія количества монеть, находимыхъ въ славянскихъ земляхъ, эпохи владычества Римлянъ въ Траяновой Даніи и количества монеть эпохъ предыдущей и послѣдующей. Римскія монеты отъ Нервы до Септимія Севера встрѣчаются въ землѣ русскихъ и польскихъ Славянъ, дѣйствительно, въ очень большомъ количествѣ, а монеты отъ Блավдія и Нерона до Домиціана чрезвычайно рѣдки, такъ рѣдки, что одинъ экземпляръ ихъ приходится на нѣсколько сотъ экземпляровъ послѣдующихъ императоровъ. Точно также монеты отъ Максимиана до Констанція и Константина, являются у насъ не „*najczęstsze*“, а очень рѣдкими, встрѣчаются только единичными экземплярами, тогда какъ монеты отъ Нервы до Септимія Севера находятъ у насъ сотнями и тысячами экземпляровъ ¹⁾).

a Felipem Arabem, ani wcześniejszych, ani późniejszych monet tu nie znaleziono. Na wyspie Oesel, która wprzód przez żeglujących poznana była, są monety od Tyberjusza się poczynaające. W głębi kraju od morza idąc, znajdujemy monety Klaudjusza do Walentynjana (364 p. Chr.) dowodzące, że handel morzem zajął naprzód wybrzeża i rozciągał się powoli, coraz dalej na ląd stały. W Prusiech i Polsce monety Cezarów trafiają się z wieków I—III po Chrystusie, byzantyjskich Athanasjusza, Marcjana, Zenona, Leo, Theodozjusza, Bazyliska; w Inflantach Basiljusza Macedo, Konstantego VI i VII, Porfirogenity. Monety rzymskie późniejszych Cezarów w Prusiech i Polsce, znajdują się w wielkiej liczbie, nie brak ich i w Szląsku.“ Sztuka u Słowian, p. 362.

¹⁾ Въ литературѣ мы встрѣтили два указанія на находки монеть Констанція и Константина въ предѣлахъ древнеславянской земли. „*Kreisevitz. Hier sind vom Herrn Römer Prediger in beyden Orten, in dem Klingelbeutel 6 alte Kupfermünzen gefunden, und an die Breslauer Alterthümer-Sammlung eingesandt: D. N. Walens P. F. Aug., Divi Constanti, D. N. Constanti, D. N. F. Ivl. Constantius...*“ Budorgis oder etwas über das alte Schlesien etc. v. Fr. Kruse. Leipzig, 1819, s. 149, 150. Второе указаніе находимъ у В. Мацеёвскаго: „o pół-

Намъ остается указать еще одну невѣрность теоріи торговыхъ сношеній древнихъ Римлянъ съ балтійскимъ поморьемъ: распределение находимыхъ у насъ римскихъ монетъ по „древнѣйшимъ — западнымъ и повѣйшимъ — восточнымъ, торговымъ дорогамъ.“ Это распределение и всѣ выводы, на немъ основанные, совершенно несогласны съ фактическимъ матеріаломъ, полный обзоръ котораго мы предлагаемъ ниже.

Слѣдовательно, не можетъ быть принято наукою объясненіе факта появленія римскихъ монетъ въ предѣлахъ земли русскихъ и польскихъ Славянъ торговыми сношеніями Римлянъ съ балтійскимъ поморьемъ: оно основано на недостаточномъ знаніи фактического матеріала, противорѣчитъ прямымъ свидѣтельствамъ классическихъ писателей о полномъ отсутствіи сношеній древнихъ Римлянъ съ народами областей, лежавшихъ за р. Эльбою, и несогласно съ фактами Археологін, открывающей римскія монеты въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ невозможно предположить римскую торговлю ни подъ какимъ предлогомъ, какъ напримѣръ, на бережьяхъ Десны, Сулы, Сейма, Оки, Волги и пр.

Какъ-же объяснить намъ время и причину появленія римскихъ монетъ въ предѣлахъ земли русскихъ и польскихъ Славянъ? Для рѣшенія этого вопроса соберемъ фактическій матеріалъ и сопоставимъ его съ лѣтописными свидѣтельствами ¹⁾.

tory mili za Sączem, po miejscach pagórkowych jednym idących pasmem, i po takichże od miasteczka Zbyszyc ciągnących się aż pod Grybow, obozowali snadź Rzymianie między pierwszym a czwartym wiekiem po Chr. W tych bowiem stronach, a gdzieindziej w Karpatach bynajmniej, mianowicie też we wsi Siedlee, Mogilno i innych, wykopują się dotąd srebrne i złote monety (pierwsze częściej niż drugie) Cesarzów rzymskich: Nerwy, Trajana, Marka Aureliusza, Kommoda, Dyoklecujana, Konstancjusza, Konstantyna, snadź z czasu obozowania tu Rzymian zachowane. Znajdują się obecnie te monety w zbiorze p. Felicujana Marszałkiewicza, dziedzica dóbr Stronia pod Sączem, u którego bawiąc r. 1845 w gościnie, oglądałem je.“ Pierwotne dzieje Polski i Litwy; 1846; p. 603.

¹⁾ Съ цѣлью облегчить читателю справки о времени именуемыхъ въ текстѣ монетъ, помѣщаемъ здѣсь перечень римскихъ императоровъ со времени Августа до Валентиніана I,

Въ извѣстномъ Траяновомъ валѣ, защищавшемъ Дакію Траяна отъ сѣверныхъ и восточныхъ варварскихъ соеѣдей, проходящемъ въ Подольской губерніи, по уѣздамъ Упицкому, Каменецкому и Проскуровскому, „находятъ римскія монеты императоровъ Траяна, Адриана и Антониновъ“¹⁾).

Въ уѣздахъ, по которымъ проходитъ Траяновъ валъ, часто встрѣчаются римскія монеты эпохи владычества Римлянъ въ Дакіи; особенно часто ихъ находятъ въ Проскуровскомъ уѣздѣ, напримѣръ,

въ порядкѣ исторической послѣдовательности и съ обозначеніемъ времени царствованія каждого изъ нихъ:

Августъ	† 14 г.	Каракалла	211—217
Тиверій	14— 37	Макринъ	217—218
Калигула	37— 41	Гелиогабаль	218—222
Клавдій	41— 54	Александръ Северъ	222—235
Неронъ	54— 68	Максиминъ	235—238
Гальба	68— 69	Гордіанъ I	— 238
Оттонъ	— 69	Гордіанъ II	— 238
Вителій	— 69	Бальбинъ	— 238
Веспасіанъ	69— 79	Пупьень	— 238
Титъ	79— 81	Гордіанъ III Пій .	238—244
Домиціанъ	81— 96	Филиппъ Арабъ . .	244—249
Нерва	96— 98	Децій Траянъ . . .	249—251
Траянъ	98—117	Требоніанъ Галль .	251—254
Адрианъ	117—138	Валеріана	253—260
Элій Веръ	135—138	Галіеннъ	260—268
Сабина	100—137	Клавдій II Готичес-	
Фаустина Старшая . .	† 141	кій	268—270
Антонинъ Пій	138—161	Авреліанъ	270—275
Луцій Веръ	135—169	Тацитъ	275—276
Фаустина Младшая	140—175	Пробъ	276—282
Маркъ Аврелій . . .	161—180	Каръ	282—283
Криспина	177—183	Нумеріанъ	283—284
Луцилла	164—183	Диоклетіанъ	284—305
Коммодъ	177—192	Константинъ I Вел.	308—337
Гельвецій Пертинаксъ	† 192	Константинъ II . .	337—340
Клодій Альбинъ . . .	193—196	Констансъ I	335—350
Септимій Северъ . . .	197—211	Валентиніанъ I . .	364—375

¹⁾ См. П. П. Семенова: Географ. Словарь; IV, стр. 142.

у м. Сатанова ¹⁾. „Въ Ольгопольскомъ уѣздѣ найдены монеты: Траяна, Адриана, Антонина Пія, Фаустины, Марка Аврелія, Коммода, Пертинакса и Септимія Севера“ ²⁾. „Въ Брацлавскомъ уѣздѣ, въ с. Грабовицахъ, былъ найденъ кладъ, состоявшій изъ 80 серебряныхъ монетъ римскихъ императоровъ“ ³⁾.

По сказанію начальной русской лѣтописи: „Волкомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилъщемъ имъ; Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне; Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне“ ⁴⁾. Соотвѣтственно этому свидѣтельству, въ бассейнѣ Вислы, въ областяхъ древнихъ Ляховъ, Полянъ, Лутичей, Мазовшанъ и Поморянъ, римскія монеты эпохи владычества Римлянъ въ Дакии встрѣчаются очень часто, какъ отдѣльными экземплярами, такъ и цѣлыми кладами, заключающими въ себѣ сотни и тысячи экземпляровъ.

Въ 1870 году, въ деревнѣ Свистельникахъ, уѣзда Рогатынскаго, въ Галиціи, выпханъ горшокъ съ римскими „медаліями“ эпохи Траяна ⁵⁾.

„Въ восточной Галиціи открытъ большой кладъ бронзовыхъ украшеній, золотой и серебрянной римской монеты. Поодинокѣ римскія монеты очень часто встрѣчаются на Подляси, особенно въ уѣздахъ Луковскомъ и Радзинскомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ имѣніи Пшегалинахъ, возлѣ Межирѣчья, найдены три серебрянныя монеты императора Траяна. У евреевъ, серебрянныхъ дѣлъ мастеровъ, часто встрѣчаются по нѣскольку экземпляровъ серебряныхъ римскихъ монетъ, найденныхъ въ той-же мѣстности; изъ нихъ самыя древнія императора Нерона, а самыя новыя Антонина Пія.

¹⁾ Тамъ-же, IV, 497.

²⁾ Подоль. Губерн. Вѣдом. 1838 г. N. 8. Стрекалова: Клады и пр., стр. 6 и 7.

³⁾ Тамъ-же, стр. 18 и 19.

⁴⁾ П. С. Р. Л. I, 3.

⁵⁾ „We wsi Swistelnikach, powiecie Rohatyńskim, w Gali-cyi, w lipcu wyorano garnek z medalami rzymskimi, z epoki Trajana cesarza. Żyd nabył takowe od chłopca za kwartę sera.“ — Rocznik dla Archeologów, Numizmatyków etc. Kraków, 1873 г. pag. 167. Медаліями польскій народъ называетъ древнія монеты.

Всего-же чаще встрѣчаются Траяна и Адриана. Замѣчается еще, что южнее Люблина чаще находятъ римскія монеты сказанной эпохи, нежели сѣвернѣе¹⁾.

Въ 1873 году, въ Сѣдлецкой губерніи, въ двухъ верстахъ отъ уѣзднаго города Венгрова, у деревни Ярнице, былъ найденъ кладъ серебрянныхъ римскихъ монетъ, изъ котораго мѣстному уѣздному начальнику было представлено 260 экземпляровъ, а послѣднимъ переслано въ Импер. Археол. Коммисію 235 экземпляровъ. Монеты этого клада принадлежать слѣдующимъ императорамъ: Веспасіану, Домиціану, Траяну, Адриану, Антонину Пію, Фаустинѣ старшей, Луцію Веру, Фаустинѣ младшей, Марку Аврелію, Луциллѣ, Коммоду, Криспинѣ и Альбину²⁾.

Въ 1871 году, въ Опатовскомъ уѣздѣ, Радомской губерніи, найдено около 400 серебрянныхъ римскихъ монетъ, принадлежащихъ императорамъ: Веспасіану, Титу, Домиціану, Нервѣ, Траяну, Адриану, Антонину Пію и Марку Аврелію³⁾.

Въ 1877 году, въ Калишской губерніи, изъ подмытаго берега р. Варты, выпалъ и рассыпался сундукъ (skrzynia), наполненный серебрянными монетами. Этотъ кладъ заключалъ въ себѣ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, перелитыхъ мѣстными евреями въ серебрянные слитки. Часть клада, четыре кварталы, была привезена въ Варшаву для продажи и показана г. Бизіе. Нѣсколько экземпляровъ были приобретены гг. Бизіе и Шиборовскимъ, а остальные, вѣроятно, также перелиты въ слитки, такъ какъ охотника купить ихъ не оказалось. Монеты, приобретенныя гг. Бизіе и Шиборовскимъ, принадлежатъ времени Нервы, Траяна, Адриана, Сабина, Фаустины, Антонина Пія, Луція Вера, Марка Аврелія и Коммода⁴⁾.

¹⁾ Сообщение г. Шанявскаго, владѣтеля одной изъ лучшихъ нумизматическихъ коллекцій Царства Польскаго. Мѣсто жительства: Сѣдлецкая губ., Радзинскій уѣздъ; имѣніе Пшегалыны. Подлинникъ сообщенія, отъ 15 Февраля 1884 года, хранится при нашей коллекціи древностей.

²⁾ Сообщение I. Шиборовскаго. Ср. Отчетъ Импер. Арх. Ком. за 1873 г., стр. XXXII.

³⁾ Отчетъ Импер. Арх. Ком. за 1870—1871 г., стр. XXVII.

⁴⁾ Сообщение г. Бизіе, Директора выставки древностей

Въ Нешавскомъ уѣздѣ, Варшавской губерніи, въ имѣніи Голлавице, при распахнѣ поля, найдены серебрянныя римскія монеты, изъ которыхъ десять экземпляровъ были доставлены мѣстному владѣльцу; одна монета этой находки, поступившая въ нашу коллекцію древностей, императора Веспасіана ¹⁾).

На берегу р. Вислы, въ имѣніи гр. Ст. Замойскаго (Подзамче), найденъ кладъ серебрянныхъ римскихъ монетъ, изъ которыхъ 35 сохранившихся экземпляровъ принадлежатъ императорамъ: Веспасіану, Титу, Адриану, Антонину Пію, Луцію Веру, Фаустинѣ старшей и младшей, Марку Аврелію, Коммоду и Септимію Северу ²⁾).

Въ 1868 г., въ Плоцкой губерніи, Серпецкомъ уѣздѣ, у деревни Гродково, открытъ кладъ, состоявшій изъ 1540 серебрянныхъ монетъ: Траяна, Адриана, Сабинны, Антонина Пія, Луція Вера, Фаустины старшей, Фаустины младшей, Марка Аврелія, Бриспины, Луциллы, Коммода, Пертинакса, Альбина и Септимія Севера ³⁾).

Въ 1740 г., въ Пруссіи, въ округѣ Остерроде, на мызѣ Preussisch Görlitz, найденъ кладъ, состоявшій изъ 1123 монетъ. „Всѣ монеты были исключительно римскія первыхъ трехъ вѣковъ христіанской эры. Между ними не находилось греческихъ и восточныхъ, какъ ошибочно полагалъ докторъ Боленъ“ ⁴⁾).

Въ 1880 году, въ Познани, возлѣ г. Острешова, у деревни Сѣдлигова, найденъ кладъ состоявшій изъ 372 римскихъ серебрянныхъ монетъ, большею частію времени Антониновъ, двухъ очень красивыхъ серебрянныхъ фибулъ съ позолотою, серебряннаго слитка и небольшого, грубаго серебряннаго колечка ⁵⁾).

въ Варшавѣ (Саксонская площадь), и г. Пшиборовскаго, Лектора Варшавскаго Университета.

¹⁾ Сообщение С. Кленовскаго.

²⁾ Сообщение I. Пшиборовскаго.

³⁾ См. Отчетъ Импер. Арх. Коммисіи за 1870—1871 г.; стр. XXVI, — XXVII.

⁴⁾ П. С. Савельева: Мухаммеданская Нумизматика; с. 101.

⁵⁾ „Wiek“ 1880 г. Nr. 262; „Kurjer Warsz.“ 1880, N. 278.

Кладъ этотъ находится нынѣ въ музеѣ Познанскаго Общества Друзей науки.

„Въ древнемъ могильникѣ, открытомъ и разрушенномъ вѣтромъ, у мѣстечка Олиты, Кальварійскаго уѣзда, Сувалкской губерніи, между прочимъ, найдена медаль, величиною въ полтину, съ надписью въ первой строкѣ—*Nero Caesar Aug*, а во второй строкѣ—*P. Maximus*; на другой сторонѣ, повидимому, дятя, держащее какой-то круглый предметъ, впереди котораго буква *S*, а сзади *C*. Въ прошедшемъ году (1873), около Маріамполя, въ огородѣ, выпажаны двѣ медали изъ желтой бронзы, величиною предыдущей, Нероновой, но толще и лучше сохранившіяся. Первая съ бюстомъ и надписью на лицевой сторонѣ—*Divus Antoninus*; на оборотной сторонѣ — статуя на пьедесталѣ съ буквами *S* и *C*. На второй медали, хуже сохранившейся, надпись—*Mark Antoninus*, а на другой сторонѣ какая-то фигура. Изъ имѣющихся у меня римскихъ монетъ Веспасіана, Траяна, Антониновъ, Фаустины, одна Траяна выпажана около города Кольна, одна Веспасіана въ окрестностяхъ Ломжи, а остальные въ Полѣсьи, Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи, возлѣ деревень: Войтовица, Дуды, Глинга и Старой Вси, на берегу р. Буга, который размывается водою и обнаруживаетъ давнія кости людей, а при нихъ римскія монеты. Много найденныхъ здѣсь римскихъ монетъ я видѣлъ въ собраніи госп. С. Цецерскаго, владѣльца Цѣханова; древнѣйшія изъ нихъ Нервы, а новѣйшія Марка Аврелія. Въ деревнѣ Збойно, лѣтъ 20 тому назадъ, былъ выпажанъ глиняный горшокъ съ монетами римскихъ императоровъ; нѣсколько экземпляровъ изъ этой находки сохранилъ мѣстный обиватель г. Вейденталь“¹⁾.

„Тако-же и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“²⁾. Соответственно тому, находки монетъ римскихъ императоровъ въ нѣдрахъ земли Древлянъ и Полянъ также часты и изобильны, какъ въ нѣдрахъ земли Ляховъ.

По словамъ Чацкаго, почти ежедневно выпаживаютъ древнія римскія монеты, особенно въ Украинѣ и на Подольи. Иногда находятъ этихъ монетъ по нѣскольку сотъ въ одномъ горшкѣ или котлѣ.

¹⁾ Сообщение г. Будзинскаго, отъ 24 Февраля 1884 года, хранящееся при нашемъ собраніи древностей.

²⁾ П. С. Р. Л. I, 3.

Въ с. Городищѣ, вблизи Новграда Волицкаго, въ древнемъ окопѣ (городищѣ), было найдено нѣсколько сотъ римскихъ монетъ. Въ 1782 г., возлѣ Махновки, открыто 800 серебрянныхъ монетъ, изъ которыхъ три, поступившія въ собраніе Чацкого, были монеты Пертинакса ¹⁾).

По словамъ И. Фундуклея, золотыми и серебряными монетами римскихъ цезарей особенно изобилуютъ окрестности селенія Бирки, въ Чигиринскомъ уѣздѣ, расположеннаго на большихъ пескахъ; проливные дожди очень часто вымываютъ ихъ здѣсь изъ песчаныхъ прибрежій. Часто находятъ монеты римскихъ цезарей и въ другихъ мѣстностяхъ Чигиринскаго уѣзда ²⁾).

Въ 1841 году, въ Чигиринскомъ уѣздѣ открытъ кладъ серебрянныхъ монетъ, изъ котораго нѣсколько экземпляровъ доставленныхъ въ Имп. Арх. Коммисію, принадлежатъ императорамъ: Траяну, Адриану, Луцію Веру, Марку Аврелію и Коммоду ³⁾. Въ томъ-же уѣздѣ, въ селеніи Коссары, найдены монеты Адриана и Фаустины ⁴⁾).

„Въ 1880 году, около м. Дашева, Липовецкаго уѣзда, найдено нѣсколько римскихъ монетъ; изъ нихъ я видѣлъ двѣ: объ императора Траяна“ ⁵⁾.

„Въ 1883 году, у села Плоскаго, Сквирскаго уѣзда, найденъ кладъ, заключавшій въ себѣ болѣе 200 римскихъ монетъ; изъ нихъ мнѣ удалось приобрести для музея 10 экземпляровъ; онѣ начинаются съ Адриана и оканчиваются Пертинаксомъ: Адрианъ, Элій, Антонинъ, Маркъ Аврелій, Коммодъ и Пертинаксъ“ ⁶⁾.

„Въ 1876 году, въ Кіевѣ, на Оболони, найденъ кладъ, заключавшій болѣе 100 монетъ; онъ состоялъ изъ монетъ колоніальныхъ, Антиохіи Пизидской, съ Гордіана III до Авреліана, и монетъ римскихъ—сыновей Константина Великаго“ ⁷⁾.

¹⁾ Обзоръніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевск. губ.; стр. 7.

²⁾ Тамъ-же; стр. 7, 74.

³⁾ Дѣло Имп. Арх. Коммисіи за 1871 г.

⁴⁾ Сообщеніе г. Подбережскаго.

⁵⁾ Сообщеніе Профес. Кіевск. Унив. В. Б. Антоновича.

⁶⁾ Сообщеніе его-же.

⁷⁾ Сообщая объ этой находкѣ, В. Б. Антоновичъ замѣчаетъ слѣдующее: „кіевскій кладъ, открытый въ 1876 году,

„А друзіи (Славяне) сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи.“ „А друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверь.“ „Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ... Пришедша сѣдоста, Радимѣ на Сожю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи“¹⁾. Въ землѣ Дреговичей, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей находки римскихъ монетъ также обильны, кагъ въ землѣ Ляховъ, Бужанъ, Древлянъ и Полянъ.

Въ 1804 году, въ Могилевской губерніи, близъ города Климовичи, былъ открытъ кладъ, состоявшій изъ 1815 монетъ римскихъ императоровъ²⁾.

„Въ 1876 году, въ мѣстечкѣ Чернобылѣ (при впаденіи Припети въ Дибірѣ), Радомысльскаго уѣзда, былъ найденъ кладъ римскихъ монетъ, заключающій въ себѣ болѣе ста пьестъ, которыя разошлись по рукамъ; мнѣ случилось видѣть изъ нихъ три-четыре; онѣ относились къ императорамъ: Антонину, Марку Аврелію и Коммоду³⁾.

Въ 1873 году, возлѣ черниговскаго городища, найдены двѣ мѣдныя римскія монеты и двѣ серебряныя императоровъ Траяна, Адриана и Антонина Пія, поступившія въ нашу коллекцію древностей. Тамъ-же, при распашкѣ огорода, найдена одна мѣдная монета Діоклетіана.

Въ 1873 году, въ пяти верстахъ отъ города Нѣжина, близъ дороги на селеніе Пашковку, открытъ кладъ римскихъ монетъ, изъ котораго доставлено въ Имп. Арх. Коммисію 1312 экземпляровъ, принадлежащихъ слѣдующимъ императорамъ: Нерону, Домиціану, Нервѣ, Траяну, Адриану, Антонину Пію, Элію Цезарю, Луцію Веру,

составляетъ, очевидно, исключеніе, объясняющееся правдоподобно давними торговыми сношеніями съ Византією. Кромѣ этого клада, мнѣ не приходилось ни видѣть монетъ, ни слышать про монеты, найденныя въ нашемъ краѣ, которыя были бы старѣе Нервы и моложе Септимія Севера.“ Подлинникъ сообщенія хранится при нашемъ собраніи древностей.

1) П. С. Р. Л. I, 3, 5.

2) См. Дѣло Импер. Эрмитажа за 1804 г.

3) Сообщеніе В. Б. Антоновича.

Фаустинѣ старшей, Фаустинѣ младшей, Марку Аврелію, Криспинѣ, Луциллѣ, Пертинаксу и Септимію Северу ¹⁾).

Въ 1880 году найденъ горшокъ римскихъ серебрянныхъ монетъ въ Курской губерніи, въ Обоянскомъ уѣздѣ, у села Луневки. Пятнадцать экземпляровъ этого клада, доставленныхъ профессоромъ Лашкаревымъ въ музей древностей при Кіевской Духовной Академіи, относятся ко времени императоровъ: Траяна, Элія Луція Вера, Антонина Пія, Марка Аврелія, Коммода и Септимія Севера ²⁾).

Въ 1854 году, въ Калужской губерніи былъ открытъ кладъ римскихъ серебрянныхъ монетъ, изъ котораго 50 экземпляровъ представленныхъ мѣстному губернатору, принадлежали времени императоровъ отъ Веспасіана до Коммода ³⁾).

Въ 1875 году, въ Пензенской губерніи, Саранскомъ уѣздѣ, въ с. Лады, найденъ кладъ римской серебрянной монеты: Траяна, Адриана, Антониниовъ и Луциллы ⁴⁾).

Въ виду богатства матеріала, доставленнаго кладами, почитаемъ излишнимъ перечень множества находокъ въ нашей землѣ единичныхъ экземпляровъ римскихъ монетъ, относящихся къ той же исторической эпохѣ, которая такъ ясно очерчена кладами ⁵⁾).

¹⁾ Дѣло Имп. Арх. Коммисіи за 1873 г.

²⁾ Труды Кіевской Духовной Академіи, 1880 года, N. 8-й; стр. 585.

³⁾ Сообщение В. Г. Тизенгаузена, взятое изъ Отношенія Калужскаго губернатора къ Министру Удѣловъ.

⁴⁾ Голосъ за 1875 г. N. 210. Отчетъ Имп. Арх. Коммисіи за 1875 г., стр. XXXVI.

⁵⁾ Наиболѣе опредѣленные указанія на находки единичныхъ экземпляровъ римскихъ монетъ въ предѣлахъ древнеславянскихъ областей можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: *Байера*: Erläut. Preussen. I, 410; III, 404. *Крузе*: Budorgis; s. 87, 142—144, 150—151. Его-же: Necrolivonica. Beil. D; s. 3—6: Busching Wöchentl; Nachrichten. B. IV. *Миллеръ*: Samml. Russ. Gesch. IX, 56, 57. Archiv. f. Antropol. X, 305. Mém. de la Soc. Arch. III, 255. *Лелевель*: Bałwochwalstwo Sławian, 142, 146. *Мацейевскій*: Pierwotne dzieje Polski i Litwy, 603. *Крашевскій*: Sztuka u Słowian, 51, 152, 153. *Садовскій*: Drogi Handlowe, 74—81. Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. I, 315; III, 184,

Изложенные факты говорятъ ясно.

Клады римскихъ монеть, открытые по настоящее время въ землѣ древней Руси и Польши, за исключеніемъ одного кievскаго, необыкновенно однородны по содержанію и относятся только ко II столѣтію послѣ Рождества Христова. Они заключаютъ въ себѣ исключительно римскія монеты, тогда какъ въ кладахъ предыдущей и послѣдующей эпохъ постоянно встрѣчаются монеты различныхъ государствъ ¹⁾. Слѣдовательно, сами клады II вѣка по-

185. Записки Рус. Археол. Общества. IV, 3, 4, 18, 19, 150. — П. Семенова: Географ. Словарь; II, 805; IV, 27; Рус. Ист. Сборникъ; III, 125. Труды Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос. VIII, 148. Труды Перваго Арх. Съѣзда; 659, 752. Отчетъ Импер. Арх. Коммисіи за 1866 г., XIX. Вѣст. Европы за 1804 г., ч. XVIII; N. 22, стр. 127. Сѣверная Пчела за 1851 г. N. 132. Семеновскаго: Путев. замѣтки по Полтавской губѣрніи. Похилевича: Сказанія, 36. — Оканчивая обзоръ фактическаго матеріала по вопросу о количествѣ римскихъ монеть, открытыхъ въ предѣлахъ древнеславянской земли, считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь глубокую признательность лицамъ, помогшимъ намъ собрать свѣдѣнія по этому, такъ важному для славянской исторіи вопросу: Дѣйствительному Члену Императорской Археологической Коммисіи В. Г. Тизенгаузену; Профессору Кіевскаго Университета В. Б. Антоновичу; Лектору Варшавскаго Университета І. Шиборовскому; Директору выставки древностей въ Варшавѣ Г. Бизіе; Помѣщику Сѣдлецкой губ. В. Шанявскому; Помѣщику Калишской губ. г. Тачановскому; Члену Врачебной Управы города Ломжи А. Будзинскому и Студенту Варшавскаго Университета С. Кленовскому.

¹⁾ Такъ напримѣръ, кладъ Шубинскій, относимый къ IV вѣку до Р. Х., состоявшій только изъ 39 экземпляровъ, заключалъ въ себѣ монеты Афинъ, Эгины, Ольвіи и Сициліи. См. D. K. Levesov: Ueber mehrere in G. Posen gefundene uralte griech. Münzen. Berlin. 1834. Въ кладѣ Кіевскомъ, вмѣстѣ съ римскими монетами сыновей Константина Великаго, были монеты колониальныя, Аптіохіи Пизидской. Въ кладахъ позднѣйшихъ столѣтій, рядомъ съ монетами восточныхъ государствъ, постоянно встрѣчаются монеты византійскія, пѣмецкія, франкскія, англо-саксонскія, шведскія, славянскія, болгарскія, симаидскія и пр. Такъ напримѣръ: „близъ города Владиміра

ложительно говорить о себѣ, что они не торговаго происхожденія. Если-бы клады этого времени были обязаны своимъ происхожде-
ніемъ греческимъ и римскимъ купцамъ, то въ нихъ непремѣн-
но были бы и греческія монеты; а мѣжду тѣмъ, во всѣхъ кладахъ
II вѣка, до сихъ поръ открытыхъ, не встрѣчено *ни одного экзем-*
пляра монетъ греческихъ.

на Клязьмѣ открытъ былъ въ одномъ могильномъ курганѣ
кладъ, заключавшій въ себѣ, кромѣ куфическихъ монетъ,
серебряныя нѣмецкія деньги императоровъ Оттона II, Оттона
III и Гейнриха.“ См. П. С. Савельева: Мухаммед. Нумизм.;
стр. 18. Въ 1842 году, въ Познани, въ Оборникскомъ округѣ,
близъ городка Обржицко, на рѣкѣ Вартѣ, вырытъ былъ
глиняный горшокъ, наполненный серебряными вещами и мо-
нетами. „Количество монетъ 508 экземпляровъ, между ко-
торыми были: римскія — Антонина Пія и Феодосія Велика-
го; нѣмецкія — 914—983 годовъ; французскія — 956 года;
итальянская — 950 года; византійскія — Романа I, Констан-
тина Порфиророднаго, Стефана, Романа II, Никифора Фоки,
и Иоанна Цимисхія; наконецъ, болѣе 100 восточныхъ: сасаній-
скія, индустанская, уммеядская, аббасидскія, саманидскія и
бுவейгидскія.“ Тамъ-же, 166, 167. Въ 1845 году, открытъ
кладъ на островѣ Готландѣ, состоявшій изъ монетъ византій-
скихъ, шведскихъ, ирландскихъ, датскихъ, англо-саксонскихъ,
германскихъ и восточныхъ: уммеядскихъ, аббасидскихъ, саса-
нидскихъ, тагиридскихъ, саманидскихъ, зияридскихъ, бувей-
гидскихъ, хамданидскихъ, икшидидскихъ, окайлидскихъ и мер-
ванидскихъ. Тамъ-же, 165. Въ 1818 году, на р. Вартѣ, близъ
Гралова, найденъ кладъ изъ монетъ нѣмецкихъ, вендскихъ,
византійскихъ и куфическихъ. Тамъ-же, 93. Въ Стенгузенѣ,
подъ Висмаромъ, былъ найденъ кладъ, состоявшій изъ рим-
скихъ и восточныхъ монетъ.“ Тамъ-же, 95. И т. д. См. еще
Мухам. Нумиз. стр. 4, 8, 30, 32, 38, 58, 59, 64, 65, 76, 77,
86, 87, 88, 157 и др. Въ варшавской выставкѣ г. Бизіе, подъ
N. 214, значится болѣе 100 цѣльныхъ и поломанныхъ мо-
нетъ изъ клада, открытаго въ 1876 году въ В. К. Познанскомъ,
въ имѣніи Гослинѣ, принадлежащемъ г. Лончковскому. Кладъ
этотъ состоялъ изъ серебрянныхъ вещей, подобныхъ вещамъ
смоленскаго клада (см. Прохорова: Ист. Рус. одеждъ, стр 46)
и слѣдующихъ монетъ: римской—Антонина, византійскихъ,
нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ, славянскихъ и восточныхъ.—

Клады римскихъ монетъ встрѣчаются *только въ централь-
ныхъ областяхъ Европы*, по сказанію славянской лѣтописи, заня-
тыхъ первоначально Славянскими колонистами, оставившими ихъ при-
дунайскую прародину въ эпоху владычества тамъ Волоховъ. Только въ
землѣ древнихъ Ляховъ, Лутичей, Мазовшанъ, Поморянъ, Дулебовъ,
Древлянъ, Полянъ, Сѣверянъ, Дреговичей, Радимичей и Вятичей, от-
крываютъ римскія монеты сотнями и тысячами экземпляровъ. Что-же
касается остальныхъ областей варварскаго міра Европы эпохи Рим-
лянъ, Новороссіи, Земли войска донскаго, Приволжскаго края, сѣ-
верной Россіи, Скандинавіи, Даніи, Германіи, Франціи, то въ нихъ
римскія монеты или совсѣмъ не встрѣчаются, или встрѣчаются
очень рѣдко, и только единичными экземплярами, а не кладами ¹⁾.
Вполнѣ естественно объясняютъ этотъ фактъ только свидѣтельства
римскихъ историковъ о выселеніи гето-дакійскихъ племенъ за Кар-
паты въ эпоху владычества надъ ними Римлянъ и свидѣтельства
рускаго лѣтописца о первоначальной колонизаціи Славянъ изъ об-
ластей придунайскихъ въ центральныя области Европы въ эпоху
завоеванія ихъ Волохами. Очевидно, гето-дакійскія или славянскія
племена, оставляя прародину, продали свое громоздкое, тяжелое иму-
щество Римлянамъ, переведеннымъ и переселившимся изъ другихъ
областей Римской имперіи въ Дакию, а деньги римскія унесли съ
собою на берега Одера, Вислы, Буга, Нѣмана, Припети, Днѣпра,
Десны, Сулы, Сейма, Сожи и Оки.

Монеты римскихъ императоровъ *отъ Нервы до Септимія Се-
вера* открываютъ въ нѣдрахъ земли русскихъ и польскихъ Славянъ
сотнями и тысячами. Мы перечислили только клады римскихъ
монетъ, открытые въ нашемъ столѣтіи, преимущественно за два по-
слѣднія десятилѣтія. Но собранные нами факты далеко не исчер-

¹⁾ Въ частности о прибалтійскихъ областяхъ, Швеціи
Норвегіи, Даніи и Германіи, г. Лебебура, собравшій все из-
вѣстія о денежныхъ кладахъ, открытыхъ тамъ до 1840 г., го-
воритъ слѣдующее: „въ осматрѣнныхъ нами прибалтійскихъ
странахъ, богатыхъ кладами съ восточными деньгами, напро-
тивъ того, *римскія монеты принадлежатъ къ числу величай-
шихъ рѣдкостей*.“ См. Мухам. Нумизматика; стр. 79.

пываютъ собою всѣхъ находокъ и за этотъ періодъ времени, потому что извѣстія о находкахъ древностей вообще и въ частности римскихъ монетъ разбросаны во множествѣ изданій, собрать которыя въ полности невозможно; многіе клады древнихъ монетъ попадаютъ не въ музеи, а въ плавильные горшки евреевъ и переливаются въ слитки металла; о такихъ случаяхъ знаетъ каждый собиратель древнихъ монетъ. Если-же въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій открыты случайно десятки кладовъ, заключавшихъ въ себѣ сотни и тысячи монетъ римскихъ императоровъ отъ Нервы до Септимія Севера, то сколько ихъ было открыто и перелито въ слитки металла въ теченіи 1700 лѣтъ, протекшихъ со времени первоначальнаго водворенія Славянскихъ колонистовъ въ центральныхъ областяхъ Европы до нашего времени? Сколько ихъ еще остается въ землѣ? Примите въ соображеніе и то обстоятельство, что не всѣ монеты, вынесенныя Славянами изъ придунайской прародины, были зарыты въ землю ихъ новой родины и остались въ ней за неожиданною смертію владѣльцевъ. Вѣроятно, большая часть монетъ была утилизирована владѣльцами, перелита въ слитки, украшенія и пр. Не даромъ могилы славянской эпохи въ центральныхъ областяхъ Европы отличаются богатствомъ и разнообразіемъ серебряныхъ предметовъ, такъ рѣдко встрѣчающихся въ могилахъ скифской эпохи.

Римскія монеты со времени Септимія Севера до времени паденія западной Римской имперіи, встрѣчаются въ землѣ польскихъ и русскихъ Славянъ только отдѣльными экземплярами, очень рѣдко, сравнительно съ монетами отъ Нервы до Септимія Севера. Этотъ фактъ замѣченъ и другими собирателями и исследователями древностей славянской земли. По наблюденіямъ г. Шанявскаго, въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ очень часто встрѣчаются только монеты Траяна, Адриана и Антониновъ. По сообщенію г. Будзинскаго, въ Ломжинской и Гродненской губерніяхъ встрѣчается очень много римскихъ монетъ, изъ которыхъ древнѣйшія Нервы, а новѣйшія Марка Аврелія. В. Б. Антоновичу, много работающему надъ изученіемъ древностей славянской земли, не приходилось видѣть монетъ новѣе Септимія Севера, найденныхъ въ нашихъ краяхъ; не случалось ему и слышать о находкахъ такихъ монетъ. Этотъ фактъ говоритъ намъ, что *въ эпоху Септимія*

Севера прекратилось выселеніе гето-дакійскихъ племенъ изъ областей придунайскихъ въ центральныя области Европы.

Римскія монеты отъ Нерона до Нервы встрѣчаются въ кладахъ только исключительными, рѣдкими, единичными экземплярами; а монеты со времени Нервы до Септимія Севера насчитываются въ нихъ сотнями и тысячами. Слѣдовательно, клады римскихъ монетъ время колонизаціи гето-дакійскихъ племенъ въ центральныя области Европы ограничиваютъ съ одной стороны эпохою Септимія Севера, а съ другой эпохою Траяна. Присутствіе же въ кладахъ монетъ отъ Нерона до Нервы естественно объясняется тѣмъ, что въ эпоху выселенія гето-дакійскихъ племенъ, отъ Траяна до Септимія Севера, еще обращались въ Римской имперіи монеты предшествующихъ императоровъ, какъ у насъ, напримѣръ, при Александрѣ III, во всеобщемъ обращеніи монеты Александра II и Николая I, а въ ларяхъ бережливыхъ и зажиточныхъ людей легко встрѣтить и монеты Александра I, даже Павла I и Екатерины II.

Изложенными фактами начало исторіи русскихъ и польскихъ Славянъ опредѣляется вполне ясно: расселеніе Праславянъ во II вѣкѣ изъ областей древней Скифіи въ центральныя области Европы, въ слѣдствіе натиска Римлянъ, связанное съ разрывомъ колонистовъ географическимъ и политическимъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ этнографическое образованіе повѣйшихъ славянскихъ народностей.

Никакая критика теперь не въ состояніи будетъ заподозрить источники и устранить научную разработку перваго періода исторіи Русскихъ Славянъ, со времени римскаго императора Траяна до времени новгородскаго князя Рюрика. Начало русской исторіи положительно обозначено на монетахъ римскихъ императоровъ, оставленныхъ первоначальными славянскими колонистами на побережьяхъ Диѣпра, Припети, Десны, Сейма, Сожи и Оки. Русскій историкъ имѣетъ полную возможность слѣдить исторію его предковъ со II вѣка по X вѣкѣ включительно, на основаніи богатыхъ матеріаловъ, сохранившихся въ древнеславянскихъ кладбищахъ и селитбахъ (городищахъ), отличить которыя теперь легко при посредствѣ римскихъ монетъ и другихъ римскихъ издѣлій. Въ распоряженіи славянскаго историка громадный, положительный матеріалъ, изъ котораго возможно и должно построить положительную науку.

По принятому нами обыкновенію, выразимъ результаты предложеннаго изслѣдованія о происхожденіи Русскихъ Славянъ въ краткихъ положеніяхъ.

Области Европы, занятыя Ляхами, Бужанами, Древлянами, Полянами, Дреговичами, Сѣверянами, Радимичами и Вятичами, въ эпоху Геродота представляли собою пустыни, отдѣлявшія владѣнія скифскихъ и германскихъ народовъ отъ владѣній финскихъ народовъ ¹⁾.

Пораженіе Парлатовъ Филиппомъ Македонскимъ открыло путь движенію сарматскихъ племенъ въ предѣлы Царской Скифіи и смѣшенію скифскихъ племенъ съ сарматскими въ надпонтійскихъ областяхъ.

Паденіе главенства Парлатовъ имѣло своимъ послѣдствіемъ образованіе новой скифо-сарматской державы въ предѣлахъ древней Скифіи, между нижними теченіями Дуная и Днѣпра, по имени главнаго племени, названнаго Греками царствомъ Гетовъ, а Римлянами царствомъ Даковъ.

Въ I вѣкѣ царство Гетовъ или Даковъ достигаетъ высокой степени могущества и вступаетъ въ борьбу съ Римскою имперією. Эта борьба оканчивается въ началѣ II вѣка обращеніемъ гето-дакійскаго царства въ римскую провинцію подъ именемъ Дакии.

Завоеваніе царства Гетовъ или Даковъ Римлянами вызвало колонизацію гето-дакійскихъ племенъ въ центральныя области Европы, на побережья Вислы, Буга, Припети, Днѣпра, Десны, Сейма, Сожи и Оки.

Въ новой родинѣ гето-дакійскія племена получаютъ новое общее имя—Славянъ и новыя частныя или мѣстныя имена—Ляховъ, Лутичей, Мазовшанъ, Поморянъ, Древлянъ, Полянъ, Сѣверянъ и пр.

¹⁾ Причину необитаемости сказанныхъ областей въ эпоху до Р. Х. объясняетъ намъ Юлій Цезарь слѣдующими словами: „publice maximam putant esse laudem, quam latissime a suis finibus vacare agros: hac re significari, magnum numerum civitatum suam vim sustinere non posse. Itaque una ex parte a Suevis circiter millia passuum DC agri vacare dicuntur.“ De Bello Gallico; IV, 3. Эта пустыня въ 600 миль простиралась на востокъ отъ р. Эльбы, составлявшей границу владѣній Свевовъ. Ср. Геогр. Страбона; кн. VII, гл. I, п. 3.

